

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ

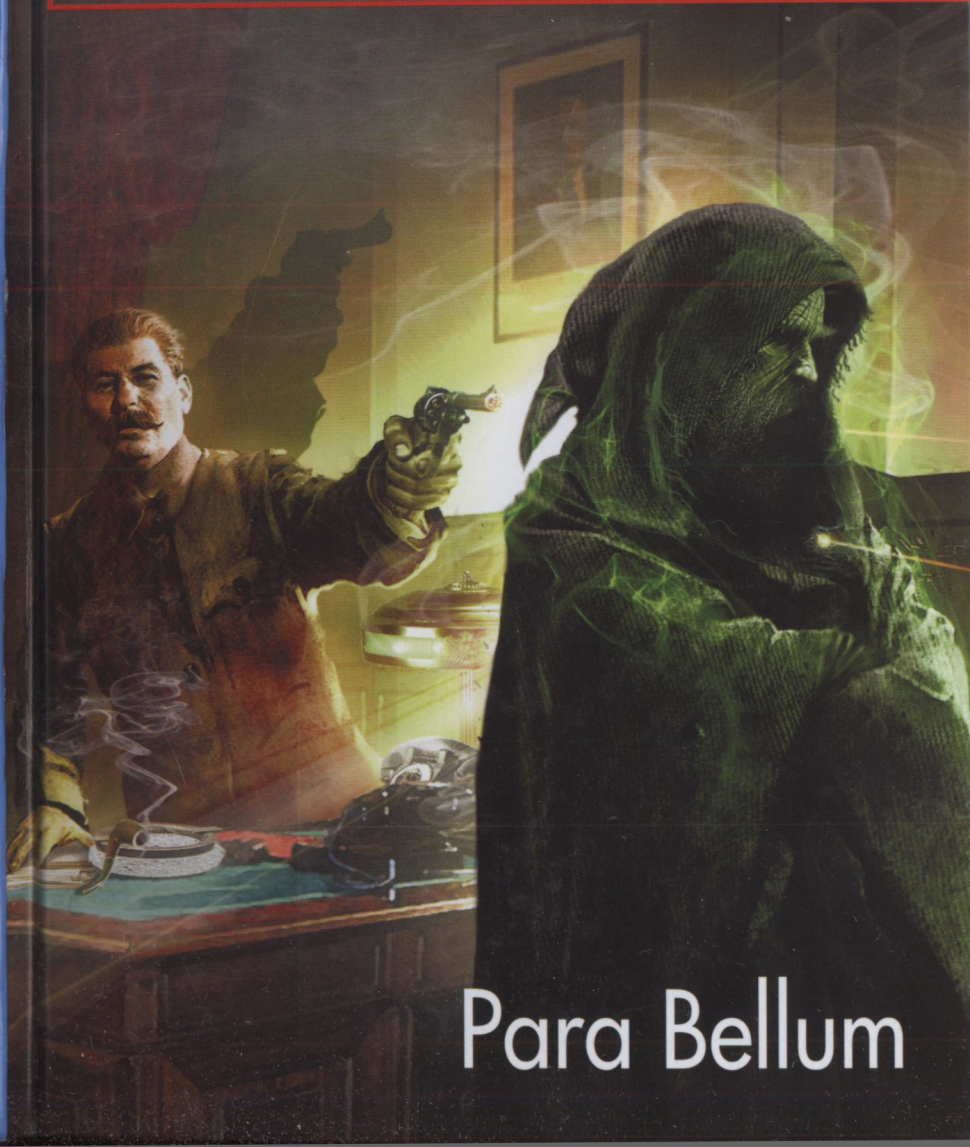
Para Bellum

ЭКСМО

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ

Para Bellum

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ,
ГЕННАДИЙ
ХАЗАНОВ

Para Bellum

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-45

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Звягинцев, Василий Дмитриевич.

З-45 Pax Bellum : телероман / Василий Звягинцев, Геннадий Хазанов. — Москва : Эксмо, 2015. — 736 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-78953-5

Действия Андреевского Братства нарушили «гармонию сфер», которую даже в своем непримиримом противостоянии пытались сохранить аггры и форзейли, превратили отдельные реальности в «обитаемые острова», разделенные океаном времени и законов Вселенной, изменив в них течение событий и поведение ключевых персонажей. Но любой шторм когда-то кончается, и волны стихают. Что остается на берегу? Какой импульс может предотвратить, например, великую войну, а какой окажется недостаточным, и история вернется в прежнее русло? 1941 год. Советский Союз. Попытка устранить Сталина. Ошибка или спасение? И какова цена этого опыта, проведенного над временем, страной, тысячами людей?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Звягинцев В., Хазанов Г., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78953-5

ПРОЛОГ

Мужчина лет тридцати пяти, высокий, с правильными, твёрдыми чертами лица, одетый в элегантный светло-серый костюм модного в Европе где-то в конце тридцатых годов XX века «спортивного стиля», открыл массивную деревянную дверь. Дубовые доски этой двери, словно в старинных теремах, были стянуты фигурными железными накладками, вместо ручки имелось массивное, тоже кованное из железа кольцо.

Вошедший на секунду приостановился на пороге с таким видом, будто совсем не ожидал увидеть то, что представилось его взору.

Удивление вызвал не сам зал с четырёхметровыми потолками, подкреплёнными грубо тёсанными балками с подкосами, большой, в рост человека, горящий камин у левой стены, три окна с подёрнутыми ледяными узорами стёклами; в простенках остеклённые шкафы и открытые стеллажи, забитые книгами без видимого порядка, где тома с золочёными корешками соседствовали с дешёвыми изданиями в мягких обложках и переплетёнными кое-как подшивками журналов; у глухих стен пирамиды с многочисленными, сразу видно, что очень не рядовыми, винтовками и ружьями; посередине массивный, нарочито одним топором сделанный стол, за которым могли бы пиршествовать до двадцати человек, сейчас весьма скромно накрытый только на двоих, — а сидящая у его торца чрезвычайно красивая дама лет несколько ближе к сорока, чем к тридцати, подпирающая кулаком под-

бородок, которую вошедший мужчина совсем не ожидал здесь увидеть. Верховный координатор резидентуры Межзвёздной конфедерации на Земле, Дайяна, столь же недостижимая для прямого общения рядовым агентам, как в Советской стране товарищ Сталин простым трудящимся. Известно, что существует, и руководящие указания регулярно доходят до каждого, и почти никогда не спит, думая о благе народа, но увидеть лично, кроме как в кинохронике, — исключительное везение. Или — совсем наоборот.

Визитёр ожидал чего-то совсем другого, получив приказ явиться на межвременную базу, расположенную и в нескольких шагах, и в нескольких десятках световых лет от его резиденции в центре Москвы. Не говоря о совершенно несоотносимых временных единицах с тысяча девятьсот тридцать восьмым годом Главной исторической последовательности летоисчисления от Рождества Христова. Координатор второго ранга Валентин Лихарев никак не думал, что лично, не на экране блок-универсала удостоится встречи с Высочайшей.

Было у неё, само собой, и другое имя, и другая исходная внешность, только никто из «человекообразных» сотрудников достоверной информации об этом не имел. Одни лишь осторожные слухи.

Сейчас, впрочем, никаких следов величия в ней не просматривалось. Женщина и женщина, пусть очень красивая, но явно чем-то утомлённая и даже угнетённая. Валентин не бывал в восьмидесятых и даже в шестидесятых годах, где её облик вполне соответствовал эстетическому канону, поэтому не до конца понял ситуацию. С таким лицом и в таком антураже Повелительница времён не должна появляться перед нижестоящими.

Повинуясь её взгляду, он сделал несколько шагов и сел напротив, через один стул от угла. Это соответствовало этикету.

— Удивлён? — спросила Дайяна, едва заметно улыбнувшись. Голос у неё был приятный, но чуть низковатый для привыкшего к иной, пронзительной тональности голосов женщин тридцатых годов Валентина.

Ответа вопрос явно не требовал. Удивлён, не удивлён, кого интересует его состояние. Дайяна поняла смысл неопределённой реакции агента.

— Не стану вдаваться в подробности, это отнимет слишком много времени...

Она сделала паузу.

— Впрочем, что такое время, особенно сейчас? Видишь ли, случилось нечто совсем неожиданное. Наши извечные враги-соперники, ты знаешь, о ком я говорю, вступили в комплот с несколькими землянами, из тех самых, возможных кандидатов в Держатели мира, ради пресечения потенциала которых мы и работаем здесь, в десятке Реальностей, от Древнего Египта до Страны победившего социализма...

— И что? — аккуратно спросил Лихарев. Степень его удивления, чтобы не сказать резче, за время, пока он слушал Высочайшую, дошла до крайнего предела. Однако подготовка, полученная сначала в школе инопланетных разведчиков, а потом в Российском Императорском Пажеском корпусе, советской ВЧК, а позже ОГПУ и Особом секторе ЦК ВКП (б), позволила ему сохранить спокойное, даже безразличное выражение лица и тональность голоса.

— Эти... форзейли с помощью землян сумели пронести на нашу Базу на Таорэре «информационную бомбу», взрыв которой, по их расчётам, должен был отсечь ту Реальность, что они считают расположенной на Главной исторической последовательности, от контролируемой нами Вселенной...

— И что? — снова повторил Лихарев. Он был опытный царедворец, за пятнадцать лет даже у товарища Сталина, с которым контактировал ежедневно

и по самым деликатным вопросам, не вызвал ни малейшего неудовольствия. Сейчас ситуация не предполагала с его стороны лишних вопросов. Высочайшая сама позвала, сама и скажет.

— А то, что они очень сильно ошиблись. Бомба-то сработала, и та Земля, где они это сделали, потеряла всякую связь с нашими мирами и с нашей Реальностью. Казалось бы, они выиграли. Но на самом деле проиграли, потому что и сами исчезли из своей реальности. Теперь мы все как на необитаемом острове.

— А лично ко мне это какое имеет отношение? — осторожно спросил Валентин, на самом деле не очень понимая, каким образом акция, предпринятая совершенно абстрактным неприятелем (вроде Сатаны для францисканского монаха), может повлиять на его собственную, вполне материалистическую жизнь в тысяча девятьсот тридцать восьмом году, где как раз начали разворачиваться очень интересные события.

— Не думала, что у меня такие ограниченные координаторы здесь работают, — с печальной улыбкой сказала Дайяна, взяла со стола пачку сигарет «Ротманс», несколько нервно прикурила, повернувшись к камину и выпустив дым в сторону высоких языков пламени. — Нам конец, ты это в состоянии понять? Нет больше Проекта, Программы, связи с Родиной, смысла жизни тоже. И ты даже к себе, в свою реальность больше не вернёшься. Её тоже нет. Нет ни одной Параллели.

— А что есть? — пренебрегая субординацией, которая, исходя из вышесказанного, тоже утратила смысл, спросил Лихарев.

— Да вот мы с тобой, эта База и, наверное, та реальность, которая возникла. В ней и придётся устраиваться, позабыв обо всём прочем...

— Вы совершенно в этом уверены?

— Более чем. Все известные реальности горят как свечки, подожжённые с двух концов. Уже два дня

я чувствую, что теряю память о многом, об очень многом... Скоро я превращусь в самую обычную бабу, тысяча такого-то года рождения, никогда не слышавшую о множественности миров. Как до Джордано Бруно...

— По-моему, вы преувеличиваете. Я имею некоторое представление об информационном оружии форзейлей. Оно не может вызвать таких последствий. Конечно, побочные волны могут возникнуть, но... Даже самый сильный шторм обязательно заканчивается, и опять наступает штиль... Давайте потерпим немного. Здесь-то нам ничего не грозит? А там видно будет. Вы сейчас из какого года сюда пришли?

— Из восемьдесят пятого. И имею информацию, что в две тысячи пятнадцатом от нашего дела не осталось и следа...

— Ну так у меня в тридцать восьмом всё обстоит нормально, сорок лет в запасе. А за это время много чего может случиться. Стоит ли так уж беспокоиться?

Женщина тяжело вздохнула. Бросила недокуренную сигарету в камин, тут же схватила вторую.

— Плохо же мы вас учили. Очень плохо. Я же сказала — свечка горит с двух концов. И нет больше никакого вашего времени. И никакой Исторической последовательности. Теперь уже неизвестно, что происходит или может произойти хоть в тридцать восьмом, хоть в двадцатом, хоть в моём восемьдесят пятом. Везде и вокруг непонятно что. И обязательно будет ещё хуже...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛОВЕЦ ЧЕЛОВЕКОВ

ГЛАВА 1

Товарищ Сталин поднял голову, посмотрел на высокие напольные часы с мерно качающимся маятником. Без двенадцати минут полночь. Можно работать ещё часа два-три. Дел невпроворот. Железнодорожники докладывают, что западное направление перегружено, опасаются разрушения путей, предупреждают о возможности крушений. Значит, надо снизить количество перевозок в западном направлении. Военные сообщают, что комплектующие к технике, горючее и боеприпасы не доставляются вовремя. Боевые машины концентрируются на границе, но без бензина, снарядов и патронов к пулёметам они — металлолом. Значит, надо увеличить количество перевозок в западном направлении. И как это увязать? Есть проблемы с обеспечением продовольствием, связью. А ещё необходимо разбираться с перспективами сельского хозяйства. Господи, да с чем в этой стране разбираться не надо!

Лампа под зелёным, полезным для глаз, как утверждали врачи, абажуром бросала круг света на разложенные на столе бумаги. В остальном помещении, сгущаясь к углам, царил полумрак. Вождь любил такое освещение. Но сегодня работа не шла.

Не нравилось Иосифу Виссарионовичу в новом кабинете. Хотя Лаврентий сделал всё, чтобы привычная

обстановка не нарушилась. Стол и жёсткое кресло вождя поставили на то же место, где их привыкли находить приглашённые. Думали, конечно, не о посетителях. Главное, чтобы Хозяин видел каждого входящего, просто подняв глаза от бумаг и не вертя головой.

В маленькой комнате отдыха за перегородкой разместилась узкая койка, застеленная солдатским одеялом. Крохотная душевая, совмещённая с туалетом, тоже ничем не отличалась от такого же помещения в прежнем, обжитом за пятнадцать лет кабинете. Даже старую ковровую дорожку перенесли, хотя она была изрядно вытерта тысячами подошв «вождей» всех рангов. И всё равно под высоким потолком нового кабинета Сталин чувствовал себя неуютно.

Может быть, временному рабочему месту не хватало пропитавшего драпировки и, кажется, сами стены запаха трубочного дыма? Или прав Лаврентий — просто накопилась усталость и, сам того не замечая, Иосиф стал капризничать? Если так, это совершенно непростительно. Надо взять себя в руки. Неделя не такой уж большой срок. Зато, по уверениям бериевских технарей, кабинет и новая система телефонной связи главы партии и государства станут абсолютно защищёнными от любых попыток прослушивания. («Это я плохо подумал, — остановил себя Иосиф, — «абсолютно». Есть ведь русское слово «совершенно». Нечего поощрять иностранщину».)

Иосиф Виссарионович бросил двуцветный красно-синий карандаш на отчёт Наркомата путей сообщения и встал из-за стола. Хотелось курить, но лекари пугали инсультом. Инфаркт ещё куда ни шло. Либо скопытишься сразу, либо останешься нормальным человеком, а не растением, как этот... Усилием воли Коба отогнал видение костлявого черепа, бессмысленных глаз и свалявшихся усов и бородки Ильича в последние дни. Нет уж, лучше сдохнуть сразу...

Сталин обошёл стол, взял в левую руку трубку и стал неторопливо набивать её табаком. Таким нехи-

трым способом он обманывал сам себя, тянул время, чтобы не глотать сизый дымок слишком часто. Второй хитростью было спрятать спички — длинные, так называемые каминные. Подхалимы привезли из Англии. Иногда вождь даже откладывал приготовленную трубку, приказывал себе забыть о ней. Детская игра с самим собой забавляла, заставляла снисходительно усмехаться в усы: даже у стальных людей должны быть свои маленькие слабости. Только никто о них не должен догадываться.

Присутствие чужого он ощутил спиной, звериным чутьём, которое выработалось ещё в начале века, когда часто приходилось скрываться в горах после «эксов», переправляя «на север» хурджины с банковскими купюрами. Последний раз в шестом году, тогда взяли двести пятьдесят тысяч большими «катьками»-сторублёвками. Ох, как тогда бесилась, «землю рыла» охранка. Да и обычные абреки, узнай про эти мешки, не задумываясь, пустили бы пулю в спину. «Никакой, понимаешь, воровской солидарности». Так что наган и маузер стали привычнее, чем ложка или даже карандаш.

Сейчас люди Власика и Берии охраняют своего хозяина плотно. Правда, приёмной с секретарём перед его временным пристанищем не оборудовали. Неподходящая, понимаешь ли, планировка. Верный Поскрёбышев остался на постоянном месте, вызвать его можно только по телефону. Но у дверей кабинета и за каждым поворотом длиннейшего коридора расставлены парные посты. Один боец от НКВД, другой — от армейской охраны. Так что никто не может появиться в кабинете вождя без доклада. И всё же Коба чувствовал, что в комнате кто-то есть. Ему стало страшно, а ещё точнее — жутко.

Медленно, бесшумно ступая мягкими ичигами, Иосиф Виссарионович обошёл стол, стараясь не поворачиваться к незваному гостю лицом. Пусть тот думает, что товарищ Сталин ничего не почувствовал.

Страх сменился жестоким азартом. Они думают, будто товарищ Сталин утратил навыки боевика? Они считают товарища Сталина кабинетным сидельцем? Коба не поднимал головы, продолжал заталкивать табак в жерло трубки. Боком присел на кресло, пошарил рукой по столу, будто бы отыскивая спички. Не нашёл, мотивированно открыл ящик стола, не торопясь сунул правую руку внутрь, нащупал потёртую рукоять револьвера. Теперь можно не спеша оглянуться, поднять глаза на незваного гостя. Если он сразу не выстрелил в спину, значит, это не покушение?

Человек, который стоял в трёх шагах сзади и справа, был одет в выцветший широкий плащ с пятнами плесени. Большой капюшон полностью покрывал голову. В зеленоватой полутени от абажура лампы лицо, изрезанное глубокими морщинами, казалось почти чёрным. Складки кожи светились, как на иконах Феофана Грека и других исихастов.

— Не бойся, смертный, — пророкотал глубокий бас. — Я не причиню тебе вреда.

— Я и не боюсь, — хрипло сказал товарищ Сталин, криво улыбнулся и вынул из ящика руку с уже взведённым наганом.

— Оружие против меня не нужно, — снисходительно произнёс чужой. — Я пришёл предупредить тебя...

Он сделал долгую паузу. Иосиф Виссарионович тоже молчал. Наконец заговорил визитёр: «Мане, Такел, Фарес написано на стенах твоего дворца. Грядет большая война. Империя будет повержена. И твоя участь будет ужасной. Готовься!»

Голос звучал ровно, без интонаций. От этого слова становились непререкаемыми, как приговор высшего суда.

Носитель плаща повернулся и шагнул к выходу.

Сталин не мог вздохнуть. Сердце заняло всю грудную клетку, гулко и больно толкалось в рёбра. Каждый удар тяжело отдавался в голове. Глаза заволакивала коричневатая пелена.

«Так и случается инсульт», — подумал вождь.

Сильнейшим усилием воли он поднял руку на уровень глаз и дважды нажал на спуск.

Вождь видел, как появились и даже затлели по краям пробоины на выцветшей ткани плаща незнакомца.

Выстрелы прозвучали удивительно глухо, как через подушку. Призрак неторопливо обернулся:

— Я же предупредил тебя, смертный, против меня ваше оружие бесполезно...

Голос у него был по-прежнему низким, но каким-то бесцветным при этом. Не ускоряя движений, призрак дошёл до двери, толкнул её и вышел в коридор.

Сталин бросил на стол наган, прижал рукой рвущееся на волю сердце. На подгибающихся ногах он както добежал до медленно возвращающейся на место двери. Выцветший плащ был ещё виден слева, в двух шагах от первого поворота. Миг, и он скроется в лабиринтах бесчисленных переходов древнего Кремля.

Часовые замерли по сторонам от входа, с отсутствующими лицами, не «держа винтовки у ноги», а, скорее, опираясь на них.

— Шэни деда! — выкрикнул Сталин в лицо сержанту справа. — Что смотришь, придурок, стреляй!!!

Боец словно очнулся от сталинского бешеного крика, да он и вообще впервые услышал голос вождя. Глаза вдруг стали осмысленными, увидели спину призрака. Сержант вскинул к плечу «драгунку».

— Огонь! — подтвердил Сталин команду с непечатным дополнением.

Винтовочный выстрел стегнул по ушам, как бичом. Взвизгнула пуля, отскакивая от несокрушимой стены. Таинственный визитёр скрылся за поворотом раньше, чем охранник успел передёрнуть затвор.

Охранник, бухая сапогами, рванулся вперёд, добежал до угла и увидел, что коридор пуст.

А второй только начал «просыпаться», недоумённо тараща круглые глаза на Сталина.

Иосиф Виссарионович, чувствуя, что язык плохо ему повинуется и пол под ногами ощутимо покачивается, всё же вяло и неостроумно выругался, словно забыв всё богатство тюремно-каторжной лексики. Кое-как добрёл до койки в «комнате отдыха» и с трудом сел, а не упал на неё. С недоумением посмотрел на стиснутый пальцами наган, медленно положил его рядом с тощей подушкой.

...Поскрёбышев примчался почти мгновенно, за ним, на звук выстрела, разводящий караула. Берия появился только минут через десять, но зато в сопровождении целой стаи врачей кремлёвского Лечсанупра, в медицинских халатах разной степени накрахмаленности и наглаженности. В зависимости от должности и специальности. Иосифа Виссарионовича наскоро осмотрели и прослушали стето- и фонендоскопами сразу с нескольких сторон, потом, несмотря на его протесты, бережно переложили с койки на носилки, и крепкие санитары бегом рванули к центральной лестнице, ухитряясь при этом нести пациента так аккуратно, что, держи он стакан в руке, не расплескалось бы ни капли.

Лаврентий, кусая губы и преувеличенно громко вздыхая, трусил рядом, держа вождя за руку. Обычно замкнуто-хищное лицо его было сейчас белым и потерянным. Щёку дёргал тик, пенсне сидело криво, грозя вот-вот свалиться.

Сам кабинет вождя и его окрестности заполнили люди в штатском и форме. Одни выковыривали из стены пулю постового, другие растягивали рулетку, по сантиметрам измеряли путь от стола Иосифа Виссарионовича до поворота, за которым растворился призрак. Третьи тут же, на месте взяли в оборот обоих бойцов, и чувствовалось, что первые подозреваемые уже обозначились.

* * *

Суетящиеся, как муравьи при пожаре, лекари демонстрировали каждый свою учёность и профессионализм, используя все достижения тогдашней медицины. Вождю измерили давление и посчитали пульс на обеих руках, заставили высунуть язык, задрав рубашку и стянув сапоги, царапали холодными толстыми иголками кожу на животе и пятках.

При этом со стороны было отчётливо видно, что стараются они не столько для пациента, как «для прокурора».

Когда четверо то ли санитаров, то ли фельдшеров приволокли откуда-то здоровенный ящик новомодного немецкого кардиографа, а кудрявая медсестричка в туго натянутом выше и ниже талии халатике прицелилась шприцом брать кровь из вены, Сталин не выдержал.

— Хватит изображать усердие, я понятно говорю? — оттолкнул он девушку и сел, одёргивая бязевую солдатскую рубашку.

Профессор Вовси, оказавшийся в этой поднятой по тревоге команде самым авторитетным или просто самым смелым, начал, сам себе как бы дирижируя стетоскопом, объяснять необходимость тщательнейшего обследования с последующим постельным режимом в стационаре и не меньше, чем на две недели.

Все пятнадцать или двадцать минут, что заняли медицинские манипуляции, Лаврентий Павлович сидел в углу кабинета на тонконогом табурете, вздыхал и вытирал лысину огромным платком в красную клетку.

— На двэ нэдэли, гаваришь? — акцент Сталина прозвучал весьма утрированно. — А потом в могилу, да? Бальшой подарок врагам сдэлать хочешь?

Вождь выдержал «мхатовскую» паузу, за время которой все присутствующие успели покрыться холодным потом.

— Нэкогда прохлаждаться, — значительно произнёс он и неожиданно добродушно улыбнулся. — Заканчиваем эту пургу. Валерьянки полстакана накапай,

и хватит. Садись бумажки писать, он с тебя непременно спросит. — Сталин указал пальцем на вскочившего с табурета Берию.

— И себе тоже накапай. — Иосиф Виссарионович похлопал профессора по плечу, залпом выпил лекарство, слегка крякнул (видимо, перестаралась сестра, многовато плеснула), повернулся к верному сатрапу: — Пошли, Лаврентий...

Нарком внутренних дел с трудом поспевал за вождём, пока они шли по бесконечным коридорам и лестницам Кремля. Коба молчал, только всхрапывал на каждом третьем шаге. Глаза его были устремлены под ноги, на красную дорожку, как будто вождь боялся споткнуться на гладком паркетном полу.

Перед кабинетом Сталина к Берии бросились сразу двое сотрудников: один в форме с петлицами майора госбезопасности, второй в штатском костюме в чёрную по серому полоску. Вполголоса стали что-то докладывать. Иосиф Виссарионович, не задерживаясь, распахнул дверь в зеленоватый полумрак, почти подбежал к своему столу. Кем-то перенесённый сюда из комнаты отдыха револьвер лежал поверх раскрытой папки с отчётом Наркомата путей сообщения.

Пальцы привычно откинули защёлку, провернули барабан, вытряхивая на зелёное сукно патроны. Пять неизрасходованных и две пустые, пахнущие сгоревшим порохом гильзы. Значит, не померещилось, он действительно стрелял, и метко выпущенные почти в упор пули не причинили призраку никакого вреда. По спине снова прополз холодок.

— Что это было, Коба? — спросил Лаврентий. Сталин никогда не видел приближённого таким растерянным. Сам он уже успокоился: может, лекарство помогло, а может, просто время прошло. Только левая рука мозжила и ныла от кисти до плеча. Он машинально начал её массировать правой.

— Скажи всю правду, как было. Мне нужно знать...

— Призрак, привидение. Могу и по-грузински сказать. Самый обычный призрак. Я стрелял с пары метров. Попал. Видел, как от плаща клочья летели...

— Да, мои люди подобрали какую-то ветошь. Повезли в лабораторию. Следов крови не нашли. Пули из стены вынули. Тоже увезли. Исследовать...

— Пусть исследуют. Он сказал, что оружие против него бессильно.

— Часовой стрелял тоже.

— Я слышал. И видел, — с почти обычной иронией сказал Сталин. — По-моему, промазал. Гнать таких стрелков... — уловил мелькнувшую в глазах наркома знакомую тень, добавил резко: — Сажать не нужно. Не за что. Взять подписку о неразглашении, и пусть в хозроте дослуживает. И со второго подписку, и с разводящего, и с начкара. Вот так!

Отчего-то Сталин вдруг озаботился судьбой бойцов. Такое с ним иногда бывало. Но не очень часто. В основном — по отношению к людям «простым». Не относящимся к государственным сферам.

— Будет сделано, — с лёгким разочарованием ответил Берия. — Попал или нет — разберёмся. Его пуля тоже на исследовании.

Берия замялся. Сталин в это время взял со стола давно набитую трубку, не думая о здоровье, раскурил, с видимым наслаждением выпустил первый клуб дыма.

— Коба, мои люди уже нашли и инженеров-эксплуатационников, и историков. С постелей подняли... — нарком зловеще блеснул стёклами пенсне. — Обследовали стены во всех прилегающих коридорах. Здесь нет ни потайных ходов, ни скрытых дверей и прочих тайн Мадридского двора. Добротные стены, из хорошего камня. Кладка яичная, семнадцатого века. Из пушки в упор не пробьёшь.

— Значит, это действительно был призрак, — задумчиво проговорил Сталин. Он наклонился к Лав-

рентию Павловичу близко-близко, посмотрел ему в глаза расширенными тигриными зрачками. — Но тебе всё равно придётся его найти, понял?

— Кого? — испуганно и совершенно искренне переспросил Берия. По круглому лицу скользнула тень: не сошёл ли на самом деле вождь с ума?

— Призрака.

— Прости, Коба. Я никогда не устанавливал личность привидения.

— Придётся поработать и в этом качестве, Лаврентий Павлович. — Голос Сталина прозвучал спокойно и зловеще. Да ещё и с обращением на «вы». — Это приказ! Об исполнении прошу докладывать каждые двенадцать часов. — Сталин помолчал, усмехнулся. — Нет таких крепостей, которых бы не могли взять большевики. Советую всё время об этом помнить, батоно...

Отпустив «друга и соратника Лаврентия», вождь глубоко задумался. Железной выдержке с самого раннего возраста учила его улица. В потасовках Иосифу Рябому, мелкому и слабосильному, тумаков перепадало больше, чем другим. Но особенно вредил в драках темперамент. Как только кто-либо задевал мальчишку по лицу, ярость застила глаза, он бросался в битву, давясь слезами и соплями, не видя ничего перед собой. И, конечно, получал от более взрослых и опытных бойцов по полной программе.

Но уже в семь лет он стал умным. Иначе никогда Сосо Джугашвили не превратился бы в «товарища Сталина». День, когда он впервые это про себя понял, Иосиф запомнил на всю жизнь. От голодухи или по каким-то другим причинам у него на лице высыпали фурункулы. Из-за отвратительных на вид и ужасно болезненных гнойников соседские пацаны стали ежедневно его дразнить. Особенно отличался Серго, младший сын толстенной тети Нунэ. Он орал: «Ублюдский урод!» и кривлялся. Виссарионов сын впал в бе-

шенство, бросился душить врага. Здоровяк Серго легко скрутил тщедушному берсерку руки, охватил пятернёй лицо, давя фурункулы. Иосиф завыл от дикой боли, бессилия и унижения. То ощущение он запомнил на всю жизнь.

После поражения мальчик забился в дальний угол дворика, рыдал, пока не кончились слёзы, потом сидел словно в ступоре, тупо глядя перед собой. Не было никаких мыслей. «Тогда товарищ Сталин ещё не научился анализировать ситуацию, — подумал Иосиф Виссарионович. — Но принимать правильные решения товарищ Сталин научился именно тогда». На следующий день Серго снова принялся издеваться, провоцируя пацана на новую драку. Иосиф хладнокровно нашёл камень побольше и запустил его в колено обидчику. Не в голову, не в грудь или в живот, чтобы, не дай бог, не убить, — в колено. Как орал от боли Серго! И всю жизнь потом хромал, приволакивал негнущуюся ногу. А Иосифа больше никто никогда не дразнил.

Дальше сталь характера закаляла духовная семинария. Вспоминать о ней Коба не любил. Зато друга и однокашника Георгия Гурджиева, уже в отрочестве владевшего методами духовного воспитания суфиев, Иосиф до сих пор вспоминает с нежностью и уважением. Георгий научил младшего побратима очень многому, открыл другой мир — пространство духа. Но это — совсем другая история.

Результаты предварительного дознания Берия доложил в шестнадцать часов следующего дня, как только вождь приехал с ближней дачи в Кремль. К этому времени старый рабочий кабинет Сталина был приведён в порядок и ждал хозяина. Лаврентий сидел на жёстком диване в приёмной, не глядя на Поскрёбышева. Он никогда не любил общаться с людьми, которые никаким образом от него не зависели. А на-

чальник Особого сектора был именно таков, не признавал на этом свете ничьей над собой власти, кроме сталинской. Кстати, сегодня главе «Госужаса», как москвичи называли НКВД по ассоциации с прежде занимавшим здание на Лубянке Госстрахом, вообще не хотелось ни с кем разговаривать.

Сталин несколько даже уважительно кивнул секретарю, проходя через приёмную, сделал знак Берии следовать за ним. Поскрёбышев тут же заскрипел пером, вписывая первого за день посетителя в журнал.

Шторы кабинета были наглухо задёрнуты, зелёная лампа бросала круг тёплого света на стол. Слева от лампы непочатая коробка «Герцеговины», спички, справа пепельница. Пучок тщательно заточенных карандашей в косо спиленной снарядной гильзе. Молодец Александр, всё чувствует, всё понимает. Абсолютно всё как всегда, словно и не уходил. Никаких изменений. Здесь Иосиф Виссарионович чувствовал себя уютно и привычно. Только запах свежей краски и лака слегка раздражал. Сталин шумно втянул носом воздух, потянулся к папиросам.

— С детства не люблю, — счёл нужным пояснить он, — очень первое сентября в семинарии напоминает...

Указал наркому на кресло перед рабочим столом. Сам присел на край столешницы, так, чтобы смотреть на Берию сверху вниз.

— Докладывай, если есть что.

Информация от вчерашней, «по горячим следам», отличалась мало. Тайные ходы, туннели, замаскированные дверцы специалистами не обнаружены. Возможность проникновения в кабинет иначе, чем обычным путём, исключена.

Все часовые, нёсшие службу в корпусе и во дворе, вообще все, находившиеся этой ночью поблизости от «места происшествия», тщательно и перекрестно допрошены. Безрезультатно. Хотя дознаватели приложили все усилия.

— Живые? — спросил Сталин.

— Кто? — не понял или сделал вид, будто не догадывается, нарком.

— Твои расследователи до смерти вряд ли заработались. Часовые...

Берия замялся: «У одного сердечный приступ. Переволновался, наверное. А ведь был такой здоровый парень...»

Сержант, стрелявший в чужого, показал, что услышал звук в кабинете, но за выстрел его не принял, стены слишком толстые, подумал — стул упал или что-то в этом роде. Потом дверь открылась, из неё не торопясь вышел человек в странном наряде. Это удивило бойца. Ведь он не видел, чтобы кто-то входил к товарищу Сталину. Но подумал — наверное, так надо. Человек мог войти в кабинет раньше смены караула. А приказ был — никого без пропуска и сопровождения с предварительным докладом не впускать. Насчёт не выпускать команды не было. Человек в плащ-накидке (так часовой идентифицировал средневековый плащ) уже поворачивал за угол, когда товарищ Сталин, выскочив, то есть появившись из кабинета, приказал стрелять. Очевидно, боец промахнулся, хотя с десяти шагов это трудно, потому что неизвестный продолжил движение. Пуля извлечена из стенной панели, следов крови или иной органики на ней не обнаружено.

— Доступными нам сегодня средствами, — для чего-то счёл нужным уточнить Берия, нервно вертя в пальцах неприкуренную папиросу.

Боец добежал до поворота, но никого в длинном прямом коридоре не увидел. Дверей и окон в этом пролёте нет. «Пришелец» будто растворился в воздухе.

— Живой? — спросил Сталин.

— Кто? — не понял нарком.

— Сержант живой? — пояснил вождь.

— Да что ему сделается? Здоровый парень... Всё время твердит — я по уставу действовал, по инструк-

ции, потом по приказу самого товарища Сталина... Хитрый, сволочь!

— Не хитрый, умный, — Сталин назидательно поднял палец. — Не хохол, случаем?

— Так точно, сержант Шелупенко...

— Следствие закончишь — дай ему отпуск. Две недели. Вернётся — пусть снова возле меня дежурит. Давай дальше...

Левая рука снова дала о себе знать. Мозжащая боль от кисти до локтя. Вождь положил дымящуюся «Герцеговину» на край хрустальной пепельницы, обхватил предплечье пальцами правой. Тонкая струйка дыма ровно поднималась вверх, а у самого края абажура начинала закручиваться спиралью. «Конвекция!» — непонятно к чему вспомнил Сталин термин из курса физики.

— Но один эксперт утверждает, что в «пояске обтирания» — это они так называют то, что оставляет пуля, проходя сквозь преграду, на краях пробоины, — всё-таки присутствуют следы сгоревшей ткани, — почти шёпотом сказал нарком внутренних дел.

Сталин молчал.

— Все остальные этого не подтверждают, но я обязан доложить все факты, даже сомнительные...

— И что это значит? — ровным глуховатым голосом спросил вождь.

— Боец не промахнулся, — ответил Берия. — Коба, я понимаю, что мы — материалисты, — быстро заговорил он, — но это значит, что мы должны доверять выводам науки. Даже сомнительным...

— Следовательно, наука в данном случае подтверждает, что ко мне зашёл с визитом призрак, нематериальный, но в материальной одежде. Так? — то ли вопросительно, то ли утвердительно произнёс вождь. — И как звали это... привидение, откуда оно взялось и на кого работает, внутренние органы установить не могут. Не их сфера ответственности? Я правильно понимаю?

Берия наконец поймал момент, чтобы прикурить папиросу, но после слов Сталина подавился дымом и закашлялся. Вождь спокойно ждал, пока соратник восстановит дыхание.

Тот вытер слёзы и возразил:

— Имя мы как раз установили. Аристотель Фиораванти. Строитель Кремля. Он пообещал Ивану Третьему найти способ превращать недрагоценные металлы в золото. И обманул...

Сталин хмыкнул, неслышно ступая, обошёл стол, взял трубку. Пошёл обратно, раскрыл коробку, стал ломать папиросы, ссыпая табак в обожжённое деревянное жерло.

— Кто-то донёс царю, что архитектор тратит слишком много. При этом расплачивается золотыми монетами. Фиораванти попытался бежать, был схвачен. Пытал его лично помазанник, но ничего не добился. Тогда Иван приказал замуровать ведуна в стене. Привидение являлось Ивану Грозному. Борису Годунову оно напророчило бесславное правление и ужасный конец. Есть версия, что Наполеон приказал оставить Москву потому, что тоже встретился с духом Аристотеля...

Хозяин не спеша раскуривал трубку от длинной, явно иноземного вида спички.

— Однако Наполеону это не помогло. Аристотель Фиораванти, — повторил он, выпустив клуб дыма. — Хорошо, Лаврентий. Пусть мне подготовят подробную справку на этого... умельца. Срок — сутки. А в архивах Приказа Тайных дел никаких вещественных доказательств не сохранилось? — Сталин позволил себе улыбнуться.

— Будет исполнено, Иосиф Виссарионович, про вещдоки я прикажу уточнить, хотя вряд ли... Смутное время и всё такое. — Берия повертел пальцами в воздухе. И добавил: — Коба, может, лучше поберечься? Временно переехать на Старую площадь? Год этот... нехороший. Мои спецы установили, что двадцатого

февраля случилось тройное противостояние Юпитера с Сатурном в созвездии Рыб.

— Что? — удивлённо переспросил Генеральный секретарь ЦК ВКП (б). — Какой ещё Юпитер с Сатурном?

— Астрологи утверждают, что такое явление за две тысячи лет происходило только трижды. Между прочим, первый раз, когда волхвы шли к младенцу Христу. А предвещает оно падение великого царства.

— То есть то же, что пророчил этот твой макаронник, Аристотель Фиораванти. — Хозяин уставился в глаза Лаврентию немигающим тигриным взглядом. Только теперь это был взгляд очень усталого тигра.

— Товарищ Сталин, — торопливо заговорил Берия, — если, не дай бог, что-нибудь случится, партия, страна, народ останутся обезглавленными.

— А для чего тогда верные соратники и продолжатели: Молотов, Булганин, ты, наконец? — медленно произнёс Иосиф Виссарионович. Трудно было понять, серьёзно он говорит о «верных соратниках и продолжателях» или в глухом голосе проскальзывают нотки иронии.

— На текущий момент никакой коллективный разум не сможет заменить великую личность вождя, — пафосно воскликнул нарком внутренних дел. — Коба, ты обязан принять меры по обеспечению собственной безопасности, сменить Кремль на Старую площадь. Об этом может не знать никто, даже этот твой Власик.

Сталин покачал головой.

— Тогда, только пойми меня правильно, может, стоит освятить кабинет, подступы к нему? Охрану-то я увеличу, это само собой...

— Нет, — сказал вождь. — Тогда уж сразу в Александровскую слободу отъехать, что ли? Или в Донской монастырь? Иногда ты умный, Лаврентий, иногда — совсем дурак. Ты же сам говорил, мы материалисты. Обязательно поползут слухи, что товарищ Сталин пошёл на поклон к попам, что, ещё хуже, товарищу Ста-

лину мерещатся привидения. Ни в коем случае. Иди, Лаврентий, занимайся делами.

Когда нарком внутренних дел осторожно прикрыл за собой дверь, Хозяин пробормотал:

— Это вы — материалисты. А я простой выпускник духовной семинарии. Недоучившийся поп.

Сочинения Зигмунда Фрейда публиковались на русском языке под редакцией профессора Ермакова. Узнав, что поклонником австрийского психиатра считает себя даже Иван Петрович Павлов, Сталин с интересом прочитал оба тома «Введения в психоанализ», проверяя выводы австрийского учёного собственными ощущениями. Мысль, что в основе всех поступков человека лежит сексуальный инстинкт, вождь про себя оценил как абсолютно верную. И именно потому она не принесёт пользы массам. Учение о подсознательном Иосиф Виссарионович осторожно поставил под сомнение. Как он ни пытался обнаружить у себя следы каких-то уж-жасных идей, в которых даже самому себе признаться невозможно, ничего похожего не нашлось. Товарищ Сталин имел привычку всё называть своими именами и просчитывать последствия каждого действия до конца. Поползновениям, которые не могут даже попасть в луч мысли, в психике Хозяина места не находилось. Он назвал себя «человеком без подсознания». Но если построения психиатра применимы ко всем остальным... Иосиф примерил модное учение к личности человека, о котором думал часто — Владимира Ильича, — и пришёл к выводу, что тут Фрейд, чёрт бы его побрал, пожалуй, прав. Ульянов при внимательном анализе мог оказаться весьма характерным экспонатом в коллекции еврейского «хохмача». В отличие от большинства соотечественников, Генеральный секретарь знал, что «хохэм» по-еврейски — мудрость, следовательно, хохмач — не рассказчик анекдотов или шутник, но философ и учитель жизни. А истолковать

по Фрейду женитьбу Ленина и историю его романов в конце жизни было бы архилюбопытно.

Рассмотрев все обстоятельства, вождь пришёл к выводу, что учение Фрейда верно и именно потому оно вредно. Какое неосознанное может быть у строителя социализма и для чего оно ему нужно? Советский человек обязан быть монолитно цельным и непоколебимым. И самое главное, зачем бессознательное нужно социализму как общественному строю?

Тем не менее Иосиф Виссарионович вызвал Якова Серебрянского, начальника отдела специальных операций ОГПУ, и поручил навести справки о том, как живётся «отцу психоанализа». Через неделю на стол вождя легло донесение: семья Фрейда существует чуть ли не впроголодь. Серебрянский получил новое задание — организовать финансовую помощь венскому врачу. Обычно Сталин не интересовался тем, как выполняется его «просьба». Но в этом случае он потребовал подробного отчёта и успокоился только тогда, когда Серебрянский доложил, что деньги на прожитие Зигмунд Фрейд получает через резидента Марка Эйтингона, двоюродного брата Наума Эйтингона, разведчика и любимца вождя. Марк был психиатром, учеником великого Зигмунда. Одновременно он держал фирму по торговле русскими мехами. При поддержке отдела специальных операций его бизнес был более чем доходным. Так что и мотивировка этой нетрадиционной для специальных служб операции, и надёжность исполнителя вождя партии большевиков вполне удовлетворили.

По поручению Хозяина профессор Ермаков был приглашён на беседу. Разговор длился без малого четыре часа. Учёный пришел в восторг от глубины проникновения вождя в замысловатые проблемы психологического учения.

На следующий день Российское общество психоаналитиков было закрыто, выпуск книг «Психоанали-

тической библиотеки» прекращён, уже выпущенные тома изъяты из обращения. Ермакова не арестовали, только уволили из всех институтов, где он преподавал. Оставив, впрочем, возможность заниматься «чистой наукой» в частном порядке.

Примерно как Булгакову — литературой и драматургией. Профессор тоже понравился Иосифу Виссарионовичу.

Размышляя, вождь обращался к себе либо «Иосиф», либо «товарищ Сталин». Он сидел в своем кабинете. На столе вместо обычных бумаг стоял кувшин из пористой глины. Жидкость в нём оставалась ледяной в любую жару. Сосуд был наполнен «киндзмараули». Лекари говорили, что красное вино не в пример полезнее, но вождь любил молодое белое. Оно хорошо шло под мягкий лаваш с зеленью. И не мешало рассуждать.

Вино Генеральный наливал в простой гранёный стакан. Впрочем, терпкий напиток он только пригубил, зажевал маленьким кусочком хлеба, поднёс к носу веточку кинзы, глубоко вдохнул запах молодости.

Сейчас, решив обдумать случившееся, он начал с вопроса к самому себе:

«Что, Иосиф, признайся честно, обосрался?»

И ответил:

«Да».

«А почему?» — спросил товарищ Сталин Иосифа.

Допрашиваемый задумался.

«Во-первых, я решил, будто это покушение».

«Ну, это тебя не сильно напугало. Ты ещё боец, Иосиф».

«И вы, товарищ Сталин! Страшно стало, когда адом повеяло».

«Что-то ты, друг Иосиф, заговорил красиво. Не надо лишних эмоций и поэтических преувеличений. Товарищ Сталин считает, говорить нужно серыми, скучными, прозаическими словами. Тогда суть дела виднее».

Вождь отложил траву, стал механически ломать папиросы и заталкивать табак в любимую трубку вишнёвого дерева. Утрамбовывал массу большим пальцем левой руки. Когда жерло заполнялось, Генеральный секретарь аккуратно выковыривал волокна, выбивал их в большую стеклянную пепельницу и снова начинал терзать «Герцеговину».

«То, что произошло, может иметь два объяснения, — думал товарищ Сталин. — Объяснение мистическое: действительно явился призрак этого Аристотеля как его там, не Стагирита, короче. Диалектический материалист товарищ Сталин во всякую мистику не верит. Поэтому он мог или даже должен был испугаться. Для тебя, Иосиф, выпускника духовной семинарии и друга Гурджиева, это вполне нормальная вещь. Ты обязан верить в сверхъестественное. Ортодоксия это или ересь, разбираться можно потом. Главное, ты в это можешь верить».

«Все равно страшно».

«Страшно, — согласился товарищ Сталин. — Только если все это — дело божье или дьявольское, сейчас это не суть важно, мы ничего не можем предпринять. Потому этот вариант оставим без обсуждения. А вот если сие — результат усилий человеческих...»

«Товарищ Сталин, посетитель явился ниоткуда и исчез, словно в воздухе растворился. Тайные ходы не обнаружены, часовые никого не видели...»

«Если умные люди решат выпустить на сцену тень отца Гамлета, они подготовят необходимые декорации».

«А заключение экспертов по пулям?»

«Эксперты только люди. И ничто человеческое им не чуждо. Ни страх, ни боль, ни отчаяние. Тем более, они не единодушны».

«Но зачем городить весь этот огород?»

«Предположим, они хотели напугать товарища Сталина. Мы же говорили, что как диалектический материалист товарищ Сталин должен был испугаться...»

«И что дальше?»

«В том и вопрос. Затевать такую турусу на колесах только ради того, чтобы у товарища Сталина на голове зашевелились седые волосы? Или они надеялись, что меня кондрашка хватит? Так проще было бы пристрелить. Впрочем, нет. Удачное покушение — это обязательное расследование. И если организатор не станет преемником, то тут ему и придёт полный кирдык. А в грызне, которая обязательно начнётся среди друзей и соратников, предсказать, кто всем глотки поперекусывает, невозможно. Это первое.

Хорошо, опять предположим, вождь с перепугу дал дуба. То есть ничего хорошего в этом нет. Почему? Отсутствие вождя — смута. Всё повалится, наступит хаос. Перед большой войной это катастрофа. Кому такое выгодно? То-то же. Это второе.

Следовательно, летальный исход для товарища Сталина в данной ситуации не предусматривался.

И снова тот же вопрос: зачем?

Любое действие предпринимается, чтобы добиться какой-то реакции на него. Что должен сделать Иосиф Виссарионович после того, как испугается? Остановить войну? Но сегодня это зависит не только от товарища Сталина, но и от товарища Гитлера. Интересно, ему тоже явился призрак? Канцлера Бисмарка, например. И произнёс: «Я же предупреждал, не воюй с русскими!»

Или, наоборот, Хозяина подталкивают к тому, чтобы нанести удар немедленно? Военные докладывают, будто это невозможно как минимум в ближайшие полгода. Ну, положим, если подойти к делу по-стахановски и подключить к контролю и исполнению службу товарища Берии, срок можно будет сократить почти наполовину, и где-нибудь к середине июля...

Плохо, что товарищ Сталин должен догадываться, чего от него хотела эта замогильная фигура. Плохо для заговорщиков, если, конечно, это заговор. Вдруг Иосиф Виссарионович неправильно поймёт и сделает

не то? Или они способны предвидеть, какими путями пойдёт мысль Вождя? Много о себе возомнили! Такое по силам только богу, а бога нет.

Это может быть только заговор. Всякие пузыри Земли, Вии и прочая чертовщина должны быть исключены. Хотя бы потому, что при мысли, будто явился истинный посланец тёмных сил, даже у товарища Сталина дрожит в глубине груди и холодеют руки. Грозный в молельне часами каялся. А на великом царе крови было поменьше. То, что головы он сёк ради укрепления Руси, как и Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) Иосиф Джугашвили, для потусторонних сил вину, наверное, не снимает».

Усилием воли вождь подавил тёмный, нерассуждающий ужас. Приказал себе мыслить логично.

«Есть ещё одно возможное объяснение для этой... инсценировки. Некто рассчитывает на страх товарища Сталина. По его мнению, он должен призвать попов, увешать кабинет иконами и провести изгнание бесов из Кремля. Кстати, Берия советовал именно это. И весь мир решит, что Иосиф Виссарионович впал в маразм и можно будет созвать внеочередной съезд партии и... переизбрать товарища Сталина, вывести его из состава Правительства, отправить... на лечение. В Горки Ленинские. Переоборудовать их под психушку — раз плюнуть. Опыт есть. Как раз у товарища Сталина.

С другой стороны, возвращение к православию можно показать как часть возрождения традиций Российской империи. Реабилитировали же мы Александра Невского. Как великого полководца, радетеля и защитника земли Русской. А ведь он ещё и канонизированный святой».

Сталин представил первую полосу «Правды» с передовицей: «С нами Крестная Сила» и хмыкнул. А что, ведь сожрут. И станут из кожи лезть, славя Господа нашего Иисуса Христа. Внутренним взором вождь увидел внеочередной съезд партии безбожников, ко-

торый тысячей глоток ревет: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу! Ура!» и стоя рукоплещет добрую четверть часа. Стадо. Пастырь над ним никакой не бог, а великий товарищ Сталин. И его верные овчарки, кавказские, какие там ещё бывают, еврейские, что ли. Всякие, кроме немецких.

И вдруг кто-то из псов вознамерился стать на место Пастыря? Иосифа Виссарионовича охватил гнев, кровь бросилась в голову, как в далёком детстве, когда Рябому давали по морде. Бешенство выдавило из сознания остатки недавнего ужаса.

«Если явление призрака готовили смертные, тогда — кто? Как ты думаешь, Иосиф?»

«Булганин?»

По должности он мог бы претендовать на роль преемника вождя. Одутловатого, представительного Николая Александровича Булганина Сталин презирал за глупость, пьянство и вечные истории с балеринами Большого театра и называл про себя на итальянский манер. Особенно раздражали сына сапожника пухлые и холёные руки зампреда Совнаркома. Из них всё вываливалось. Когда чиновник пугался, а боялся он всего и всегда, пальцы начинали жить отдельной от остального организма жизнью. Они шевелились, как жирные мучные черви, теребили манжеты крахмальных рубашек, заползали, как в норы, в рукава дорогих пиджаков.

«Чтобы этот слизняк придумал и, главное, осуществил такое... Чушь собачья!»

«Маланья... Георгий Максимилианович Маленков».

«Секретарь ЦК, член Оргбюро. После кампании проверки партийных документов, после которой и по результатам которой лучший друг Жорика Лавруша стал брать чуть ли не каждого второго, члены ВКП (б) поголовно его ненавидят и боятся. Готовый вождь. Не товарищ Сталин, конечно, но на безрыбье вполне сойдёт за рака. Этот мог бы. Но только в одном случае: если исполнителем будет Берия и его доверенные люди.

Когда-то Маланья спас Лаврентия от Недомерка — Ежова. Не исключено, предвидел Максимилианович, что понадобится Павлович для подобного дела. Только зачем это Лаврентию? История знает десятки случаев, когда новый правитель первым делом устранял кореша, который привёл его к власти. Берия не дурак. Или всё-таки дурак? Перспектива стать вторым человеком в Третьем Риме оч-чень заманчива. Может застить глаза любому и мудреца сделать идиотом».

«А сам Лаврентий?»

Вождь даже поморщился.

«Вряд ли. Он — прекрасный исполнитель, организатор. Но для политика слишком ограничен. Харизмы никакой, бухгалтер. Вождь из него как из судака оратор. И — грузин, ну, пусть мингрел. Зачем России второй грузин подряд? Опять же, вредные привычки. Бросить их он не сможет, а вождю такое мешает. И предан он мне, аки Малюта царю Ивану. Впрочем, последнее серьёзным аргументом может считать только очень наивный человек. Товарища Сталина наивным даже злейший враг, даже Троцкий, никогда не называл. И теперь уже не назовёт, — со злым удовлетворением товарищ Сталин представил, как карающий ледоруб Мировой революции, направляемый рукой Рамона Меркадера, обрушился на макушку Иудушки Лейбы».

«Кто ещё смог бы? Нежданчик?»

«Иосифу Виссарионовичу симпатичен Андрей Александрович Жданов. Только поэтому его ещё не схарчил Маленков. И сам преемник Кирова это хорошо понимает. Он не дурак и догадывается, что на «колыбели трёх революций» Хозяин держит его, чтобы все видели, какое ничтожество Андрей Александрович по сравнению с Сергеем Мироновичем. Кроме того, стать первым, как любой идеолог, Нежданчик не может при любой политической погоде. Идеология всегда подстраивается под реальную власть. Как хорошая девка, она обязана угадать и обслужить любые капри-

зы своего покровителя. А Жданов — прирождённый болтун. Этот отпадает».

«Каганович?»

«Чтобы во главе России оказался Лазарь Моисеевич? Бред».

«Клим?»

«Ума не хватит. Про него да про Будённого написал Чехов: «Чем глупее человек, тем лучше его понимает лошадь».

«Остаётся Молот».

«Вячеслав у нас молот, а Берия — серп, — ухмыльнулся в усы Хозяин. — Вятские — люди хватские. Вячеслав был главой правительства, значит, считает себя способным управлять страной. Был близок с Зиновьевым и Каменевым. Остатки оппозиции его поддержат с энтузиазмом. Был в Берлине, вел переговоры с Риббентропом. Встречался с Гитлером и имел возможность заключить не только те пакты, на которые дал ему санкцию товарищ Сталин. Обеспечить себе поддержку стран Оси. Фюрер был бы счастлив получить такую перспективу.

Имеет Вячеслав вполне реальные шансы стать новым Хозяином. А вот технической возможности подвести к товарищу Сталину призрака-провокатора не имеет. Плотных контактов ни с Серпом, ни с военной разведкой Молот не имеет. Иначе Иосифу Виссарионовичу доложили бы. Поэтому подозрений с Вячеслава Михайловича мы не снимаем, но проверку считаем возможным отложить на некоторое время.

В результате рассмотрения обрисовалась в полный рост фигура Егория Максимилианова сына. При этом товарищ Сталин считает правильным поручить проверку персонально Лаврентию Павловичу Берии. А кому поручить проверку той проверки товарища Маленкова, которую произведёт НКВД, вождь найдёт. Есть спецотдел Особого сектора, есть ГРУ, наконец.

Теперь самое главное. Чему этот прискорбный случай должен научить товарища Сталина? Кремль в большинстве охраняют сотрудники Наркомата внутренних дел. Часовые в коридорах тоже наполовину из Наркомата внутренних дел. Автомобильный парк контролирует Транспортный отдел НКВД. Получается, что товарищ Сталин полностью зависит от кого? От наркома внутренних дел. Правильно ли это? Кстати, стрелял по призраку сержант РККА, а не НКВД. Надо будет, наверное, его в разведшколу ГРУ направить. Нам такие люди нужны.

Положим, какие-то личные возможности вождь себе оставил... Хотя бы в лице генерала Власика и его ведомства. И ещё кое-что...

Потому, что вождю и учителю никак нельзя быть наивным. Об этом мы уже говорили. Но после гибели Тера — Камо — всё стало намного сложнее. Товарищу Сталину необходимо создать себе гарантии. Чтобы товарищ Сталин был уверен, что ничто и никто не сумеет помешать ему выполнить то, что он задумал. Для этого нужны люди, которым можно полностью и безоговорочно доверять. Хотя бы в течение года-двух. Значит...»

«Значит?»

«Значит, товарищ Сталин должен стать ловцом человеков».

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

28.2.1941 г. ... Генерал-лейтенант Паулюс:

а) Результаты военной игры Гудериана весьма удовлетворительные. Руководство рассчитывало иметь для достижения линии устья р. Припять 11 дней.

б) Результаты переговоров с командованием группы армий «Б» относительно плана проведения операции «Барбаросса». Достигнута единая точка зрения. 3.3.1941 г. Герке:

...3) Железнодорожно-строительные войска необходимы не только для текущих потребностей, но и для обеспечения возможности подвоза достаточных запасов в целях создания новой железнодорожной базы. В противоположность

кампании на Западе, теперь придётся продвигать вперёд также железнодорожное оборудование для станций. Строительные части должны следовать непосредственно за танковыми соединениями. В то время как во Франции существовала широкая база для строительства железных дорог, на Востоке будет иметься лишь узкая база. Один железнодорожный батальон может за день перешить до 20 км железнодорожного полотна с русской на немецкую колею...

4.3.1941 г. 9.00—11.00. Участие в совещании у генерал-квартирмейстера. Разыгрывалась военная игра, касающаяся организации снабжения группы армий «Юг». Не следует недооценивать трудности, которые возникнут при переводе всей группы армий на снабжение горючим из Румынии...

5.3.1941 г. ... Вагнер (генерал-квартирмейстер) представил на утверждение проект распоряжения ОКБ об организации администрации в оккупированных областях на Востоке. В тылу наступающих войск должны быть организованы комиссариатские управления, которым будут приданы командующие оккупационными войсками. Требования главнокомандующего сухопутными войсками должны быть удовлетворены, но в остальном необходимо следить, чтобы войска не оказались обременёнными административными задачами. Особые задачи рейхсфюрера СС...

ГЛАВА 2

Самое невыносимое в жизни заключённого — не голод и непосильный труд, не постоянные стычки с блатными, даже не мороз, хотя Р. Амундсен говорил, будто единственное, к чему не способен привыкнуть человек, — это холод. Самое скверное — невозможность ни на миг остаться одному. Но на втором месте по праву должна стоять постоянная мутная серость вокруг.

Небо в низких облаках свинцового цвета, похожих на потолок барака. Грязно-серые строения, просто грязные телогрейки зэков. Даже снег здесь не кажется белым, он словно присыпан мелкой пылью. Это потому, что солнце не показывается неделями и ме-

сяцами. От этого люди впадают в тоску, постоянно вспыхивают перебранки и драки, некоторые бросаются даже на надзирателей, что равно самоубийству.

Чтобы выжить, надо либо превратиться в автомат, сосредоточенный на более чем скромных событиях текущего дня: хорошей или плохой делянке, попытке урвать горбушку, а не средний кусок, откосить от особо тяжёлой работы. Или научиться думать о чём-то отвлечённом: особенностях строфы в байроновском «Дон Жуане» — в английском, естественно, оригинале; исследовании мнимых математических величин и сопоставлениях их бытия с социальным существованием индивида в стране победившего социализма. Или анализе стратегических и тактических перипетий нынешней Мировой войны.

Сергей Марков, бывший комкор РККА по званию, начальник штаба армии по должности, герой Гражданской войны, кавалер ордена Боевого Красного Знамени с розеткой за номером 13, а ныне зэк СТОНа, Соловецкой тюрьмы особого назначения, поплевал на ладони и привычно обхватил рукоятку двуручной пилы. Другую рукоятку сжимал бывший же полковник Владимир Лось. Он дослужился только до начальника особого отдела корпуса. Но это не мешало ему быть главным в их паре на лесоповале.

Лес валить им пришлось в местах очень, очень странных, не похожих ни на одно исправительно-трудовое учреждение необъятной Советской державы.

После расформирования знаменитого лагеря на его месте вдруг возникло это не пойми что. Вроде и лагерь, но уж слишком мало в нём заключённых, едва несколько сотен. И попадали сюда не по суду, а по решению Особого совещания, часто — заочному. Вызвали человека для беседы в свой же отдел кадров, а комкора — в штаб округа на экстренное совещание — и тут «на» ему «постановление» в зубы. Восемь лет лишения свободы без права жалоб и апелляций. Под шифром «КД»,

то есть контрреволюционная деятельность. Хорошо без одной или даже двух «Т» — «контрреволюционно-террористическая», «контрреволюционная троцкистско-террористическая». К этим литерам обычно «высшая мера» прилагалась, с «приведением в исполнение немедленно». То есть времени на приведение мыслей в порядок и покаяния (если есть в чём каяться) — только пока до «места исполнения» довезут.

И в самом СТОНе жизнь складывалась не по-обычному. Человек мог оказаться на том же лесоповале, жить в бараке, устроенном в бывших монастырских скитах посреди бесконечной тайги, и вкалывать от подъёма до «пока начальник скажет». А мог устроиться совершенно непредставимым образом. Зависимо от шифра на обложке личного дела, но уже другого, чем на «постановлении». Этот шифр в другом месте рисуют.

Комкору с полковником не повезло.

«Вжик», — сказала пила, вгрызаясь в толстую кору. Руку к себе, отпустить. Руку к себе, отпустить. Через десять минут оба вспотели, несмотря на мороз. Февраль на Соловках — месяц сугубо зимний.

Лось, не прекращая работы, огляделся. ВОХРы — конвоиры устроились по углам вырубки, завернувшись в тулупы и прижав к груди винтовки с примкнутыми штыками. Значит, можно разговаривать, если не нарушаешь однообразный ритм движения стального полотнища.

Ещё одна странность — нормы выработки здесь никого не волнуют. Главное — чтобы не бездельничали, а так даже нарядчика не имелось, чтобы поваленные хлысты обмерял, погонные метры и сантиметры в «кубики» переводил.

Здоровенный, двухметровый Лось, мерно двигая ручищей, снова возвращался к теме, которую они обсуждали последний месяц.

— Ты же стратегию изучал, — бормотал он, чтобы никто не мог услышать. — Гудериана «Panzerkrieg»

читал. Они ударят танковыми колоннами, да при приличной поддержке с воздуха, Павлов сразу до старой границы полетит. А там вооружения вывозить начали, когда я еще на воле был. Доты взрывали, никак разрушить не могли. Ну, Павлов известный мудак, а эта сука рябая в Кремле вообще ничего не понимает?

Марков молчал. Возразить было нечего. Вчера подвезли новую партию с воли. Среди «свежих» оказались три полковника из наркомата и целый генерал-лейтенант, не успевший обмять свежевведённые лампасы.

Ночью чуть слышным шёпотом они рассказывали о небывалой концентрации немецких войск на новой границе, о том, что с нашей стороны поезда идут так плотно, что собаке не удаётся перебежать через рельсы. Каждый третий — с железной рудой, хлебом, мясом для немцев, согласно договору. Остальные два — бойцы и вооружение. Но танки выгружаются без горючего и боезапаса. А бензин и снаряды, в свою очередь, выбрасывают совсем в других местах, в чистом поле, где только планируется строить «базы снабжения». Командование дивизий почему-то оказывается в сотне километров от личного состава. Вперемешку занимают «указанные районы» полки не только разных дивизий, даже разных корпусов. Особенно это касается «механизированых». Танковая дивизия, скажем, Восьмого мехкорпуса — в Луцке, а мотострелковые, с которыми она должна общие задачи решать, — одна под Львовом, другая в Ровно. Боевые самолёты располагают чуть ли не на контрольно-следовых полосах границы. И на весь этот бардак постоянно любуются асы люфтваффе. Им зайти в наше воздушное пространство легче, чем в пивную «Бюргербройкелле».

Прав Лосяра: если гансы попрут так, как нарисовано в схемах-приложениях к «Танковой войне», между прочим изданной на русском языке пару лет назад, будет такой пожар в заведении тёмной ночью во время наводнения, что... Володя всё-таки не штабной, потому

он полагает, что попрут нас только до старых рубежей. На самом деле, как бы не пришлось на берегах Днепра и Буга окапываться. С французами вон как получилось, а тоже в Великих державах числились.

Полотно двуручной пилы с трудом грызло двухобхватный ствол. Её звук складывался в слова: панцер криг, панцер криг.

Вечером в бараке (это только называется — барак, на самом деле каменный, с полутораметровыми стенами корпус, где раньше монахи обретались) было шумно и весело. Блатные устроили «прописку» новичкам.

Поначалу уголовники надеялись подчинить себе весь лагерь. Тем более что начальник СТОНа Васильев почти открыто поддерживал воров и убийц. Всё-таки они — не классово чуждые «враги народа», которые по пятьдесят восьмой. Почти свои люди, ну, чуть оступились на трудном жизненном пути. С кем не бывает. Сложись по-другому — сидели бы не в тюрьме, а в наркомовских креслах.

«Политические», в основном бывшие «краскомы» и ребята из гражданских помоложе да поотчаяннее, в свою очередь быстро объединились под руководством старшего по званию — Маркова, поставив на место блатных после десятка ожесточённых драк, в которых криминальная шваль понесла тяжёлые потери. Кулаками, стенка на стенку, воры не очень-то любят биться. Затоптать всей кодлой одного-двоих, «пёрышком пощекотать» или бритвой «пописать» — это шпана умела и уважала. Но вести регулярные битвы с обученным противником? Себе дороже.

Те побоища блистательно подтвердили правоту великого теоретика военного дела, стратега-диалектика Фридриха Энгельса, когда тот объяснял причину наполеоновских побед в Египте. Один мамелюк всегда побеждает одного французского солдата, три мамелюка будут сражаться с тремя галлами на равных, но взвод

регулярной армии при любых условиях наголову разобьет такое же количество мусульманских коммандос. Дисциплина и выучка — великая сила и самое надёжное обеспечение перехода количества в качество. Добавить здесь следовало только одно: блатари не воины, и кадровый военный без вариантов давил вора.

Постепенно установилось неписаное соглашение. Шпана не трогала «политиков» из военных и к ним примкнувших. Зато в компенсацию над «ничьими», «нейтралами», пуще урок боявшихся, что лагерные опера припаяют им создание ещё одной «преступной организации», шпана изгалялась по полной программе. Марков с товарищами с трудом сдерживались, играли желваками. Но вмешиваться остерегались, чтобы не нарушить достаточно хрупкое «равновесие», если можно так выразиться. «Кум», то есть начальник тюремной оперчасти, прямым текстом изложил, что «самооборону» допускает, но устанавливать в «его тюрьме» власть «врагов народа» не позволит.

Шаг вправо, шаг влево, и новые сроки будут уже не детскими — так он прямо и сказал. А что? Отправить в областную «тройку» представление, которое там подпишут не глядя, — раз плюнуть.

По всему видно, начальство само «обострять» не хочет, но подходящим поводом наверняка воспользуется. Начальник Васильев ждал только сигнала от «корешей».

Куцый, Виктор Куцубин, «авторитетный» вор, «державший» занятую на «общих работах» часть тюрьмы — в остальные корпуса ему хода не было, — с удовольствием пошёл бы на сговор с «кумом», поддержал бы «власть соловецкую». Останавливало его только одно — многие кореши, причём из самых серьёзных и деловых, не поймут, объявят «ссучившимся». А с таким клеймом долго не живут ни в зоне, ни на воле.

Марков и Лось молча прошли к своим нарам. Здесь уже собралась вся их «гвардия», косясь на ту половину барака, где урки чувствовали себя «в своём праве».

Туда и перегнали всех свежеприбывших штатских, человек десять. Они толпились в широком проходе между шконками, ждали решения своей участи.

Перед вальяжно восседающим на своей койке, покрытой аж тремя почти новыми матрасами и хорошим одеялом, Куцым стоял темноволосый небритый человечек в очках-велосипедах. Одет он был в огромные, постоянно сползающие ватные штаны и грязную стёганку третьего срока. На ногах — худшие из тех, что нашлись на складе, опорки. Ясное дело, каптёр тоже из блатных, приодел беднягу.

— За что, за что, говоришь, тебя посадили? — переспрашивал пахан.

— Я же пытаюсь вам объяснить, — отвечал очкарик. — Я опубликовал работу о некоторых свойствах мнимых величин в геометрии. Где-то сочли её не отвечающей положениям марксистской науки... «Совещание» дало пять.

Шпана заржала. Только «шестёрка» Куцего, костлявый и верткий, как змея, Косой Лыцарь, дергал соседей за рукава: «А чё вы? Чё за мнимые такие?» Лыцарь был красавец. Один его глаз смотрел на Кавказ, а другой на Арзамас, заячья губа открывала жёлтые передние зубы. Из школы он сбежал, просидев три года в третьем классе, прибился к домушникам. Благодаря худобе, мог пролезть в любую форточку. Когда подрос, квалификацию потерял, а освоить какую-либо «серьёзную» воровскую специальность не смог из-за крайней тупости. Попадался на всём и сразу, отчего к двадцати пяти годам имел уже семь ходок, правда по пустячным статьям. Единственное, за что ценил холуя Куцый, — преданность и виртуозное владение ножом и заточкой.

Когда гогот затих, Куцый снова обратился к новичку: «Не звезди. За геометрию даже у нас не сажают. Правду говори, рожа нерусская. На постановлении буквы какие?»

— Я никогда не лгу, — с достоинством возразил человек. — Дело в том, что, если рассмотреть геометрические мнимости в философском плане, особенно вспомнив теорию клинамена...

Урки снова закатились от хохота.

— Какого-какого клина? — переспрашивал маленький, толстенький и благообразный мошенник на доверии Мика.

— Хрена мента, — брызгая слюной, пояснял Костя Сербиянин, огромный блондин, мотавший срок за групповой разбой.

Дождавшись, пока веселье затихнет, Куцый встал. Невысокий, худощавый, он протянул руку, снял с «интилихента» очки, плюнул на одно стекло, собрал слюну, харкнул на другое, снова водрузил оптику на нос хозяина и провозгласил:

— Значит, так. Назначаю тебя петухом. Место определяю у параши. Срок у тебя маленький, загнуться не успеешь.

— Петухом... — протянул кто-то в толпе шпаны. — Об его мослы весь инструмент поломаешь.

— Откормим, — отрезал пахан и размахнулся, чтобы от души вмазать по физиономии жертвы. Просто так, для науки.

— Стоять! — «командным» голосом, в котором даже в метель отчётливо разбирала каждое слово выстроенная на плацу дивизия, рявкнул Марков и двинулся на вражескую половину барака. Нервы наконец не выдержали. За ним, поводя широченными плечами, как бы разминаясь, шагнул Лось. Уголовники недовольно заворчали, как псы, у которых отбирают недогрызенный мосол.

— Слушаю, ваше благородие, — издевательски поклонился Куцый.

— Хочешь новый анекдот? — спросил Сергей.

— Ну.

— Приводят в камеру к таким, как вы, мужика. Не то тракториста, не то какого ещё пахаря. В лаптях, с узелком. Деревня. Босота на него смотрит. Мужик говорит вежливо, мол, здравствуйте, господа душегубы. Вы, небось, мне сразу кличку дадите. Главарь, такой, вроде тебя, отвечает: «Ага. Петух твоя кличка».

— Небось, место мне определите, — продолжает пахарь.

— У параши, — показывает смотрящий.

Мужик сел, куда разрешили, спрашивает: «Можно, я поклюю, чего Бог послал».

— Ну, поклюй.

Новенький узелок развязал, сало с хлебом жуёт. Пахан интересуется: «И что же, петух, ты дальше делать будешь?»

— А вот сейчас доем, и вас, курей, ... топтать буду.

Марков сделал паузу после заключительных слов. Кто-то из блатных нервно хихикнул. Остальные молчали.

— И что ты, служивый, этим анекдотом сказать хотел? — медленно процедил Куцый.

— Отстань от человека, — вполголоса проговорил Сергей. — Даже по вашим законам просто так никого «петухом» назначить нельзя. А он не ваш...

— Почему? Раз он не ваш, значит — наш.

— Пока он ничейный. По какой статье вас приговорили? — повернулся к математику Марков.

— Никто меня не приговаривал. Пять лет через особое совещание.

— Литеры какие?

— Буквы у меня — «АА»...

Это означало — «Антисоветская агитация». На «А» было ещё и «АД» — «Антисоветская деятельность». Это уже похуже, но мягче «Контрреволюционной». С фантазией люди в НКВД, или где повыше, трудились.

— Вот видишь, — сказал Куцему комкор. — Статья политическая. Значит, наш.

— Опять нарываешься, солдатик, — ощерился вор. — Ну, не обижайся! — Резко повернувшись к блатным, он истерично заорал неожиданно пронзительным, визгливым голосом: — Братва, он нас опустил! Все слышали, что как курей нас всех вы... вытопчет! Такой базар не прощают. Бей его, братва!

За спиной Маркова между шконками змеёй мелькнула гибкая фигура. Блеснула заточка, направленная точно под лопатку Сергея.

Лось, вроде бы скучающе слушавший «разборку», стоя в двух шагах позади напарника, с разворотом ударил ногой назад. Словно как конь лягнулся. И с той же примерно силой. Косой впечатался в кирпичную перегородку с нехорошим звуком. Даже пискнуть не успел, обмяк тряпичной куклой. Изо рта появилась струйка крови.

Блатные толпой кинулись на Маркова с Лосем, у кого-то ещё в руках появилась финка. «Политические» со своей стороны рванулись навстречу. В воздух взлетела табуретка. Ещё минута — и в тюрьме, пожалуй, уголовный контингент сильно бы подсократился.

Громыхнула широченная монастырская дверь, окованная железными полосами — советской власти тратиться не пришлось, — в помещение ворвались не меньше десятка коридорных и стрелков наружной охраны, эти даже с винтовками, что категорически запрещалось Уставом и многочисленными инструкциями, — с огнестрелами в зону ни ногой. С палками, плётками — это пожалуйста, но с оружием — ни-ни! Даже начальник в предзоннике свой наган оставлял.

Охранников возглавлял самый страшный, наверное, человек изо всего руководства СТОНа — начальник культурно-воспитательной части Успенский. Должность у него была ничтожная, но как-то так он себя поставил... Поговаривали, что совсем недавно

он целым Главком управлял, да провинился чем-то. Не то лизнул кого не надо, или не на того гавкнул. При «пересменке» власти в НКВД много таких оказалось — расстреливать не за что, на должностях сохранять — другим место надо. И поехали бывшие начальники по дальним лагерям и глушайшим из глухих райцентрам. Так что в какой-то мере Успенский с Марковым — товарищи по несчастью. И с того ромбы сорвали, и с другого, один в тюрьме, и другой там же. Но «два прихлопа, три притопа» даже много чего повидавшие профессионалы тюремного дела считали садистом. Он, наверное, и «на воле» такой был, но понижение сразу на четыре звания, из старших майоров в лейтенанты[1], его особо озлобило.

— По нарам все! — истерически заорал он и бросился вперёд, расталкивая и уголовников и политических. Локтём крепко врезал по зубам подвернувшемуся на пути Куцему. Как белый медведь зазевавшуюся нерпу, он выдернул из толпы за ворот «интеллигента» и швырнул его в сторону двери. Силы у него было — дай бог каждому. Там «математика» сразу окружили, закрыли собой «корпусной» с «выводными».

— Слава богу, живой, сука, — прорычал Успенский, вытирая пот со лба, и, обернувшись к зэкам, скомандовал: — Всем на места. И сидеть тихо. Малейшая буза — урою всех. Никто ничего не видел, ничего не слышал!

Если начальник культурной части обещал, что «уроет» (любимое словечко), то обещание сдерживал всегда. «Урою» могло обозначать всё, что угодно, от двух недель в неотапливаемом «Блоке усиленного режима» до «вышки». Чтобы на самом деле расстреливали, свидетелей не было, но люди из зоны исчезали бесследно.

---

[1] В системе НКВД и Госбезопасности система персональных званий отличалась от армейской. Так, «старший майор госбезопасности» носил те же два ромба, что и комдив, а «лейтенант ГБ» — одну «шпалу», как капитан или старший политрук.

Успенский махнул рукой. Очкарика вывели.

НачКВЧ уткнулся взглядом в Маркова.

— Кто первый начал?

Сергей промолчал, не отводя глаз.

— Молчи, молчи, только носом не сопи, а то нарвёшься. Ты у нас христосик, за слабых заступаешься. Ну, сегодня счастлив твой бог, Марков, — проговорил Успенский. — Сегодня. А вообще будешь бузу затевать... — хотел повторить свою стандартную угрозу, да отчего-то передумал.

Повернулся к Куцему и хлёстко ударил обратной стороной ладони по губам. Не сильно больно, но зверски обидно. Особенно — на глазах кодлы. Наедине, в кабинете — другое дело.

— Ещё раз без позволения попрёшь, куда не просят, — урою! — здесь слово было сказано.

Успенский повернулся и, поскрипывая сапогами — сапоги всегда носил фасонные, и по улице в них ходил, хоть какой мороз, — вышел из барака.

Марков постоял ещё с полминуты, обводя глазами уголовников, остановился взглядом на пахане.

— Усёк, падла?

Повернулся к Лосю.

— Володя, найди мел, проведи вот тут черту, — он указал на то место, где стоял. — Кто перейдёт без спроса — пусть не обижается.

Повернулся и пошёл к своей шконке.

— Ну, подожди, сука, — почти бесшумно прошипел Куцубин. — Ох и сочтёмся...

Авторитет его сегодня пошатнулся очень сильно, и надо было срочно что-то придумать.

Двое воров подошли к так и валявшемуся на полу Косому.

— Живой?

— Да чуток живой.

— Бери. До больнички понесём, чего в бараке подыхать...

* * *

С полки одного из хранилищ так называемого «Особого сектора» специально на то поставленный сотрудник, отвечающий только за одно направление работы, снимает папку с личным делом комкора Маркова. Папка ложится на тележку, поверх стопки подобных же папок, картонных и дерматиновых, потолще и потоньше, завязанных кальсонными тесёмками. Некоторые начаты недавно и вмещают десяток страниц, другие уже пожелтели, разбухли, регулярно ведутся с начала двадцатых годов.

Должным образом зарегистрированные в приёмной, папки в положенный час ложатся на приставной столик в кабинете Генерального секретаря.

Руки со стариковскими пигментными пятнами не спеша развязывают тесёмки. С фотографий смотрят лица «изъятых», но не расстрелянных пока представителей высшего комсостава, совсем недавно — «непобедимых и легендарных». Тех, про которых, согласно песне, «былинники речистые ведут рассказ». Точнее, вели, пока сами не сели.

Попадаются среди них интеллигентные лица «бывших», но большинство напоминают сверхсрочных унтеров или провинциальных городовых. Иосиф Виссарионович досадливо морщится, пристально всматривается в глаза подследственных, пробегает собственноручно написанные автобиографии и листы «объективок», не глядя, пролистывает протоколы допросов и бережно подшитые доносы.

Перед глазами вождя проходят разные жизни с единым для всех на данный момент финалом. Скудно обставленный казённой даже по виду мебелью кабинет. Письменный стол со столешницей, обтянутой чёрным дерматином. Деревянные только поля по периметру. Огромный сейф. Прикрученный к полу табурет перед столом. Венский скрипучий стул по другую сторону. Следователь в форме НКВД, звание небольшое.

Перед ним видна спина высокого мужчины в гимнастёрке дорогого сукна, выдающего принадлежность хозяина к высшему командному составу.

— Что вы себе позволяете? — слышится возмущённый голос. — Да я член партии с 19 ... года! Да мне сам Фрунзе ордена вручал! Я с товарищем... — сказать, с кем именно знаком, арестованный не успевает. Следователь с размаху бьёт его по зубам, сбивает с табурета, вбежавшие конвойные держат комдива или командарма за локти, пока следователь почти сладострастно обрывает с его воротника петлицы, потом заставляет самого отвинчивать ордена (мало у кого столько силы в пальцах, чтобы с мясом их выдрать из добротной ткани. Это только в кино так показывают).

Для кого-то разговоры с дознавателем закончились подвальным коридором, смертной тоской от услышанного щелчка: конвойный взвёл курок казённого нагана. Впрочем, их личные дела на полках архива никто с тех пор не тревожил. Сталину нужны другие, для кого финалом, может быть, еще не окончательным, стали коллективные гробы бараков или тюремные одиночки.

Просмотрев, Иосиф Виссарионович отбрасывал папку то налево, то направо. «Левые» громоздились на столе неаккуратной горкой, их скоро заберёт Поскрёбышев, бросит опять в тележку и увезёт, обрекая папки на архивный прах, а людей — на лагерную пыль. «Правые», их немного, штук шесть или семь, «Хозяин» откладывал аккуратно, даже поправил корешки, чтобы не торчали. Была в этом некая гротескность, или — аллегория. Мол, как с мёртвыми картонками, так и с живыми людьми будет. Над их судьбами ещё помаракует бывший абрек и большевистский боевик Коба, постоянно советуясь со старшим товарищем — вождём всех народов, мудрым политиком и государственным деятелем, лучшим другом всех достойных людей СССР, от свинарки и пастуха до великого пролетарского писателя, — Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

* * *

Успенский вернулся в барак в пять утра, за час до подъёма. Под потолком горели тусклые «лампочки Ильича». Они с трудом разгоняли мрак и туман от испарений сотни тел, раз в неделю моющихся и меняющих портянки. Четверо коридорных, теперь без оружия, стали у входа, ещё столько же топали сапогами вслед за начальником. Остановились на условной, обозначенной Марковым границе. Углубляться в узкие проходы между ярусами шконок никому не хотелось. И воняет сильнее, и мало ли что кому-нибудь из заключённых спросонья в голову взбредёт. Не поймёт, кто перед ним, и ткнёт заточкой. Сколько в лагере шмонов ни проводят, иногда и по два раза в день, а острые железки не переводятся. Кого в БУР сажают, кого в карцер — и всё без толку.

— Суки, не спится им, поверки дождаться не могут, — матернулся Лось, поднимая голову, а начальник словно услышал.

— Заключённый Лось, — проорал Успенский, — ко мне!

— Вот падаль! Какого ему надо? — сплюнул тот и спустил ноги с верхней шконки. Прямо босиком, но в ватных штанах (редко и мало топят в корпусе) вышел в проход, доложил как положено: — Заключённый такой-то, литер Особого совещания такой-то, начало срока — с такого-то числа...

— Собирайся. С вещами. — Успенский махнул рукой по направлению к двери.

Краем глаза Марков увидел, как оживились, зашептались уголовники. В голос говорить при начальнике КВЧ не положено. Только если сам чего спросит. Решили, небось, что за Косого полковника в БУР забирают. А без него достать Маркова проще будет. На той же делянке поленом по башке, с понта падающим хлыстом зацепило. А Куцый зря языком не ляскал: сказал — сделает.

— Заключённый Марков, — вызвал начкультчасти следующего. — С вещами.

По отсеку уголовников прошелестел вздох злобного разочарования.

Но стояли тихо, вытянувшись у своих коек. С тревогой ждали, кого следующего дёрнут.

Марков перевёл дух. Снова вместе будут. Одному оставаться с этой кодлой ему не улыбалось. Правда, если на «политиков» лагерное начальство собралось повесить вчерашнюю драку, объявив их зачинщиками... Или Косой в больничке сдох. Хилый, гадёныш. И что, судить будут, за «лагерный бандитизм»? Тут статья уже уголовная, но на лишнюю десятку тянет. Задумаешься, а стоило ли за того непонятного очкарика так «подписываться»? Можно было бы поаккуратнее «поговорить». Урки, какие ни есть, а только урки, а вот почти все СТОНовские «начальнички, ключики-чайнички» были истеричными садистами. Гайку сорвёт, так и начальник не брезговал зэков до крови резиновым шлангом «охаживать». Лишний раз попадаться им на глаза не хотелось даже вохрам.

— Куцубин, сюда же! Без вещей.

Это уже интересно.

Сразу съёжившийся, втянувший голову в плечи Куцый подошёл, приволакивая ноги. Так они не договаривались, начальник не запрещал барак «держать», как вор считает нужным. Что-то не туда пошло...

Успенский не дал пахану рот раскрыть, пронырь обычное: «За что, гражданин начальник?»

Лось с Марковым наскоро покидали в холщовые мешки свои жалкие пожитки. За спиной каждого стали по двое коридорных, и вперёд.

Только в круглом зале перед дверями на улицу военных подтолкнули к выходу, а Косого повели дальше, в сторону лестницы на второй этаж. Там и оперчасть, и КВЧ тоже.

Во дворе зэки с наслаждением вдохнули морозный, но удивительно чистый после липкого киселя барака воздух. В чёрном небе над куполом собора — кресты с него давно сбиты — повисла почти полная луна, окружённая светящимся кольцом. Гало называется. Значит, к утру ещё похолодает, и сильно.

Почему-то конвоиры направились не к зданию администрации лагеря, а к банному бараку. Здесь уже было жарко натоплено, но безлюдно. Похоже, помывку устраивали только для Лося и Маркова. Успенский, ничего не говоря, сопровождал командиров лично, до самых дверей, как очень важных персон. И выглядел несколько странно без своей непременной грубой и неостроумной матерщины, словно персонаж звукового фильма, в котором звук отключился.

В предбаннике приказали раздеться. О, чудо: толстый каптёр разрезал суровой ниткой пополам целый кусок хозяйственного мыла. Потом он разделил половину ещё на две части и выдал Владимиру и Сергею аж по четвертушке куска на брата. За все три года и семь месяцев хождений по мукам с такой щедростью заключённые не сталкивались никогда.

— С чего бы это? — тихо, одними губами шепнул Марков.

— Может, усатый подох? — с надеждой прошептал Лось.

— Ага, персонально для нас двоих, — отозвался Сергей.

Они с наслаждением плескались горячей водой. Почему-то никто не подгонял. Охрана вместе с каптёром терпеливо ждала снаружи.

Когда командиры вышли в предбанник, они увидели, что зэковские робы исчезли. Вместо них на деревянных скамьях лежали комплекты солдатского обмундирования — х/б, но новые и, что самое удивительное, по размеру. Даже нестандартные габариты Лося были учтены. Гимнастёрку бугрили могучие мышцы, но ру-

кава доходили до ладоней, и воротник удавалось застегнуть, как положено по уставу, на крючок.

Здесь же оказались армейские шапки, хотя и без звёздочек, валенки и командирские овчинные полушубки.

— Чудеса продолжаются, — почесал в затылке Марков.

— Сказка, — согласился Лось.

Охранники отвели их в кабинет Успенского. Начальник культчасти сообщил, что «поступила команда». Сейчас «граждан заключённых» доставят на аэродром. Там их дожидается самолет «ПС-84»[1], который отвезёт их в Архангельск, в распоряжение тамошнего управления НКВД. Говорил он спокойно и опять без мата. Возможно, таким он бывал на своей прежней службе. Закончил и молча протянул Маркову пачку дешёвых папирос «Норд» и коробок спичек.

— Погреетесь там... Без табачку и жить и помирать тошно.

Командиры выслушали двусмысленную сентенцию и приняли угощение молча, с равнодушными, даже туповатыми лицами. Главный принцип выживания в Зоне, да и вообще в стране — не верь, не бойся, не проси — превратился во вторую натуру почти каждого зэка. Кто этого вовремя не понял, давно в могилах без крестов и даже фанерных пирамидок. Опытный сиделец в самом начале поучал Маркова: «В лагере кто первым подыхает? Кто миски лижет, на больничку надеется да «куму» стучит...»

Но едва они оказались в промороженной коробке автозака — вдвоём, даже конвоиров к ним не подсадили, — Володя развалился, насколько это было возможно, на узкой железной скамейке, тянувшейся вдоль стенки фургона, забросил длинные ноги на противоположную, вскрыл пачку, сунул в зубы папиросу, остальные протянул Маркову. Чиркнул спичкой, затя-

[1] «ПС-84» — тщательно переработанная и улучшенная копия американского «Дугласа». С 1942 г. обозначался «Ли-2».

нулся, выпустил дым. Ох, хорошо! В фургоне действительно как бы стало теплее.

Марков тоже закурил.

Лось затянулся ещё раз, спалив папиросу почти до мундштука, и спросил: «Ты обратил внимание, как он обратился: «Граждане заключённые»? Тебя с момента ареста когда-нибудь кто-то гражданином обзывал?»

— Сукой постоянно, предателем, изменником, лагерной вошью, сволочью, — стал припоминать Сергей. — Матерно, естественно, лаяли. Но гражданином — никогда.

— И к чему это всё клонится, как ты думаешь?

— А папиросы к чему? Хоть одной он когда кого угостил?

— Да, в зубы давал, но без огня и дыма, — сострил полковник.

— Может, везут на доследование. Ещё кого из наших взяли, лепят новое дело, вроде как с Тухачевским... — предположил Марков.

— Ага, как же. Если б так — сначала за вчерашнее рёбра бы переломали, а потом этапом, малой скоростью. Это раз. Второе — если бы везли на доследование, на хрена мыть, переодевать, куревом угощать? Таких клифтов, как этот, — он ущипнул рукав полушубка, — самому старшему нарядчику хрен приснится. Третье — положено двух зэков без охраны в будку сажать? Четвёртое — самолётом повезут. Кому мы, на хрен, в ОблУНКВД сдались так срочно? Мы, как осужденные, за ГУЛАГом числимся. А у них своя оперчасть. Допросить о чём и у «кума» бы могли, ответ по телефону передали. Нет, чует моя душа, тут совсем другая песня. Сдаётся, до этого упыря усатого дошло, что кровавая баня приближается, как кнут к заднице. А воевать, точнее, командовать толком и некому. Кого не посадили и не расстреляли, Халхин-Гол с Финской сильно проредили. Потери, я слышал, в пересчёте на мягкую пахоту там получились, как при форсировании Сиваша. Так что привезут нас в округ, дадут

каждому капитана... — Марков вскинул голову, обжёг друга каким-то недобрым взглядом.

— Ну, ладно, ладно. Мне — капитана, тебе целого майора, — поправился тот. — Тебя поставят на батальон, меня — на роту. И отправимся мы кровью смывать вину в первых рядах защитников социалистического Отечества. И слава богу! Ремесло мы знаем, поставленные задачи выполнять умеем. Лучше погибнуть в бою, чем сгнить от культурных мероприятий гражданина начальника Успенского, чтоб его, суку, заставили «Капитал» наизусть выучить. К утренней поверке.

— Что-то ты размечтался, — тихо сказал Сергей. — Я заметил, что любые перемены — только к худшему. Как бы нам ещё не пришлось суку Успенского вспоминать словно лучшие дни нашей жизни.

— Брось. Хуже нашего вчерашнего положения — только стенка. А раз не шлёпнули, значит — поворот к лучшему. Вот ты, комкор, — хитро улыбнулся бывший особист, — за полчаса ни разу не почесался. Это ли не в кайф? И закурим мы сейчас ещё по одной, а захотим, потом по третьей. Красота, кто понимает. А на самолёте я последний раз в тридцать шестом летал, решил с понтом с одной подружкой из Москвы в Сочи прошвырнуться...

— Что вы думаете об этом, товарищ Лихарев?

Молодой человек в добротном, даже роскошном тёмно-синем костюме, явно заграничном или сшитом у очень хорошего портного, сидевший напротив вождя в его кабинете, пожал плечами:

— Трудно сказать, товарищ Сталин. Маловато информации.

Звали собеседника Иосифа Виссарионовича Валентином Лихаревым[1]. Больше десяти лет он был, как бы это правильнее назвать, внештатным или даже тайным помощником Хозяина, решая наиболее трудные,

[1] См. роман В. Звягинцева «Бои местного значения».

порой щепетильные вопросы. В старое время это называлось «чиновник для особых поручений при особе...».

— Хорошо, поставим вопрос по-другому, — Сталин поглаживал пальцами набитую табаком трубку. — Вы верите в существование привидений? И вообще в сверхъестественное?

Валентин задумался. Многое из того, что он знал, видел, да и мог тоже, товарищу Сталину и всему ЦК показалось бы самой оголтелой мистикой и поповщиной. Фамильные призраки на этом фоне смотрелись милыми домашними кошечками, создающими уют своим мурлыканьем. Но рассказывать об этом Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) его помощник не собирался.

Более того, если визит тени итальянского проходимца полутысячелетней давности не милая шуточка кого-то из «ближнего круга» — приближённых диктатора, — тогда Лихарев представлял, кто мог стоять за этой, по-иезуитски изощрённой, интригой. Эта сила вполне могла считаться и сверхъестественной, и принадлежащей к мистическим и оккультным для каждого из ныне живущих на Земле.

— Товарищ Сталин, я не только верю в потустороннее, я определённо знаю, что оно есть в этом мире и играет очень важную роль в судьбах планеты и некоторых её обитателей, — твёрдо произнёс испытанный помощник.

Вождь помрачнел, сделал жест, будто хотел швырнуть трубку в пепельницу толстого стекла. Но сдержался, с подчёркнутой аккуратностью уложил её на донышко.

— Я доверяю вам, Валентин, — глухо проговорил Хозяин, откидываясь на спинку стула. Его лицо скрылось в полумраке, растворилось в нём, только голос звучал из темноты. — Вы — не обычный человек. Каждого из соратников, — это слово прозвучало с откровенным сарказмом, — я вижу насквозь, знаю явные или потаённые причины слов или поступков. Вас я не понимаю.

И тем не менее вам я доверяю. У вас были резоны предать и переметнуться на сторону того же Бухарчика. Или Кирова. Ещё раньше — Дзержинского, Троцкого. у «белых» вы тоже оказались бы вполне на месте. Вы этого не сделали. Больше того, вы никогда не воспользовались той громадной властью, которую я вам предоставил, в личных целях. Или лучше так — не властью, а свободой. Почему? Непонятно. И всё равно я вам доверяю. Я просил людей еще Генриха[1] посмотреть за товарищем Лихаревым. Так или иначе им предстояло попасть в ежовые рукавицы, проболтаться они не успели бы. Они не обнаружили ничего. Установили квартиру, в которой вы часто бываете. Оказалось, обычная коммуналка, но в ней никто вас не знает и никогда не видел. Возле дома видели часто, но и только. Это само по себе удивительно. И подозрительно. Но, несмотря даже на такие странности, я доверяю вам (вождь всё время повторял эти слова, как будто хотел сам себя убедить), потому что товарищ Сталин умеет ценить истинную дружбу и верную службу.

Потому я прошу ответить прямо и честно: вы сможете обеспечить мне защиту от нечистой силы?

На сей раз Валентин ответил, почти не задумываясь:

— Если это то, что я думаю, смогу. Во всяком случае, приложу все возможные усилия.

В двадцатичетырёхместном «ПС-84» Маркова и Лося приставленные к ним четыре охранника под командованием зелёного, только из спецшколы, комвзвода охраны стрелков ГУЛАГа[2], провели на пе-

[1] Генрих Григорьевич Ягода, Генеральный комиссар Госбезопасности, предшественник Ежова на посту наркома НКВД.

[2] Звание по должности сотрудника Главного управления лагерей НКВД СССР. Приблизительно соответствует сержанту госбезопасности. Персональных званий в ГУЛАГе до 1943 г. не существовало, если представители руководящего состава не переводились туда из других служб и подразделений НКВД или НКГБ.

редние места, напротив двери в пилотскую кабину. Вместо винтовок даже рядовые были вооружены наганами в брезентовых кобурах, а взводный щеголял «ТТ» в апельсиновой коже. Марков с усмешкой подумал, что в вязаных перчатках этот сопляк пять минут будет тугую застёжку отщёлкивать и весь конвой они успели бы передушить голыми руками. Сам Марков много лет изучал джиу-джитсу, а Лось просто кулаком с одного удара способен был вбить любому голову в плечи по уши.

В хвосте салона, самом безопасном в случае аварии месте, уже сидел чернявый очкарик, из-за которого произошла вчера стычка с урками. К «интеллигенту» были приставлены ещё два стрелка, и поблизости сидели двое в штатском под расстёгнутыми полушубками.

Когда Маркова и Лося проводили мимо, очкарик попытался встать и раскланяться. Он тоже из лохмотьев был переодет в довольно приличный прикид. Один из охранников удержал субтильную фигуру за плечи, второй тут же закрыл его от вновь прибывших собственной спиной. Сергей успел заметить, как один из штатских наклонился к подопечному, о чём-то спрашивая. Потом он подозвал начкара и с ним о чём-то пошептался. Подбежав к командирам, комвзвод приказал сесть лицом к кабине и не вертеть головами.

— Не прост твой крестник, — почти не разжимая губ, сказал Лось. — Одного, как нас двоих, сопровождают...

— Разговоры отставить, отвернуться! — рявкнул ближний конвойный с усами, как у Василия Ивановича Чапаева. Сергей медленно, с расстановкой послал его очень далеко и крайне изощрённо. Просто чтобы убедиться в прочности своего нового положения. И угадал.

Конвоир приоткрыл рот и растерянно глянул на своего начкара.

Тот, в свою очередь, оглянулся на того из штатских, с кем только что разговаривал.

Тот, не утруждаясь словами, просто махнул рукой. Взводный засопел и машинально повторил его жест.

— Вот то-то, — злорадно сказал Лось и вызывающе ухмыльнулся.

Когда через час с лишним гудевший и дёргающийся самолёт приземлился, командиров заставили сидеть, не оборачиваясь, пока таинственного очкарика не вывели и не усадили в чёрную «Эмку».

Марков и Лось только и увидели, как легковушка рванула с места. Тогда Сергей и подумать не мог, что его судьба причудливым образом переплелась с загадочным «крестником» и вчерашним эпизодом коллизия только завязалась.

Два часа бывших краскомов вместе с конвоирами заставили ждать на морозе, прямо на лётном поле. Ну и ладно. После СТОНа это показалось почти приятной прогулкой на свежем воздухе. Тулупы и валенки это вам не ватные фуфаёзы и зэковские ботинки. Тем более что два раза вохрам приносили кипящий сладкий чай. Паче всех ожиданий, горяченьким напоили и заключённых.

Наконец Сергея и Володю отвели к другому самолёту. Это был опять «ПС-84», в распахнутом люке стоял молодой парень в сияющих сапогах, синих галифе и коричневой кожаной куртке. Слабый ветерок шевелил светло-русую копну волос над круглым улыбающимся лицом.

— Прошу, товарищи, — пилот сделал приглашающий жест. — Располагайтесь.

Товарищи переглянулись — чудеса продолжались — и, осторожно переступая громоздкими валенками по узким металлическим ступенькам трапа, поднялись в салон. Охранники остались на поле.

Лётчик задраил вход, проводил Маркова и Лося к настоящим креслам, рядами заполнявшим фюзеляж,

и представился: «Командир корабля старший лейтенант Бесстужий». У Сергея потеплело на душе, когда он услышал фамилию первого пилота: Без стужи.

— Теперь прямо в Москву, — сообщил старлей.

— А доберёмся? — спросил Лось.

— Что вы, это же «Дуглас». Главное, не мешать ему лететь. Классная машина!

— Командир, — вмешался Марков. — Нас в Архангельск доставили на таком же. Но тот был... попроще, что ли.

— А это — экспериментальный образец, — живо отозвался пилот. — На базе исходного «Дугласа» (он упорно называл советский самолёт его «буржуйским» именем, что само по себе было чревато) сейчас сделали несколько модификаций: штабной самолёт, десантный, летающий госпиталь. Даже бомбардировщик!

Сергей смотрел в васильково-синие глаза Бесстужего, любовался наивной детской улыбкой и думал: «То ли ты — полный идиот, старлей, двум «политическим» зэкам разбалтываешь военную тайну. Зачем? Нас пристрелить проще, чем проверять. Да и проверка, мягко говоря, дебильная. Такую даже Успенский, простая душа, слишком примитивной посчитал бы. Или тебя кто-то очень подробно проинструктировал. Кто? И с какой целью?»

Командир предложил сбросить полушубки — в салоне было тепло, градусов восемнадцать—двадцать. Марков и Лось с удовольствием сняли и валенки, Владимир наклонился, чтобы размотать портянки.

И в эту минуту из отсека перед пилотской кабиной выпорхнула молоденькая девица в обтягивающем форменном костюмчике, вроде как «Гражвоздухфлота». Поверх был надет кокетливый кружевной кипельно-белый маленький фартучек. Обтягивающая юбка не доходила до коленей сантиметра на три. Или даже на все четыре. Лось и Марков чуть не застонали в голос, увидев такое чудо.

Владимир застыл, глядя на девушку снизу вверх. Одеревеневшими пальцами он торопливо заматывал, слава богу, чистую, а то со стыда сгорел бы, портянку.

— Знакомьтесь, это наша бортовая буфетчица Люсенька, — широко улыбаясь, представил командир. Люсенька ещё шире распахнула светло-голубые огромные глазки. Ярко-алые губы растянула обворожительная улыбка. Белокурые волосы, уложенные не модным валиком, а крупными волнами перманента, покачнулись, когда девушка сделала книксен.

Только сейчас Сергей разглядел, что росту в бортовой буфетчице — от силы метр пятьдесят восемь, а весу — килограммов сорок. Другими словами, была она миниатюрной, худенькой до полной бестелесности. И ужасно походила на роскошную куклу с прелестным фарфоровым личиком. Марков видел таких в детстве. Ими играли барские дочки. А Серый — дворников сын заглядывал в окна, чтобы увидеть, как он никогда не будет жить.

— Чем вас угостить, товарищи? — прощебетала куколка. У Лося язык прилип к гортани. И он, и Марков последний раз видели живую женщину почти три года назад. А тут такое чудо в кружевном передничке. Сообразив, что он сидит перед стоящей дамой, Володя вскочил на ноги, чуть не ударившись о багажную сетку над головой. Локоны Люси оказались примерно на уровне нагрудного кармана гимнастёрки.

— Чай, — продолжала бортовая буфетчица, — какао, кофэ. Из напитков есть водка, коньяк, сухие грузинские вина — «Цинандали», «Гурджаани», «Вазисубани». Минеральная вода «Боржоми», «Нарзан». Папиросы «Герцеговина Флор», «Казбек», «Три богатыря». Есть новинка — сигареты «Камель». Американские. Это как папиросы, но без мундштука. Горячим обедом я вас накормлю через два часа. Чтобы заморить червячка, могу предложить холодные закуски.

Выпить хотелось. И закусить тоже. И особенно хотелось попробовать американскую новинку с непонятным названием «Камель». Сергей покосился на Лося. Тот застыл, словно памятник известному самцу, не сводя глаз с фарфоровой прелести. Марков подумал: «Я кто? Командующему корпусом напиться и нажраться, как оголодавший жлоб, неудобно. Да и неизвестно, кто встретит в столице. С другой стороны, лететь долго. И ты хоть уже и товарищ, но пока ещё полный зэк. А лагерная мудрость гласит: жри, пока дают. Спустишься с небес на землю, засунут тебя снова в «воронок» с вкусной надписью «Хлеб» на борту, отконвоируют на Лубянку. И будешь локти кусать, вспоминая, как тебе предлагали, а ты из шляхетного гонора отказался».

— Давай, хозяюшка, коньячку граммов по триста на душу. Неси пока закуски. «Камеля» тащи, — распорядился Сергей. — Спички, пепельницу. «Боржоми» пару бутылок.

Люся снова грациозно присела и скрылась в буфетном отсеке. Когда исчез Бесстужий, ошеломлённые командиры даже не заметили. Лось с минуту пялился на дверь, которая скрыла от его глаз девушку, потом бухнулся в кресло.

— Ты понял, — зашептал он, — какое чудо маленькое. Как у Есенина: «Я красивых таких не видел».

— Охолонь, — посоветовал Марков. — Ты просто живую бабу тысячу дней не наблюдал. Сейчас любая принцессой покажется.

— Одну тысячу двести сорок четыре дня, — деловито поправил Володя. — Но нет, дело не в том, — мечтательно протянул он. — Такую малышку я всю жизнь на руках носить готов. На ладошке.

Распахнулась дверь, и малышка выкатила сервировочный столик на колёсиках. Он был украшен семисотграммовой бутылкой «Греми» и двумя широкобёдрыми, сужающимися кверху бокалами; тарелочками

с нарезанной тонкими ломтиками буженины, с крабами, с золотистыми тушками шпротов. Рыбёшек украшали даже веточки зелёной петрушки!

Бутылки тёмно-зелёного стекла с этикетками «Боржоми» запотели от холода. Они позванивали, ударяясь о тонкостенные стаканы. Пирамидка чистых тарелок, увенчанная накрахмаленной салфеткой, тяжёлые мельхиоровые вилки и ножи. И в сторонке массивная пепельница зелёного стекла, жёлтая, вертикально вытянутая пачка с изображением верблюда и надписью «Camel» и спички фабрики «Ревпуть».

Вчерашние зэки, а ныне товарищи потеряли дар речи от давно забытого великолепия.

— Люсечка, присоединяйтесь к нам, — воззвал Лось.

— Не могу, не положено, — кокетливо ответила девушка.

— Для меня все яства и напитки потеряют вкус и привлекательность, — затрубил Лось.

— Правда, не положено, — уже серьёзно сказала буфетчица. — У меня могут быть неприятности. Вы этого хотите?

— Ни в коем случае, — хором заверили командиры.

— Приятного аппетита, — пожелала фарфоровая красавица и удалилась.

— Наливай, — приказал Марков как старший по званию. Густая жидкость полилась в бокалы, в ноздри ударил резкий запах. Марков обхватил посудину ладонями, собираясь, как положено, согреть благородный напиток.

— Брось, — взмолился Владимир, — не тяни.

Они сдвинули пузатые ёмкости: «Чтоб он сдох», — прошептал Лось. Сергей усмехнулся, согласно прикрыл глаза. Выпили залпом, потянулись вилками к шпротам.

— Между первой и второй, — пробормотал Лось, разливая. Снова выпили, за то же. Приятно закружи-

лись головы. Нанизав на вилку кусок мяса, Марков отправил его в рот и поморщился.

— Ты чего? — забеспокоился напарник.

— Зубы шатаются. Целых три. На допросах недовыбили. А сейчас не то цинга, не то чёрт его знает. Бывает, жуёшь удачно. А то попадёт зуб на зуб... — Сергей приоткрыл рот, покачал пальцем верхний клык. Володя сочувственно вздохнул: «А у меня обошлось».

Марков потянулся к иноземной пачке, заелозил пальцами по скользкому целлофану: «Чёрт, как эта дрянь открывается?» Владимир забрал у приятеля картонный кубик, проткнул обёртку зубцом вилки, содрал её и швырнул в пепельницу. Рывком оборвал плотную бумагу с угла пачки.

— Ну и запрятали, как котово сало.

— Что? — переспросил Сергей.

— Бабка моя так говаривала. Она с Кубани, там присказка такая есть.

Лось выудил белый цилиндрик, протянул другу, вытащил сигарету для себя. Марков чиркнул спичкой, поднёс огонёк Володе, прикурил сам и закашлялся. После махры американское курево с верблюдом на пачке показалось слабым. Пришлось запить ещё глотком-другим резкого коньяка «Греми».

Лось обнял Маркова за плечи, ткнулся губами в ухо, зашептал по-лагерному, почти не шевеля губами, чтобы не смог подслушать никто: «Я тебе даже в СТОНе «родном, навек любимом», будь он проклят, не говорил... Знаешь, о чём я мечтаю? Думаешь, о бабе? Нет! То есть, это конечно, но это не самое главное. Даже не о том, чтобы реабилитировали, честное имя восстановили. Хрен с ним, родни у меня не осталось, всех в голод выморили. Так что имя носить некому. Звание восстановить? Байда это всё, кубы, ромбы. Нет, по-настоящему я только одного хочу, одно во сне и наяву вижу. Взять эту суку усатую за хлипенькую его шейку и своими руками её свернуть. И в глаза ему смотреть: за дядьку

Степана, которому заговор пришили. А у него образование три класса церковно-приходской школы, и из станицы Старо-Ниже-Стеблиевской он никогда не выезжал. За детишек, от голода пухших до смерти...»

— Ну как, товарищи командиры, — вынырнула из своего отсека Люсенька, — заморили червячка? Сейчас подам горяченького до слёз.

— Слушай, чего она нас «товарищами» называет? Даже если было «решение», ей откуда знать? — удивился уже заметно пьянеющий Лось.

— Неправильно вопрос поставлен, товарищ полковник. Откуда ей знать, что мы зэки, а не возвращающиеся с зимовки руководители Главсевморпути, допустим? Одичали за год, исхудали, а сейчас спецбортом летят в Москву геройские звёздочки получать...

— А шо? Версия имеет право на существование...

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

17.3.1941 г. ... 15.00—20.30. Совещание у фюрера (с полковником Хойзингером). ...2) Операция «Барбаросса».

а) Мы должны с самого начала одерживать успехи. Никакие неудачи недопустимы.

б) Нецелесообразно строить план операции с учётом сил, на которые мы не можем с уверенностью рассчитывать. Мы можем с уверенностью рассчитывать только на немецкие войска.

Финские войска. От них можно лишь ожидать, что они атакуют Ханко и лишат русских возможности отхода оттуда в район Прибалтики...

На Румынию рассчитывать нельзя. Румынские соединения не имеют наступательной силы.

От Швеции ожидать нечего, так как мы ей не можем ничего предложить.

Венгрия ненадёжна. Она не имеет никаких причин для выступления против России. Ее интересы — в Югославии, и здесь ей будет кое-что дано.

Словаки — славяне. Об их использовании, возможно, речь будет идти позже, — когда их можно будет использовать в качестве оккупационных войск.

в) Болота в районе Рокитно, по-видимому, не являются труднопроходимым районом (!). Здесь, очевидно, армии могут передвигаться (!).

г) Группы армий «Север» и «Центр» должны продвинуться до Днепра, а затем под прикрытием его сосредоточить свои силы к северу. Захват Москвы не имеет никакого значения.

д) Группа армий «Юг». «Принципиально ошибочно наступать всюду». Прут и Днестр — такие преграды, на которых задержится любое наступление... Поэтому не следует вести никакого наступления через Прут. «Мы только отгоним русских здесь, где мы должны были бы просить их остаться».

е) Вывод: в Румынии следует ввести в действие войска лишь постольку, поскольку это необходимо для её обороны. Всё остальное должно быть использовано севернее Карпат — фронтально с дальнейшим усилением ударной группировки на северном фланге путём подтягивания новых подвижных соединений. По возможности скорее вывести танковые части из Румынии!

3) Финляндия — Швеция — Норвегия:

а) Мы не можем строить свой план на терпимом отношении Швеции к переброске войск через её территорию.

б) Оборона Норвегии недостаточна. Англичане будут вести отвлекающие атаки. Норвегия очень чувствительна: фиорды, плохие дороги.

в) На Западе опасности нет: налёты днем невозможны, вероятность высадки десантов на Западе исключена. Отсюда можно выделить силы для Норвегии (две-три дивизии).

г) Предложение Швеции: мы хотим сменить две горные дивизии в Северной Норвегии и поэтому требуем права прохода этих двух дивизий через Швецию (имущество — морским путём). Если этот путь окажется невозможным, то смена — морским путём.

д) Таким образом следует сменить одну горную дивизию. Другую дивизию следует попытаться подвезти морским путём через Ботнический залив незадолго до начала войны. Эти две дивизии должны не допустить, чтобы англичане высадились в Мурманске, и блокировать пролив, ведущий в Белое море.

4) Доклад генерала Вагнера о снабжении в целом. К этому никаких замечаний.

5) Тыловые районы: в Северной России — никаких трудностей, её получит Финляндия. Прибалтийские государства отойдут к нам со своим местным самоуправлением... Насаждённая Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена, руководящий аппарат русского государства — сломан.

В Великороссии необходимо применение жесточайшего насилия. Идеологические узы недостаточно прочно связывают русский народ. После ликвидации активистов он распадается. Кавказ позже будет отдан Турции при условии его использования нами...

ГЛАВА 3

Марков прилип к иллюминатору. Самолёт заваливался на крыло, начиная скольжение к посадочной полосе.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Сергей. — Это же не Центральный аэродром.

Владимир навалился всем весом на плечо «напарника по пиле», выглянул: «Да, на «Ходынку» не похоже. Неужто успели новый отгрохать?»

Самолёт коснулся бетонки, слегка подпрыгнул и покатил, гася скорость.

— Пожалуйста, не отстёгивайте ремни и не вставайте с мест до полной остановки аэроплана, — попросила буфетчица Люся. Несмотря на долгий перелёт, большую часть которого накормленные и слегка пьяные пассажиры проспали, она выглядела такой же сияющей фарфоровой куколкой. — Сейчас к вам выйдет командир.

Старший лейтенант Бесстужий появился, словно он ждал этих слов: «Товарищи командиры, наша машина произвела посадку в столице нашей Родины городе Москве».

Вид у пилота был усталый. Круглое лицо осунулось, даже копна русых волос как бы осела, как будто простояла пару месяцев под осенним дождём.

— Где мы сели, старлей? — спросил Лось.

— Это новый аэропорт. Внуково. В эксплуатацию его ещё не сдали, но в некоторых особых случаях он уже принимает, — объяснил летчик. Марков и Лось переглянулись. Им показывали секретный объект. Что это могло значить, абсолютное доверие или?..

Бесстужий открыл люк, выглянул.

— Вас встречают. Счастливо.

Марков шагнул на трап. Перед самолётом стояли две чёрные «Эмки». И группа товарищей, четверо в штатском, двое в форме Госбезопасности, один капитан, другой майор: три шпалы и один ромб.

Лось задержался на выходе.

— Спасибо, сокол, — сказал он Бесстужему. — Люсенька, мы с вами ещё увидимся?

Бортовая буфетчица ослепительно улыбнулась:

— Обязательно, товарищ Владимир.

Москву Марков толком не рассмотрел. Встречающие вежливо рассадили их с Лосем в разные автомобили, на задние сиденья, между людьми в одинаковых пальто и кепках. Правда, каждый из чекистов поздоровался со своим подопечным за руку. Но окна машин были наглухо зашторены, а лишний раз ворочаться зажатому между крепкими организмами конвоиров вчерашнему зэку не хотелось. Сергей глазел в лобовое стекло на пустую асфальтовую трассу, на хоровод покрытых инеем березок вдоль дороги. Потом на неизвестные ему окраинные улицы, такие же, как в любом другом городе, на автобусы и трамваи, на авто. Их стало намного больше. Теперь легковушки появлялись в поле зрения чуть не каждые пять минут.

Пешеходов было немного. Семь утра для столицы время слишком раннее. Мужчины в большинстве носили такие же, как у обитателей СТОНа, чёрные стёганые телогрейки и похожие ботинки или валенки. Для пролетарской окраины самая подходящая одёжка. Женщины красовались или в таких же стёганках или в плю-

шевых кофтах чуть подлиннее, на головах — тёмных тонов платки. Унылое зрелище, резко контрастирующее с кадрами тогдашних художественных фильмов о столичной жизни. И снег по обочинам был грязный от копоти заводских труб и печей жилых домов.

Минут сорок езды прошли в полном молчании. Марков не хотел ни о чём спрашивать сопровождающих, а те, надо думать, имели инструкции в праздные разговоры не вступать. Только майор с переднего сиденья регулярно протягивал Маркову раскрытую коробку «Казбека». Сергей не отказывался. Дым стремительно вылетал в приопущенные боковые стёкла. Иначе бы все давно задохнулись.

«Эмка» пронеслась мимо Киевского вокзала по набережной в сторону Воробьёвых, ныне Ленинских, гор, свернула куда-то в сторону «Мосфильма» и остановилась у пятиэтажного здания. Майор выскочил из «Эмки» первым, дождался, пока вылезут люди в штатском и выберется наружу Сергей.

— Сюда, — чекист показал на лестницу в полуподвальное помещение. Вывески над входом не было. — Это — гостиница для высшего командного состава НКВД, — пояснил он, пропуская Маркова вперёд.

— А отчего не РККА? — несколько дурачась, спросил комкор.

— А потому что вы пока за нами числитесь, — без улыбки ответил майор. Лицо у него было худощавое и, можно сказать, интеллигентное.

Дверь в этот «странноприимный дом» могла поразить воображение. Массивные резные филёнки из потемневшего от времени дуба, сияющая начищенной бронзой ручка. Человек в штатском с усилием, преодолевая сопротивление мощной пружины, оттянул полотнище. За тамбуром оказалось небольшое, уютное, хорошо протопленное помещение. Из-за стола, где был разложен скромный завтрак, поднялся грузный мужчина лет пятидесяти в форме сержанта

госбезопасности (два рубиновых кубика на синих петлицах).

Комкор обернулся. Дверь закрылась, но Лося за ним следом не ввели. Для него, значит, своя программа. Жаль, если больше не увидятся. Спрашивать о том, куда направили друга — бессмысленно, а значит, и незачем. Система крутится, смотри, чтоб самому под очередную шестерёнку не попасть.

— Это наш гость, Пётр Акимович, — сказал сопровождающий. — Принимай как родного. Марков Сергей Петрович. По-старому комкор, по-новому пока не знаю. Наверху решат — нам скажут. Документов у него, сам понимаешь, пока нет, так что оформи как моего... сам понимаешь.

— Запишу за отделом, — понятливо отозвался толстяк. — Проходите, товарищ Марков, я покажу ваш номер.

— На сём позвольте распроститься. Надеюсь, встретимся уже в другом качестве. Инструкции на ваш счёт у товарища коменданта имеются. Желаю здравствовать...

Майор небрежно, с несколько старорежимной ухваткой козырнул Сергею и проследовал во вновь раскрытую перед ним сотрудником дверь. На улице хлопнули дверцы, взревел мотор. Машина уехала, коротко бибикнув[1] на прощание.

Сержант Пётр Акимович повёл нового гостя сначала по лестнице на цокольный этаж, потом по длинному, застеленному сине-зелёной ковровой дорожкой коридору. Двери в нём были только с одной стороны.

— Здесь у нас буфет, — информировал комендант. — Работает с одиннадцати до двадцати трёх. Можно попить кефирчику или чайку, перекусить бу-

[1] По старым правилам уличного движения водитель, начиная движение, должен был подать звуковой сигнал, после чего трогаться.

тербродиками. С тринадцати ноль-ноль до семнадцати ноль-ноль столующимся предлагают горячие обеды. С восемнадцати до двадцати одного — ужин. Не «Националь», конечно, но вкусно и питательно. Спиртное в ассортименте, но меру соблюдать надо. Особенно если кто в командировке или назначения ждёт...

Марков намёк понял. От него, честно сказать, и сейчас ощутимо припахивало.

— Цены у нас, естественно, льготные, сами понимаете, по прейскуранту одна тысяча девятьсот двадцать шестого года[1].

Глянув на Маркова, «Колобок» поспешно прибавил:

— Вам пока, естественно, всё будет отпускаться под запись, до полного определения статуса. Вам скоро доставят обмундирование, портной и подгонит по фигуре. Есть у нас такая услуга. Если будет желание — можете выходить на прогулку за пределы расположения. Но имею распоряжение — обеспечить ваше присутствие в номере после девятнадцати часов. Может последовать вызов... Вот ваш номерок, пожалуйте...

Сергей хмыкнул. На круглой табличке крупно значилось: «№ 13». Суеверным комкор не был, а в свете всего происходящего вполне можно посчитать за некий знак. Или намёк.

Обстановка в комнате была не совсем спартанская, всё же «для старшего комсостава». Платяной шкаф не фанерный, а полированного дерева, кровать деревянная двуспальная, с малиновым бархатным покрывалом, письменный стол, к нему пара стульев и ещё два мягких кресла по углам. Плотные шторы раздвинуты, за ними тюлевая занавеска. Большая ванная

[1] В разного рода советских спецбуфетах и прочих «распределителях» цены действительно сохранялись названного года, «расцвета НЭПа», почти до самого конца перестройки, невзирая на войны, дважды вводимую карточную систему и прочие «временные трудности». Например, уже в начале 1980-х пачка американских сигарет стоила 30 коп. при цене «чёрного рынка» — 2 руб. 50 коп. И т.д.

комната с умывальником и трельяжем, ватерклозет чуть поменьше. В ватерклозетах Марков не бывал уже четвёртый год. Вообще забыл, что для этого дела бывают отдельные помещения, а не тюремные сортиры на сорок очков. Хрустальная люстра с висюльками под потолком, чёрная лампа на столе и ещё торшер с розовым абажуром у изголовья. Для командированных вышесредних чинов в самый раз. Для высших должны быть уже люксы, в две и более комнаты.

Сидеть в отведённом помещении без какого-либо занятия скучно. Отправиться на прогулку по апрельской столице в полушубке и валенках? С крайне подозрительной мордой и без документов? Даже не до первого милиционера, а до первого встречного...

Любой военный и любой заключённый одобрил бы решение, принятое Марковым: разобрать койку и покемарить, сколько получится.

Разбудили Маркова в четыре пополудни — лейтенант в неизбежной гэбэшной форме и пожилой штатский, наверное портной, вежливо постучав, вошли и начали распаковывать тючки и пакеты. Согласно «арматурной ведомости». Очень много обмундирования, кое-что в данных обстоятельствах и лишнее — летний генеральский плащ (кроме шинели), генеральские же ботинки, на резинках вместо шнурков, и к ним — две пары сапог, лаковые и хромовые. Лаковых Марков в жизни не носил, это только в прошлом году ввели, для представительности. На кителе и гимнастёрке генеральские петлицы, но пока без звёздочек. Чистый цирк! Но подгонять ничего не пришлось, все сидело как влитое. Обувка тоже соответствовала.

Марков с удовольствием влез в галифе и гимнастёрку, туго подпоясался, прищёлкнул каблуками сапог. Впервые за последние четыре года он почувствовал себя человеком.

Приодевшись, бывший комкор вспомнил о хлебе насущном. За годы тюрьмы он привык к постоянному посасыванию под ложечкой и не обращал на это дело внимания. Но тут прямо прихватило. Желудок вспомнил о недавно потреблённых деликатесах и настоятельно потребовал ещё. Причём даже доппайка чёрного его явно больше не удовлетворила бы.

К удивлению Маркова, ни один из четырёх столиков в буфете не был занят. Сергею вспомнилось, что и сквозь сон он не слышал шума, обычного для гостиницы, тем более, предназначенной для командного состава. Получалось, что он — единственный постоялец?

Толстая, крайне предупредительная подавальщица принесла ему полную фарфоровую тарелку наваристого борща, салат, селёдку с луком, две здоровенные котлеты с картофельным пюре. Марков не выдержал и потребовал полстакана водки. До девятнадцати сколько ещё времени! Запив второй завтрак (или ранний обед?) крепким, сладким и горячим чаем с лимоном, Сергей вернулся в свой тринадцатый.

Не прошло и получаса, в дверь постучал комендант.

— Звонили! — Он машинально возвёл глаза к потолку. — Машина будет в двадцать один. Прогулки отменяются. Лучше вон радио послушайте, — сержант указал на большой, как купеческий сундук, радиоприёмник в углу, за оконной занавеской, который Сергей раньше не заметил.

Этой ночью товарищу Сталину приснилось, что он летает. В далёком детстве бабушка — мамина мама — объяснила: значит, ты растёшь. Других объяснений Иосиф не нашёл ни в соннике девицы Ленорман, которым пользовалась мать, ни в скучных учениях Павлова, ни у хвалёного Фрейда — в работах, которые он успел пролистать. Эти грёзы доставляли огромное удовольствие, даже большее, чем подростковые эротические сны. С годами любовные похождения перестали

являться по ночам, а вот полёты в дремотном состоянии не прекратились. Правда, с возрастом они стали меняться. В детстве Иосиф парил в небе, не прилагая усилий, как облачко. На третьем десятке, чтобы подняться к солнцу, надо было разбежаться, подпрыгнуть и только тогда оторваться от земли. С каждым годом всё большие усилия приходилось прилагать, чтобы не свалиться вниз, чтобы управлять полётом. Тело тяжелело, ему становилось всё труднее подниматься к небу.

И всё же в шестьдесят два года он ещё летал во сне. Всё реже, реже, но летал. Товарищ Сталин считал эту свою способность признаком своей избранности между людьми, свидетельством особости, которая и давала право решать чужие судьбы, право на власть.

Если он взмывал к небу, когда предстояло сделать трудный выбор, Иосиф заранее знал: он примет правильное решение.

Сопровождающие за Марковым приехали другие и обращались со всем пиететом — и не удивительно: человек в генеральском кителе, скрипящих сапогах и голубовато-серой шинели с нераспоротой спинной складкой требовал совсем другого отношения, чем зэк, хотя и приодетый почище.

Но поехали опять в машине с задёрнутыми чёрными занавесками. Всё равно через лобовое стекло было видно, что «Эмка» движется к центру столицы. Когда автомобиль через Полянку выскочил на Большой Каменный мост и справа открылся во всём своём величии Кремль, у Маркова ёкнуло сердце — неужто сюда, к Самому?

Впрочем, машина могла бы через Охотный ряд поехать и на Лубянку. Но нет, поворот направо, и прямо в Боровицкие ворота.

На въезде долго и придирчиво проверяли документы сопровождающих, изучали какие-то бумаги, удостоверявшие личность пассажира, звонили по теле-

фону, чтобы получить подтверждение, что именно Маркова, именно его, а не какого-то тёзку и однофамильца вызвали и ожидают.

Потом через покрытый недотаявшими в тени стен сугробами двор вели к неприметному крыльцу, потом вверх и по запутанным коридорам. На каждом углу стояли бойцы с винтовками. На гранях примкнутых штыков играли отблески ярких ламп.

«Ерунда, — подумал Марков, — на кой хрен в коридорах — с двухметровыми винтарями? Не в летних лагерях, чай. Я бы этого начальника охраны вздрючил. Понты перед начальством гонит. И винты, небось, все откручены, чтоб при взятии «На караул!» звонче брякало. А по делу — наганы в расстёгнутых кобурах — и хватит. А на площадках лестниц — по одному автоматчику...»

При переходе из корпуса в корпус снова изучали удостоверения сопровождающих, сличали фото Маркова из тюремного дела с оригиналом. Сергей в какой-то миг отключился от происходящего, двигался, как загипнотизированный. Не прошло двух суток со времени, когда персональным вершителем его судьбы и недосягаемым начальством был начальник КВЧ СТОНа Успенский. Майор, разжалованный в лейтенанты! И вот...

В Большой приёмной Вождя лысый, коренастый и весьма вежливый, несмотря на сиплый голос, Поскрёбышев велел чекистам отправляться «в расположение», а вчерашнему зэку указал на твёрдый диван, скорее — вокзальную скамью, обитую чёрным дерматином: «Подождите, пожалуйста. Я вас приглашу. Курить разрешается. Вон пепельница». И удалился в невысокую дверь напротив.

Не прошло и десяти минут, как секретарь (вообще-то — начальник Особого сектора в чине дивизионного комиссара) выглянул из двери: «Проходите».

Подавляя совершенно не зависящую от его отношения к Генсеку дрожь в коленках, Марков переступил

порог. В кабинете было полутемно. Только лампа под абажуром зелёного стекла, такая точно, как на фотографиях, бросала круг света на поверхность небольшого письменного стола казённо-канцелярского типа. Посередине лежала раскрытая папка — как бы не следственное дело комкора С. П. Маркова. Рядом с ней стояла стеклянная же пепельница, прокуренная до черноты короткая трубка, пачка папирос «Герцеговина Флор». Ещё имелся поднос с двумя стаканами крепкого чая в серебряных подстаканниках и тарелкой с десятком маленьких бутербродиков с сырокопченой колбасой.

До ужаса знакомый (и в то же время совсем не похожий на себя — плакатного) человек за письменным столом встал и сделал приглашающий жест:

— Прошу, товарищ Марков, присаживайтесь. Чайку — не откажетесь? Хороший чай, из Зугдиди. Курить тоже можно. Одолжайтесь... — последнее слово прозвучало совсем не в тон. По-старорежимному. Сталин подвинул «гостю» коробку своих папирос.

Никакого акцента Сергей не услышал. Разве только слова звучали непривычно твёрдо. Он с любопытством смотрел на Сталина. До сих пор увидеть вождя ему привелось только дважды, когда тот выступал перед высшим командным составом. Последний раз — первого мая тридцать седьмого, кажется. Тогда Хозяин был очень похож на собственные парадные портреты. Сейчас даже в полутьме было видно, что волосы и усы начали седеть. Иосиф Виссарионович казался добродушным молодым пенсионером, который собирается попотчевать соседа по даче вареньем из собственноручно выращенного крыжовника. Эта мысль неожиданно показалась Маркову странной. Какие пенсионеры, дачи, крыжовник? Чехова он давно не перечитывал, а в «настоящей» жизни ничего такого не было.

Генеральный секретарь подвинул поднос поближе к гостю, взял стакан и ближний к нему бутерброд, откусил, с видимым удовольствием хлебнул тёмно-

коричневую жидкость. Почему-то Марков вспомнил беззвучный шёпот Лося: «Своими руками свернуть его тощую дряблую шею». — «А что, если бы я сейчас прыгнул, может, и успел бы...» И вдруг у Сергея Петровича возникло странное чувство, будто он уже был в этом кабинете, и Генеральный секретарь встал ему навстречу, заглянул в глаза и произнёс какую-то совершенно непонятную фразу. И накатило облегчение, и повеяло своим, добрым и дружеским...

Ерунда, конечно. Никогда не бывал комкор в личном кабинете Сталина, не могло такого произойти в этой жизни. А случилось бы, разве смог бы такое кто-нибудь забыть?

Во всяком случае, момент для броска был упущен. Не в физическом смысле, а психологически недавний зэк собраться для такого действия больше не смог. Более того, до него дошла сама неуместность подобной мысли.

— Ну, что же вы, — подбодрил Сталин. — Пейте. Очень неплохой чай, по-моему. Или коньячку желаете?

Сергей мотнул головой, потянулся за своим подстаканником, взял бутерброд, откусил.

«Буду я ещё с тобой коньяк пить. Живой отсюда выскочу — тогда и напьюсь!» — со странной рассудительностью, не идущей к моменту, подумал Марков. Попытался жевать твёрдую, как камень, колбасу шатающимися зубами. Иосиф Виссарионович внимательно наблюдал за осторожными движениями челюстей бывшего комкора. Тихо спросил:

— Обижены на нас, на партию, Сергей Петрович?

— Не то чтобы на всю партию, но обижен, — выговорил комкор, с трудом глотая непрожёванный кусок. — На Военную коллегию в частности и лично на товарища Ульриха. — И подумал: «Ну, сказал, что хотел. А дальше что?»

— Это хорошо. Не то хорошо, что обижены. Хорошо, что говорите правду. А ведь понимаете, что мы мо-

жем за такую правду вернуть вас в лагерь. К Куцему, который очень вас ждёт. И к Успенскому. Да вы пейте, хороший чай. Настоящий грузинский. Вы — мужественный человек, товарищ Марков? — совершенно неожиданно спросил вождь, не изменив тона.

— Не знаю, товарищ Сталин. О себе трудно сказать, смел ты или труслив.

— Как же так? Вы — профессиональный военный. Под артиллериский обстрел попадали. В штыковые хаживали.

— Боевые действия — это технология. Если знаешь её и выполняешь требования техники безопасности, почти наверняка останешься живым. За исключением неизбежных случайностей. Теория вероятности, закон больших чисел и так далее. Так что на войне надо делать то, что должен. Бояться тут некогда и незачем. Вы, Иосиф Виссарионович, это по собственному опыту знаете.

Хозяин кабинета усмехнулся, кивнул:

— И у следователя в кабинете комкору Маркову посидеть довелось. Били сильно?

— Не до смерти...

— Страшно было?

— Не совсем то слово. Когда ты в наручниках в полной власти какой-либо сволочи, садиста? Мерзко. Убить хочется.

— А смогли — убили бы?

— В тот момент — безусловно.

— А показаний ни на кого вы не дали.

Вождь смотрел прямо в лицо Сергею, не мигая. И в то же время было видно, что мысли Генерального секретаря сосредоточены совсем не на собеседнике.

Марков пожал плечами:

— Врать не приучен. Даже когда... очень просят.

— Дадите честное слово... коммуниста, что, выйдя отсюда, будете нам по-прежнему честно служить? На любом месте и в любой должности.

— Лично вам или «трудовому народу», как в Присяге сказано? России?

— А есть разница?

— Для меня есть.

— Вождю. И партии этого самого «трудового народа».

Губы Сталина дрогнули в едва заметной усмешке.

— Тогда только до тех пор, пока буду убеждён, что вождь выражает волю партии и народа. А то ведь, товарищ Сталин, меня сапогами в живот и по почкам били как раз за то, что некоторые «вожди», что мне наградные листы подписывали и в партию принимали, потом не «вождями», а «наймитами» оказались...

Сталин над этими словами думал долго. Достаточно, чтобы у слабого человека все гайки отдались.

— На Троцкого намекаете? — недобрым голосом спросил он.

— На него тоже. Из его рук «Красное Знамя» принимал. Тогда везде писали — «товарищ Троцкий, организатор и вождь Красной Армии...».

— Смелый человек, — задумчиво сказал Сталин. — Очень смелый и не очень умный. Кто сказал: «Если ты говоришь, что думаешь, то думаешь ли ты?»

— Не знаю, товарищ Сталин.

— Я сказал. Ладно, оставим эту грустную тему. Я тоже одно время заблуждался насчёт товарища Троцкого. И Ленин заблуждался. Так что вам в вину поставить нельзя. Спрошу по-другому — если узнаете о чьих-то действиях во вред мне, партии, «трудовому народу», как поступите?

— Согласно Уставу, Присяге и долгу коммуниста.

— А товарищ Дзержинский говорил, что каждый коммунист должен быть одновременно и чекистом...

— Товарищ Сталин, я сделаю всё для партии и Родины и ничего против собственной чести.

— Кто написал, что опереться можно только на то, что оказывает сопротивление? — продолжая размыш-

лять, проговорил Сталин. — Мудрые слова. Вас когда арестовали?

— Три года, четыре месяца и шесть дней назад.

— Полную информацию всё это время вы получать, естественно, не могли. Но что-то всё же просачивалось. Газеты вам давали?

— Так точно, «Правду» в КВЧ и радио в бараке два часа до отбоя.

— Как оцениваете сегодняшнюю обстановку в Европе и на наших границах?

— С Европой всё ясно. Когда Гитлер на нас нападёт, а это будет не позднее середины июля, Европа будет ему всемерно помогать...

— Откуда сроки?

— Опыт прошлой Мировой войны. Тогда начали в августе и не успели до «осеннего листопада». Сейчас возьмут форы. Но точнее смогу оценить обстановку только после того, как увижу карты, разведданные, аналитику Генштаба.

— Увидите, Сергей Петрович, всё увидите, — засмеялся Хозяин. — Сделаем таким образом: сейчас вы вернётесь в гостиницу. Вас удобно разместили? Жить и работать можно?

— Нормально, Иосиф Виссарионович.

— Тогда там ещё поживёте. Зачем привлекать внимание. Под крылышком НКВД спокойнее будет. Вам дадут адъютантов. Двоих. Мало будет — добавим. Все нужные документы они будут привозить, увозить, выполнять любые поручения. Соблюдение всех правил секретности — на них же. Привезут, увезут, ответят, если что... На первичное ознакомление — сутки. Больше дать не могу. Завтра в это же время мы продолжим беседу. Ожидаю объективный и даже жёсткий анализ положения, как вы его увидите. Если получится, прогноз развития событий. На мнение «коллег», включая нынешнего начальника Генштаба и начальника ГРУ, внимания не обращайте. Мне нужно ваше мнение. Справитесь?

— Постараюсь, товарищ Сталин. Но только в первом приближении. Для грамотного отчёта нужно человек пять опытных штабистов и неделя сроку.

— Отчёта о чём?

— О первоочередных мерах по отражению агрессии фашистской Германии в течение ближайших трёх месяцев.

— Хорошо. Поговорим об этом тоже завтра. Последнее: жалобы и просьбы личного характера на текущий момент имеются?

— Никак нет.

— Хорошо. Покажите, не разучились ли вы работать, товарищ... — сделал паузу, как будто хотел произнести воинское звание. Но передумал. — Товарищ Марков. Отдых в уютном лагере на солнечных Соловках иногда расслабляет... По Туруханску помню...

И улыбнулся, давая понять, что с чувством юмора у него всё в порядке.

Лаврентий Берия всегда выполнял задания Вождя быстро и точно. «Дело» Аристотеля Фиораванти доставил Поскрёбышеву глава личной охраны наркома внутренних дел Рафаэль Саркисов. Поскрёбышев принял пакет, расписался в получении и отпустил майора госбезопасности, словно простого курьера.

Сталин вытряхнул из вскрытого Поскрёбышевым пакета тонкую красную папку с надписью — «К докладу». Пальцы крепко сжали двойной красно-синий карандаш, остро отточенный с обоих концов. Кто-то говорил Кобе, будто Поскрёбышев держит специального человека, чтобы снабжать вождя идеальным инструментом для работы. Что за молодец Александр Николаевич!

«С чего это ты сегодня такой добрый, Иосиф?» — спросил товарищ Сталин.

И ответил сам себе:

«Понравилась беседа с Марковым. Он, конечно, не тот человек, который будет предан, как Лаврентий

или Власик. Комкор — недоумок, он живёт по принципам. «Душу — Богу, жизнь — Отчизне, честь — никому. Умри, но не давай поцелуя без любви». Здоровенный, битый жизнью мужик, а думает, словно барышня, обчитавшаяся дешёвых романов. Предпочёл расстаться с зубами, но не с иллюзиями: ни на кого показаний не дал, за него написанные следователем протоколы подписывать отказался. Дурак. Вообще, дураки бывают вредные и полезные. Этот — полезный. Такой, если даст слово служить, не продаст. О Берии или том же Николае Сидоровиче, генерале Власике, этого так уверенно не скажешь. Значит, он тот человек, который и нужен!»

Если бы товарищ Сталин умел, он улыбнулся бы удовлетворённо. Но товарищ Сталин удовлетворённо улыбаться не умел.

В папке сверху лежала записка, написанная по-грузински.

«Батоно, — сообщал Лаврентий Павлович. Он любил ненавязчиво подчеркнуть старшинство своего уважаемого хозяина. — Вы неоднократно указывали, что нельзя понять судьбу отдельного человека, если не увидишь связей его жизни с движением исторической эпохи. Я позволил себе дать абрис нашего Аристотеля на фоне политики Ивана Васильевича Третьего, первым принявшего титул «государя всея Руси». Наш фигурант, как представляется, непосредственным образом связан с началом становления государственности Российской — делом, которое стало главным и в вашей жизни».

Иосиф Виссарионович хмыкнул довольно и приступил к чтению.

«В XV веке, когда Иван III объявил себя Государем (великим князем), существовали три «Руси»: Северо-Восточная, состоявшая из множества княжеств, из них самое крупное и влиятельное Великое княжество Владимирское (центр Москва); собственно

Русь — она была под властью Литвы и по названию столицы именовалась «Киевской Русью». В нее входили Белая и Чёрная Русь; русское королевство, оно же Галицко-Волынское княжество. Немцы обозначали ее Галиция и Лодомерия, в латинских текстах называли Рутенией, Русью, хотя она принадлежала Польше. Провозгласив себя повелителем всея Руси, Иван III de facto предъявил претензии на чужие владения. Соседние государства признавать новоявленного государя не спешили — это было равносильно отказу от собственных земель. Но и воевать никто не хотел.

Прочитав последнюю фразу, Сталин саркастически усмехнулся. Сколько ни пиши бумаг, сколько ни заключай пактов, территория становится твоей только тогда, когда на ней прочно закрепилась твоя пехота. Не зря Гераклит Тёмный называл войну матерью всего.

В 1462 году подчинена Югорская земля, в 1472-м Пермская, в 1474-м — Ростовское княжество, в 1478-м — Новгородская Республика. В 1480 году Русь освободилась от власти Золотой Орды, в 1485-м в состав Ивановой Руси вошло Тверское великое княжество, в 1488-м установлен протекторат над Казанским ханством, в 1489-м подчинена Вятская земля. Вся политика была направлена на объединение русских земель под единым началом.

В 1492 году на службу к Москве перешли вместе с землями князья Семён Фёдорович Воротынский, Михайло Романович Мезецкий, Василий и Андрей Васильевичи Белевские. В ответ Великий князь Литовский захватил города мятежников. Это стало поводом для войны. Уже в 1494 году Литва капитулировала и вынуждена была отказаться «на вечные времена» от власти над Новгородом, Псковом, Тверью, Рязанью и «Верховскими княжествами». Титул московского государя — «Всея Руси» приобрёл законные основания.

Иосиф Виссарионович историю России знал. Но какие-то периоды отложились в памяти со всеми деталями — как царствование Ивана IV Грозного,

а другие эпохи оставались только в самых общих чертах. Потому справку он читал с интересом.

Женитьба Ивана III на Софье Палеолог была союзом равных. Государь всея Руси считался потомком римских императоров, как и его жена. Русские правители не случайно короновались «шапкой Мономаха». Владимир II Всеволодович Мономах был внуком ромейского василевса Константина IX Мономаха (1042—1054 гг.).

Брак с Софьей Палеолог поставил Ивана III выше остальных удельных князей Северо-Восточной Руси. В планы Ивана III не входило царствовать в Константинополе. Его привлекали русские земли, расположенные рядом, только протяни руку. Тем более что ими когда-то владели его предки.

Выйти из-под власти ханов царь Иван III решил потому, что женился на константинопольской еврейке Зое Палеолог. Московский боярский класс состоял из хазар. Иван заменил их на византийских евреев, которые лишились Константинополя, ведь его захватили турки. Даже все дети Ивана III не от Зои Палеолог были убиты.

Сталин подчеркнул последнее предложение синим концом двуцветного карандаша. Истинный правитель готов приносить жертвы даже не стране или государству, но — Власти. Именно этому учит история — концентрированный опыт предков.

Новому государству стали потребны каменные храмы как символ прочности и вечности установившегося порядка. Строить их должны были итальянские мастера. Аристотель Фиораванти — один из крупнейших итальянских инженеров и архитекторов XV века, родился в городе Болонье в 1415 году в семье потомственных зодчих. На родине прославился инженерными работами. Его даже называют предшественником Леонардо да Винчи. Устройства для подъёма больших тяжестей на большую высоту, гидротехнические сооружения, выполненные по заданию герцога Сфорца, например канал

в Кремоне и Пармский канал, укрепление военных замков и главное — передвижка и выпрямление башен в Болонье, Ченто и Мантуе — всё это буквально потрясло современников. В письме болонских властей, предложивших ему службу в городе, Фиораванти назвали «удивительным гением, не имеющим равного в мире».

В это время и турецкий султан звал Аристотеля для сооружения крепостей. Но это уже была бы измена не только родине, но и всему христианскому миру. Фиораванти не принял приглашения нехристя.

В июне 1474 года Иван III направил своего посла Семёна Толбузина в Италию с поручением подыскать архитекторов и инженеров для работы в Московском государстве. Тот встретился с Аристотелем Фиораванти и, возможно, уговорил мастера переехать в студёную Московию. Но тут инженера неожиданно обвинили в сбыте фальшивых монет и заключили в тюрьму. Позже обвинение было снято как облыжное. Но теперь шестидесятилетний зодчий видел единственное спасение от зависти и преследований в бегстве из Италии. В январе 1475 года Аристотель вместе с сыном Андреем и слугой Петрушей в составе посольства Семёна Толбузина отправляется в далёкое путешествие.

Хозяин задумался и написал на полях: «Не были ли авторы доноса на этого «удивительного гения» заинтересованы в том, чтобы подтолкнуть архитектора к эмиграции? Если так, тогда они люди того же Семёна Толбузина. Или агенты турецкого султана».

«Архитектурную деятельность в России Аристотель Фиораванти начал с поездок по старинным монастырям. Русские всегда чтили культ Богородицы, храм Успения всегда ставился в центре кремлёвских ансамблей. Собственно, и расхождение между Западной и Восточной ветвями христианства имело основой разное титулование матери Христа. Европейцы настаивали на термине «царица небесная». За ним стояло светски-иерархическое понимание веры. Более склонные к мисти-

ке царьградские богословы настаивали на обращении «мать-заступница», что породило и самые распространённые типы изображения Девы Марии в иконописи — Елеусу, Панагию и Одигитрию. Каждый из «сюжетов» исполнял собственную функцию оберегания и помощи. Фиораванти проникся непривычным для него духом православной веры. Именно церковь Богородицы он сделал основным строением Московского Кремля.

При дворе Ивана III работали много итальянцев. Отношение русских к иноверцам было настороженным. Но Иван III благоволил к Ивану Фрязину и Аристотелю Фиораванти, который принимал участие в походах на Новгород (1478), Казань, Нижний Новгород (1482) и Тверь (1485) и показал свои таланты незаурядного военного инженера. За заслуги в 1475—1483 годах Иван III позволил итальянцу даже чеканить монеты для Руси. На многих деньгах Фиораванти дерзко обозначал своё имя «Aristoteles», а на обороте некоторых монет изображал всадника с цветком под ним.

Русская земля обладает удивительным качеством: люди, приезжающие сюда из цивилизованных стран, через короткий период теряют совесть.

Вождь хмыкнул и написал на полях: «Если бы только иностранцы».

Это произошло и с итальянскими мастерами. Иван Фрязин настолько уверился в собственном могуществе и влиянии на Ивана III, что во время поездки 1472 года в Италию наобещал от имени великого князя организовать новый крестовый поход, обеспечить переход Руси в католичество и т. д. и т. п. Такого не смог бы выполнить ни один европейский монарх того времени. Кроме этого, Фрязин взялся тайно обслуживать посольство венецианского дожа в Золотую Орду и сопроводить посла к хану Ахмату. Это было прямой государственной изменой. После приезда в Москву, когда все открылось, великий князь «повеле поимати Фрязина, да оковав, послал в Коломну, а дом его повеле розграбити, и жену

и дети изнимати, а того Тревизана (венецианский посол) поимев, хоте казнити». Спасла Ивана Фрязина и Тревизана свадьба с Софьей Палеолог.

Освободившееся место денежника царь отдал Аристотелю Фиораванти. Возможно, таким способом Иван III пытался теснее привязать инженера к Москве. Итальянец несколько раз порывался уехать на родину. Но московский правитель каждый раз на просьбу об отставке отвечал отказом. Так продолжалось до 1483 года. Тогда Иван III отдал приказ задержать Фиораванти, конфисковать его имение, а самого посадить на Антоновом дворе. Опала длилась два года, какова дальнейшая судьба мастера — неизвестно. После 1485 года о нём сведений нет».

После официальной справки была приложена страничка, отпечатанная явно на другой машинке. Её предваряла ещё одна записка от Берии, теперь уже написанная по-русски: «Товарищ Сталин! Автор дополнения к справке — мой старый знакомый, даже друг, ещё со времён совместной работы в Закавказской ЧК Будиани. Он — весьма необычный человек; обладает талантами, подобными способностям не так давно представленного вам В. Мессинга. Только Будиани, в отличие от вышеупомянутого сомнительного типа, не один раз употреблял свои возможности в борьбе против мусаватистов, заговорщиков и прочих неразоружившихся врагов. Я доверяю этому человеку всемерно, только поэтому и не считаю возможным скрыть от вас информацию, которую он представил.

Ваш Лаврентий Берия».

Справка Будиани была короткой.

«Существует мнение людей, серьёзно занимавшихся эзотерическими науками, что самой главной причиной привязанности русского царя к иноземному еврею было то, что Аристотель Фиораванти пообещал Ивану III найти средство превращать неблагородные металлы в чистое золото. Государь подозревал

алхимика в вероломстве, потому приказал «имать» его и заточить в тайную камору в строении Грановитой палаты. Там Фиораванти провёл долгие месяцы. Но секрет «философского камня» своему пленителю так и не открыл. В конце концов раздражённый монарх приказал замуровать архитектора в каморе, сказав: «Если ты действительно такой великий умелец, то найдёшь способ отсюда выбраться». Больше Аристотеля никто не видел.

Однако начиная с шестнадцатого века, в Кремле стал появляться призрак. Он возникал в коридорах и переходах возведённых итальянцами строений нечасто. Являлся только царствующим коронованным особам. Но всегда встреча с духом предвещала войны, перевороты и другие бедствия. Привидение Аристотеля Фиораванти предсказало безумие Ивану Грозному, гибель всей семьи и кровавую смуту Борису Годунову. Есть сведения о зловещем предупреждении, которое высказал Аристотель Екатерине Великой незадолго до её смерти.

Мне известно совершенно точно, что информация о кремлёвском призраке — не досужие россказни. Она опирается на факты и закономерности, доселе остающиеся вне сферы внимания современной науки, но тем не менее существующие реально».

— Наука, — пробормотал Иосиф Виссарионович, — наука. Знаем мы ваши науки...

Командующего Белорусским военным округом Дмитрия Григорьевича Павлова, крупного вальяжного мужчину с лицом разжиревшего бульдога, Сталин вызвал с отчётом о ходе приёмки и размещения перебрасываемых к границе сибирских и дальневосточных армий и отдельных дивизий. Присесть генералу Хозяин не предложил, хотя темпами подвоза и выгрузки войск вроде бы остался доволен. Вообще у Павлова сложилось впечатление, будто его доклад не очень интересовал Генерального секретаря. Он задавал точные

вопросы, по памяти называя номера дивизий, пункты дислокации, имена командиров. Но объяснения выслушивал не то чтобы невнимательно, скорее, думая о чём-то своём.

— Товарищ Сталин, — докладывал генерал, норовя с высоты своего богатырского роста заглянуть в лицо сидящего Сталина снизу, — эшелоны идут так часто, что собака не может перебежать через рельсы.

— А почему у вас собаки шляются в полосе отчуждения? — поморщился недовольно вождь и махнул рукой, показывая, что приём закончен.

Из своего номера Павлов позвонил Эйтингону.

— Нюма, — пророкотал он в трубку. — Я в столице. Хотелось бы встретиться. Раздавим бутылочку «Арарата», пообщаемся. Как ты?

— С удовольствием, Дима. Только доложусь Фитину. Перезвонить или подождёшь у аппарата?

Минут через пять генерал армии вместо ожидаемого ответа услышал, что Дмитрия Григорьевича *прямо сейчас* просит приехать Берия.

Кабинет народного комиссара внутренних дел был огромен. Венецианские окна, украшенные рюшечками, воланами и ещё какими-то хреновинами, названий которых генерал Павлов, конечно же, не знал, беспрепятственно пропускали весеннее солнце. Лучи отражались в полированных поверхностях столов, поставленных гигантской буквой Т, сияли на дверцах и боковинах лакированных шкафов во всю северную стену помещения.

Сам Лаврентий Павлович, одетый в кипельно-белый костюм, чёрную рубашку с белым в чёрные горошины галстуком и белые туфли, поднялся из-за стола, приветствуя вошедших. Овальные стёкла пенсне сверкнули, как два маленьких зеркальца.

— Здравствуйте, товарищи, — радушно улыбнулся Берия. — Прошу, располагайтесь. Чаю, нашего, грузинского, или предпочитаете кофэ?

Эйтингон уверенно прошел к столу, уселся на стул поближе к месту хозяина кабинета. Толстый, в мешковатом, мышастого цвета и не очень опрятном костюме, он выглядел, как муха на кремовом торте. Но, похоже, Наума Исааковича это не смущало.

— У вас попросишь заморского напитка, Лаврентий Павлович, а потом год будешь доказывать, что ты не заморский лазутчик. — Эйтингон широко осклабился, открыв крепкие прокуренные зубы.

— Так ведь за лояльностью личного загрансостава наблюдают ваши службы, гражданин Эйтингон, — парировал Берия и довольно рассмеялся. — Не обращайте внимания, Дмитрий Григорьевич, — повернулся он к Павлову. — У нас свои отношения, свои шутки.

Павлов уселся напротив Эйтингона, пробасил:

— Мне чаю. Я человек простой, не Тухачевский какой-нибудь. Из крестьян.

Нарком нажал кнопку на столе. Впорхнула грудастая блондинка-секретарша в тонком до полупрозрачности крепдешиновом платье с весьма смелым вырезом.

— Любочка, — приказал Берия, — пожалуйста, чай покрепче и два кофэ. Повернувшись к Науму, сообщил: — Видите, я готов подвергнуться подозрениям вместе с вами, Наум Исаакович.

Эйтингон понимающе улыбнулся и добавил вопросительно:

— С коньяком?

— Но только с грузинским, — в ответ осклабился Берия.

Любочка управилась быстро, от силы минут за десять. Вернулась с подносом, на котором дымились чашки, имелась вазочка с печеньем, сахарница, серебряные ложки, бутылка и рюмки. Расставляя приборы на столе, секретарша встала между окном и генералом

Павловым. Солнце пронизало тонкую ткань, под которой бельё было настолько незаметным (наверняка заграничное), что девица показалась Павлову совершенно голой. Могучие щеки Дмитрия Григорьевича налились бурачным соком, он звучно сглотнул. Лаврентий оценил мизансцену, захохотал. Понимающе подхихикнул и Эйтингон.

— Всё, детка, иди, пока не деморализовала руководящий состав Рабоче-Крестьянской Красной Армии, — сказал Берия и сел в деревянное кресло во главе стола. — Докладывайте, Наум Исаакович.

— Первый (германский) отдел Главного управления НКВД СССР разработал план проведения диверсионных операций против немецких частей, расположенных непосредственно на границе, — начал Эйтингон. — Главная цель — нарушение систем оповещения, связи, дестабилизация механизма управления подразделениями.

— Лишнее это, — безапелляционно заявил Павлов. — Бирюльки! Через две недели ко мне прибудут целых три новых армии. И тысяча танков. В случае чего, я этих гансов разорву, как бык овцу на случке.

— Боюсь, вы не понимаете всей важности данного вопроса, Дмитрий Григорьевич, — мягко произнёс Берия. — Наличие в ближних тылах потенциального противника наших разведывательно-диверсионных групп даёт возможность не только... э-э... воздействовать в случае необходимости на подразделения этого самого противника. Мы получаем инструмент для предотвращения масштабных провокаций против наших вооружённых сил и даже политических провокаций.

— Что-то и в самом деле не разберусь, — почесал бритую голову Павлов. — При чём здесь политические провокации против СССР в целом?

— Нападению Гитлера на Польшу, Дмитрий Григорьевич, предшествовала так называемая операция «Гляйвиц», — пояснил Эйтингон, вертя в руках ка-

рандаш. Ладошки и пальчики Наума Исааковича были маленькие, как у семилетнего ребенка. — Немцы, переодетые в мундиры Речи Посполитой, захватили германскую же радиостанцию на польской границе. И вышли в эфир с призывами немедленно свергнуть гитлеровский режим силой оружия. В результате фюрер получил желаемый casus belli.

— Чего он получил? — переспросил генерал.

— Повод для начала войны.

— Ну, в политике и в этих каусах белых я не шибко силён. Я же солдафон. Танковый полк противника силами корпуса раздолбать берусь (шутка показалась ему остроумной). Наступление через Белосток на Варшаву на картах уже проработал. А ваша латынь мне и без надобности. Мы гимназиев не кончали...

— Он закончил пажеский корпус, — меланхолично закончил цитату Эйтингон. — Иначе с чего б ему знать про латынь? В ЦПШ не проходят.

По губам Павлова скользнула тонкая усмешка. И снова он напялил маску взводного фельдфебеля, по нелепой случайности поднятого Фортуной до почти маршальских высот.

— Если вы, Лаврентий Павлович, считаете, будто такие подразделения нужны, присылайте, — вернулся к теме беседы Дмитрий Григорьевич. — Что требуется от меня, обеспечу в лучшем виде.

— Замэчательно. — Берия снял песне и растёр пальцами переносицу. — Давит, — пожаловался он.

— Так снимите вообще эту штуку, — посоветовал Павлов. — Носите очки.

Лаврентий Павлович поднял взгляд на собеседника. Глаза у Берии были очень красивые, кроткие и слегка беспомощные, как у многих близоруких людей.

— Не могу, Дмитрий Григорьевич. Это нарушит образ. Я же инжэнэр. Строитель. Потомственный русский интеллигент. Вы можете себе представить Чехова в очках-велосипедах? Вот.

Генерал молчал. Возможно, он пытался представить Чехова не в пенсне. Или же добросовестно вспоминал, кто это вообще такой.

— Для потомственного русского интеллигента не слишком типичен пост, который вы занимаете, — с долей яда заметил Наум Исаакович.

— А что, вы думаете, мне нравится быть жёстким? Хочется ласкать людей, как маленьких детишек. Но вы помните слова Ленина, которые процитировал великий пролетарский писатель Алексей Максимович Горький? Добреньким быть нельзя, по головам надо не гладить, а бить! — Лаврентий Павлович прицепил пенсне и махнул над столешницей пухлым белым кулаком, показывая, как именно требовал относиться к человечеству создатель Советского государства.

На несколько секунд повисло неловкое молчание. Паузу прервал Эйтингон:

— Так я, может, пойду, сразу и займусь? Судоплатова подключу... — не то спросил, не то просто поставил в известность главный диверсант.

— Сколько это займёт времени, Наум Исаакович? — поинтересовался нарком.

— Уточнить кое-какие детали и распечатать набело. Минут сорок.

— Дмитрий Григорьевич, подождёте? Временем располагаете?

— Конечно, Лаврентий Павлович.

— Замечательно. Наум Исаакович, попросите Любочку позаботиться о нашем дорогом госте. Он, наверное, проголодался...

Секретарша, стуча каблучками и покачивая бёдрами, вошла буквально через несколько секунд после того, как за Эйтингоном закрылась дверь. Будто так и ждала с подносом в руках. Теперь на нём красовалась бутылка «Столичной» водки, тарелочки с холодными закусками вроде балыка, икры, крабов и мясного ассорти. Отдельно — два солёных огурца. Берия

знал, что поить генерала коньяками — только добро переводить.

Пока девушка расставляла всё это перед Павловым, тот не сводил глаз с её декольте, а когда Любочка потянулась, чтобы разложить накрахмаленную салфетку и почти коснулась его грудью, Дмитрий Григорьевич засопел и стал окончательно похож на бульдога, перед носом которого оказалась аппетитная кость.

Едва за секретаршей закрылась дверь, нарком недовольно произнес:

— У тебя что, Дмитрий, — сделал паузу, — Григорьевич, на каждую... встаёт? Нельзя же так, ты же не этот... — перехватчик, а полный генерал. Хочешь, я сегодня её пришлю к тебе на ночь? Уж она... приголубит. Если тебе жены и собственных телефонисток с медсёстрами из минского госпиталя мало.

— Ага, — отозвался Павлов, — хочу. А жена... Она у меня, не в обиду тебе, Лаврентий — снова пауза, — Павлович, пострашнее всего твоего НКВД. А у меня натура... Без двух баб в день я не человек, на любую кинусь. А эта... — он возвёл глаза к потолку.

— Ну, это твои проблемы, а мне от тебя работа требуется, — засмеялся Берия, налил себе коньяку. Подождал, пока Павлов хлопнет стограммовую стопку, закусит чем-то и мягко, без нажима, спросил: — Ты у Самого на докладе был. Как он тебе?

— Какой-то... не такой, как всегда. Сам не свой, что ли. Говорит вроде о размещении войск. А думает о другом.

— Вот, — сказал Лаврентий, долил себе, призывно поднял бокал и покачал, чтобы полюбоваться колышущейся жидкостью.

Генерал поёрзал на стуле и высказал опасение, которое всё время беспокоило его:

— Ты не боишься... Мы так вот открыто встречаемся, все видят, все знают.

Генеральный комиссар усмехнулся:

— Не учи меня конспирации. Я же не рассказываю тебе, как на плацу глотку драть. Чтобы соблюсти тайну, не нужно фальшивые усы клеить, воротник поднимать да шнурки постоянно перевязывать. Это для кино «Ошибка инженера Кочина». Смотрел? Нэт? И правильно сделал. Умные люди говорят: лучший способ скрыть тайну — выставить её на всеобщее обозрение. Надо найти абсолютно легальную и общеизвестную мотивировку для того, что делаешь. Мы пригласили тебя, чтобы обсудить государственное дело в рамках моей и твоей службы. Официальные доклады об этом будут направлены всем интересующимся. И всё чисто. Вот это — наилучшая конспирация. Понял? Я ведь нарочно с тобой встречаюсь при твоём амиго по Испании. А ему сам знаешь, какую роль Коба отвёл? Глаза и уши. Вот пусть и докладывает, и закладывает. А теперь вернёмся к нашим... мутонам.

— Мутоны, это как? — спросил Дмитрий Григорьевич.

— Не важно. Значит, Хозяин выбит из колеи, и это заметно любому свежему человеку. А тем, кто его хорошо знает, тем более...

— А ты не слишком всё усложняешь? — спросил генерал. — Есть же испробованные способы.

— Да? — нарком внутренних дел саркастически поднял брови. — И как ты видишь результат?

— Ну, Главный Военный Совет.

— Жуков, Мерецков, Павлов, — меланхолично произнёс Берия. — Ты, Дмитрий, меня надувать не пробуй. Не по мозгам это тебе. Ваш блядский триумвират, который потом всё, что можно, завалит, но сначала меня к стенке прислонит, нэ нужен. Забыл, кто эти фамилии в Постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР вносил? Напомню: дорогой Лаврентий Павлович. На досуге это всё обмысли как следует. И руководствуйся. А Любочку я тебе сегодня на ночь пришлю. Умелица редкостная, так тебя высосет, аж мозги просветлятся. А с супругой твоей мои орлы-сыщики

потягаются. Может быть, всё-таки хватит сил и возможностей народного комиссариата внутренних дел Советского Союза на то, чтобы прикрыть генерала армии от бдительности одной, нэ спорю, замечательных способностей и талантов, но всё же только жэнщины...

На следующую аудиенцию Маркова пригласили в небывало раннее время — к двадцати двум часам. На сей раз документы у сопровождающих проверяли не так дотошно. Если только за прошлый раз Сергей не привык к данной процедуре.

Поскрёбышев сразу же проводил в кабинет вождя. Здесь стоял тот же пропахший табачным дымом сумрак. Сталин сидел выпрямившись, придавив столешницу обоими кулаками. Кулаки казались слишком большими для невеликого ростом Хозяина. Перед Иосифом Виссарионовичем лежали кисет с табаком, трубка, коробок длинных спичек и стояла стеклянная пепельница толстого зелёного стекла. И снова Маркову показалось, будто раньше (намного раньше, чем вчера) бывал он в этом кабинете, и не один раз.

— Здравствуйте, Сергей Петрович, — ответил Генеральный секретарь на приветствие Маркова. — Располагайтесь, — показал он на стул напротив себя. — Вы ознакомились с документами?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Тогда ответьте на несколько вопросов. Это не экзамен. Считайте, что меня интересует ход рассуждений профессионального военного. Во-первых, какова цель сосредоточивания на наших границах германских войсковых соединений?

— Подготовка к агрессии. Внезапный, мощный, обезоруживающий удар. Блиц-криг, как немцы выражаются.

— Риббентроп уверяет, будто это — вполне рутинные мероприятия. Мол, вермахт после разгрома Югославии и Греции нуждается в отдыхе, переформирова-

нии и всяком таком прочем... Для чего и выводится из района боевых действий. В результате совершенно случайно, — эти слова вождь выделил интонацией, — и, безусловно, временно создалась повышенная концентрация боевых частей в районе нашего нового рубежа с Польшей.

— Товарищ Сталин, перед нашим Западным Особым военным округом совершенно случайно собрались самые боеспособные, обстрелянные части немцев. Генерал Гудериан в труде «Танковая война» разработал соотношение артиллерии, бронетанковых частей, пехоты и авиации, наиболее отвечающее задаче быстрого прорыва обороны потенциального противника. По странному совпадению сейчас подтягиваются именно те дивизии, которые обеспечивают прорыв фронтов на всю глубину построения и вывод наступающих соединений в наши тылы, на оперативный простор. Такой силы удара подвижными соединениями наша оборона не выдержит. Да её и нет фактически.

— Хорошо, — протянул Хозяин. — А что вы можете сказать о переброске частей Красной Армии?

— Первое. Судя по масштабу переброски контингента и боевой техники, мы пытаемся решить ту же задачу, что и противник.

— Конкретнее, Сергей Петрович. Называйте вещи своими именами.

— Советские войска явно готовятся воевать малой кровью и на чужой территории. Нанести упреждающий удар по германским частям, расчленить их и наступать на Варшаву и Восточную Пруссию, выйти на европейские автобаны. Предполагаю, в стратегическом замысле предусмотрен также сокрушительный удар силами Киевского и Одесского округов на Румынию, конкретно — на район Плоешти. Без румынской нефти немцам каюк.

— Неужели вам хватило суток, чтобы составить такую... гипотезу? — удивился вождь.

— Так точно, Иосиф Виссарионович. Если бы мы собирались вести оборонительные действия, целесообразно было бы завершить вооружение укрепрайонов на старой границе, собрать здесь мощный кулак. Аэродромы средней бомбардировочной авиации и самолётов поддержки расположить за главной линией обороны. В случае агрессии измотать силы атакующего противника в естественном предполье между нынешними границами и линией старых укрепрайонов. И уже с неё нанести мощные фланговые удары по растянутым коммуникациям противника...

А мы, наоборот, фактически разоружили эти укрепрайоны, спешно перебрасывая подготовленные УРовские гарнизоны в чистое поле, где от них никакой пользы. В штыковые атаки они ходить не обучены, да и штыков у них нет. Аэродромы располагаем в сотнях метров от рубежа, с границы плевком достать можно. При такой концентрации самолётов и при отсутствии нужного количества БАО со всей системой обеспечения не больше десяти процентов авиации смогут реально вступить в приграничное сражение. Лёгкие танки развития успеха перемешаны в одних подразделениях с техникой прорыва и непосредственной поддержки пехоты. Выполнить своё предназначение они не смогут и бессмысленно сгорят перед немецкими противотанковыми батареями.

— Достаточно, Сергей Петрович. В целом убедительно. Но зачем это Советскому Союзу, как вы думаете? Зачем нам такая война?

— Товарищ Сталин, вооружённые силы — инструмент для достижения политических целей. Нужно ли спрашивать с молотка, чтобы он рассказал о замысле архитектора?

— Ну что же, товарищ «молоток», последний вопрос: что будет, если Гитлер ударит сегодня?

— Не только сегодня. Через месяц наше положение станет ещё хуже, по названным мною причинам. Нем-

цы окончательно вскроют наш замысел, примут меры, и мы получим такой разгром, какого не знала история России. Наполеоновское нашествие — детская игра в песочнице.

— Пачему вы так думаэтэ? — у Хозяина вдруг прорезался сильнейший грузинский акцент. Это было свидетельством крайнего волнения Кобы.

— Я уже доложил. Ну вот, смотрите, на конкретном примере. — Марков вынул из пачки одну из карт. — Врагу очень легко уничтожить наши силы здесь, здесь и здесь, — он указал остриём карандаша. — И самолёты, и танки, и живая сила располагаются в зоне прямого воздействия даже полевой артиллерии. Вот аэродром Малые Заводы. На нём целая истребительная авиадивизия. Семьдесят самолётов. Расстояние от границы — двадцать километров. С началом войны взлететь успеет едва ли одна эскадрилья. Остальные будут ждать своей очереди на рулёжку к ВПП. Дальше — здесь Пятая танковая дивизия одиннадцатой армии. Большинство танков нуждаются минимум в профилактическом ремонте. В самой дивизии ни запчастей, ни нужной рембазы нет. Вот на этих станциях немцы могут захватить матчасть четырёх дивизий прямо в эшелонах, за два часа прорвав весьма хлипкую оборону...

— На каком основании вы называете нашу оборону хлипкой? — Сталин взял себя в руки, и глуховатый голос звучал совершенно спокойно.

— Боеспособные, уже развёрнутые подразделения вытянуты «в нитку», пятнадцать километров на дивизию. Вторых, тем более третьих эшелонов у них нет. Части прикрытия, которые могли бы их создать, расквартированы в сорока и более километрах восточнее. Подъём по тревоге и марш, даже без воздействия противника, займёт сутки. За это время дивизии первого эшелона будут разорваны на батальонные, а то и ротные клочья. Но при превосходстве немцев в воздухе подкрепления могут вообще никуда не дойти. В ито-

ге мы получаем в ближнем тылу дезорганизованные орды, потому что части будут подходить к фронту безо всякой системы, лишённые централизованного командования. Отдельные ответственные командиры будут пытаться выполнять давно устаревшие приказы или «стоять насмерть», обороняя давно никому не нужные «опорные пункты» в глубоком тылу атакующего врага.

Кроме того, товарищ Сталин, — забил Марков последний гвоздь, — на проведение всеобщей мобилизации западнее Днепра нам требуется минимум две недели. И месяц — на боевое слаживание призывного контингента.

— Интэрэсно, — в речи вождя снова промелькнул акцент, — почему мне об этом не докладывали ни Павлов, ни Жуков? Забрасывают сводками о том, сколько пропущено эшелонов, как много танков, самолётов, орудий перевезено в пункты назначения. И никто не сообщает, что всё валят как в мусорную корзину. Можете объяснить?

— Так точно, товарищ Сталин. Жуков — никакой генштабист. На Халхин-Голе за него работали другие, а он только приказы подписывал и страх наводил. Павлов — неплохой комбриг, но это его предел. Они заглядывают вам в глаза и пытаются угадать, что вы хотите от них услышать...

Марков сказал и замолчал, переводя дух. Он опять поставил голову на карту. Сталин молчал, сделал три шага к окну, вернулся. Нажал на кнопку на столе. Через минуту в кабинете возник Поскрёбышев.

— Большую карту Западного и Киевского округов.

Как уж там Поскрёбышев управился, но через десять минут на столе для совещаний лежала большая тяжёлая карта, подклеенная с изнанки марлей. Иосиф Виссарионович подошёл поближе к Сергею. Оба наклонились, чтобы лучше видеть обозначения.

— Доказывайте, что Жуков и Павлов — дураки и бездельники.

— Я этого не говорил, товарищ Сталин. Люди не на своём месте, всего лишь. Вы же сами воевали, — польстил он, — и знаете, что очень редко из хорошего ротного можно за полгода сделать командарма. Тухачевский...

Тут он попал в точку. Пусть Тухачевский и «жертва репрессий», но командармом на Польском фронте был действительно плохим, и Сталин знал это ещё с двадцатого года. За что и рассчитался с «выскочкой» семнадцатью годами позже. Сам-то Марков рос от командира роты до комкора пятнадцать лет, не пропустив ни одной ступеньки, да ещё и Академию закончил по-настоящему, а не за полгода заочно, как многие герои Гражданской, имея два класса базового образования и трёхмесячные курсы «красных командиров».

— Вот девяносто восьмая стрелковая дивизия двадцать второй армии. Штаб выгрузили здесь, в трёх километрах от границы. Кухни, хозчасти — всё здесь же. А пехоту высаживают тут, — Марков ткнул в кружок, расположенный в пятидесяти километрах от первого. — Пока наладится связь, пока подразделения обустроятся на месте новой дислокации, пройдут дни, если не недели.

— Достаточно, — махнул рукой вождь. Повернувшись к Поскрёбышеву, приказал: — Поручите Жукову и Тимошенко подготовить подробную справку о состоянии войск, переброшенных к Западной границе. Особое внимание боеспособности каждого крупного подразделения буквально на текущий момент. Стенограмма нашего разговора с товарищем Марковым велась?

— Так точно.

— Вот и передайте им её для ознакомления. Пусть по пунктам ответят на каждый вопрос. Личные оценки товарища Жукова вычеркните. Павлова — оставьте. Срок — послезавтра.

Когда секретарь вышел, Сталин долго смотрел в лицо Маркова.

— Спасибо, Сергей Петрович, — произнес он наконец. — Вы проделали большую работу. А за стенограмму — не обижайтесь. Так надо. Позже поймёте.

— Я и сейчас понимаю...

— Вот и хорошо. Надо, чтобы мы всегда понимали друг друга...

Мягко и бесшумно ступая, вождь обошёл стол, уселся, снова положив перед собой плотно сжатые кулаки, и не торопясь спросил:

— Как вы посмотрите, если мы предложим вам командование военным округом? Прежнюю должность вы явно переросли.

— Служу трудовому народу, — вскочил и вытянулся бывший комкор.

— А куда же вы денетесь? Должен официально признать, что ваш арест был ошибкой. Большой ошибкой. Лучше бы сразу вас, вместо тюрьмы отправить на Халхин-Гол покомандовать или линию Маннергейма брать. Но мы ошибки исправляем, как видите. Вы всё равно виноваты, безгрешных людей не бывает, даже самый усердный монах перед Богом грешен, я в семинарии учился, я знаю. Надо было думать, с кем разговариваете, о чём и в какой обстановке. Вас посадили, да, а вон Апанасенко, например, не посадили, хотя он даже со мной позволяет себе матерно выражаться и по столу кулаком стучать. И вам лучше было бы кулаком где надо стучать, а не с прожжёнными троцкистами кадровую политику товарища Сталина обсуждать...

У Маркова похолодели пальцы. Да, было такое. Велись подобные разговоры после первого процесса над Тухачевским и прочими, мол, не следовало бы так круто, и доказательства неубедительные, и все осуждённые к одному кругу принадлежат, а бывших конармейцев, соратников Сталина, никого не привлекли... Значит, лично знакомился с его делом Вождь, и сам, наверное, галочку поставил, потому что других за то же самое, считай, сразу к стенке приставили...

Он ещё соображал, что ответить, а Сталин уже махнул рукой, мол, проехали, дело прошлое.

— ...Командующим округом, значит. В соответствии с нынешним положением о прохождении службы решено переаттестовать вас в генерал-полковники[1]. Своё прежнее «имущество» получите у Поскрёбышева, новое удостоверение — в канцелярии НКО, звёздочки и прочее сами купите в «Военторге». Вы не будете возражать, если мы предложим для начала возглавить Московский военный округ?

В самых смелых предположениях Марков допускал, что его могут вернуть на должности комдива-комкора, чтоб особой самостоятельности не имел. Во время доклада Сталину мелькнула мысль, что в оперативное управление Генштаба могут направить (оттого и велел Вождь оценку Жукова убрать). Но округ?! Причём Московский. Сталин что, поверил, что Западный действительно не выдержит немецкого удара и защищать столицу придётся войскам третьего стратегического эшелона? Поистине, Сталин был мастер загадывать шарады.

Поскрёбышев привычным жестом потёр гладкую, как бильярдный шар, макушку, открыл толстенную дверцу сейфа и выложил на стол два конверта. Из одного выпали петлицы старого образца с марковскими ромбами, два ордена и медаль «20 лет РККА», какие-то

---

[1] При введении генеральских и адмиральских званий проводилась переаттестация всего высшего комсостава. Многие «комбриги» получали полковничьи звания, хотя раньше относились к «высшему», а теперь попадали в «старший». От комдива до командарма 1-го ранга обычно переаттестовывали в генералы, но в зависимости от личных качеств и «усмотрения», как правило, самого Сталина. То есть недавний носитель четырёх ромбов (командарм 2-го ранга) мог получить «генерал-майора», а трёх, как Марков, — стать генерал-полковником. Кстати, несмотря на описанный в книге «Малая земля» героизм и стратегическое мышление (с автором — Л. И. Брежневым Жуков хотел посоветоваться, но у Л. И. времени не нашлось), бригадный комиссар (один ромб) Брежнев получил лишь полковничьи погоны.

ключи. Второй, большой, туго набитый конверт, был заклеен бумажной лентой с печатью. Помощник придвинул всё это Сергею:

— Прошу, товарищ генерал-полковник. Это ваши знаки различия и награды, изъятые при задержании. Это — ключи от служебной квартиры. Меблировка казённая, но, если выразите желание, можно будет подобрать обстановку по вкусу. Автомобиль вы будете водить сами или предпочитаете ездить с шофёром? Имейте в виду, два ближайших дня выделены вам для отдыха и обустройства. А здесь, — он коснулся второго пакета, — ваше денежное содержание по званию и должности с момента задержания. — Он второй раз повторил этот термин, как бы подчёркивая, что ни арест, ни суд, ни незаконное лишение свободы не имели места. Так, недоразумение. Исправлено, и не о чём больше говорить.

Вот выписка из постановления Политбюро о присвоении вам нового звания и назначении на должность. Оклад содержания по ней будет исчисляться со дня подписания постановления, то есть с сегодняшнего. — Он машинально взглянул на настольный календарь. Очень обстоятельный был человек, почему и просидел на своём месте больше пятнадцати лет.

Марков вертел в руках бумагу с угловым штампом и круглой печатью «Особого сектора ЦК ВКП (б)», символизирующую кардинальное изменение в его государственном, социальном, просто человеческом статусе, и думал: «Напьюсь. Приеду на квартиру и наберусь до поросячьего визга!»

Это ему удалось. Но не сразу и не так, как он рассчитывал.

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

22.3.1941 г. ... Хойзингер, фон Грольман: ...Вопрос об оборонительных мероприятиях на Востоке на случай русского превентивного наступления выдвигается на первый план. Одна-

ко мы не должны допустить проведения слишком поспешных мер. Я не думаю о вероятности русской инициативы...

Строго секретно.
Заместителю НКВД по кадрам старшему майору НКВД
товарищу Круглову Сергею Никифоровичу
от майора НКВД А. Леонтьева
Служебная записка от 2 февраля 1941 года.

Во исполнение вашего устного распоряжения о подборе кандидатуры для внедрения в операцию «12 апостолов» — объект С. М. (фигурант 1) сообщаю:

Анализ представленных сотрудниками моего подразделения документов, биографических материалов и бесед с людьми, близкими к указанному выше объекту специалистами-психологами 4-го спецотдела НКВД (отдел лабораторий) не выявил явных предпочтений объекта в интимной сфере. В разное время С. М. (фигурант 1) имел 6 зафиксированных и подтвержденных документально или свидетельскими показаниями контактов. Временные сожительницы отличались одна от другой национальной принадлежностью, ростом, комплекцией, цветом глаз и волос, складом характера. Поскольку большинство установленных связей (4 из 6) произошли в боевой обстановке Гражданской войны, можно предположить, что они предопределялись обстоятельствами, а не личным идеальным образом, бессознательно выработанным объектом. Определить таковой (идеальный образ), исходя из характеристик бывшей супруги С. М. (фигурант 1), спецы не считают правильным, т. к. глубокое изучение доступных свидетельств о семейной жизни объекта до момента развода, последовавшего сразу после взятия объекта под стражу, и исследование его реакции на это событие не дают оснований для подобного вывода.

Исходя из вышеизложенного, обязан сообщить, что подбор нужной кандидатуры не может быть произведён с высокой степенью гарантии результата.

Исходя из реакции объекта С. М. (фигурант 1) на внедрённую в рамках той же операции к объекту В. Л. (фигурант 2) спецагента «Лёнечки», сотрудник 4-го спецотдела НКВД, имеющий звание доктора психологических наук, высказал мнение, что кандидатура должна быть противоположностью

«Лёнечке» и иметь следующие параметры: очень молодая стройная брюнетка, возможно, смугловатая, не красавица. Эксперт мотивирует заключение следующим аргументом: С. М. испытывает не осознаваемую потребность покровительствовать, сублимированный (?) родительский инстинкт.

В случае вашего одобрения в течение 3 суток представлю отобранных на роль кандидатуры претенденток.

Майор НКВД А. Леонтьев.

На документ наложена резолюция: «С сего дня я не исполняю обязанности заместителя НКВД по кадрам и начальника отдела кадров. Возможно, эти функции будут возложены на замначальника отдела кадров НКВД СССР капитана государственной безопасности М. В. Грибова. Обращайтесь к нему. С. Н. Круглов».

На копии служебной записки, адресованной 3 февраля уже М. В. Грибову, две резолюции: «1. Моё назначение на должность заместителя НКВД по кадрам и начальника отдела кадров пока не состоялось. Обратитесь, когда я официально войду в должность.

2. Почему я должен заниматься подбором б...?»

На следующей копии той же служебной записки, но уже датированной 26 февраля — Грибов сел в заветное кресло замнаркома ГБ 25.02.1941 г., — стоит приказ: «Майору НКВД А. Леонтьеву. Доложите о сути операции лично. Срочно. М. В. Грибов».

Завершилась эта бюрократическая эпопея объявлением майору Леонтьеву выговора за срыв важного задания руководства и переводом в одну из отдалённых областей страны. Сам майор считал, что ему ещё повезло.

ГЛАВА 4

— В зону с оружием? Прямо в барак? — Джаба Иоаннишвили, проходивший по всем учётам как Ивакин, человек небольшого роста, склонный к полноте, с трёхдневной щетиной на щеках, недоверчиво при-

щурился и откинулся на спинку удобного кожаного кресла. Короткие пальцы пробежали по краю письменного стола, словно по клавиатуре фортепиано. Такая уж была привычка у Джабы Гивиевича — в момент напряжённых раздумий он «наигрывал» одному ему известные мелодии в такт рождавшимся идеям.

— Точно так, Джаба Гивиевич, — подтвердил собеседник, двухметровый вахлак в казённой, но чистой и выглаженной робе. В его обязанности входило ежеутренне докладывать обо всех событиях, которые стоили внимания самого Ивакина. Или представляли нечто из ряда вон выходящее.

«Вор» обвёл глазами стены небольшого, но уютного кабинета его персональной камеры в левом крыле главного монастырского корпуса. Кроме стола с креслом здесь было пусто, не на чем глаз остановить. Разве что пялиться в потолок. Но поднимать взор слишком высоко — до свода было больше пяти метров — этот человек не любил. Предпочитал всё происходящее и всех приходящих рассматривать сверху вниз, в немногих крайних случаях — на равных. Он и сейчас, сидя, умудрялся поглядывать на огромного вестника как бы с высоты некоего трона.

— А кто из наших держит тот барак?

Детина исправлял неофициальную должность помощника Джабы уже не первый месяц. Несмотря на диковатый вид и тупую (тщательно культивируемую) физиономию, дураком не был и, как готовиться к докладу, знал. Научили, что уважаемый человек может задать любой вопрос по теме и ответ должен быть тут же преподнесён на блюдечке. Потому отрапортовал: «Витюля Куцый. То есть Виктор Куцубин. Организация банд-группы в Марьиной Роще. Полтора десятка удачных налётов. Свой срок уже дохаживает. Но утром увели вместе с «вояками», отправили в спецкамеру при БУРе.

— «Переговорить о Куц.», — черкнул Джаба на листе перекидного настольного календаря.

— Ещё что срочное есть? Нет? Иди. Свободен, — и не по-русски, громко, в иной тональности, рассмеялся собственной шутке.

Камера Ивакина запиралась, как и все другие камеры, но только с двух сторон. Корпусной надзиратель, к примеру, чтобы войти, должен был постучать и ждать, когда хозяин вынет свой ключ из скважины. И только тогда отпереть своим. Впрочем, и наоборот, естественно, но только если надзорсостав получал такую команду от «кума». Тот и наручники мог надеть, но этим своим правом ни разу не воспользовался.

Как и многие обитатели СТОНа, Ивакин жил по особым, нигде официально не прописанным правилам. Срока у него не было, статьи тоже. Посадили, «создали условия», а зачем и на сколько, он и сам точно не знал. О чём с ним говорили сначала на Петровке, а потом и на Лубянке, чем пугали и что обещали — слова и слова. К делу не подошьёшь. Пока что он выполнял свои обязанности и пользовался обещанными льготами, а что завтра будет — вор не задумывался. Наркомов, что ни день, к «вышке» приговаривают, куда тут «маленькому человеку» дёргаться?

Он открыл тумбу стола, достал из неё телефонный аппарат на длинном шнуре. Телефон в тюремной камере! Слыханное ли дело? Поэтому Джаба прятал его от простых надзирателей. Трёхкомнатную камеру ему убирали «шестёрки», вохрам в ней делать нечего, тем более шмоны проводить.

Набрал трёхзначный номер.

— Фёдор Антонович, Джаба говорит, моё почтение. С добрым вас утречком. Спалось хорошо? Я тоже не жалуюсь. У меня просьбишка к вам малая — заключённого Куцубина из второго блока на полчасика ко мне не перекинете? Перетереть кое-что надо. Да знаю, что в БУРе. Москва распорядилась? Прямо вот так? Что ж это делается — начальник режима в своей

зоне и власти уже не имеет? Нет, на полчаса, больше не надо. Премного благодарен.

Ивакин положил трубку и пошёл на маленькую кухню готовить себе завтрак. Тюремную еду он не любил, а кулинаром был отменным. Жаль только, на Севере кавказских приправ на рынке днём с огнём не сыскать, ждать по две недели приходится, пока посылка из Тбилиси, Батуми или Кутаиси дойдёт (каждый раз из разных городов, родственников у правильного грузина много). А с остальными продуктами нормально, расконвоенный зэк через день свежатинку таскает. Надзиратели так не питаются, у них на рынок денег не хватает. Почему и радуются самой малой «благодарности».

Куцый явился через три часа. Всё-таки даже Джаба был не всемогущим, понадобилось время для согласования «командировки» с двумя администрациями: собственно тюрьмы и «рабочего лагпункта», со своей некоторой автономией.

Смотрящим в СЛОНе был пожилой татарин Ахмет Кузьмич Гусейнов, медвежатник с дореволюционным стажем. Все называли его Кузьмич. То ли это было погоняло, то ли просто уважительное обращение, понять не мог никто, да по этому поводу как-то и не задумывались. Дед числился санитаром при лазарете. Только очень наивный человек мог бы поверить, что во времена всевластия НКВД «законник» мог жить в зоне по понятиям, отказываясь от работы. Гусейнов был человеком неглупым, да и жизнь научила против ветра не плевать. Он знал, что в его положении есть только два пути: скозлиться, т. е. начать сотрудничать с администрацией лагеря, или пахать как обыкновенный «мужик». Уйти на небо с дымом из трубы котельной или в мёрзлую землю — третья возможность — Ахмета Кузьмича мало прельщало. Потому он и устроился на тёплое — в буквальном смысле — место при лекарне. С учётом того, как была устроена си-

стема оказания медицинской помощи заключённым, гарантированная самой демократичной в мире сталинской конституцией, можно было с уверенностью говорить о том, что Кузьмич, в общем-то, воровских запретов и не нарушает, то есть не работает.

О Джабе изо всего трудящегося в поте лица ограниченного «колючкой» контингента, включая и охраняющих, знал только смотрящий. Его доверенный посыльный успел шепнуть Витюле, что его приглашает большой человек, можно сказать, профессор. И на воле о каком-то там Ивакине бандит даже не слыхал. Его впечатлил сам факт: сиделец имеет возможность пригласить к себе нужного человечка так просто, чтобы поговорить.

Конвоиры остались за дверью. «Как на допрос привели», — мелькнуло в голове у бандита. Он остановился у двери, оглядел аскетическую обстановку кабинета. Точно как у «кума», даже поскромнее. Единственно, что поразило, — на рабочем столе стоял чёрный телефонный аппарат. Интересно, с кем он отсюда может разговаривать? Куцый представил, как он прямо из камеры набрал бы номер своей марухи Любани. Смешно.

Сам «большой человек», сидящий за письменным столом, на Витюлю особого впечатления не произвел. Мелковатый, пухлый, небритый — это ладно. Куцубин повидал всякий народец и понял, что главное не в огромных мускулах или двухметровой стати. В Джабе Виктор увидел то, что ненавидел и презирал в этой жизни больше всего. Для себя и корешков он называл это одним словом: «интеллихент», которое всякий раз выплёвывал из кривящегося рта словно харкотину.

Ивакин тоже рассматривал Виктора. Нагловатый взгляд из-под блатной чёлки, манера стоять, выставив вперёд ногу, как будто он готов сорваться в «Цыганочку» с выходом». Нормальный бандюк средней руки. Большим паханом не станет никогда, интеллекта не хватит. А небольшую шайку на несколько налё-

тов организовать сумел. В общем, фигура простая, понятная и потому малоинтересная.

«Что же, — сказал сам себе доктор искусствоведения (он действительно имел эту учёную степень, защитившись параллельно с совсем другими занятиями. Двадцать почти лет вёл двойную жизнь, а потом вдруг «залетел» в одночасье. Прямо в СТОН) Иоаннишвили голосом вождя: — У меня нет для вас, Джаба Гивиевич, других уголовников. Работайте с теми, кто есть».

— Правда, что в ваш барак вертухаев нагнали прямо с «винтарями»?

— Ну, — согласился Витюля.

— Почему?

— А я почем знаю?

— Тогда рассказывай, как дело было. По порядку.

— А почему я тебе должен докладывать? Ты кум, опер, следак? Сам в зоне чалишься...

— Не хочешь? — искренне удивился Джаба. — Сейчас в БУР вернёшься, там и сдохнешь. В камеру без печки пойдёшь, и горячее — раз в три дня...

Куцый машинально сгорбился, была у него такая привычка. Если чувствовал, что «нарвался».

— Так, гражданин начальник, ничего и не было. Мы стали прописывать новичков. Там был один, такой «четырёхглазый». За него почему-то стал держать мазу Марков, бывший комкор.

— Почему? Они были знакомы?

— Не. — Куцый ещё раз подумал. — Точно нет. По всему видно.

— Тот очкарик назвал своё имя?

— Да кто его спрашивал, фраера?

Джаба Гивиевич откинулся в кресле, пробежался короткими пухлыми пальцами по столешнице.

«Ишь, роялист», — неприязненно покосился Куцый. При этом он имел в виду совсем не политические пристрастия «большого человека».

Ивакин заметил взгляд и усмехнулся про себя.

— Что-нибудь этот очкарик про себя рассказал?

— Ну, — согласился налетчик.

— Что именно? Напрягитесь, пожалуйста, вспомните.

Неплохой психолог, профессор нарочно перешёл на «деликатную» манеру общения. Результат не заставил ждать. Витюля снова распрямился, презрительно сощурил водянисто-голубые глаза и, по-блатному растягивая слова, произнёс:

— Терпила базарил, захомутали его за геометрию. Какие-то ненастоящие... — он пошевелил пальцами, пытаясь вспомнить слово, — хреновины. Думал, мы совсем тупые. А я не люблю, когда передо мной выёживаются. У меня на лагпункте «вумные» долго не живут...

И дерзко взглянул сверху вниз на сидящего Джабу.

Доктор искусствоведения кротко улыбнулся.

— А разве не тупые? Как три слоновые задницы, накрытые брезентом. Ты что о себе возомнил, вошь лобковая, — тихо заговорил Ивакин. — Я тебе прокурор на выездном заседании? Давно из параши не пил? Спрашивают — отвечай чётко. Не сообразил, кто на зоне хозяин? А замашки марьинорощинские засунь в рот, пережуй и проглоти, пока что другое жевать не заставили. Я доступно выражаюсь, мать твою, петухом под нарами траханую...

И ещё с минуту развивающие эту мысль конструкции строил никакой ни Иоаннишвили, а натуральный Ивакин, пахан над пятью сотнями самых авторитетных воровских хаз и «семей» всего Кавказа и Закавказья.

Куцый понял, что на самом деле перед ним настоящий пахан. Не зря слушок ходил, что есть над всем СТОНом «смотрящий», кого и в Москве уважают. На сухом лице расплылась искренняя улыбка.

— Нет, правда, тот чудила четырёхглазый толкал, что его за геометрию загребли. Кореши ещё ржали. Да я ему по харе и засветить как надо не успел, тут вояки вмешались... — При воспоминании о Маркове

и его дружках Куцый даже потемнел лицом. — Хорошая разборка завязалась, а тут и вертухаи завалили... Растащили всех. Очкарика увели. Я что заметил — перепугался за него Успенский. «Попки» его сразу в коробочку взяли, собой прикрывали, будто боялись — шмальнёт кто.

Про удар по лицу от Успенского он предпочёл не вспоминать.

— А утром двух вояк с вещами забрали, Маркова и Лося, а меня — в БУР...

Джаба Гивиевич погрузился в размышления. Чтобы наперекор всем правилам внутреннего распорядка в барак бросили охрану с боевым оружием, должно было случиться нечто сверхъестественное. И всё ради очкастого геометра? Или на самом деле явились за комкором? Нет, не его же надзиратели собой закрыли. Да и комкор — невелика птица. Даже если бы война началась и он потребовался — увезли бы без шороха. Впрочем, его ведь таки и увезли. «С вещами» — значит, на этап. Или — на волю. И «математика» увезли. На аэродром, это свои люди тоже выяснили.

Руки Ивакина в последний раз порхнули над столешницей.

— Ты когда выходишь?

— Кум обещал на этой неделе. Правда, до БУРа дело было. А так я свой срок уже год перехаживаю. И все у нас так. Даже таблички со статьей и началом-концом срока со шконок посдирали. Успенский сказал — когда я скажу, тогда и будет твой «звонок».

— Откинешься ты завтра, — уверенно сообщил профессор. — В Москву поедешь, я тебе дам адресок, навестишь одного человечка.

— Чего это — навестишь. Я, может, в Ташкент собрался. — Куцубин хотел что-то сказать, но под презрительным взглядом Джабы осёкся.

— В Ташкент поедешь, когда тебя «кум» освободит. А если я — будешь подо мной на цырлах бегать. Хвост

поднимешь — сдохнешь. В БУРе и сдохнешь. Допетрил?

Куцый судорожно сглотнул, потом кивнул.

— Слава богу. Мне нужен этот «математик». Ты его тихонько, не поднимая волну, найдёшь. Месяц ищи, два ищи, но чтоб нашёл. Человечек поможет.

— И как мне его искать? Я не цветной, мы таким делам не обучены, мы больше наоборот, — заблажил Куцый.

Профессор искусствоведения задумался. Правильнее было бы выйти на авторитетных людей да кого-то из них и попросить собрать шепотки с пересылок, крыток и прочих домов скорби. Однако Ивакин был хорошо осведомлён, как надёжно курируют органы все «советские малины». Развесёлые двадцатые годы, когда лихой налётчик Лёнька Пантелеев мог отсиживаться на неизвестных розыскникам хазах, давно прошли. Наученное горьким опытом государство в лице оперсотрудников наркомвнудела поставило под контроль всю криминальную структуру. Разве что еженедельные отчёты владельцы пристанищ операм пока ещё не писали. Ивакин мог заранее сказать, кто из серьёзных «бугров» сразу же доложит об интересе Джабы знакомцу из компетентных структур сам, а от кого информация придёт через окружение. А появление мелкого урки, известного, но не влиятельного, может пройти и незамеченным. Такие рыбёшки постоянно крутятся вокруг акул, надеясь либо оказаться замеченными, либо урвать кроху от пира великанов. Игорёк сумеет аккуратно шепнуть кому надо, что с балбесом поговорить стоит. И вряд ли привлечёт особое внимание факт, что мелкий гопник ищет кого-то из лагерных знакомцев. Во всяком случае, на заметку возьмут не сразу, а что вся наша жизнь, как не выигрывание добавочных часов и минут у неизбежной смерти?

— Лучше, если ты сумеешь того очкарика поискать по собственным связям, — сказал Джаба Куцему. — Если нет, тот, к кому я тебя посылаю, сведёт кое

с какими людьми. Попросишь слёзно, глядишь, помогут. На меня ссылаться не надо. Сам ищешь. Должок у него, книжку взял почитать и не вернул. А книжка интересная, не оторваться...

Витюля обалдело глядел на собеседника — какая книжка? Сильно он похож на человека, который книжку почитать взял... Потом стало понемногу доходить, и бандит даже ухмыльнулся.

— Адрес и номер телефона выучи наизусть. Звонить будешь только из автомата. Сейчас их в центре уже немало понатыкали. Всё понял? — Куцубин кивнул. Он сообразил, что неизвестный человечек Джабы может свести его с теми, кто крутит ого-го какие дела. И если удастся им приглянуться... С этого и надо будет начинать. Попасть в настоящую банду — это шанс на всю жизнь.

— Предположим, я того интеллигентика обнаружу. И дальше? — идти на «мокруху» Витюле не хотелось.

— Сначала отыщи.

Куцего осенило. Можно ведь и рыбку съесть, и на хрен не сесть.

— У меня кореш. Тоже той зимой откинуться должен был, а пока сидит. Подельник мой. Вор умелый и дошлый. Башкови-итый...

Профессор посмотрел в глаза бандиту и всё понял:

— Напиши на листке фамилию, статью. Выйдете вместе.

Начальник СТОНа капитан госбезопасности Скачков, человек с аскетическим лицом и серыми, словно вылитыми из олова, глазами, в недавнем прошлом тоже был немаленьким начальником вроде Успенского, не на самой Лубянке, а в Московском областном УНКВД. И тоже вылетел «в распоряжение ГУЛАГа» в начале «бериевской чистки». За что его вытурили на Соловки, точно не знал никто. Однако зам начальника тюрьмы по оперработе Владимиров, преслову-

тый «кум», коренной «тюремный сыскарь» добродушный на вид колобок, выпивоха и бабник (ни одной пригожей на вид зэчки не пропустил), как-то «в своём кругу» сболтнул, что на партсобрании не поверил, что Ежов — враг народа. Легко отделался, даже в звании не снизили.

Умный, желчный, жёсткий (но не жестокий, просто — равнодушный к людским судьбам и желаниям) капитан, как только заступил на должность и познакомился с «хозяйством», проинспектировал хоромы Ивакина и пришёл в бешенство. Горячее сердце чекиста стыло, холодный разум закипал возмущением, а чистые руки чесались от желания дать наглому уголовнику в морду, в морду, в морду...

Но... Примерно полгода назад Скачков проявил инициативу, арестовал крупного спекулянта камешками и изъял, тщательно отразив в протоколе, товара на добрые десять миллионов даже по самым непрофессиональным прикидкам. Двухметровый цыган, сверкая золотым зубом, предупредил оперативника, мол, не ошибись, начальник. Сапёру ещё может повезти, а вот к тому, кто не понял расклада, карачун явится обязательно.

Он и явился. К вечеру позвонил старый, ещё по Спасску, приятель. Федор занимал в отделе оперчекистской работы наркомата не слишком большую, но весьма важную должность, и кабинет его не сильно отличался от хором заместителей комиссара. Он вызвал (не пригласил, вызвал) капитана к себе. Добрый час друг и соратник крыл его таким матом, какого Скачков и на курсах унтер-офицеров в старой армии не слыхивал. Из небольшого количества цензурных слов, вкраплённых в виртуозные пассажи, посвящённые родственникам проштрафившегося, тот понял, что сорвал по глупости тщательно подготовленную комбинацию экономического отдела и по справедливости должен сгнить где-нибудь в солнечной Республике Коми.

Друг Фёдор, не прекращая орать, крупно написал что-то на листе бумаги и подвинул его капитану. «Мудак, — прочитал Скачков. — Не знал, кто за чавелой, не хрен лезть было. Кайся поубедительнее, дураком прикидывайся, попробуем вытащить».

Скачков, с белыми от злости и обиды губами, последовал совету, сообразив, что другого выхода нет.

— В Москве вам не место. Усердны не по разуму. Но я доложу Коллегии, что злого умысла с вашей стороны не просматривается, — закончил аудиенцию старый приятель. — От службы вы пока отстранены. Отправляйтесь под домашний арест без приставления часового и помните: вашу вину до известной степени смягчает только то, что до сего момента вы беззаветно служили Революции.

О переводе на Соловки начальником тюрьмы капитана уведомили после собеседования в трёх инстанциях. В последней, у начальника Севзапотдела ГУЛАГа, дали расписаться под приказом и вручили инструкцию под грифом «Секретно».

На «отвальную» к нему зашёл друг — Фёдор. Он же и на вокзал отвёз, по дороге рассказал, сколько трудов стоило отмазать дурака. Изъятые драгоценности пришлось оприходовать, и для «оперативных нужд» они стали недоступны.

— Тебя, раздолбая, под горячую руку хотели по тому же делу пустить, как наводчика, спасибо, комиссар был «не в доле», рассудил объективно. Ну и анкета твоя подмогла. Годика три попашешь «на холодке», а там, глядишь, обратно заберём.

Скачков всё больше молчал, сопел обиженно, хотя и понимал, что легко отделался, сдуру перебежав дорогу «серьёзным людям».

На ступеньке вагона друг пожал ему руку и сказал с усмешкой:

— Теперь как «Отче наш» повторяй одиннадцатую заповедь — не будь дураком. Второй раз я тебя не вытащу.

Потому никаких действий по поводу странного ЗК Ивакина капитан пока предпринимать не стал. На прямой вопрос, что означает «эта порнография», начальник режима, помявшись, сказал, что указание было от прежнего начальника. А прежнего начальника арестовали ещё до приезда Скачкова. Можно было приказать немедленно вышвырнуть грузина «на общие работы», но вспомнил давешнего цыгана и призадумался. Снял трубку и позвонил Фёдору на Лубянку. Доложил, что доехал нормально, дела принял, ещё раз поблагодарил за участие и только потом, обиняками да намеками, «из-за угла», не слыхал ли тот чего интересного про пахана Ивакина, называющегося доктором наук Иоаннишвили. А то сидит тут такой, да странно сидит...

Друг, опять цветисто выматерившись, сообщил, что на Соловках вообще странности на каждом шагу. Видно, место такое.

— Ты, главное, не суетись. Я попробую уточнить, тебе потом перезвонят...

И завёл разговор, что на майские, скажем, праздники не прочь бы подскочить на пару дней, проверить, действительно ли рыбалка на островах хороша.

Ровно через сутки в кабинете Скачкова раздался звонок. Незнакомый старший майор из секретно-политического отдела минут двадцать расспрашивал капитана о впечатлениях от оперативного и надзорсостава и о том, внимательно ли новый начальник изучил личные дела «контингента», и только под самый конец сказал, что по интересующей его персоне «пусть всё будет, как было». Если потребуется, дополнительные инструкции будут доставляться фельдсвязью. Или доводиться по телефону.

— «Персона» не за ГУЛАГом числится, за СПО, так что ваша забота — обеспечить назначенный режим изоляции и содержания. Вы уловили?

— Так точно. Прошу прощения — начальник режима «к теме» допущен?

— В пределах, его касающихся. Так что вы лично можете особенно не беспокоиться, баро.

Скачков осторожно положил на рычажки эбонитовую трубку и только после этого со вкусом и без всякой верноподданности выматерился.

Сделал в настольном блокноте понятные только ему пометки и перешёл к текущим делам.

Джаба Гивиевич был специалистом по эстетике Средневековья, точнее, периода перехода к Новому времени, когда рушился феодальный уклад и на авансцене истории стали появляться люди без роду-племени. Они обладали незаурядными талантами, не боялись пролить кровь, хоть свою, хоть чужую, и стремились зажать в собственной горсти поводья, управляющие миром. Любимцами Ивакина были Бальтазар Косса, разбойник, который стал папой, и «серый кардинал» Жозеф Фуше, герцог Отрантский. Джаба подставлял себя на их место и убеждался, что в «предложенных обстоятельствах» повёл бы себя не хуже, пожалуй, добился бы даже большего.

На этажерке в его тюремном кабинете стояли любимые книги, те, которые рассказывали, как устроен этот мир и как добиться в нём власти: «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Никто так коротко и точно не вскрыл суть перехода от цивилизации личной доблести к диктатуре даже не золота, а его замены — денег. «Государство и революция» Ульянова-Ленина. Наилучшее пособие по подготовке и проведению политического переворота, каждое положение которого подтверждено практикой. Наконец, «Князь» Никколо Макиавелли, учебник по необходимому для всякого диктатора предмету — удержанию власти. И ещё десятка полтора книг по истории, психологии, философии.

Самым подходящим моментом для действия, как известно, есть миг, когда прежняя государственная система даёт сбой. Нужно только найти, какие шесте-

рёнки механизма правления не соединились, понять, почему это произошло, и применить рычаг, удесятеряющий силы.

Выполняя предложенную ему власть предержащими роль, Иоаннишвили плёл и собственную игру. Заточённый, казалось бы, в полностью изолированный от внешнего мира каменный мешок, куда более надёжное узилище, чем пресловутый замок Иф, Джаба имел достаточно незаметных паутинных нитей, прочно связывавших его с нужными людьми и передававших ему извне важные сигналы.

Вот этот непонятный зэк, «математик», похоже, такой же тайный сигнал. Что означает его внезапное здесь появление и не менее странное исчезновение? Слишком бросается в глаза, что он не такой... Кто только не сидел в этой тюрьме и лагере. И профессора, и митрополиты. И никто с ними особо не нянчился. Вообще не нянчился! А этот, видать, сильно нужен кому-то «наверху», раз за него лагерное начальство перепугалось, будто за инспектора из Центра. Настолько, что, не задумавшись, нарушило святейшее из святых правил — в зону с оружием не смеет входить никто. Хоть бунт, хоть что случись...

Кому конкретно и для чего нужен этот человечек, вот в чём вопрос. И если так нужен, почему здесь вообще оказался? Не срослось «наверху», разные ведомства заиграли друг с другом?

А если он столь непонятен и столь важен — отчего бы не встроиться незаметно в эту схему, между «математиком» и властью. Или — пристроиться рядом, так же незаметно, и посмотреть, какой профит с этого можно поиметь. Не исключено, что очень и очень большой.

Эх, будь сейчас Джаба на воле! Но так или иначе, арестант где-либо да имеется, в другой тюрьме, на пересылке или в секретном московском учреждении. Нужно только пустить по следу гончую. Как только

она что-то унюхает, обозначит интерес к «загадочному незнакомцу», её непременно засекут органы. Простому уголовнику с ними не тягаться. И человечка либо арестуют, либо сразу уберут. Но тут другие человечки из сплетённой доктором искусствоведения сети, поумнее и числом поболее, этот факт засекут, выявят, и где «математик» прячется, а главное — кто его пасёт. Вот тогда и самому доктору придёт время включить свой мыслительный аппарат.

Оловянные глаза капитана Скачкова уперлись в переносицу толстощёкого небритого коротышки. Но на Ивакина эти следовательские приемы не действовали. Он удобно расположился на жёстком казённом стуле и негромко, просительным тоном — зачем понапрасну дразнить собеседника — говорил: «Здесь, под крышей, вы, гражданин начальник, первый после Бога. На воздухе командуют уже другие. Ну, зачем вам знать, кого ко мне командировали из лагеря, для чего командировали? Один умный человек написал: «Во многом знании многая скорбь». Капитан, неужто вам скорбей не хватает?»

Начальник тюрьмы понимал, что делает глупость. Джабу трогать не нужно. Не Скачков определял «условия содержания» этого тёмного, круженного человечка. Не Скачкову их и менять. Тем более, из Москвы намекнули, как говорится, — «горячим утюгом в грудь», мол, не лезь, не твоего ума дело. А то ведь можно и своей головой «контингент» пополнить. Но попала, как говорится, вожжа под хвост, из-за мелкого, в общем-то, факта: заключённый Ивакин имел встречу (так доложили капитану) с неким уголовником из лагеря. Без его, Скачкова, санкции. Нет, что сидит как барин и жрёт в три горла деликатесы первой категории — это ладно. Надо — значит, надо. Но чтобы ещё в собственной камере аудиенции назначал, чтобы бандюг к нему, как к самому начальнику водили по вызову

и даже в караульную книгу запись «о вывод за зону» не делали — это уже ни в какие ворота! Значит — жестоко наказать ДПНТ (дежурный помощник начальника тюрьмы), коридорного надзирателя, корпусного, зама по режиму и всех, кто под руку попадётся.

По уставу, так, чтобы Москва не придралась. Есть способы. Не подкопаешься.

А с Ивакиным он связываться не будет. Так, поговорит. В порядке личного знакомства. Устав исправительных заведений предписывает. И сейчас этот... доктор искусствоведения сидит и смотрит безо всякого страха. Сволочь, пыль под сапогом!

— Ты понимаешь, скотина, что я могу с тобой сделать? — скрипучим голосом произнёс Скачков. — Кликну сейчас Миколая да пойду чай пить.

Миколаем звали двухметрового жилистого вестового при канцелярии. Служил он с самого двадцатого года, начальники гордились им и при каждом удобном случае хвастались перед коллегами его бычьей силой и удивительными талантами. Этот умелец мог бить так, чтобы следов не осталось, но человек был искалечен, харкал или мочился кровью и через три-четыре недели помирал без видимых тюремной медициной причин. Или так, чтобы боль становилась нестерпимой, а серьёзных повреждений организм не получал.

Мало кто знал, что Миколай — не имя и не кличка, а настоящая фамилия. Боялись «Убивца» панически, и даже самые отчаянные бандюки, услышав обещание позвать кулачных дел мастера, распускали сопли до пола и готовы были землю есть и даже «грязной тачкой руки пачкать».

— Скачков, Скачков, — вздохнул Джаба, услышав угрозу, — гражданин капитан, что же ты так себя минимизируешь. Если твой Голем меня убьёт, как перед Москвой оправдываться будешь? Ведь тебе намекнули, баро, я знаю. А, не дай бог, повредит он мне

что-либо важное в теле, мои добрые друзья сильно огорчатся. Для тебя, капитан, тронуть меня — самоубийство. Ты на это не пойдёшь. Зачем пугаешь, если ничего сделать не можешь? Нервишки шалят? Так пей бром, понял? Коньяк тоже можно, но в меру.

Начальник тюрьмы кипел от бешенства. Но услышав слово «баро», испугался. Откуда небритый толстячок мог знать это?

Скачков понял, что проиграл. Точнее, с самого начала у него не было ни одного шанса победить Ивакина. Куда шли связи доктора искусствоведения, кто и зачем прикрывал недомерка? Секретно-политический отдел — а он тут каким краем. Разве что на самом верху решили весь преступный мир под свою руку взять, а этого «готферана» генеральным паханом поставить? А что, линии партии на «перековку преступного элемента» не противоречит. Но это дела государственные, а он холодно и беспощадно возненавидел Джабу на личном уровне, и мысль была — что придумать, как опустить грузина с концами, но чисто? Да и перед Москвой оформить так, чтобы спасибо сказали.

И тогда бывший пламенный чекист, а ныне простой тюремщик капитан Скачков доказал, что годы службы в аппарате не прошли для него даром.

— Джаба Гивиевич, — сказал он проникновенно, — вы меня неправильно поняли. Я ведь для чего допытывался о Куцубине, о связях ваших, о работёнке, что ему поручить собрались? Я не в свои дела не лезу, свои бы разгрести. Я подумал, может, чем помочь смогу. И тут, и там, — он показал пальцем вверх, — остались сослуживцы, даже можно так выразиться, друзья.

— Помочь, — протянул Ивакин. — Может быть, гражданин начальник, может быть. Люди должны помогать друг другу, это закон выживания...

Короткие пухлые пальцы пробежались над дерматиновой столешницей, и искусствовед-заключённый, не вставая, протянул пухлую кисть начальнику тюрьмы.

* * *

Десятью днями позже, добравшись с пересадками и тремя задержаниями стрелками НКПС «для выяснения» Куцый и Косой Лыцарь запрыгнули в трамвай у Рижского вокзала и покатили к вокзалу Белорусскому. Марьину Рощу пересекали на середине маршрута. Поздний вечер. Пухлые, беременные тучи, свисавшие почти до крыш, трепал пронизывающий, сырой и холодный ветер. Как сумасшедший художник, он заштриховывал дома косыми полосами дождя и снега. Улицы, фасады домов, сугробы — всё было серым, смазанным. От сырого морозца и ветерка ватные штаны и новенькие телогрейки уберегали, но ноги в растоптанных кожимитовых ботинках с летними портянками мёрзли.

Витюля смотрел в заляпанное уличной грязью трамвайное окно и в десятый, наверное, раз обдумывал задание, которое дал ему Ивакин. Такое у него было свойство — больше одной серьёзной проблемы в мозгу не помещалось, крутились только всякие повседневные мыслишки, насчёт поесть, выпить, бабу поиметь.

«Человечек», на которого указал Джаба, должен навести справки о вывезенных из СТОНа вояках и «очкарике» «неофициальным образом по официальным каналам». Полученные сведения он сообщит Куцубину. Своими глазами увидит «математика», тогда доложит связнику, тот скажет, что дальше. Одновременно и про Маркова с Лосем нужно выяснить. То — особая статья.

Одновременно Джаба велел Куцему через «малины» разослать малявы «по тюрьмам и ссылкам», так он выразился, будто словами из душевной песни, поспрошать правильных пассажиров, не проявилась ли где на этапах и пересылках эта троица — Марков, Лось и безымянный очкарик. В полном наборе или россыпью, поодиночке. Это на тот случай, если человечек, чей адрес Куцый выучил наизусть, паче чаяния ничего узнать не сумеет. Потому что снизу иногда удаётся узнать больше, чем сверху.

В памяти вдруг всплыл родной барак, ржущие правильные ребята и худосочный обсосок в круглых очках и постоянно сползающих, на три размера больше ватных штанах. Что-то он произнёс такое, на что в горячке Куцубин не обратил внимания, а сейчас вдруг засвербило в памяти. Витек тогда спросил: «Кто такой?», а обсосок произнёс: «Отец...» Как же он назвался-то? Лыцарь издевательски заорал: «Здравствуй, папочка!» и под гогот шпаны полез с тем хлюпиком обниматься. Стало быть, очкастый был попом. Но какое же имя он назвал? Вроде что-то из Евангелия. Бабка читала, несмотря на запреты, а батя её костерил, мол, всю семью под монастырь подведёт. А получилось, что посадили не бабку, а внука, и не за веру, а за надежду разбогатеть на гоп-стопе. Но как звали сочинителей баек про Христа, Куцый запомнил. Один точно Иван, потом Матвей, Лука, как сосед напротив, злобный лысый человечишка. И... Чёрт, забыл четвёртого. Только попика точно звали не так.

Новенькие робы и железно правильные справки классово близкие отсидельцы получили благодаря Скачкову. Капитан почему-то снабдил Куцего и Косого Лыцаря бумагами, где ни «минус сто», ни даже «минус десять» не значились, и статья была нарисована совсем детская, вроде проезда на крышах товарных вагонов. Так что по стольному граду можно было ходить и ездить, не шарахаясь от каждого «легаша».

За окном побежали знакомые места. Двухэтажные домики. Вон в том жил одноклассник Вова Свищев по кличке Труха, мозг компании. Дед у него был бывший крупный начальник в НКВД, теперь — парализованный пенсионер. Родители работали по дипломатической линии где-то в Южной Америке и благополучно пережили тридцать седьмой и следующие годы. Они и привозили сынку всякое заграничное барахло, чем развили у него безудержную жажду наживы. Он придумывал планы всех грабежей. Вооб-

ще у Трухи на всякие пакости мозги работали, дай бог каждому. Никакой вариант зашибить деньгу он не пропускал. Хоть гоп-стоп, хоть девок на Белорусском вокзале «пас», лишь бы ни одна десятка мимо не пролетела.

Трамвай, заскрипев, остановился, и Куцый с Косым Лыцарем выскочили на свою остановку.

К отцу с матерью Витюля не спешил. Чего хорошего, старики сразу начнут охать да втулять, что пора честно жить начинать, на завод или в депо устраиваться. Нет, душа после бараков и холодов просила праздника, а чтобы его почувствовать, надо валить на надёжную «малину». Вот там — жизнь. На станциях они несколько чемоданов и «лопатников» дёрнули, есть с чем на хазу являться. Денег немного, так из барахла кое-что приличное есть.

Куцый решительно повернул в «шанхайчик», где обитал Ванюша Цыган.

Над двором царило белое двухэтажное здание. Надо полагать, когда-то здесь располагалась усадьба богача или даже вельможи. Дом был немаленьким, и возводился он когда-то в стиле сильно перевранного барокко. После революции его отдали под детскую поликлинику. Потом для медучреждения нашли помещение попроще, а в белокаменную красоту вселилась мелкая и нешумная государственная контора.

К постройке примыкал двор, по периметру которого располагались хозяйственные помещения: конюшни, сараи и т. п. Эти строения отдали под квартиры. Поделили по три-четыре стойла на семью (с тех пор Куцубин с пониманием стал относиться к формуле, которую писали на железнодорожных вагонах: сорок человек, восемь лошадей. Одна кобыла стоила пятерых). Счастливые новосёлы поставили дровяные печи, они же плиты для приготовления еды, возвели перегородки. И получился микропосёлок. Всё вместе это

напоминало средневековый замок с примыкающими к нему землянками каких-либо сервов. Тем более что жильцы тут же разбили перед конюшнями грядки, где мирно соседствовали лук с морковкой и пышные георгины. А сами грядки обнесли по тогдашней моде деревянным штакетником или, на худой конец, битыми кирпичами. Их вкапывали в землю по границе угодий таким образом, чтобы торчали углами вверх, и белили каждую весну.

Куцый прошел в глубь двора, свернул на узенькую тропинку между сугробами на бывших огородах. Косой Лыцарь, оскальзываясь, поспевал за паханом. Низенькое окошко было закрыто ставнями, сквозь них пробивались лучики света. «Не столица, а деревня какая-то», — подумал Витёк и постучал в деревянное полотнище: тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Через минуту заскрипела дверь, и на пороге появилась мощная фигура — Ванюша Цыган, кандидат в мастера спорта и бывший чемпион Москвы в тяжёлом весе по боксу, грабитель-рецидивист, во всём своём двухметровом и стодвадцатикилограммовом великолепии. Одет он был по-домашнему, в застиранной когда-то синей соколке и чёрных сатиновых трусах. Меланхолично щурясь в темноту, Ванюша смыкнул резинкой и лениво спросил: «Чего надо?»

— Выпить и закусить, — сообщил Куцый. — И ещё баб.

— А по роже? — поинтересовался Цыган.

Косой вывернулся из-за спины Витюли и вошёл в полосу света, падающего из открытой двери.

— И по роже тоже, — весело сказал он, подняв лицо к негостеприимному хозяину.

— Лыцарь, — охнул тот. — Куцый! Заходите, парни. А я думал...

Крохотную кухоньку отгораживала от комнаты большая печь. Было жарко и душно, пáхло пыльными тряпками. Гости стали смахивать снег с сапог старым веником.

— Ваня, — раздался скрипучий голос из темноты, — кто там?

— Отдыхайте, мамаша, — досадливо буркнул Цыган, — друзья это.

Заскрипела кровать, послышалось невнятное бормотание. Полусумасшедшая старуха — мать Ванюши — поворочалась и затихла.

На дощатом столе появилась непочатая поллитровка, из зева печи была извлечена тёплая гречневая каша, трапезу украсили пара луковиц, соль, чёрный ноздреватый хлеб, нарубленный большими кусками. Хозяин аккуратно налил по половинке гранёного стакана: «Со свиданьицем».

Потом отсидельцы рассказывали о своих мытарствах в лагере, а Цыган, по-бабьи подперев ладонью щёку, слушал и покачивал головой. За спиной Ванюши были уже две «ходки», так что повествование он понимал всей душой.

— Ну, а вы тут как? — спросил Куцый.

— Хреновато у нас, — сказал атлет. И стал вводить вновь прибывших в курс местных дел.

То, что в отсутствие «руководства» команду подмял под себя Вова Труха, не удивило. Он всегда был чем-то вроде начальника штаба банды. Кому же, как не ему, было принимать на себя командование, когда Куцый «сгорел на работе»? А вот следующая фраза Ванюши ударила, как обухом по голове:

— Ребятки, похоже, Труха собрался вас кончить.

— Во хрень, — воскликнул Витюля, — а мы к нему поночевать собирались...

Помолчали, хряпнули ещё по полстакана. Косой выставил принесённую с собой «красную головку».

— А с чего взял? — почти безразличным тоном спросил Куцый.

— Слышал... — пожал плечами Цыган. — Звон прошёл, что у тебя срок кончается, он сразу и сказал сво-

им: — Вернётся — уроем по-тихому. Маза наша навек будет.

— Он что, уху ел? — спросил Куцый.

— А что, тебя нет, весь общак его, — объяснил Цыган.

— Да сколько же ему нужно? И так никогда у него в брюхе не бурчало.

— Да не в «хрустах» дело. Вова сам решает, кому отслюнить и сколько. Значит, и власть тоже его.

— И что, все пацаны за Вовика горой? — прищурил косой глаз Лыцарь.

Боксёр стал добросовестно обдумывать каждую из кандидатур: «Петька Губенко, Коля Бык, Глобус, Андрюша Сапог — эти точно его люди. Братья Павелки вроде сами по себе. Но Труху они не любят. Это точно. Лёхи — Репа и Сычик. Саша Жура, я, Костя Саксаганский — мы за тебя. Женьку Кременецкого легавые забрали, жаль, он точно Куцего не продал бы. Золотые руки. По заказу Вовочки Женька такой наган выточил, под мелкокалиберные патроны! Передать не успел, с ним «красные шапочки» Женьку и замели. Ещё мелочь, подлётки, человек восемь. Эти вообще мозгов не имеют, для них Свищ — вождь нетрудового пролетариата, хоть на демонстрацию с портретом выходи».

— Таки хреново, — процитировал популярный анекдот Витюля. И тут же спросил — А Шулятик?

— Отошёл Валера.

— Куда отошёл? — не понял Лыцарь.

— Совсем отошёл. Помер, значит. Простыл и преставился.

Эта новость огорошила. Шулятик был здоровенным парнем, правой рукой подковы гнул, не меняясь в лице; в прорубях купался, только крякал от удовольствия. И вот...

Атлет подхватил поллитровку, резко ударил по донышку. Хрустнул сургуч, пробка со щелчком вылетела, почти как у шампанского. Знакомый фокус. Рас-

плескал по стаканам. Не чокаясь, помянули хорошего друга, которому судьба подкинула такую подлянку.

— Когда и как нас резать будут — узнать сможешь?

Спросил, а сам физически ощутил, как в поясницу справа входит остро отточенный узкий нож. Сначала почти ничего и не чувствуешь, потом такая боль... Витюля тряхнул головой. С чего это он? Что за хрень вообще? О другом надо мозги поломать. Он принялся напряжённо обдумывать новую ситуацию. Как говорится, картина Репина: «Не ждали». Вроде, сообразил.

— Трёкни, где надо, что приехал я. Один. Где остановился, пока не знаешь. Но обещал днями забежать. К тебе, — подчеркнул Куцый.

Ваня пожал плечами:

— Мне он, конечно, ничего такого не скажет. Знает, что тут же пришибу. — Боксёр сжал правый кулак и с уважением на него посмотрел. — Но думаю, тянуть он не станет. А то ты с парнями побазлать успеешь, кто знает, как оно повернётся. Тебя ведь многие держат за правильного мужика. В общем, я скажу, а потом знаю, у кого спросить, что он ответил.

— Если что, пиками не отмашемся, — подвёл итог Куцубин. — Ванюша, ты знаешь, где взять хотя бы пару шпалеров? Чистых. И маслят побольше.

Цыган вздохнул и помотал головой.

— Ладно. Помаракуем сами. Ещё вопрос: Любаня моя сейчас с кем? И её Труха под себя подобрал?

Цыган ничего не сказал, только длинно сплюнул в угол.

«Вечер встречи» возвратившегося пахана с верными пацанами устроили в доме у Трухи. Он с самого детства занимал полуподвальное помещение. Из прихожей в огромный зал вела крутая и узкая лестница. Перегородки отделяли небольшую кухню и места общего пользования. Всё остальное выставлено напоказ — в одном углу кровать, в противоположной стороне, под

окном, выходящим в специальную нишу, чтобы хоть как-то зачерпнуть дневного света, письменный стол. Он остался от родителей. Для самого Свища такая роскошь явно была излишней. Не Лев Толстой.

Первыми на хазу пришли «девушки». Происходивший из интеллигентов Труха избегал слова «марухи», но не брезговал посылать их «на заработки» к международным поездам или к «Националю» на Горького. Сам тоже пользовался. Девки сразу принялись накрывать стол. Резали колбасу и сыр нескольких сортов, вывалили из кульков в миску купленные в «Овощном» на углу винегрет, квашеную капусту, солёные рыжики. Чего-то поджаривали на двух сразу керогазах, порезали калачи из Филипповской булочной.

Выпивку ставил хозяин. На полу теснились «белые головки», среди которых затесалась даже пара-тройка армянских коньяков и целый ящик со сладкими винами — кагором и мускатами.

Сам Труха обеспечивал «культурную программу»: раскрыл крышку радиолы, перебирал пластинки в ярких, не наших конвертах.

Пацаны подваливали по двое — по трое. Сначала под злобное ворчание двух посаженных по случаю «банкета» на цепь «кавказцев» появились Лёха Бык, Сапог и Глобус. Все трое были в милицейских полушубках, под которыми оказались модные вельветовые курточки и заправленные в «прохаря» неглаженые брюки. Явившись без настоящего «параду», ближние кореша нового главаря демонстрировали, что возвращение Куцего не такой уж для них праздник.

Потом пришли Саша Журавель и Костя Саксаганский. Алексаша, светлорусый красавчик, первым делом зыркнул на девушек, довольно ухмыльнулся, стащил тёмно-зелёное пальто хорошего сукна и остался в синем двубортном костюме. Костя долго возился с пуговицами кожаной летчицкой куртки. Когда он был младенцем, по недосмотру родителей свинья от-

грызла фаланги пальцев на обеих руках. Выполнять мелкие движения типа расстёгивания или застёгивания одежды было неудобно. Зато в драке зароговевшие культи оказывались страшным оружием.

Куцый, Косой Лыцарь и Ванюша Цыган притопали последними.

Вчера Цыган передал с пацаном маляву:

— Труха велел найти «ребят» и позвать на вечеринку в честь возвращения.

— А кто будет? — поинтересовался Виктор, сразу же прибежавший к Цыгану.

— Да вроде больше из его кодлы. Андрюха Сапог, Глобус, Петя Губенко, ещё двое новых. Порезать нас троих у Трухи в полуподвале — делать нечего. Он думает так — подпоить как следует или в водку сыпануть чего, а потом кучей навалиться и мочить. Заодно круговая порука выйдет...

— А Павелки, Костя, Жура?

— Да они в последнее время как-то отошли от компании, их не звали...

— Значит, так, хоть сам иди к Трухе, хоть пошли кого. Передай — чтобы все пацаны были, кодлу по новой собирать будем. А я со стороны посмотрю, когда все соберутся, тогда и появлюсь...

«Если явятся все свои в доску парни, — размышлял главарь, — тут уж как карта ляжет. Пополам нас будет, а устраивать мочилово в собственной хазе Свищу не в жилу. Заморится потом кровищу вымывать, если самому по башке или в печень не прилетит...

С другой стороны, Вовик юноша хитрожопый, может чего-то напридумывать такого, что не предусмотришь. Так что нужно быть очень осторожным».

С утречка боксёр повел отсидельцев по магазинам. На деньги, полученные при освобождении и «заработанные» по дороге, приоделись как фраера, даже при галстучках. Сапоги надевать не стали, эта «марьино-

рощинская» мода уже отходит, да и финки в голенище прятать не надо, покультурнее кое-что имеется.

Сколько раз Витек представлял: вот он возвратится, его Любаня взвизгнет от радости, повиснет на шее, плача и смеясь, будет целовать его... Совсем как в зарубежном кино, как оно там называлось? Куцый смотрел его как раз с возлюбленной, дня за три до посадки.

Сейчас он всматривался в пёстрый табунок хлопочущих между керогазами и большим столом девиц, выискивая свою хрупкую блондиночку. Люба была, что называется, из хорошей семьи. Мама служила в отделе торговли райисполкома, папа — бухгалтер одной из контор Метростроя. Он вечно передвигал рычажки и крутил ручку арифмометра «Феликс», шевеля губами — считая обороты. И обитала дружная фамилия не в коммуналке, а в отдельной — приличной — двухкомнатной квартире, даже с телефоном. Впрочем, дружны они были только до знакомства с Куцубиным. Витюлю оба родителя на дух не переносили, ненавидели и панически боялись. Дочку постоянно пилили, чтобы «с этим бандитом» она не связывалась. Самому бандиту, когда он заходил, чтобы повести дочку «на гульки», или возвращал в целости и сохранности в семейное лоно, из соображений осторожности ничего подобного, конечно, не говорили. Но когда Куцубина увели под руки легавые и стало понятно, что скоро главарь местной шпаны не возвратится, папа-бухгалтер устроил скромный праздник.

Любаня вынырнула из толпы девиц навстречу Витюле. На шею блондиночка не бросилась, остановилась шагах в двух, поглядела в глаза и скромно потупилась. Куцый даже как-то не сразу ее узнал. Из девчонки-прутика его Любовь превратилась в плотную грудастую молодуху, сразу стало видно, что деревенская порода, хоть и в Москве родилась. Постриглась по-киношному, и напрасно, длинные волосы

шли ей больше. Любаня стала другой, чужой совсем. А и трёх лет не прошло.

Куцубин хотел было подойти, по старой памяти погладить по щеке. Может, и вернётся прежнее чувство. Это он просто отвык от неё. Но не успел. Тяжёлая рука отодвинула её за плечо. Рядом с ней возник Костя Саксаганский, «лепший кореш».

«Ё-мое, — подумал пахан. — Вот оно, значит, как. Ё-моё».

Костя смотрел в глаза другу, виновато, но прямо. Коренастый, очень спокойный в любой ситуации крепыш всегда нравился Витьку. И что теперь делать? Дать по морде ему или ей? Начнётся свалка. И снова бывший пахан физически почувствовал, как в поясницу справа входит узкое лезвие...

Да, изменил Костя расклад сил.

На секунду все притихли, ожидая, чем разрешится ситуация. Только Труха ужом скользнул между Витюлей, Костей и Любой:

— За стол, за стол, счас выпьем за свободу, потом с каждым поручкаешься... — зачастил он и потащил Куцего во главу стола, к батарее бутылок.

Во дворе снова раздалось рычание «кавказок», хлопнула дверь, и по лестнице снизошёл Валера Круглик. Из-за поднятого воротника пальто торчал гриф закутанной в тряпки гитары.

Его никто не звал, но всегда и все Валере были рады, причем искренне. Круглик не входил ни в одну из местных банд, да и толку с него, хилого и трусоватого... Как козла доить.

В Марьиной Роще Круглов исполнял функции творческой интеллигенции. Самоучкой овладел всеми доступными инструментами. Да что там гитары-баяны. Валерка зажимал в ладони спичечный коробок, отбивал им ритм, другой подносил к губам расчёску и закатывал такие концерты, что тебе та филармония с их бахами, моцартами и другими прибамбахами.

Сейчас он появился вовремя. Все завыли, заорали, стали звать Круглика за стол. Заодно расселись и сами. Витюля с Косым Лыцарем и Цыган плотненько сели, спинами к стене. Их три чёрных костюма, украшавшие торец, выглядели как президиум. Любаню с Саксаганским хитрый Свищ устроил на длинной стороне, поближе к противоположной оконечности «хавкодрома». Подальше от Куцего со товарищи и от беды. Зато рядом с отсидельцами нашлось место для гитариста.

Как положено, пили за «С возвращеньицем», за испытанного в деле и на зоне главаря, за верных друзей-подельников. Когда чуть расслабились от первых двухсот граммов и первой же сытости, пришло время искусства.

Круглик освободил инструмент от ветоши, погладил крутой бок, потеребил струны.

— Валерочка, «Мурку», — пискнул откуда-то с противоположного конца девичий голос. Витёк узнал Машку. Небось, мечтает, чтобы её Муркой называть стали. Исполнитель не спеша, с достоинством огляделся. .

— Водки музыканту, — приказал он и подставил фужер, тут же заполнившийся ледяной прозрачной влагой. Круглов отхлебнул, оглядел компанию и запел:

Раз пошли на дело я и Рабинович,
Рабинович выпить захотел.
Почему не выпить бедному еврею,
Если у него нет срочных дел?

Блатной народ, для которого слово «еврей» было ругательством похуже матерного — за механическое выражение неуважения к маме собеседника тот бить морду сразу не кидался, но попробуй только причислить его к семитам, тут же огребешь по полной, — с открытыми душами внимал блатной трагедии. Волшебная сила искусства!

Выпить, ну так выпить,
Мы решили выпить
И зашли в вокзальный ресторан.
Там сидела Мурка. В кожаной тужурке
Был у ней заряженный наган.

Знаменитые слова «Ты зашухерила всю нашу «малину» и теперь за это получай» пели хором. Скажи какой зануда, что это вполне классицистская трагедия, основанная на конфликте между любовью и долгом, компания его просто не поняла бы. Между тем сионистский сюжет развивался не совсем по признанному образцу.

...возле синагоги мы решили Мурку застрелить.
Рабинович стрельнул, стрельнул — промахнулся
И попал не в Мурку, а в меня.
Я лежу в больнице, а падла Рабинович
С Муркою гуляет без меня.

Закончив балладу, исполнитель поднял за ножку бокал с водкой, чокнулся с Куцым, Лыцарем и Ванюшей, поклонился остальной честной компании и медленно выпил.

«Общество» терпеливо ждало, пока артист закусывал. Девушки под влиянием печальной истории даже загрустили. Певец чутко уловил настроение масс и ударил по струнам: «Гоп-стоп, Зоя, кому давала стоя?» Номер был многократно отработан, и марухи хором рявкнули: «Начальнику конвоя, не выходя из строя».

Затем публика взорвалась просьбами. Круглик пел часа полтора. Потом встал Труха и объявил танцы. Народ к этому времени уже был сыт, пьян и к общению готов.

Труха установил чёрную пластинку, зашипела, скользя по краю, игла. «Фокстрот «Двадцать крошечных пальчиков», — объявил он.

Первым выбрался из-за стола Круглик. Навстречу ему выскочила Машка. Певец накрыл левую ладонь

свежим носовым платком. Девушка кокетливо опустила руку на ткань. Большой и указательный пальцы правой Валера устроил на талии партнёрши. И повел её мелкими дёрганными шажками по свободному пространству.

За законодателем стиля на простор выбирались другие парни и девицы. Куцый дёрнулся было встать, может, пригласить бывшую свою Любку. «Сиди», — прошипел Косой Лыцарь. Людей было много, танцевали уже впритык пара к паре. Сунуть в потной толчее заточку в спину — делать нечего.

«Пальчики» сменялись знойными танго и ещё какой-то музычкой, определить её смог бы разве что Круглик. В промежутке пили и закусывали, уже без общих тостов, разбившись на небольшие группки. Табачный дым висел тяжёлыми слоями, не успевая вытягиваться в форточки.

Потом парочки стали тихонько ускользать вверх по лестнице, чтобы успеть занять одну из комнат на первом этаже. Почин и здесь положил Круглик. Точнее сказать, артиста потащила за собой всё та же Машка. Вторым потопал Жура-Журавель, нежно гладя по заду выбранную шмару, кого именно — Куцый не разобрал.

Когда в зале осталась примерно половина празднующих, паломничество наверх прекратилось. Свободные места кончились. Теперь жди, когда освободятся.

Витюля обводил глазами танцующих, но ни Костю, ни Любку не находил. Когда они прокрались наверх, пахан не заметил.

Хозяин, Вова Труха, выключил люстру. Теперь зал освещался только тремя бра на стенах. До лирического полумрака дело не дошло, но всё же не как под прожектором у ворот лагеря.

Очевидно, Куцубин перебрал с непривычки, утратил бдительность, задремал. Разбудил его Труха. Хозяин дома был сильно встревожен.

— Витёк, пойдём, — позвал он.

За спиной Вовика толпилось почти половина кодлы, кто не вырубился вмёртвую. Полуодетые, хмурые, перепуганные. Машка рыдала в голос, размазывая по красному лицу слёзы.

Куцый тряхнул головой, чтобы прогнать хмельную одурь. Лыцарь встал, пахан двинулся за ним. Цыган прикрывал сзади. Только поздно спохватились — захотел бы Труха, все уже в подвале валялись бы.

Труха провёл на первый этаж, толкнул дверь дальней комнаты. На полу лежали два голых тела. Костя Саксаганский, коренастый, мускулистый, ткнулся лицом в пыльный замусоренный пол. В районе поясницы, справа видна была узкая — от остро отточенного лезвия — рана. Именно в том месте, которое ныло у Виктора весь вчерашний вечер.

Любка валялась на спине с раскинутыми голыми ногами. У девушки рана была под левой грудью. Крови вытекло мало, тоненькая засохшая струйка, убегавшая под бок. Глаза остались открытыми.

Витюля медленно обернулся. Труха стоял прямо перед ним. В открытой двери видны были Косой Лыцарь, за ним полуголый Жура, перепуганные пацаны, девки, чуть прикрытые комбинациями или какими-то тряпками.

— Витёк, мы все тебе сочувствуем, мы тебя понимаем, — медленно произнёс Свищев. — И всё же, зачем ты так?

ГЛАВА 5

Портной Пинхус Мордехаевич Копфман жил и работал в шикарном доме постройки начала века, на углу Петровки и Столешникова переулка. Он занимал нечто вроде студии в мансарде, перепланированной из чердака над восьмым этажом. Маркова провожал к нему «начвещь» в ранге интенданта первого

ранга, Михаил Иванов, плечистый двухметровый мужик с вечно красным лицом. Служба научила его улыбаться почти постоянно, то презрительно, то угодливо, зависимо, с кем дело имел. В общем, помогало, на заветный ромбик, он слышал, представление уже было подготовлено[1].

Гудящий и лязгающий лифт довёз до верхней площадки, дальше два марша пешком.

Пройдя по длинному коридору, посетители оказались в просторной комнате. Внешняя стена представляла собой одно огромное окно. Три остальные стены этого пустого зала были зеркальными. Отражения множились и дробились, создавая ощущение нереального пространства, словно ты попал в мозг шизофреника или в фильм вошедшего недавно в моду английского режиссера Хичкока.

Вдоль стен стояли несколько манекенов, посередине — огромный раскройный стол, заваленный кусками ткани, бумажными лекалами, мотками ниток, пластинками мела. В дальнем углу, лицом к свету и боком к собственному отражению, темнели несколько швейных машин «Зингер» с ножным приводом. Разных размеров, конструкций и назначения.

Пока Марков оглядывался, в мастерской ниоткуда возник тощий седой человек. Его профиль можно было использовать вместо ножа: узкое лицо с горбатым крупным носом, казалось, фаса не имело вовсе. Одет он был в серые брюки, белоснежную рубашку, поверх них — чёрный саржевый фартук. На шее вместо галстука и как символ профессии болтался портновский метр.

— Здравствуйте, Пётр Миронович, — сказал Иванов. — Вот, привёз к вам товарища. Еле уговорил.

---

[1] Интендант первого ранга носил на зелёных петлицах три «шпалы», но приравнивался к армейскому полковнику (четыре шпалы). «Ромбик» полагался бригинтенданту, это уже высший комсостав.

— Вы не считаете нужным быть прилично одетым? — спросил Копфман, протягивая сухую горячую руку. — Тогда вы никогда ничего не достигнете в этой жизни. Или, как барон дю Валлон, не терпите, чтобы к вам прикасались простолюдины?

— А вы строили этот зал, специально рассчитывая на гордецов типа Портоса? — улыбнулся Сергей, показывая на зеркала со всех сторон.

— Приятно убедиться, что высший командный состав армии всё-таки читает книжки, — саркастически произнёс портной. — Хотя бы приключенческие.

Марков отчего-то смутился:

— Ну, это в детстве...

— Так мерку будем снимать с вас или с отражений?

— С учётом того, что мои благородные предки никогда не поднимались выше мастеровых...

— Ой, вы себе представить не можете, какие гордецы встречаются среди тех, кто только поднялся в князи.

Сергей пожал плечами. Копфман снял с шеи метр. Откуда ни возьмись, появились трое подмастерьев. На миг Маркову показалось, будто он попал в сказку. Сейчас распахнётся дверь, вкатится голый король, и все, включая интенданта Иванова, примутся восхищаться роскошным нарядом монарха. Портной приложил ленточку с нанесёнными с обеих сторон цифрами к спине генерала. «О, а голый король-то, оказывается, я», — подумал Марков, и ему стало смешно.

— Вы не сомневайтесь, — приговаривал Пинхус Мордехаевич, измеряя не существующие пока рукава. — Форму мы построим в лучшем виде. Я, между прочим, был лучшим портным Одессы. Пока не перебрался сюда. Подучился насчёт тонкостей военной формы, и теперь перед вами — один из пяти лучших мастеров по мужскому костюму в мире. Я имею в виду — в цивилизованном мире. Африка, понятно, в расчёт не берётся. Зачем эфиопу фрак, я спрашиваю. А вот самому Вячеславу Михайловичу всю

одежду готовлю только я. Так вы видите, каким авторитетом пользуется в Лиге Наций Советский Союз? Я даже шил как-то френч и брюки, — Копфман понизил голос, — для самого товарища Сталина. И можете себе представить? Ему понравилось! Он даже позвонил сюда по телефону и поблагодарил меня. Вы смотрели кино «Искатели счастья»? Нет? Очень напрасно. Имейте в виду, там главный персонаж, Пиня Копфман, написан специально с меня. Даже имя сохранили.

Куда бы ни посмотрел Марков, везде красовался рослый мужчина в форме без знаков различия и плавно суетящийся вокруг говорливый портняжка. Зеркала перебрасывали отражения друг другу, выстраивали причудливые комбинации из двух фигур, видимых с разных точек зрения. Это было похоже на калейдоскоп, только узоры сплетались не из осколков цветного стекла, а из людей.

Не склонный к отвлечённым размышлениям генерал вдруг поймал себя на мысли, что в зазеркалье существует бесчисленное множество таких же Марковых и у каждого своя планида, отпущенные только ему жизнь и смерть. Потому любой из Сергеев, видимых сейчас, считал себя единственным, наивно полагал, будто он существует реально. А вся реальность — полированная поверхность чистого стекла.

И ещё ему подумалось: прихотливое мельтешение человеческих фигур ужасно похоже на судьбу, как ее, должно быть, видит Бог.

Манипуляции закончились быстро.

— Когда прийти на примерку? — спросил Сергей.

— Какая примерка? Зачем примерка? — Пиня обиделся. — Вы недооцениваете мастера. По-вашему, портной — это человек, который сидит, поджав ноги, на столе и водит иглой? Дер Шнайдер нейт, ди Нагель гейт, — немилосердно фальшивя, пропел он. — Нет! Мастер по костюмам из самого запущенного поца может сделать Человека. И тот будет звучать гордо, как

требовал великий пролетарский писатель Максим Горький. Во всяком случае, до тех пор, пока с него не снимут пошитые мной штаны! Помните анекдот? Один большой чин из занюханного наркомата единственный раз в жизни получил командировку в Лондон. И купил там ткани на костюм. Вернулся в Москву, приходит к швейнику, мол, хочу костюм из настоящего английского твида. Тот снял мерку, измерил отрез. Говорит, на вашу фигуру материала маловато. Чин расстроился, ведь не докупишь нигде. Забросил ткань в шкаф и забыл. А через некоторое время его послали в Одессу. Подумал наш страдалец, да и взял отрез с собой. Одесские портные всегда славились.

У Чёрного моря коллеги подсказали московскому гостю адресок, он принёс ткань, мастер его обмерил: «Через пару дней на примерку». Заказчик пришёл. Ему дают брюки. Длинноваты.

— Не беда, — говорит мастер, — подвернём.

Чин начинает паниковать: ведь ему говорили, будто не его фигуру материи не хватает.

Мастер даёт пиджак. Великоват.

— Не беда, — говорит мастер, — ушьём.

Когда мастер подал ещё и жилетку, москвич не выдержал: «Как же так, в столице мне говорили, что этого отреза на мою фигуру не хватит!»

— Это вы, извините, в столице фигура, — говорит мастер. — А здесь, в Одессе, вы, извините, — говно. Фуражку мерить будете?

В кабинете Иосифа Виссарионовича зазвонил телефон. Это был единственный аппарат, напрямую связанный с внешним миром, минуя Поскрёбышева, минуя людей Власика. Естественно, номер его знали очень немногие. Эти шесть цифр не были известны ни Вячеславу Молотову, ни даже наркому внутренних дел Лаврентию Павловичу Берии. Вождь позаботился о том, чтобы тайна не стала достоянием даже ближнего окружения.

Номер должен был знать, конечно, начальник кремлёвской АТС, но после личной беседы с вождём поклялся его забыть, и действительно забыл настолько прочно, что, если возникала техническая необходимость, являлся к товарищу Сталину, и тот, приложив палец к губам, писал магическое число на бумажке, которая немедленно сжигалась.

Хозяин снял трубку.

— Сосо? — раздался мягкий бархатистый баритон. Обращаться так к Сталину имел право только один человек в мире.

— Да, Георгий, — отозвался Генеральный секретарь партии. Голос его звучал непривычно мягко и предупредительно.

— Я в Москве. Если у тебя найдётся время, хотелось бы встретиться.

— Обижаешь, Георгий. Это ведь я просил тебя приехать.

— Да. Возникли проблемы с визами. Твои служащие — большие крючкотворы.

— Ты даже представить себе не можешь, какие, — тихо, гортанно засмеялся Иосиф Виссарионович. — Если бы я не держал вопрос под личным контролем и не дал кое-кому по голове, ты сидел бы в своём Париже года этак до пятидесятого. Я очень благодарен, что ты откликнулся, Георгий.

— Ну что ты. Ты мне больше, чем брат. В каком-то смысле ты мой ученик. Иногда я этим горжусь.

— Иногда, Георгий?

— Ты — большой человек, Сосо. Полководцы, государственные мужи делают Историю. А для простого человека История — беда. Знаешь, как доставляли каменные блоки к египетским пирамидам? Наши инженеры до сих пор разводят руками: нет подъёмных кранов, чтобы могли поднять такой вес. На самом деле всё было очень просто. Глыбу ставили на помост и тащили. Чтобы она скользила, требовалась смазка. И под каменную махину подкладывали рабов.

История также движется по раздавленным людям. Как судить создателя пирамиды, Сосо? По результату его усилий? Или по судьбам жертв строительства? Ты — воин. Ты делаешь своё дело. Так делай его хорошо и не заботься о том, кто и как будет когда-то оценивать твои решения.

— Знаешь, Георгий, — задумчиво проговорил Сталин, — похожую мысль я вычитал недавно в очень талантливом романе. Рукопись не закончена, но в одном из вариантов есть такой абзац, — вождь наклонился, открыл нижний ящик правой тумбы письменного стола, шлёпнул на стол пухлую папку, дёрнул за шнурок, уверенно нашёл закладку в стопе машинописных листов и прочитал предложение из отчёркнутого красным карандашом абзаца: «У него мужественное лицо, он правильно делает своё дело, и вообще всё кончено здесь». Хорошо написано и лестно сказано, не находишь? Правда, слова эти вложены в уста дьявола... К сожалению, у нас никогда не разрешат опубликовать эту книгу...

На секунду Сосо замолк. Уставился в потолок, опустив трубку на колени. Сказал негромко:

— Десятого марта. Всё случилось десятого марта. Ровно через год. Почему? Этого не может быть!

— О чём ты, Сосо? Я плохо слышу.

— Георгий, — словно очнулся Сталин. — Георгий, мне очень нужно встретиться с тобой. Прямо сейчас. Пожалуйста. Я... я боюсь, Георгий.

— Приезжай, — предложил Гурджиев. — Нас поместили...

— Ты недооцениваешь тирана, — по голосу было понятно, что Сталин пытается улыбнуться. — Я знаю адрес.

Полотно истории состоит из нитей-судеб ярких, выдающихся людей, эти нити переплетаются весьма замысловато. Прослеживая эти переплетения, поневоле приходишь к мысли, что тесен мир и любое важное

событие возникает на пересечениях усилий многих личностей, имена которых известны каждому образованному человеку. Но созданный цветными нитями-судьбами узор, кажется, имеет собственный смысл, никак не связанный ни с одной из линий основы-ткани.

А жизни простых обывателей? — спросите вы. Радости и мучения так называемых обычных человеков составляют плотную подоснову истории. Она никак не просматривается под узором событий, но без неё никакие яркие нити не смогли бы связываться и переплетаться, они просто рассыпались бы, не имея опоры. Если у истории и есть какая-то тайна, заключается она в незримом предопределении поступков, которые совершали правители, пророки и полководцы, скрытым от глаз стороннего наблюдателя существованием миллионов подданных, верующих, солдат — всех, кого пренебрежительно кличут заурядностями, массой, пушечным мясом, а то и лагерной пылью.

Георгий Иванович Гурджиев с юных лет был выдающимся человеком. Им владела страсть к познанию глубин восточной мудрости. Главной любовью Гурджиева были книги. Он собирал и тщательно изучал старинные манускрипты, отыскивая в них указания на то, что китайцы обозначили словом «Дао» — путь, ведущий к совершенству. Ректор Тифлисской духовной семинарии, человек высокообразованный и достойный, общался с первокурсником как с равным. Чтобы оценить этот факт, следует напомнить: даже Иосиф Джугашвили, будущий Сталин, одной из причин своего ухода из стен здания в Гори, очень похожего на средневековый замок, назвал невыносимую строгость распорядка и угнетающую муштру. Уклад жизни был более чем жёстким, и амикошонства преподавателя со слушателями тут не одобряли.

Несколько позже молодой человек сблизился с доктором Бадмаевым Петром Александровичем, легендарным знатоком тибетской медицины, который пользо-

вал Распутина и весь цвет придворного Петербурга. Бадмаев был очень серьёзным дипломатом, автором проекта «Записка Александру Третьему о задачах русской политики на азиатском Востоке», где был изложен подробно проработанный план распространения русского влияния в Китай. Были учтены экономические, военные, политические и религиозные аспекты вопроса. Прочитав «Записку», царь пригласил Сергея Юльевича Витте, министра финансов империи, дальновидного, осторожного и хитрого человека.

— Вы знакомы с сим документом, — спросил Александр, с высоты своего гренадёрского роста глядя в глаза придворного, прикрытые сверкающими стекляшками пенсне.

— Там есть моя виза, Ваше Величество, — спокойно ответил Витте.

— Вы полагаете, это реальный план?

— Во всяком случае, мне редко приходилось сталкиваться с таким детально продуманным предложением.

— Есть смысл финансировать?

— Безусловно. Россия, чтобы быть великой империей, обязана искать способы влиять на соперников. Если мы приобретём реальные рычаги воздействия в Китае, позиции «шестой части Земли» укрепятся настолько, что ни Альбион, никакая другая страна, включая быстро развивающиеся Северо-Американские Соединённые Штаты, в ближайшие сто лет не смогут нам составить конкуренции.

— Хорошо, — согласился самодержец и протянул мощную руку к перу.

В 1894 году Александр Третий, по совету Витте, повелел субсидировать реализацию плана Петра Александровича и отпустить на эти цели два миллиона российских золотых рублей. Через семь лет Николай Второй, также проконсультировавшись с Витте, отдал распоряжение о выдаче весьма крупной суммы П. А. Бадмаеву.

Гурджиев попал под интеллектуальное влияние врача, выдающегося дипломата, замечательного знатока буддизма. По его заданию юноша совершил своё второе путешествие в Тибет. Ставились перед ним только познавательные задачи или потаённой, но главной целью был сбор разведывательных материалов, сегодня не узнает никто, как никто не сумеет сказать точно, чьё задание позже выполнял во время своих знаменитых странствий Николай Рерих. Во всяком случае, Сталин просто не мог быть не осведомлённым о подобном проекте. Всё, что связано с путешествиями в Тибет в двадцатом веке, пахнет политическими тайнами, густо замешенными на мистике.

Казалось бы, дважды побывав у ворот Шамбалы, Георгий должен был стать ярым приверженцем буддизма, может быть, в дзеновском варианте, или йоги. Однако случилось по-иному. Гурджиева привлек суфизм.

Путь познания суфиев ведёт к тем же целям, что практики йогов и буддистов. Но это — «шёлковые» тропы. А в корне слова суфизм лежит шерсть, грубая и колючая. Зато в стужу согреет не шёлк, а она.

Ближе всего к учению суфиев система Игнатия Лойолы. Потому, что схожи цели: воспитать солдата. Воин — это не только и даже не столько физическая сила да навыки ведения боя. Главное — особое состояние души, особое умение контролировать свой разум и через него — тело.

Как и другие восточные системы самосовершенствования, суфизм прежде всего требовал вывести неофита из привычного существования. Человек стремится экономить нервную энергию. Большая часть жизни — это повторяющиеся, стандартные ситуации. У подавляющего большинства вырабатываются автоматические реакции. Для мыслителя такое инстинктивное поведение — духовная смерть. Для воина — неминуемая гибель физическая. Оба должны каждый миг видеть суть вещей за их оболочкой. А оболочка

чаще всего выглядит вполне обыденно. Потому она и обманчива.

Для чего суфии подвергают вновь обращённых мучительным испытаниям? Скажем, они заставляют желающего приобщиться к сакральной мудрости углублять выгребную яму, не обращая внимания на то, что ею продолжают пользоваться. Учителя полагают, что такое изменение обстоятельств существования способно сорвать с разума пелену привычных восприятий, очистить его.

В отличие от иных систем, суфии не требуют от последователей учения ухода от мира. Наоборот, каждый должен обрести специальность. Он может быть плотником, рыбаком, врачом и приносить реальную пользу, продолжая жить бок о бок с обычными людьми. Медитации заменяются тщательным исполнением профессиональных обязанностей.

Следующий этап — движение к мгновенному познанию истины. Христиане называют его иллюминацией, буддисты — сатори, суфии — хакикат. Дойти до этой стадии дано не многим, только тем, кто станет Учителем. Это — последняя ступень перед тем, как стать Посвящённым.

Сам Георгий Иванович считал, что он — наставник. Его ученики были уверены: Гурджиев — один из немногих Посвящённых, тех, кто хранит и выправляет судьбу Мира.

После отъезда из России Гурджиев занялся предпринимательством. То ли ему сопутствовала небывалая удача, то ли овладение мудростью суфиев помогало и в капиталистических джунглях. Во всяком случае, Георгию Ивановичу удалось не просто заработать на жизнь. Он быстро превратился в одного из самых богатых людей Европы. На полученные капиталы гуру создал Институт гармоничного человека и при нём открыл театр. Из всех занятий, какие существовали, продвинутый суфий Гурджиев выбрал профессию, требующую каждый раз сызнова создавать

особый мир, изменять и вести к просветлению обитающих в этом мире людей, — профессию режиссёра.

По приезде в Москву «Театру гармоничного человека» назначили место размещения в бывшем купеческом особняке, который стоял в Печатниковом переулке — в самом центре сплетения сретенских кривых и узких заездов, проездов, улочек, недоулиц и проулков. Бывший хозяин особняка славился любовью к театру. По стопам коллеги-купца Константина Сергеевича Алексеева, больше известного по псевдониму Станиславский, он не пошёл. Считал, что стремление служить обществу, превращая сцену в трибуну, истинного коммерсанта только компрометирует. По примеру бар-крепостников позапрошлого и прошлого веков он завёл личную труппу и давал спектакли только и исключительно для друзей — ценителей.

С Гурджиевым приехали пятнадцать самых одарённых, по мнению Мастера, и наиболее приближённых к нему учеников. Семь девушек и восемь парней разных национальностей — азербайджанцы, турки, двое узкоглазых тибетцев, пара арабов, русские, даже трое французов — показывали танцы просветления духа. Эти композиции были похожи одновременно на верчения дервишей, удивительные прыжки на сцене «босоножки» Айседоры Дункан и на имитации боя саблями в хореографии кавказцев. Однако вся эта мешанина и разностильная эклектика производила на зрителей потрясающее впечатление. У каждого, кто сидел в зале, складывалось впечатление, будто, сумей только запомнить и повторить нервную вязь переползаний, вращений и подскоков, и откроется иной, более приспособленный для человека, мир; и сам ты станешь другим: приобретёшь безошибочные рефлексы хищника, станешь потрясающе быстрым. А самое главное — ты поймёшь смысл этой жизни.

Артисты репетировали на сцене небольшого зала. Георгий Иванович сидел в пятом ряду и следил за ис-

полнителями, поглаживая роскошные седые усы. Он периодически останавливал танец, просил исполнителей медитировать. Потом действо начиналось снова.

Сталин вошёл в зал и быстро зашагал к старому другу. В левой руке он нёс потёртый кожаный портфель, туго набитый и, похоже, тяжёлый. Верный Поскрёбышев остался в дверях, цепким взглядом обшаривая помещение. Гурджиев сидел не оборачиваясь, увлечённый вихрем человеческих тел, метавшимся по сцене. Когда вождь приблизился, бесшумно ступая мягкими сапогами без каблуков, Георгий Иванович встал и повернулся: «Здравствуй, Сосо».

— Здравствуй, Георгий. — Маленький Сталин подал руку худому Гурджиеву, который рядом с Сосо показался высоким. Друзья обнялись.

Молодые суфии, столпившись на сцене, с интересом следили за встречей Хозяина и Мастера.

— Работайте сами, — приказал Гурджиев и повернулся к гостю: — Пойдём в мою комнату?

— Нет, — попросил Сталин, — давай говорить здесь. Сядем в центре зала, и никто не сможет подслушать.

Гуру внимательно поглядел в глаза усталого тигра:

— Укатали тебя ваши игры.

Иосиф Виссарионович положил портфель на колени, щёлкнул замками, протянул другу пухлую папку:

— Я принёс тебе роман, из которого была цитата.

Гурджиев кивнул.

— Прочитай, он того стоит. Только не вывози в свой Париж. Будут большие неприятности. Лучше сожги. Заодно проверим правоту автора. Он утверждает, будто рукописи не горят.

— Я знаю, — сказал Георгий Иванович. — Горит бумага. А слова возвращаются к Богу.

— Эти слова, — вождь достал из кожаного чрева вторую папку, потоньше, — вряд ли когда-нибудь достигнут Всевышнего.

Не торопясь, вполголоса, Сталин рассказал о визите призрака. Говоря, он автоматически поглаживал кистью правой руки локоть левой. Гурджиев, слушая, листал «объективку», подготовленную Берией на Аристотеля Фиораванти. Особо заинтересовала суфия записка Будиани.

— Этого типа я знаю, — сухо произнёс Георгий. — Гипнотизёр. Сильный, примерно на уровне Вольфа Мессинга. Ты ведь с ним встречался.

— Откуда знаешь? — удивился Сталин.

Гурджиев усмехнулся уголком рта:

— В отличие от Вольфа товарищ Будиани — старый подручный твоего Малюты Павловича...

— Не любишь его? — улыбнулся теперь Хозяин.

— А ты его любишь?

— Зачем ему моя любовь? — подчёркнуто удивился Иосиф Виссарионович. — Он сам кого хочешь... отлюбит. Ладно, хватит лирики. Давай ближе к делу.

Общение со старым другом повлияло на Генерального секретаря самым положительным образом. Озабоченное выражение ушло, черты лица разгладились, Сталин улыбался. Увидь сейчас «стального Иосифа» его ближайшие соратники, пожалуй, они не сразу бы узнали вечно сосредоточенного, напряжённо контролирующего себя и окружающих вождя.

— Ещё два слова. Будиани принимал участие в допросах. Подследственному не давали спать часов шестьдесят. Потом в игру вступал гипнотизёр. Самых несгибаемых он потрошил вмиг.

Иосиф Виссарионович перестал улыбаться:

— И всё-таки, что ты думаешь, Георгий, по поводу всей этой истории?

Он посмотрел в глаза Гурджиеву и тут же перевёл взгляд на сцену. Сплетённые тела юных пар словно взрывом расшвыряло в стороны. Закружился водоворот из дервишей, чьи посохи превратились в грозное оружие. Гордо стоявшие люди, которые находили опо-

ру друг в друге, повержены и ползают во прахе, аки гады.

— Ты хочешь, чтобы я ответил: был ли это реальный призрак, — произнеся парадоксальное словосочетание, Гурджиев невольно усмехнулся, — или чей-то умысел?

— Да.

— Я не верю в привидения. Ты тоже.

— Эта тень загубленного итальянца... Она явилась точно в годовщину смерти автора романа, который я тебе привёз. Роман о Христе и пришествии дьявола в Москву. В мою Москву. Думаешь, совпадение?

— Ты был другом писателя?

— Нет. Но я ценил его. Писатели вообще необычные люди. Они говорят больше, чем знают. Больше, чем вообще может знать человек. А этот был настоящим талантом, — задумчиво проговорил Сталин. — Когда он умирал, ко мне обратились актёры МХАТа, просили, чтобы разрешили Мастеру выехать в Палестину. И знаешь, я позволил.

Гурджиев усмехнулся. Он понял, как хотелось вождю, чтобы старый друг подивился его великодушию.

— И что, помогла смена климата?

— Нет, он умер раньше, чем пришло разрешение уехать из СССР.

— Да, Россия всегда предпочитала, чтобы её люди умирали дома, чем чтобы они выживали за границей.

Георгий Иванович надолго задумался.

— Я не могу сказать тебе точно, есть ли здесь чей-то расчёт, или Господь Бог решил взять тебя за ушко. Но мне трудно представить себе небесную или дьявольскую канцелярию, которая скрупулезно вычисляет, какого числа прислать к тебе духа, чтобы он произвёл максимальное впечатление.

— Может, это называется знак?

— Брось, Сосо, все знаки и знамения — это для дураков. Кажется, у Паскаля есть совершенно за-

мечательное доказательство бытия Бога. Он советует сопоставить, как мало усилий требует от человека вера — всего-то навсего вести себя так, как будто Создатель есть. И как много он выигрывает, если и впрямь Господь существует.

— Какой-то купеческий подход.

— Я тебе советую поступить наоборот. Поступай так, словно ты уверен, что твой призрак — начало интриги, затеянной людьми. Если это — вмешательство потусторонних сил, ты всё равно ничего не сможешь изменить. Ты ведь не бросишь всё и не уйдёшь в монастырь грехи замаливать.

— Не уйду, Георгий. На мне не только страна в сто шестьдесят миллионов душ. Не сочти за манию величия, от меня, особенно сейчас, зависит судьба мира. Только не проси рассказать: не имею права...

Теперь на сцене бушевал бой, жестокий и беспощадный. Танцоры изощрённой пластикой передавали смертную муку поверженных. А победители огромными прыжками летали над разорванными, казалось, телами противников, добивая любого, кто подавал какие-то признаки жизни.

— Знаешь, Георгий, — сказал Сталин, — я и сам пришёл к такому же выводу. Но для меня очень важно, что ты, именно ты подтвердил мои мысли.

— Давай сделаем так, — предложил Гурджиев. — Я зайду к тебе, скажем, завтра. И посмотрю, так сказать, место действия. Если имела место магия, должны остаться следы... мощного усилия, назовём так.

— Хорошо, я распоряжусь... — начал Хозяин.

— Не нужно, — перебил Гуру.

— Но... охрана.

— Неужели ты думаешь, что я не сумею сделать то, что удалось Мессингу? Ты меня недооцениваешь, Сосо.

— Тебя сильно не любит Лаврентий. Очень сильно не любит. Ещё с Закавказья.

— Знаю. Берия меня боится. Может быть, я единственный человек на свете, которого он боится больше, чем даже тебя, Сосо. Для него и Будиани — чуть ли не сам дьявол. А я умею гораздо больше. Так что устраивать несчастный случай на подходе к твоим апартаментам он точно не станет.

На сцене многократно убитые вдруг стали подниматься. Сначала на колени, потом на ноги. Они стояли, покачиваясь, и пели:

Я буду спасённым, и я спасу. Аминь.
Я буду свободным, и я освобожу. Аминь.
Я буду ранен, и нанесу рану. Аминь.
Я буду рождён, и я рожу. Аминь.
Я буду есть, и меня съедят. Аминь.
Я услышу, и меня услышат. Аминь.
Обо мне будут мыслить, мыслить полностью. Аминь.
Я буду омытым, и я омою. Аминь.
Милосердие танцует. Я играю на свирели.
Танцуйте все. Аминь.
Число Восемь (буквально: один огдод) поёт хвалу
вместе с нами. Аминь.
Число двенадцать танцует в высоте. Аминь.
Всё в высоте принимает участие в нашем танце. Аминь.
Те, кто не танцует, не знают, что произойдёт. Аминь.
Я спасусь бегством, и я останусь. Аминь.
Я украшу, и меня украсят. Аминь.
Я буду объединённым, и я объединю. Аминь.
У меня нет дома, и у меня есть дома. Аминь.
У меня нет места, и у меня есть места. Аминь.
У меня нет храма, и у меня есть храмы. Аминь.
Я есмь светильник тому, кто зрит меня. Аминь.
Я есмь зерцало для того, кто видит меня. Аминь.
Я есмь дверь тому, кто стучит в меня. Аминь.
Я есмь путь для тебя, путник. Аминь.

Все попытки противников вновь низвергнуть восставших в прах почему-то не достигали цели. Казалось, измученные тела облекла какая-то незримая

защита, отклоняющая, уводящая в сторону любое агрессивное действие.

— Скажи, Георгий, — попросил вдруг Сталин, — как ты думаешь, Бог есть?

— Есть, — кивнул Гурджиев. Он тоже внимательно смотрел на сцену. — Только он совсем не такой, как его все представляют.

— Да, — сказал Сталин. — Да, я понимаю.

— Понимаешь? — сурово переспросил гуру. — Тогда слушай: «Существуют места по правую руку и по левую, а также силы господства, власти и демоны, действия, угрозы, гнев, дьяволы, Сатана и корень внизу, откуда исходит природа вещей, вступающих в бытие. Ты видишь то, что ты есть, ибо я показал тебе это. Но то, чем являюсь Я, знаю Я один, и никто больше. Выстрадай же меня, чтобы сохранить то, что есть моё и то, что есть твоё, чтобы узрить через Меня и узреть Меня в истине. Я есть не то, что Я сказал, но то, что ты способен знать, так как ты близок к тому же». Эти слова были обращены к апостолу Иоанну. Мне кажется, сегодня их должен услышать и ты. Не ухом — сознанием. В этом твоё спасение. «Если ты слышишь Меня, ты, слышащий, будешь, как Я. Ибо от Меня ты есть то, что ты есть. Не заботься поэтому о многих, а тех, кто вне тайны, презри».

Запомни эти слова, Сосо. Они должны стать твоей баракой.

Выпускник духовной семинарии, Генеральный секретарь партии атеистов удивлённо поднял бровь.

— Барака — это слова, которые ты должен воспринять путём постоянного чтения, так чтобы постепенно усваивались разные уровни смысла. Они читаются не для того, чтобы «понять» их в вашем словоупотреблении, а чтобы погрузиться в самую суть своего сознательного существа и внутреннего «я». На Западе люди интеллекта учат, что для того, чтобы извлечь пользу из чего-либо, вы должны понять это. Суфий-

ское учение не может опираться на такую грубую вещь, как эта поверхностная способность. Барака просачивается внутрь, часто независимо от человека, и её нельзя заставить ждать на пороге до тех пор, пока «интеллект» позволит ей проникнуть в вас или вам проникнуться ею.

Тот, кто имеет глаза, чтобы видеть, пусть видит связь; тот, кто имеет уши, пусть слышит истину среди запутанной паутины лжи. Но пусть он сначала разовьёт в себе способность знать структуру истины, ощущать истину, говорить истину и создавать климат, в котором истина — норма, а не что-то необычное.

На сцене между тем истерзанные, погибшие и воскресшие оказались победителями. Об их упорство разбились все атаки тёмных сил. Теперь они стояли перед зрителями, пошатываясь, поддерживая друг друга, но гордо глядя в зал.

— Несгибаемая сила духа, — произнёс Сталин. И даже Гурджиев не понял, иронизирует его друг детства или же он потрясён до глубины души.

Когда интендант Иванов отпер дверь и пропустил Маркова в его новую квартиру на Якиманской набережной, Сергей испытал давно забытое чувство. Он отвык, что одному человеку может принадлежать столько личного пространства. После годов, проведённых в тесноте и вони тюремных камер, арестантских вагонов, лагерных бараков, где нельзя уединиться и на минуту, где даже сортиры на десять, двадцать, пятьдесят очков, очень легко заболеть агорафобией, страхом больших площадей. Огромная гостиная и ещё три комнаты ненамного меньших размеров, обставленные с казарменной скупостью и незамысловатостью — потрёпанными казёнными шкафами с обязательными зеркалами и железными солдатскими койками без матрасов. Штук восемь их тут было, и прикроватные тумбочки к ним. Ещё — десяток раз-

болтанных венских стульев. Запах какой-то затхлый, словно портянки на батареях недавно сушили.

Командующий поморщился. Хотел спросить, что за цирк интендант устроил. Но тот и сам уже, покраснев почти до невозможности, уже ругался в пространство, одними губами, вслух не смел. Чуть не за руку потащил Маркова в кухню. Там возвышался титанический буфет тёмного дерева и ещё не виданная Марковым новинка — печь, по виду газовая, но с электрическими спиралями в широких керамических дисках.

— Это — электрическая печка для готовки, — гордо объяснил интендант. — В Америке газом уже не пользуются. Опасно, может взорваться. Вдобавок ядовит. — Потом ткнул рукой в белый эмалированный саркофаг, поставленный вертикально. — Это тоже новинка. Называется холодильный шкаф или попросту холодильник.

Иванов потянул за сверкающую хромом ручку. Дверь раскрылась. Внутри была зима, как на улице. На полках расположились банки с тушёнкой, с овощными и рыбными консервами, икрой, крабами, десятка два яиц, несколько палок колбасы, пачки сливочного масла, цельная головка сыра. Почему-то две буханки хлеба, белого и чёрного, еще какая-то снедь. Натуральный Торгсин. Впрочем, пока Маркова не посадили, снабжался он не намного хуже. Но всё-таки хуже: комкор и командующий округом — разные номенклатурные уровни. На полках с внутренней стороны дверцы — десяток цилиндрических бутылок водки с незнакомой надписью «Столичная». Раньше таких не было. Ещё там находился коньяк в ассортименте и для чего-то две бутылки шампанского. Имели место и «семисотки» каких-то вин, но они Маркова не вдохновили и не заинтересовали.

— Это ваш доппаёк за неделю, товарищ генерал-полковник. Адъютант будет пополнять, будьте спокойны.

— Да я и не беспокоюсь, — усмехнулся Марков. Пора заново привыкать, в родной армии ничего не меняется...

— А насчёт меблировки и прочего — вы не пугайтесь. Это у нас здесь что-то вроде общежития для временно прикомандированных. Ну, по нашей части — приезжают люди из корпусов, дивизий на месяц, бывает два... Ну, чтобы в гостиницах не тратиться. А что же им — ковры-паласы стелить? От зампотыла команда поступила — нового командующего обеспечить. Ну — мы исполняем. Кухню вот успели, а остальное... — он развёл руками. — Главное — квартира вот! Сегодня с вечера начнут, и побелят, и покрасят... Что касается мебели — хоть сейчас на склад можно подъехать. Выбор есть. Если что не так — имеем фонды, можно в комиссионных закупить. Мы главное что — мы ж не знаем, у супруги вашей какие вкусы! Кому что, как говорится, нравится... Если прикажете — мы хоть сейчас.

— Успокойтесь. Я не женат, во-первых. Во-вторых, — вот именно — стены побелить, чтоб свеженько было. Обоев не люблю. Полы натереть как следует (Марков обратил внимание, как затоптан хороший дубовый паркет, узорчато выложенный). Окна, двери — под светлую слоновую кость. Бронзу — вычистить. Я вам передам ключи. Срок — неделя. Мебель завезите на своё усмотрение. Лучше — гарнитурами. Рабочий кабинет, спальня, столовая-гостиная. Чтобы можно было жить...

И подумал — да какого чёрта! Ещё скромничать я вам буду!

— Я предпочитаю по-дореволюционному. Строго, без купеческой роскоши, как у профессора университета, например. Представляете?

Интендант шевельнул извилинами.

— Разберёмся, товарищ генерал-полковник.

— Тогда всё. А мне пока номер в гостинице снимите. В НКВДшной мне не нравится.

— В «Метрополе» устроит?

— Пусть в «Метрополе»...

— Тогда прошу в машину, я вас отвезу, размещу — и отдыхайте.

* * *

Марков расположился в свежеотремонтированной квартире и с удовольствием рассматривал книжные шкафы, приобретённые Ивановым неизвестно где прямо с книгами. Четыре застеклённых шкафа под потолок, не меньше, чем на тысячу томов. Книги были все солидные, дореволюционные, в тиснённых золотом переплётах. Правда, половина по зоологии и энтомологии, но остальные вполне хороши — полные собрания словарей Брокгауза и Ефрона, Граната, Даля, русская и зарубежная классика, переплетённые комплекты журналов «Нива», «Русская старина», «Мир Божий» и тому подобные. Всё же положение большого начальника имеет свои плюсы. Сказал — и сделали. Как, где — не моё дело.

Во входную дверь кто-то постучал. Похоже, кулаком, как будто звонка нет. Не ожидая разрешения, дверь тут же и распахнули, Марков забыл запереть её на ключ и накинуть цепочку, как в Москве принято. Тоже отвык.

На пороге стояла огромная фигура в отлично подогнанной генеральской форме и сияющих сапогах.

Гигант сделал шаг, оказался в прихожей и широко развёл руки:

— Серёга, третий день мечтаю добраться до тебя и напиться в драбадан!

Марков торопливо двинулся навстречу:

— Володька, до чего ж ты вовремя! А раньше где пропадал? Я уж думал...

— Смотри, кого я к тебе привёл, — продолжал шуметь Владимир, не ответив на вопрос. Он сделал шаг в сторону. Из-за спины напарника по двуручной пиле появилась хрупкая фигурка — та самая Люсечка из самолёта.

— Здравствуйте, — застенчиво сказала она.

— Ребята, проходите. Я сам всего час, как въехал. Ремонт, меблировка, то-сё. Осматриваюсь вот. Из всей дислокации познакомился только с холодильным шкафом.

Лось демонстративно потянул носом:

— Похоже, ваше знакомство было крайне поверхностным и в глубокую дружбу перерасти не успело. Ничего, сейчас поправим.

Он повернулся к девушке:

— Тащи сумку. Будем жить, будем пить. С нынешнего дня мы с тобой соседи, — объявил Лось. — Только меня поселили на этаж выше. Логика простая, чем меньше чин, тем дольше будешь топать по лестнице.

— Да, — ухмыльнулся Марков. — Только лифта ты не учёл. И всё наоборот. Чем человек значительнее, тем он выше. А внизу магазин.

Люсечка уже порхнула в прихожую, втащила объёмистую сумку, стала извлекать из неё балык красной рыбы, колбасы, консервные банки с яркими этикетками и надписью «chatka», стеклянные банки с красной икрой и причудливой формы бутылки.

Ассортимент был точно тот же, что имелся и у Маркова. Видно, между генерал-майором и генерал-полковником невелика разница с точки зрения снабженцев.

Лось взял в руки банку крабов.

— Интересно, почему написано «Хатка»? Это по-каковскому крабов так кличут?

— Это по-нашему, — засмеялся Марков. — Напечатали этикетки с названием «Камчатка» под банку другого размера. Стали клеить, остается либо «Камч», либо «чатка». Решили оставить «чатку». А в Европах так продукт понравился, что смели с прилавков вмиг. Делать правильное название — надо объяснять, во-первых, что это те же крабы. Во-вторых, что маху дали. Помараковали и решили: пусть остаётся, как было.

Люсечка сноровисто нарезала, что полагалось, Лось быстрыми движениями открыл консервные банки. Из буфета появились хрустальные бокалы и рюмки, нераспечатанные коробки с мельхиоровыми ложками, вилками и ножами. Лось попробовал ударом под толстое литое днище выбить пробку из заморской бутыли, не сумел, смутился, принялся искать штопор.

— Это тебе заграница, пробковый дуб, а не картонка с сургучом, — засмеялся Марков. На душе у него было удивительно хорошо.

— Ну, будем живы и здоровы!

Чокнулись с долгим замирающим звоном, глотнули обжигающей жидкости.

— Фу, гадость, — выдохнул Марков. Джин ему до этого пить не приходилось.

— Самогон, — уважительно протянул Лось, разглядывая этикетку с забавной фигуркой. — Еловый, что ли?

Потом решительно отставил бутылку в сторону, взял «Столичную», повторил свой номер, теперь — вполне удачно.

— Для нас водочка повкуснее будет, — пропел он нежно и набулькал по полфужера.

— Второй тост — за великого и мудрого вождя, товарища Сталина, — торжественно произнёс Володя. — Все пьют до дна.

Марков посмотрел на друга с весёлым недоумением, однако стакан в рот опрокинул.

— Вы же ещё ничего не знаете, — затараторила Люсечка, заев горькую куском балыка. — Володечка был на приёме у самого Иосифа Виссарионовича! Два раза! По приказу Генерального сняли все обвинения, повысили в звании и дали новое назначение.

— С сегодняшнего дня я — заместитель Власика. Заместитель начальника личной охраны вождя. Нет, ты понял? Какой проницательностью и мужеством надо обладать, чтобы вчерашнему зэку не просто оказать доверие, но приблизить к себе!

Лось почти касался своим лицом лица Сергея, заглядывал ему в глаза, словно просил: «Вспомни. Пойми!»

Марков мигнул, показал, что всё понял. Он слышал байки о лишних вентиляционных отверстиях, под которыми сидит за стеной невзрачный человечек и записывает школьной ручкой с пером-«уточкой» на стандартных листах всё, что услышит. В лагерях —

пересыльных и в самом СТОНе — об этом рассказывали очень многие. То, что подобные отдушины должны существовать в этом «хитром» доме, где обитали весьма большие военные чины и крупные деятели других ведомств, сомневаться не приходилось.

— Может, пойдём проветримся, — предложил Сергей. На балконе, если стать лицом к улице и говорить потише, подслушать разговор практически невозможно. Во всяком случае, генерал так думал. — Что-то на меня эта пакость иноземная плохо подействовала.

— Что вы, мальчики, — вмешалась Люсечка. — Пойдёмте лучше к нам. Я тоже ничего не успела, но всё же у нас немного уютнее.

Марков слушал, открыв рот. К кому это к нам? Прелестная буфетчица тоже живёт в этом доме? Может, у неё папа — Валерий Чкалов? Или Паша Рычагов? Или... До Сергея стало доходить, почему так суетится девчонка, почему она так настойчиво приглашает в гости, так часто повторяет: к нам, у нас. Ай, да Володька, ай, да сукин сын. Когда только успел?

— Никуда мы не пойдём, — отрезал изрядно охмелевший Лось. Похоже, закладывать за воротник новенького мундира он начал давненько. — Мы будем пить и смеяться, как дети... или поётся по-другому? Хороши малыши, пить они будут... Серёг, ты понял, что я тебе хочу сказать? Господь Бог и товарищ Сталин дают мне шанс сделать то, чего я хочу больше всего. Может, мне народ памятник поставит, если я сумею. На последние трудовые копейки. Как Минину и Пожарскому. На Красной площади!

— На Лобном месте, — ляпнул Марков.

— Что?

— Памятник князю Пожарскому и гражданину купцу Козьме Минину поставили на Лобном месте, — пояснил Сергей. — Там, где совершались публичные казни.

Лось поднял разом протрезвевшие глаза:

— А и хер с ним. Пусть даже на Лобном.

Звонок прогремел в пустой квартире неожиданно. Марков ринулся искать телефон, ориентируясь по звуку. Каналья Иванов не удосужился показать, где стоит аппарат. Генерал, матерясь сквозь зубы, бегал из комнаты в комнату.

— Брось, Серёжа, — крикнул Лось, — кто тебе сейчас звонить может? Явная ошибка!

Но проклятая техника не унималась, выстреливая трели, как длинные пулемётные очереди. Наконец хозяин квартиры обнаружил чернобокого нарушителя спокойствия в самом дальнем помещении — кабинете. Он схватил трубку:

— Алло!

— Добрый вечер, товарищ Марков, — прозвучал незнакомый голос. — Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

— Сергей Петрович, — глуховатый голос вождя резанул по сердцу. Показалось вдруг, будто Хозяин не только мог слышать пьяный разговор в этой квартире, но и понял все намёки Лося. — Надеюсь, я не разбудил?

— Никак нет, Иосиф Виссарионович. Отмечаем с друзьями новоселье и новые назначения.

— Святое дело, — иронически сказала трубка, — только не злоупотребляйте. Я хочу пригласить вас завтра на небольшой приём. Не будет никаких государственных деятелей, чиновников, командиров производства. Надоели своим занудством. Соберутся культурные люди: артисты, режиссёры, писатели. Обещали, что будет даже Любовь Петровна Орлова. Ещё журналисты, поэты. Словом, люди свободных профессий. Есть постановление кое-кого из них наградить. А кого не наградят — получат новый стимул к этому стремиться. Не возражаете?

— С удовольствием, товарищ Сталин, — искренне произнёс Марков.

— Замечательно, — слышно было, что собеседник улыбнулся. — Да, желательно, чтобы приглашённые были с жёнами или... другими дамами. У вас есть подходящая? Если ещё нет — я распоряжусь, подберут... Одним словом, завтра вам на квартиру завезут пригласительный билет.

После телефонного разговора веселье как-то скукожилось. Лось старательно разливал спиртное, Марков натужно шутил, Люсечка прилежно смеялась каждой остроте. Но дух доброй пьянки улетел из казённой квартиры, как здравомыслие покидает голову дурака.

Когда гости прощались с хозяином, Люсечка сказала:

— Теперь вы просто обязаны нанести нам ответный визит. И как можно скорее. А я обещаю устроить дорогому гостю сюрприз. — И, лукаво усмехнувшись, добавила: — Приятный.

Против ожиданий, Марков проснулся рано, в шесть утра, всего на час после лагерной побудки, и почти не страдая от похмелья. То есть, во рту конечно, сухость, и голова не то чтобы болела, но была ощутимо тяжеловата.

Сергей был ещё достаточно молод и здоров, чтобы позволить себе варварские методы борьбы с состоянием, которое главные потенциальные противники — немцы — называли и по сей день называют «катцен ямер», — кошачий визг. Он приседал и отжимался до горячего пота, не обращая внимания на справедливое возмущение организма: полночи хозяин вливал в организм всякую отраву, а с утра устраивает марш-бросок по казённой квартире, но с полной боевой выкладкой.

Марков уже с удовольствием повторял хитрые упражнения. Лось вычитал их в каком-то самоучителе по борьбе кемпо. Друзья Владимира ещё по военному училищу ухитрились найти переводчика для этого японского трактата. В предисловии утверждалось, будто пособие средневековое и оно знакомит с приёмами,

которые делают человека непобедимым. Правда, следовало ежедневно самосовершенствоваться и физически, и духовно. На это времени у Сергея не было даже до лагеря. А Лось, отзанимавшись несколько лет, втянулся. Он умудрялся выкраивать хотя бы по четверти часа даже в СТОНе, будь он вечно проклят.

Тем не менее иногда Марков получал и физическое, и интеллектуальное наслаждение, повторяя шаги с неожиданными поворотами, замысловатые удары руками и ногами, броски и падения. А для утренней зарядки лучше вообще ничего быть не могло.

К моменту, когда интендант Иванов позвонил в дверь, Марков был уже чисто выбрит, благоухал одеколоном «Шипр» и был готов «к труду и обороне», в данном случае — поездке к портному. В штаб сегодня не нужно — дела он уже успел принять, а график по должности имел почти свободный, главное — находиться на месте после восемнадцати и пока Сталин не удалится ко сну. А сегодня и этого не требовалось, сегодня — приём! На подобных мероприятиях ему ещё бывать не приходилось.

И парадная, и два комплекта повседневной формы были полностью готовы. Мастер проводил клиента в примерочную, а сам склонился над очередным отрезом. Когда генерал снова вышел в зал, Пинкус Мордехаевич поднял голову и рассеянно спросил:

— Товарищ генерал-полковник, а где этот?

— Кто? — не понял Марков.

— Ну, тут перед вами заходил один... Вроде приличный парень, но совершенно по-жлобски одетый.

Марков недоумённо оглянулся по сторонам. А Кофман отдёрнул шторку примерочной, где на столике грудой лежало прежнее марковское обмундирование.

— Подождите, подождите, — хорошо разыгранное удивление сменилось плутовской ухмылкой, отчего нос чуть не коснулся подбородка. — Я же говорил вам, что хороший костюм может сделать чудо. И само-

го затрушенного босяка превратить в лорда. Если босяк, конечно, умеет себя держать...

Сергей поднял глаза на ближайшую из зеркальных стен. В молодом элегантном военном, обтянутом безупречным мундиром и брюками с лампасом, он не сразу узнал себя. То есть это был, конечно, он, но гораздо лучше, значительнее и даже умнее, чем повседневный Марков. Действительно, был еле-еле жлоб, лагерник, а стал вполне приличный человек, какого и на светский раут пустить не стыдно. Такой фамильное столовое серебро по карманам точно рассовывать не будет.

Пинкус Мордехаевич с гордостью следил за реакцией Маркова на собственное отражение. Сергей повернулся к портному и искренне произнёс:

— Спасибо, мастер.

— Не на чем, — ответил Копфман. — К такому костюму просто необходимы приличные сапоги. Так они стоят вон там, в углу.

Марков уселся в синий «ЗиС-101» (по чину полагался. А на «Линкольнах» и «Паккардах» ездили уже секретари ЦК и члены Политбюро), на переднее сиденье, как всегда любил, а Иванова отправил в салон, чтобы не надоедал. Уже неделя прошла, а Сергей всё не мог насмотреться на Москву глазами свободного, да теперь ещё и высокопоставленного человека.

В Москве начиналась весна. Солнце сияло с выцветшего за зиму неба, как лентяй в выходной. Сугробы на обочинах улиц начали темнеть и подтаивать с одного бока. С крыш капало, народ шёл не торопясь, подставляя лицо и бока разыгравшемуся светилу. Люди предвкушали грядущее тепло.

Сергей с удовольствием потянулся.

— Вас, полковник, куда подбросить? — он так называл Иванова для простоты, лень было каждый раз выговаривать — «товарищ военинтендант первого ранга». А тому — как маслом по сердцу.

Он высадил старательного интенданта на углу Воздвиженки, рядом с громадным зданием Военторга, потом доехал до Театральной площади и отпустил водителя.

— Я пройдусь пешочком, а ты езжай в гараж, машиной займись, в восемнадцать ноль-ноль у моего подъезда, как штык.

— Слушаюсь, товарищ генерал-полковник, — ответил сержант. Козырять, сидя за рулём, ему не полагалось, и он всё положенное почтение постарался передать голосом.

Марков медленно шагал по улицам, от которых успел отвыкнуть. Шёл куда глаза глядели, не обращая внимания на удивлённые взгляды столичных жителей: генерал-полковник, бредущий пешком, — зрелище не слишком привычное даже для центра Москвы.

Было тепло, наверняка выше нуля. Мамы тащили за собой санки с карапузами в пальто с воротниками, обвязанными шарфами. Но малыши уже всячески старались выпростаться из ставших неудобными одёжек.

По Неглинной, потом по Кузнецкому мосту Сергей вышел к Лубянке, автоматически свернул вправо, обошёл площадь, держась подальше от мрачного здания. Зачем-то направился к отгороженной от площади ветхими двухэтажными домишками каменной громаде — Политехническому музею.

В скверике возились и хохотали молодые парни и девчонки, наверное, студенты. Высокий тощий малый в очках-«велосипедах», шаля, ухватил соседку за воротник тонкого суконного пальто, похожего на шинель, и толкнул на лавку. Она, видно, больно ударилась. Продолжала смеяться, но на глаза навернулись слёзы. Марков подбежал, успел подхватить девушку, иначе та свалилась бы в мокрый снег. Юнец, увидев, что натворил, испугался, бросился к подруге:

— Ушиблась?

«Жертва» оттолкнула обидчика:

— Уйди, дурак ты все-таки.

— Ну, извини, я же не нарочно.

Сергей стоял, не зная, что делать. Повернуться и уйти, не сказав ни слова, — как-то глупо.

Студентка подняла на него глаза. По щекам текли слёзы. Генерал вынул из кармана шинели белоснежный (спасибо Копфману) платок, подал пострадавшей. Она жестом отказалась.

— Возьмите, — произнёс Сергей.

— Спасибо, — прошептала девушка и вдруг улыбнулась.

В этой компании было минимум две хорошенькие девчонки. А сидящая перед Марковым совсем не была красавицей. Голова не покрыта. Длинные русые волосы расчёсаны на прямой пробор и на затылке собраны в «хвост». Тёмные глаза, маленькие, узко разрезанные. Нос великоват, губы узкие. Дева-яга. Но когда она улыбнулась... Сергей не сумел бы объяснить, в чём её прелесть. Просто мордашка излучала искренность и веселье, светилась радостью жизни. Чёрт знает, как описать очарование! Бессилен человеческий язык в таких ситуациях, это ещё Бунин подметил.

Дева-яга аккуратно вытерла платком глаза, потом развернула его и высморкалась. Тут же смутилась:

— Ой, извините. Я постираю и верну вам чистый, честное слово. Только скажите, куда привезти...

Сергею захотелось погладить ладонью и пальцами высокую скулу, провести по длинной красивой шее. Его охватила такая нежность к совершенно незнакомой птичке, сидящей перед ним, — до дрожи. Давно такое не происходило с Марковым. Или, может быть, никогда не случалось.

«Старый козёл, — сказал он себе. — Ты совсем сошёл с ума? Прекрати немедленно».

Компания студентов незаметно переместилась к переходу, ведущему на улицу Кирова. И парни, и девушки нетерпеливо поглядывали в сторону отставшей подруги. Наконец не выдержала высокая красивая блондинка.

— Ленка! — крикнула она. — Ты идёшь?

— Ну вот, — улыбнулся Сергей, — познакомились.

— Друзья зовут меня Леночка-девочка, — улыбнулась студентка.

— А почему — девочка? — глупо спросил Марков.

— Потому, что я — не мальчик. Я думала, вы заметили.

— А я Сергей.

— Вы кто по званию, а то я не разбираюсь в кубиках-ромбиках. А у вас вообще звёздочки. Майор?

— Чуть выше, — засмеялся офицер.

— Неужели полковник? — изумилась девчонка.

Марков смотрел на собеседницу. Он пытался понять, какого цвета у неё глаза, чёрные или тёмно-карие. И никак не мог разобрать. Вот сейчас этот ребёнок повернётся, порхнёт к своей компании — и всё. Никогда больше Сергей её не увидит.

Но Ленка-Леночка уходить не торопилась.

— Товарищ полковник, — сказала она, чуть запрокинув голову и улыбаясь. Только сейчас генерал заметил, что она небольшого роста, и на ногах у неё легкие, почти летние ботиночки без каблуков.

— Товарищ полковни-ик, — позвала девушка, — так куда принести платок?

— Может, сделаем по-другому, — предложил Марков. Безумная идея пришла ему в голову. А что, Сталин сам предложил. — Мне не хочется вас отпускать. Давайте погуляем по Москве. Я так давно здесь не был. Почти четыре года. И погода чудеснейшая. А потом я скажу вам ещё одну вещь. Возможно, она покажется вам интересной...

— Ленка, ты идёшь? — теперь звал тот длинный в очках.

— Это — ваш парень? — спросил Марков, и в сердце неприятно кольнуло.

— Кто, этот дуремар? — беспечно отмахнулась девушка. — Ни в коем случае. Я вообще не воспринимаю пацанов.

— Конечно. Старики не в пример интереснее, — подтрунил генерал.

— Ну, какой же вы старик? — наивно удивилась Леночка. — С учётом чина... или звания? Как у вас правильно?

— Ленка же! — заорала теперь хором вся компания.

— Я сейчас, ладно? — И девушка быстрым шагом двинулась к друзьям. Марков не слышал, что она объясняла. Но явственно донеслось: «Дура! Ну, и дура же ты!» Это произнесла та красивая блондинка. Леночка-девочка развернулась и пошла к Сергею.

— Профурсетка, — бросил ей в спину длинный в очках. Пока генерал соображал, имеет ли он право взять под защиту новую знакомую от её старых друзей (проще говоря, раздумывал, если он даст по морде юнцу, это будет выглядеть скверно: здоровенный мужик при чинах лупит совсем ещё сопляка. А сделать вид, будто ничего не заметил, ещё позорнее. Какой же он мужчина, если позволяет оскорблять свою даму), девчонка сделала два шага назад, привстала на мыски и без замаха двинула прямым в челюсть обидчика. Парень пошатнулся, но не упал. Только судорожно схватился за очки. Ленка, не говоря ни слова, подошла к Маркову, взяла его под руку и нарочито громко, чтобы слышали, проговорила напряжённо-ровным голосом:

— Куда мы пойдём?

— Вперёд, — улыбнулся Марков. Когда они пересекли площадь и поравнялись с памятником Ивану Фёдорову, Сергей сказал: — Никакая вы не Леночка-девочка. Вы самая настоящая Ленка-хулиганка. Как вы его!

— Николай — хороший парень. Очень талантливый. Только дурак. Всё время старается оказаться рядом. Предложения руки и сердца делает регулярно. Раз в месяц, тринадцатого числа.

— А почему именно тринадцатого?

— Чтобы было чем объяснить очередной отлуп, — засмеялась девушка.

Через полчаса Марков знал о девчонке всё: третий курс ИФЛИ, филология. Занимается метапоэтикой Велимира Хлебникова. («Господи, — подумал Сергей, — знать бы, что это за зверь такой — метапоэтика. И заодно, кто такой Хлебников. Он стихи писал, романы или, может, драмы?») В институте читал лекции Шкловский. Он ужасно похож на моржа, но очень умный, даже гениальный. Не зря с Виктором Борисовичем дружили Маяковский, и Лиля Брик, и её сестра Эля, которая замужем за Луи Арагоном. На мысль о Хлебникове натолкнул именно он.

Блондинка, которая назвала её дурой, — Зинка, младшая сестра. (Никогда Сергей не заподозрил бы родства. Абсолютно противоположные по внешности девицы.) Зинка учится на бухгалтера. Она уже замужем и на этом основании позволяет себе приглядывать за старшей и учить её жизни. Но вообще они с Зинкой очень друг дружку любят.

Папа с мамой развелись. Мирно и интеллигентно. Может, потому, что ни она, ни он в новые браки не вступили. Теперь дочки кочуют от мамы к папе. А если надоедает, отправляются ночевать к бабушке.

«Очень удобная ситуация», — подумалось Сергею. И сразу же стало стыдно.

Сразу после школы Ленка пережила свой первый роман. Он был намного старше (говоря это, девушка бросила косой взгляд на Маркова). Весь год она не ходила, а летала. Такого взрослого счастья не знала никогда. Мама, естественно, была в курсе всего. («Ну да, естественно», — прокомментировал мужчина. Но вслух предусмотрительно ничего не сказал.) Не одобряла, однако и не стала вмешиваться. Сказала: «Ты уже большая девочка. Смотри сама».

— Какая у вас мама, — уважительно произнёс Сергей.

— Какая?

— Умная и смелая.

— Да, она замечательная. Старая большевичка, участница Гражданской войны, — с гордостью сообщила девушка.

Они подходили уже к Столешникову переулку, оскальзываясь на подтаявшем снегу, и каждый раз Марков подхватывал девчонку под острый локоток, когда генерал заметил, что его спутница дрожит от промозглой сырости и холода.

— Да вы вконец окоченели, — забеспокоился он, — не ровён час, простудитесь.

Ленка виновато улыбнулась побелевшими губами.

— Для начала пойдём греться, — Марков решительно подхватил девушку под руку и увлёк в кафе «Шоколадница». У стойки гардероба он помог снять пальто. Под ним оказалось облегающее серое платье до середины голени с высокой, под грудь, талией. Фигурка у девчонки была удивительная. Всё соразмерно, всё привлекает и радует взор. Во всяком случае, взор Сергея.

Только уселись за столик у большого окна, украшенного тюлевой занавеской, собранной в причудливые волны, подошла женщина средних лет в белом переднике — официантка.

— Двести граммов коньяка. У вас «Арарат»? Отлично. Даме ... — Генерал повернулся к Лене: — Вы голодны? — Девушка кивнула. — Что есть самого вкусного и в то же время не портящего фигуру?

Подавальщица неодобрительно поджала губы, но ответила вежливо:

— Могу порекомендовать блинчики с творогом под шоколадным соусом. За фигуру можно не беспокоиться. В возрасте вашей дамы о фигуре вообще ещё можно не беспокоиться.

Ленка прыснула и совершенно по-детски попросила:

— А можно две порции блинчиков? Обожаю шоколад и всё шоколадное!

— Два чая, — продолжал Сергей, — коробку шоколадных конфет. Самую большую, какая найдётся. А из мясного вы ничего не готовите?

— Есть шашлык на ребрах.

— Отлично, несите по две порции каждому!

Видно, студентка крепко проголодалась. Марков смотрел, как она, ухватив косточку тонкими пальцами, обгладывала с неё прожаренное мясо. Генерал с трудом прожёвывал шатающимися зубами жилистую плоть пожилого барана.

«Надо немедленно идти к зубному, а то не командующий, а цинготник какой-то», — подумал Марков, а вслух сказал:

— На Кавказе за такой шашлык повара выпороли бы шампурами, — и взялся за графин с тёмно-коричневой жидкостью. — Ноги промочили?

Ленка на секунду задумалась, потом, видимо, решив отвечать честно, кивнула.

— У меня шерстяные носки. А шерсть греет даже мокрая.

— У вас начнётся насморк, и вечер будет испорчен, — возразил Сергей, наливая в фужер коньяк. — Вы как спиртное держите? Не буяните по пьяному делу?

— Ну, думаю, после пятидесяти граммов на прохожих бросаться не начну.

Марков ожидал испуганных отнекиваний, заявлений, что она — девушка — сроду в рот не брала алкогольных напитков и не собирается начинать, тем более когда поит практически незнакомый... Студентка взяла в обе ладони фужер, погрела благородный напиток, поднесла сосуд к лицу, вдохнула запах.

— За знакомство? — спросил Сергей.

Ленка кивнула, глянула на генерала.

— Это ведь, чтобы не заболеть, правда?

— Не прими, Господи, за пьянку, прими за лечение, — серьёзно произнёс Марков, и оба расхохотались. Не такой уж остроумной была фраза. Просто им было хорошо.

Потом Ленка пыталась справиться с двойной порцией блинчиков.

— Чудовищно вкусно, — бормотала она. — Умру, но доем.

К счастью, не умерла. Но и не доела.

Когда уже выходили из кафе — Марков галантно подал даме пальто и получил острейшее удовольствие от прикосновения к худеньким плечикам, — Сергея окликнула официантка:

— Товарищ генерал, вы сдачу забыли... — Марков махнул рукой. Женщина чуть заметно покачала головой.

— А почему она назвала вас генералом? — поинтересовалась слегка осовевшая от сытости и непривычного алкоголя, но всё равно любопытная Ленка.

— Наверное, она тоже плохо разбирается в знаках различия.

Девушка с сомнением покачала головой.

— Наверное, вы и вправду генерал. Ну и что? А о какой «интересной вещи» вы говорили? Думаю, уже можно сказать? Мы же подружились?

Как это было сказано! Марков чуть не прослезился, ей-богу, от наплыва чувств, несгибаемый рубака Гражданской войны!

— Видите ли, Леночка... Меня сегодня пригласили на официальный приём для работников культуры и искусства. Билет на две персоны. А я в Москве один как перст, ни родных, ни друзей...

— Ни жены? — уточнила Елена, вдруг посерьёзнев.

— Вот как-то не получилось. С шестнадцати лет воюю, служу, а с женой — никак!

— С шестнадцати? А вам тогда сколько?

— Тридцать восемь, — не стал скрывать Марков, хотя помнил, что у Ильфа и Петрова это называлось — «мужчина в последнем приступе молодости». — Там, мне сказали, все знаменитости будут, в том числе «сама Любовь Петровна», — процитировал он вождя.

— Какая Любовь Петровна? — наклонив голову, уточнила Лена.

— Ну Орлова же...

— Та самая? — выдохнула девушка.

Марков кивнул.

— А вы другую знаете?

— Нет, правда? И вы меня приглашаете. Ой, а можно?.. В смысле — «а можно я соглашусь?».

Сергей засмеялся. Ему было весело. Просто от того, что рядом стоит эта птичка, наивно восторгаясь вдруг открывшейся возможностью вблизи увидеть почтальоншу Стрелку. И не совсем веря в это. Как мало надо ребёнку для счастья.

Дальше стала возникать одна проблема за другой. Согласиться девушка согласилась. А дальше? Гулять по мокрому снегу ещё четыре часа в её пальтишке и тонких ботиночках было решительно невозможно. Девчонка в результате таких променадов заболеет наверняка. Расставаться с нею даже ненадолго Маркову не хотелось, кроме того, он представлял себе уровень кремлёвских приёмов и принятый там стиль.

Решив быть прямым и откровенным — а других шансов у него и не было, — Марков предложил ей прямо сейчас поехать в Главный военторг и приодеться соответствующе. Снизу доверху. И что-нибудь для нынешней слякоти на ноги, и в чём на паркет бального зала ступить можно.

— И, как вы думаете, Лена, там все «звёзды» в столь скромных платьях появляются. Я слышал, там панбархат в моде, и всё такое...

Лена задумалась, ковыряя носком талый снег.

— Это вы что же, меня на содержание берёте? — не то с долей издёвки, не то просто рассуждая, спросила она.

— Книжек много прочитали? — в той же тональности ответил Марков. — Так не стоит сразу о Бальзаке думать. Вариант «Золушка» вспомните. Я вас до сего мига не знал, не видел. Шёл по своим делам. И вдруг

вы — довольно нахально мне поперёк дороги возникли. Я вас, можно сказать, пожалел, обогрел... Сейчас предложил культурно вечер провести. Вы, похоже, согласились. Я — старый солдат, знаю, в какой форме одежды окопы копать, в какой на парад выходить. Предложил вам привести себя в соответствие. Вы, прошу прощения за научное слово, реагируете неадекватно.

Марков понимал, что говорит резковато и не совсем принятые в её круге общения вещи. Но как иначе? Или пусть сразу принимает текущую реальность, или действительно... Связался чёрт с младенцем.

До девушки, похоже, начало доходить, что не очередной парень с соседнего потока к ней цепляется. И уж больно много звёзд на малиновых петлицах у её нового знакомца. Не зря каждый второй мужчина, проходящий мимо, на них оглядывается. И, судя по взглядам, не просто так...

— И всё равно, — почти наперекор себе ответила девушка. — Если я приму от вас дорогой подарок, я вроде стану чем-то обязана. А я не хочу!

— Да не хочешь, и не надо, девочка, — с грустной усмешкой ответил Марков, чувствуя, что сейчас всё может и закончиться. Отчего и перешёл на «ты». А что — семнадцать лет разницы в возрасте. — За все обязательства можешь расплатиться одной улыбкой. Если б ты знала, какая замечательная у тебя улыбка. А Орлова — да и бог с нею. Твой парень, может, сейчас вешаться собрался, после того, как ты со мной ушла...

— Ага, он повесится, — машинально ответила она и вдруг переключилась, задумалась совсем на другой волне и в другой тональности...

Лена растерянно моргнула. Похоже, ни от кого она ещё не слышала ничего подобного. В смысле — ни один взрослый мужчина так жёстко с ней не разговаривал. И выбирать нужно мгновенно. Ведь разойдись они сейчас — ничего подобного в жизни больше не случится. И тем не менее...

* * *

В итоге остановились на следующем плане действий: сначала они вместе покупают соответствующую случаю обувь.

— Хрустальные туфельки для Золушки, — не удержалась от колкости Ленка.

Потом Марков отвозит девушку домой.

— К папе, к маме или к бабушке? — уточнил Сергей.

— На этот раз к маме. Мой светский гардероб там.

Около семи вечера Сергей Петрович заедет за дамой, и они отправятся на бал.

Поймать такси оказалось более чем просто. Стоило генералу подойти к краю тротуара и поднять руку, тут же остановилась бежевая «эмка» с полосой шашечек на борту.

— Куда едем? — поинтересовался молодой водитель в кожаной лётной куртке.

— На Авиамоторную, — ответила Лена.

— Далеко, — присвистнул шофер. — Край Москвы.

— Ничего, работа у тебя такая. — Сергей распахнул перед студенткой дверцу. — Езжай, да поаккуратнее.

К вечеру ударил морозец. Из низких туч посыпалась мелкая ледяная крупа. Злой ветерок швырял её в лицо. Ощущение было такое, словно по глазам и по щекам лупят тысячами иголочек.

Машина подошла к подъезду дома на Якиманке ровно в девятнадцать. Марков уселся на заднее сиденье. Когда «ЗиС» тронулся, генерал приказал:

— Сначала на Авиамоторную, это в Лефортово, — увидел задумчивость на лице сержанта и добавил: — Я покажу. — Действительно, откуда бойцу, если не коренной москвич, так уж хорошо знать окраины столицы. Старожилы, и те вне Садового кольца не ориентируются.

Лена ждала у подъезда нового, недавно выстроенного по плану реконструкции шестиэтажного дома.

И вся улица была из таких же. В конце квартала виднелись строения промзоны, а дальше тянулась пресловутая «Владимирка» — скорбный путь каторжан, недавно переименованная в. «Шоссе Энтузиастов». Она была одета в то же чёрное пальто-шинель. «Чёрт знает что, — подумал генерал. — Завтра же надо купить что-то нормальное, по погоде. Заболеет девка».

Точно так же он решил бы одеть собственную дочку. Он сам не мог понять, влюбляется он в эту прелестную птичку или заговорил родительский инстинкт, которого до сих пор не было «по определению».

Когда машина остановилась и Марков открыл дверцу, девушка подбежала, улыбнулась неуверенно. Похоже, она до сего момента не верила, что странный генерал сдержит слово.

— Снова здравствуй, — сказал Марков. — Здравствуй, Радость.

С того момента он будет называть её только так — Радость.

— Далеко вас загнали. Небось, целый час до центра добираться?

— Бывает и дольше. Трамвай до Курского редко ходит. Но скоро, говорят, Кольцевую линию метро построят, тогда заживём... Зато квартира здесь хорошая, раньше мы в коммуналке на восемь семей жили возле Савёловского вокзала...

«ЗиС», в котором Лена ехала первый раз в жизни, промчался по нижнему полукружью Садового кольца, свернул на Арбат, оттуда, прибавив газу — на Можайское шоссе и понёсся по присыпанному снежком асфальту.

— Ой, а куда это мы? — забеспокоилась Ленка.

— Не тревожься, здесь недалеко, — ответил Марков. У него был переданный с сотрудником НКВД план маршрута и два пропуска: один на лобовое стекло, с ним можно было ехать и на красные светофо-

ры, и под любые знаки и второй — для предъявления непосредственно на объекте.

— Как с матушкой разобрались? Не сильно возражала? — спросил Сергей.

— Ой, они с Зинаидой мне такой перекрёстный допрос устроили! — девушка засмеялась. — С кем, куда, кто будет? Когда я сказала об Орловой, вердикт вынесли хором: не просто дура, а дура редкостная. Думаю, выглядывали из окна и записали номер машины.

Минут через двадцать автомобиль подъехал к дощатому забору метров в пять высотой. Из караульной будки появились боец в полушубке и валенках, с автоматом ППД и лейтенант Госбезопасности в шинели и хромовых сапогах, в фуражке вместо шапки, с расстёгнутой кобурой. Автоматчик (на полушубке знаков различия нет) остался у ворот, лейтенант не спеша подошёл, козырнул генералу, но без особого пиетета.

— Ваши документы, пожалуйста. — Марков, приопустив стекло, протянул пропуск и новенькое удостоверение. Лейтенант снова козырнул. — У девушки документы имеются?

— А я ничего не взяла, — растерянно проговорила Лена, — я же не знала.

«Довыпендривался, — подумал генерал. — Нет бы сообразить, куда едем. Сейчас её не пустят, и что дальше?»

Придётся брать чекиста на «болевой приём».

— А вы не видите, лейтенант, — выделил он голосом звание и не добавил «Госбезопасности», что сразу снижало собеседника на два звания, — вот тут написано — «На два лица». Лицо — перед вами. Интересуетесь фамилией и пропиской — обратитесь к тому, кто пропуск выписывал...

И закурил, выпуская дым прямо на охранника.

— Пожалуйста, подождите, — сильно потеряв в гоноре, сказал тот, — я уточню...

И направился назад к будке.

— Теперь я вижу, что вы и вправду генерал, — шёпотом сказала девушка. — Это ведь из НКВД товарищ?

Марков только пыхнул папиросой презрительно, мол, видали мы таких, здесь, там и у ихнего наркома в заднице... Только-только не выдал тираду вслух. Сильно его с известных пор раздражали васильковые петлицы и околыши фуражек.

В свете сильных фонарей по углам забора Марков разглядел тянущуюся по кустам и между соснами колючую проволоку минимум «в три кола», а в толстых досках — щелевидные прорези, сильно напоминающие бойницы.

Буквально через три минуты начкар бегом вернулся к машине:

— Всё в порядке, товарищ генерал-полковник, прошу извинить за задержку. Служба...

Марков только рукой махнул, довольный, что не пришлось самому объясняться с вертухаями. Хотя назови он так этого лейтенанта — обиделся бы. А суть одна — те меня охраняли, чтоб я не сбежал, эти — другого, чтоб его не украли... Как сказано в учебнике физики — просто векторы разные.

За первыми воротами оказались вторые, пониже, и ещё один забор. «Ну точно зона с предзонником». По неслышной команде створки распахнулись, «ЗиС» въехал в большой двор. Ещё один автоматчик указал, где поставить машину. Водитель остался на месте, а генералу с девушкой указали на большой двухэтажный дом, полускрытый заснеженными, очень старыми елями.

В прихожей Марков, отстранив лакея в штатском, сам снял шинель, а с Лены её пальто почтительно сняли, пристроили на вешалку, сплошь покрытую богатыми пальто, мужскими и женскими шубами в два слоя. Было там и несколько шинелей с такими же, как у Маркова, звёздами. Одной больше, одной меньше...

— Обманщик, — шепнула она, — а говорили наивной девице, будто вы полковник.

— Но обманул только наполовину, — улыбнулся Марков. — Хоть и с приставкой, но полковник же.

Сбросив ботинки с ботами, она надела туфельки на высоком каблуке. «Какие ножки!» — подумал Сергей с восхищением.

В довольно обширном зале с небольшой сценой, похожем на сельский клуб, собрались уже человек тридцать. Хаотично перемещались, обмениваясь короткими дежурными фразами, у фуршетного стола с противоположной от сцены стены выпивали и закусывали с явным аппетитом — большинство ведь прибыли прямо со службы, без ужина, а то и обеда. Негромко играл камерный квартет, несколько пар танцевали, но настоящего веселья пока не чувствовалось. Приходилось Маркову бывать на таких приёмах, может, уровнем пониже, а так — всё один в один.

— Угощайтесь, Леночка, — подвёл он девушку к свободному столику. Лена явно не видела в своей жизни такого изобилия. — Что вам налить? Шампанского или коньячком продолжите?

Маркову вспомнилась шуточка, за которую сел один из его сокамерников: «До наступления коммунизма народ потребляет жизненные блага через своих представителей». Пятёрки эта шутка стоила. Без поражения в правах.

Через несколько минут из группы людей в дальнем углу неторопливо вышел и направился к новым гостям невысокий человек в сером френче с отложным воротником без знаков различия и тёмно-синих брюках, заправленных в мягкие сапоги.

— Здравствуйте, Сергей Петрович! — он протянул генералу руку. — Спасибо, что не пренебрегли. Представьте меня вашей юной даме.

Марков покосился на студентку. Похоже, она узнала Хозяина не сразу. Но узнала. Девчонка побледнела, на вождя смотрела расширившимися глазами. Сергею

стало её даже немного жалко. Для простого человека — сильноватый шок.

— Елена... — он замялся.

— Ивановна, — одними губами подсказала Ленка.

— Так точно, товарищ Сталин. Она же — студентка-третьекурсница ИФЛИ. Серьёзная девушка. Занимается проблемами мета... метафизики? — офицер вопросительно поглядел на Лену.

— Метапоэтики Хлебникова, — подсказала она непослушными губами.

— А это...

Генеральный секретарь подал девушке ладонь. Когда Лена протянула свою, он задержал тонкую кисть в своей руке.

— А я... Товарищ Сталин — это моя должность. Можете называть просто — Иосиф Виссарионович, — улыбнулся хитровато, — в нерабочее время. — Медленно поднёс её руку к губам. — Не знаю, говорил ли вам этот солдафон, что вы прелестны, Елена Прекрасная.

— Говорил, товарищ Сталин, — улыбнулась девчонка.

— Да? — неторопливо произнёс вождь. — Значит, не такой уж он сапог, каким прикидывается. Пойдёмте, я познакомлю вас со звёздами нашего небосклона.

Он подхватил Лену под руку и повёл через зал. Марков поплёлся сзади, чувствуя себя идиотом. Он ещё не знал о привычке Сталина когда утончённо, когда грубо издеваться над своими гостями, включая членов Политбюро.

— Видите того красавчика-грузина? — спросил Хозяин. — Его зовут Мирзо Геловани. Начинающий артист. Но начинает резво. Ему предложили сыграть молодого Кобу Джугашвили. Так он прислал письмо товарищу Сталину. Просил разрешить пожить на его даче, ближней даче, на Рице, чтобы вжиться в образ своего... персонажа. — Это слово вождь выделил саркастическим тоном. — Товарищ Сталин написал

на этом заявлении: «Хочет глубоко изучить биографию, пусть начнет с Туруханского края».

Лена прыснула и, не сдержавшись, звонко захохотала. Окружающие дружно обернулись в недоумении. Чтобы кто-то от души веселился, разговаривая с Хозяином, такого никто не мог припомнить.

Гости старались быстрее допить бокалы и рюмки, проглотить недопережёванные куски и начали придвигаться к Хозяину, девчонке, которую вождь галантно вёл под руку, и никому не известному высокому военному. Вскоре образовался единый круг, центром которого был Сталин.

— Любовь Петровна, — позвал он. — Где вы? Хочу представить нашу юную гостью, студентку-отличницу ИФЛИ, комсомолку (вождь покосился на Ленку, та кивнула), судя по фигуре, спортсменку.

Мужчины расступились, пропуская крепкую блондинку, обтянутую белым французским костюмом, в белых же перчатках и туфельках. Лицо её было знакомо каждому человеку в СССР. Только сейчас оно было злым и высокомерным.

— Знакомьтесь, Любовь Петровна, — улыбнулся Хозяин, не обращая внимания на настроение Орловой. — Ваша поклонница, как вся наша страна.

Кинодива бесцеремонно осмотрела девушку с головы до ног, протянула руку в перчатке и спросила:

— Актриска?

— Нет, филолог.

Звезда музыкальных комедий смягчилась.

— Для тебя это правильно. — Тут же она повернулась к Генеральному секретарю. — Товарищ Сталин, поглядите: донашиваю последнюю пару перчаток.

— И что? — усмехнулся Иосиф Виссарионович.

— Надо снова ехать в Париж. А так хочется во Внуково.

— Вы же знаете, Любовь Петровна, вам я ни в чем не могу отказать. Собирайтесь, я распоряжусь.

Маркову показалось, что в задних рядах гостей он различил фигуру Поскрёбышева, записывающего что-то в блокнот.

К Орловой пробился высокий голубоглазый блондин.

— Иосиф Виссарионович, нельзя отпускать такую красавицу в Париж без сопровождения. Похитят, как Юпитер Европу, — сказал он, лучезарно улыбаясь.

— А конвоиром будешь ты? — жёстко уточнил вождь.

— Ну, почему же конвоиром, я всё-таки муж.

— Всё-таки муж, — согласился Сталин. — Муж при жене. Любочка, он вас не обижает? — обратился Генеральный секретарь к Орловой.

— Нет, — ответила дива.

— Смотри, Гришка, — предупредил Хозяин, — обидишь Любовь Петровну, повесим.

— За что? — Александров попытался обратить неприятный диалог в шутку.

— За шею, — очень серьёзно произнёс Сталин, подхватил за острый локоток Лену и двинулся вперёд, прямо на сгрудившихся гостей. Те послушно раздались в стороны.

Вождь подвёл девчонку к фуршетному столу, обернувшись, поискал глазами отставшего Маркова.

— Сергей Петрович, не думайте, будто я пытаюсь похитить вашу девушку. Как Юпитер Европу, — саркастически процитировал он. — Хотя... Мне бы лет двадцать долой, тогда мы с вами посоперничали бы. А вы поешьте, — предложил он Ленке. — А то станете говорить, что товарищ Сталин даже не покормил гостью.

Вождь взял бутылку «Греми», пару бокалов, наполнил их до половины, протянул один Маркову.

— Девушке мы предложим что-либо полегче. Как вы относитесь к «Киндзмараули»?

Студентка пожала плечами. Молодой человек в чёрном костюме уже схватил высокий хрустальный стакан и бутылку с вином.

— Отдайте, — поморщился Иосиф Виссарионович, собственноручно налил вино в сосуд, протянул Лене. Взял тарелку, положил на неё бутерброды с красной и чёрной икрой, сделал знак, и тот же молодой человек подал блюдо со строганиной. Хозяин серебряной ложкой подцепил несколько кусков на фарфоровую тарелочку. — Настоятельно рекомендую. Удивительно вкусная штука.

Девушка послушно попробовала, приподняла бровь.

— Потрясающе. Ничего похожего я в жизни не ела.

Сталин довольно улыбнулся. Он чокнулся с Марковым, пригубил коньяк и поставил бокал на стол.

— А вы, генерал, до дна. Как положено офицеру.

Марков впервые за последние двадцать лет услышал это слово, произнесённое рядовым тоном, без идеологического оттенка. Послушно выпил, как минеральную воду.

Краем глаза Сергей видел, как ловко и изящно обращалась девушка со столовыми приборами. Она не уступала самой Орловой. Но та — представительница одного из двенадцати древнейших дворянских родов России. А Лена?

— Почему нет музыки? — громко воскликнул Хозяин. Квартет послушно заиграл вальс «Сказки Венского леса». В центре зала человек невысокого роста подхватил Орлову, и пара закружилась, заставляя остальных гостей отпрянуть к стенам.

— Смотри, что Серёжа выделывает, — услышал Марков встревоженный женский голос. Это сказала настоящая русская красавица, стоявшая рядом. Круглое доброе лицо обрамлено короной из кос, высокая грудь, широкие бёдра. Такая и коня на скаку остановит, и из огня спасёт.

Она обращалась к лысоватому мужчине, похожему на Кощея Бессмертного.

— С его-то аритмией...

— А что, у Сергея Михайловича больное сердце? — вмешался Сталин.

— После Мексики возникли проблемы, Иосиф Виссарионович, — объяснил «Кощей».

— Скорее, всё началось с Берлина, — добавила красавица.

Серёжа, о котором шла речь, был склонен к полноте. Над огромным лбом вились рыжие непокорные волосы. Единственный из штатских он был одет не в чёрный, а светло-серый мешковатый костюм. И похож был на рыжего клоуна в цирке.

Любовь Орлова много лет занималась хореографией. Но в этот раз она едва успевала достойно отреагировать на неожиданные антраша «рыжего». А в конце он отпустил Любовь Петровну и «выдал» такой батман, что от зависти заплакала бы «Мариинка».

Под всеобщие аплодисменты Сергей подошёл к столу, тяжело опёрся на него и сказал прерывающимся голосом:

— Смотри, что выделывает проклятое сердце.

Красавица обняла «клоуна» за плечи.

— Серёжа, может, врача?

— Лучше плесни коньячку на донышко.

Только тут он увидел стоящего рядом вождя:

— Извините, товарищ Сталин.

— Может быть, правда, врача, Сергей Михайлович? — спросил Хозяин.

— Спасибо, не нужно. Сейчас всё пройдёт.

Иосиф Виссарионович повёл бровью, и молодой человек в чёрном костюме вручил танцору широкий бокал, в котором покачивалась коричневая влага. Тот сделал глоток, покатал обжигающую жидкость во рту. Круглое лицо стало постепенно розоветь.

— Уф, — вздохнул он, — вроде отпустило.

— Вы должны беречь себя, — мягко сказал Генеральный секретарь. — Вам ещё работать и работать на благо СССР.

— Это Эйзенштейн, — охнула Лена.

— Да, — торжественно произнёс «Кощей». — Это — Сергей Михайлович Эйзенштейн, самый талантливый кинорежиссёр в мире, гений.

— Сева, не репетируй мой некролог. — «Рыжий» внимательно посмотрел на студентку. — Откуда вы, прелестное дитя?

— Не называйте меня дитёй, — встопорщилась девчонка. — То есть дитём. Ну, ребёнком.

— Это не я, это — Пушкин, — серьёзно сказал Эйзенштейн.

— Пушкина я знаю, — ехидно сообщила девушка.

— Я на это надеялся, — так же серьёзно продолжил режиссёр. — Но кто бы мне сказал, что племя младое, незнакомое и обо мне, грешном, что-то слышало...

— У нас очень много спорят о вашем «Грозном», — сообщила Ленка.

— У вас?

— В ИФЛИ. Многие говорят, что вы оправдываете тирана.

Сергей Михайлович бросил быстрый взгляд на Сталина. Тот с интересом прислушивался к беседе.

— Видите ли, барышня, чтобы судить об Иване Четвёртом, надо принимать во внимание и его трагическую ситуацию, и политический расклад сил, и историческую прогрессивность реформ государя...

— Вы слово в слово повторяете наших умников.

— А что вы думаете о Грозном? — спросил Иосиф Виссарионович.

— Мне его жалко, — выпалила девчонка, — когда он сидит на троне, такой маленький, ножки в воздухе болтаются. А вокруг все эти... вороны чёрные. Так бы и поубивала всех!

Эйзенштейн иронически улыбнулся.

— Ну вот, Лизонька, — обратился он к красавице, — а ты твердишь, будто у меня кино интеллектуальное, холодное. Ума много, а чувств нет.

А Сталин тихо проговорил:

— Спасибо, девочка.

И тут же перевёл прищуренные глаза на режиссёра.

— Так что у вас с сердцем, Сергей Михайлович? Только честно. Вам ещё доснимать «Грозного». Не знаю, будет ли эта штука посильнее, чем «Фауст» Гёте, но вы нужны народу.

— Думаю, главная причина — болезненная фантазия, — улыбнулся Эйзенштейн, массируя под пиджаком грудь. — Всеволод пробовался у меня на роль Пимена, так вжился в образ восьмидесятитрёхлетнего старца, что свалился с настоящим инфарктом.

Вождь не сводил глаз с лица режиссёра. Этот взгляд действовал сильнее любых понуканий, и Эйзенштейн, преодолевая нежелание сообщать о неприятном для него случае, продолжил:

— Десять лет назад, проездом в Голливуд, я побывал в Берлине. Вы, возможно, помните, Иосиф Виссарионович, меня тогда приглашали с лекциями и с «Потёмкиным» в Париж и к немцам.

Сталин кивнул.

— Встречали и опекали нас с Александровым Фейхтвангер и Пабст. Григорий был очень занят в посольстве, — саркастически подчеркнул режиссёр, — а ко мне и Пабсту в небольшом ресторанчике Лион подвёл хорошо одетого, респектабельного господина. Я всегда считал, что выражение «Впиться в кого-то глазами» — проявление дурного вкуса некоторых литераторов. Но тот незнакомец именно впился тяжёлым, давящим взглядом. Так продолжалось минуты две-три. Потом он схватил со стола салфетку и стал писать на ней... Моим почерком.

Ни Вильгельм, ни Лион никогда не видели моих рукописей. При всей своей самовлюблённости, не могу

представить, чтобы почерк Эйзенштейна был широко известен среди берлинцев.

После этого трюка мужчина через Фейхтвангера попросил у меня автограф. Я расписался. Изучив закорючки, этот человек сказал: «Берегитесь разрыва сердца». И показал в сплетении букв С и Э сердце, расколотое трещиной...

Многие называют меня неплохим рисовальщиком.

— Да, — громко подтвердила Лиза. — Пикассо и Сальвадор Дали, не сговариваясь, заявили, что Эйзен — лучший рисовальщик двадцатого века.

Сергей Михайлович улыбнулся женщине и продолжил:

— Я три раза менял роспись. И во всяком новом варианте сам же находил мотив breaking heart. Я много думал об этом случае. Возможно, сам себе внушил болезнь.

— А кто был тот... предсказатель, не удалось узнать? — спросил Иосиф Виссарионович. При всей сдержанности вождя было очень заметно, что рассказ Эйзенштейна его взволновал.

— Его звали Хануссен. Он был в то время очень модным в Берлине. Позже стал личным предсказателем Гитлера. Фейхтвангер собирал материал для книги о нём и привёл познакомиться с автором нашумевшего «Потёмкина».

Никто из присутствующих не мог тогда знать, что Сергей Михайлович Эйзенштейн умрёт в 1948 году от третьего инфаркта. У режиссёра было очень крепкое сердце, и чтобы разорвать его, нужно было потрудиться. До этого Сталин приказал уничтожить вторую серию «Ивана Грозного». Чтобы никто никогда не увидел то, что сумел разглядеть в душе вождя всех трудящихся великий художник. Естественно, кинорежиссёра «критиковали», вернее, беззастенчиво травили. Но арестовать Эйзенштейна и стереть его в лагерную пыль Сталин не позволил. На похоронах будут при-

сутствовать и Сева — Всеволод Илларионович Пудовкин, и Лиза — Елизавета Михайловна Смирнова, верная подруга Пудовкина на протяжении многих лет.

Оркестр в соседней комнате заиграл мелодию, напоминающую «Цыганочку», но в джазовой обработке. Ленка помимо воли задвигалась в ритме. Услышав музыку, Сталин слегка поморщился, но тут же обратился к Маркову:

— Потанцуйте, молодежь, а то мы утомили девочку страшными историями. Только выпейте на брудершафт. При мне.

Официант тут же подал два бокала.

— А как это, на брудершафт? — спросила Леночка.

Сталин иронически смотрел на Маркова.

— Выпивают вино вот так, — Сергей продел свою руку под руку девушки. — Потом целуются.

Девушка послушно осушила бокал. К счастью, подали красное сухое. Генерал с ужасом подумал, что стало бы с его юной дамой, если бы по прихоти Хозяина ей пришлось выцедить граммов сто пятьдесят коньяка. Марков смущённо наклонился к студентке. Та подставила щёку.

— Нет, так нельзя, — произнёс Генеральный секретарь. — Целоваться надо в губы.

Лена подняла лицо к Сергею. Он прикоснулся к сухим, сжатым губам. Зачем вождь затеял всё это?

— После этого люди обращаются друг к другу на «ты». А теперь танцуйте, — махнул рукой Иосиф Виссарионович.

Девушка двигалась великолепно. Сергей держал в своей руке её прохладную ладошку, другой прикасался к узкой спине. Когда последний раз он танцевал с женщиной? Даже вспомнить не удавалось.

Певец, чуть гнусавя, вёл по-английски: «Дэнс ми то тзе энд оф лав». Студентка чуть слышно подпевала, растворяясь в танце.

— Вы понимаете, что он поёт?

— Танцуй со мной, пока жива любовь, — вольно перевела Лена.

— Вы великолепно танцуете. Потрясающе красиво и элегантно обращаетесь со всеми этими вилками-ножами. Поёте по-английски. Всему этому учат в вашем ИФЛИ?

Девчонка рассмеялась.

— У нас есть такой кружок благородных девиц. Ведёт его бывшая княгиня, настоящая. Бабушка — божий одуванчик. Но спину держит как сама Кшесинская. И говорит свободно по-английски, по-французски, по-немецки и по-польски.

— А грамотный прямой в челюсть?

— Я занимаюсь боксом.

— Зачем?

— Современная девушка должна быть воспитанной и готовой к сражениям с врагом.

— Это вы у Алексея Толстого вычитали?

— При чём тут Зоя Монроз? Я говорю о современной советской девушке. Война приближается. Я и стреляю неплохо.

— А с чего вы взяли насчёт войны?

— Это все знают. Или чувствуют. Кожей.

— Лет ми си ё бьюти, — томно вёл тенор. — Лет ми си ё...

Давно Маркову не было так хорошо и свободно. Он чуть привлёк тонкую фигурку к себе, и девушка податливо прильнула к Сергею.

...дэнс ми ту тзе энд оф лав...

Марков высадил Лену из машины у подъезда.

— Мы ведь ещё увидимся, правда? — спросила девушка.

— Это зависит только от вашего желания. Номера своих телефонов я написал.

Мужчине хотелось взять изящную головку в ладони и поцеловать улыбчивые губы. Но что подумает мать? Скорее всего, она наблюдает за прибытием дочки из окна. Ведь только сегодня, какие-нибудь двенадцать-четырнадцать часов назад они познакомились. Решит, будто я её, комсомолку, спортсменку, филологиню, принимаю за какую-нибудь доступную. Или, ещё хуже, что я требую какую-то плату за сегодняшний вечер.

Девушка подождала минуту, поняла, что никаких действий не будет, махнула рукой и вбежала в подъезд. Генерал сел рядом с водителем.

— Домой...

— И где же тебя носило до трёх ночи, — возмутилась мать, как только Лена закрыла за собой дверь квартиры.

— Мам, ты себе даже представить не можешь! Мне поцеловал руку сам Сталин!

— Дура, ой, какая же ты дурочка моя, — вздохнула женщина. — Что же теперь будет, — спросила она полумрак, висящий в комнате, и заплакала.

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

25.3.1941 г. ... Вагнер (генерал-квартирмейстер):

а) Доклад об обеспеченности химическими боеприпасами. К 1.6 у нас будет 2 млн химических снарядов для лёгких полевых гаубиц и 500 тыс. снарядов для тяжёлых полевых гаубиц. Заряды различной окраски для химической войны имеются в достаточном количестве. Необходимо лишь наполнить ими снаряды, о чём дано распоряжение. Со складов химических боеприпасов может быть отгружено: до 1.6 по шесть эшелонов химических боеприпасов, а после 1.6 по десять эшелонов в день.

Для ускорения подвоза в тылу каждой группы армий будет поставлено на запасные пути по три эшелона с химическими боеприпасами. Подготовка эшелонов для химических боеприпасов в Германии зависит от числа запасных

путей, имеющихся в распоряжении начальника службы военных сообщений.

б) Дегазация: стационарная дегазационная станция на границе. 19 дегазационных рот (по одной на каждую армию: одна — в Норвегии, две — в Румынии, семь — в резерве генерал-квартирмейстера). Предложение о придании дегазационных рот танковым группам отклоняется...

ГЛАВА 6

Виктор не был сентиментальным человеком. Возможно, приди кому-то в голову обследовать вора у психолога, тот сказал бы, что эмоциональный порог у пациента чересчур завышен, что спектр чувств, которые способен испытывать Куцубин, узок, что наличествует крайне эгоистическая ориентация на фоне истероидного типа реакций. Короче, много умных слов произнёс или написал бы специалист по человеческим душам. С другой стороны, образ жизни человека, живущего грабежами и налётами, или должность «бугра» в лагерном бараке утонченности натуры не способствуют.

На следующее после вечеринки утро Куцый думал не столько о Любке, её, конечно, было жалко, но себя жальче. Как только о двойном убийстве станет известно, легавые тут же повяжут именно его, а кого же ещё? Все концы сходятся. К бандитизму добавится ещё и убийство. И дальнейшая планида по песенке: «Зашёл ко мне Шапиро, мой защитничек-старик, сказал: «Не миновать тебе расстрела».

Так что главной эмоцией у него сейчас был тягучий и неизбывный страх. Давил, не давал дышать, не то что думать. Единственной слабой надеждой в этой ситуации был Джаба. Если он сумел так скрутить самого Скачкова, может, его люди и здесь чем-то помогут? Хоть удрать куда подальше, пока всё не рассосётся. С другой стороны, Ивакин где-то далеко, на Соловках. А в Москве...

Потому с утра Куцый с верным Лыцарем отправился по полученному вместе с заданием адресу — на Комиссарский переулок.

Дом был старинный, с просторным вестибюлем и широкими, плавно изогнутыми лестницами. Под ступеньками даже сохранились медные шарики, в которые когда-то вдевали металлические прутья, прижимавшие ковровые дорожки.

— Что нам тут надо? — тревожился Косой Лыцарь. — На хрена нам эти красоты?

Куцый не мог сказать, что адрес дал ему Джаба Ивакин. Об этом человеке положено было знать только ему самому. И никому больше.

Нужная дверь располагалась на втором этаже. Полотно тёмного дерева украшено резьбой. Сбоку ярко начищенная медь рукоятки звонка. Повернёшь пальцами, и затрещит где-то в глубине, призывая хозяев. И ещё сиял алмазным блеском глазок.

— Ты останься здесь, — приказал Куцубин. — Подожди меня.

— Если что, я там всех зубами повыгрызаю, — прошептал Лыцарь. Видно было, что соваться в квартиру ему не хочется. А перекантоваться на лестнице — милое дело, главное, вполне привычное.

Виктор крутанул звонок. Через полминуты за дверью раздались тяжёлые шаги, глазок потемнел — кто-то рассматривал гостя изнутри. Затем тяжёлое полотнище отворилось. На пороге стоял молодой человек. При виде его низкорослый и худощавый Куцый даже слегка испугался: «Вот это амбал».

Рост у хозяина уходил за два метра. Пиджак плотно облегал широкую грудь и мощные плечи. Бицепсы растягивали рукава.

Круглое лицо обрамляла чёрная шкиперская борода. Тёмные глаза глядели из-под очков в золотой оправе чуть сонно.

«Ни хрена себе, бегемот», — подумал Косой Лыцарь.

— Вам кого? — не слишком приветливо осведомился «бегемот».

— Я от Джабы Гивиевича, — произнёс Виктор. — С поручением.

— Проходите.

Куцый не заставил себя упрашивать и прошёл. Жилье «человечка» Джабы поразило воображение вора. Из просторной прихожей — комната семьи Куцубиных, где они обитали вчетвером, вместе с бабушкой, была поменьше, — посетитель попадал в зал с хрустальной люстрой, большим овальным столом, окружённым одинаковыми гнутыми стульями, а вдоль стен тянулись резные шкафы. Из зала вели три двери. Хозяин указал на левую. За ней обнаружился кабинет с массивным письменным столом, парой кожаных кресел и телефоном. Витёк аж протёр глаза: аппарат был белый. Такого он не то чтобы не видел, даже представить не мог. А у высокого окна красовался рояль с раскрытой крышкой. Хозяин перехватил взгляд визитёра и скромно улыбнулся.

— Я иногда музицирую, — пояснил он. — Для себя.

«Музицирует он, — подумал Виктор. — Сука».

— Называйте меня Игорем Саввичем, — предложил амбал, заметив ошеломлённый вид гостя. — А как прикажете обращаться к вам?

— Куцый, — буркнул бандит. Его воротило от этого интеллигента. Но выбора не было.

— Джаба Гивиевич предупредил меня о том, что вы придёте, и просил оказать всяческое содействие, — сообщил Игорь Саввич.

— Он звонил по телефону? — спросил «вольноотпущенник».

По лицу хозяина скользнула тонкая усмешка:

— Не совсем. Ну так что вам требуется? Приступайте.

И Куцый, как умел, рассказал о том, что «политические» Марков и Лось ни с того ни с сего вмешались

в процесс «прописки» новенького, какого-то затруханного интеллигента, как в барак ворвались вохры. Игорь Саввич слушал, раскинувшись в кресле и полузакрыв глаза. «С оружием».

«Амбал» уловил, что повествователь выделил это.

— Ну и что с того, что с оружием? — спросил он.

Куцый презрительно глянул на хозяина квартиры.

— Никто не имеет права входить на зону с огнестрелом.

— В самом деле? — удивился Игорь Саввич. — Есть такое правило? А почему?

— Что будет, если зэки доберутся до стволов? Хорошо ещё, если мы, а коли политические?

С этого момента Куцый всеми силами души запрезирал могучего интеллигента. Музицирует он, сука. А на лесоповале с топориком он своих мендельсонов поиграть не пробовал?

О задании Ивакина обязательно найти этих людей он говорил, цедя слова сквозь зубы. Так блатные поплёвывали, рассказывая сявкам о настоящем житье. А этот мешок с потрохом ничего, кажется, не замечал. Только спросил, как звали очкастого — Куцый не вспомнил, записал имя-отчество Маркова — Сергей Петрович, и уточнил, кого именно хотел разыскать Ивакин.

— Обоих, — буркнул посланец, — в смысле всех троих, — и стал подробно описывать встречу с Джабой.

Когда вчерашний зэк прекратил дозволенные речи, интеллигент спросил:

— Если людей, которых мы ищем, перевели в другие тюрьмы, может, проще искать их по вашим каналам? Разослать малявы или как там они называются?

— То, что можно сделать по нашим связям, мы сделаем, — пояснил Куцый. — Джаба говорил, что у вас есть возможность что-то узнать у вертухаев. Ну, через больших людей.

— Попробуем, — кивнул амбал в очках. — Есть ещё вопросы?

— Ещё Джаба Гивиевич говорил, что вы сможете свести меня с людьми, которые всё решают. Чтобы сказали слово про малявы. Надо поспрошать сидельцев. Под «крышами» и на пересылках каждого видно, куда бы ни сунули тех пижонов, блатные их отметят. Но чтобы точно ответили, нужно авторитетное слово.

— То есть владыки хтонического мира должны поддержать своим авторитетом требование предоставить информацию? — усмехнулся «бегемот».

— Ну, — подтвердил уркаган.

— Подумаем, — протянул Игорь Саввич, напряжённо размышляя.

— Это все ваши проблемы? — веско произнёс хозяин квартиры.

Витёк как на духу поведал о своём горьком возвращении, об измене и бунте бывшего приятеля, о загадочном двойном убийстве.

— Если делом займутся легавые, меня повяжут тут же. Все концы завязаны на мне, опять же, я только откинулся. А если меня заберут, задание Джабы Гивиевича я выполнить не смогу...

— То есть вы хотите, чтобы я предотвратил расследование, — медленно промолвил Игорь Саввич. — Хорошо, я узнаю, что тут можно будет сделать. Зайдите ближе к вечеру. И на улице пока не светитесь.

Как только Куцубин вышел из квартиры, Игорь Саввич поднял трубку белого телефона и набрал шестизначный номер.

— Здравствуйте, ребе.

— Сколько раз я повторял тебе, Игорёк, что не дело, когда ты, гой, называешь меня ребе, — ответил скрипучий голос. — И кроме того, духовного звания я не имею, так что называй меня просто Зиновий Ефимович. В крайнем случае, дядя Зяма.

— Ладно, — ухмыльнулся бородатый. — Зиновий Ефимович, ко мне забежал клиент с весточкой от вашего старого знакомого.

— Понял, через тридцать минут. Где — ты знаешь.

Куда отправился «амбал», Куцый проследить не догадался. Ему же и лучше, ибо сказано, что во многом знании много печали.

Ещё через час в кабинете комиссара госбезопасности первого ранга, заместителя наркома внутренних дел СССР Леонида Заковского раздался звонок.

— Здравствуйте, Лёва, — прозвучало в тяжёлой эбонитовой трубке. Тот, кто набрал номер, известный очень узкому кругу лиц, назвал одного из руководителей самого серьёзного из ведомств государства не по имени-отчеству и не по званию. И руководитель службы, которая не только держала в руке меч, но и частенько опускала его с размаха на головы как виновных, так и невинных, не был возмущён некорректным обращением.

— Здравствуйте, Зяма, — ответил Леонид Михайлович. — У вас что-то срочное?

— Думаю, очень.

— Что же, — тяжело вздохнул Заковский, — заходите прямо сейчас. У меня народа нет, работаю с документами.

Минут через десять в дверь кабинета тихо постучали. Комиссар закрыл папку с бумагами, спрятал её в ящик стола, повернул ключ и сунул его в нагрудный карман гимнастёрки. Только после этого разрешил: «Войдите».

— Лэ хаим, Лёва, — сказал посетитель. Немолодой, сутуловатый, очень худой человек в заношенном сером костюме и сатиновых нарукавниках подошёл к столу и, не дожидаясь приглашения, уселся в полукресло напротив хозяина помещения.

— Пара беллум, Зяма, — отозвался Леонид Михайлович.

Зиновий Ефимович Аш исполнял весьма скромную должность начальника архива пятого отдела. Соответственно, он занимал небольшую каморку под лестницей, при входе в хранилище документов. Сотрудники, особенно молодые, поглядывали на пыльного, как и его бумажки, старика с иронией и пренебрежением. Только очень немногие знали, что «дядя Зяма» — старый, не то с Гражданской, не то ещё с более ранних пор, — друг Заковского и едва ли не единственный человек, которому замнаркома доверял целиком и полностью.

— Знаете, Лёва, мой дедушка говорил: «Нельзя позволять себе лишнее ни в чём, даже в работе». А он был очень неглупым человеком, толкователем Торы в городе Городке, что под Витебском.

Леонид Михайлович потёр большим и указательным пальцами переносицу:

— Я плохо выгляжу?

— Я вас умоляю. Для комиссара первого ранга вы выглядите замечательно. Но для мужчины, который только разменял пятый десяток...

— Зяма, — тихо произнёс Заковский, — вы считаете, что мне стоит прямо сейчас устроить прогулку на свежем воздухе?

— Исключительно в целях поддержания здоровья, — торопливо уточнил архивариус.

— Лады, — хлопнул по столу ладонью заместитель наркома, — только вам придётся помёрзнуть вместе со мной. Всякая инициатива наказуема.

Служебный автомобиль Заковский оставил дожидаться на 6-й Парковой, а сам побрёл бок о бок с Ашем по засыпанным чуть подтаявшим снегом аллеям Измайловского парка в сторону прудика. Чёрные стволы деревьев обнимали серые сугробы, с веток с шорохом осыпались льдинки, образовавшиеся после недавней

оттепели. При каждом шаге поскрипывали сапоги Леонида Михайловича, хрустел кожаный реглан. Зяма шагал, зябко поёживаясь и кутая нос в ворот серого пальтишка из драпа «в ёлочку». Не останавливаясь, Лёва достал из кармана коробку «Три богатыря», протянул спутнику. Тот вынул папиросу, постучал мундштуком по крышке, чиркнул спичкой и вопросительно посмотрел на Заковского. Леонид отрицательно помотал головой:

— Я и правда стал много курить. Подышу. Давайте, Зяма, выкладывайте, что там стряслось.

Аш огляделся. Деревья росли не густо, если бы в парке кто-то появился, он был бы заметен издалека.

— Вы были правы, Лева, когда говорили, что наш подопечный ещё доставит хлопот. Я имею в виду Джабу.

— А что, искусствовед сбежал из Соловков? И мне не доложили?

— Давайте я расскажу по порядку.

Не спеша попыхивая дымком, Аш пересказал всё, что часом раньше изложил ему Игорь Саввич.

— У Джабы потрясающее чутьё на всякие пакости, которые его совершенно не касаются, — заметил Заковский. — Но умён, подлец. Скажите, Зяма, если бы вы были начальником тюрьмы, в каком случае решились бы на прямое и грубое нарушение правил внутреннего распорядка?

— Я никогда не был начальником вообще, а уж вертухаями командовать тем более не приходилось.

— Бросьте, Зяма. С вашим огромным жизненным опытом... Так всё-таки, а?

— Вообще это задача про три случая, когда можно сесть голой жопой на ежа. Если ёж бритый, если жопа чужая. И если есть прямой приказ начальства.

— Кто-то из троицы был очень-очень нужен. Вопрос первый: кто?

— Лёва, я понимаю, что вам хочется соблюсти все правила науки. Но не надо делать мозги себе и окру-

жающим. И Маркова, и Лося освобождали срочно, но в плановом, так сказать, порядке. Чего-то там нарушать ради того, чтобы командиры вышли на пару часов раньше и с целыми шкурами? Помилуйте. Весь цимес в третьем. Им потребен этот интеллигент, причём живым и здоровым, — это раз. Загибайте пальцы, Лёва. Два — он попал не туда, куда должен был попасть. Кто-то очень сильно прокололся, направляя этого персонажа в СТОН без должной сопроводиловки. И когда где-то кто-то спохватился, экземпляру уже чуть было не нанесли непоправимый урон. Я бы сказал так — прозвучало нечто вроде этого — «Головы недосчитаешься — своей головой заменишь». Выходит, в «Железной маске» — назовём пока так — в ней заинтересован очень большой начальник, иначе эти жевжики так не забегали бы. Кого может сильно испугаться начальник тюрьмы? Того, кто может не только поменять шпалы на треугольники, но и пообещать оторвать бейцы. И очень быстро своё слово сдержать. И я не думаю, что это какой-нибудь чин из ГУЛАГа.

— Зяма, вы хотите сказать...

— Лёва, это вы хотите. А я знаю: очкастый зэк Икс позарез необходим либо вашему шефу, либо кому-то из его заместителей. Но интерес кого бы то ни было из руководства нашего учреждения к математикам отмечен не был. Никогда, я знаю. Вывод?

— Наш нарком любит называть себя интеллигентом и инженэром... И Ивакин просчитал это влёт. Кстати, Зяма, вам не кажется странным несколько двойственное положение нашего друга-искусствоведа? С одной стороны, он как бы сидит. С другой — собственный кабинет в Соловецкой крытке и междугородный телефон. Это как? Я секретно-политический отдел не курирую, и интересоваться мне чужими вопросами нежелательно. Я не забыл, что по краешку прошёл, если б мы тогда Ежа не урыли, у меня на могиле и цветочки бы не росли, хотя теперь я и первый зам.

— Лёва, лучше бы вы это не спрашивали, а я это не говорил. Я даже не стану интересоваться, читали ли вы эпохальный труд по истории большевистских организаций в Закавказье, изваянный Лаврентием Павловичем. Конечно, да, и даже выписывали отдельные, наиболее глубокие мысли и самые примечательные факты в отдельную, но ужасно общую тетрадь.

Заковский криво усмехнулся и, невзирая на своё намерение «воздерживаться», сунул в рот папиросу.

— Так абзацы о том, как героически вел себя молодой Берия, будучи арестован меньшевистской контрразведкой, помните? Джаба знал, что на самом деле произошло в двадцатом году. Искусствовед тогда состоял в приятельских отношениях с неким Меки Кедией. Этот достойный человек служил начальником особого отряда меньшевистского правительства. Именно Кедия арестовывал и допрашивал Лаврентия. Тот плакал, каялся, сдавал всех и даже подписал обязательство сотрудничать с контрразведкой.

— И почему Ивакин до сих пор жив?

— Надо думать, он сумел спрятать компромат там, откуда даже народный комиссар госбезопасности достать его не может. Всё-таки под Джабой — мощная организация, хоть и уголовная. Тайник может быть в Тифлисе, а может, и в Магадане. А то и в Берлине, вот какая штука...

— Устроить знающего лишнее на нары, чтобы показать, кто в доме хозяин, для Берии раз плюнуть. И убить каким угодно хитрым способом. Но... С живым можно договориться, а с мёртвым — никак. Пока Джаба жив или пока не даст команду — некто просто хранит, скажем, протоколы допросов, подписку о сотрудничестве и ещё чёрт знает какие пакости, — по-волчьи оскалил зубы Заковский. — А, не дай бог... Материал предаётся гласности, и наркому кранты. Потому зэк Ивакин и имеет отдельный кабинет, и диетический стол, и телефонную связь со всей страной.

— Добавьте — в этом положении Джаба может выполнять некие функции, и не только консультативные. Его «аппарат» в состоянии решать многие деликатные проблемы...

— Подождите, подождите, а Михаил Кедия, который сейчас в Германии...

— В яблочко, Леонид Михайлович. Это сын Меки...

— Тогда понятно, — протянул Заковский. — И что у нас получается?

— Лев застрял в пасти у крокодила. И оба ничего не могут сделать с врагом, — сказал Зиновий Ефимович.

— Тут Ивакину сам Господь Бог подбрасывает случай перехватить ещё какой-то секрет Лаврентия Павловича, — продолжал размышлять вслух комиссар госбезопасности, — и, может быть, он вообразил, что это шанс освободиться от строгого ошейника, который надел на него наш любимый «цветок душистых прерий».

— Да, Лёва, — подхватил Аш. — У обоих патовая ситуация. А искусствовед — игрок, он шанса не упустит.

— И тут вмешиваемся мы. Вы понимаете, Зяма, что с нами обоими будет, если Берия узнает о нашей самодеятельности?

— Лёва, только не говорите мне, будто вы предпочтёте сидеть, как мышь под веником, и надеяться, что Берия про вас не вспомнит. Вы были неудобны Ежову, вы так же неудобны Берии. Вы — карта из другой колоды. Вам долго не продержаться. Примеры нужны?

— Вы правы, Зяма. Ждать нам и вправду нечего. Похоже, человечек, из-за которого разгорелся весь сыр-бор, — ключ от очень серьёзной тайны. И если мы перехватим этот ключик...

Заковский сжал кулак, словно раздавливая яйцо, в котором прячется Кощеева смерть. Потом подхватил Аша под руку: «Пойдёмте погуляем, а то что-то ноги мёрзнут».

— Конечно, — улыбнулся Зяма. — Вы же в наркомовских сапожках. Форсу много, толку чуть.

— Ой, Зяма, никогда не замечал за вами такой нехорошей черты, как завистливость.

— Было бы чему, — неожиданно серьёзно проговорил Аш.

— Да, — согласился Заковский, — было бы чему.

— И что теперь думаете делать? — спросил Зиновий Ефимович через несколько минут.

— Мне высовываться из-под веника нельзя. Пусть «маску» ищут для нас урки. А вы с вашим Игорем водите их. Плотно-плотно. Хоть двадцать человек подключайте — но чтоб ни одно слово, ни одна малява мимо не пролетела.

Заковский вытащил из кармана толстую, едва ладонью обхватить, пачку сторублёвок и тридцаток.

— На оперативные расходы.

— А насчёт двойного убийства?

— На это хватит вашего влияния, Зяма. Пара звонков, и всё. Трупы в морг, этого «Труху» допросить как следует. Потом и его, и подельников вывезти за сто первый километр и шлёпнуть. Найдут, пальчики снимут — вот радости будет районным мильтонам...

— А у девчонки родители. Начнут разыскивать, заявления подавать...

— Зяма, вы меня удивляете. Выдадут им труп с обильным количеством алкоголя в крови и прочими следами разнузданной личной жизни. Забирайте, хороните, если преступников поймают, вас известят... И забудьте об этом. Вас руки пачкать никто не заставляет. Меня другое интересует. Уж больно совпадения странные. Я этого Маркова Сергея Петровича ещё по Гражданской помню. Способный был парень, из взводных своими силами в комкоры выкарабкался. И сажали его... Знаете, странно сажали. У нас ведь — или-или. А здесь не два, не полтора. Как будто на запасной путь переставили. А теперь из СТОНа по прямому указанию

выдернули. Звёзд навешали. К нему подходы искать надо, и никак не допустить, чтобы Джаба... Тут или параллельная игра намечается, или одна и та же. Думать надо. Вот это, Зяма, уже мой уровень...

— Тоже нашими прикрыть?

— Нет. Здесь нам никак светиться нельзя. Математик, уголовники — это одно. А если мой интерес к командующему округом просекут — вот тут легко заговор выявить... Хозяин на такие штуки падкий.

— А если аккуратно сообщить, что шпана ими интересуется (и какого уровня шпана), его дружку, Лосю? Тот как раз на хороший пост попал, у него топтунов да наружников в подчинении сотни. И никаких сложностей, если что: был сигнал. Проверяем.

— Пожалуй. Займись. Найди, кто Лосю «инфу» сбросит. Хорошая мысль у вас была, кстати, Зяма, завербовать этого здоровенного жлоба, как там его? Хоть и не нравился он мне, а вот пригодился.

— Игорь — человек талантливый. Но однажды испуганный. В серьёзном деле на него положиться нельзя. Поплывёт.

— Челове-ек, — протянул с непонятной интонацией Заковский. — Ваш человек, ваша и забота. Старайтесь, если всё ещё мечтаете до Стены Плача добраться. До той, что в Иерусалиме, а не в наших подвалах...

И закончил, как обрезал:

— Ладно, поехали. А то ног совсем не чувствую...

Когда к воротам дома Свищевых подкатила карета «Скорой помощи», никто из соседей не удивился. К парализованному чекисту один раз в месяц являлись врачи из спецклиники. Периодически вызывали и «неотложку» — когда у ветерана органов прихватывало сердце.

За полчаса до того деду позвонили по телефону. Труха привычно снял трубку параллельного аппарата.

Незнакомый голос тут же произнёс: «Не подслушивай, сопляк. Марш во двор, собак привязывай».

Через минуту коротко звякнул сигнал отбоя, и Вова поднялся к деду. Таким внук не видел старого контрразведчика никогда. Во-первых, Свищев-старший был абсолютно трезв — впервые за последние четыре года. Во-вторых, он выглядел смертельно испуганным.

— Сейчас приедут люди, — сказал он. — Сделаешь всё, что они скажут. Дурак. — Дед махнул рукой и заплакал.

Труха распахнул перед автомобилем ворота. Из кареты вывалились трое крепких мужчин в белых халатах. Посаженные на цепь псы зашлись клокочущим в глотках лаем. Один из прибывших рефлекторно дёрнул правой рукой к пояснице, туда, где должна висеть кобура. Потом глянул на Владимира.

— Показывай, где трупы спрятал.

И Любку, и Костю ещё утром перетащили в подвал, на первом этаже девчонки замыли, как сумели, кровь. Труха собирался ночью собрать своих, закутать покойников в какое-либо тряпьё и вынести на Лавы, незастроенный пятачок, со всех сторон окружённый заборами частных владений. Там образовалась стихийная свалка — маленький Кавказский хребет из всяческих окаменевших отходов жизнедеятельности всего района. Здесь обосновались совсем уже опустившиеся пропойцы и бродяги. Как на Хитровке у Гиляровского. В ущельях Лав устраивались пьянки, на взгорьях происходили разборки. Днём окрестные жители торопливо добегали до опасной границы, вываливали из мешков и корзин всякую гадость и рыскцой устремлялись назад. Ночью же прогуляться по лабиринтам Мусорной долины не рисковал никто.

На Лавах тела можно было закопать в какой-либо холм, и там они и сгнили бы, никем не потревоженные.

Сначала приехавшие на «Скорой» мужики уложили на носилки Любку. Вид кое-как прикрытой тряп-

ками девчонки не вызвал, казалось, никаких эмоций. На покойницу накинули несвежую простыню и вынесли в карету. Потом вернулись за Костей.

Старший сделал знак Свищу — иди за мной. У автомобиля мужчина смерил парня презрительным взглядом и сказал:

— Садись...

— Да как же? — едва выдавил тот. — А ордер, а вещи хоть собрать.

— Не на кой... тебе теперь вещи. Отпрыгался.

— Да не я это, не я! Всё скажу, всё покажу...

«Санитар» без замаха ударил Труху под вздох, сгрёб за ворот и зашвырнул в машину прямо поверх трупов. Хлопнула дверца, взрыкнул мотор. Только что весьма самоуверенный кандидат в паханы лежал уткнувшись лицом в холодный живот покойницы и судорожно дёргался — его рвало. И от удара в печень, и от дикого страха перед милицией и перед трупами. В голове тупо билась одна мысль, как муха о стекло: «Зачем, зачем, зачем???»

ГЛАВА 7

А в это время, покинув гостей, ни один из которых, несмотря на предутреннее уже время, и помыслить не мог, чтобы уехать, пока Хозяин не отпустит, не попрощается с каждым за руку с тёплой улыбкой (после которой, бывало, обласканного отвозили не домой, а в Сухановскую тюрьму или на Лубянку), Вождь и Учитель товарищ Сталин в самой дальней из комнат второго этажа Ближней дачи выслушивал доклад двух мужчин в штатских костюмах. Один был худой и высокий, другой — толстый и маленький. Когда они стояли рядом, они походили на очень некогда популярную пару комиков Пата и Паташона. Или — Тарапуньку и Штепселя, что ближе. Правда, увидеть этих мужчин вместе редко кому удавалось.

— Начнём с фигуранта два, — приказал Иосиф Виссарионович.

— Подопечный активно входит в круг служебных обязанностей — зубрит инструкции, лично изучает всю систему охраны, — сообщил Пат. — Источники информации — секретарь Службы, заведующий архивом, трое из пяти сотрудников, с которыми он имел беседы. Он пытается найти слабые места.

— Надо думать, для того, чтобы ликвидировать их, — жёстко усмехнулся Хозяин.

— Фигурант два в пьяном виде однажды проговорился, что мечтает лично убить... — Паташон замялся... — Генерального секретаря ЦК ВКП (б)...

— Меня, что ли? — хмыкнул Сталин.

— Вас, Иосиф Виссарионович, — сокрушённо вздохнул толстячок. — При этом употреблял в ваш адрес ... непристойные выражения.

— Интересно, какие именно?

— Но, товарищ Сталин, я не могу... Вам будет неприятно...

— Я тебе что, девочка, которой ты целку ломать собрался? — грозно произнёс вождь. — Говори.

— Только учтите, пожалуйста, что я только цитирую.

— Я уже понял, что мнение того попугая ты не разделяешь. Цитируй!

— Ка... какого попугая, — перепугался боец невидимого фронта.

— Анекдот такой был, — отмахнулся Хозяин. — Политический. Тебе я его рассказывать не буду. Такие, как ты, везде с собой «пятьдесят восьмую» носят.

Сбитый с толку Паташон молчал.

— Давай, цитируй.

— Он называл вас... извините, сукой усатой.

Сталин захохотал сухим отрывистым смешком.

— Я уж думал, он меня матом, а он... — выговорил Иосиф Виссарионович, смахивая слезу. — Слабовато звучит. За такое и выговора хватит.

— Данные получены в результате прослушки квартиры и подтверждены агентом Лёнечкой.

— Что за агент Лёнечка? — поинтересовался вождь.

— Извините, даже вам раскрыть оперативный псевдоним не имею права. Без письменного указания.

— Ишь ты, принципиальный. Молодец. Что у вас есть по контактам фигуранта два с фигурантом один?

— Пока ничего. Встречались один раз. Пили. Фигурант два произнёс тост за ваше здоровье.

— Так и сказал: «Выпьем, мол, за здоровье суки усатой»?

— Что вы, — серьёзно ответил Пат. — Он говорил... — и тощий стал торопливо перелистывать бумаги в нетолстой папке, которую держал на коленях. — Вот: «За великого и мудрого вождя товарища Сталина».

— Какое двуличие, — очень серьёзно сказал Хозяин. Но глаза его иронически сузились. — Следующий вопрос, господа сыщики. Фигурант один появился с совсем молодой девочкой. Ваша?

— Никак нет, — хором ответили оба.

— Жаль. Только я собрался похвалить за блестящую работу. Установить сегодня же. Зовут Елена Ивановна. Студентка третьего курса ИФЛИ. Дополнительная информация: занимается метапоэтикой Хлебникова. Выйдите через научного руководителя.

— И? — уточнил Паташон.

— Что «и»?

Пат сделал неопределённое движение толстыми грубыми пальцами: «Изъять?»

— С ума сошли? — грубо оборвал Сталин. — Чтобы ни один волос не упал. Чтобы никому, подчёркиваю, никому и на ум не пришло, что ваша или ваша конторы проявляют к девице какой-то интерес. Доложите ведущему «темы». Собрать подробное досье, и ничего больше. Ясно?

Оба штатских вскочили и вытянулись: «Так точно!»

— И ещё, — Хозяин нацелил палец, словно ствол пистолета, в грудь замерших Пата и Паташона, — мало мы ещё занимаемся нашей молодёжью. Непростительно мало. Теперь о фигуранте три...

Всего фигурантов насчитывалось двенадцать, — как апостолов, — пошутил товарищ Сталин. Вождь освободился и остался один только под утро. Он знал, что Толстый и Тонкий, выйдя из дверей Ближней дачи, холодно раскланяются, каждый сядет в свою машину, и водителям назовут разные адреса. Ненавидели друг друга не Пат с Паташоном. Смертельно враждовали ведомства, к которым они принадлежали. Иосиф Виссарионович нарочно вызывал на доклад обоих вместе, чтобы ткнуть носом в огрехи и недоделки на глазах злейшего «товарища по оружию» и подлить горючего в пламя незримой войны между структурами.

Хозяин с удовольствием растянулся на узкой койке под солдатским одеялом и закрыл глаза. Сон не шёл. Возбуждение, вызванное общением с прекрасной стервой Любовью Орловой, художниками и стукачами, отгоняло дремоту. Вождь с удовольствием вспомнил девчушку, которую притащил с собой Марков. Надо же, на первый взгляд вовсе не красивая, а какая прелесть! Везёт дуракам. Интересно, сумеет этот солдафон понять, что судьба подбросила ему счастливый билет, каких выпадает один на миллиард?

А под поверхностью приятных, лениво текущих мыслей, в глубинах сознания мерцало неудовлетворение. История о встрече Эйзенштейна с Хануссеном снова разбудила опасения и страхи, о которых вождь приказал себе забыть.

В высшие силы, потусторонние миры и прочую благодать Иосиф Виссарионович не верил никогда. В духовную семинарию он пошёл потому, что это давало шанс вырваться из сапожной будки отца, от въедливой вони кожи и дёгтя, от шила и дратвы, от вечно

сбитых молотком, порезанных ножом, чёрных пальцев. Опыт подпольной работы и Гражданской войны утвердил в одной мысли: есть не управляемый ничьей разумной волей случай. Бояться надо не его — здесь следует быть фаталистом. Опасаться нужно человеческой целеустремлённости, коварства. Разум — это средство выживания, такое же, как клыки и когти, только во много раз опаснее. И уберечься сумеет лишь тот, кто окажется умнее, дальновиднее, предусмотрительнее, кто в состоянии расшифровать уловки врага, сплести собственные петли и удавки и сунуть в них голову противника.

И всё же присущее каждому человеку ощущение существования какого-то иного мира или измерения, присутствия силы, по сравнению с которой все твои достижения, все твои грандиозные свершения — пыль и ничтожество, сжимало сердце холодным кулаком ужаса. От него перехватывало дыхание, давило изнутри в висках и ныло, ныло в левой руке от плеча до локтя. Сталин заставил себя снова думать о чёртовом визите чёртова привидения, размышлять холодно и бесстрастно, отгоняя прочь любые эмоции, все чувства.

— Чему нас учит история кинорежиссёра Эйзенштейна? — спросил себя Иосиф Виссарионович. — История кинорежиссёра Эйзенштейна учит нас тому, что любая попытка обмануть судьбу бесполезна. Если даже такой рисовальщик, как Эйзенштейн, не смог изменить собственную подпись, а с ней и предопределение, значит, это не по силам простому смертному.

Собственные слова царапнули. «Простым смертным» назвал его призрак. Или просто «смертным»? Вроде бы одно и то же, а какая разница!

Как умеет рисовать этот рыжий толстячок, вождь знал. Ему показывали листы из мексиканского цикла «Коррида», где тореадор и бык то сливались воедино, чуть ли не в любовном объятии, то рвали друг друга в клочья. Особо впечатлили Сталина изображения,

представлявшие торреро, распятого на быке, и быка, прибитого аки Христос к своему убийце.

Те же люди подсунули Хозяину и коллекцию рисунков мужских причиндалов. Рассчитывали, что товарища Сталина возмутит эта порнография. Иосиф Виссарионович долго рассматривал хулиганские, непристойные картинки. Каждый, простите, член имел собственный характер. По интимному отростку легко было рассказать о владельце всё: биографию, привычки, манеры. Вождь даже опознал... Но не будем называть имён.

От нецензурной коллекции Эйзенштейна товарищ Сталин получил истинное наслаждение. И очень разочаровал товарищей, которые в поте лица добывали компрометирующие автора «Броненосца «Потёмкин» и «Октября» материалы.

«Но вернёмся от воспоминаний к размышлениям, — подумал Коба. Сейчас Сталин почувствовал себя неожиданно бодрым и полным сил, как в молодости. — И сам вождь, и Георгий Гурджиев, и Эйзенштейн подтверждали одно и то же: следует быть фаталистом, чему суждено стрястись, то обязательно стрясётся. Так что отбросим всяческую мистику».

Если считать случившееся результатом действий каких-то людей, смущает одно: полная и абсолютная бессмысленность акции. А ведь подготовить такой визит — задача очень и очень непростая для кого угодно. Оставим пока в стороне вопрос, как удалось обойти все караульные посты. Дать приказ «не заметить» незваного визитёра десяткам людей сразу — самоубийство. Кто-либо обязательно проговорится, и — конец. Значит, надо было найти способ подвести «призрака» к самому кабинету. Охранники выполнили распоряжение пропустить. Потом, опять по велению высокого руководства, стреляли мимо «духа». И «не увидели» его в узком коридоре. Потому и слу-

чился с одним из них «разрыв сердца» на допросе. Знаем мы эти инфаркты!

Потом надо было найти способ бесследно убрать «привидение» из Кремля так, чтобы никто ничего не заметил, не заподозрил, не узнал. Ох, не просто это сделать, даже если имеешь любые возможности, кроме сверхъестественных.

И всё это — для чего? Просто напугать? Никто не станет тратить столько сил, идти на огромный риск только ради того, чтобы устроить детский розыгрыш. Шутку с ряжеными на уровне Светланки.

Тогда — зачем?

Что, собственно, поведал тот заплесневевший «Аристотель»? Скоро будет большая война. Сказать об этом товарищу Сталину то же самое, что мужу женщины на девятом месяце сообщить, что скоро у неё родится ребёнок. Ещё он предупредил о неминуемой катастрофе.

Кто-то может надеяться, будто вождь, получив предостережение потусторонних сил, откажется от своих замыслов? Чепуха!!!

Но ради чепухи не затевают сложные, опасные и кровавые инсценировки. Если только это театр, а не настоящее вмешательство потусторонних сил.

А для чего это может быть нужно богу или чёрту? Нет, мы же договорились: мистические объяснения не рассматриваются. Всё равно смертному не дано постигнуть мотивы действий ни Всеблагого, ни Тёмного.

В этот момент у товарища Сталина возникло ощущение, будто он уже думал что-то подобное. И в этом самом месте мысль свернула в сторону и потерялась, растворилась в мистическом ужасе перед непознаваемым Промыслом высших сил.

— Стоп, — сказал себе Иосиф Виссарионович. — Может быть, смысл сверхъестественных декораций именно в этом? В конце концов, хорошо задуманная интрига должна иметь некий механизм, предохраняю-

щий от проникновения в неё чужой мысли. Как у Эдгара По в «Пропавшем письме». Всякий, кто знает, что послание секретно, что его спрятали, будет соваться в потаённые места и самые укромные уголки. Потому надёжнее всего положить то, что ищут, на самое видное место. Или другой приём: сунуть под нос что-то яркое, блестящее. Тогда вряд ли заметишь серое и невзрачное. Роль «яркого и блестящего» может исполнить предмет, вызывающий сильные эмоции. Пресловутая красная тряпка для быка, уводящая смертоносные рога в сторону от уязвимого тела тореадора.

Товарищ Сталин и сам мастерски использовал такие ухищрения. Например тогда, когда создал Гитлера.

Хозяин даже зажмурился от удовольствия и позволил себе вспомнить свой гениально сработавший план в некоторых деталях.

Когда будущий фюрер Третьего Рейха провёл свой бездарный «Пивной путч», Сталин об этом мелком, не стоившем внимания событии даже не узнал. Шёл 1923 год, одновременно происходило восстание коммунистов в Гамбурге, и ВКП (б) сильно занималась именно им. Кроме того, надо было завоёвывать звание преемника В. И. Ленина, потому что желающих принять кормило власти из ослабевших дланей «Старика» оказалось как собак нерезаных. Ну, ничего, перерезали.

О НСДАП — Национал-социалистической рабочей партии Германии Иосиф Виссарионович услышал в... ну да, в 1925 году. Большого внимания тогда ни на неё, ни на её фюрера не обратил: мало ли кто сумел протащить в рейхстаг сорок своих представителей. Однако уже к концу февраля 1926 года тот же Серебрянский попросил ознакомиться с докладной запиской, которую подготовили его сотрудники по материалам и соображениям Рихарда Зорге, Сталин был знаком с его отцом, и некоего любимчика Артузова, который укрылся за позывным «Юстас».

Документ был исполнен добротно. Наличествовала история партии, как положено, начинавшаяся с Антона Дрекслера (хорошая фамилия, подумал тогда Сталин, «дрек» по-немецки «говно». Основатель общественного движения, долженствующего очистить нацию и поднять её к новым высотам духа, прозывается Говнюковым. Положительно, История — дама мудрая и ироничная). Далее прослеживались все изменения в руководстве, зигзаги политической линии. Отдельно проводилась тема тайного мистического общества «Туле», давшего эзотерическое обоснование устремлениям национал-социалистов. Были приложены биографии и социально-психологические портреты вождей: братьев Штрассеров, Гитлера, Гесса, Рема. Авторы провели анализ идеологической и политической программ, которые предлагали конкурирующие группировки в руководстве НСДАП. Они отметили, что сегодня главным направлением деятельности признана борьба за души и голоса рабочих в противовес мелкобуржуазной прослойке в рядах самой партии и её охранных отрядов — СА.

Отмечая, что основные положения «25 пунктов» Юлиуса и Отто Штрассеров — обобществление земли, национализация тяжёлой промышленности, ограничения в сфере финансового капитала — близки к программе коммунистов и социал-демократов, Зорге и неизвестный «Юстас» предлагали оказать поддержку левому крылу НСДАП. Речь шла прежде всего о деньгах. Разведчики были уверены, что финансовые вливания позволят сделать Национал-социалистическую рабочую партию подконтрольной. А там, в блоке с коммунистами и социал-демократами, наци могут составить большинство в рейхстаге, сформировать правительство и постепенно привести Германию к полноправному членству в Союзе Социалистических Республик Европы.

Сталин читал документ очень внимательно, ни на минуту не выпуская из пальцев любимый сине-крас-

ный карандаш. Дойдя до описания попытки переворота, устроенной Гитлером в 1923 году, вождь иронически хмыкнул. За два года до фюрера Бела Кун по заданию Коминтерна приехал в чужую страну и за пару недель устроил такие классовые бои, что весь мир дрожал от ужаса. А этот... попили пивка, погорланили, вышли на улицу. Там уже поджидали дяденьки-полицейские, надавали хулиганам по попкам и приказали разойтись. Если бы мы так готовили революцию, Россией и сегодня правил бы царь. Николай Александрович Второй или Алексей Николаевич Первый, но оба Романовы.

Однако Иосиф Виссарионович отметил, что Адольф ссылался на генерала Людендорфа. Начальника немецкого генерального штаба товарищ Сталин уважал и считал серьёзным человеком. Если железный пруссак делает ставку на истерика с косой чёлкой, значит, он знает что-то, что неведомо нашим мудрецам от Особого отдела.

Генеральный секретарь ещё раз перечитал выдержки из «труда» Розенберга «Миф XX века»: «Всякий, кто сам не слепой, не может не видеть, что с самого своего начала коммунистическое предприятие было насквозь еврейским» — и усмехнулся в усы: «По его логике выходит, что главный еврей в СССР — товарищ Сталин». Познакомился с цитатами из гибрида мемуаров неудачника с политической программой неумного дилетанта под громким титулом «Моя борьба». Этот идиот кричит о своём намерении уничтожить евреев и прогнившие демократии Запада, Европу и Северо-Американские Соединённые Штаты. Демократии — за то, что они тайно управляются евреями же. Иосиф Виссарионович подчеркнул красным цитату: «За Америкой скрывается иудейский трест мозгов; за Черчиллем тоже жиды, нашёптывающие ему свои директивы; иудеи являются подстрекателями всей англо-американско-советской прессы; иудеи сидят в Кремле в качестве подлинных носителей большевизма».

Хозяину пришла гениальная мысль: нацисты зачислили в злейшие враги «всё англо-американско-советское». Что же, мы оказываемся в неплохой компании. Пока Гитлер — один из десятков политических болтунов, его мысли не стоят и той бумаги, на которой они изложены. А вот если он превратится в руководителя Германского правительства... Тогда и САСШ, и Британия вынуждены будут очень внимательно изучать программу этого параноика. И думать о том, как обезопасить собственные толстые задницы. И это хорошо.

Серебрянскому через Поскрёбышева было сказано, что поддерживать братьев Штрассеров нецелесообразно. И вообще для Германии вполне достаточно тех денег, которые выделяются компартии Осипом Пятницким через Коминтерн.

Неожиданно для себя Гитлер получил из разных, в том числе неизвестных, источников необходимое финансирование. Ему удалось справиться и расправиться с левой оппозицией в партии. НСДАП выиграла выборы, её предводитель стал фюрером «Третьего Рейха».

Прогнившие западные демократии задумались, кто из противников опаснее. Адольф попытался придать «движению» респектабельности. Старых борцов, которые слишком уж рьяно стремились прижать крупный капитал, перерезали в «Ночь длинных ножей» вместе с «братом фюрера» Эрнстом Ремом. На их места пришли новые вожди нации: Гиммлер, Геббельс, Геринг. Невозмутимый «дядя Джо» — Иосиф Сталин на этом фоне выглядел более цивилизованным и уж не в пример более вменяемым. Он тоже расправился с комбатантами из ленинской гвардии. Но сделал это на открытых судебных процессах, а не откровенно уголовными методами. Поэтому американцы, англичане, французы, не изменяя политических установок, стали кое-что позволять «этим диким русским». В СССР с молчаливого согласия руководителей Соединённых

Штатов, Англии, Франции стали поступать чертежи новейших боевых самолётов, танков. Были подписаны соглашения об экономическом сотрудничестве.

Немцы попытались доказать «цивилизованному Западу», что коммунизм гораздо страшнее, чем национал-социалисты. 13 сентября 1935 года на очередном съезде НСДАП выступил с большой речью, явно и подчёркнуто адресованной не членам своей партии, но правителям самых мощных западных стран, Иозеф Геббельс. «Большевизм чётко заявляет, что его цель — мировая революция. В его сути лежат агрессивные и международные стремления, — говорил он. — Национал-социализм же ограничивается одной Германией и не является продуктом для экспорта — как по абстрактным, так и по практическим свойствам. Большевизм отрицает религию как принцип, целиком и полностью. В религии он видит лишь «опиум для народа». Национал-социализм же, напротив, защищает и поддерживает религиозные убеждения, отдавая в своей программе приоритет вере в Бога и тому сверхъестественному идеализму, предначертанному самой Природой для выражения расового духа народа. Национал-социализм может служить примером для новой концепции и новой формы европейской цивилизации. Большевики же развернули кампанию, возглавляемую евреями и при участии международной организованной преступности, против культуры как таковой. Большевизм выступает не только против буржуазии, но и вообще против человеческой цивилизации».

Далее гитлеровский министр пропаганды перечислил все преступления сталинского режима, начиная с тифлисского «экса»: «Летом 1907 года Сталин организовал знаменитое террористическое нападение на транспорт, перевозивший деньги из Тифлисского госбанка. Жертвой того нападения стали тридцать человек. Было похищено 250 тысяч рублей, которые были затем отосланы Ленину, находившемуся тогда

в Швейцарии. Они требовались ему на нужды революции. 17 января 1908 года в Париже был арестован еврей Валлах-Меер (известный ныне как Максим Литвинов и бывший в своё время председателем Совета Лиги Наций) в связи с причастием к взрыву и ограблению в Тифлисе...

16 апреля 1925 года в софийском Кафедральном соборе прогремел взрыв, организованный и осуществлённый большевиками. В июле 1927 года коммунисты подожгли венский Дворец правосудия. На праздновании дня рождения Ленина, 22 апреля 1930 года, в Москве был взорван Симонов монастырь, основанный ещё в XIV веке. В ночь с 27 на 28 февраля 1933 года было подожжено здание берлинского рейхстага, в качестве сигнала к вооружённому коммунистическому восстанию. Тогда, посредством забастовок, уличных боёв и вооружённых восстаний, должна была осуществиться первая подготовительная фаза большевистской революции. Применяемые методы одинаковы во всех странах. Ещё одним поразительным доказательством этого служит долгий перечень революционных актов. В одном из своих пропагандистских изданий Коминтерн похвастался, что он организовал почти все забастовки, имевшие место за последние годы. Эти забастовки переходят в ожесточённые уличные бои. А от уличных боёв до вооружённого восстания — всего один шаг. Вот список восстаний в хронологическом порядке: Октябрьский переворот 1917 года в России, Спартаковский мятеж в январе 1919 года в Германии, восстание Макса Хёльца в 1920 году в Фогтланде и красноармейское восстание в том же году в округе Рур, восстание в 1921-м в Центральной Германии, в сентябре 1923-го в Гамбурге, в декабре 1924-го в Ревале, 23 октября 1926-го, 22 февраля 1927-го и 21 марта 1927-го в Шанхае, в декабре 1927-го в Кантоне, в октябре 1934-го в Испании, в апреле 1935-го на Кубе и в мае 1935-го на Филиппи-

нах». Читая этот перечень, Иосиф Виссарионович усмехался в усы. Это вам не жалкий пивной путч.

Историю резни, которую Бела Кун устроил в Крыму, информацию о расстрелянных чиновниках, полицейских, священниках и прочих представителях эксплуататорских классов, вождь читал с бесстрастным выражением лица. Только когда он добрался до описания голода на Украине, в Поволжье и на Северном Кавказе и до названного Геббельсом количества жертв, преуменьшенного, но всё-таки близкого к подлинной цифре, Сталин не выдержал и пробормотал: «Шени деда». Потом записал на листке бумаги синим концом двуцветного карандаша: «Откуда у наших врагов статистика умерших?» Эта записка будет передана Берии.

Финал доклада несколько успокоил товарища Сталина. Вину за всё зло в мире и отдельно в СССР Геббельс опять взвалил на международный заговор евреев. Главная заслуга фюрера немецкой нации в том, что он освободил от иноплеменников Германию и создал бастион против всемирного жидовства.

— Идиот, — произнёс Иосиф Виссарионович, представив гололобое потное лицо министра пропаганды Третьего Рейха. Таким он запомнился по кинохронике съезда нацистов. — Я и сам не люблю этот народец. Но не кричу об этом на весь свет. Евреев надо сначала использовать...

В своих расчётах Хозяин оказался прав. Призывы гитлеровцев остались неуслышанными Западом. А товарищ Сталин поднял Союз Советских Социалистических Республик на дыбы, как когда-то Пётр Великий Россию, и подчинил всё существование миллионов людей одной задаче — созданию могучей промышленности, способной дать армии самое мощное, самое современное оружие. Потому, что только таким путём можно было достичь всемирных целей, которые поставил перед собой Великий Вождь трудящихся всего мира.

Прогнившие западные демократии с ужасом оглядывались на камлающего перед чуткими ушами мира — микрофонами, словно чукотский шаман перед обалдевшим племенем, фюрера. И тоже вносили свой посильный вклад в укрепление могущества СССР, помогали Иосифу Виссарионовичу.

На киноэкраны всего мира выходили советские фильмы евреев Эйзенштейна и Эрмлера. И фильмы о счастливой судьбе евреев, которым повезло жить в интернациональном государстве нового типа. Лица великих артистов Михоэлса и Зюскина подтверждали правдивость сладковатых сюжетов. Еврей Лион Фейхтвангер своей книгой удостоверил: государство Сталина существует по правилам, принятым цивилизованным сообществом и Лигой Наций.

Как сказал товарищ Сталин, евреев надо сначала использовать.

И вот теперь, когда всё вот-вот должно было начаться, появился дух какого-то давно умершего макаронника. Чушь.

Товарищ Сталин глубоко вздохнул, прислушиваясь к левому боку. Да нет, вроде бы все в порядке. И наконец позволил себе заснуть.

В эту ночь ему, шестидесятидвухлетнему, привиделись эротические сюжеты. Какие? А позволительно ли посторонним вторгаться в такие интимные материи?

Не спали в эту ночь и Пат с Паташоном. Высокий и худой сразу отправился к заместителю наркома НКВД по кадрам Михаилу Васильевичу Грибову. Тот не уезжал домой, дожидаясь возвращения подчинённого с инструкциями от Хозяина.

Услышав, что Сталин был готов похвалить за образцовую работу, если бы девочка, которую привёз Марков, была подведена к командиру отделом НКВД, замнаркома вздохнул:

— Как вы могли потерять столько времени?

Пат развёл руками:

— Товарищ майор, операция сверхсекретная, её лично курировал ваш предшественник. А детали знали только сам Круглов и Леонтьев.

— Ну, Сергея Никифоровича сейчас не спросишь, — покачал головой Грибов.

— А Леонтьев своё получил, — поддакнул тощий. И тут же проявил инициативу: — Товарищ майор, а может, всё-таки взять эту девицу в разработку? Что мы её не... в смысле, не объясним, что речь идёт о безопасности государства. В смысле — о госбезопасности?

— Вы с ума сошли, — замнаркома понизил голос почти до шёпота. — Если товарищ Сталин узнает...

Пат задумался.

— По поводу родственников товарищ Генеральный секретарь указаний не давал.

— Пожалуй, попробуйте. Только очень мягко и осторожно. Вы уже отдали приказ о сборе материалов?

— Не считал возможным до разговора с вами, товарищ заместитель народного комиссара.

— Это правильно. Но чтобы к десяти ноль-ноль все данные уже были у вас. Перед началом приглашения к сотрудничеству все установочные материалы по близким этой... — Михаил Васильевич пощёлкал пальцами, пытаясь вспомнить фамилию.

— Корлюченко, — подсказал подчинённый. — Елена Ивановна Корлюченко.

— Вот-вот, именно. Все дела покажете лично мне. Определимся с кандидатурой освещающего коллегиально. И надеюсь, предупреждать о высшей степени секретности вас не стоит. Все собеседования проводите сами, поручать никому не надо.

— Так точно, товарищ майор, — вскочил и вытянулся «во фрунт» Пат.

— Больше всего меня настораживает последняя фраза Иосифа Виссарионовича, — проговорил Грибов.

— О вашей личной ответственности? — попытался продемонстрировать догадливость тощий.

— Нет, — отмахнулся замнаркома. — О том, что непростительно мало мы занимаемся нашей молодёжью. Хозяин никогда и ничего не говорит просто так. Что он имел в виду в данном случае?

Паташон был представителем структуры, о которой даже весьма информированным людям было известно гораздо меньше, чем об НКВД, ГРУ Генерального штаба Красной Армии или СВР. Учреждение, где он служил, называлось Информационным комитетом при Совнаркоме СССР. В деловой переписке его называли ещё «Комитетом № 4». Он объединял некоторые службы ГУГБ, ГРУ, разведки Наркомата иностранных дел и ряда иных организаций. Незаметная организация была, однако, очень могущественной. Она выполняла непосредственные щекотливые задания высших руководителей страны. При этом большинство из них и не подозревали о существовании «Четвёрки». Официально комитета как бы не было вообще. Только когда деятельность пошла на спад, было решено узаконить его существование. Случилось это только через шесть лет после описываемых событий, в конце мая 1947 года. Многие сотрудники НКВД или разведслужб втайне от своих руководителей работали в различных подразделениях Информационного комитета. Нередко комитет исполнял прямые и секретные распоряжения Сталина. Потому задания как бы несуществующей структуры всегда оказывались более важными, чем приказы собственного начальства. Необъяснимая даже для «ближнего круга» осведомлённость Хозяина о подробностях многих событий, да и случаи, когда события происходили так, как было выгодно Иосифу Виссарионовичу, породили смутные слухи о личной разведке вождя. Её функции и исполняла не всесильная, но способная на многое «Четвёрка».

Номинально «Четвёрку» возглавлял Вячеслав Михайлович Молотов. Однако глава Правительства и одновременно нарком иностранных дел Советского Союза был настолько загружен основной работой, что вникать в деятельность засекреченного подразделения ему было недосуг. Реальное руководство осуществлял генерал-лейтенант Пётр Федотов.

Он тоже дожидался своего посланца в кабинете, стандартном и не отличавшемся от любого другого в той части здания МИДа, что была отведена Информационному комитету. Настольная лампа, как положено в те годы во всех кабинетах государственных служащих, под зелёным стеклянным навершием, непроницаемо чёрный чай стыл в стакане, охваченном металлическим подстаканником.

Генерал-лейтенант вдумчиво выслушал доклад Паташона.

— Василий Степанович, — спросил он, — как вы полагаете, коллеги не лукавили, когда отреклись от этой невесть откуда появившейся девицы?

— Мне кажется, нет. Во-первых, они не упустили бы случая выслужиться лично перед Хозяином. Во-вторых, представитель выглядел обескураженным. А актёр он слабый.

— Прочитайте. — Пётр Васильевич вынул из закрытой папки, одиноко лежащей на столе, лист бумаги и положил перед толстяком.

— А этот Леонтьев не дурак, — хмыкнул коротышка, пробежав текст.

— Вас не удивляет, товарищ полковник, что случайно появившаяся девица точно отвечает типу, который вычислили в НКВД? Вы верите в такие совпадения?

Василий Степанович Рясной, начальник 1-го отделения 1-го отдела 2-го управления НКГБ по должности, фактически служивший руководителем резидентуры внешних и внутренних агентов Информационного комитета, задумался.

— Просчитать, на какой тип баб клюнет именно этот мужик, способны не только в ГУГБ. Если девка — подстава и при этом коллеги не в курсе, — медленно проговорил он, — интересная игра может завязаться... Особенно с учетом того, что товарищ Сталин разрабатывать эту... студентку запретил. Счастье, если её цель фигурант Апостол-1. А если через него выходят на Самого?

Паташон резко подался вперёд: «Если это — покушение на...», — и он ткнул пальцем вверх.

— Успокойтесь, полковник, — усмехнулся генерал-лейтенант. — Мы же с вами не в ведомстве Берии работаем, нам изобретать ничего не нужно. И ордена нам дают не за липовых террористов. Если бы была поставлена задача устранить, девушка сыпанула бы медленно действующего яда хоть всем, кто был на приёме. И спокойно уехала, пока симптомы не проявились. А вот если её подводят, чтобы иметь источник...

— Пётр Васильевич, простите великодушно, что перебиваю, — толстячок прижал руки к груди. Очевидно, ему такие вольности прощались. Заместитель начальника комитета только поощрительно улыбнулся. — Вы же не видели эту Корлюченко. Худая, чёрная, страшная, как смертный грех.

— Вы полагаете, милейший Василий Степанович, что любят только беленьких, пухленьких куколок с огромными синими очами? Ошибаетесь, смею уверить. Вот из-за таких, почти страхолюдин, но чертовски милых, случается, ломают и карьеры, и судьбы. Но о странностях любви мы поговорим в другой раз. А сейчас поручите всем сотрудникам вашего отдела, кто не работает в данный момент с прикреплёнными, срочно собрать всю возможную информацию об этой студентке ИФЛИ. Осветить со всех сторон с момента, когда её мама родила, и до сего дня поминутно. Чтобы мы знали, на каком боку ей лучше спится, какие эротические сны ей приходят и с кем она их смотрит. Ясно?

— Но ведь сам товарищ Сталин...

— Сам товарищ Сталин запретил разрабатывать только девочку. А ваши люди пусть разрабатывают окружение. Осторожно. Так, чтобы она сама ничего не заподозрила. Вы же это умеете, где лаской, где таской. Срок — неделя. Нет, даже меньше — максимум пять дней. Приступить к исполнению прямо сейчас.

На рабочем столе Хозяин нашёл досье. «Корлюченко Елена Ивановна, 15 апреля 1921 года рождения. Отец — Корлюченко Иван Фёдорович, старший экономист в Наркомате лёгкой промышленности. Мать, Корлюченко Зинаида Петровна, в девичестве Степанова, — кандидат экономических наук, доцент института имени Плеханова, член РКП (б) с 1918 г. С 1918 по 1934 г. работала в аппарате Мосгорпрокуратуры и МГК ВКП (б). Окончила институт Красной Профессуры».

Иосиф Виссарионович скользнул взглядом по маленькой фотографии, с которой таращилась незнакомая длинноносая девица, долго смотрел на тощенькую папку, не понимая, кто и для чего подсунул вождю жизнеописание заурядной девчонки. Его что, спутали со служащим отдела кадров какого-то вуза? Рука потянулась к кнопке: вызвать Поскрёбышева и спросить, что должен означать этот мусор на столе Генерального секретаря. И тут в глаза бросилась следующая фраза: «Студентка третьего курса Института философии, литературы и истории». Ну да, он же сам дал задание собрать информацию о Ленке, которую, не спросив позволения, нагло притащил на дачу Марков. Ладно, почитаем, почитаем. Так, младшая сестра, тоже Зинаида, как мама, на первом курсе «Плехановки». Родители разведены. Живы две бабки. Деды, надо думать, головы сложили на Гражданской. И хорошо ещё, если воевали по одну сторону. Впрочем, нам-то что? А девочка может пригодиться. Тоненькая

ниточка, привязывающая Маркова к Сталину. Так ведь лилипуты Гулливера и связали большим количеством тоненьких ниточек.

— Скажи честно, Иосиф, девочка понравилась, — усмехнулся Сталин. И сам себе ответил: — Мне нравятся все, кто может помочь в решении наших задач. Если они не оправдывают доверия, они перестают нравиться. Исключения были? Исключений не было.

Снова усмехнулся довольно и вызвал Поскрёбышева:

— Я хочу поговорить с... — заглянул в папку, — Зинаидой Петровной Корлюченко.

— Прикажете вызвать?

— Не обязательно. Можно по телефону.

Ленка, конечно же, проспала. Когда за ней забежал Коля, неумытая и почему-то злая как мегера, она обругала парня, а он, между прочим, через половину столицы ехал, чтобы проводить девушку в институт, и умчалась на лекции без завтрака. Зинаида, полная противоположность взбалмошной сестре, и встала вовремя, и ушла по-человечески, без лишней суеты, попив чаю и закусив свежеиспечёнными на керогазе маминими пирожками.

По расписанию занятий у Зинаиды Петровны сегодня не было. Можно было вообще не являться в институт. Отправиться в библиотеку. Или посидеть дома, освежить в памяти, как Маркс характеризовал разницу между азиатским и античным способами производства. В свете позавчерашней дискуссии о коллективизации, крестьянской общине и колхозном строе. Спор получился как бы академический, но сегодняшние политические аллюзии сквозили чересчур явно и опасно. А тут ещё нелепая история с Ленкой, будто бы новый знакомый, генерал-полковник, пригласил её на дачу к самому... И тот ей руку поцеловал. Вернулась под утро. Навеселе. Врёт? Или это какая-то дурацкая игра у современной молодёжи?

В дверь настойчиво позвонили. Сердце оборвалось, как при падении. Зинаида Петровна выбежала в длинный коридор квартиры, где она с дочками занимала целые две большие комнаты, но отпереть не успела. Её опередила Эльза Германовна, худая, одинокая, желчная старуха, бывшая опереточная актриса. Почему её подселили к ним, непонятно. По закону Корлюченко имела право на все три комнаты, как кандидат наук и участница Гражданской войны. Опять интриги жилкомиссии. Вот если бы у неё был стаж не с восемнадцатого, а с семнадцатого, до марта, никто б не посмел ей такую подлость устроить.

Соседка стояла на пороге перед распахнутой дверью в своём застиранном, когда-то шёлковом халате с чудовищными по величине и яркости розами. Никакая стирка их не брала, цвели.

А вот лицо Эльзы было белым. На пороге стояли человек в чёрном штатском пальто и связист, воентехник (два кубика в чёрных петлицах).

— Корлюченко Зинаида Петровна? — спросил чёрный.

Актриса мотнула головой, показывая в глубь коридора. Зинаида Петровна торопливо подошла.

— Это я, — хотела сказать она, но только кивнула. В горле пересохло так, что она не могла произнести ни звука.

— Сейчас вам будет звонить товарищ Сталин.

Эльза Германовна клекотнула горлом и умелась в свою комнату от греха подальше.

— Кто?.. Как?.. У нас нет телефона.

— Минуточку, — связист вежливо отстранил хозяйку и заглянул в прихожую. — Вам удобнее поставить аппарат здесь или в комнате?

По лестнице уже топали сапоги. Связисты тянули кабель от распределительной коробки, установив стремянку, начали прибивать его скобами к стене под потолком. Крепыш с электрической дрелью принялся сноровисто сверлить дырку над дверью.

Потом укрепляли к стене напротив спальни Зинаиды Петровны новенький аппарат с двумя никелированными звонками сверху. Работали сноровисто и аккуратно, стараясь не сорить.

— Тряпочку не позволите, хозяйка? — попросил лейтенант, указывая на известковую пыль под дверью и возле аппарата.

— Да я потом сама...

— Извините, у нас так положено, — непреклонно возразил воентехник, и один из мастеров принялся тщательно собирать пыль, а другой, разведя на блюдце принесённый с собой гипс, аккуратно затёр кабельный ввод.

Минут через пятнадцать работы закончились. Связист посмотрел на человека в пальто. Тот кивнул. Техник снял трубку с рычажков, торчавших, словно рожки молоденького козлёнка, несколько раз крутанул диск, подождал, потом произнёс:

— Сердюков. Да. Проверка связи. — Повернулся к «чёрному». — Вас.

Тот взял никелированную трубку с деревянной вставкой посередине ручки, поднёс к уху:

— Семьдесят два. Сорок семь.

Вернул трубку связисту, тот аккуратно водрузил её на место, сказал Зинаиде Петровне:

— Здравия желаю. Можете пользоваться, — махнул рукой, и его команда исчезла, как никого и не было. Завершал шествие штатский, который на пороге оглянулся и, как показалось Зинаиде Петровне, посмотрел на неё очень значительно и одновременно оценивающе. Совсем не как на женщину, нет. По-другому.

Она стояла прислонившись к стене, даже не сообразила прикрыть дверь в квартиру. Резкий звонок вывел женщину из ступора. Она спохватилась, закрыла дверь, повернула ключ и вдобавок накинула цепочку. Новенький чёрно-блестящий телефон выделялся на стене, словно тот, в штатском пальто, оставил

здесь какую-то часть себя. И исходил пронзительными строенными трелями.

Зинаида Петровна осторожно сняла трубку и поднесла к уху.

— Товарищ Корлюченко? — спросил бесцветный мужской голос.

— Да.

— Зинаида Петровна? Тысяча восемьсот девяносто девятого года рождения?

— Да... — Ноги у Зинаиды выразили отчётливое желание подогнуться, и ей пришлось придержаться рукой за круглую ручку двери стенного шкафа.

— Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

И тут же она услышала не раз слышанный по радио голос самого великого и дорогого на свете человека.

— Здравствуйте, Зинаида Петровна.

— Здравствуйте... товарищ Сталин.

— Зачем так официально? Называйте меня по имени-отчеству.

— Хорошо, товарищ Сталин. Извините, Иосиф Виссарионович.

— Я звоню, чтобы попросить вас: не ругайте чересчур Лену. Она вчера явилась домой поздно. То есть, конечно, — сегодня, рано. Но здесь до известной степени моя вина. Во всяком случае, у меня в гостях девушка была в полной безопасности...

Помолчав, глуховатый голос добавил:

— У вас хорошая дочь. Я знаю, сколько тревог и волнений бывает у родителей из-за взрослых детей. Сам со Светланой справиться не могу. Сейчас связалась с каким-то... киношником. Люсик то, Люсик это. Ах, он такой талантливый. Что за имя для мужчины — Люсик? Сколько я ей объясняю — как об стену горохом. Они нас ни в грош не ставят, норовят жить собственным умом.

Неожиданно для себя самой Зинаида Петровна вздохнула, как будто обсуждала родительские проблемы с близким знакомым.

— Вы правы, Иосиф Виссарионович. Мы ведь стараемся не только одеть-обуть, накормить. Мы же хотим, чтобы они наши глупости и ошибки не повторяли.

— Свои мозги не вставишь, — произнёс вождь. — Но сейчас за вашей Леночкой ухаживает серьёзный человек. Хороший человек, честный. Так что за неё не беспокойтесь. Да и я со своей стороны присмотрю. Договорились, Зинаида Петровна?

— Конечно, Иосиф Виссарионович!

— Замечательно. Если позволите, я ещё при случае позвоню вам.

— Это... Это... Я буду счастлива, товарищ Сталин...

— До свидания, — Сталин положил трубку, встал и прошёлся по кабинету. Если правильно вести игру, эта доцентка-экономистка так осветит Маркова, как весь лаврентиевский наркомат не сумеет. Тёща есть тёща. Даже походно-полевая. Впрочем, Сергей — действительно честный и дурной. И женщин много лет не видел. А по дамам с лёгкими взглядами на некоторые процессы он не пошёл. Так что имеет Зинаида Петровна шансы стать генеральской тёщей. Очень немаленькие шансы. Теперь надо организовать, чтобы эта дурочка пригласила Маркова в гости.

Зинаида Петровна послушала короткие гудки, потом осторожно уложила трубку на телефонные рожки и посмотрела в обе стороны коридора. Соседка сидела в своей комнате тихо, как герань в горшке. А жаль! Сейчас бы рассказать ей, с кем она только что разговаривала.

Впрочем, та и так всё поняла. Подслушивала, небось, припав ухом к скважине. У артистов хороший слух: им суфлёров всё время слушать надо.

Зинаида Петровна была потрясена. Какой человек! Действительно, самый человечный из живущих на Земле! Вождь, который вершит судьбами мира, обсуждал свои семейные проблемы с ней, как с равной. И похвалил её Ленку! Неужели он и вправду целовал руку этой засранке? А что? Дочка у неё действитель-

но неплохая. А что там за генерал? Ладно, вернётся из института, выспрошу. Но Иосиф Виссарионович!

Женщина готова была заорать во всю глотку: «Да здравствует великий и мудрый вождь всего прогрессивного человечества, учитель и друг товарищ Сталин!» Но в коридоре коммуналки такой крик прозвучал бы, мягко скажем, странно.

Хлопнула дверь. Оглядываясь по сторонам, заскользила к соседке Эльза Германовна. Она выглядела как бы полинявшей. Даже знаменитые розы на халате словно пожухли.

— Милочка, — прошептала бывшая дива театральным шёпотом. — Вы в порядке? Я так перепугалась, думала, вас уже нет.

— Куда это я денусь? — осведомилась Зинаида Петровна.

— Ну, эти, особенно в чёрном... — Эльза опасливо оглянулась.

— Просто мне звонил товарищ Сталин, — громко, чтобы слышно было и в соседних квартирах, объявила женщина.

— Вы сошли с ума? — вежливо спросила соседка. — Он хотел спросить вашего совета, заключать ли договор с Черчиллем?

— Нет, мы беседовали о проблемах воспитания молодых девушек, — парировала Зинаида Петровна. — И Иосиф Виссарионович очень хвалил мою Леночку.

Эльза Германовна повертела пальцем у виска, одновременно приложив палец к губам, и засеменила к своей норке. На пороге обернулась, показала жёлтым от никотина пальцем на аппарат и ещё раз постучала себя по лбу.

— Так, — процедил Владимир Лось, отодвинул толстую папку и посмотрел на собеседника. — Будем считать, что с Ближней дачей всё в порядке. Здесь безопасность товарища Сталина обеспечена.

— Да, — кивнул майор Иван Васильевич Хрусталёв. — Без танков или авиадесанта её не взять. А это уже не покушение, а войсковая операция.

Хрусталёва Лось перетащил из Наркомата внутренних дел. Иван Васильевич был следователем, который «мотал» арестованного врага народа. Но вёл себя вполне прилично: не бил, только виртуозно нёс по маме, папе и дальним родственникам. Может, опасался могучего арестанта, как когда-то жандармы панически боялись Лунина. Или посочувствовал земляку. Не так часто встретишь на просторах Руси Великой не просто кубанца, а выходца из станицы Старо-Ниже-Стеблиевская Красноармейского района. Жили на разных концах, не встречались никогда. И всё равно, почти родня.

Мысль о «земеле» пришла Владимиру потому, что ему понадобились люди, которым можно хотя бы в какой-то степени доверять. При том, люди, которые здесь и сейчас в Москве, в силовых, а лучше охранных ведомствах.

Лось вспомнил, как растеряны были заместители начальника Управления охраны Румянцев и Богданов. Сам Власик впервые за десять лет ушёл в отпуск и укатил в родную белорусскую деревню Бабыничи Слонимского района. Говорили, будто он повёз родным подарок из столицы — не то корову, не то лошадь, купленную на генеральскую зарплату. Во всем районе не было ни одного телефона, почта только в райцентре, связаться с Николаем Сидоровичем практически невозможно. Приказ о назначении ещё одного, третьего заместителя получили первый и второй замы, и никак не могли понять, какие функции передавать выдвиженцу, что сулит им лично появление нового коллеги. Кроме того, друг друга они терпеть не могли, и каждый уже начал соображать, как перетянуть нового сослуживца на свою сторону. Слегка напрягало и то, что новоиспечённый генерал-майор

(армейский чин, не по госбезопасности) прибыл к ним прямиком из тюрьмы. Это тоже должно было что-то значить. В конце концов договорились между собой: до возвращения начальника Владимир займётся анализом организации охраны вождя «с целью её совершенствования и укрепления». Дело довольно мутное, и никаких преференций на нём не заработаешь. Анализ он и есть анализ.

Лось удивлялся, насколько ему везло. Мало того, что Сталин, сука усатая, лично назначил его одним из руководителей собственной охраны. Так ещё лучшего друга Маркова, с которым в СТОНе выживали, поставил командовать Московским округом. Вдвоём они за пару месяцев, ну, за полгода, подготовят такую операцию... Диктатора уберут, его свору — к ногтю. Части, подчинённые Сергею, нейтрализуют и разоружат функционеров НКВД. А дальше...

Что будет дальше, кто возьмёт власть и как станет справляться с огромной страной, в какую сторону повернёт внутренняя и внешняя политика, Лось представлял смутно. Как говаривал Ленин, главное — ввязаться в драку, а там будет видно. Конечно, на Западной границе — Гитлер, серьёзный враг. Но если не будет Сталина, с немцами можно и договориться. У нас там тоже под каждым кустиком шестидюймовочка, это серьезное подспорье в любой дипломатии. И вообще, на этот случай товарищ Молотов есть. К Молотову у Лося личных претензий не было, поэтому он воспринимал Вячеслава Михайловича строго в духе советско-партийной пропаганды. Верный ленинец, железный нарком и так далее.

Удача улыбнулась и в случае с Хрусталёвым. Собеседование Лось проходил у заместителя Поскрёбышева (а тот ведь был не просто секретарём, крысой канцелярской, а начальником Особого сектора, стоящим выше самого Берии), улыбчивого молодого парня с петлицами бригвоенюриста, Валентина Валентино-

вича Лихарева. На прямой вопрос Лося, каковы будут его права и каковы границы компетентности, тот ответил не задумываясь:

— А как себя поставите, такие и границы. Власик — служака хороший, а человек сероватый. Как штаны пожарного. Вы, главное, с ним впрямую не спорьте, и всё будет хорошо. А делайте, что считаете нужным. Если что — ко мне забегайте, в одном здании сидим.

— С кадровыми вопросами как?

— Людей хотите себе подбирать? Подбирайте. Если номенклатура ниже ЦК или наркомовской — просто пишите: «С получением сего откомандировать...» В прочих случаях сначала зайдите опять же ко мне. Ни Поскрёбышева, ни Власика отвлекать не нужно...

И хитровато улыбнулся при этом, подвинул раскрытую коробку буржуйских сигар, какие Лось только на карикатурах видел.

— Угощайтесь...

И потом звонко рассмеялся, когда Владимир втянул дым всей мощью своих лёгких.

— Простите, не предупредил. Сигарами не затягиваются, просто дым во рту держат...

Удивительно, но этот эпизод как-то даже их сблизил, словно совместная детская шалость. Но для себя Лось отметил, что и Валентин не прост, и интриги вокруг — мама, не горюй!

Перевести Ивана в службу охраны руководство НКВД согласилось сразу. Надо думать, чересчур добрый следователь не считался особо ценным кадром. Уже через два дня майор доложил своему бывшему подследственному о прибытии.

Сам Лось к этому времени успел изучить схемы организации охраны на Ближней даче. Переезды вождя Владимира пока не интересовали. Там работал Транспортный отдел, ему не подчинённый. Да и что сделаешь с тремя бронированными машинами, несущимися на стокилометровой скорости. Гораздо удобнее

было устранить Таракана дома или в рабочем кабинете. Чтобы не сразу спохватились. Выиграть хотя бы несколько часов, если повезёт, сутки. За это время можно многое наворотить. Кое-какие мысли в голове уже складывались.

Идеальный вариант — шлёпнуть Сталина где-нибудь на выезде, за границей. Как Жана-Луи Барту и Александра Карагеоргиевича в октябре 1934-го в Марселе. Но усатая сука после встречи с Гитлером 18 октября 1940-го в Польше никуда и носа не высовывала. Так что оставалась последняя надежда. Лось слышал, что под Москвой находится целый лабиринт пещер, подземных ходов, туннелей и лазов. Какие-то из них ведут в Кремль, да и в самих древних зданиях потайных коридоров хватает. И если найти соответствующие карты или хотя бы планы...

Именно такое задание генерал и дал Хрусталёву. Естественно, для предотвращения возможности проникновения в святая святых чужого человека. «Земеля», он, конечно, «земеля». Но пока хитрый Володя будет использовать его втёмную.

Первые дни в новой должности давались Маркову тяжело. Его предшественник, генерал армии Тюленев, передать дела «из рук в руки» не смог. Его срочно перевели на Кавказ. На случай нападения англичан, французов и турок на Баку и Батум. Командующий округом оставил записку с извинениями и пожеланиями удачи. А вводить в курс дела «новую метлу» принялись замы и начальник штаба. И потащили бумаги, килограммы и тонны бумаг. Бесчисленные справки, ведомости, приказы просто и книги приказов, входящая и исходящая переписка. Карты отработанные и почти чистые, мобпланы реальные и гипотетические, вплоть до переброски войск для установления Советской власти в Южном Азербайджане (Северной Персии, проще говоря). Порой Сергей сам себе видел-

ся бухгалтером в чёрных сатиновых нарукавниках. Ещё бы водрузить на стол древний абак — деревянные счёты — не отличишь.

Головой командующий округом понимал, что эта бумажная круговерть — настоящая основа армии. А плац-парады — для дураков. Учтено должно быть всё. Учтены должны быть все. Иначе стратег станет рассчитывать на энное количество сытых, вооружённых, обученных бойцов. А воплощать наполеоновские замыслы придётся только половине. И то голодных и безоружных.

По этой же причине он укрепился в мнении относительно Жукова. Догадался же ляпнуть при людях: «Ненавижу штабников и штабную работу». Да после этого «начальника Генштаба» гнать поганой метлой обратно в кавалерийские комдивы — как раз по уму должность. Но Сталин ему отчего-то благоволит, несмотря на всю очевидность его деловых качеств. Может, боится из-под своего присмотра отпускать. Так такая «осторожность» ой-ой как аукнутся может...

Но то ли сказались месяцы лагеря — ежедневной физической работы на свежем воздухе — или забунтовала деятельная натура, генерал-полковник только усилием воли заставлял себя вникать во все подробности жизни округа, от вооружений, размещения и возможных стратегических задач вверенных ему войск до последней солдатской швальни.

В квартиру возвращался за полночь, разбитый, как после полутора норм на лесоповале. Только он не высиживал до заветной минуты, когда Верховный отправится на отдых, а до изнеможения перелопачивал толстенные папки и гроссбухи. Дома он выпивал «наркомовские» сто граммов, зажёвывал колбасой или какими-то консервами из холодильного шкафа (благо, интендант Иванов никому не передоверил заботы о командующем, озаботился не только обстановкой, но и функции начпрода на себя взял, доппаёк лично

привозил и лично разгружал, вогнав в полное уныние интенданта второго ранга Ситникова), потом падал на постель и сразу проваливался в черноту. И снились ему таблицы, планы, карты. Die erste Kolonne marschiert, die zweite Kolonne marschiert... Даже Лена ему не снилась.

В этот вечер Сергей махнул на всё рукой и сказал адъютанту в приёмной, что «едет в войска». А сам отправился к себе на Якиманку. Без четверти семь он уже сидел на кухне в полной полевой форме, только без сапог и ремня и расстегнув крючок на воротнике. Опустошённая стограммовая стопка стояла рядом с очищенной луковицей, грубо порезанным прямо на столе чёрным хлебом, финкой напластанным замёрзшим салом и поломанным руками кольцом «Колхозной» колбасы, бывшей «Крестьянской». Початая бутылка водки натюрморт не портила. Отнюдь. Она добавляла холостяцкой трапезе здорового оптимизма, так как останавливаться на первой Марков не собирался.

Умница Иванов догадался оборудовать квартиру роскошным приёмником «Телефункен». В полированном сундуке с золотыми планками и круглыми ручками верньеров слоновой кости помещался не только сам радиоаппарат, но и проигрыватель, а также и стеллаж за отдельной дверцей, полный пластинок в пёстрых, явно не отечественного производства, бумажных конвертах. В первый вечер Алексей лениво просмотрел обложки. Имена и лица исполнителей, в основном негров: Элла Фицджеральд, Дюк Эллингтон, Луи Армстронг, Чак Бери, Бенни Гудмэн — были Маркову неизвестны. Единственное знакомое имя — Глен Миллер. «Серенаду Солнечной долины» он посмотрел буквально на той неделе, на закрытом просмотре. Восторга фильм не вызвал. Любовная история показалась чересчур сладкой. А джаз слишком грохочущим.

Потому генерал включил приёмник, нашёл на волне станции «Коминтерн» «Концерт по заявкам». Прият-

ная, на нормальных людей рассчитанная музыка придавала трапезе культурный фон.

Но! Мелодия, которая зазвучала сейчас, резко выбилась из классики и «народных мелодий», показалась знакомой. «Цыганочка», но в джазовой обработке, и... «Лет ми си ёр бьюти...», а дальше запомнившиеся слова на незнакомом английском: «Дэнс ми ту тзе енд оф лав».

И тут же вдруг зазвонил телефон.

Сергей не бросился к трубке. Он же сейчас не дома, а где-нибудь под Вязьмой, к примеру. Разве Лось? Так мог и спуститься. А вдруг от Сталина? С тем шутки плохи. «Прогул» простить может, но обман... Господи, пронеси! Подхватив трубку, генерал произнёс: «Алло. Марков у аппарата».

— Вы обещали, что мы ещё увидимся, — интонация была чуть вопросительной.

— Радость, это ты? — выдохнул Сергей.

Тихий смех.

— Я.

И чуть кокетливо:

— Вы меня ещё не совсем забыли?

— А ты не забыла, что мы пили на брудершафт? И теперь на «ты».

— Ой, я не могу, — сказала Лена. — Вы такой взрослый. И в чинах.

— Пустое «вы» сердечным «ты» она случайно заменила, — по памяти процитировал генерал.

— Всё равно не могу. Мне нужно привыкнуть. И я соскучилась.

— Где встретимся? — молниеносно отреагировал Марков.

— Ой, а можно? Я вас не отрываю от важнейших государственных забот?

— Все государственные дела я на сегодня уже переделал. — Генерал покосился на часы: без семи минут семь.

— Тогда, может быть, в восемь у Главпочтамта?

— На Мясницкой?

— Ну да, на Кирова.

Сонное расслабление как рукой сняло. Сергей раскрыл гардероб и задумался. Выбор уж больно небогатый: парадная форма, «построенная» Пинхусом Мордехаевичем, повседневная, что сейчас на нём, и — полевая, подогнанная в гостинице. Как давно это было! Хотя всего десять дней назад. Как он мог не озаботиться приобрести хоть плохонькую штатскую?

Блеск генеральской формы на улицах Москвы неизбежно будет вызывать, мягко говоря, чрезмерное внимание. Однако без штанов в середине марта в этих широтах не погуляешь. Да и интерес публики такое зрелище привлечёт не меньший.

Генерал решил вопрос просто, как учили. От серой повседневной шинели (образца 1809 года, между прочим), отпорол петлицы со звёздами и широкие нарукавные нашивки. С шапки снял кокарду. Остальное никому не интересно. Обычные сапоги, ну, хорошие. Так, судя по шинели — отставной майор, ну, подполковник. Не в лаптях же ему ходить. Под шинелью оставил гимнастёрку со звёздами, на улице не видно, а если в «Метрополь», скажем, пойти, впечатление произведёт. На метрдотеля.

Сергей взял из верхнего ящика стола приличную пачку денег, как в анекдоте: на два пальца не хватит, возьми на три; надел шинель, пистолет «Вальтер РР» сунул в карман. Хорошо, генералам не обязательно штатное оружие носить. Подумал, не вызвать ли машину, но решил, что на такси быстрее будет, и направился к двери. В этот момент в филёнку тихо поскреблись. Когда приходят «брать», стучат отрывисто, деловито и сухо. Могут грохотать по деревянному полотнищу кулачищем. А здесь звук получился чуть слышным, вкрадчивым. Но почему-то Марков сразу подумал о плохом. Он расстегнул кобуру — второй раз я им так просто не дамся — и уверенным движением распахнул дверь.

у порога стояла Люсечка. Командир сразу заметил нарядное голубое платье с белым кружевным воротником, туфли на высоком каблуке, особо яркую губную помаду.

— Серёжа, — произнесла красавица, — вы не забыли, что обещали ответный визит?

— Люсечка, милая, давай в другой раз, — взмолился Марков. — Я ужасно спешу.

Но блондинка повисла на рукаве.

— Зайдите хоть на минуточку. Подождут дела и заботы.

Она тащила мужчину вверх по лестнице, как муравьишка дохлую муху, и щебетала что-то про долг вежливости, про то, как огорчится Володечка, если друг не уважит, и ещё что-то про сюрприз.

Не выпуская руки, толкнула коленом дверь и торжественно произнесла:

— Смотрите, кого я привела. Серёжа Марков, генерал-полковник.

За праздничным столом сидел с немного обалдевшим видом Лось в новеньком чёрном костюме и белой рубашке с галстуком. Рядом с ним пристроилась черноволосая красавица в алом платье и с красной розой в волосах. «Не женщина, а прямо опера «Кармен», — подумал командир.

— Я столько рассказывала про вас Тате, — продолжала монолог Люсечка. — Она специально пришла, чтобы познакомиться.

«Кармен» встала, не спеша, как бы скромничая, подошла к гостю.

— Меня зовут Татьяна, — сказала она и подала ладошку лодочкой. Сергей прикоснулся к прохладным длинным пальцам и назвал себя. Высоким ростом молодая женщина не отличалась, даже на каблуках едва доставала Маркову до носа, зато фигура у неё была потрясающая. Как бы ни торопился мужчина, как бы

ни думал он о чём-то другом, но высокую грудь, тонкую талию и стройные ножки он рассмотрит.

— Давайте выпьем за знакомство, потом Серёжа и Татка потанцуют. А потом, так и быть, отпустим большого начальника по его неотложным делам, — скомандовала сводня-блондинка. Лось воспринял эти слова как команду и набулькал полный фужер коньяка. Уловив бешеный взгляд Маркова — не хватало явиться на первое свидание, разя перегаром; девочка решит, что связалась с алкоголиком, — гигант пожал плечами и взялся за бутылку с шампанским. Брюнетка тоже подняла бокал. — На брудершафт! — воскликнула хозяйка дома. Татьяна переплела свою руку с марковской дланью, пригубила и, чуть покраснев, подняла голову. Командир прикоснулся к сухим горячим губам.

Лось потянулся за папиросами. Белокурая красавица глазами показала на дверь. Владимир горестно вздохнул и поплёлся в коридор.

— Теперь танцуйте, — распорядилась Люсечка и опустила звукосниматель патефона на пластинку. Томная мелодия полилась, как расплавленная патока. Мужчина подал руку «Кармен», другой прикоснулся к талии, и пара двинулась. — Татка у нас — дочь профессора, — вещала хозяйка. — Она на фортепиано играет и на трёх языках говорит.

— Ты меня так расхваливаешь, будто продать хочешь, — вроде бы смутилась Татьяна. Незаметно она прижалась к Маркову всем телом. Давно не ощущавший подобных прикосновений организм отреагировал настолько здорово, что Сергею стало неудобно, он даже покраснел. И тут же разозлился: «Чего я стыжусь, она же сама провоцирует, знает ведь, чего добивается».

— Я в вас влюбилась по Люсечкиным рассказам, — прошептала Татьяна, щекоча ухо дыханием. — Так жаль, что вам надо уходить. А это... дело никак нельзя перенести?

— Нет, — ответил Марков, с сожалением выпуская из объятий новую знакомую.

— Тогда можно я позвоню?

— И можно, и нужно, — встряла блондинка. — Если так уж надо, бегите, Серёжа. Номер телефона вашей квартиры мы Татке дадим.

Марков глянул на часы. Какое уж тут метро. Можно успеть, только если удастся поймать авто. Командир бросился вниз по лестнице.

— Сарожа, — окликнул его с верхней площадки лестницы Лось. — Уходишь? Нет бы посидеть, водочки попить, да и поговорить найдётся о чём.

— Извини, Володя, давай завтра.

— Начальству неймётся?

— Да нет, девушка меня ждёт.

— Ну! Тогда удачи. А у меня дома сразу две. Что-то на тебя дамы гроздьями вешаться стали. К чему бы это?

Марков только отмахнулся.

— Ну, беги, — вздохнул Лось. — А мне по девушкам бегать поздно. Посижу по-стариковски. С Люсечкой и с Таткой.

ГЛАВА 8

Лось закончил обход квартиры. Когда его вселили, Люсечка оглядела обе огромные комнаты, покривила губы на такой же разор и запустение, как и у Маркова было. И потребовала, чтобы «жених» завтра же поставил хозчасть на уши. Чтобы не хуже, чем этажом ниже. Неожиданно для Владимира, не привыкшего ещё к новому положению, сотрудники КЭЧ взяли под козырёк, встали на уши и за неделю, под руководством «невесты», проявившей неприятно поразившие Лося въедливость, капризность, а моментами и грубость, взвод бойцов-строителей сделал всё «как у людей». Одинаковые шкафы резного дерева в зале, на кухне и в спальне. Столы, стулья, кожаный диван, напомина-

ющий Владимиру идеально начищенный генеральский сапог, гнутые стулья. Блондиночка выбирала и руководила расстановкой, меняла и переставляла, пока её душенька не успокоилась. По мнению Лося, стало гораздо хуже — теснее и «мещанистее». В его юности за «бытовое обрастание» из комсомола и из партии исключали. Но его мнения никто не спрашивал.

Сейчас у подруги ещё не прошло чувство глубокого удовлетворения проделанной работой и достигнутым результатом. Правда, предстояло ещё добиться, чтобы ванную комнату выложили заграничным кафелем, с рисуночком. Люсечка как раз сейчас скрылась там, предупредив: плавать она будет не меньше часа. Кроме прочего, нужно обдумать, какая плитка лучше: голубая — цвет идёт блондинкам. Или белая с золотым узором — красиво и шикарно.

У Лося защемило сердце. Похоже, он вляпался, и крупно. Первая страсть закончилась очень быстро (ещё бы, если девушке пять раз в сутки — норма), и теперь он медленно начал соображать, что для жены, к примеру, неудержимая похоть — не самое главное.

Только Люсечка хлопнула дверью, зазвонил телефонный аппарат.

— Товарищ Лось? — спросил приятный баритон. — Генерал-майор?

— Так точно, — согласился Владимир и тут же спохватился: — А вы кто и откуда знаете мой номер?

Рука потянулась нажать рычаг и немедленно вызвать кремлёвскую АТС-2, те должны засечь соединение.

— Подождите, генерал. То, что вы задумали, — успеется. Меня зовут Игорь Саввич. Вы меня пока не знаете, — послышалось в трубке, — но это не смертельно. Всё ещё впереди. Я должен поставить вас в известность, что уголовники, с которыми у вас и Сергея Маркова произошла стычка в последний вечер в лагере, Виктор Куцубин и его «оруженосец», не только

вышли на свободу, но и приехали в столицу нашей Родины город Москву.

— Ну и что?

— Дело в том, что по приказу неких «высших сил» преступный мир разыскивает Маркова, вас и человека, из-за которого произошёл конфликт. Так получилось, что вы им очень нужны. И, разумеется, отнюдь не из желания отомстить за «раз-два по морде». Тут дела сугубые... Кстати, вы не помните имя того человека, вообще кто он такой?

Лось как-никак проработал в войсковой контрразведке и системе «особых отделов» почти пятнадцать лет. На него вышел кто-то и зачем-то. Надо до последней возможности тянуть разговор, вдруг да и проскочит что-то полезное.

Поэтому отвечать он начал спокойно, контролируя каждое слово и интонацию, свои и собеседника.

— Ну, давайте попробуем. Когда мы пришли в барак, «прописка» шла полным ходом. Мы вмешались скорее из принципа. Пятьдесят восьмая статья — наши, враги народа. А «друзья народа» — наши враги. Доступно?

В тюремной библиотеке Лось прочёл «Историю французской революции» Карлейля и очень этим гордился. Многое в теперешней жизни ему стало понятно с точки зрения полуторастолетней давности.

— Если тот «интеллигент» и называл имя, фамилию, статью, то это было раньше. При нас дело перешло в «техническую фазу». А для чего вы меня предупреждаете, хотелось бы знать? Я по своей нынешней должности не смогу за себя постоять, вы так считаете? Или?..

Лосю показалось, будто собеседник заколебался, затянул паузу.

— Вообще-то моя информация — не для разглашения. Но... Очень могущественные люди сильно заинтересовались тем человеком, за которого вы с Марковым вступились. И мне так кажется — вы с товарищем ге-

нерал-полковником в этой игре — лишние фигуры на доске.

— Могущественные люди из босяков? — уточнил Лось.

— Думайте так, если вам нравится, — согласился Игорь Саввич.

— И что нам теперь делать? Помереть со страху? Или поднять все подчинённые мне силы и размазать всю эту публику по асфальту? Вы знаете, я не только Куцубина, я пол-Москвы могу при необходимости к стенке приставить. И вас найти мне труда не составит. В моём кабинете разговор выйдет более продуктивным, нет?

— Зря вы так, генерал. Я к вам по-человечески. И не преувеличивайте своих возможностей. Не приходилось слышать: «Из праха ты пришёл и в прах отыдешь»? Вы напрасно недооцениваете преступный элемент и тех, кому он может служить. — Голос в трубке прозвучал совершенно по-поповски. — И даже такая мразь, как ваш Куцубин, к сожалению, может представить реальную угрозу. Вы же не круглые сутки в Кремле сидите, бывает, и в город выходить приходится. На всякий случай запомните: Виктора Куцубина можно найти по адресу: улица Палиха, 32. Как раз на границе Марьиной Рощи, если вам это что-нибудь говорит.

— Говорит, спасибо.

В трубке запищали гудки отбоя.

Когда подруга вышла из ванной, с полотенцем-тюрбаном на мокрых волосах, в коротеньком — до самого не могу — халатике, Владимир мрачно курил на кухне.

— Что-то случилось? — забеспокоилась блондиночка.

— Да так. Помнишь, я тебе рассказывал, как мы сцепились с бандитами в тюрьме? Теперь они якобы снова нами заинтересовались.

Сказал и подумал — зачем я языком треплю. Но, удивляясь себе, удержаться не мог.

— Какой ужас! Нужно немедленно обратиться в милицию.

— Ты чего? Совсем того? Генерал кремлёвской охраны приходит в райотдел и пишет заяву: «Я отсидел без приговора три года, непонятно зачем выпущен, произведён в генералы, а теперь за мной гоняются уголовники из тюрьмы, хотят отомстить. Помогите». Дежурный лейтенант или сержант просто позвонит в комендатуру и попросит забрать психа-генерала.

— Да, — согласилась Люся, — что-то я не то сказала. Привыкла, что все нормальные люди, если что, обращаются в милицию. А ты же генера-ал! С такими заявами тебе прямая дорога к Кащенко. Или у вас для «своих» другие больницы?

И опять Лося что-то неприятно царапнуло. И он опять не понял что.

Блондинка подумала и спросила:

— А с чего они, уголовники ваши, такие мстительные? Мало ли что в зоне происходило. Так что, на свободе резать всех, кто когда-то на ногу наступил? Других забот у них на воле нет?

— Понимаешь, уголовники опускали какого-то типа, такого, из интеллигенции. А Марков за него вступился.

— Ну и что?

— Началась драка... Погоди, он же сказал, будто Куцему поручили найти того очкарика какие-то влиятельные воры.

— Кто сказал? — подозрительно покосилась Люсечка.

— Да не знаю я. Протелефонировал какой-то тип.

— Так, может, это розыгрыш какой-то дурацкий?

— Угу, розыгрыш. А откуда этот малый номер узнал? Нас же только-только вселили. А наши телефоны справочная не даёт... Ладно, не бери в голову, сам как-нибудь разберусь. Деникина раздолбали, Врангелем не подавились. Даст бог, и с Куцым разберёмся.

— Ну да, — произнесла Люсечка, — конечно.

Но на лице её застыло странное выражение.

* * *

Ближе к восьми вечера Куцый снова крутанул ручку звонка, дверь распахнулась сразу же. На сей раз амбал в квартиру не пригласил.

— О вашем деле не беспокойтесь, — тихо проговорил он, сонно глядя сквозь очки. — Все улажено. Интересующего вас человека найдёте по этому адресу. — Он сунул в руку Витюли клочок бумаги. — Адрес запомните, записку сожгите. Кстати, найдёте его, и что дальше? Думаете, он всё выложит как на духу?

— А мы его попросим, — осклабился бандит. — Очень уважительно. У нас, знаете, есть опыт вежливых бесед.

— Что касается вашего интеллигента, его найти по нашим каналам пока не получается. Если бы вы ещё хоть что-нибудь про него вспомнили...

— Поп он, — рубанул Куцубин.

Брови хозяина квартиры поползли вверх.

— В смысле?

— Ну что, в смысле. Обычный поп, который в церквях служит. Сам сказал: я, мол, отец такой-то.

— Имя, название храма, приход? — быстро спросил Игорь Саввич. — Действующий, расстрига? Тихоновец, сергианец?

— Ну ты, дядя, даёшь. Я и слов таких не знаю. А знал бы, о чём ты базаришь, к тебе бы не обращался, — фыркнул вор. — Нужен он нам был, как собаке лопатник, — махнул рукой Куцый.

— Ах, сволота, — бормотал Лось, трясясь в трамвае. — Вы что думаете, вся Россия — барак, где блатота верх держит? Хрен в дышло. Я вам устрою пожар в заведении тёмной ночью во время наводнения.

По указанному адресу располагался двор-шанхайчик — квартирки-клетушки, переделанные из лошадиных стойл.

«Как же тут искать Куцего? — почесал затылок кубанец. — Не станешь ведь бродить от двери к двери».

Пока он озирался вокруг, гостя заметили. Из третьей слева двери вывалил большой крепкий парень. Несмотря на промозглый ветер и морозец — весна в Москве наступила пока только по календарю, — здоровяк был одет лишь в сатиновые трусы и застиранную, обвисшую майку.

— Эй, мужик, — окликнул он Лося, — ищешь кого-то?

— Мне сказали, здесь можно встретить Куцего.

— А ты ему кто, сват, брат или от кума гонец?

— Да так, в одном аквариуме пузыри пускали.

— По-свойски кумекаешь, — осклабился детина. — Только Куцый сейчас занят очень.

— Академик?

— Вроде, — согласился парень. — Сам-то какой масти будешь?

— Не буду, — ухмыльнулся Лось. — Завязал.

В тот же миг небо обрушилось ему на голову и наступила тьма.

— Какой правильный вор скажет: «Завязал?» — услышал Владимир, когда пришёл в себя. Он лежал у грубо сколоченной из досок стены какого-то, похоже, сарая. В щели задувал пронизывающий ветер. Руки связаны за спиной, щиколотки тоже обмотаны жёсткой верёвкой. Сбоку стояли двое: Косой Лыцарь и тот самый детина, только теперь здоровяк был одет.

— Ну да, если он не Машка залетевшая, — заржал Лыцарь. — А как же ты его завалил?

— У меня прямой правой, как у Николая Королёва, триста кило, — самодовольно усмехался парень. — Он глазом моргнуть не успел.

Лыцарь заметил, что Лось очнулся.

— Ну, здравствуй, начальничек, — издевательски прогнусавил бандит, сделал шаг и пнул командира сапогом в живот. Тот успел напрячь мышцы, но всё рав-

но удар отозвался резкой болью. — Мы тебя ищем. А ты сам притопал.

Движением фокусника он выхватил из рукава заточку и приставил остриё к глазу Владимира. Тот дёрнул головой.

— Да ты пока не бойся. Вот дождёмся Витюлю, тогда уж тебе душу помотаем от всей нашей души. Для начала расскажешь, кто адресок этот дал.

Уже минут десять Лось пытался ослабить стянувшие запястья путы, но вязали его умело и тщательно.

Страха не было. Душила ярость и обида: так подурацки вляпаться. И сдохнуть от рук заурядных уголовников в грязном сарае ужасно не хотелось.

Заскрипела дверь, порог перешагнул Куцый и вдруг рухнул на пол, взвыв от жестокого удара ногой в копчик. За спиной бандита обрисовалась девичья фигурка.

— Люсечка? — воскликнул Лось. Он рванулся, представив, что могут сделать эти мерзавцы с хрупкой беззащитной девчонкой. Однако верёвки выдержали. А сам он просто не сообразил, что о беззащитности речи не идёт.

От неожиданности Косой подался назад. Цыган, наоборот, сделал шаг вперед-вбок. Ринг учит правильному поведению на уровне инстинкта.

— Стоять на месте, — скомандовала блондинка. Руку она держала у бедра. Оценив мизансцену, повернулась к самому опасному — Ванюше: — Ты, амбал, два шага назад.

Боксёр ухмыльнулся и продолжил начатое движение. Грохнул выстрел. Пуля свистнула у самого уха бандита.

Когда в глаза плещет пламя, в ноздри бьёт пороховой запах и в сантиметре от головы проносится порция свинца в медной упаковке, человек, никогда не бывавший под огнём, будь он самым записным храбрецом, как минимум теряется. Так же и Цыган. Плюс сработал воровской рефлекс — под стволом не ры-

паться. «Лягавые» два раза не предупреждают. А в те годы любой имеющий право носить оружие мог стрелять на поражение и даже объяснительных по этому поводу не писать. И гильзу не сдавать.

Девушка перевела пистолет на Лыцаря.

— Режь ему верёвки. Очень медленно и аккуратно. Лишнее движение — яйца отстрелю.

Для убедительности она указала стволом «ТТ», что именно надо делать. Косой беспомощно оглянулся на Цыгана. Ему было очень страшно. Ванюша чуть заметно кивнул и почти незаметно двинулся в сторону, стараясь стать так, чтобы неожиданная гостья не могла удержать в поле зрения и его, и Лыцаря.

Куцый поднялся на ноги, прижался к стене и пристально следил за тем, как развиваются события.

Снова ударил выстрел. В тесном помещении пистолет стрелял невероятно громко. Цыган охнул и схватился за щёку. Между пальцами показалась кровь.

— На колени, сука, руки за голову! — прошипела девушка. Боксёр, матерясь сквозь зубы, подчинился. Она посмотрела на Лыцаря. Тот часто закивал головой, присел перед Лосем и вытащенной из-за голенища финкой начал резать верёвки.

Владимир, со всем его военным опытом, никогда не видел, чтобы стреляли так: от пояса навскидку и абсолютно точно. Но если бандиты кинутся на неё разом, девушка может и не успеть.

Но она словно прочитала его мысли.

— У меня осталось пять патронов, вас трое. Малейшее лишнее движение — кончу всех. И ещё запас останется.

В подтверждение своих слов она стремительно и точно ударила ногой в подбородок начавшего приподниматься Куцего. Тот, хекнув, опрокинулся на спину, тихонько взвыл.

Лицо у Люсечки было абсолютно спокойное, равнодушное даже, словно всё происходящее её никаким

образом не касается. Машинально отогнала жужжащую рядом муху — и только.

Когда разрезанная верёвка соскользнула с запястий, Лось прямым левой отбросил Косого к противоположной стене, правой рукой выхватил у него финку, чуть не вспоров ладонь об остриё.

В два приёма перерезал путы на ногах, вскочил и хотел броситься к Люсечке, всё ещё считая, что она нуждается в его защите. Не удержался и наотмашь пнул Цыгана, рассчитавшись за предательский удар. Похоже, хрустнули ребра. Явно не одно.

— Что ты делаешь, падла, — простонал амбал. Его всегда по-детски удивляло, если кто-то пытался давать ему сдачи. Таких, правда, было не много.

— Повторить? — участливо осведомился Владимир, приостанавливаясь, и начал отводить ногу.

— Нет, нет, кончай, прости, в натуре...

— Пошли отсюда, — сказал Лось подруге, хватая её за руку.

Резким движением она освободилась. Сунула пистолет в карман.

— Куда пошли? Ты совсем мозги растерял. Сначала как последний кретин припёрся на эту хазу, подставился, разведчик, твою мать, а теперь — пошли? Так какого ж хрена тебе надо было? От него? От него? Вот они, здесь, спрашивай...

Лось чувствовал себя абсолютным идиотом. Так подурацки он никогда не залетал. Простой уголовник вырубил его, особиста, знатока японской борьбы, кулаком, без всяких хитростей и изощрённых приёмов. Что-то непонятное творится с его головой. В тюрьме он так поглупел? Он, на самом деле, куда шёл и зачем? А Люся-то, Люся...

Он сел на какой-то ящик, достал смятую пачку папирос, выбрал среди надломанных целую.

Закурил, сделал несколько глубоких затяжек, успокаиваясь. Люся осталась стоять у притолоки, погля-

дывая во двор. По идее, на выстрелы должны бы уже сбежаться жильцы. Или это такой дворик, где хоть аутодафе устраивай, никто не сунется «не в своё дело».

— Ну что, Куцый, продолжим прерванную беседу? — спросил наконец Лось. — Зачем ты меня искал, кто поручил?

Всего полчаса назад Куцый был в превосходном настроении. Шёл себе спокойненько от придурковатого Игоря Саввича, получив заверения в том, что по поводу Любки и Кости Саксаганского можно не переживать: легавые про убийство не узнают, и вообще никто рыпаться не станет. Хотя девку всё равно было немного жалко. Да и Костя, сука, парень был что надо. Но дело того стоило — Труха теперь у него на крючке, а не наоборот. И на толковище, среди «правильных пацанов» ответит по всей строгости. Он ведь с перепугу да с похмелья совсем не въехал, что никуда из зала до того, как его разбудили, не выходил, и свидетели есть. Значит, сам Труха с дружками Костю с Любкой завалил, по-другому никак не выходит.

Заглянул в чайную, принял соточку, закусил кусочком хлеба с двумя кильками. Помянул как бы.

А вот что поиск по связям Игоря Саввича результатов не дал, и надо готовить, как он выразился, записку, маляву то есть, и запускать её «по вашим каналам», это было хреново. Умник, без его подсказок сами не сообразили бы. Теперь придётся через «воровскую почту» работать. А её держат не совсем уважительные ребята. Благодарить придётся, и неслабо.

Эта и другие попутно возникающие заботы Куцего напрягали, но не настолько, чтобы не обратить внимания на хорошенькую белокурую биксу. Она явно попала в Марьину Рощу впервые и оглядывалась по сторонам, ища таблички с названиями улиц и номерами домов. А с этим здесь как раз не очень. Кому надо — и так знают, а прочим ни к чему. Надо думать, деви-

ца искала, как быстрее из бандитского района выйти. У вора даже мелькнула мысль: а не помочь ли девушке? Проводить бы её, как раньше, к Трухе, так туда теперь путь заказан.

«Ладно, куда вести, придумаем, надо сначала разговор завязать», — и он двинулся навстречу красотке небрежной блатной походочкой.

Бикса кочевряжиться не стала, разулыбалась, попросила подсказать, где тридцать второй дом. Это ж надо — такое совпадение. Куцый совсем развеселился и уже прикидывал, как это всё обставить. Чтобы без лишних сложностей.

Если бы он думал не о стройных ножках под полами заячьей шубки и иных приятностях, он, скорее всего, обратил бы внимание, что, войдя в калитку, девица бросила острый взгляд на истоптанный снег между флигелями и глубокую борозду от крыльца к сараю, словно здесь тяжёлый мешок волокли.

Девка повернулась к Куцему:

— А где тут Ивановы живут?

— Какие Ивановы? Что-то не знаю...

И тут же блондинка с неожиданной силой схватила его запястье, рванула в сторону и вверх, резко заводя руку за спину. В плече хрустнуло. Виктор коротко взвыл, а красотка уже очутилась сзади, толкнула вора к сараю.

— Шагай. Дёрнешься — ломаю руку. — Куцый на подгибающихся ногах двинулся к дощатой двери...

Теперь Куцый полулежал, прислонившись к ледяной стенке сарая. Его дружки-подельники пристроились рядом, и вид у них был далеко не презентабельный. У Цыгана щёку пересекала сочащаяся кровью царапина от впритирку прошедшей пули, Лыцарь выглядел поприличнее, но перепуган был до полусмерти, под ним натекла небольшая лужа, и серые штаны потемнели сверху от колен.

Проклятая девка курила, стоя у двери, ловко покручивая пистолет спусковой скобой вокруг пальца, и вид её выражал абсолютную безмятежность.

Лось сидел опершись локтями о колени и тяжёлым взглядом смотрел на Куцего. У того даже челюсть перестало дёргать болью.

— Ну что, Куцый, допрыгался? В зоне тебе уроков не хватило. На волю вышел — и гулял бы как зайчик, жрал, пил, девок имел. Чего ты опять к нам полез?

Виктор судорожно, в предельную меру умственных способностей пытался сообразить, как быть дальше. Джабой этого вояку не напугаешь, Джаба далеко. Интеллигент Игорь? Тот при делах, так пойди до него доберись теперь...

— Вот что, Куцый. Я тебя и твоих дружков могу сейчас грохнуть, и всё на этом. Соседи, как я догадался, у вас нелюбопытные. Мы уйдём, а они в сарай не полезут, пока сильно не завоняетесь. А завоняетесь только по теплу, не раньше. Меня к тому времени и след простынет. Поэтому колись, падла, насквозь, до донышка. Я в военной разведке служил, мне подручных средств хватит, чтобы вы сто томов уголовного дела напели. А чтоб не орали зря, портянки в рот затолкаю. Понял, Куцый?

Лось подкинул финку вверх, поймал за наборную рукоятку и поднёс к глазам вора, как недавно Косой ему заточку подносил.

— Начинай говорить сразу, и если хоть слово соврёшь... Я по глазам читать умею. У меня и махновцы, и белые, и румынские шпионы — все чистую правду выкладывали. Причём учти — я после Соловков на тебя такой злой, что тебе очень постараться придётся, чтоб отсюда своими ногами уйти. Поехали! Прямо с того момента, как нас из барака вывели. С кем говорил, какое задание получил, кто в Москве тебя принял, о чём спрашивал и что обещал. А вы, сявки, — повернулся он к Цыгану и Косому, — слушайте

внимательно, и если дружок ваш сбиваться начнёт — подсказывайте. Жизни ваши тоже в его руках.

Лось коротким взмахом финки провёл Куцему по шее. Из бритвенного тонкого пореза выступила кровь.

— Ну, считай, что я вам поверил, — сказал Лось, когда Куцубин, выложившись, замолчал. Дружки всё больше молчали, иногда поддакивали, а Цыган было затянул, что он вообще здесь не при делах, а «гражданина начальника» по ошибке стукнул, за «ссученного фраера» принял.

Но Владимир велел ему заткнуться.

— Теперь последнее дело осталось. — Лось достал из внутреннего кармана телогрейки пополам согнутую тетрадь и зелёный химический карандаш. — Пиши: «Я такой-то, блатная кличка такая-то, добровольно соглашаюсь работать секретным агентом НКВД и освещать все известные мне противоправные действия профессиональных преступников и прочих граждан. Число, подпись».

— Ты что, начальник?! — вскинулся Куцый. — Такое своей рукой написать — лучше сдохнуть...

— Сдохнешь, — легко согласился Лось и снова ткнул вора остриём финки под челюсть. Теперь поглубже. — Сдохнешь, и они с тобой. Вы теперь одинаково измазаны и повязаны...

— Пиши, Куцый, — заныл Лыцарь. Цыган его поддержал.

Вор, что-то бормоча под нос, начал выводить требуемые слова в тетради, на заботливо подставленной Лосем дощечке.

— Теперь ты, — протянул он тетрадку Цыгану.

Когда расписку дал и Косой, Владимир спрятал тетрадь.

— Пока всё, орёлики. На связь будешь выходить по средам и субботам, — сказал он Куцему. — Вот по этому телефону. Рассказывать, как меня ищешь,

как попа. И хорошенько запоминай, что тебе этот Игорь подсказывать будет. И поаккуратней — заподозрит что — прихлопнет как муху...

Дома Люся (называть её Люсечкой больше не поворачивался язык) растёрла Лосю спиртом борозды и ссадины от верёвок на запястьях, ощупала распухшую от удара челюсть. Перелома не нашла, только два зуба шатались, и решила, что можно граммов сто — «для сугрева» и поправки травмированной нервной системы — пропустить. Не чинясь, сама за компанию опрокинула рюмку «медицинского», запила холодной водой.

При этом старательно делала вид, что ничего такого как бы и не произошло. А ссадины так — сами по себе.

Но Лося это не устраивало. Под воздействием соточки он постепенно расслабился, и к уже крутившимся на языке вопросам добавились новые. Он закурил папиросу из стоявшей на столе коробки, настоящий «Дюбек», а не взятый в рейд для маскировки поганенький «Норд».

— Ну? — посмотрел он на подругу с усмешкой.

— Что — ну?

— Куцый выговорился, теперь твоя очередь. Только не нужно мне рассказывать про курсы ОСОАВИАХИМа, про значок «Ворошиловский стрелок» и прочие тру-ля-ля. Давай всё как есть...

Девушка сузила глаза.

— Что, как с Куцего, расписку требовать будешь? А я ведь тебе жизнь сегодня спасла.

— За это спасибо. Так поступил бы каждый советский человек, тем более сотрудник наших славных органов. Давай, милая. А то ведь знаешь — я по должности обязан доложить о сегодняшнем происшествии и твоём в нём участии. А вот как мы, — он подчеркнул это «мы», — докладывать будем, и будем ли — давай вместе думать...

Девушка долго молчала, «по инерции» несколько раз взглянула на Лося наивными голубыми глазами. Он не реагировал, подошёл к буфету, налил себе ещё полстакана водки, спирта хватило только, чтобы снять стресс. Снова закурил.

— Ну, ладно, слушай. Куда деваться. Я действительно лейтенант госбезопасности. Подразделение тебе знать ни к чему, ты ж по нашему ведомству допусков не имеешь. Имею задание курировать лично тебя с момента освобождения из СТОНа. Так положено, да ты и сам такими делами занимался...

— По-прежнему не доверяют, значит?

— А ты за свою службу много кому доверял? Не строй из себя дефективного подростка из колонии Макаренко. Тебя могли после возвращения снова завербовать невыявленные троцкисты-сослуживцы. Тебя могли похитить, шантажировать, да мало ли что. Тебе поручено охранять товарища Сталина — нам присматривать за теми, кто и как охраняет. Кстати, сегодня всё великолепно подтвердилось. И твоя глупость, и моя нужность. Какого ... ты (девушка непринуждённо выругалась) полез к этим уркам. Дал бы команду — твои волкодавы всю Марьину Рощу разнесли бы к ... матери.

Лось сидел тупо глядя в пол. Больше всего ему хотелось напиться в стельку, как пьют сапожники, или — до положения риз, как попы. И ведь всё правильно говорит. И служба у каждого своя, и спасла она его, и вёл он себя дурак дураком...

Но он ведь думал, что она правда в него влюбилась.

Ага, жди, во впервые увиденного грязного зэка.

Нет, дурак он, по всем понятиям дурак.

Люсечка тоже выпила, но немного. Посмотрела на него со смутной улыбкой. Рассчитанным движением потянулась. Тонкий свитер натянулся, обрисовывая не по фигуре высокую грудь.

«Да какая, на хрен, разница», — подумал Лось, мгновенно возбуждаясь. Пережитые эмоции требова-

ли выхода. Не довелось сегодня умереть, значит, накатился второй «основной инстинкт».

Он притянул чекистку к себе, рывком задрал ей юбку выше пояса, повалил на диван, дрожащими руками потянул вниз всё сразу — пояс, трусы, чулки...

После первого бешеного приступа страсти они перебрались в спальню, разделись, как положено, задёрнули шторы — слишко ярко били в окно лучи заходящего солнца.

Это была самая бурная изо всех их ночей. Когда ты заглянул в глаза смерти, особенно хочется почувствовать, что ты жив; зрение, осязание — всё обострено, а тело отдаёт последние силы, наслаждением изгоняя ужас. И девушка, словно освободившись от необходимости играть тщательно выверенную роль, вела себя, как какая-нибудь Клеопатра или царица Тамара, доводившая любовников до полного истощения, а иногда и летального исхода.

Под утро Лось отправился на кухню покурить. Он блаженно втягивал горьковатый дым, ощущая себя цеппелином — большой, абсолютно пустой оболочкой, в которой глубоко-глубоко перекатывается последний кубометр газа.

Люсечка, тоже вымотанная до предела, тихо посапывала, повернувшись на левый бок лицом к стенке. Её негромкое ритмичное дыхание подчёркивало тишину и спокойствие в квартире.

Лось аккуратно притворил дверь, налил себе стакан холодной заварки, полфужера коньяку, чиркнул спичкой, прикуривая. Спать совсем не хотелось. А вот подумать было о чём.

После долгих ночных размышлений утром, за завтраком, Володя повторил вопрос, который вчера както сам вырвался: «Как мы — он снова подчеркнул это «мы» — докладывать будем, и будем ли?» Людмила поглядела любовнику прямо в глаза и спокойно отве-

тила: «Ты сам начальник, можешь об инциденте промолчать. А я, извини, утаивать от руководства информацию не имею права».

— Информацию, — повторил Лось со странной интонацией. — И что же такой информацией считается?

— Всё, — так же спокойно произнесла сотрудница органов.

Когда проклятая девка и Лось, бывший сосед по бараку, разом превратившийся в «гражданина начальника», ушли, Куцый тоскливо осмотрел своё битое войско.

Он прекрасно понимал, что произошло. Разом из «честных воров» они превратились в «козлов позорных», стукачей, которых каждый может и опустить «по закону», и приколоть финкой без лишних вопросов.

Цыган, видать, сообразил, о чём думает бывший пахан.

— А что было делать, Витюля? Подыхать? Так я несогласный. Десятку срока мотать за нападение на «сотрудника» — тоже радости мало. Как вышло, так и вышло. Тем более, я слыхал, что лягавые своих стукачей отмазывают, если не на мокром попался... Так что ещё поживём...

— Заткнулся бы ты, а? — тоскливо сказал Куцый.

— А ты меня не затыкай, — оскалился Цыган. — Мы с тобой теперь одинаково ссученные. Нету больше паханов. Но это только для нас, — тут же поправился он. — Других мы завтра как надо на рога поставим. Все до одного только на цырлах бегать будут. Ты ж для них теперь «мокрушник», забыл, что ли? Пошли лучше водки выпьем, в «Голубой Дунай». А Лыцарю вон штаны сменить надо. Я ему счас чего-нито из последнего хабара подкину...

— Волыны нужны, — впервые подал голос Лыцарь. — Без них нам капец.

— На хрена козе баян? — косо глянул на приятеля Виктор. И тут его озарило: «Шлёпнуть этого гада и расписки забрать?»

— Ага, — иронично согласился Косой. — Только дома он их не оставит, а на службе под ним волкодавов, небось, тысячи.

— А ты что можешь предложить?

— Я думаю, если мы захватим Маркова, можем потребовать, чтобы этот жлоб вернул нам тетрадку. А если нет, мы генерала завалим. Джаба убедится, что мы не ссученные, а правильные. И поможет перед людьми оправдаться.

Идея Лыцаря была полным бредом. Но уголовники излишним интеллектом не блистали, и в безвыходном положении, в которое поставил их Лось, даже такой план действий показался спасительным.

— Ладно, — махнул рукой Куцубин. — Придётся идти к амбалу. Всё равно ссученными мы долго не проживём. А насчёт того, что лягавые своих отмазывают... Ты уверен, что теперь ты для Лося свой?

К Игорю Саввичу направились Куцый и Лыцарь. Цыган, держась за живот, сказал, что он лучше отлежится. Блондинкин фраер бить умел.

Амбал на сей раз в квартиру не пригласил. Закрыв огромным туловищем дверной проём, он с явным неудовольствием сказал: «Вы слишком часто тут не появляйтесь. Соседи обязательно сообщат, что повадились какие-то сомнительные типы».

— Нам — это, — зашептал Витек, морщась от боли в плече, копчике и вообще во всём организме сразу. — Нужны машинки, хотя бы штуки три, и маслята, обоймы по четыре. — Подумал и добавил: — Иначе просьбу Джабы Гивиевича выполнить очень затруднительно.

У здоровяка брови поползли из-под оправы очков.

— Машинки — это...

— Ну да. Лучше всего «ТТ».

— Вы в своём уме? — возмутился интеллигент. — Чтобы я вам доставал оружие...

Куцубин приложил палец к губам и издевательски показал глазами на двери соседних квартир.

— Мы же не налёты собираемся совершать. Нам волыны для самозащиты нужны. Неспокойно в Москве.

Игорь Саввич уже взял себя в руки.

— Я узнаю, — сухо сказал он. — Зайдите дня через три.

— Через три дня может быть поздно, — вмешался Косой. — И никто не узнает, где могилка моя, — с трагическим надрывом пропел он.

— Хорошо, — процедил атлет сквозь зубы. — Позвоните завтра. Из автомата, а то с вас станется... Ни о чём не спрашивайте, только назовитесь, да не именами, а так как-нибудь. Посланцы, что ли. Я скажу, да или нет.

Информация лейтенанта Сумовой о провокации, угрожавшей жизни фигуранта-2 операции «12 апостолов», которую курировал лично товарищ Сталин, была немедленно передана куратором лично Богдану Захаровичу Кобулову. Тот посчитал необходимым доложить о происшествии Лаврентию Павловичу, так как знал, что нарком проявлял интерес к возвращённым Вождём в строй командирам.

Берия выслушал заместителя очень внимательно.

— Чёрт знает что в Москве творится, — довольно улыбнулся он. — Значит, уголовники чуть было не зарезали заместителя начальника Управления охраны? И только наша сотрудница его вызволила? Это хорошо...

Немного подумав, Лаврентий Павлович задал неожиданный для Кобулова вопрос:

— А кто звонил этому Лосю, установили?

Богдан Захарович прошёл хорошую школу. Отправляясь с докладом к «шефу», он тщательно готовился.

— Самое интересное в ситуации, что на генерал-майора вышел резидент Ивакина. Тот самый его единственный канал связи со столицей, который мы ему оставили.

— Единственный? — снова усмехнулся Берия. — Мой старый друг Джаба не тот человек, чтобы удовольствоваться единственным каналом. Да ещё зная, что он контролируется. Поработай с резидентом. А дэбилов уголовных ты пока не трогай. Они ещё пригодятся. Очень, знаешь ли, полезный народ — дэбилы.

Перехватив удивлённый взгляд Кобулова, наркомвнудел пояснил:

— Нет у тебя артистизма мышления, Богдыхан. Они ведь охотятся на Лося? Где Лось, там и Марков. Помнишь, сколько сил пришлось потратить, чтобы доказать, что в Мироныча стрелял рогатый муж? И всё равно многие не поверили. А тут всё будет чисто. Исполнители — чистые уголовники, с нами никаких связей. Причина — ещё лагерные разборки. Так что ты, Богдан, этих... как их там, шушеру блатную, не трогай.

Игорь Саввич был бледен, губы дрожали, стекла очков затуманили слёзы ужаса.

— Я последний раз спрашиваю, — проговорил Богдан Захарович Кобулов, — кому вы сливали информацию о заданиях, которые получали от Джабы Ивакина? Надеюсь, как интеллигентный человек, вы обладаете развитым воображением. Вот и представьте себе картину того, что произойдёт, если вы откажетесь сотрудничать с органами.

— Я... Я готов рассказать всё, что знаю. — Атлет чуть не плакал. — Но поймите, я давал подписку о неразглашении. Получится, что я её нарушил?

— Кому вы давали подписку? — не повысив голоса, спросил замнаркома.

— Вам, — с отчаянием воскликнул молодой человек. — Органам.

— А вы знаете, кто перед вами?

— Нет. Наверное, вы следователь?

Допрашивающий презрительно ухмыльнулся:

— Я заместитель наркома внутренних дел товарища Лаврентия Павловича Берии Богдан Захарович Кобулов. Удостоверение показать?

Игорь Саввич заплакал, тихо подвывая и стирая слёзы со щёк огромными ладонями. Потом, захлёбываясь словами, стал колоться. Он рассказал, как добрый человек Джаба Ивакин заметил подающего надежды студента-историка, поддержал финансово, дал непыльную, но высокооплачиваемую работу научного секретаря. Когда искусствоведа-бандита арестовали, он оставил помощника «на связи». Через пару месяцев нагрянули чекисты.

— Меня возили во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Там так страшно...

Тут его и отыскал некто Аш Зиновий Ефимович, сотрудник органов, приласкал, вытащил из кутузки... И завербовал, обязав сообщать о каждом поручении профессора-бандита.

Богдан Захарович внимательно слушал, делая «вечным пером» пометки в толстой книжице в кожаном переплёте. История с поисками неведомого интеллигента Кобулова вроде бы и не заинтересовала. А когда атлет сообщил, что Куцый со своей бандой попросил достать огнестрельное оружие, на мясистом лице замнаркома обозначился интерес.

— Для чего им пистолеты? Они намерены совершить теракт против заместителя начальника Управления охраны?

— Не знаю, — растерянно ответил «амбал».

— Это необходимо выяснить. Когда уголовники начнут вилять, можете сообщить им, что знаете, что каждый дал подписку о сотрудничестве с органами и теперь они ссученные. Или козлы. И выбраться из этой щекотливой ситуации способны помочь только вы. Это поможет добиться полной откровенности. Впрочем, на их просьбы в разумных пределах можно откликаться. С моего, разумеется, ведома и с моей помощью.

С этого момента будете исполнять мои распоряжения. Не увиливая, конечно, и от приказов Ивакина, и от инструкций товарища Аша. Но о каждой просьбе вышеназванных будете сообщать вот по этому телефону. Подчёркиваю, даже если информация покажется незначительной, вы обязаны без промедления довести её до сведения моего сотрудника. Зарубите это себе на носу.

Амбал часто кивал, не сводя преданного взора со своего нового — и такого высокопоставленного — начальника.

— Конечно-конечно, даже не сомневайтесь. Выполню всё в наилучшем виде.

Богдан Захарович отослал сотрудников, так и не разрешив произвести полноценный обыск. Уже двинулся к двери, но обратил внимание на рояль:

— Это ваш инструмент?

— Да, — смутился Игорь Саввич, — на досуге музицирую понемножку.

Заместитель наркома вздохнул и попросил:

— Сыграйте «Аппассионату».

Атлет торопливо поднял крышку, пододвинул стул, бросил толстые пальцы на клавиши: «там-та-там, там-та-там, там-та-та-там».

— Нечеловеческая музыка, — растроганно сказал Кобулов, когда отзвучали последние аккорды. — Такое величие человеческого духа. После неё хочется всех подряд гладить по головке. А это сейчас нельзя. По черепам врагов надо бить, — он махнул тяжёлым кулаком, — бить, бить.

Резко повернулся и, не прощаясь, вышел.

ГЛАВА 9

Несмотря на сырость и навалившийся невесть откуда туман, у входа на Главпочтамт пахло свежепомолотыми кофейными зёрнами. Аромат разносился из магазина «Чай. Кофе», расположенного на

противоположной стороне неширокой Мясницкой улицы.

По тротуару валила густая толпа, хрустя полурастаявшим за день, а сейчас снова подмерзающим снежком. Тротуара не хватало, люди двигались и по проезжей части. Немногочисленные автомобили, в основном легковые, надрывно гудя, чуть ли не бамперами и крыльями прокладывали себе дорогу.

Перед ярко освещёнными окнами телефонного переговорного пункта силуэтами чернели те, кто назначил здесь встречу. Их тоже было немало. Сергей посмотрел на часы: без десяти восемь. Плюс-минут на пятнадцать девушка опоздает, они без того не могут. Марков вздохнул и решил присоединиться к ожидающим. Краем глаза заметил, как кто-то двинулся в его сторону. Длинное, словно шинель, пальто. Непокрытая голова. Лена. С нею высокая хорошенькая блондинка. Подруга? Или сестрёнка? Как, кстати, её зовут? Лена решила устроить ему смотрины? Одобрит более серёзная младшенькая нового знакомого или как? Генералу стало смешно. А ведь не только не опоздала, примчалась раньше, стоит в своих лёгких ботиночках на сыром снегу.

— Здравствуйте, Сергей, — как воспитанный ребёнок, произнесла студентка. Значит, сегодня она решила побыть Леночкой-девочкой.

— Я не опоздал, — для чего-то начал оправдываться Марков.

— Я знаю, — оборвала девушка и улыбнулась. — Позвольте вам представить, моя сестра Зинаида. — Блондинка протянула руку, офицер вежливо её пожал и принялся разглядывать Зинаиду, младшую сестру хулиганки Ленки. Мол, вы решили оценить меня? Так получите.

Девушки были полной противоположностью друг другу. Как негатив и позитив. Младшая — голубоглазая блондинка, а старшая — тёмно-русая с карими, почти

чёрными глазами. Зинка — высокая, с великолепной фигурой — одета в серое пальтецо с меховой опушкой на рукавах и по подолу. На ногах ботики, тоже с полосками меха поверху. Этакая Снегурочка, яркая и эффектная. На ее фоне Леночка с непокрытой головой, в чёрном пальто-шинели, сиротских ботиночках выглядела просто кукарачей, по популярной в недавние годы песенке из американского фильма о Панчо Вилье: «Он назвал меня сегодня кукарачей, а кукарача — это чёрный таракан». Вдобавок ко всему от холода она шмыгала покрасневшим носом. От этих мыслей Сергею стало смешно. Его, немолодого, видавшего виды мужика, разглядывают словно гуся на базаре и прикидывают, брать или ещё походить по рядам, две соплячки. Причём как минимум одна — в прямом смысле слова.

Зинаида скромно позволяла мужчине любоваться собой. Из-под опущенных длинных ресниц она, в свою очередь, разглядывала генерала, прикидывая, можно ли позволить Ленке водиться с этим типом или сразу дать ему отлуп и от ворот поворот.

Марков же размышлял, помешает его планам или нет присутствие сестрицы.

— Мне пора бежать, — произнесла блондинка, — оставляю Леночку на вашу ответственность. — Генерал попытался возразить, мол, куда же вы, но сам почувствовал, как неубедительно звучат его слова. Зинаида обняла сестру и что-то зашептала ей на ухо. Ленка фыркнула. Снегурочка улыбнулась Маркову. — До свидания, — и как бы ненароком спросила: — Ты сегодня ночуешь у мамы или...

— Не знаю ещё, наверное, у отца, — безмятежно ответила девчонка. «Размечтался, старый дурак», — подумал Марков.

Зинаида направилась к метро. Генерал решил брать инициативу в свои руки.

— Радость, мне нужна твоя помощь.

Ленка чуть откинула голову, чтобы смотреть Сергею в глаза. Было видно, что ей приятно обращение — Радость. Девушка улыбалась хитровато и кокетливо:

— Что я должна сделать?

— Хочу приобрести штатскую одежду: костюм, пальто, ботинки. Проконсультируешь, что нынче носят?

— Запросто. Пойдёмте.

Марков глянул на ботинки девушки.

— Давай возьмём такси.

— Да здесь рядом. По Кирова до площади Дзержинского, а там до ЦУМа рукой подать.

Но генерал уже махал рукой чёрной «Эмке».

Из покупки костюма, рубашек и галстуков девушка устроила настоящий спектакль. Она заставила Сергея перемерить чуть ли не всё, что было выставлено. Продавец, немолодой мужчина в синем саржевом халате, давно уже выгнал бы смешливую девицу в шею. Останавливала только форма и знаки различия Маркова.

В конце концов Ленка остановила выбор на коричневом пиджаке толстой шерсти (если бы командир получше разбирался в хитростях швейного дела, он знал бы, что такой покрой называется спортивным). Тёмно-серые свободного покроя брюки и чёрные ботинки дополнили наряд. Нашлось и солидное пальто-реглан. Форму и шинель с сапогами продавец аккуратно свернул, упаковал в плотную жёлтую бумагу и перевязал бумажным же шпагатом. Пистолет Марков сунул во внутренний карман пиджака. Его тут же перекосило в левую сторону. Пришлось подпоясать брюки широким офицерским ремнём и на него подвесить кобуру. Вручая генералу пакет, продавец шепнул:

— У вас очень требовательная дочь.

— Теперь пошли обувать тебя. — Сергей подхватил Лену под руку и чуть ли не силой повёл к отделу, торговавшему женской обувью. Девчонка пыталась возражать, мол, Золушке уже купили хрустальные ту-

фельки, хватит вводить в расходы доброго фея, но он не захотел ничего слушать: — Я забочусь о себе. Не дай бог, ты простудишься. И я лишусь удовольствия гулять с тобой по столице. Так что выполняй команду.

— Какой вы хитрый! — возмутилась девушка. Генерал довольно улыбнулся. Его тайный стратегический замысел сработал.

Елене удалось подобрать симпатичные ботиночки с меховой подкладкой. Пока Радость мерила обувь, Марков любовался маленькими изящными стопами, которые не могли изуродовать даже толстые вязаные носки.

Из магазина вышли с объёмистыми пакетами и коробками с сапогами Маркова и старыми Ленкиными ботинками.

— Ну что, — спросил Марков, — забросим барахло ко мне и посидим где-нибудь в ресторане?

Девушка серьёзно посмотрела в глаза мужчине и сказала с непонятной интонацией:

— Завезём.

Через двадцать минут генерал отпер дверь своей квартиры, включил свет в прихожей и сделал приглашающий жест.

Лена смело шагнула через порог и принялась разуваться.

— Оставь, — сказал Марков. Он, не разворачивая, сунул пакеты в полупустой шкаф.

— Всё, Радость, можем ехать.

Девушка даже не пошевелилась. Она стояла чуть запрокинув голову, глубоко засунув руки в карманы пальто и смотрела на Сергея.

— Господи, какой же я дурак, — подумал Марков, сделал шаг вперёд, взял в ладони Ленкину голову, медленно наклонился к лицу и поцеловал её в сухие губы.

Вряд ли можно считать излишне романтичным человека, который с пятнадцати лет участвовал в Гражданской войне, посвятил себя военному искусству, то есть сделал профессией уничтожение живой

силы противника, читай — убийство; видел допросы, тюрьмы, лагеря — и своды самых высоких кабинетов. Во всяком случае, сам Сергей Петрович Марков мог бы назвать себя Гильгамешем, «всё повидавшим», если бы знал о таком мифическом персонаже.

Но в отношениях с противоположным полом он был романтиком, чтобы не сказать хуже. Психоаналитик заявил бы, что идеалом для Маркова была тургеневская девушка: сплошные духовные искания, тонкая организация внутреннего мира и полное отсутствие телесных страстей и желаний. Это при том, что романы Ивана Сергеевича Марков терпеть не мог (прочитал еще в отрочестве «Дворянское гнездо» и не то «Дым», не то ещё что-то). И никаким образом подобный образ не совпадал с эталоном молодой строительницы социализма — передовика производства, типа трактористки Паши Ангелиной, могучей комсомолки с картин Дейнеки, вполне годящейся на роль заряжающей в гаубичной батарее.

Личный опыт ограничился общением с бывшей супругой, на которой тогда ещё подполковник Марков женился скорее по недоразумению. Этот брак воистину был заключён на небесах, только не церковных, а коммунистических, потому как предприимчивая бабёнка уже через неделю «близких отношений» пригрозила пожаловаться комиссару, если Сергей не пожелает «расписаться». Так что даже арест имел свою хорошую сторону — помог избавиться от этой обузы.

Но возможности скорректировать свои представления о женской душе с реальностью у Сергея были минимальные.

Потому, когда Лена почти силой затащила Маркова в постель, генерал был поражён и даже шокирован. По его представлениям, он должен был добиваться этого счастья месяцами платонических ухаживаний. Хотя с бывшей женой у него вышло точно так же: два совместных похода в кино, ресторан — и в койку.

Всё получилось слишком быстро. На то, что его Радость совсем даже не девушка, Сергей внимания не обратил, просто никогда, с самой Гражданской, с «девушками» дела не имел.

Не успели они прийти в себя, как в дверь позвонили.

— Нет, — вскрикнула Лена, но тут же торопливо начала натягивать платье прямо на голое тело.

— Ага! Никого нет дома, — согласился Марков, одеваясь, как по тревоге. Это же мог быть посыльный из штаба, мало ли что?

— Иди туда, — указал он на дверь соседней комнаты, направляясь в коридор.

Осторожно выглянул в глазок, будто боялся, что его могут увидеть снаружи. На площадке переминался Лось, в гимнастёрке без ремня, в галифе и домашних шлёпанцах.

Марков облегчённо вздохнул и почти на цыпочках вернулся в комнату. Звонок прозвенел ещё три раза и смолк.

Сергей вошёл в комнату, где спряталась Лена, и застыл, словно соляная статуя. Девушка стояла перед зеркалом совершенно обнажённая и медленно поворачивалась, осматривая себя со всех сторон. Лицо у неё было совершенно незнакомым — ничего от той почти девчонки, какой она старательно прикидывалась. Довольная собой и сознающая свою красоту юная женщина. Великолепная гармоничная фигурка, крепкие, торчащие вверх и в стороны груди, подтянутый живот, очень даже соразмерные ноги, и изгиб бедра вполне изящно выписан. Голову она чуть откинула назад и улыбалась.

— Ты... ты потрясающая, Радость, — хрипло проговорил Сергей. — К тебе даже страшно прикоснуться...

— Прикоснулся же, и ничего, — засмеялась Елена Прекрасная, как назвал её Сталин. — Пойдём, — взяла она генерала за руку и потянула за собой. — Ты так спешил, что я даже ничего почувствовать не успела...

В постели он принялся целовать её лицо, глаза, упругую грудь, гладить и сжимать пальцами сильные бёдра. Через несколько минут Радость задышала прерывисто и часто, застонала:

— Хочу. Хочу тебя, — выгнулась и с неожиданной силой обхватила плечи любовника. — Ну, давай, давай скорее, не могу-у...

На этот раз страсть была куда более бурной и долгой. Девушка выгибалась, запрокидывая голову, то вскрикивала, то вдруг начинала низким грудным голосом повторять нечто совсем неприличное, но сейчас эти слова из девичьих уст совсем не шокировали Сергея, наоборот, ещё больше возбуждали.

Потом они лежали обнявшись. Девушка удобно устроилась на его груди. Марков боялся вздохнуть во всю силу лёгких, чтобы не потревожить райскую птичку, случайно залетевшую в его жизнь. Он был полон нежности к этой прелестной, хулиганистой, удивительной девчонке. Да какой там девчонке, никогда он даже мысленно не произнесёт этого слова. Афродита какая-то. Ну и студентки нынче пошли!

Лена вдруг резко села, откинула волосы со лба.

— Тебе было хорошо? Мне тоже. Сейчас я бы с удовольствием хорошенько подкормилась. Но сначала — в душ.

Когда едва прикрытая полотенцем Лена появилась на кухне, она с усмешкой изрекла пришедшую на ум во время купания фразу:

— Они жили долго и счастливо и умерли в один день.

— Что? — переспросил от неожиданности Сергей.

— Жизнь сказочно прекрасна, — засмеялась Ленка, — и большую её часть я предпочла бы провести в постели. С тобой.

Марков подумал, в обычном для нормального мужчины после такого дела настроении, что это наверняка было бы невыносимо скучно. И даже мучительно. Но не сказал ничего, только улыбнулся и кивнул.

На кухне Лена, не переставая восхищаться достижениями буржуйской науки и техники, а также доступным красным командирам изобилием, соорудила роскошный по полуголодным московским временам холодный полуобед-полуужин. Из горячего у неё кое-как получилась яичница, да Сергей, подключившись, вывалил на сковородку банку говяжьей тушёнки с гречневой кашей.

— На тарелки перекладывать или прямо из сковородок будем есть?

— Еще лишнюю посуду мыть, — шутливо возразил Марков. Действительно, самому ему этим заниматься не хотелось, а гостью в первый раз заставлять — неудобно.

— Мне нравится ход ваших мыслей, — засмеялась хулиганка, раскладывая вилки и ножи.

— А как трапеза прямо со сковородок сочетается с заветами вашей баронессы? — ехидно осведомился Сергей.

— Важен в поэме стиль, отвечающий теме, — показала язык Радость. — Не вижу здесь аристократического общества. Ты как в анкете пишешь?

— Из сельского пролетариата...

— Ну вот. Какие в селе тарелки? Глиняные миски разве...

Генерал достал из холодильника початую бутылку водки, из буфета — закупоренные с коньяком и массандровским мускатом.

— Надо бы отметить... знакомство.

Лена опять фыркнула:

— А у нас в институте говорят: «Постель — это ещё не повод для знакомства»...

— Нравы там у вас...

— Свободные, революционные. По заветам товарищей Коллонтай и Рейснер... А ты против?

— Да мне-то что. Раз революционные — тогда водки. Мускат тоже буржуазный пережиток.

Марков налил в зеленоватые гранёные рюмки ледяной жидкости.

— Говорите тост, — приказала Ленка.

— Тосты — тоже буржуазный пережиток...

В дверь снова позвонили.

Любовники поставили непригубленные посудины на столешницу.

— Это Володя Лось, — тихо сказал Марков. — Он не отступится, я его знаю.

В подтверждение раздался голос из коридора:

— Открывай, Сарожа. Пришла пора показать нам твою девушку.

Ленка и Сергей метнулись в спальню. Мужчина впрыгнул в чёрные сатиновые трусы, натянул новые брюки, рубашку. Девчонка надела платьице прямо на голое тело. Торопливо подбежали к двери, хозяин отпер и впустил Лося и Люсечку.

Владимир держал в руке бутылку коньяка «Арарат».

— И не думай кого-то с кем-то знакомить, пока не сядем за стол, — громыхал он, по-свойски проходя прямо на кухню. Люсечка явилась с корзиной, из которой на стол тут же были выставлены винегрет домашнего приготовления, свиное жаркое, горячая отварная картошка. Ленкину стряпню отставили на печку. Блондинка пошарила по шкафам, отыскала тарелки, вилки и ножи. Мужчины за это время успели только опрокинуть внутрь невыпитую водку, выставить ещё пару стопок да наполнить все четыре коньяком. Все приготовления совершались в полнейшем молчании. Только когда стол был готов к трапезе и участники вечери расселись, Лось произнёс:

— И как зовут прелестную незнакомку?

Ленка здраво рассудила: где что лежит, стоит и вообще хранится, она в этой квартире не знает и во время гастрономического аврала будет только зря путаться под ногами. Потому всеобщую суету девчонка

переждала, прислонившись к стене у окна. Несколько раз она ловила на себе взгляды Люсечки, не то чтобы недоброжелательные, скорее пристально изучающие. Так снайпер смотрит на возможную мишень. Как на объект будущей работы. Ненавидеть его при этом не обязательно.

Услыхав вопрос Владимира, она шагнула к столу, изобразила книксен и представилась:

— Лена Корлюченко, третий курс филологии ИФЛИ.

— Люба нам Лена, — улыбнулся Лось.

Девушка подошла и уселась рядом с Сергеем.

— Это — Люсечка. — Марков улыбнулся фарфоровой подружке приятеля. — А это мой лучший друг. Любить его я тебя не прошу, ревновать буду, а жаловать надо.

Церемонно чокнулись и опрокинули сосуды. У Ленки от ароматной крепкой жидкости перехватило горло.

— Подруга, ты быстрее закусывай, — прощебетала Люсечка.

Компания накинулась на еду. Марков перебрасывал кусок мяса от одной щеки к другой, пытаясь разжевать его качающимися зубами, и разглядывал девушек. Ленка и Люсечка, примерно одного роста, одинаково красиво сложенные, были противоположностями. Нежное, мягкое лицо голубоглазой блондиночки контрастировало с резкими чертами и острым носом смугловатой Ленки. Люсечка выглядела прелестной кошечкой. Радость была похожа на экзотическую птицу, невесть как очутившуюся в заснеженной Москве.

— Второй тост у нас всегда один, — крепко держал бразды правления застольем Володя. — За мудрого вождя и учителя, товарища Сталина. — И Лось поднялся во весь свой почти двухметровый рост. За ним вспорхнула Люсечка. Встал, отодвигая стул, Марков. Ленка присоединилась, держа вновь наполненную стопку. Выпили.

— Иосиф Виссарионович показался мне очень милым и добрым человеком, — сказала Елена, когда все вновь уселись. Похоже, коньяк ударил девчонке в голову.

— А ты видела Сталина, подруга? — недоверчиво спросила Люсечка. — Когда и где?

— Сергей, — студентка замялась. Отчества Маркова она не помнила, а называть просто по имени стеснялась, — пригласил меня на приём. Там ещё была Орлова. И Эйзенштейн, и Пудовкин!

Блондинка выразительно глянула на Лося. Тот развёл руками.

— Меня на приёмы Хозяин не зовёт.

— Созрел тост, — вмешался Марков. Он заметил ревниво-завистливый блеск в голубеньких глазках Володиной пассии и решил снять напряжение. — За прекрасных дам, которые освещают своим присутствием это убогое помещение.

Гигант быстро налил и поддержал друга: «За баб-с!» Наградой ему стали возмущённые взгляды и Белоснежки, и Смуглянки. Но вроде бы неизвестно откуда возникшее напряжение чуть ослабло.

— А музыка в этом доме есть? — слегка заплетающимся языком вымолвила, отправив в рот кусочек свинины, Люсечка.

Хозяин квартиры галантно вскочил:

— Прошу! — И, показав, рукой направление, провёл компанию в соседнюю комнату, где и было установлено чудо капиталистической техники. Дамы и Лось озадаченно глядели на огромный, более чем в половину роста Маркова, резной деревянный шкаф. Дней пять назад точно так же пялился на него и сам Сергей. Зато сейчас он небрежным движением открыл дверцу и продемонстрировал приёмник, приспособление для проигрывания пластинок, сами диски.

Леночка, ойкнув, присела и принялась перебирать яркие пакеты.

— Элла Фицджеральд, — вскрикнула она, — Глен Миллер! Даже Сэчмо есть.

— А ты что, по-иностранному читаешь, подруга? — со странной интонацией спросила Люсечка.

— У нас кафедра английского, знаешь, какая сильная, — ответила студентка, не отрываясь от изучения неожиданно открывшихся богатств. Она повернула голову к Маркову: — Можно?

Владелец с улыбкой кивнул. Девчонка вынула из бумажного «платья» чёрный блин, аккуратно сдула с него невидимую пыль, щелкнула каким-то рычажком. Завертелась подставка, покрытая бархатной тканью. Радость осторожно опустила на неё диск, ловко попала на край толстой лапой. Раздалось шипение, и вдруг громко грянул сладенький дуэт из фильма «Серенада Солнечной долины» «Знаю я, и знаешь ты».

Люсечка ловко крутанулась и пригласила Сергея. Генерал танцевать не умел. Хотя он и был без обуви, наступить на ногу хрупкой «фарфоровой кукле» опасался. Блондинка тесно прижималась к мужчине, двигала бёдрами. Маркову даже стало чуть-чуть неловко перед Володей.

Впрочем, Лось уже пригласил Ленку. Они сразу же «притёрлись» друг к другу, двигались легко, красиво. Девушка просто танцевала, не пытаясь, в отличие от Белоснежки, демонстрировать какие-то «сексуальные моменты». И всё равно Марков ощутил дуновение ревности. Никаких причин для этого не было. Но...

— Вы посмотрите, — шутливо возмутилась Люсечка, — я тут из платья вон вылезаю, а он всё равно со своей красавицы глаз не сводит. Всё, вперёд танцую только с тобой, Володечка. Ты, надеюсь, возражать не будешь, — Лось расплылся в блаженной улыбке.

Было уже около полуночи, когда Люсечка прекратила веселье.

— Всё, народ, завтра на службу. Не выспимся, будут головы болеть, и работать не сможем.

Марков и Ленка проводили гостей. Мужчины пожали друг другу руки, девочки расцеловались.

Закрыв за Лосем и Белоснежкой дверь, Радость прислонилась спиной к полотнищу.

— Ой, ноги не держат.

Марков подхватил девушку на руки.

— Поехали отдыхать.

Ленка обхватила его за шею и шепнула на ухо:

— А вы так устали, что собираетесь сразу спать?

— Интересно мне, где твой дружок-корешок нашёл эту поблядушку? — осведомилась Люсечка, поднимаясь по лестнице.

— Ну зачем ты так, по-моему, симпатичная девчушка, — примирительно пробасил Владимир. — Студентка.

— Знаем мы этих студенток, — ядовито прошипела блондинка. — Каждая девка норовит попасть под полковника. А эта умудрилась сразу под генерал-полковника подлезть. И сразу она у Самого на приёме подолом вертит, и с Орловой она уже чуть ли не в подружках. А тут лямку тянешь всю жизнь, из шкуры вылезаешь, и что?

— Перестань. Ну, понравилась Серёже смугляночка, он хвост и распушил...

— А ты заметил, чем она ему понравилась?

— Все вы, бабы, мужикам одним нравитесь, — ухмыльнулся Лось.

— А ты заметил, что у неё под платьем ничего не было?

— Я с нею танцевал, ничего не понял, а ты... Ну, подруги, — почесал в затылке гигант.

Естественно, утром они проспали. Ленка одевалась со скоростью бывалого сержанта и ругалась почти так же:

— Первая лекция — декана. Ох, он мне устроит!

— Не суетись, — смеялся Марков, — моя вина, мне и исправлять. Довезу. Где этот твой ИФЛИ?

— В Ростокино.

Алексей снял трубку и набрал номер адъютанта.

— Я задержусь минут на сорок. Сверхсрочного ничего? Хорошо, предупредите товарищей.

Проехав Сокольнический парк, автомобиль остановился у входа в большой деревянный дом по адресу Большой Трубецкой переулок, 18. Сергей открыл дверцу, выпуская свою даму.

— Позвонишь мне, Радость?

— Обязательно, — ответила девчонка, стремительно выскочила из салона и... Подвели новые ботинки, привыкнуть к которым не было времени, — шлёпнулась на мокрый снег, чуть ли не под ноги мужчине в чёрном пальто с каракулевым воротником, цыгейковой шапке и туфлях с галошами.

— Ой, здравствуйте, Николай Каллиникович, — выпалила студентка, села и приняла вид пай-девочки. Марков бросился поднимать Ленку. Преподаватель ожидал, пока закончатся спасательные работы, он только переложил из руки в руку объёмистый портфель. Когда Сергей поставил студентку на ноги, каракулевый воротник сухо произнёс:

— Здравствуйте, Корлюченко, — неодобрительным взглядом окинул чёрную «Эмку» и генерала со всеми его знаками различия и направился к двери. Ленка сделала страшные глаза, одними губами шепнула: «Сам» и метнулась ко входу.

Она вихрем пронеслась мимо крепкого парня лет тридцати в чёрном кожане, галифе, офицерских сапогах, но с непокрытой головой, который стоял на крыльце. В выражении лица, в спортивной фигуре, в свободных, даже чуть нагловатых манерах этого человека читалась принадлежность его к «органам».

— Товарищ Гудзий? — обратился он к мужчине с портфелем. Тот остановился:

— Да.

— Хрусталёв моя фамилия. Это я вам звонил.

— Что вы все сразу навалились, — не сдержал вспышки раздражения филолог. И тут же взял себя в руки: — Что же, — произнес декан, — прошу, — и пропустил гостя вперёд.

Проводив Радость взглядом, Марков сел в машину и приказал:

— На службу.

Полковник Шкарбут, помощник Маркова и хозяин просторной приёмной перед кабинетом командующего Московским военным округом, вскочил из-за стола и вытянулся «во фрунт». Обычно Филипп Максимович ограничивался вставанием и уставным приветствием, без парадировок. Значит, сейчас в комнате присутствовал кто-то чужой?

Сергей Петрович обвёл взглядом помещение. В дальнем углу, у окна, появился ещё один стол, увенчанный огромной пишущей машинкой. Из-за металлической каретки виднелась вороная шевелюра приданной к аппарату дамы. Так вот почему полковник устраивает цирковое парад-алле: перед новой сотрудницей. Товарищ Шкарбут большой ходок, ни одну юбку своим вниманием не оставит.

Пишбарышня тоже вскочила. Марков увидел красивое смуглое лицо, красную розу над правым ухом. «Кармен».

— Товарищ командующий военным округом, — отрапортовала вчерашняя знакомая, подружка Люсечки, сюрприз. — Спецмашинистка Доброслонова прибыла для прохождения службы.

— Татьяна... — генерал-полковник замялся.

— Сергеевна, — подсказала брюнетка.

— Почему же вы вчера не сказали, что прикомандированы ко мне?

— Во-первых, вы не спрашивали, вы так спешили, — сверкнула улыбкой девушка. — А во-вторых,

до сегодняшнего утра я и сама не знала, куда направят. Но не беспокойтесь, у меня скорость больше пятидесяти знаков в минуту, знаю три языка. И имею допуск третьего уровня секретности. — Тата сделала паузу и добавила совсем тихо, чтобы не услышал Шкарбут: — Я так счастлива, что меня направили именно к вам. Я вчера... Если бы мы не выпили перед вашим приходом шампанского, я никогда бы не осмелилась признаться. — Девушка тряхнула густой чёрной гривой, закусила нижнюю губу и посмотрела в глаза Маркову. Он с изумлением увидел, как влажная чёрная радужка изменила цвет, превратилась в тёмно-синюю. Не очи, а бездонные омуты. — Я, правда, заочно влюбилась в вас. По рассказам Люськи. Прямо по Шекспиру — «она его за муки полюбила...».

«Какой ещё Шекспир, что за муки», — с досадой подумал Сергей. Никогда он не считал какими-то страданиями ни годы Гражданской, ни арест, ни лесоповал. Было негодование на тупость энкавэдэшников, убивающее ощущение бессмысленно уходящего времени. Но строить из себя страстотерпца? Бред какой-то. А глаза у девчонки изумительные... Но. Только вчера её настойчиво «рекомендовала» Люсечка, сегодня Татьяна оказывается личной машинисткой. Почему эту Кармен-ситу так грубо подводят к генералу? Прямо навязывают.

— А у моего предшественника была спецмашинистка? — спросил командующий округом.

— А как же, — воскликнул Шкарбут. — Положена по штатному расписанию для оформления секретных документов, а также для перевода разведдонесений и материалов, касающихся армий возможных противников из открытых и закрытых источников. Только свою Машеньку предыдущий командующий округом с собой забрал, — и Филипп Максимович горестно вздохнул, бросив взгляд на Татьяну.

— Хорошо, — сказал Сергей Петрович. — Зайдите ко мне.

Помощник прихватил папку с вновь поступившими документами и поспешил за командиром.

— Решение о прикомандировании этой женщины принято сегодня?

— Никак нет, ещё неделю назад. А прислали её из спецотдела нынче утром, — удивлённо отрапортовал Шкарбут и перешёл на свойский тон: — А что, Сергей Петрович, девчонка вам не нравится? Роскошный бабец. Ух, цыганочка!

— Ладно, — махнул рукой Марков. — Пусть трудится.

В конце концов, мало ли какие совпадения рождаются в не подвластных уму лабиринтах бюрократии. Может, и впрямь, случайность. Не может же, на самом деле, так грубо работать всесильная контрразведка.

Иван Васильевич Хрусталёв довольно легко, несколькими телефонными звонками, выяснил, что в среде серьёзных историков библиотека Ивана Грозного, план тайных кремлёвских переходов и прочие экзотические сюжеты считаются не вполне приличными. Вроде как изучение похождений знаменитых пиратов, флибустьеров и каперов — занятие либо для подростков, либо для авторов развлекательных романов.

Однако в каждом стаде найдётся паршивая овца. Таким изгоем оказался профессор Игорь Васильевич Киселёв. Вроде настоящий учёный, автор солидных монографий о классовой сути политики Василия Шуйского. И на тебе, «заболел» темой подземных сооружений в русских монастырях, принялся разыскивать якобы оставленный Аристотелем Фиораванти, проходимцем-фрязином, который начал возводить на Руси каменные храмы, план хитрой системы скрытых комнат и ходов, которые якобы были проложены в зданиях Московского Кремля. Чтобы не совсем потерять лицо в глазах коллег, Игорь Васильевич утверждал, будто работает над приключенческой повестью.

Потому профессору Киселёву и предоставили мизерную должность старшего преподавателя, причём не на историческом факультете, а на филологии.

Пока доцент Гудзий вел Хрусталёва к своему кабинету. Они шли по длинному прямому коридору, который впадал в расширения — рекреации, насквозь пронзал большой актовый зал и превращался в тёмный узкий ход без окон. В сумеречном освещении следовало свернуть налево, подняться по узкой лесенке на второй этаж, оказаться в лекционной аудитории со скамьями, поставленными амфитеатром, просочиться невидимыми за последним, самым высоким рядом сидений и выйти в другой актовый зал, поменьше, но украшенный сценой с красным бархатным задником и кулисами. Здесь стояла трибуна, стол президиума и большой мраморный бюст Сталина. Декан отодвинул левую кулису. За нею обнаружилась деревянная дверь. Гудзий вынул из внутреннего кармана пальто ключи, отпер и сделал приглашающий жест.

Кабинет Николая Каллиниковича располагался в чулане площадью около шести квадратных метров. Небольшой письменный стол, сейф, книжный шкаф и два стула полностью съедали пространство. Учёный снял пальто, боком протиснулся к своему месту, предложив Хрусталёву занять место посетителя.

— Какие у вас лабиринты, — широко улыбнулся Иван Васильевич. — Побродишь по ним и поневоле поверишь в потайные ходы и в фамильные привидения.

— Здание старое, приспособленное, — сухо пояснил Гудзий. — Извините, у меня сейчас лекция. Если можно, приступим к делу.

— Меня интересует профессор Киселёв и его исследования, — сказал сотрудник службы охраны.

Декан удивлённо посмотрел на него:

— Игорь Васильевич Киселёв год назад арестован вместе с двумя его аспирантами и с группой из пят-

надцати студентов по обвинению в создании троцкистской ячейки.

Хрусталёв мысленно обругал себя за торопливость. Нужно было сначала собрать более полную информацию об этом хреновом исследователе.

— Надо думать, архивы...

— Естественно, все бумаги были изъяты, — подтвердил Гудзий. — Мы обсудили эту позорную историю на открытом партсобрании, разработали план деятельности коммунистов по противодействию уклонистам. Отдельную политически-воспитательную работу ведёт комсомольская организация. Показать стенограммы и перечень индивидуальных поручений членам ВКП (б) и Ленинского Союза молодёжи?

— Не стоит. Подумайте, не могли ли у кого-то сохраниться копии конспектов лекций Киселёва, неопубликованные статьи. В конце концов, он же писал книжку. Может, друзья, любимые ученики забыли сдать какие-то подготовительные материалы или варианты текста?

— Друзей у Игоря Васильевича в этих стенах не было. Особенности характера, знаете ли. Его за глаза называли Кися Лёв. От мурлыкания к неудержимому гневу без перехода. Мог коллегу обозвать неучем или вообще полным кретином. Так что, извините, предположение о каких-то забытых рукописях маловероятно.

— Запишите мой номер телефона, — предложил Хрусталёв. — Если, паче чаяния, что-либо всплывёт, сообщите.

Декан кивнул. И тут Иван Васильевич вспомнил о мгновенной вспышке гнева Гудзия и непонятной, а потому странной фразе, вырвавшейся у Николая Каллиниковича в самом начале встречи.

— Ваши слова про то, что мы «все сразу навалились», относятся к следственным мероприятиям по делу троцкистской группы Киселёва? — равнодушно спросил он.

Руководитель филфака замялся:

— Я подписал...

— Вы же понимаете, что на моих коллег и меня ваша подписка о неразглашении не распространяется, — успокоил Хрусталев.

— Позавчера и вчера приходили люди от вас.

— От кого — «от нас»?

— Ну, из органов.

— Они интересовались трудами Киселёва? — насторожился агент Лося.

— Отнюдь. Дела давно минувших дней занимают только вас. Эти, вчерашний и позавчерашние, задавали вопросы о настроениях студентов, об их образе жизни, о знакомствах. У меня создалось впечатление, будто они пытались пристально, но незаметно собрать информацию о ком-то из наших воспитанников.

— О ком? — в лоб спросил Иван Васильевич.

— Не могу поручиться с полной ответственностью... — замялся Гудзий.

— Ну, — почти угрожающе буркнул сотрудник службы охраны. Он и сам не мог бы объяснить, почему затеял расспросы о чужой операции, явно не имеющей касательства к его заданию. Сработал инстинкт опера — раз здесь топчутся соседи, значит, что-то припрятано.

— Есть у нас девушка — Елена Корлюченко. Вполне себе заурядная, крупного филолога из неё, убеждён, не получится. Но расспросы в конечном счете приводили к её окружению и к её персоне.

— И ради ничем не блещущей студентки сотрудники НКВД приходили дважды?

— Видите ли, — Николай Каллиникович потрогал узел галстука и бросил умоляющий взгляд на замучившего вопросами страшного молодого человека, — у меня сложилось впечатление, возможно ошибочное, что то были люди из разных организаций. Хотя удостоверения у всех были одного образца — НКВД.

Но они вели себя не одинаково, каждый ставил вопросы по-иному.

Хрусталёв задумался. Предположим, в круг зрения ГУГБ попала какая-то заурядная девка. Собирать о ней сведения, двигаясь на цыпочках? Генералов и маршалов просто брали за кадык и тащили на цугундер. А вокруг соплячки спляшем танец краковяк с чечёткой?

А чтобы ничем не блещущая ссыкушка заставила красться секретные службы, такого Иван Васильевич, не первый год пахавший каменистые поля сыска, просто не мог себе представить. В любом случае об этом следовало доложить начальству.

— Напишите мне справку об этой вашей Корлюченко, — приказал он. Гудзий бросил отчаянный взгляд, губы задрожали. — Справку только об этой девице. Всё, что о ней известно. Об интересе органов к данной фигурантке можете не писать.

— Я вам дам копию характеристики, которая подготовлена для... — декан замялся, подбирая слово, — предшественников.

— Давайте, — кивнул Хрусталёв. — И напишите ещё одну, включите туда всё, что посчитали неважным для... предшественников. А если обнаружится что-то связанное с профессором Киселёвым, тут же позвоните.

У самого выхода сотрудник охраны вдруг ощутил позыв. Будь ты гений или идиот, будь даже функционером НКВД, каждые несколько часов приходится спускаться с государственных высот на грешную землю и посещать туалет. Иван Васильевич остановил пробегавшего мимо очкарика. Тот указал нужное направление — в пристройке первого этажа.

Сортир был как сортир, только почему-то чистый. Справляя нужду, офицер скользил глазами по грубо выбеленным стенам. В глаза бросилась надпись, сделанная карандашом: «А мы — умы. А вы — увы».

«Нормальные пацаны похабщину рисуют и слова соответствующие пишут», — с раздражением подумал Хрусталев. Институт философии, литературы и истории ему не понравился.

Вернувшись в кабинет, Иван Васильевич позвонил Петру Лозгачёву, коллеге по следственной работе и, можно сказать, приятелю. Хрусталёву повезло: Петя оказался в курсе дела профессора Киселёва.

— Обычный вариант, — сказал Лозгачёв в трубку. На «птичьем языке» НКВД это обозначало: полная липа. — Интеллигенты. Признали всё.

— Десять лет? — уточнил Иван.

— Ага. Без права переписки. (Читай, расстреляны.)

— А не знаешь, часом, куда передали архивы учёного?

— Да как-то не интересовался. Тебе срочно?

— Начальство давит. Какие-то бумажки профессора моему командиру понадобились.

— Оставь номер, поспрашиваю ребят и перезвоню.

Через полчаса Лозгачёв сообщил, что все архивы по данному делу до последнего обрывка тетрадного листика уничтожены.

Повесив трубку, Хрусталёв задумался. Два десятка не виновных ни словом, ни делом, безобидных «очкариков» подвели под «вышку». Этим никого не удивишь, видывали и не такое. А вот случая, чтобы все документы по делу жгли подчистую, на его памяти не было. И это было странно. Создавалось ощущение, что органы убрали и зачистили следы какой-то тайны. Если так, лезть в это дело не стоило. Можно привлечь внимание того, кто всё это организовал, к собственной скромной (профессиональный опыт научил Ивана Васильевича не переоценивать свою значимость) персоне. Излишняя информированность часто оказывается несовместимой с жизнью.

Не мудрствуя далее, майор решил доложить результат Лосю. У генерала кресло выше и кругозор шире. Пусть он и решает, кому на Руси жить хорошо, кто виноват и что делать.

Телефонный звонок раздался неожиданно, Иван Васильевич даже вздрогнул.

— Слушаю, Хрусталёв, — произнёс бывший следователь.

— Это Гудзий, — зазвучал сухой голос. — Вы просили сообщить, если что-либо вдруг всплывёт.

— Слушаю вас, Николай Каллиникович, — повторил майор.

— У нас готовится научный сборник. Он должен был включать среди прочих и статью профессора Киселёва. Ваши коллеги, естественно, изъяли гранки и оригинал, отпечатанный на машинке. Но я выяснил, что Игорь Васильевич переделывал свой опус многократно. И один из рукописных фрагментов совершенно случайно, уверяю вас, абсолютно случайно, остался у научного редактора доцента Радцига. Эти листки просто завалились под днище выдвижного ящика письменного стола...

«Ну и зануда, — подумал Хрусталёв. — Всё обскажет подробнейшим образом, до сути пятнадцать минут разъяснений. Бедные студенты». Но тут ему вспомнилось: «А мы — умы...», и сочувствие к ученикам Гудзия улетучилось.

— Где сейчас этот документ? — спросил он.

— Отрывок статьи? Вот он, передо мной.

— Никуда не выходите из кабинета. Не выпускайте бумажки из рук. Я сейчас приеду. Кстати, кто знает об этой находке?

— Только я и Радциг.

— Позаботьтесь, чтобы никто не услышал о факте сокрытия важных улик от следственных органов. Что за это бывает, знаете?

— Но ведь всё произошло совершенно случайно, — испуганно пролепетал декан.

— Разберёмся. Ждите.

Через полтора часа Иван Васильевич сидел в крохотной каморке декана филологического факультета и вчитывался в крупные корявые каракули покойного профессора Киселёва. Очевидно, это действительно был обрывок статьи, без начала и без конца:

Аристотель Фиораванти при строительстве московского храма Успения следовал установившемуся на Руси ордеру. Числовые соотношения высоты, длины и ширины собора, положенные в его основание, имели мистическое значение. Число «10» считалось пифагорейцами самым совершенным числом, положенным в основание всего существующего, а производные от десяти — заключающими это совершенство. Число «100» есть десять, помноженное на десять, и воспринимается как наивысшее совершенство. Именно это число «100» составляется в сумме трёх чисел, указанных варягу Шимону для построения храма Успения: 20+30+50=100.

То, что Московский Кремль, первую каменную крепость на Руси, построил итальянский еврей Аристотель Фиораванти, может показаться парадоксом. На самом деле здесь прослеживается глубокая внутренняя логика. «КРЕМЛЬ» — это сжатое еврейское слово КАРМЭЛЬ. Так евреи хазарской столицы в память о знаменитой горе на своей прародине в Эрэц Исраэль назвали своё первое укрепление, возвышавшееся над местностью. Позже это имя собственное превратилось в имя нарицательное, «кремлём» хазары стали называть любое оборонительное укрепление на холме. В случае опасности нападения на город в кремле укрывали прежде всего детей. Поэтому его называли ещё и словом «детинец».

Помимо наземных сооружений — стен, башен и храмов — итальянцы, как полагают, соорудили в недрах Боровицкого холма целую сеть подземных тайников, где укрывались сокровища царской фамилии, в том чис-

ле и легендарная библиотека Ивана Грозного. В первой половине XX века исследования кремлёвских подземелий вел археолог И. Я. Стеллецкий. Он пришёл к выводу, что начиная с XV века под городом была создана сеть подземных лабиринтов и «палат», в большинстве случаев связанных между собою. Боровицкий холм, на котором стоит Кремль, имеет множество подземных сооружений, причём в их число включены пещеры времён неолита, которые Фиораванти расчистил и соединил подземными ходами. Задачей преемника Фиораванти — Пьетро Антонио Солари — было, по мнению Стеллецкого, «тщательно увязать подземный Кремль с наземным». Солари возводил, в частности, наиболее уязвимую восточную часть Кремля, и все его постройки несут в себе элемент загадки. Такова, например, Сенатская башня, которая, при расчистке в 20-х годах нынешнего столетия, оказалась «колодцем неизвестной глубины». Стеллецкий полагал, что эта башня — «общекремлёвский люк в подземную Москву». Такова и Арсенальная (Собакина) башня — «важнейший ключ к подземному Кремлю», которая в летописных источниках прямо называется «Тайником».

Аристотель Фиораванти прославился как строитель Миланского замка, известного своими подземными сооружениями. Подземные тайники монастырей и княжеских усадеб были нужны великому князю Московскому не только для отражения внешних врагов или для укрытия от внутренних. В отличие от европейских городов Москва строилась преимущественно из дерева. Чуть ли не каждый год пылала столица. Поэтому каменные тайники Москвы служили не только для укрытия их владельцев, но и для сохранения накопленных богатств. В подземных палатах Ивана Грозного копились сокровища московских владык. Там же порой устраивались тайные встречи с иноземными послами, а неподалёку, в подземных тюрьмах, соединённых с палатами переходами, днём, а чаще ночью, пытали «кра-

мольников». Царские подземелья сообщались узкими галереями с тайниками сподвижников Ивана IV — князя Голицына, боярина Морозова. Огромные подземелья Малюты Скуратова, соединённые с Ивановским монастырём, были обнаружены при строительстве многоэтажного дома на Солянке. А из тайников Малюты на Берсенёвке можно было под Москвой-рекой пройти в монастырь, располагавшийся когда-то на месте храма Христа Спасителя. Тайники, соединявшие их галереи, образовывали сложную подземную паутину под столицей. Обнаружить полную и сколько-нибудь верифицированную схему этих коммуникаций пока не удалось. А план тайных ходов, пронизывающих землю под Кремлём и стены сооружений комплекса, публикуется в данной статье (см. Приложение 3).

Пробежав текст глазами первый раз, Хрусталёв досадливо подумал: «Зря ехал. Дубль пусто». Но что-то зацепило, и бывший следователь принялся продираться сквозь буераки профессорского почерка, внимательно вчитываясь в каждое слово. Когда он добрался до конца третьего абзаца, чуть не заорал вслух: «Вот оно!» Наивный Киселёв пытался опубликовать сведения, представляющие одну из важнейших государственных тайн: план подземных ходов и лазов в стенах кремлёвских строений, по которым в обход всех постов охраны злоумышленники могли бы проникнуть к рабочим кабинетам самых высших руководителей страны. Понятно, почему органы вычистили всех, кто имел хоть малейшую возможность оказаться причастным к этому сверхопасному знанию. И как точно высчитал подобную возможность новый заместитель Власика!

Теперь было с чем явиться к непосредственному начальнику. Иван Васильевич посмотрел на Гудзия.

— Вы убеждены, что нигде не осталось больше никаких материалов, связанных с исследованиями гражданина Киселёва?

Николай Каллиникович вытер платком мгновенно вспотевший лоб и кивнул.

— Смотрите. Если что-нибудь вопреки вашим заверениям всплывет, отвечать будете по всей строгости закона. Эти листки я изымаю. Об этой истории не рассказывать никому, даже жене и детям. Доступно?

Учёный снова кивнул.

— Предупредите о том же вашего редактора — как его? Путциг, что ли?

— Радциг, — пересохшими губами произнёс филолог.

— Тем более, — сказал майор. — И вот что. Там в вашем сортире надпись: «А мы — умы, а вы — увы». Прикажите стереть. Нескромно. Это кто «увы?» Дети рабочих и беднейшего крестьянства?

Иван Васильевич встал, собираясь уходить. Гудзий сделал непонятное движение рукой.

— Что ещё? — недовольно спросил майор.

— Справка, — прошептал филолог. — Вы приказали подготовить информацию о студентке Корлюченко.

Хрусталёв взял из бледных слабосильных пальцев учёного листки машинописи, быстро пробежал глазами. Полная чушь. Заурядные папа и мама. Друзья такие же, как и сама девка, юные балбесы. Разве что... Опер ещё раз бегло просмотрел обе справки. Того, что было нужно, не обнаружил.

— Николай Каллиникович, — строго глянул Иван Васильевич на декана, — здесь недостает очень важных сведений.

— Каких? — испуганно прошелестел декан.

— С кем эта ваша соплюшка в постели кувыркается.

Филолог зарделся.

— Мы не копаемся в интимных связях наших студентов...

— Если этого потребует безопасность государства, вы лично будете каждому и каждой свечку держать, — жёстко произнёс чекист.

— Но я и правда ничего об этом не знаю, — взмолился преподаватель.

— Так узнайте. Пусть ваши педагоги тихо и тактично опросят однокашниц. Если у девицы могущественный любовник, она обязательно похвастается, чтобы лучшая подружка иззавидовалась.

— Боюсь, мои коллеги откажутся...

— А вы объясните так, чтобы они согласились. Что бывает за отказ сотрудничать с органами, знаете? Или нужны специальные разъяснения?

Гудзий задумался:

— Как раз сегодня студентка Корлюченко приехала в институт на авто. И привёз её командир, я в званиях не особо разбираюсь, но, наверное, в немалых чинах. Да вы должны были эту сцену наблюдать, когда они подкатили, вы как раз у входа стояли, меня карауля.

Хрусталёв вспомнил лимузин и генерал-полковника, который привёз явно опаздывавшую к звонку худую девку. Номер, правда, опер не зафиксировал, кто же знал, что он понадобится. Но не беда. Командиров в таких чинах на Москве не так много, сыщем, когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин.

Лось внимательно слушал Хрусталёва, вертя пальцами остро заточенный с обоих концов красно-синий карандаш. Почти все руководители высшего ранга, подражая Хозяину, изучали бумаги с двуцветным «инструментом» в руках. На пустом столе жалко белели потрёпанные листки, покрытые каракулями расстрелянного профессора.

— Значит, план тайных ходов в Кремле, во-первых, существует, во-вторых, он оказался в распоряжении Наркомата внутренних дел, — резюмировал доклад Владимир. — К кому мы можем обратиться, чтобы нам предоставили копию? Вы понимаете, что обеспечить надёжную охрану товарища Сталина, не имея этой архиважной информации, мы не сумеем?

— Я наводил справки у бывших коллег, — сообщил Иван Васильевич. Лозгачёва он решил пока не называть. — Говорят, что все бумаги троцкистской группы профессора Киселёва уничтожены.

— Это маловероятно, — задумчиво проговорил Лось. — Оперативники должны были понимать, какой ценности документ случайно попал в их поле зрения. Посчитать макулатурой могли любые статьи, письма, заметки. Но древняя карта подземелий и лазов, которые существуют и, возможно, функционируют по сей день, уничтожению не подлежит ни в коем случае. Более вероятно другое: её приравняли к высшим государственным секретам. И решили никому не показывать. Надеюсь, кроме нас. Мы всё-таки одну задачу решаем.

Болтая всю эту канцелярскую чушь, Володя размышлял, через кого можно получить копию драгоценного плана. Мелькнула хулиганская мысль, не обратиться ли к самому Берии. Получить оружие против усатой суки из рук его преданнейшего пса Лаврентия, в этом, как сказал бы Марков, усматривается некая ирония. Хорошо, если бы — судьбы. А что, как только что он сам произнёс вслух, одну задачу решаем...

Лось развернулся к столику за спиной, снял трубку внутреннего телефона.

— Лёша, — обратился к секретарю Власика. На время отпуска Николая Сидоровича тот обслуживал заместителей. — Соедини меня с наркомом внутренних дел.

— Извините, Владимир Иванович, — сказал майор. — У нас не принято, чтобы заместитель обращался прямо к наркому. Если хотите, могу набрать Богдана Захаровича. Или Фитина.

— Давай Фитина, — вздохнул Лось. От встреч с Кобуловым, мерзавцем и садистом, Бог уберёг. Но рассказывали о его пристрастиях в СТОНе многие. Даже по телефону вести беседы с этой сволочью не хотелось.

Через полминуты в трубке послышался голос:

— Здравствуйте, Владимир Иванович. Давно хотел познакомиться с новым соратником, вот и не удержался. Начальник сейчас занят. Может, я чем помогу? Эйтингон Наум Исаакович.

— Опасаюсь, Наум Исаакович, вы не в курсе. Дело сугубо внутреннее, мелкое... — сообщил Лось.

— Излагайте. Чего не знаем, спросим у товарищей. — Голос звучал расслабленно, Владимиру показалось, что собеседник чему-то улыбается.

Заместитель Власика несколькими словами обрисовал историю троцкистской группы профессора Киселёва. Объяснил, что план тайных лазов, проходящих под зданиями Кремля и, возможно, ведущих во внутренние помещения, представляет собой для организации охраны огромную ценность.

— Понял, — ответил невидимый собеседник. Теперь он говорил сухо. — Я уточню информацию у сотрудников и сообщу вам. — И положил трубку, не прощаясь.

— Там всплыла ещё тема, — сообщил Хрусталёв. — Коллеги окучивают одну девку...

— Ну и что, — досадливо отмахнулся Лось. Он напряжённо ожидал звонка Эйтингона.

— Да они почему-то вокруг простой соплячки крадутся на цырлах. А её в институт возит на служебном авто генерал-полковник.

— Что? Какой ещё генерал-полковник? — насторожился Лось. — И что за девушка?

— На студентку я взял справки. — Иван Васильевич выложил на стол бумаги, подготовленные Гудзием. — И поручил за ней присмотреть.

Владимир стал читать справки. ИФЛИ. Елена Корлюченко. Профессиональная память начальника дивизионной разведки не подвела: при знакомстве марковская Ленка назвала свою фамилию. Точно, Корлюченко. Лось тогда ещё подумал: некруглая фамилия, буквы во все стороны торчат. Всё сходится.

Похоже, коллеги крутятся вокруг Сергея. Очень интересно...

— Бумаги оставь мне. На эти дела не выходи, студенткой я займусь сам. Молодец, майор, хорошо поработал, можешь быть свободным.

Наум Исаакович Эйтингон производил впечатление добродушного человека. Так и хотелось нежно назвать его Нюмой. На круглом лице почти постоянно гуляла ироничная усмешка, открывавшая крепкие прокуренные зубы. Самые образованные из сослуживцев по этой причине звали Исааковича «Чеширским котом».

Внешность вообще обманчива, а когда речь заходит об облике профессионального разведчика, верить собственным глазам — фатальная ошибка. Эйтингон был одним из самых подготовленных диверсантов и террористов в мире. Не случайно операция «Утка» — физическое устранение Троцкого — была поручена именно ему. Главный враг «красного монарха» укрылся на гасиенде, превращённой в неприступную крепость. Не всякое воинское подразделение могло взять её штурмом. Были случаи, пробовали. Крутой мачо Сикейрос оказался полным идиотом. Ему бы только поиграться с оружием. Он и дружки, такие же ковбои из американских фильмов-вестернов, выпустили полторы тысячи пуль, изрешетили ранчо со всех сторон. И ни в кого не попали. Иудушка тупо отсиделся под кроватью, ещё и матрасом прикрылся, чтобы не дуло из пробоин.

А Рамон Меркадер сумел врезать ледорубом прямо по «мондрой глове» Лейбы Давидовича. Разрабатывал и обеспечивал операцию Нюма Эйтингон.

Иосиф Виссарионович был полностью удовлетворён. Больше всего понравилась Хозяину мысль, что погибель должна прийти к «Иудушке» с близкого расстояния. Бывшего наркомвоенмора не пристрелит снайпер, не отравит подкупленный челядинец. Пусть весь

мир увидит, какие у товарища Сталина длинные руки в буквальном смысле слова.

Вождь и раньше благоволил к Эйтингону. После ликвидации Лейбы стал доверять безоговорочно. Ну, или почти безоговорочно. Берии казалось, что Коба поручил Науму Исааковичу смотреть за «верхними людьми» Наркомата внутренних дел. Так оно и было.

Сейчас «личный стукач Сталина» не улыбался. Он размышлял. И лицо у него было напряжённое и злое, как у каждого, кому приходится заниматься этим трудным и неблагодарным делом. Новый заместитель Власика (с чего это Хозяину вздумалось создавать для какого-то никому не известного Лося новую и не слишком-то нужную должность? А ведь генсек никогда и ничего не делал просто так, не имея определённого замысла. В этом Эйтингон не раз имел возможность убедиться. И не один он.) принёс в клювике, аки пташка божия, очень интересный факт. Точнее, даже два. Первое: план подземных лазов, который скептики считали сугубым мифом, существовал на самом деле. Второе: он был изъят при ликвидации преступной группы. Значит, здесь, в аппарате, есть люди, с ним знакомые.

Пожалуй, надо добавить и третье: данный клочок бумаги настолько ценен, что любой сотрудник просто обязан был доложить о нём высшему руководству. Иначе сразу возникли бы подозрения, серьёзные до полной несовместимости с жизнью.

А как узнать, был ли проинформирован Берия или, на худой конец, Кобулов? Спросить с наивной миной у Богдана Захаровича? А потом, не меняя выражения лица, отправиться к Лаврентию Павловичу?

Эйтингон был одним из очень немногих людей, кому позволено было знать о визите к Вождю призрака итальянского строителя. У Наума Исааковича хватало способностей сложить в уме один и один. Если «привидение» сконструировали в этих стенах, да ещё

и использовали для создания сверхъестественного антуража тот самый план, мало-мальский намёк на интерес к карте любого человека сделает любопытного покойным, каковым стать, по понятным причинам, «Чеширскому коту» не хотелось.

Наум тяжело вздохнул, снял трубку и набрал номер, известный не многим: «Алексей Николаевич? Эйтингон. Мне бы аудиенцию...» Выслушал ответ и произнес: «Есть».

Товарищ Сталин изучал донесения Пата и Паташона по «фигурантам». Картина складывалась невесёлая. Трое из дюжины, выдернутые из лагеря, не смогли вписаться в «мирную жизнь» и просто сломались: запили, стали ловить все возможные радости бытия. К профессиональному, да и любому другому использованию оказались непригодны.

Ещё четверо сломались, превратились в покорных исполнителей любого приказа. Собственной инициативы — ноль, постоянная тревога, удалось ли угодить руководителю. Хозяину нужны преданные исполнители, но не безвольные марионетки.

Двое даже не пытались скрывать ненависти к вождю и всей его клике. Когда за ними пришли снова, одному удалось застрелиться.

Иосиф Виссарионович вздохнул и опустил ещё одно личное дело в корзину для мусора. Попробуй быть ловцом человеков, когда человека не найдёшь днём с огнём, хоть выходи, как Диоген, с фонарём на самый солнцепёк. Куда подевались люди? Что произошло с русским народом?

На рабочем столе оставалась стопка из трёх папок. Собственно, можно было швырнуть в корзину и «дело» Лося Владимира Ивановича, именно так его и следует именовать. По незыблемым канцелярским правилам фамилию перед инициалами ставят, когда именуется очень большой начальник. Или покойник. Оно и логично, что о первом, что о втором плохо от-

зываться запрещено законами земными и божескими. И неизвестно ещё, какие опаснее нарушать.

В случае «фигуранта два» с ним самим всё давно понятно и доказано. Ловец пока сохранял его как пробный камень для «фигуранта один» — Маркова. Что сделает наш благородный Сергей Петрович, когда придёт пора выбирать между дружбой и долгом? А? То-то и оно.

Поскрёбышев доложил, что Эйтингон просит Иосифа Виссарионовича уделить ему несколько минут. Дело связано с третьим заместителем Власика Владимиром Лосем.

Секретарь Лёша, подслушав разговор Лося с Эйтингоном, аккуратно положил трубку. Подумал несколько секунд, почёсывая длинным ногтем на мизинце безукоризненный пробор в пшеничных волосах, снова снял трубку и набрал короткий номер.

Сталин отнёсся к сообщению Наума Исааковича очень внимательно.

— Значит, этот манускрипт сейчас в распоряжении Лаврентия, — тихо произнёс вождь. — Очень интересно. Когда, вы говорите, арестовали этого профессора?

— Первого апреля тысяча девятьсот сорокового.

— Значит, на подготовку этого шутовства им понадобился год.

— Вы полагаете, Иосиф Виссарионович...

— Я нэ полагаю. — Вдруг появившийся акцент выдал волнение Генсека. — Я Лаврентия знаю хорошо. Много лет.

Сталин взял себя в руки, и теперь он говорил, как всегда, спокойно, размеренно. Только согласные звуки звучали чересчур твёрдо, выдавая скрытый гнев вождя.

— Убэжден, что дело о троцкистской группе для того и слепили, чтобы прибрать к рукам карту. Мэ... мерзавцы, шени деда!

В этот момент в дверь кабинета тихо, деликатно постучали.

Эйтингон окаменел. Ни один посетитель не мог войти без доклада Поскрёбышева. В этом случае допущенный просто проходил к Хозяину. Предупреждать о своём появлении путём соприкосновения костяшек руки с филёнкой можно было только в ситуации, если куда-то исчезли со своего поста не только секретарь, но и охранник у двери приёмной (их обоих что, диарея нежданно настигла?), и, вопреки всем правилам внутреннего распорядка, Алексей Николаевич никого не оставил вместо себя и вместо постового. Это было совершенно невероятно.

С другой стороны, злоумышленник, что бы он зло ни умышлял, тактично скрестись в дверь не станет. Разве что опять решил явиться неугомонный дух проходимца Фиораванти?

Эйтингон, с неожиданной для человека его комплекции ловкостью, скользнул к двери и стал так, чтобы оказаться за спиной вошедшего. Своими маленькими, как у семилетнего ребёнка, ручками Нюма мог поломать шею любому амбалу[1].

Сталин опустил руку в ящик стола и нащупал рукоять нагана.

Дверь медленно отворилась. Иосиф Виссарионович увидел в проёме знакомую фигуру, лицо, украшенное пышными усами.

— Здравствуй, Сосо, — сказал Гурджиев, входя. Гуру только повёл глазами в сторону Эйтингона, и тот застыл у двери, словно чучело медведя с подносом в вестибюле купеческого ресторана. — Я обещал к тебе зайти. Показывай, где всё произошло.

Вождь отпустил револьвер, встал из-за стола, протянул старому другу руку:

---

[1] Грузчик (*татарск.*). В те годы употреблялось для жаргонного называния крепкого и сильного человека.

— Очень рад тебя видеть, Георгий! Пойдем. Только...

— Не беспокойся, твои люди ничего не заметят, — улыбнулся Георгий Иванович. — Для них мы превратимся в духов.

Сталин пошёл вперёд, показывая гостю путь к временному кабинету, где посетил вождя кремлёвский призрак. Гурджиев с каждым шагом всё больше сосредоточивался. Он словно вслушивался в какую-то, только ему доступную, музыку сфер.

— Привидение вышло из этого кабинета. Здесь в него стрелял часовой. Ушёл Фиораванти сюда, за угол, в коридор.

Георгий Иванович резко расслабился и заулыбался.

— Могу тебе сообщить абсолютно точно — магией здесь и не пахнет. В буквальном смысле слова.

Сталин привстал на мыски, сразу сравнявшись ростом с гуру, покачался на носках мягких сапог и быстро пошёл к своему постоянному кабинету. Охранник у двери бдительно смотрел сквозь вождя и его гостя. Поскрёбышев даже лысую голову не поднял, когда два бывших семинариста прошли в рабочее помещение Генерального секретаря. Бедняга Эйтингон так и стоял у двери растолстевшим и обленившимся Атлантом.

Хозяин уселся за столом, жестом предложив Гурджиеву занять место напротив, потёр левый локоть.

— Ты творишь чудеса. Ты колдун?

— Видишь ли, Сосо, — мягко произнёс Георгий Иванович, — самое страшное в магии то, что в ней нет ничего магического[1].

— А как же вот это всё? — Иосиф Виссарионович сделал круговое движение правой рукой.

— Это — физика. Просто мы понимаем ещё слишком мало. Я пытаюсь узнать больше.

— Обучая молодёжь танца́м? — не без сарказма спросил Сталин.

[1] Подлинная фраза Гурджиева.

— Все философские учения явно или скрыто исходят из представления, что вселенная и человек созданы и существуют по единым законам, — невозмутимо ответил Гурджиев. — Вселенная едина и состоит из элементарных частиц. Твой Ленин написал, что электрон так же неисчерпаем, как и атом, помнишь? Одна из характеристик элементарной частицы — спин, вращение. Когда дервиш крутится в священном танце, с определённым количеством оборотов в минуту, повторяя про себя слова бараки, не устанавливает ли он связь между собой и элементарными частицами — материей, из которой соткан мир? А где связь, там и воздействие. След ментального усилия остается, и знающий его легко определит в течение достаточно долгого времени.

— Следы остаются. Здесь их нет, потому что не было никакой магии. Но в принципе, возможно силой мысли возводить и разрушать дворцы. Читали. В сказках «Тысячи и одной ночи», — несколько натужно стал иронизировать Сталин.

— Силой мысли, — повторил Георгий Иванович. — Мы ведь ничего не знаем о собственных возможностях. В какой-то момент человечество пошло по пути наименьшего сопротивления. Легче создать рычаг или блок, чем передвигать огромные глыбы при помощи того, что египтяне называли «мана».

— Легче? А ты когда-нибудь пробовал потаскать даже не огромные глыбы, а просто камни?

— Довелось, — усмехнулся гуру. — В Тибете я знакомился с учением йогов, с боевыми искусствами китайцев. Я разговаривал с ламами высоких степеней посвящения. Мне даже посчастливилось встречаться с мудрецами Шамбалы.

— Это те, которые тайно управляют миром? — недоверчиво переспросил Сталин. Он подался вперёд, ближе к собеседнику, опёрся локтями на стол и упёр подбородок в тыльные стороны скрещенных ладоней.

— Меньше слушай своего Рериха вместе с Блюмкиным, — досадливо отозвался Георгий Иванович. Он сидел в расслабленной позе. Но спина оставалась идеально прямой. Свет от настольной лампы не достигал его лица, вождь видел только расплывчатый силуэт старого друга. Обычно Иосиф Виссарионович предпочитал, чтобы сидящий напротив человек был в ярком луче, а сам Хозяин скрывался в полутьме. Так безопаснее. Но сейчас — совсем иной случай.

— Просветлённых меньше всего интересует ваша мышиная возня. Они заняты познанием того, что может человек, и расширением этих способностей. По сравнению с этим «злоба дневи сего» — мгновение, не стоящее внимания.

— Значит, мы все: я, Гитлер, Черчилль, Рузвельт — мыши; судьбы государств и народов — только миг. А вы в белых хитонах размышляете, как бы сделать какого-то абстрактного Ваню или Гоги — Всемогущим, чуть ли не богом.

— Ты сердишься, Сосо, — засмеялся Гурджиев. — Понимаю, обидно. Великий диктатор, огромную страну поднял из руин и сделал мировой державой. Сколько судеб для этого пришлось переломать об колено, вопрос отдельный. Великие дела требуют и великих жертв, не так ли? Товарищ Сталин скорее согласится, чтобы через тысячу лет его именем пугали детей, чем с тем, чтобы через каких-нибудь полвека десятиклассник знал о нём столько, сколько о вещем Олеге: отмстил неразумным хазарам, и всё. Кто такие хазары, за что им отмщали, как и сколько раз — преподаватель ведает.

Век человека, отдельного человека, короток. Потому он и интересуется днём текущим. А если вырваться из теней сиюминутности и посмотреть на проблему глазами философа, откроется такая картина: люди соприродны окружающему миру, космосу. Помнишь, что космос — это порядок в отличие от хаоса? От момента, вернее, периода возникновения мысли они воз-

действовали на окружающий мир и физически — забивая зверя или ковыряя землю палкой в поисках съедобных корней, и магически. Когда наш пещерный предок рисовал на стене, как племя загоняет животное, он заклинал оленя или мамонта принести себя в жертву. После удачной охоты обязательно исполняли обряды благодарности тому, кто позволил себя убить, чтобы поддержать существование рода. Тебе это ничего не напоминает?

— Мне это напоминает проработку отступника на партийном собрании, — несколько сварливо отозвался Сталин.

— Правильно, — кивнул Гурджиев. — Все современные ритуалы — попытка воспроизвести древние магические обряды. На космос ваши коллективные радения не подействуют, а на членов племени коммунистов-ленинцев — весьма. Самая древняя истина — род всегда прав — возрождается в сознании, так что мероприятия очень способствуют сплочению рядов.

Сосо смотрел на старого приятеля с удивлением. Мысль о настолько глубоких корнях партсобрания никогда не приходила в голову вождю. Он вспомнил о необъяснимом поведении соратников на суде, когда хорошо образованные и сильные, закалённые во многих заварухах люди, тот же Бухарчик, почему-то каялись в несуществующих грехах. Хорошо было бы иметь постоянно под рукой такого мудреца, как Гурджиев. Да вот беда, мудрецы — народ своевольный, служить не любят. А приспосабливаться к их капризам... Не царское это занятие.

— Можно, конечно, объяснить успех в добывании пищи только хорошей физкультурной подготовкой кормильцев. Но кто подтвердит, что это верно?

— Погоди, Георгий, — поднял руку вождь. — Ты доказываешь, что возможно прямое воздействие силой мысли на физические первоосновы мира. Я верно понял?

— Ты всегда был умным человеком, Сосо. Отсюда максима: «Существует всё, что названо». Слово, имя — самый мощный способ зафиксировать, определить и тем ограничить мысль.

— Тогда ответь, почему люди всё-таки складывают дома из камней руками, а не духовным усилием, придумывают машины, паровозы, самолёты, а не порхают в небесах, аки пташки божии?

— Я же говорил. Чтобы получить возможность непосредственного воздействия умом и волей на ткань мироздания, нужна тренировка духа. Никто не попытается поднять двести килограммов без долгих и упорных упражнений. Все чувствуют, насколько ограничены возможности их тел. А когда речь заходит о мышлении, о способности сконцентрироваться, почти каждый полагает себя образцом совершенства. Ритуалы, буддистские коаны, мантры, бараки, различные психотехники и упражнения в духе разных анг йоги, танцы дервишей, наконец, — это ежедневный и ежеминутный тренинг собственной психики. Без него никто не сможет создать и удержать до воплощения сколько-нибудь сложную мыслеформу.

— А всяческие заклинания, пассы, что там ещё всегда изображают ведуны и колдуны?

— Это приёмы для поддержания сосредоточенности. На определённом этапе это всё перестает быть нужным.

— То есть можно просто подумать — и желание тут же исполнится?

— Если ты достиг высоких степеней посвящения. Или, что то же самое, умения максимально концентрироваться.

— Чёрт, до чего же удобно. Научи, Георгий!

— Поступай в мою школу.

— Не шути со мной, старый дружище. Не забывай, я все-таки тиран. Прикажу замуровать в древней стене, как Иван Третий Аристотеля Фиораванти.

— Ты не помнишь, кто из древних сказал восточному владыке: «В геометрии нет царских путей»? А «физическая магия» гораздо сложнее простого измерения фигур на поверхности. Чтобы чего-то достичь, надо посвятить этому каждую минуту и каждый час своей жизни. Ты хочешь получить сверхчеловеческие возможности? Заплати всей жизнью.

— Тогда надо иметь у себя такого продвинутого.

— Он выполнит не любую твою просьбу.

— Просьбу? Я прикажу.

— Кому? Тому, кто могущественнее тебя и для тебя неуязвим? Есть сильные мира сего. И есть могущественные, то есть могущие. Только какой-нибудь Будиани готов служить любому злу. Так он — ничтожество.

— Только не говори мне про нерушимую мораль мага, про то, как высшие силы наложили абсолютный запрет на применение колдовских чар во зло... — Сталин разочарованно откинулся на спинку стула.

— Подумай, Сосо, миллиарды людей каждую секунду обращаются к Богу, если они верующие; непонятно к кому, если атеисты — по детской формуле: «Хоть бы случилось это и вон то». Посылы слабы, они идут вразнобой, и достигнуть цели: воздействовать на мировой эфир — ни один не может. Но вместе они создают шум, прорваться сквозь который способен только очень мощный сигнал.

Теперь представь, что в какой-то части спектра сигналы становятся когерентными, начинают поддерживать и даже усиливать друг друга. Сквозь образовавшуюся броню не прорвётся луч мысли, какой силой он ни обладал бы. Представления большинства о добром и достойном едины. Совместную их толщу не преодолеешь. Как сказал твой учитель, идея становится материальной силой, когда она овладевает умами масс.

Гурджиев замолчал. Сталин задумчиво смотрел на пустой стол, о чём-то размышляя.

— Получается, для нормального человека практика, вся ваша магическая и мистическая мудрость не нужна, — произнёс наконец вождь.

— Я мог бы возразить, что Посвящённые работают не для того, чтобы помогать профанам (извини, Сосо, но ведь так и есть) добиваться своих маленьких побед. Но это не было бы всей правдой. Гитлер посылал людей из «Аненербе» в Тибет. Потом он использовал некоторые тайные знания и приёмы воздействия на толпу, чтобы доводить слушателей до истерии и массового психоза.

Иосиф Виссарионович сделал левой рукой отметающий жест. Гурджиев понимающе усмехнулся:

— Тогда вот практический магический совет. На будущее. Когда начнётся война...

— А когда начнётся война? — быстро спросил Хозяин.

— То, что ещё не произошло, нельзя назвать. Как говорят люди, накликаешь. Могу только сказать: наиболее вероятная дата — 22 июня. Этого года. Если не случится, два года живи спокойно.

Сталин хитро улыбнулся.

— На будущее, — повторил гуру. — Немцы будут рваться на юг. Запомни: Сталинград и Цхинвал отдавать им нельзя. Как бы ни складывались обстоятельства.

— Почему? — с любопытством спросил вождь.

— Я разговаривал с Рене Геноном. Он очень странный и неприятный человек. Но он знает. В месте, где потом построили Царицын, была столица великой империи. Города ведь не вырастают случайно. Их образует центр силы — проекция непознанных космических энергий на поверхность планеты. Или, наоборот, точка, где людская энергия многократно усиливается и даёт возможность непосредственно влиять на тонкую материю мира. Рим и Москва, Лондон и Лютеция-Париж возникли не случайно. Только поэтому они

и существуют тысячелетиями. Если твой центр силы удаётся захватить врагу — это беда.

— Почему беда? Катастрофа.

— Не забывай, что нужно уметь работать с энергией центра. Нужно совпасть с её направленностью, ритмом. Стать когерентным лучу силы. Иначе ты не только не получишь желаемого, но и ослабишь своими усилиями мощь самого источника.

— А Цхинвал?

— Это по представлениям Гитлера — Валгалла. Кстати, Генон допускает, что советники Адольфа в данном случае угадали. Во всяком случае, это — ещё один центр силы на твоей территории. Ещё не один век этот небольшой городок в самые неожиданные моменты будет оказывать влияние на ход мировой истории. Во всяком случае, Цхинвал определяет на Кавказе почти всё. Не Тифлис, не Баку с Ереваном — Цхинвал. Почему — спрашивай у Генона. Он этим занимался.

Гурджиев легко встал.

— Не знаю, известно ли тебе, что Аристотель Фиораванти сумел передать родственникам небольшой лист пергамента — план подземных ходов под Кремлём и тайных лазов, которые он устроил в возведённых зданиях. Зодчий надеялся, что это станет рычагом воздействия на Ивана Третьего. Неуютно на троне, если знаешь, что в любой момент из стены может появиться убийца.

Саму карту не обещаю, но добротную копию с неё я тебе с оказией перешлю.

А теперь прощай, мне пора. Назад в Париж.

— Ты не можешь задержаться на пару недель? — тихо попросил Иосиф Виссарионович. — Ты мне нужен. Это вопрос жизни и смерти.

— Извини, Сосо. Это не моя барака.

Сталин тоже встал, обошёл стол и обнял Георгия Ивановича.

— Спасибо, старый друг. Ты, наверное, последний на этом свете, кто принимает меня таким, какой я есть. Кто не боится и ни о чём не просит.

— Глупо страшиться искренних друзей, — улыбнулся гуру. — И, если мне понадобится что-то, что в твоих силах, обязательно попрошу. Настоящая приязнь проверяется взаимной помощью. Или хотя бы готовностью её оказать. Прощай, Сосо. И ничего не бойся, будет хуже.

Гурджиев направился к двери. Проходя мимо застывшего Эйтингона, он озорно улыбнулся, подмигнул Сталину, щёлкнул пальцами и проскользнул из кабинета в приёмную.

Наум Исаакович прикрыл филёнку и вернулся к рабочему столу вождя.

— Иосиф Виссарионович, может, я попытаюсь найти этот план? Только потребуется ваш прямой приказ для прикрытия от Кобулова и Лаврентия Павловича.

Хозяин несколько секунд смотрел на любимчика, не понимая, о чём тот говорит. Сталин был ещё под впечатлением от общения с Гурджиевым. Сразу возвратиться к докладу Эйтингона, для которого, похоже, последние полтора часа просто не существовали, Хозяин не мог.

После затянувшейся паузы Генеральный секретарь решил:

— Ничего этого не надо. Мы пойдём другим путём. Не таким путём надо идти.

Из «Военного дневника» генерала Гальдера

22.3.1941 г. ... Хойзингер, фон Грольман: ...Вопрос об оборонительных мероприятиях на Востоке на случай русского превентивного наступления выдвигается на первый план. Однако мы не должны допустить проведения слишком поспешных мер. Я не думаю о вероятности русской инициативы...

— Значит, Аш, — задумчиво проговорил Лаврентий Павлович. — Значит, Заковский пытается вести собственную игру. А я думал, он сидит тише воды, ниже травы и ждёт, пока за ним придут. Я правильно сказал, Богдан, или нужно: тише травы, ниже воды?

— Да хрен его знает. Я в этих русских поговорках не разбираюсь. Но Лёва Задов не тот человек, чтобы ждать, как баран, когда из него начнут шашлык делать.

— Про шашлык ты хорошо сказал. Точно.

— Тут такая музыкальная тема, товарищ Берия. Урки намерены убить Маркова. Наш командир к девушке своей не то что без охраны отправляется, даже автомобиль служебный не берёт. Если товарищ Сталин заинтересуется, как мог погибнуть самый перспективный фигурант операции «Двенадцать апостолов», а он заинтересуется, всё, как вы и говорили, может выйти доказательно — чистая уголовщина, финал лагерных разборок. Я пообещал достать для банды десяток пистолетов или наганов. Правильно?

— Десяток так десяток. Только проследи, чтобы стволы были с историей, чтобы можно было привязать их к нескольким налётам, ещё лучше, к убийствам. В общем, должны быть криминальные «машинки».

Богдан Захарович кивнул.

Телефонные автоматы — большие чёрные ящики с массивными трубками — висели на стенах вокзалов или на центральных улицах, устанавливались в специальных деревянных будках с маленькими окошечками. Там, где за ними могли постоянно присматривать мильтоны. Крутиться хоть на Белорусском, хоть на Рижском Куцый опасался. Тем более что Лыцарь и Ванюша решили его одного никуда не пускать.

А появляться втроём там, где в любой миг могла объявиться «Красная шапочка» с обычной ари-

ей: «Ваши документы. Пройдёмте», тоже было глупо. На первый раз справки о недавнем освобождении, может, и спасут, спасибо Скачкову ещё раз. Но лишний раз оказаться соринкой в глазу случайного легаша не стоило.

После долгих обсуждений решили звонить с Кировской. Там в случае чего можно рвануть на Чистопрудный и либо через дворы, либо на ходу запрыгнуть в трамвай, он притормаживал у въезда на бульвар и у выезда тоже. Не к Лубянке же бежать, в самом деле.

В трубке хрипело и скреблось, гудки были слышны еле-еле. Наконец раздался сонный — это в час дня — голос Игоря Саввича: «Вас слушают».

— Это я, — сообщил Куцый. — Посланец. Я вспомнил. — Бандит решил начать не с просьбы, а с информации. Может, получив то, чего хотел, интеллигент подобреет.

— Слушаю, — повторил собеседник. Голос его стал напряжённым.

— Того попа звали отец Павел. Это точно. И вот что чудно, работал он ни в какой не в церкви, а в электроинституте. И ещё был редактором словаря по технике. Представляете, священник — электромонтёр?

Трубка озадаченно молчала.

— А вы ничего не напутали? — спросил наконец атлет.

— Не, всё точно, — уверил Куцый. И выждав, добавил: — А с нашим делом как?

Когда втроём обсуждали ситуацию, Цыган спросил: «На хрена тебе выпрашивать волыны у этих...» О каких конкретно доброхотах идёт речь, боксёр не знал. Из разговора понял, что люди какие-то не свои, и сильно напрягся. Жизнь научила ожидать от любого чужака подвоха.

— Мы что, не найдём стволы у урок?

Витёк усмехнулся: «Твоя сила, Ваня, не в мозгах. «Чистую» машинку нам никто не продаст. Через за-

свеченную легаши на нас выйдут, да ещё и чужие подвиги пришьют. Это раз. Второе, если мы генерала положим из пушек, которые нам эти спроворили, они в убийстве тоже будут запачканы по самые галстуки. А они могут многое».

— С вашим делом, — повторил Игорь Саввич, явно думая о чём-то другом. — С которым из двух? Если вы о встрече, я договорился. Только подготовьте текст. Завтра в три часа подойдёте к «Чебуречной» на углу Бульварного и Сретенки. Там вас встретят, проводят и выслушают.

— А вторая просьба?

— А по этому поводу вам придётся явиться прямо сейчас ко мне. Одному.

— И что, я могу всё забрать? — Голос Куцубина дрогнул от сдерживаемого восторга.

— Я жду, — сухо произнёс Игорь Саввич.

Разговор вышел трудный и противный. «Амбал» въедливо выспрашивал, кого банда собралась убивать, как, почему и зачем. Куцый темнил и изворачивался аж до тех пор, пока «интеллигент очкастый» не сказал, что знает про подписки.

Тут Виктор понял, что дело — труба. Если даже этому известна страшная тайна, то уж люди тем более окажутся в курсе. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Сука Лось, — подумал уголовник, — когда и кому только успел передать заветную тетрадку».

Но очень быстро настроение бандита стало улучшаться. Не то сам «атлет», не то кто-то очень могущественный за его спиной, надо думать, Джаба, гарантировали сохранение секрета самого главаря и его приближённых, если они сумеют грохнуть Маркова.

— Мы и так собирались это сделать, — обиженно произнёс Куцый. Но душа его ликовала. Нелепый план Косого Лыцаря стал исполняться сам собой.

Когда же бородатый очкарик водрузил на стол потёртый кожаный портфель, тяжёлый даже на вид, сердце Куцубина застучало со скоростью хорошего пламенного мотора.

Проводив Куцубина, атлет долго сидел перед белым телефоном, что-то соображая. Потом набрал номер и проговорил:

— Я не стану называть вас, ребе. Но сообщить новость хочу. Вдруг она покажется интересной.

— Что за чушь! — Берия раздражённо швырнул в кучу бумаг на столе тоненькую папку и сорвал трубку внутреннего телефона. — Попросите зайти ко мне Мамиашвили.

Через пару минут во внутреннюю дверь кабинета чётко постучали три раза, и вошла секретарша.

— Вы же знаете, что сейчас я до предела загружен работой, — сдерживаясь, проговорил Лаврентий Павлович. Он мог быть грубым с кем угодно. И только в присутствии двоих всесильный нарком всегда был вежливым и даже любезным. Первый из них — Сталин. Второй была Мамиашвили. Самые приближённые к Берии люди были уверены, что Лаврентий боится свою собственную секретаршу. — Я просил подавать лично мне только самые важные документы.

Мамиашвили молча смотрела в глаза шефа.

— Почему я должен смотреть это? — бешенство чуть было не выплеснулось наружу, но глава тайной полиции снова сдержался.

Красавица-грузинка подошла к столу, забрала папку, перелистнула первые две страницы и вернула документы, показав пальцем нужную строчку. Лаврентий Павлович пробежал её взглядом, потом вчитался. Снял пенсне, протёр его белоснежным платком, снова надел и ещё раз прочитал слово за словом.

— Вы, как всегда, правы, — сказал Берия и галантно поцеловал руку секретарши. — Пожалуйста, выясните, как это могло произойти.

— Начальник культурно-воспитательной части лагеря Успенский — идиот, — ослепительно улыбаясь, сообщила красавица. — По его вине отца Павла вместо того, чтобы аккуратно этапировать из лаборатории к самолёту, случайно, — выделила голосом секретарша, — забросили в барак. Там над ним стали издеваться уголовники. Когда Успенский понял, что человека, которого по вашему личному приказу следовало отправить в Москву, сейчас просто прибьют, он сделал следующую ошибку: ворвался в барак с вооружёнными охранниками. Этим он привлёк к скромной фигуре ЗК Флоренского внимание вашего друга Ивакина. Джаба Гивиевич — человек умный. Он принял меры для того, чтобы тайно найти нашу «Железную Маску». Хорошо, что его посланцы попали в сферу внимания одного из «источников». Если позволите, Лаврентий Павлович, я рекомендовала бы обратить на этого информатора внимание. Кажется, перспективный кадр.

— Если бы все мои сотрудники были такими, как вы, — проговорил нарком и ещё раз поцеловал тонкие пальцы Мамиашвили.

— Это невозможно, — холодно улыбнулась секретарша. — Таких, как я, больше нет. Разрешите быть свободной?

Берия вздохнул и развёл руками, показывая, что он совсем не хочет отпускать красавицу, но ничего не может поделать.

Когда Мамиашвили вышла, Лаврентий Павлович поднял трубку аппарата ведомственной сети.

— Соедините с начальником Соловецкой тюрьмы, — приказал он. И через минуту спросил: — Скачков? Как там у тебя поживает мой старинный друг Джаба Ивакин? Ты его, часом, не обижаешь?

* * *

В кухне Цыгана Виктор с облегчением поставил на стол портфель. Косой по жесту главаря заглянул внутрь: «Ух ты!» Он запустил руку в кожаные недра, выхватил наган и наставил его на подельника:

— Всё, Ванюша, против ствола даже ты ничего не сделаешь. Руки вверх.

Куцый подался назад.

— Лыцарь, кончай вытребенькиваться. — Словечко он подцепил в СТОНе от «коллег» с Юга. Очень уж понравилось. — Пальнёшь сдуру, набегут легавые.

— Не, — ответил искалеченный, — он на предохранителе.

— Зато ты, дурак, без, — взорвался чернявый.

Главарь отнял оружие у Косого, осторожно опустил на стол, аккуратно выложил пистолет и ещё один револьвер, с грохотом высыпал патроны.

— Вы хоть пользоваться зброей умеете?

— Не бзди, — бросил Лыцарь, азартно уставившись на тускло поблёскивающие «сокровища». — Разберёмся.

— Тогда слушайте сюда. Дом, где наш генерал проживает, охраняется. Прописаны в нём командиры, все вооружены. Так что туда лучше не соваться. Зато бикса Маркова обитает в коммуналке. Между прочим, с телефоном. Нашумим — далеко не уйдёте. Лучше всего ловить нашего знакомого на улице, когда он будет возвращаться домой.

— Откуда ты всё это узнал? — наивно спросил Цыган.

— Знакомец рассказал по доброте душевной, — угрюмо ухмыльнулся Куцый.

— Дурак этот твой знакомец, — сплюнул сквозь зубы Рыцарь. — Марков без шпалера в сортир не пойдёт. Ночью, один, он обязательно пушку будет держать под рукой. Топать будет по центру улицы, учёный, так что из-за угла не выскочишь. Стрелять издали —

хрен попадёшь. А он уж не промажет, войну прошёл и по жизни умелец.

— Угу, — поддержал Витёк. — И вообще, может, он прямо с этого дня начнёт автомобиль вызывать. С охраной.

— Тогда возьмём его на хате, — предложил Цыган. — Оденемся строителями, мол, ремонтировать квартиру пришли. Или коридоры белить.

— Днём он на службе. Ночью пятерых мужиков в охраняемый дом хрен кто пустит. Спросят, от какой организации, проверят. И кранты котёнкам.

Устроить засаду где-либо по дороге тоже не получалось. В последние дни Марков был занят выше головы. Выходил из дома только на службу. Если удавалось выкроить время для себя, то есть, чтобы увидеться с «оторвой», он вызывал служебный автомобиль.

— Тогда остаётся только одно, — подытожил Кущый. — Заявимся к девке. Пацаны вдвоём останутся в коридоре. Чтобы соседи сидели тихо и не рыпались. Мы втроём без шума и пыли входим в комнату, палим в упор, даже не поздоровавшись. И быстро уходим.

— Из трёх стволов с пяти метров хоть кто-то да попадёт, — согласился Рыцарь. — А Марков, даже если успеет «дуру» выхватить, подумает, как быть, чтобы хозяйку под пулю не подставить. Могёшь, — похвалил он главаря.

— А то, — хищно осклабился Витюля.

Поздним вечером Зиновий Ефимович заявился к Заковскому. Начальник архива выглядел озабоченным.

— Скажите, Лёва, — произнёс он, — вы верите в привидения?

Леонид Михайлович покосился на большие напольные часы. Узорчатые стрелки показывали ноль часов тринадцать минут. Хозяин кабинета тяжело вздохнул:

— Зяма, вы выбрали не самое лучшее время для таких разговоров.

— Поверьте, Лёва, хорошего времени для такой майсы не бывает. Вы знаете, мой человечек сообщил новые установочные данные на того, кого мы ищем. — Аш обвёл глазами стены помещения, тяжело вздохнул. — Так я поднял все дела на всех людей той редкой профессии, кто попадал в поле зрения органов. И знаете, есть только один, который подходит по всем параметрам.

— Очень хорошо! — Заковский потёр ладони.

— Очень плохо, — возразил начальник архива и протянул комиссару госбезопасности толстую картонную папку. — Это извлечения из его дела. То, что имеет отношение к реальности. Всякие глупости про японскую разведку и тому подобное я выбросил.

Леонид Михайлович стал быстро просматривать страницу за страницей. «Так... так... Он действительно ходил в любимчиках у Лейбы? Русский». Аш кивнул и развёл руками:

— Он не был дураком.

— Кто он?

— Оба.

— Ух ты, — присвистнул комиссар.

— Да, — скорбно подтвердил Зяма.

— Очень похоже, что мы нашли того, кто нужен. — Заковский, не дочитав, отодвинул папку. — Посмотрите, где заложено, — попросил начальник архива. Замнаркома послушно раскрыл документ, прочитал, глянул на Аша, снова перечитал страницу и пробормотал:

— Ничего не понимаю.

— Вам нужно больше бывать на свежем воздухе, — назидательно произнёс Аш. — И лучше питаться. У вас нездоровый цвет лица, Лёва. — И снова обвёл взглядом стены кабинета.

— Пожалуй, вы правы. — Заковский встал из-за стола. — Пошли обедать. Самое время.

* * *

В огромной пустой столовой наркомата (Час ночи. Обедают в это время вряд ли. Но сидят на службе всю ночь, и подкрепиться во время этих бдений совсем не вредно. И общепит подстраивается, НКГБ — это не какие-нибудь мастерские Фортинбраса при Умслопогасе[1]) комиссар склонился над тарелкой с борщом, отодвинув пока печёнку по-строгановски с гречкой, и быстро и тихо заговорил:

— Если он расстрелян в тридцать седьмом, это не тот человек.

Аш так же тихо ответил, помешивая ложечкой в стакане крепкого, почти чёрного чая:

— Или тот. Наш товарищ вполне мог оказаться сильно предусмотрительным. Я проверил документы. Следователь и все, кто был как-то связан с арестованным, ликвидированы в разные годы или погибли при исполнении. Ни одного из них никто никогда не допрашивал. Вам это ни о чём не говорит?

— Совпадение. У нас стольких устраняли после Ежова. Всех допрашивать было некогда, да и незачем.

— Лёва, я не верю в такие совпадения. Тем более что этот священнослужитель занимался... Вы обратили внимание, какие исследования он вел в лаборатории СТОНа?

— Там написано — изготавливал йод из водорослей.

— Йод? Лева, мне удалось раскопать финансовые отчёты лагеря за тридцать пятый год. В них есть большие цифры и нет ни слова про медикаменты. Зато фигурируют специальные для перевозки «продукта 180», полученного в лаборатории. Это гидроксилин, или тяжёлая вода.

— Это что ещё за хреновина?

— Как вам это объяснить, Лёва. Альберт Эйнштейн считает, что эта хреновина необходима для создания самой мощной бомбы, какую только можно пред-

---

[1] См. роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев».

ставить. Одна такая способна уничтожить целый город с полумиллионом жителей. Вы доверяете мнению Эйнштейна?

Заковский отодвинул тарелку, откинулся на спинку стула и глянул в лицо Ашу.

— Боюсь, что да, Зяма, — очень серьёзно сказал он.

Приключения приключениями, а дело делом. Витюля не один час просидел за столом на кухне Цыгана и перепортил четыре тетрадки в косую линейку, составляя «хитрую маляву». За стенкой ворочалась и вздыхала Ванина мамаша, просила то попить, то помочь перевернуться на другой бок, то помочь с «уткой». Куцего она дико раздражала, сбивала с мысли. Орудовать карандашом оказалось совсем не простым делом. То было непонятно, о чём автор просит людей в своём послании. То приходилось долго описывать фраера, о котором нужно поспрашивать в «крытках» и на пересылках.

Конечный результат выглядел так: «Авторитетный человек ищет очкастого попа отца Павла, которого недавно этапировали из СТОНа».

Казалось, глаза капитана Скачкова стали светлее, словно олово расплавили в тигельке. От растерянности он часто помигивал, не зная, как себя вести.

— Вот, Джаба Гивиевич, — не то позлорадствовал, не то порадовался за «постояльца» начальник тюрьмы, — телеграфом приказ пришёл: незамедлительно этапировать вас в белокаменную. Подпись замнаркома.

О телефонном звонке самого Лаврентия Павловича капитан решил не упоминать. Тем более что он не понял: иронизировал заместитель председателя Совета Народных Комиссаров, когда называл этого толстого обсоска своим другом, или был совершенно серьёзен. А от этого напрямую зависела судьба опального чекиста, здесь ошибиться было нельзя.

— Лёвы или Богдана? — деловито спросил Ивакин.

— Кобулов затребовал, — после паузы (соображал — говорить или до Москвы оставить в неведении) ответил Скачков.

Заключённый развалился на жёстком казённом стуле, словно сидел не в кабинете царя и бога Соловецкой «крытки» в одном лице, а в кожаном кресле где-нибудь на кафедре искусствоведения МГУ. Капитан в университете никогда не бывал, да и что там было ему делать, но почему-то представлял себе кафедру искусствоведения именно так: массивные кресла, обитые выделанной толстой шкурой невезучей коровы. И массивные столы, на которых свалены толстые папки и книжки с золотым тиснением.

Джаба задумчиво барабанил толстыми пальцами по крышке начальникова стола.

— И насколько незамедлительно я должен явиться в Москву? На каком транспорте придётся ехать?

— Завтра вас будет ждать самолёт. До трапа я провожу лично.

Ничего хорошего от такого вызова доктор искусствоведения не ждал. Конечно, глупо было бы надеяться, что о нём забудут вообще. Но почему вспомнили именно сейчас? Более важных забот накануне большой войны не осталось? Уголовный авторитет не видел ни одной разумной причины для того, чтобы он понадобился в Москве. Разве что, попытка нащупать через откровенную шпану след какого-то очкастого «графа Монте-Кристо»? Ивакин взвесил шансы мелкого бандита Куцего сделать нечто такое, на что обратил бы внимание лично Богдан Захарович Кобулов. Он что, Сталина умудрился ограбить или какой-то из баб Лаврентия Павловича произвёл «взлом лохматого сейфа»? Представив такую картинку, Джаба Гивиевич улыбнулся. Чушь, конечно, реникса, как писал Антон Павлович Чехов, но смешно.

Выбора не было. Специалист по средневековой эстетике махнул пухлой ладошкой и согласился: «Поехали».

— Я ужасно извиняюсь, — смущённо проговорил Скачков.

— Что ещё? — недовольно осведомился заключённый.

— По инструкции я обязан этапировать вас в наручниках. Вы не будете возражать, если перед въездом на поле я надену «браслеты», а когда выведу вас из машины и передам сопровождающим, железки сниму?

— Как я, маленький невинно осуждённый, могу противиться исполнению инструкции, — неприятно захихикал Джаба. Он поднялся со стула. — Завтра вставать рано. Я пошёл отдыхать.

Путешествие из Соловков в Москву Ивакину не понравилось. Молчаливые сопровождающие — пятеро в цивильном — уже на трапе защёлкнули на запястьях наручники. Весь перелёт двое сидели по бокам, третий с револьвером в руке — напротив. Остальные отдыхали, чтобы через два часа сменить «утомившихся» конвоиров.

Прямо из аэроплана Джабу запихнули в машину. Уже новые сотрудники расселись так, чтобы этапируемый оказался на заднем сиденье между крепкими организмами, как кусок колбасы между ломтями хлеба. А тот, который оказался рядом с шофером, держал в кулаке воронёный «ТТ».

Шторы на окнах были задёрнуты. Автомобиль от Центрального аэродрома стал петлять по проулкам, и искусствовед, хоть он и неплохо знал Москву, быстро потерял ориентиры. Но когда экипаж вполз во двор Лубянки, этот интерьер заключённый узнал.

Потом его вели по запутанным коридорам, поднимались по одной лестнице и спускались по другой. В конце концов оказались в просторной приёмной, отделанной дубовыми панелями. Здесь наручники наконец-то сняли. Ивакин огляделся и обаятельно

улыбнулся черноволосой красавице, сидевшей за столиком секретарши: «Гамарджоба, Манана. Ты всё хорошеешь. На тебя уже смотреть нельзя — ослепляешь».

— Здравствуй, Джаба, — приветливо отозвалась Мамиашвили. — А ты толстеешь. Сказывается недостаток движения.

— Я не могу много двигаться, — серьёзно пояснил Ивакин. — Я ведь сижу.

Секретарша рассмеялась.

— Сейчас доложу, — сказала она, сняла трубку внутреннего телефона и произнесла только одно слово: «Доставили». Выслушала такой же короткий ответ и махнула длинными пальцами. — Проходи. А вы подождите в коридоре, — жёстко приказала конвоирам.

Джаба Гивиевич шагнул из тамбура в огромный, ярко освещённый кабинет. Хозяин его уже спешил, выйдя из-за могучего стола, навстречу, сверкая чисто протёртыми стёклами пенсне.

— Здравствуй, мой дорогой друг, — сказал Берия и сделал широкий жест в сторону глубокого кожаного кресла. — Проходи, располагайся.

На маленьком столике, примостившемся рядом с письменным, стоял грузинский коньяк, красная и чёрная икра в хрустальных вазах, парил тёплый лаваш, сияющие бока помидоров оттеняли зелень кинзы.

Лаврентий Павлович включил настольную лампу, потом выключил верхний свет.

— Ты, конечно, устал с дороги и проголодался, — продолжал гостеприимный хозяин, разливая в бокалы с широким донцем и узким горлышком пахучий напиток. — Конечно, это не то, что бывало в двадцатом в Тифлисе. Помнишь?

— Такое не забудешь, Лаврентий, — отозвался Джаба. — Мы были молодые, могли трое суток пить кахетинское вино и не уставали любить наших замечательных женщин. Мы делали смешные и тро-

гательные глупости, не задумываясь, чем придётся за них расплачиваться.

— Ты красиво сказал, старый товарищ, — растроганно произнёс Берия, достал из кармана пиджака белоснежный платок, снял пенсне и вытер глаза. — И хорошо, что ты понимаешь, что за сделанное всегда приходится отвечать.

Ивакин потупился. Руки его порхнули над столешницей и тут же замерли на краю.

— Выпьем за нашу юность, — нарком поднял бокал, чокнулся с гостем и неторопливо пригубил коньяк, с видом знатока погонял жидкость во рту, прислушался у аромату. Джаба, наплевав на все приличия, опрокинул содержимое в горло. Нервы не выдерживали предложенной игры. Хорошо Берии, он кот, а доктор искусствоведения всего лишь полузадушенная мышь. Но и у маленького серенького зверька есть в запасе какие-то трюки. Или нет?

Хозяин кабинета намазал тёплый лаваш замороженным маслом, подождал, пока оно начало подтаивать, зачерпнул серебряной ложечкой чёрной икры, толстым слоем размазал её и откусил от бутерброда.

— Ты думаешь, если я заместитель председателя Совета Народных Комиссаров, так я каждый день так пирую? Нет, это только в честь приезда дорогого гостя. Обычно я питаюсь в столовой, вместе со всеми сотрудниками. Товарищ Сталин не одобряет, если наркомы начинают шиковать. За это он привлёк к ответственности даже Блюхера. И не только его, многих. Но товарищ Сталин понимает: если после долгой разлуки принимаешь испытанного товарища, на столе должно быть всё самое лучшее. Он же кавказец, наш любимый вождь и учитель.

Лаврентий Павлович на пару секунд задумался.

— Какой богатый и мудрый русский язык! Ты не задумывался, что значит слово «испытанный»? Ис — пытанный. Правда, глубоко?

Бокал коньяку на пустой желудок — покормить заключённого в дороге никто не удосужился — сделал свою работу. В голове слегка зашумело, стало жарко. Джаба последовал примеру Берии, соорудил бутерброд, только намазал его не чёрной, а красной икрой. Пожевал, наслаждаясь букетом вкусов.

— С тобой приятно и полезно общаться, Лаврентий, — сказал он, прожевав. — Ты обязательно откроешь в том, что вроде бы давно известно, новый, глубинный смысл.

— Так почему же ты пренебрегаешь возможностью обратиться к старому другу? К примеру, тебя что-то заинтересовало. Или кто-то заинтересовал. Позвони мне, я же для такого случая тебе поставил телефон. Или Скачков приказ не выполнил?

А ты пытаешься меня обойти, каким-то абрекам поручаешь собирать информацию в уголовном подполье. Почему ты так не доверяешь мне? Обидно, дружище.

Джаба молчал. Значит, Лаврентий прознал, что «старый друг» попытался выведать какую-то его тайну. Если бы удалось, беседа могла бы потечь по совсем другому руслу. Но ещё не вечер. Джокер по имени Мика Кедия должен выручить и на этот раз.

Берия, разволновавшись, встал, отпер сейф, достал тоненькую папку и бросил её перед Ивакиным.

— У меня нет от тебя тайн. Вот человек, которого ты поручил искать бандитам. Они никогда его не нашли бы, потому что я перевёл его в «шарашку». Ты не знаешь, это моё новое изобретение. Талантливых учёных, толковых инженеров, даже если они провинились перед нашей властью, гноить на лесоповале глупо. А использовать их с полной эффективностью в лагерных лабораториях тоже невозможно. Я придумал собирать из таких целые научные институты. Без отрыва от исполнения наказания. Для тех, кто честно работает и добивается результата, предусмотрены различные льготы и послабления режима содержания.

Но это даже не главное для них. Главное — возможность заниматься любимым делом. Я всегда был убеждён, что для того, кому это дано Господом, творчество превыше всего. Я ведь и сам — творец по профессии, инженэр.

Коньяк в бокале Берии был почти не тронут. Нарком опьянел от возможности высказать свои заветные мысли.

Ивакин взял папку, всмотрелся в нерезкую фотографию. Тёмноволосый человек в очках и в рясе.

— Павел Александрович Флоренский. 1882 года рождения. Русский, — прочёл Джаба Гивиевич, захлопнул папку и посмотрел на «старого испытанного товарища». — И зачем тебе нужен этот поп?

Лаврентий наклонился над столом так, что лицо его чуть не коснулось лица Ивакина.

— Я расскажу, я всё тебе расскажу. Только ты должен знать, что тот, кто прикоснётся к самой важной тайне нашего столетия, должен будет унести её с собой в могилу.

Джаба не был трусливым человеком. Но когда он услышал такие слова от главы тайной полиции и второго по влиятельности человека в СССР, по спине потекла струйка холодного пота.

— Этот, как ты выразился, поп, придумал, как из обычных водорослей получать оксид дейтерия. Много, быстро и дёшево. Тебе это ничего не скажет, ты хоть и умный, а гуманитарий. Но формулу воды даже ты, наверное, помнишь. В нашем случае вместо водорода в молекулу входит дейтерий. Получается так называемая тяжёлая вода, точно как обычная — жидкость без цвета и запаха, но она способна тормозить частицы при делении ядра урана. Это чтобы не вдаваться в технические детали, тебе они всё равно ни к чему, даёт возможность создать самое мощное оружие — бомбу, которая взрывается не динамитом, а разлетающимися атомами. Сбрось такую на Берлин

или на Москву, и города нет. От неё не убережёт танковая броня. От неё ничего не спасёт.

Первые исследования в этой области начал Гитлер. И затормозился, потому что оксида нужны тонны, а производить его дорого и долго. А потом, этот австрийский идиот ненавидит евреев, а среди физиков их большинство. Поп дал мне возможность сделать бомбу первым.

— Поздравляю, — ляпнул Ивакин, чтобы хоть что-либо сказать. Он, кажется, начал понимать планы своего старого знакомого. Больше всего хотелось броситься Берии в ноги и просить, умолять только об одном: не рассказывать больше ничего. Но доктор искусствоведения сидел молча и не шевелился.

— Ничего ты не понял, — тихо засмеялся нарком. — Тогда слушай дальше. Очень скоро начнётся большая война. Мы против Германии. Коба не ждёт нападения Гитлера, ведь военспецы убедили, что пик готовности немцев придётся на сорок второй год. Мне он сейчас не доверяет. Видишь, я говорю тебе всё. Поэтому я бомбардирую Хозяина записками, где предупреждаю: фашисты готовятся к вторжению. Они и на самом деле начнут этим летом. Для СССР первые дни будут ужасными. За пару недель танковые корпуса Гудериана займут Белоруссию и Украину. И произойдёт это только из-за близорукости Сталина. Его отстранят, а на место вождя единогласно выберут любого, кто сумеет предотвратить разгром. То есть остановить захватчиков. А это, как ты уже догадался, буду я, твой покорный слуга.

Стёкла пенсне отражали свет настольной лампы. Казалось, вместо глаз у наркома два горящих овала, словно лицом к лицу с Джабой беседовал сам Дьявол.

— А если фюрер решит, что надо идти до Урала... — начал Ивакин.

— Опять ты ничего не понял, — захихикал нарком. — У меня есть бомба, а у немцев её нет. Но бом-

ба — только дубина. Ею не надо бить, достаточно вовремя её показать.

Мы обо всём договорились с Рейнгардтом Гейдрихом[1]. Как только Гитлер чего-то захочет, он тут же превратится в Шикльгрубера. Или геройски погибнет на ниве служения Тысячелетнему Рейху.

А рассказал я тебе это, чтобы ты понял: документы, которые хранит Михаил Кедия, просто бумажки. Немцы не дадут сыну Мики опубликовать никакую информацию, способную повредить мне. За меня они сами свернут шею любому. Так что шантажировать меня, старый дружище, тебе нечем.

Джаба Гивиевич подавленно молчал. Руки, скрещенные на краю столешницы, пару раз дёрнулись, будто хотели взлететь, и замерли.

— Главный вопрос теперь, — продолжил с кривой усмешкой Берия, — что делать с тобой сейчас, когда ты слишком много знаешь. Надёжнее всего хранят секреты покойники.

Ивакин похолодел. Из его округлой фигуры словно выпустили воздух, и она обмякла в кресле.

Нарком внутренних дел внимательно следил за превращениями, которые происходили со «старым товарищем».

— Онемел от ужаса? — поинтересовался он. — Знаешь, пожалуй, я тебя не буду убивать. Я знаю, что ты ненавидишь меня. Я тебя тоже. Поэтому я с удовольствием буду иногда вспоминать, что где-то сидит в каменном мешке мой дорогой друг Джаба Ивакин, ни в чём не нуждается, пишет фундаментальный труд о... Над чем ты сейчас работаешь?

Доктор искусствоведения с трудом сглотнул и сиплым голосом ответил:

— Специфика средневековой эстетики. Космическая окраска, какую дало трактовке искусства богословие.

---

[1] Рейнгардт Ойген Гейдрих — начальник РСХА (Имперского управления безопасности) Третьего Рейха с 1936 по 1942 г.

— Замечательно! — искренне восхитился нар ком. — Вот и занимайся своей медиевистикой с ко мической, да хоть богословской окраской. Можеш даже при этом руководить ворами и налётчикам Но если когда-нибудь, хоть один раз, хоть на одну се кунду тебе придёт в голову...

Он говорил всё тише и тише и последние слова уж шептал:

— Ты понял?

Заключённый кивнул.

— Прекрасно, дружище, — Лаврентий Павлови налил в бокал коньяк. — Тогда давай устроим насто ящий пир князей! Только сначала скажи мне честно по-товарищески: кроме твоего Игоря хоть одна жива душа знала, что ты ищешь попа?

— Бандиты.

— Эти классово близкие дебилы не в счёт, — отмах нулся Берия. — Им ума не хватит что-либо понять.

— Больше никто, клянусь.

— Вот и славно, — промурлыкал хозяин кабинет и поднял свой бокал. — Давай выпьем за встречу. Ко нечно, надо чаще общаться. Но дела, дела...

И пригубил грузинский коньяк.

Уже стоя у выхода из кабинета наркома, Иваки обернулся к восседающей за столом фигуре и спросил

— Ты правда меня... — сглотнул перекрывший горл ком и закончил: — Не убьёшь?

— Правда, правда, — ворчливо откликнулся Бе рия. — Во-первых, мне действительно нравится, ка ты пишешь. Во-вторых, кто его знает, может, мне ещ понадобятся твои урки.

Возвращение в СТОН точь-в-точь повторяло пут в столицу, только наоборот. Машина с дюжими кон воирами, зажавшими Джабу, как кусок колбасы в бу терброде, самолёт, снова автомобиль. Всю дорогу Ива

кин гадал, сунут его в камеру или, как обещал лучший друг Лаврентий, оставят в прежнем кабинете.

Скачков встретил заключённого у входа, сам отстегнул наручники, умильно улыбаясь, спросил:

— Отдыхать, Джаба Гивиевич, или завернём ко мне, подхарчимся с дороги?

— Извини, начальник, — ответил профессор, — давай пир князей перенесём на завтра. Устал я очень.

— Конечно, — понимающе кивнул тюремщик. — Встреча старых друзей бывает очень волнительной. Как там Лаврентий Павлович?

— Как всегда, неусыпно радеет о судьбе государства, — ответил Ивакин.

За всеми пертурбациями он совершенно забыл, что нужно прекратить охоту за попом и следует отменить захват этого, как его, офицерика, который за Флоренского вступился. Запамятовал, и всё. Не до того было.

Зиновий Ефимович Аш набрал номер внутреннего телефона, дождался, пока сняли трубку, и, не произнеся ни слова, дал отбой.

Не прошло и получаса, дверь каморки под лестницей — «кабинета» Зиновия Ефимовича Аша — распахнулась. На пороге стоял комиссар госбезопасности первого ранга Заковский.

— Здравствуйте, — вежливо сказал он. — Я совершаю плановый обход сотрудников, решил вот заглянуть и к вам.

— Здравия желаю, — хранитель архивов попытался вытянуться по стойке «смирно». Сутулая фигура в мешковатом костюме выглядела комично.

— Тесновато помещение, — отметил заместитель наркома, оглядывая комнатку со скошенным потолком.

— В такой же Родион Романович у Достоевского обитал, — сообщил Аш. — Классик ещё отметил, что она была похожа на гроб изнутри.

Начальник хмыкнул, обводя глазами стеллажи, уставленные бесчисленными папками с завязанными бантиком шнурками:

— Неужто здесь помещается весь архив?

Зиновий Ефимович перехватил взгляд и чуть заметно утвердительно наклонил голову. А вслух произнёс:

— Что вы, — и всплеснул руками. — Сюда я отобрал только самые нужные и интересные экземпляры. Попадаются прелюбопытнейшие документы. Вот взгляните...

Он положил на стол чистый лист бумаги и стал быстро выводить обгрызенной ученической ручкой справа налево странные буквы, похожие на причудливо извивающихся червяков. Искоса глянул на Заковского, понимает ли, убедился, что да, Лёва Задов идиш не забыл, и заговорил вслух:

— Собственноручное признание, обратите внимание на почерк. Сейчас уже так не пишут.

Перо тем временем рисовало литеры, похожие на усики виноградной лозы.

«Берия, — читал Заковский, — вызывал к себе Ивакина. Сидели часа три, пили, жрали. Услышать, о чём беседовали, оказалось невозможным. Но Джаба после дружеского застолья вышел подавленным. Тут же его вернули в крытку на тех же условиях содержания. Лаврентий даже позвонил начальнику тюрьмы.

Есть основания предполагать, что нарком искусствоведа доломал и, значит, вышел на нас».

Леонид Михайлович искоса посмотрел на старого товарища. Тот печально усмехнулся и продолжал писать.

«К нашему Игорю ездил сам Кобулов. Предполагаю, Лаврентий Павлович сделает всё, чтобы бандиты убили Маркова. Выдвиженец вождя, который торчит у нашего начальника, как кость в горле, падёт от рук уголовников, а нарком — доказательно — тут ни при чем».

Леонид Михайлович взял из рук Аша перо, быстро написал такими же каракулями: «Мы должны это со-

рвать. Марков может оказаться нашим единственным, но очень, очень сильным союзником. В то же время нам нельзя светиться, это гибель».

Зяма кивнул и сжал пальцами ручку.

«Думаю, единственный выход — снова задействовать Лося».

Заковский кивнул, взял исписанный лист, щёлкнул зажигалкой, потом прикурил от пылающей бумаги и держал её, пока в обожжённых пальцах не остался крохотный чистый уголок.

— Товарищ комиссар госбезопасности первого ранга, — громко произнёс Аш. — Здесь курить нельзя, бумага же везде.

Задов улыбнулся, растёр подошвой сапога чёрный пепел, подмигнул Зиновию Ефимовичу и так же громко ответил:

— Извините, товарищ Аш, забылся. Спасибо за интереснейший документ, — и вышел в коридор. Продолжать плановый обход сотрудников.

ГЛАВА 11

Как и обещал Игорь Саввич, Витюлю ждали. Только он повернул со Сретенки на Бульварное кольцо, чтобы направиться ко входу в «Чебуречную», двое парeньков в чёрных пальто и блатных кепках-восьмиклинках, стоявшие на противоположной стороне улицы, двинулись вразвалочку в сторону Главпочтамта. Куцубин «срисовал» их сразу, легко обогнал и подумал ещё, что плоховато работают мальчики. Стоит нарваться на опытного мужчину, например такого, как он, кто и на воле гулял, и зону топтал, и тут же дают маху (интересно, кто он такой, этот Мах?), как голимые пижоны. У входа в полуподвал, где располагалась обжираловка, как обычно, толпились в ожидании тепла и вкуснятины человек шесть-семь, среди них даже

женщина. Виктор пристроился в хвост, за длинным тощим юношей в кожаной на меху куртке типа лётчицкой. Для порядка спросил его:

— Последним ты будешь?

Тот обернулся и нагло сказал:

— Последним будешь ты, а я — крайний. — И предупредил накат уголовного «психа»: — Просили больше не занимать. И вообще тебе не сюда.

В тот же момент Куцубина тронули за плечо. Не оборачиваясь — жизнь научила, — бандит скосил глаза. На пальце он увидел синюю татуировку: перстень с доминошной «шестёркой» вместо камня. Поднял взгляд и узнал одного из поджидавших на углу фраеров. Фраер ухмыльнулся и приглашающе повёл головой. Виктор вдохнул запах наперчённого мяса и спиртного, вырвавшийся из двери «Чебуречной» вместе с кем-то из насытившихся посетителей, и двинулся за проводником. К его удивлению, Длинный потопал следом. По противоположной стороне не спеша шагал третий.

До улицы Кирова они не дошли — нырнули в какой-то не то проулок, не то вообще ход, заманивавший вроде бы в сторону Лубянки, но, будто испугавшись, круто сворачивающий назад к Сретенке, потом закручивающий петли и вихляющийся, как задница «Восьмого марта»[1]. Когда Виктор полностью потерял направление, «шестёрка» нырнул в неприметную калитку в покосившемся некрашеном заборе и поманил за собой.

Во дворе нарисовался крепкий и немаленький, комнат на восемь, каменный дом с прочной даже на вид узкой дверью и таким же крылечком перед ней. Филёнка распахнулась, как только перед нею оказался «окольцованный». Он шагнул внутрь, Куцубин за ним. Сопровождавшие остались на холоде.

Внутри было натоплено до полной духоты. Узкий, в ширину филёнки, коридор, как и проулок, резко сворачивал то влево, то вправо. В толстых стенах через

[1] Дама для сексуслуг на «фене».

неравные промежутки были выбраны глубокие ниши, некоторые из них полузатянуты вылинявшими занавесками. Нападающие будут вынуждены пробираться гуськом, друг другу в затылок, а защитники строения спокойно воткнут заточку или финарь в бок любому или жахнут из волыны, и ваших нет.

Наконец проход растроился. Тоже разумно, решил Виктор, поди угадай, куда бежать. Не хавира, а стол напёрсточника, только вместо горошины — драгоценное тело и ещё более драгоценная голова одного из двенадцати человек, чьё слово может начать или предотвратить войну между правильными ребятами во всей, страшно подумать, столице нашей Родины.

«Шестёрка» уверенно свернул налево, потом юркнул направо в открывшийся лаз между проходами, вывернул не то в центральный, не то вообще в крайний коридор по правой руке и тихо стукнул в дубовое полотнище. Выждал с минуту и толкнул его, вошёл и поманил за собой Виктора. Куцый глубоко вздохнул и сделал, как написали бы в дамском романе, судьбоносный шаг.

Чтобы попасть на самый верх любой социальной пирамиды, нужно быть особенным. Самое важное из потребных качеств — готовность на всё, буквально на всё. От — родную маму продать, выкупить и снова продать, но уже дороже, до — публично облизать самые волосатые места волосатого дяди. Далее идёт ум — только дурак может поверить, будто выбиться в начальники может дурак. Другое дело, что здесь речь идёт о весьма своеобразной «соображаловке». Она позволяет оценить опасность, быстро найти кого-то, кого можно скормить вместо себя уже прыгнувшему хищнику. Одним из важнейших слагаемых такого мышления является полная бессовестность и неспособность к любым эмоциям: избранники судьбы любят только собственных детей, да и то до определенной черты. Чтобы превратиться в «бугра» в обычном мире,

названного, пожалуй, достаточно. Что-либо знать и разбираться хоть в какой-либо деятельности здесь не обязательно. При любом строе в России первые лица с равным успехом командовали прачечными и академиями наук, образованием и похоронными бюро, вооруженными структурами и медициной. А уж партийные бонзы возглавляли всё и управляли отраслью, не всегда умея правильно выговорить её название.

В подпольном мире власть устроена точно так же. Только в наши дни, когда народ увидел, что власть и криминал едины, обнаружилось и небольшое несходство. В бандитской среде пахан обязан во всех тонкостях разбираться в порученной ему работе. Ведь перевод на другое место службы тут сильно зависит от достигнутых на прежней стезе результатов, а увольнение подписывается не пером, а «пером». Поэтому уровень квалификации руководителя в «хтоническом» мире не в пример выше.

Автор (сочинители детективных романов до этого термина ещё не добрались, потому стоит пояснить, что на языке тюрьмы и улицы это главарь преступной группы, чуть повыше авторитета, чуть пониже вора в законе) Ролен Михайлович Длугий был плотным человеком около метра шестидесяти сантиметров ростом. Он имел обыкновение носить приличные костюмы и белоснежные рубашки с галстуками. Широкое мясистое лицо его не выражало ничего. Улыбался он редко — не желал показывать частокол серых зубов, крепко прореженных временем и ходками в зону.

Среди элиты столичных воров он был известен как «Ролик». К его мнению прислушивались. Не в последней степени этому способствовало обстоятельство, что при необходимости «держать руку» Ролика в белокаменной готовы были три-четыре сотни гопников и прочих работников финки и кастета.

Взаимоотношения между представителями многочисленных криминальных специализаций были

непростыми. Нередко профессиональные интересы входили в настолько антагонистичные противоречия, что гармонизировать их банальным мордобоем уже не удавалось. Да и в принципе неправильно, когда вопросы решаются при помощи грубой силы. Жить нужно по справедливости, а её обеспечивают понятия, перед которыми все равны. Слово каждого из дюжины столпов, блюдущих понятия и на их основе поддерживающих внутренний порядок в цивилизованном сообществе уголовников, конечно же было весомо. Но непререкаемость Слову обеспечивало Дело, а оно всегда в руках наиболее агрессивных и привычных к топору. Понятия того, за кого были эти, и оказывались самыми понятными и правильными. Организованной преступности в те времена не было, любая попытка создать личную гвардию официальной властью трактовалась как сколачивание преступного сообщества, читай, банды, и каралась почти как политическое деяние. Кто мог сослаться на большее количество вроде бы разрозненных, но способных объединиться в любой момент людей, тот мог рассчитывать на понимание окружающих. Длугий рассчитывал на понимание и, как правило, его получал.

Обычно вокруг Ролена Михайловича толклись всего пять-шесть помощников. При этом ни один не поражал воображение массивностью телосложения или повышенной звероватостью наружности. Обычные пареньки, только всегда нахмуренные и неулыбчивые. Вечно серьёзный вожак не терпел рядом тех, у кого на роже сияние оскала.

Когда старший из помощников, Фаддей, уважительно склонившись к ушку, шепнул, что на линии Игорь, Ролик кивнул. Он был одним из трёх столичных смотрящих, кто удостоился чести общаться с Джабой. История их знакомства могла бы лечь в основу двухтомного роман в духе «Петербургских тайн» Всеволода Крестовского. Пересказывать её сейчас мы не станем.

Может, когда-нибудь. Она стоит отдельного описания. Отметим только, что Джаба тогда крепко выручил Ролика, можно сказать, от «стенки» отвёл. А Ролик жил по принципу, который сформулировал знакомец юных лет Моисей Япончик, который любил повторять: «Миша помнит, кто сделал ему радость и кто сделал ему гадость. И каждому воздаёт по делам его».

Поэтому он взял тяжёлую трубку, выслушал человека, которого Гивиевич оставил на связи, пообещав, что тот обратится к одному из криминальных «апостолов» только в случае крайней необходимости, и ответил на просьбу кратко: «Сделаю, что смогу». Потом он задумался. Тщательно вычистив организацию, органы сознательно оставили телефон и человечка, к нему приставленного. Из этого следует, что разыгрывается вариант: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Как умный человек, автор понимал, в какой стране живёт. Мысль, что человек не может в нашем государстве остаться один, ведь кто-либо да будет за ним следить, Ролик впитал с молоком матери. Что из этого следует для Длугого? В принципе, сам факт, что мелкий преступник после отсидки пытается найти кого-то из корешей — товарищей по несчастью, вполне заурядён и особого внимания привлечь не должен бы. Джаба несколько раз просил разных авторитетов помочь в похожих просьбах. Иллюзий, будто грамотные в своём деле граждане из легавой псарни ни сном ни духом не ведают о самом Ролике и его мальчиках, у «бугра» не было. Главное было не привлечь пристального внимания тех, кто обнулил Ивакина. Получалось, что в данном случае компетентные органы особого интереса к выполнению просьбы опального искусствоведа проявить не должны бы. Только после этого Ролен Михайлович поручил Фаддею перезвонить Игорю и назначить время встречи с посланцем учёного.

Когда Ивакина упрятали, мало кто из фартовых знал, куда именно. Длугий знал. Все, кто составлял команду

доктора искусствоведения, тоже исчезли в одночасье. То была именно команда — Джаба опередил своё время. Он придумал и создал не обычную банду, но структуру, какие породил «сухой закон» в САСШ или много лет спустя бандитский капитализм в России. Это была ОПГ, включавшая различные подразделения: аналитиков, каждый из которых специализировался на своей теме, будь это банковское дело или тактика оперслужб НКВД; управленцев, в том числе организаторов сети сбыта краденого и ответственных за материальное обеспечение операций, от оружия до транспорта, одежды и средств изменения внешности. Собственно убивцы, по-современному боевики или «солдаты», составляли фундамент пирамиды. При такой организации все деяния «ивакинцев» оказывались удачными и прибыльными, а выйти на след преступников сыскарям почти никогда не удавалось. Каким образом опера всё же сумели одним ударом «закрыть лавочку», Ролик понимал. А удивило его то, что ни один из контактов гуманитария раскручивать не стали, хотя особого труда это не составило бы. У автора осталось впечатление, будто кто-то дал команду нанести точечный удар по выскочке, который слишком уж обогнал своё время, но не трогать обыкновенных уголовников.

Обычно при разгроме преступной группировки органами большая часть её членов ускользает из силков и сетей, прибивается к другим бандам. Из «людей Джабы» ни один не вырвался из лап легавых. Кого-то из мелких сошек потом встречали на ударных стройках пятилетки, но все, кто был «при делах», канули в неизвестность. Так что пахана можно было считать отработанным материалом. Однако Ролена Михайловича не оставляло чувство, что эта история ещё не дописана и Ивакин всплывёт. При каких обстоятельствах такое может произойти и что из «второго пришествия» воспоследует, Длугий даже представить не мог. Однако случись подобное, Ролик предпочи-

тал оказаться на стороне Джабы, ошую или одесную, не важно, лишь бы не на стороне врагов доктора искусствоведения.

Как всякий неформальный лидер, Ролик разбирался в людях не хуже профессора психологии, только терминологию использовал другую. Он мог вынести точное представление о человеке по манере одеваться, походке и позе, манере говорить и жестикулировать. Автор умел сломать собеседника или вознести к небесам надежды, ничего не сказав, только меняя интонацию и темп беседы. Словом, талантами хорошего опера или театрального режиссера криминальный авторитет был наделён в полной мере.

Только взглянув на тощую фигуру в новеньком пальто, из-под которого виднелись отглаженные костюмные брюки, старательно заправленные в приспущенные «гармошкой» голенища сапог, на облезлую ушанку, которую визитёр прятал за спину, самое главное, отметив, как он вошёл, ещё в коридоре изломав фигуру, как говорят актёры, «пристройкой снизу», Ролен Михайлович подумал: «Под рукой у Джабы совсем никого не было, если он поручил дело такому... С другой стороны, и опекуны Ивакина только глянут на «посла» и сразу поймут, что здесь ничего серьёзного и быть не может». Дальнейшее ясно само по себе: недостаток времени, искать кого поумнее некогда. Требовать большой сообразительности от почтового голубя никто не станет. Его задача — долететь и позволить снять с лапки письмо. Хватило тямы не попасть в зубы помоечной кошке — и ладно.

Вдоволь наглядевшись на «пижона», то есть в переводе с французского на нижегородский — голубя, Ролик протянул руку. Витюля догадался и сунул в ладонь маляву, плод своего литературного творчества. Автор пробежал глазами неровные буквы, усмехнулся и кивнул: «Объясняй». В который раз за последние дни Куцый начал пересказывать историю с очкастым интеллигентом.

Слушая отрепетированную многократными повторениями речь «казачка посланного», пахан размышлял: начлаг крупно лопухнулся, надо думать, по собственной дури. Джаба верхним чутьём уловил запашок чужой тайны и решил докопаться, где что зарыто. И хрен бы с ним, да принадлежит секрет кому-то из тех деятелей, что под самыми звёздами, причём кремлёвскими, потому безопаснее прикоснуться к оголённому проводу под напряжением сто тысяч вольт, чем к этому веданию. Тут уж буквально, кто умножит знание, тот умножит скорбь. Скорее всего, родные и близкие станут печалиться о безвременно ушедшем человеке, которого, как ту кошку, сгубило любопытство.

Желание Ивакина стать на равную ногу с сильными мира сего всегда пугало пахана и вызывало его осуждение. Ролик не мог понять, что люди, которые для него были только символами, лицами с огромных портретов в газетах и на фасадах зданий, для Джабы были такими же подельниками, как для самого автора — тот же Японец или, ещё проще, верный Фаддей. И относиться к ним с восторгом и обожанием доктор искусствоведения не мог. Слишком хорошо ему были известны глупость, трусость, жадность каждого. Поэтому когда Длугий предпочитал лежать на дне, как можно глубже зарыться в ил и не делать резких движений, Гивин сын норовил сыграть на известных ему слабостях и просчётах знакомцев как на фортепианных струнах.

Выслушав дозволенные речи, Ролен Михайлович неожиданно спросил: «О том, что ты придёшь, Ивакин звонил Игорю по телефону?» Куцый молчал. Он не мог понять, с чего это пахана интересует не малява, а способы связи большого человека с его подручным.

— Наверно... — пробормотал Витюля и сострил: — Телеграмму послать, мол, выехаем, зустречайте, там неоткуда. А телефон есть.

— Лучше бы он сбегал до ближайшей почты и всё-таки отбил телеграмму, — мрачно пробормотал Ролик.

«Вольноотпущенник» решил, что теперь шутит авторитет, ухмыльнулся и пояснил:

— Так до ближайшей почты километров четыреста. Тундрой. И вертухаи возражали бы. А их горячие приветы на километр достают.

— Ладно, — решился наконец Длугий. — Узнавать нужно только по Москве? А то Россия, она большая. По этому поводу Куцый инструкций не получал, но раскинул мозгами: очкастого и служивых везли именно в столицу. Значит, скорее всего, здесь и держать будут.

— По Москве, — кивнул уголовник. Но на всякий случай добавил: — И по России.

Ролик хмыкнул:

— По Белокаменной ответы будут через неделю. А что касается страны... даст бог, за годик управимся.

Богдана Захаровича Кобулова не соединили с Лосем потому, что первый заместитель Берии находился в кабинете начальника. Расположились у самого окна. Грудастая Любочка по приказу Лаврентия Павловича вкатила трёхэтажный сервировочный столик. На нижней полке в хрустальной вазе громоздилась пирамида шоколадных конфет. Оба собеседника обожали сладости. Среднюю занимали бокалы для коньяка, кофейные чашки китайского фарфора, серебряные ложечки, сахарница, наполненная колотым кусковым сахаром, и серебряные же щипцы. Наверху завершала картину бутылка грузинского коньяка, который Берия обожал. Сэр Уинстон Черчилль смог оценить этот напиток позже. И не без участия руководителя НКВД. Именно Лаврентий предложил Сталину отправлять союзнику дорогой грузинский коньяк ящиками ежемесячно.

Огромная туша Богдана Захаровича комфортно расплылась по мягкому «полулежачему» креслу. Пиджак расстёгнут, галстук спущен. Строгий чёрный костюм выглядел мятым и заношенным. Это было особенно-

стью Кобулова-старшего: любая одежда сидела на нём как седло на корове.

Любочку Богдан Захарович смачно шлёпнул по круглому заду. Так он выражал своё доброе отношение.

Сам хозяин кабинета тоже вольготно раскинулся в кресле. Он тоже надел чёрный костюм — униформу служащих. Но брюки и пиджак Лаврентия Павловича выглядели словно только вышли из-под гладильного пресса. Стёкла пенсне, как всегда, сияли родниковой чистотой.

Мужчины подождали, пока секретарша разложит приборы.

— На сегодня ты свободна, дэвочка, — распорядился Берия. — Можешь отправляться домой. А подежурит пусть Мамиашвили.

Любочка благодарно улыбнулась и выпорхнула за дверь.

Лаврентий Павлович одновременно держал двух секретарш. Одну — для подготовки застолий и других услуг, они же услады. Этих девиц он менял через несколько месяцев.

Вести серьёзные вопросы и готовить все важные встречи нарком поручал только красавице-грузинке Мамиашвили. Её он сам звал только по фамилии и требовал того же от всех, кто входил в приёмную. Доверял ей Берия абсолютно и безраздельно. Держался подчёркнуто уважительно. Высокомерная, холодная и закрытая Мамиашвили охраняла секреты начальника и его покой, словно Цербер — врата Аида.

— Что у твоего брата-армянина? — Лаврентий Павлович на правах хозяина разлил в бокалы коньяк, глубоко вдохнул запах. — Пей, Богдан, ты у нас Хмельницкий. В смысле, за воротник заложить любишь.

— Продолжает работу с «Лицеистом». Агент вполне приличный.

— Это журналист из «Бриве Земе»? Как его? Орест Берлинкс?

— Точно так, Лаврентий Павлович.

— Ваш «Лицеист» гонит полную туфту. Даёт сведения о вермахте как сотрудник Генерального штаба. Откуда? О политике сообщает, как будто каждую пятницу обедает с самим Гитлером. А ты каждое донесение братца подсовываешь прямо на стол Кобе. Запомни, Хозяин — великолепный аналитик, поймёт, кто готовит «дезы» для борзописца[1]. И память у него цепкая. Пусть Амаяк сделает выводы.

— Мы тоже не только пальцем деланы, — шумно вздохнул Богдан Захарович и заворочался на мягком сиденье. — Из данных журналиста следует, что фюрер рвётся к войне с нами, а его окружение — против. С учётом обстоятельства, что Коба...

— Для тебя — товарищ Сталин, — поправил Берия. — Называть его Кобой имеют право только старые товарищи по партии.

— Извините. Так вот, с учётом того, что товарищ Сталин знает многих фигурантов, выводы он сделает прямо противоположные.

Нарком хмыкнул.

— Посмотрите сами. — Кобулов выкарабкался из кресла, подошёл к рабочему столу Лаврентия Павловича, взял из кожаной папки лист бумаги и подал начальнику.

Нарком поднёс документ к пенсне и стал читать чёткий машинописный шрифт:

Совершенно секретно

18 марта с. г. в Берлин приехал из Москвы _____. С аэропорта _____ направился к _____, где его ждали _____ (_____) и _____. Беседа продолжалась около часа.

Через некоторое время после этого шофёр _____ — _____ в разговоре заявил, что _____ раздражён тем, что Берлин держит его в полном неведении

[1] Дезинформационные материалы для «завербованного» А. З. Кобуловым Ореста Берлинкса по прямому указанию Гитлера готовились в министерстве пропаганды Г. Геббельса.

и что _____ не привёз никаких сведений, которые дали бы возможность _____ соответствующим образом ориентироваться в сложившейся обстановке.

16 марта с. г. _____ в беседе заявил следующее:

«Я лично очень пессимистически настроен и, хотя ничего конкретного не знаю, думаю, что Гитлер затевает войну с Россией. В конце февраля месяца я виделся лично с _____ и совершенно открыто сказал ему, что его планы о войне с СССР — сплошное безумие, что сейчас не время думать о войне с СССР. Верьте мне, что я из-за этой откровенности впал у него в немилость и рискую сейчас своей карьерой, и, может быть, я буду скоро в концлагере. Я не только устно высказал своё мнение _____, но и письменно доложил ему обо всём. Зная хорошо Россию, я сказал _____, что нельзя концентрировать войска у границ Советского Союза, когда я ручаюсь, что СССР не хочет войны. ...Меня не послушали, и теперь я абсолютно не в курсе дел. Меня осаждают все мои коллеги — _____, _____, _____ с расспросами, что происходит в Берлине, и я никому не могу дать ответа. Я послал _____ (_____) специально в Берлин, чтобы он выяснил положение, и, кроме того, выяснил, как поступить нам всем здесь в посольстве в случае войны. Моё положение ведь тоже не совсем хорошее, когда вся злоба вашего народа может обратиться против меня. Может быть, через неделю меня уже не будет в живых ...Я не могу себе представить, так же, как и _____ (_____), _____ (_____) и все мои подчинённые, того момента, когда начнётся война. Мы все не хотим этого.

Возможно, что я, находясь здесь, и преувеличиваю, но я полагаю, что через неделю всё должно решиться. Никто не хочет верить в возможность войны».

Зам. народного комиссара
государственной безопасности СССР Кобулов.

Дочитав, Берия спросил:

— Что это за бред?

— Это сообщение о встрече фон Шуленбурга с Деканозовым. Немецкий посол не хочет войны, вот и попытался уговорить нашего железного армянина, будто Гитлер не собирается нападать на СССР.

— А что значит «через неделю всё должно решиться»? Иосиф должен домыслить, что подробный план «Барбаросса», который неизвестно от кого, но помимо наших служб, он получил три месяца назад, это чья-то шалость? Оберкомандовермахт сочиняло эту бумажку шутки ради? А утвердит или отменит его Гитлер к первому апреля?

— Вы же сами сказали: «Получил неизвестно от кого». И вы правы. Такой документ никакой разведчик добыть не может. Это первое. А второе, товарищу Сталину передали проект документа, а не окончательное и утверждённое решение. Если только сегодня намечено окончательное обсуждение, зная немецкую пунктуальность, можно предположить, что время ещё есть...

— Хитрый ты, Богдан, — сказал Берия. — Но дурак.

Богдан Захарович вновь угнездился в кресле, взглядом спросил разрешения наркома и склонил бутылку над бокалами. Потом, отсалютовав посудой, вдумчиво выпил и только после этого спросил:

— А почему дурак?

— Потому, что на границе уже столько немецких войск, что плюнуть некуда.

— Передислокация. Тренировка к операции «Морской лев» подальше от авиации и разведки англичан.

— Ну да, немцы так и брешут. А то, что переброшенные части соответствуют перечисленным в твоём «проекте», это как?

— А обращать внимание товарища Сталина на такие мелочи не стоит. В конце концов, не все данные войсковой разведки добираются до стола главы пар-

тии. Надо просто провести работу с Генштабом, с товарищем Жуковым.

— Ладно, — махнул рукой Лаврентий Павлович. — Проехали мимо. Что у нас по другому направлению?

— Нихтс нойен, — щегольнул Богдан Захарович. — И адмирал, и Гейдрих плачут и стонут, что не успевают. Сейчас у них проходят двадцать четыре эшелона к границе в день. Этого слишком мало. Немцы пересчитывают графики, чтобы пропускать больше, но раньше середины апреля вряд ли сумеют что-либо изменить.

Берия задумался. От зарубежных партнёров уже месяц назад пошли панические сообщения, мол, опаздываем. Слишком быстро идёт концентрация войск в приграничье. Сталин ударит первым. Надо любой ценой затянуть время, потому что ускорить переброску и разворачивание дивизий вермахта невозможно. Мало того, что ограничена пропускная способность железнодорожных веток. Ещё и генералы никак не могут поверить, будто русские готовятся к наступательным действиям стратегического масштаба, они убеждены, что СССР только прикрывает собственные границы. Чтобы убедить высших чинов вермахта, хитроумный Канарис показал Гальдеру советский фильм «Если завтра война». Там весьма реально показано, как вырываются на европейские дороги лёгкие танки, как дальняя бомбардировочная авиация крушит столицу противника, а орды азиатов в шинелях и обмотках, с непривычно длинными на взгляд европейца винтовками занимают очень аккуратные сёла и городки. Так этот стратег хренов заявил: «В кино красные вступают в бой только после того, как на них напали. Такова природа славянской души».

Раз нельзя поторопить отстающего, приходится ставить подножки лидеру гонки. Человек средних способностей, тот же Павлов, стал бы искать способы затормозить наши перевозки: запутать графики, может,

даже осуществить ряд диверсий на железнодорожных магистралях. Но Берия — не какой-то заурядный интриган. Он придумал снизить темпы разворачивания боевой мощи империи руками самого властителя.

Всё началось с ощущения обиды. Сталин неправильно отнёсся к старому другу, никак не хотел впустить Лаврентия в сонм избранных. Это было несправедливо. Берия служил Кобе, словно верный пёс. Угадывал любое желание. Собственной грудью прикрыл от выстрела. (Правда, пистолет держал в руках свой, надёжный человек. И патроны, на всякий случай, были особые. И всё же...) Начальник тайной и явной полиции имел огромное влияние. Но формально он оставался только кандидатом в члены Политбюро, причем принятым не так давно. А три недели назад даже госбезопасность, пусть формально, но вывел Хозяин из подчинения НКВД.

Берия не имел никаких перспектив добраться до реальной власти, до главного кресла. А случись что с Иосифом (он уже совсем не молодой человек, на седьмом десятке) и?.. Любой преемник тут же вспомнит, что хоть чем-то, а обижал его нарком внутренних дел. Работа такая, обязательно каждому на мозоль хоть разок да наступишь. И отправят Лаврушу в штаб Духонина, пискнуть не успеешь. Так что стать наследником Сталина — вопрос не честолюбия, а выживания. А как? По «официальной» очереди — положений, политического веса впору кричать: «Кто последний? Я за вами».

Силовой вариант захвата обречён на провал. Армия легко подавит путч внутренних войск и частей НКВД. А пригласи солдафонов в План, они станут главными. Зачем тогда плести интригу? Чтобы ввезти в рай на собственном горбу какое-нибудь ничтожество, генерала Франко, только ме-е-стного? И — смотри выше. Любой из них тебя тут же уконтрапупит.

Сколько рабочих дней и бессонных ночей провел Берия, решая одну, главную проблему: как? И ведь до-

думался! Что может напугать человека, которому подвластно на этой земле почти всё? Только гнев божий. Тем более, Библию Коба изучал, книгу пророка Даниила знает, с его-то памятью, почти наизусть. Вот пусть прочитает на стене собственного кабинета, а не Навуходоносорова замка, знаменитые слова: «Мене, текел, уфарсин».

Разработка была изящной: если война начнётся по варианту «Барбаросса», а не по плану операции «Гроза», если Гитлер успеет первым ударить по неподготовленным боевым порядкам, фактически по неорганизованному скоплению бойцов, по танкам без горючего и боеприпасов, по самолётам на приграничных аэродромах... Люфтваффе бомбит Минск, танки Гудериана прорываются на сотни километров в глубь страны. А товарищ Сталин в это время гоняет привидений по Кремлю. Об этом кое-кто уже знает — не набросишь же платок на каждый роток, как говорят русские. Через очень короткое время о странностях Хозяина начнут шептаться многие. Иосифу Виссарионовичу можно посочувствовать: он много лет тащил неподъёмный груз практически единоличного управления страной. Устал. Надорвался. Но объективно получится: не оправдал вождь высокого доверия партии и народа, не сумел обеспечить неприкосновенность священных рубежей первого в мире социалистического государства? Если вдобавок он ослабеет — реально или хотя бы только в глазах «общества», сплочённая группа коммунистов-ленинцев, организаторов производства и военных, сумевшая предотвратить полную катастрофу, станет во главе, а её лидер — самым. И кто в таком случае станет командиром, как говорил в кино Чапаев? Товарищи не успеют создать в этой ситуации единый блок противодействия. Они будут остерегаться один другого, каждый станет искать себе преимуществ и гарантий. Потеряют темп. Второе — они, не имея предварительных наработок

и договорённостей, не сумеют убедить немцев остановиться до Урала.

Что стального Иосифа при встрече со сверхъестественным хватит Кондратий, в это Лаврентий не верил. Но если даже... Тоже неплохо! В преддверии большой войны ни один из «тонкошеих вождей» (правильно, что расстреляли этого Мандельштама, потому что нельзя быть на свете умным таким) на себя ответственность не взвалит. Опасно, себе дороже может выйти. А при коллегиальном руководстве такому человеку, как он, Берия, выйти в первачи гораздо проще. На всех этих Маланий, Николашек, на каждого из них есть пудовые досье. Только краешек покажи, и станет человечек твоим самым закадычным другом. И не бывает верности прочнее, потому что ты его за кадык надёжно ухватил.

Оставалась техническая трудность: договориться с немцами. Легко решить, что надо направить доверенного человека к высшему руководству Третьего Рейха для налаживания доверительных контактов. Ты придумай, как сделать, чтобы человека до этого самого высшего руководства допустили. Верительную грамоту или рекомендательное письмо Лаврентия Берия фюреру Адольфу Гитлеру, мол, податель сего — мой доверенный человек и имеет полномочия заключать тайные пакты о сотрудничестве, — не дашь. Значит, пробивай канал. И ведь всё самому приходилось обмозговывать, никому довериться нельзя. Кроме, конечно, старшего Кобулова.

Богдан — неглупый человек, думал нарком. Он может разработать и провести операцию. Но сплести настоящую многоходовую интригу ему не дано. Это — искусство, сродни созданию романа или постановке театрального спектакля, только ещё сложнее. Там вымышленные персонажи, они послушно выполняют всё, что задумали автор или режиссёр. Здесь — ты придумываешь как бы сюжет, где действуют живые люди. У каждого свои интересы, умы, характеры.

Надо так выстроить обстоятельства, чтобы некто делал то, что нужно тебе, свято веря при этом, будто он торит тропинку к собственной цели.

Лаврентий Павлович чувствовал себя истинным творцом. Маркс сравнил когда-то историю с кротом. Незримо, во тьме и тайне прокладываются новые пути, создаётся будущее мира. Сегодня роль существа, нет, — божества, роющего туннели, по которым придёт неожиданная и неотвратимая судьба миллионов людей, исполняет он, Берия.

Тем не менее идею подсказал Кобулов, когда пришёл с просьбой устроить на тёпленькое местечко младшего брата, Амаяка. И Берию осенило.

Как распинались в этом кабинете Фитин с Журавлёвым, доказывали, что не справится необразованный дилетант с работой резидента. Правильно говорили, между прочим. Но Лаврентию Павловичу был нужен там человек с фамилией первого заместителя наркома.

Чтобы Амаяку Кобулову поверили, Лаврентий решил «сдать» его руками коллегам из германской госбезопасности группу антифашистов. Все они были классово чуждые — аристократы. Плебея Адольфа с его лавочниками презирали, тяготели к британцам и легко согласились снабжать политической и военной информацией 6-й отдел СИС. Если бы они узнали, что добытые сведения уходят на Лубянку, сотрудничество было бы прервано в тот же миг. Лаврентия Павловича вчерашние бурши ставили не выше, чем Геринга или Гиммлера.

Нужно было подготовить почву для явления «брата-армянина» фашистскому руководству. Эту миссию нарком возложил на Ляльку Червонную. Правда, не посвящая в свои истинные планы. По заданию-прикрытию она должна была передать новые шифротаблицы для руководителей нескольких подпольных групп, которые были завязаны на русскую разведку. Руководил ими Коротков, человек Фитина в Берлине. И связная была направлена к нему. Дурочке дали «слу-

чайно» узнать чуть больше, чем положено. Что существуют очень осведомлённые и высокопоставленные люди, которые сливают врагам сведения о самых важных секретах Германии. И ничего более конкретного.

На деваху аккуратно вывели Ликуса, штандартенфюрера СС, начальника управления «4 Д». Фриц активно делал карьеру на разоблачении «предателей фюрера и Рейха». Выпотрошить молодую даму для него даже не работа, а сплошное удовольствие. Червонная по задумке Берии должна была рассказать ровно столько, чтобы информация Амаяка потом, когда он придёт устанавливать контакты, подтверждалась. А что из Червонной немецкая служба безопасности достанет всё, что та когда-либо слышала хоть краешком уха, нарком внутренних дел не сомневался ни секунды. Его люди и сами в этой области умели многое.

Лаврентий Павлович так и не узнал, то была фамилия или псевдо. Нельзя привлекать внимание к рядовому связнику. Прояви нарком интерес, тут же начнут присматриваться к возможной фаворитке. А девка была красивая! Рыжая, пышная. Как раз такая, каких он и обожал. Эту даже попробовать не успел. Пожертвовал на алтарь Отечества, хоть и жалко было.

Зато одним выстрелом убил двух зайцев. Во-первых, разрыхлил почву для зёрнышка — Амаяка. Во-вторых, укоротил Короткова. О, какой каламбур получился! А то явился, не запылился, как бы разворачивать агентурную работу по заданию самого Фитина. На самом деле Берия допускал, что начальник разведуправления поймал «верхним чутьём» запах провала и направил собственного эмиссара присмотреть за «трудами и днями» брата-армянина — резидента Лаврентия Павловича. Вот и повертись, товарищ контролёр Коротков, под колпаком у хитрого штандартенфюрера.

Как только немцы начали открыто следить за Коротковым, Кобулов-младшенький отправился к Ликусу. Его информация и сама по себе была достаточ-

но важной для того, чтобы штандартенфюрер взял на себя смелость доложить самому высокому руководству. Начальник управления, пусть даже «4-Д», редко просится на приём лично к Гейдриху. А тут ринулся, словно в Валгаллу. То есть сделал то, что Берии от него надо было. Умному Рейнгардту Ойгену всё стало понятно. Вот кусочек хорошо придуманной интриги. Каждый вроде бы исполнял свою работу: Фитин, Журавлёв, Червонная, Ликус. Даже Гейдрих. А на самом деле все работали на Лаврентия Павловича.

В этот момент звякнул внутренний телефон. Нарком поморщился. Когда он уединялся с Кобуловым, вымуштрованная Мамиашвили могла позволить себе побеспокоить шефа только в самом крайнем случае. Не обращая внимания на звонок, Богдан Захарович взглядом попросил разрешения начальника и щедро набулькал в свой бокал ещё коньяка, опрокинул напиток в рот, сглотнул, сгрёб из вазы пару конфет, стал зажёвывать. Берия подошёл к рабочему столу, снял трубку. Через минуту он взорвался: «Амтацхэ хцава варнахе хче!» Опомнившись, произнёс по-русски: «Извини. Зайди».

В кабинет вступила секретарша, высокая, как всегда красивая и элегантная. Сейчас женщина выглядела очень встревоженной.

— Говори, — приказал нарком.

— Лось, новый заместитель Власика, звонил Богдану Захаровичу по поводу плана тайных ходов в Кремле. Он разнюхал, что такая карта имелась в документах репрессированного профессора Киселёва. Трубку взял Эйтингон.

— Где сейчас Наум? — резко спросил Берия.

— Он сразу же созвонился с Поскрёбышевым. Сейчас, думаю, уже на приёме.

— Тацмахе вахце, — снова не выдержал Лаврентий. Ему вдруг показалось, будто Сталин сумел подслушать его мысли. От ужаса прошибло потом. Белая рубашка потемнела, по кабинету разнёсся резкий запах страха.

Краем глаза нарком заметил, как бесформенной коровьей лепёшкой расплылась в кресле туша Богдана Захаровича: «ОН знает всё. Господи, что же будет?» Кобулов-старший уставился на дверь кабинета, словно ожидал, что прямо сейчас ворвутся умелые мальчики, скрутят, спустят в подвал. А там... Что там, заместитель наркома знал даже слишком хорошо.

Мамиашвили с презрением наблюдала за своими начальниками и подельниками.

— Возьмите себя в руки. Вы же мужчины, — грубо произнесла она по-грузински.

Голова Берии дёрнулась, как будто секретарша влепила ему пощёчину. Но... подействовало. Нарком поставил себя на место Сталина. Вот Эйтингон докладывает, что глава НКВД ещё год назад получил план тайных лазов. Сопоставить с этим перевод в новый кабинет и появление «тени зверски убиенного фрязина» — задачка для дебила. Что Хозяин делает дальше? Рука тянется к кнопке вызова Поскрёбышева. И что? Кому поручишь арестовать руководителя спецслужб и своего первого зама? Власика нет, и раньше, чем за три-четыре дня из глухой белорусской вёски его не извлечешь. Заместители без прямого приказа действовать побоятся, станут тянуть время. Лось, судя по донесениям, сам с удовольствием воспользовался бы моментом. Если, конечно, ему правильно разъяснить ситуацию. Кстати, это — козырь. Нужно распорядиться, чтобы ни один волос не упал с головы этого потенциального Лунина. Эйтингону? Наум не дурак, прекрасно понимает, что, если с этим распоряжением сунуться на Лубянку, свернут ему шею, будто рождественскому гусю. Остаётся Марков, бывший зэк, недавно назначенный Кобой на должность командующего Московским военным округом. У этого хватит сил вскрыть здание на площади Дзержинского как банку с крабами и извлечь на стол вождя вкусные тельца Лаврентия и Кобулова. Только захочет ли он, лучший друг Владими-

ра Лося, спасать «суку усатую»? Вполне возможно, что Сергей Петрович с Лосем заодно. Но рисковать нельзя!

— Чего ты дёргаешься, Богдыхан? — издевательски обратился Берия к Кобулову. — То, что она рассказала, значит лишь одно: с этого момента игра идёт в открытую. ОН понял всё. Убрать его мы не можем — вождь всё-таки, народ не поймёт. Но и у него нет силы тронуть нас. Пат.

И вдруг Лаврентию Павловичу пришла в голову мысль. Аж под ложечкой захолонуло и резко засосало, как от сильного голода. У него под рукой есть собственный Лунин. Тот вызвался зарезать государя-императора. Зная, что преемники его обязательно казнят. Чтобы, значит, неповадно было. А если наш государь падёт от руки... А тот, кто покарает убийцу... Имена жертвенного вождя и воздавшего отмщение за него свяжутся. Это шанс? Ещё какой!

— Долго такое положение не сохранится, — продолжил нарком вслух. — Дня три у нас есть. И то от силы. Значит, надо использовать время с максимальным эффектом. Первое: убрать Маркова. На всякий случай. В случае чего, удержать Москву мы сможем и без частей округа. Только сделать это нужно чисто. Как и говорили, бандитский налёт с трагическим исходом. Судя по донесениям, он со своей девицей часто по ночной Москве прогуливается. Столица — город неспокойный. Никак не удаётся доблестным органам охраны порядка окончательно очистить улицы от криминальных элементов. Гопники уже есть. Настоящие, заслуженные. По паре ходок за спиной и материалов в угро, как томов в полном собрании Толстого Льва Николаевича. И связей с нашими людьми никаких не прослеживается. Фамилии и адреса ты сам знаешь у кого взять. Кстати, там, возможно, ещё один следок обнаружится. Вопрос в другом: справятся они с боевым командиром? Он Гражданскую прошёл в Первой Конной. Опять же, в СТОНе выжил. Для умелого бойца твои урки могут

оказаться гимназистами-приготовишками. Так что для подстраховки пошлёшь своих человека три-четыре.

Кобулов протестующе поднял ладони.

— Пошлёшь, — непререкаемым тоном сказал Берия. А следователь потом докажет, что душегубами были именно эти, урки. И размотает все их связи. Есть у тебя такой человек?

— В НКВД всё есть, — ответил Кобулов.

— Отлично, — потёр руки Лаврентий Павлович. — Теперь Лось.

— А что Лось? Взять его под локотки за подготовку заговора против секретаря ЦК ВКП (б) товарища Сталина, — возмущённо заговорил Богдан. Берия иронически усмехнулся. Кобулов осёкся: — Ну да.

— Наоборот. Надо найти возможность объяснить ситуацию Лосю и по возможности расчистить для него поле деятельности. Однако все под нашим строжайшим контролем. Чтобы спустить его с цепи, если понадобится и когда станет необходимо. Понятно?

Заместитель наркома помотал головой, затем кивнул.

— И последнее на сегодня. Ради чего мы и собрались. Надо подготовить две акции. Свяжись с братом, пусть подбросит Рейнгарду идею. Было бы неплохо, если бы их самолёт — бомбардировщик, штурмовик — в общем, серьёзная боевая машина, села на Центральный аэродром. Сумеет Гейдрих убедить маршала люфтваффе? Безопасность маршрута надо подготовить, естественно, не светя наше в этом участие. Это чтобы товарищ Сталин наглядно убедился, насколько страна не готова к войне.

Второе. Поручи подготовить визиты военных представителей Рейха на наши танковые и авиастроительные заводы. Особенно те, что ближе к Уралу и за ним. Показать всё. Мощности предприятий лучше несколько преувеличить, чем приуменьшить. Чтобы было о чём подумать господину Гальдеру и было что доложить фюреру, когда придёт срок останавливаться. Ясно? А остальные аргументы — это моё дело.

ГЛАВА 12

Для Зинаиды Петровны этот день не задался с самого утра. В начале восьмого кто-то позвонил в дверь. Корлюченко-старшая слышала, как прошаркала в прихожую Эльза Германовна. Через минуту невнятных переговоров она громко позвала:

— Зинаидочка Петровна, к вам.

Визитёр, молодой парень с большим саквояжем в красных от мороза руках, представился:

— Моссвязь. Вам недавно установили квартирный телефонный аппарат. Жалобы у абонентов на качество связи имеются?

— Да вроде нет, — ответила удивлённая «абонентка».

— Я обязан проверить соединение, — объявил техник.

— Пожалуйста, — пожала плечами Зинаида Петровна.

Парень раскрыл свою сумку, набитую какими-то проводами, железками и непонятного назначения инструментами, и принялся сосредоточенно в ней копаться.

— Только, если можно, побыстрее, — попросила женщина. — Я отправляюсь на службу. У меня сегодня присутственный день.

— А вы занимайтесь своими делами. Мне нужно минут сорок.

— Только ничего не испортите, а то позвонит товарищ Сталин, а аппарат не работает, — не удержалась, чтобы не похвастаться, хозяйка.

— Ну да, — поддержал шутку монтёр. — Иосиф Виссарионович каждый рабочий день начинает с того, что обзванивает всех телефоновладельцев Москвы.

Корлюченко-старшая увидела в этой фразе насмешку и обиделась.

— Всех или нет, не знаю. А со мной товарищ Сталин периодически беседует.

Глаза телефониста буквально вылезли на лоб.

— Это вы так шутите? — подозрительно спросил он.

Зинаида Петровна презрительно дёрнула плечом и повернулась, чтобы выразительно удалиться.

— Секундочку, — попросил мастер. — Я должен доложить своему руководству. — Он быстро побросал в потёртое чрево саквояжа провода и инструменты и даже не ушёл, а убежал.

— Вы идиот, — тихо шипел Михаил Васильевич Грибов на Пата. — Ставить прослушку на телефон, по которому разговаривает сам... — он ткнул пальцем в потолок. — А если Хозяину станет известно, что мы с вами в курсе его дел и бесед? Так ещё и послали стажёра, сопляка зелёного. Я тебя расстреляю прямо здесь, сволочь. Чтобы сегодня же ты отработал эту кандидатшу, понял. Она, кстати, в каких науках спец?

— Экономист, — тихо сказал длинный.

— Имей в виду: при вербовке никаких грубостей. Объясни, что мамаша защищает свою дочурку. И заодно оказывает содействие органам, и лично товарищ Сталин будет ей благодарен за помощь в проверке лояльности человека, которому он оказал высокое доверие. А Марков всё-таки сидел, его нутро рентгеном просветить надо. Понял?

— Так точно, — вскинулся Пат.

— Трудись. Вечером доложишь о результатах. Очень надеюсь — осечек не будет.

Утром, в семь часов сорок минут, Лось вышел в коридор. В окно он видел, что служебный автомобиль уже ожидает: водитель за рулём, один из охранников у распахнутой дверцы, бдительно озирая окрестности; другой у двери подъезда. Надо думать, проверил лестничную клетку — чисто — и вышел на свежий воздух.

В этот же миг заскрипела дверь соседней квартиры, и Владимира окликнули:

— Товарищ заместитель начальника управления, минуточку.

Фигура в широкополой чёрной шляпе и в длинном чёрном же пальто, из-под которого виднелись хромовые сапоги, в два шага оказалась рядом.

— Моя фамилия Аш. Я, как сейчас принято выражаться, член внутренних органов.

На лице Лося заиграли желваки, не любил он сотрудников органов ещё с момента ареста. Последующие годы добрых чувств к этим товарищам тоже не прибавили. Но всё же повернулся навстречу окликнувшему.

Под шляпой обнаружилось длинное узкое лицо с большим горбатым носом — типично еврейская внешность. Хотя Владимир и был чистокровным казаком, Гражданская война отучила от многих предрассудков, в том числе и от антисемитизма. Он видел жидов — лихих рубак, яростных пьяниц и отчаянных храбрецов, прямо из популярной песни про конников маршала Будённого: «Мы беззаветные герои все, и вся-то наша жизнь есть борьба». И всё равно подошедший человек командиру не понравился. Слишком уж он был ненастоящий, как будто специально играл роль иудея.

— Недавно вы пережили небольшое приключение, — тихо сказал Аш, наклонившись к самому лицу Лося. — Хотелось бы поговорить об этом.

— А при чём тут ваша контора? — осведомился заместитель начальника управления личной охраны вождя.

— А если я не по службе, а, как сказал поэт, по душе? — ответил традиционным вопросом на вопрос человек в чёрном. — Не хотите прогуляться немного пешком? Ваши коллеги могут пока выкурить ещё по папироске. Опасаться меня не нужно. Я старый, справиться со мной вы и наедине сможете одной левой. Да и не скроемся мы из поля зрения этих доблестных бойцов.

Владимир кивнул, человек бесцеремонно подхватил его под руку и потащил к выходу.

— Извините, что отнимаю время, но речь о судьбе вашего друга Сергея Маркова. Те же бандиты, с которыми вы столкнулись три дня тому, собираются его убить.

— Это вряд ли, с его-то охраной.

— Ну, сортир, наверное, Сергей Петрович посещает всё же в гордом одиночестве, — саркастически усмехнулся Аш. — Кстати, меня зовут Зиновий Ефимович, служу я таки в НКВД, но всего лишь хранителем архива. Вам позвонил по телефону некто, назвался Игорем Саввичем, сообщил, что шпана затевает что-то против Маркова. Назвал адрес главаря. Вы ринулись защитить товарища по оружию. Так?

Лось молчал. О том, откуда собеседнику известно о «приключении», он даже не задумывался. На то и контора, чтобы знать всё.

— К счастью, всё обошлось, — продолжал человек в чёрном. — Однако эти гопники не унимаются...

— Я принял, как казалось, очень надёжные меры по их нейтрализации. А они не унялись? Бандиты прониклись идеями кровной мести?

— Вовсе нет, — живо возразил Зиновий Ефимович. — Дело не в том, что принципы сицилианской вендетты пустили пышные цветы на промёрзлых московских асфальтах. На самом деле один очень влиятельный в уголовном мире человек заинтересовался священником, которого вы спасли от Куцубина. И дал своим «классово близким» задание через Маркова выйти на отца Павла.

— Откуда нам ведать, куда увезли того очкарика? — возмутился Лось.

— Но бандиты не знают, что вы не знаете, — возразил Аш.

— Я прямо сейчас подниму взвод бойцов охраны, отправлюсь с ними на эту хренову Палиху и от этого кубла оставлю одни головёшки, — разъярился Владимир.

— Это было бы замечательно, — сказал собеседник, мечтательно закатив глаза. — Прямо пожар Москвы 1812 года. Увы, или, как говорят у нас, аз ох ен вей. Во всей этой возне под ватным одеялом сильно заинтересованы большие люди. Очень, очень большие.

Потому войсковые операции исключаются. Всё нужно сделать тихо и скрытно. Как будто вы снова идёте в тыл к белым, чтобы притащить «языка». Кстати, какие меры вы посчитали для этой публики надёжными?

Лось рассказал про подписку о сотрудничестве, которую заставил дать каждого из трёх уголовников.

— Чтобы мелкая шпана, оказавшись в таком положении, решилась на такие подвиги, кто-то должен был её крепко, как говаривали мои малообразованные товарищи, настропалить. И снабдить приличным оружием. И наобещать с три короба, — ухмыльнулся Аш. — И этот кто-то очень близок к Берии, это я вам говорю. Вот поэтому мы вынуждены действовать скрытно. Надеюсь, вы собираетесь совершать какие-то поступки? Или предпочтёте тихо отсидеться в охраняемом кабинете?

— Не дождутся, — ответил Лось.

— Сергею Петровичу говорить ничего не надо. Он сейчас слишком на виду, — посоветовал визитёр.

Лось резко остановился и повернулся к Ашу. Оказывается, командир-кубанец и еврей-архивист были одного роста. Володя глядел в зелёные, недрогнувшие глаза. В самой их глубине таилась вечная ирония, накопленная народом книги за тысячелетия рассеяния.

— Маркова постараются убить. Где, когда и как, мы можем только догадываться.

— Когда я контактировал с этой бандой, пистолетов у них не было — ножи, заточки, — сообщил Владимир.

— Боюсь, сегодня у этих урок может быть всё. Я же говорил: их направляют очень большие люди. Было бы самым лучшим исходом, если бы вы собственноручно уничтожили банду. Как в популярной фильме «Путешествие будет опасным». Видели?

— Не удосужился. У нас в СТОНе с новинками кино было напряжённо.

— Напрасно, очень увлекательный сюжет. И артисты хорошие. Оружием я вас обеспечу любым, какое назовёте. И все надо сделать очень быстро. Дьявол знает, когда они решат напасть.

— Оружие у меня есть.

— Вы сейчас думаете, как генерал, как человек при власти. А мы сговариваемся о незаконном деле, строго говоря, о преступлении. Пользоваться придётся незасвеченными стволами, чтобы, ежели, паче чаяния, следствие всё же будет, никто не сумел выйти на нас с вами.

— На нас? Хотите посоучаствовать?

— Если пригласите, так почему нет, — широко улыбнулся Аш, показав прокуренные зубы и зияющие пустоты впереди.

— Думаю, ещё не забыл, чему научился в Гражданскую. Резцы мне вышибли петлюровцы. Прикладом.

— А вставить за двадцать лет?

— Не поверите, ужасно боюсь дантистов. Забавно?

Лось хмыкнул. Этот человек нравился ему всё больше. Хотя то, что предлагал тихий хранитель архива, не лезло ни в какие ворота.

— Как вы себе представляете операцию? Мы просто явимся на эту чёртову Палиху, отыщем Куцего и Косого, пристрелим их как собак и на трамвае уедем в сторону Рижского вокзала?

— Лучше Белорусского, — хихикнул Зиновий Ефимович. — Он больше, и уйти с него можно в любую сторону центра Москвы.

— Нас будут ловить все милиционеры.

— Предоставьте организовать уход с теракта мне.

— Тифозный бред, а не план. И когда начнём?

— Завтра. Не днём, не ночью — вечером, в час между собакой и волком. Будем надеяться, застанем наших «приятелей» врасплох.

Куцый постановил устроить дежурство перед домом Ленки. Павелки, Лёша Репа или кто-то ещё из кодлы торчали неподалёку, имея единственное задание: увидев, что командир входит в дом, со всех ног рвать на Палиху и звать своих.

Вечер 28 марта выдался по-зимнему морозный и по-весеннему промозглый. Тяжёлые облака осыпали Москву мелкой ледяной шрапнелью. Сырой ветер швырял её в лицо, рвал одёжку, пробирался за шиворот. Репа, кликуха, произведённая без изысков от фамилии Репин, задубел. Он думал только об одном: сейчас бы стакан водки и в тёплую постель минут на семьсот двадцать пять. Обиднее всего было то, что и сегодня этот жлоб мог не появиться, как не появлялся уже трое суток.

Но нет, когда из закоулков двора стали выползать сумерки, к подъезду подрулила чёрная «Эмка». Откинув дверцу назад, выбрался из её чрева военный в длинной шинели, приказал водителю возвращаться домой, мол, он доберётся сам. Автомобиль уехал, а командир быстро вошёл в тот, нужный, подъезд.

Лёха побежал за два квартала, к заранее намеченному автомату. Звонить он должен был в дом покойного Трухи. Это придумал Рыцарь, чтобы не тратить чёртову уйму времени на поездку от Авиамоторной до Палихи. А потом, уже всем кагалом, обратно. И Витёк с пацанами ожидал в тепле. Да и деда Трухи всё равно кормить-поить надо, хоть и почётный чекист, а всё же живое существо.

Выслушав донесение «засланного казачка» Алёхи, Куцый аккуратно положил трубку на рычаги и скомандовал: «Пошли. Только проверьте оружие». Эту фразу он запомнил из какого-то фильма, и она очень ему нравилась, было в словах что-то мужественное и даже героичное. Перед опасным делом повертеть в руках тяжёлые, как утюги, пистолеты, пощёлкать предохранителями, передёрнуть затворы, почувствовать себя настоящими мужчинами, презирающими риск.

Для себя и для Лыцаря Куцубин выбрал по нагану — имел кое-какое представление, как им пользоваться. Два «ТТ» вручил «буцматеньким» — так называли людей крепкого телосложения — новичкам. Эти парни недавно прибились к банде и были гото-

вы на всё, чем очень нравились главарю. Нынешняя операция для них была приёмным экзаменом в «коллектив». Кроме того, в отличие от Репы, братьев Павелков, Журы-Журавля, они были не свои и, в случае чего, их было не жалко.

Пятый пистолет навязали Цыгану. Боксёр долго отнекивался, говорил, что голым кулаком он сработает надёжнее, чем этой железякой, но Куцый был неумолим. Ванюша брезгливо покрутил «ствол» в руках, соображая, где что нажимать, засунул его в правый карман брюк, которые тут же перекосились. Впрочем, под пальто это было не очень заметно. Ещё пять стволов, к огромному огорчению главаря, решили оставить дома. Груз ощутимый, а толку с них, если не удастся всё сделать «на хапок» — неожиданно и быстро, — не много. От опергруппы, если подоспеет, не отстреляешься.

Минут через десять после звонка Репы вся компания под клокочущий лай полуголодных псов вывалилась из калитки дома Свищевых.

Симпатичный толстячок, который назвался Василием Степановичем, Зинаиде Петровне сразу понравился. Он вежливо постучал в дверь и даже дождался позволения войти. Оглядев крохотный кабинетик, который доцент Корлюченко делила с коллегой (благо, сейчас Клавдия Алексеевна болела, одной в семи квадратных метрах было чуть легче), визитёр сочувственно вздохнул: «Так и не научились у нас по достоинству ценить людей. Слыханое ли дело, для двоих учёных выделить такую конуру».

Женщина благосклонно улыбнулась такому понимающему гостю. Ей понравилось даже то, как он предъявил удостоверение с тиснёнными золотом страшными буквами НКВД. Не ткнул им в лицо, а будто даже извиняясь, показал, раскрыл и держал перед глазами, пока Зинаида Петровна не прочитала лаконичный

текст и не сверила фото с застенчиво улыбающимся оригиналом.

И разговор Василий Степанович начал издалека: рассказал про старшего сына — балбеса, как тот женился в неполные двадцать. Теперь совмещает обучение на вечернем отделении ВТУЗа с работой. Выматывается, конечно. Но сам же и виноват, теперь пусть обеспечивает семью. Ребёнок перестает быть дитём, когда ощущает свою ответственность за себя, за семью, за страну.

Зинаида Петровна поддакивала, качала головой. Поведанная чекистом история почти точно совпадала с неудачным замужеством Зинки. Её «муж — объелся груш» в конце концов надорвался и тащить семью отказался. Хорошо хоть детей завести не успели.

Нехитрую байку сочинили психологи Информационного комитета, изучив досье и особо выделив неудачные браки мамы и старшей дочери. Руководство поставило задачу: обеспечить доброжелательный контакт объекта с оперсотрудником. И «знатоки человеческих душ» задание выполнили настолько хорошо, что, даже если бы Зинаиде Петровне кто-либо открыл правду, мама «взрослых девочек» всё равно бы не поверила.

Человеку из органов, да ещё такому душевному, Корлюченко просто не могла не рассказать, как она обсуждала вопросы воспитания с самим Сталиным. Теперь Василий Степанович старательно изображал удивление и согласно кивал, слушая тирады собеседницы о том, какой добрый и человечный гений наш дорогой Иосиф Виссарионович. «Какая дура», — думал он про себя, умильно ухмыляясь.

Вывести разговор на нужное русло ничего не стоило. Гость поинтересовался, как получилось, что простая советская девушка познакомилась с вождём, выслушал давно и подробно известную ему из донесений историю и мягко, на кошачьих лапках, перешёл к делу.

Он сказал, что муж, конечно, должен быть старше супруги. Но если разница в возрасте критично велика, возникают самые разнообразные проблемы. И психологические, и другие, ну, вы понимаете... Василий Степанович повторял вслух, тактично и раздумчиво, всё, о чём часто размышляла и сама Зинаида Петровна. Женщина находила подтверждение своим опасениям в словах почти не знакомого, но такого мудрого человека. Тут же визитёр начинал противоречить сам себе. Он утверждал, что такой достойный человек — генерал-полковник, да ещё удостоенный доброго отношения самого Иосифа Виссарионовича, это опора для юной девушки. Мало того, что он обеспечит безбедную жизнь, если мужчина сумеет стать и мужем, и — психологически — отцом для Ленки, за её судьбу можно не беспокоиться. Кто-кто, а уж командующий Московским округом наверняка сможет выстроить образцовую советскую семью. Нужно только понять, достаточно ли ответственно относится к матримониальным перспективам Сергей Петрович. В этом непростом деле сам он, Василий Степанович, между прочим, доктор психологических наук и сотрудник органов в немалом чине, готов оказывать посильную помощь. Зинаида Петровна с восторгом согласилась и записала номер телефона, по которому сможет в любое время поделиться сомнениями с новым знакомым и получить добрый совет.

Заканчивая беседу, Василий Степанович посетовал, что болеет Клавдия Алексеевна. Вопросы у него на самом деле к соседке Корлюченко по кабинету. Но он совсем не жалеет, что напрасно приехал. Благодаря случаю, удалось познакомиться с такой интересной женщиной. Далеко не со всяким получается такая содержательная и захватывающая беседа, и как знать, какие продолжения этого случайного знакомства могут воспоследовать. От этих слов Зинаида Петровна зарделась.

* * *

Длинный и тощий хам заявился перед самым концом рабочего дня. Он был похож на покойника, восставшего из гроба и по недоразумению завёрнутого не в белый саван, а в пальто из хорошего драпа.

— Корлюченко Зинаида Петровна? — осведомился, тыча в лицо удостоверение. — Вы обязаны оказывать помощь сотрудникам государственной безопасности.

— Чем я могу помочь органам? — сухо осведомилась женщина.

— Ваша дочь — любовница генерал-полковника Маркова.

Эта фраза хлестнула мать, как пощёчина.

— Он недавно вышел из места заключения, — продолжил скелет. — Страна, партия и лично товарищ Сталин оказали ему высокое доверие. Вы понимаете, что может случиться с Еленой, да и с вами тоже, если Марков окажется скрытым врагом?

— То есть если окажется, будто страна, партия и лично товарищ Сталин ошиблись? — ядовито спросила Корлюченко-старшая. — Для такого предположения надо иметь серьёзные основания.

Тощий впился глазами в лицо доцента.

— Вы кому дерзите? Вы НКВД дерзите. Не надо.

— Чего вы от меня хотите? — поинтересовалась хозяйка кабинета.

— Вы должны ежедневно сообщать всё, что расскажет ваша дочь, всё, что будет говорить при вас Марков. Я лично буду задавать вам вопросы, ответы на которые необходимо получить от генерала. На правах будущей тёщи, родного, можно сказать, человека, нужно выяснить истинное отношение подозреваемого к Советской власти...

— Он воевал за неё, — возразила Зинаида Петровна.

— Она его посадила, — отрезал худой. — И он имеет основания для недовольства. Поймите, речь идёт

о судьбе всей семьи. Если что, мы не будем иметь пр
ва пощадить никого.

— Не будем иметь, — скривила губы женщина. -
Вы — русский? Разве можно так коверкать язык?

— А вы мне экзамен по основам языкознан
не устраивайте, — прошипел визитёр. — Записыва
те номер телефона, по которому будете докладыва
о результатах работы.

Зинаида Петровна знала, что может позвонить чу
ли не в любой момент самому вождю. Василий Степ
нович в случае чего тоже в содействии, можно понад
яться, не откажет. Чего опасаться этого наглеца?

— Я не стану доносить на собственную дочь и на
жениха, — раздельно, чуть ли не по слогам произне
ла она. — И стоит вам или кому-то из ваших колл
попытаться давить на мою семью, я буду жаловать
лично товарищу Сталину. — И злорадно добавила: -
По телефону. У меня есть такая возможность. А т
варищу Маркову Сергею Петровичу при первом
случае я сообщу, что вы устраиваете за ним слежк
Фамилию вашу я запомнила.

— Пеняйте на себя, — скрипнул зубами худой и в
летел за дверь.

Лось и Зиновий Ефимович как раз оказались в п
мятном дворе, ровно посередине между палисадам
квартирок и линией сараев. И увидели метров за пят
десят от себя группу мужчин, быстро идущих навстр
чу. Куцубина Владимир опознал даже в полусумраке -
по походке вразвалку. Манеру вышагивать с особы
блатным шиком бандит сохранял даже в спешке.

— Они, — шепнул разведчик напарнику. — По
пустим ближе, и огонь, — Аш расстегнул пуговиц
пальто и потянулся за наганом, висевшим в кобуре
боку.

Когда они собирались «на дело», хранитель архи
поинтересовался, какое оружие предпочитает партнё

— Револьвер, — не задумываясь, ответил Лось. — Для ближнего боя самое то. Единственный недостаток — долго перезаряжать.

— Тогда вам понравится вот это. Здесь просто барабан выщёлкивается и ставится новый. Пяти сменных хватит?

Владимир повертел воронёную «машинку». Она была прекрасно сбалансирована, удобно лежала в руке.

— То, что надо.

— И ладушки, — проговорил Зяма. — Я и себе прихватил такой же.

Лось тоже расстегнул пальто, тронул пальцами рукоять револьвера.

— Что, вот так, без предупреждения всех перестреляем — и всё?

— А вы их в плен брать собираетесь? — ядовито осведомился Аш. — Крикнете: «Руки вверх, бросай оружие». Предположим, они свои финки побросают. И что, поведёте их в милицию?

Конечно, Зиновий Ефимович был прав. Но открыть пальбу на поражение, пусть по уголовникам, но всё же не ожидающим нападения штатским людям? Натура Лося противилась даже такому предположению.

Пока командир и сотрудник ГБ препирались, бандиты подошли совсем близко. Теперь противников разделяли каких-нибудь двадцать метров. И тут Рыцарь узнал бывшего соседа по бараку.

— Атас, — заорал он, выдёргивая из кармана наган. Косой вытянул в сторону Владимира руку и лихорадочно нажал спусковой крючок. И ничего не произошло — уркагану достался «солдатский» вариант револьвера. Чтобы выстрелить из «офицерского», достаточно было жать на «собачку», и курок взводился сам. А здесь нужно было сначала взвести курок. Рыцарь изо всех сил давил пальцем на скобу, но оружие безмолвствовало.

Витек и «буцматенькие» тоже выхватили стволы.

Аш открыл огонь первым. Как на учениях, он уложил обоих «буцматеньких», прыгнул с кувырком вперёд — вправо и вскочил на ноги, выцеливая следующего противника.

Оказавшись перед дулом лыцарева нагана, Лось пригнулся и прыгнул влево, выдирая из кобуры свой револьвер. Куцый рванул большим пальцем курок, взвёл его, но потерял долю секунды и не успел среагировать на движение противника. Пули ушли в сумрак. Лось поймал на мушку голову пахана, мягко выбрал холостой ход спуска и бахнул. Тяжёлая пуля разнесла череп и развернула бандита по оси. В агонии Витюля нажал на крючок. Умелый стрелок вряд ли сумел бы достать Аша, так быстро и неожиданно он передвигался. Но судорога уже убитого вора оказалась роковой. Свинец в медной упаковке вошёл в грудь. Архивариус удивлённо ахнул и поднёс руку к груди. Покачнулся. Длинное тело навзничь повалилось на серый городской снег и сразу стало похоже на марионетку с обрезанными нитками.

Лыцарь всё царапал ногтём большого пальца бок своего револьвера, стараясь нащупать предохранитель, которого у нагана не было. Увидев смерть Куцубина, он швырнул бесполезную железяку в Лося и бросился бежать в сторону сараев. Там перемахнул через забор и потерялся в дворах Марьиной Рощи.

Владимир сразу понял, что пытаться помочь напарнику бесполезно. На своём веку он видел столько трупов, что даже на расстоянии мог отличить того, кто ещё дышит, от убиенного. Он метнулся вдогонку Косому, но могучий удар сбоку швырнул его на землю. Падая, кубанец выпустил из пальцев оружие, попытался его нашарить, но получил пинок сапогом в бок и проехался по насту метра полтора. Кажется, на миг он даже потерял сознание, но щека коснулась наледи, и резкий холод подействовал как вдох нашатыря.

Цыган, приняв боксёрскую стойку, мелкими шажками приближался к поверженному врагу. Пытаться встать было нельзя — удар Ванюши просто вышиб бы из Лося дух. Потому он сел, опершись руками, и выбросил вперёд ноги.

Если бы не ватное пальто, сапоги командира, попав тяжеловесу в живот и в пах, вызвали бы болевой шок, и битва титанов закончилась бы, только начавшись. Но плотная ткань смягчила тычок, расплескала его силу по полам одежды. Боксёр остановился, чуть согнулся — видно, по самому чувствительному месту всё же досталось.

— Пришибу суку, — взревел он.

Лось перекатился в сторону, пользуясь заминкой врага, вскочил на ноги и ударил ребром стопы по голени. Цыган осел вниз, опустил руки. Владимир, в полном соответствии с тактическими советами автора пособия по самурайской драке, махнул ногой снаружи внутрь и внутренним краем подошвы врезал по подставленной шее тяжеловеса. Тот рухнул на бок.

Если бы схватка случилась летом и боксёр был в легкой одежде, поединок закончился бы. Но поднятый ворот снова спас Ванюшу.

Боксёр вскочил на ноги, словно на ринге после нокдауна, автоматически поднял руки, прикрывая лицо и солнечное сплетение, и вдруг взорвался серией молниеносных прямых, джебов, апперкотов. Половину Лось сумел блокировать, подставляя предплечья; несколько раз кулаки скользнули по одежде. Но крюк слева всё же достиг цели. Владимиру показалось, что у него оторвалась голова и покатилась по земле, оглядывая снизу вверх бывшее своё тело. Потом он понял, что просто потерял на секунду сознание. Не будь Цыган спортсменом, он бы успел добить противника, с размаху опустив ему на голову каблук сапога. Но Ваня, повинуясь вбитому годами тренировок рефлексу, сделал шаг назад от поверженного, словно уступая место рефери.

Кубанец вскочил на ноги и ринулся вперёд. Оба бойца обхватили друг друга и принялись ломать, забыв о выучке, как два сцепившихся медведя.

Силы оказались примерно равными. Мужики топтались, сопя и выжимая из перенапряжённых мускулов и связок всё, на что те были способны, и ещё больше. Подошвы скользили по насту. Кто рухнет первым, тот и погибнет, бой шёл насмерть, и щадить никто никого не собирался.

Лось вспомнил еще одно из наставлений самоучителя — специально для такой ситуации — и ударил лбом в лицо Цыгана. Тут же отпустил его, сделал шаг назад и, разорвав дистанцию, сделал ногу «копьём» и ткнул в область сердца.

Иван замер на долю секунды и вдруг рухнул навзничь. Голова со страшным костяным стуком врезалась в заледеневший асфальт.

Командир хотел броситься к Ашу, но тут в соседнем переулке залились милицейские свистки, раздался топот многих ног и сиплое дыхание многих прокуренных бронхов. Если слова архивариуса о заинтересованности в сегодняшней «операции» банды Куцего соответствовали действительности, попадать в руки стражей порядка на месте побоища было нежелательно. Лось торопливо двинулся по кривоватой улочке в сторону трамвайной линии, на ходу застёгивая пальто, пытаясь придать себе хоть чуть-чуть приличный вид и на всякий случай нашаривая в нагрудном кармане гимнастёрки под цивильным пальто служебное удостоверение.

Трамвай, как по заказу, прогремел, притормозил на повороте. Владимир рванул с места, настиг, вскочил на подножку. Уже шлёпнувшись без сил на холодное сиденье, подумал: «Ушёл» и сунул мелочь в руку хромоногого кондуктора, с ужасом глядящего на рослого мужчину в изодранном дорогом пальто и с разбитым в кровь лицом.

Всю ночь Люсечка, плача и ругаясь, прикладывала к синякам на физиономии Лося компрессы из бадяги, а утром, как могла, гримировала оставшиеся следы потасовки вазелином и розовой пудрой. Когда заместитель начальника управления охраны глянул на себя в зеркало, он подумал, что хуже выглядел только в утро после штурма Перекопа. Впрочем, тогда зеркал было не найти километров на сто пятьдесят в округе, и свой внешний вид он мог представить, только ориентируясь на самочувствие, а оно было даже хуже, чем сейчас.

В сводке происшествий минувшей ночи, которую каждое утро укладывал на стол дежурный по управлению, Лось прочёл, что на улице Палихе группа уголовников совершила попытку ограбления. Жертвой оказался технический сотрудник ГУГБ НКВД СССР З. Аш. Он оказал вооружённое сопротивление бандитам, застрелил троих, четвёртого ранил, его, четвёртого из нападавших, в бессознательном состоянии подобрали подоспевшие работники милиции. Не то одному, не то двоим из нападавших удалось скрыться. Чекист в схватке погиб. По факту разбоя возбуждается уголовное дело, начато следствие.

Почему-то Лось подумал, что завершить это дело легавым не удастся никогда.

Из дневника Л. П. Берии:

27/XII-40

Поступили последние данные от закордонной агентуры Мильштейна. В районе Варшавы немцы строят пять новых аэродромов. Бетонированные дорожки для отвода самолётов с полосы в лес. Горючее хранится в подземных бензобаках на бетонном основании. Ёмкость по 50 000 литров каждый. Основательно делают.

Два новых военных аэродрома в районе литовской границы. На двух станциях число путей расширяется до четырнадцати для создания базы бронепоездов. Это надо взять на контроль. Бронепоездами они воевать могут только с нами. Через Ла-Манш они не поедут.

На железнодорожной линии Седлец — Плятерово развитие станций. Тоже значит, для быстрого приёма войск.

В Польше ходят слухи, что немцы будут создавать польскую армию с переодетыми немецкими офицерами.

Хреново. С Новым Годом тебя, Лаврентий!

3/I-41

Время было, почитал, что написал «дружку» за два года. Польза есть. И выговоришься, а время пришло, почитал, вспомнил, увидел, что не так.

Так что буду писать и дальше. Пусть не каждый день, а когда получится или захочется.

С Кобой уже разговоры были, а сейчас будем решать практически. Наркомат надо разделить. Коба спрашивает: «Меркулов справится?»

Я говорю, да. Дело мы наладили, агентуру и резидентов проверили, аппарат Разведки подобрали и проверили. По к-р (контрреволюционному. — *С. К.*) подполью успехи большие, теперь нужны тщательные разработки по имеющимся материалам. Люди работают хорошо, справятся. А у меня и так обязанностей по горло.

Так что наркоматы разделяем.

Это хоршо[1] и крепко мне поможет. Мне интересно больше в Народное Хозяйство влезть.

Война может быть. Только по Белорусскому округу много нарушений воздушной границы и продолжается. Наблюдается явная концентрация войск в погранполосе Германии. Новые части прибывают и прибывают. Посмотрим, как будет весной, но вряд ли что изменится.

Румыны тоже готовятся, провели мобилизацию, есть нарушения воздушной границы их самолётами. Приграничное население призывного возраста из Румынии бежит к нам. Ну, ладно. Пусть бежит.

С границы докладывают, что немцы проявляют показную вежливость. Вежливость это хорошо. А что показная, это плохо.

Работы в этом году будет ещё больше. Только какой? То ли мирной, то ли военной. Точно знаю одно, если к осени войны не будет, попрошусь у Кобы в отпуск хоть

---

[1] Орфография оригинала сохранена. (*Прим.авторов.*)

на пару недель. Тянет домой, по Тбилиси пройти хочется. На горы посмотреть.

18/I-41

Вчера представил Кобе и в Политбюро сводную записку по обследованию мобилизационной готовности на железных дорогах. Коба даже посерел. Потом взорвался. Кричал, когда это кончится? Я не могу за каждым смотреть.

Лазарь моргал, оправдывался, Вознесенский сидел как не его касается, а его тоже касается.

Я им уже говорил, сказал, что не готовите сами обследование, у меня Мильштейн обследует, он всё до точки доведёт. И довёл.

22/I-41

Из Берлина идут поганые сведения. Надо проверять, но похоже на правду. Геринг ведёт зондаж берлинских американцев, чтобы договориться с Америкой и Англией. А за счёт кого?

Сообщают, что Геринг отдал приказ организовать полёты над нашей территорией на большой высоте для фотосъёмок и точных карт. Надо проверять, но уже сейчас надо доложить Кобе и Молотову.

Передали письмо от Астахова. Пишет, что хочет написать товарищу Сталину по германским делам. Пусть пишет. Похоже, с ним напутали. Держится он крепко, но показания на него тоже крепкие. Может, подставили. Пока сказал пусть пишет, а там посмотрим, что с ним делать. Надо поговорить с Кобой.

29/I-41

Вчера был разговор у Кобы. Поговорили крепко и откровенно, на грузинском. Дела, оказывается, хреновые, а Коба пока разговаривал, даже помолодел. Что значит свой язык. Молодость она и есть молодость. На русском он редко горячится и спорит мало. Или говорит спокойно, или сказал как отрезал. А вчера спорил, доказывал. Как молодой.

30/I-41

Получил Звание Генерального Комиссара Государственной Безопасности СССР. Коба сказал, что предшественники у тебя подкачали, двух первых Генеральных Комиссаров пришлось шлёпнуть так ты Лаврентий не подкачай.

Сказал, не подкачаю, потому что Государственную Безопасность отдаю Меркулову. Он засмеялся, говорит, ты хитрый.

Проект Указа готов, представляю товарищу Сталину на Политбюро. Кандидатуры по новым Наркомам тоже почти все готовы. Большинство оставим тех, кто и был на НКВД или УНКВД. Но кого-то я продвинул. Мешик пойдёт на Украину. Спокойный парень, надёжный. Кобулича отдаю Меркуличу в НКГБ, Богдан справится.

3/II-41

Представил Кобе проект Решения ЦК и Указа о разделении на два наркомата. Сегодня утвердили проект, всё! Особые Отделы тоже выводим к военным.

Теперь я нарком можно сказать с сокращёнными штатами, но дел только прибавилось. Заместитель Предсовнаркома это сильно. Значит, Коба верит в меня и ценит. К тому шло, это понятно. Но всё равно приятно. Ответственность большая, и работать надо будет крепко.

Посмотрим.

25/II-41

Говорил с Мыкытой. Спрашиваю, как Мешик. Говорит, что работает хорошо. Всем сразу понравилось, что язык знает. Говорю, он там у вас националистом не заделается? Смеётся, говорит: «чого нема того нема» (Укр. «чего нет, того нет». — *С. К.*). Спрашиваю, по Серову не жалеешь? Жмётся. Видно, что с Иваном было проще. А Павел человек крепкий, он свою линию проведёт и не поддастся.

Говорили у Кобы по аварийности в авиации. У него это сейчас главная головная боль. Как больше самолётов дать и как меньше их гробить. Рычагов валит на Шахурина, Шахурин на Рычагова, но я знаю, что у лётчиков бардак был и остался бардак.

И не вижу я, чтобы оба крепко за дело болели. Шахурин работает много, но для него главное чтобы перед Кобой отчитаться. Товарищ Сталин — это товарищ Сталин. Но ты перед делом отчитайся в первую голову.

А Рычагов похоже без царя в голове. У тебя подчинённые бьются, а ты в Москве задницу отсиживаешь. Ты же лётчик, нынче здесь, а вечером уже там. Сел, полетел, с неба на голову прилетел за 1000 км. Прилетел, разобрался, дальше полетел. А они больше водку уважают, чем дело. Я если бы умел летать, ох как поработал бы. Коба самолётом летать не разрешает, а было бы удобно.

Поговорил с Пономаренко, обещает помочь моим пограничникам. Говорит, дело общее, а время тревожное.

Тоже непонятно. Сам же говорит, что время тревожное, а у Кобы больше успокаивал, что у нас порох сухой, товарищ Сталин.

Мыкыта тоже в ту же дуду дует. А сводки с границы х... ёвые.

3/III-41

Смотришь, смотришь, всё равно просмотришь. ВЧ осталось за Всеволодом. Это не дело, надо вернуть ко мне. Это дело надо развивать и нажимать, у Всеволода так не получится. У него своих забот хватит. А ВЧ мне и самому нужна. Мыкыта всё ещё сидит в Москве. Не пойму. У него что, на Украине дела нет? Там надо день и ночь, огромное хозяйство. И подполье там самое сильное, крепко вредят. Я ему так и сказал, мы с ОУН[1] ещё помучаемся. От открытой пятой колонны мы Украину почистили, а подполье сидит. И банды ходят. А он в Москве. И всё у Кобы.

Набивается в гости. Говорю, друг Никита Сергеевич я дом ночью не всегда вижу. Наркомат делим делим, все не доделим. Я сейчас не нарком, а полтора наркома. Два глаза на НКВД, один глаз на НКГБ. А ещё на Совнарком надо. Скоро глаза лопнут.

Он говорит, у тебя ж люди, кадры решают все. Говорю, они решают, если ты кадрами руководишь.

Подколол, говорю: «а ты, товарищ дорогой, от кадров сбежал, в Москве прохлаждаешься». Рукой махнул. Говорит, справятся, мне надо у товарища Сталина важные вопросы решить.

Ну решай. А мне доделить надо. Вроде и дела, выделить ГУГБ. А на самом деле тут получается новая структура. Тут не стулья поделить, тут надо всю работу перестроить. За два года увидели, что хорошо, что надо убрать, что куда передать. Но получается лучше. И мне будет легче.

19/III-41

В этом году начинаем массово строить тяжёлые танки. Наркомату надо выделить рабочую силу ГУЛАГа для строительства мощностей на Кировском заводе. 3000 человек. Коба поставил задачу до конца года выпустить на Кировском заводе

[1] ОУН — Организация украинских националистов (бандеровское движение).

1 тыс. танков «Клим Ворошилов» (КВ). Хороший танк. Я сказал Кобе, «Клим Ворошилов» хороший танк, а если сделать танк «Иосиф Сталин» будет ещё лучше. Он посмотрел, говорит: «Может, ещё и сделаем. Но это уже для наступления».

22/III-41

Снова занимаюсь авиационными делами. Самолёты и моторы. С моторами получается лучше. У конструкторов самолётов было больше вредительства, а конструкторы моторов почти все надёжны. Может, поэтому с моторами лучше. Но аварийность идёт не просто от плохого качества. Тут глубже.

Весна, скоро день рождения. Домой бы попасть, мать увидеть.

30/III-41

У Кобы сейчас бываю редко. Вызовет, вопрос задаст, а то просто позвонит. Когда вопросы по наркомату, когда по Промышленным наркоматам, а сейчас много занимаемся авиаторами. Дела там хреновые. По количеству производства самолётов мы идём неплохо, а качество не обеспечивают. И много людей бьётся.

Комиссия от НКО работала в Московском округе. Теперь Коба поручил провести ещё раз проверку Всеволоду и мне. Сказал, срок неделя. Сказал, многое ясно, вы проверьте для контроля.

9/IV-41

Был крупный разговор по бардаку в авиации. Тимошенко хотел замазать, только тут не замажешь.

Пьянки как были так и есть, а учат плохо. Самолёты бракованные есть, не спорю. Но ты их облетай, проверь. А главное людей научи. Может, война на носу, а у них такой бардак.

Рычагова сняли за дело. А Пумпура вообще расстреливать надо.

ГЛАВА 13

— Давайте я познакомлю вас с мамой, — предложила Ленка.

Марков усмехнулся:

— Уже пора?

Девчонка, кажется, смутилась, хотя это было на неё не очень похоже.

— Да я не в этом смысле. Ей звонил товарищ Сталин...

— У вас же нет телефона, — засмеялся Сергей. Когда он разговаривал с Радостью, всё время хотелось улыбаться, хохотать. Так на него действовала эта чёртова смуглянка.

Ленка развела руками и произнесла, чуть пародируя грузинский акцент:

— Провели.

— Диктуй номер, — скомандовал генерал и схватил блокнот и карандаш. Только записав пять цифр, сообразил, что сказала девушка.

— Погоди, погоди. Ты говоришь, Иосиф Виссарионович так вот запросто взял да и приказал установить в вашей квартире аппарат и... И что же они обсуждали с ... — Командир запнулся.

— С Зинаидой Петровной, — сообщила Ленка. — Они советовались, как воспитывать подрастающее поколение.

— То есть тебя?

Девчонка с показной скромностью опустила глаза.

— Не только. Ещё Светлану.

— Твою сестру зовут, помнится, Зинаида.

— Речь шла о дочке Сталина. Очень отец пенял на её неразборчивость в друзьях.

Марков обалдел. Сдержанный, даже скрытный Хозяин, который даже с ближайшими соратниками никогда не обсуждал личных, семейных дел, болтает с совершенно незнакомой женщиной. Для чего? Нехорошо царапнула мысль: не решил ли вождь сам молоденькую охмурить? По известной закономерной взаимосвязи седины и беса.

— Между прочим, — продолжала Корлюченко-младшая, — товарищ Сталин меня хвалил. И о вас отозвался как о серьёзном, честном и порядочном человеке. И пообещал присматривать, чтобы вы меня не обижали.

— Так я вроде бы ничего плохого не делал, — неуверенно проговорил Сергей Петрович. Честно признаться, он сам не мог понять, хорошо или скверно то, что он, почти старый уже мужик (так он себя воспринимал), вступил в связь, выражаясь казённым слогом, с совсем юной девицей. Правда, вспомнив однажды поговорку: «Связался чёрт с младенцем», Марков не сумел определить, кто в данной ситуации он. Порой казалось, будто совсем не Лукавый.

— И впредь даже не берите в голову подобных глупостей, — назидательно произнесла девчонка, уперев в грудь генерала тонкий пальчик. И, расхохотавшись, бросилась на шею любовнику.

— Вы идиот. — Михаил Владимирович Грибов не кричал. Он говорил вполголоса, иногда срываясь на хриплый шёпот. Орали его глаза, переполненные ужасом и ненавистью к тупому подчинённому. — Вам было велено собрать материалы и нежно провести вербовку. Лучше всего не мамаши. Старшую сестру ломать надо было. Хоть женись на ней, а информатором сделай. Тем более, есть на чём взять — этой... Зинаиде, красавице, между прочим, мужик попался никакой. А младшей страхолюдине — целый генерал. Думаешь, не царапает?

Пат понял, что его начальник, в отличие от него, не поленился убить ночь, чтобы изучить все досье фигурантов, хотя бы отдалённо причастных к операции «12 апостолов».

— Хуже всего, что эта дурища-доцентша действительно донесёт номеру первому, что мы берём его под колпак. Одним махом вы сорвали операцию, которую поручил провести лично товарищ Сталин.

Последнюю фразу майор ГБ произнёс по слогам.

Длинный и худой оперативник сгорбился. Теперь он стал даже меньше ростом, чем его совсем не богатырского склада начальник.

— Пошёл вон! — Грибов махнул рукой. — Из расположения не выходить. Ждите, когда позовут.

Пат не помнил, как добрёл до кабинета. Устроившись за канцелярским столом, попытался обдумать ситуацию. Перед глазами возникло злорадное лицо суки-доцентши, её голос прозвучал как наяву: «Фамилию вашу я запомнила».

Из ящика он достал несколько листков бумаги, обмакнул перо деревянной ручки в чернильницу-непроливашку и вывел: «Я осознаю, что сорвал выполнение важнейшего задания руководства. Перед судом своей партийной совести я вижу, что мне нет оправдания, нет смягчающих вину обстоятельств. Выношу себе суровый, но справедливый приговор...»

Прочитал написанное и махнул рукой: «Для чего всё это? Родственников нет, за собой он никого не потянет, так чего же комедию ломать?»

Пат смял бумажку, но в корзину для мусора не выбросил, оставил на столе.

Пальцы сами расстегнули кожаную кобуру.

Большой палец привычно ковырнул флажок предохранителя. Пат торопливо ткнул дулом себе в висок и рванул спуск.

Зинаида Петровна встретила гостя у входной двери. Бросив первый оценивающий взгляд на дочкиного ухажера, тоскливо подумала: «Господи, какой старый! Разве такой моей Леночке нужен?»

Справедливости ради надо сказать, что выглядел Сергей Петрович весьма неплохо. Придирчиво выбранное девушкой пальто сидело на худощавой, но крепкой фигуре мужчины как влитое. Брюки были идеально отглажены, ботинки сияли. Впечатление портила только улыбка. Такие зубы лучше бы не показывать.

Марков оглядел унылый коридор коммуналки, мельком отметил, что его квартира гораздо удобнее и, если придётся, жить с Ленкой, конечно, он будет там. Поко-

сился на чёрный телефон, словно неведомое насекомое впившийся в стену общей прихожей.

— А я думал, к аппарату постоянно стоит очередь.

— Да нет, — очень по-русски смешала в ответе противоположные выражения будущая тёща. — Дочкам моим сокурсники звонят. А соседи почему-то не пользуются. Хотя проводили-то телефон для всех. — Последние слова женщина произнесла погромче.

Из двери в глубине коридора выглянула тощая старуха в шёлковом халате, покрытом чудовищной величины и яркости маками. Зинаида Петровна, заметив соседку, воскликнула чуть громче, чем это было необходимо:

— Что же мы стоим в коридоре? Прошу, проходите, товарищ генерал.

В центре большей комнаты уже стоял круглый стол, покрытый тёмно-коричневой скатертью с кистями. Поверх неё постелена белая клеёнка, разрисованная разрезанными арбузами. В центре красовались бутылка водки, бутылка «Кагора», квашеная капуста, хлеб, тарелка с замороженным салом, порезанным просвечивающими ломтиками, большая фаянсовая миска с дымящейся картошкой, огурцы с лучком, селёдка с лучком же. Естественно, уже расставлены были тарелки, разложены вилки с ножами, ждали в полной боевой готовности гранёные стопки на коротких толстых ножках. Видно было, что хозяйки тщательно готовились к визиту.

У двери в комнату Маркова встретила Зинка. Блондинка ростом была чуть ли не вровень с генералом. Она подала ладошку лодочкой. Губы в яркой помаде растянула вежливая улыбка:

— Помните меня? Я — Зинаида.

— Разве можно забыть такую красавицу, — галантно ответил Сергей Петрович, за что тут же получил тычок в спину от Ленки. Это не укрылось от глаз Зинаиды Петровны.

— Елена! — строго сказала мама. И сделала широкий приглашающий жест: — Располагайтесь, где вам удобнее.

Марков снял пальто. Его тут же подхватила и упрятала в неполированный однодверный шифоньер младшая сестра. Командир по привычке провёл руками по поясу, словно расправляя гимнастёрку, наткнулся ладонями на полы пиджака и незаметно передвинул кобуру «ТТ». Пистолет он пристегнул по-немецки, впереди. Теперь пришлось сдвигать его вбок, чтобы не мешал сесть. Интересно, как обходятся офицеры вермахта?

Радость устроилась напротив. Зинаида Петровна оказалась по левую руку, Зинка справа. Сергей с интересом рассматривал комнату, зная, что вещи способны выдавать привычки и склонности хозяев. Обстановка оказалась скромной: диван с круглыми откидными валиками. Спинка украшена белым набивным... покрывалом, что ли? Марков с шестнадцати лет воевал, после Гражданской мотался по гарнизонам. Откуда ему знать, как такая хреновина зовётся?

В углу этажерка, забитая книгами так, что аж ножки гнутся. Вот и вся мебель. А чего ожидать от разведёнки, которая тащит двух молодых девиц? Их и накормить надо, и одеть прилично — девкам-то замуж пора.

На стене несколько фотографий: мама и дочки. Судя по ним, будущая тёща в молодости была вполне ничего себе.

Двадцать два года назад подъесаул Вырвыхвост поучал девятнадцатилетнего, ничего, кроме вольтижировки, рубки да ухода за вороной кобылой, не знающего взводного Серёгу:

— Хочешь узнать, какой будет твоя жена в старости, гляди на её мать.

Совет показался тогда верхом житейской мудрости.

Сейчас, невзначай поглядывая на хозяйку дома, суетливо призывающую положить побольше всего на тарелку, «особенно селёдочки, повезло, что в гастрономе

выбросили, удивительно вкусная и совсем не солёная», Марков пытался представить, как будет выглядеть лет через двадцать Ленка. Неужели и у хулиганки и оторвы в глазах появится вот это выражение вечной озабоченности и придавленной покорности? Мол, всё понимаю, но плетью обуха не перешибёшь, против ветра не подуешь, законы выживания не отменишь. Замечательная улыбка всё реже осветит лицо. И всё! Зинка сохранит хотя бы следы красоты. А его Радость? У неё ведь длинный нос, глазки маленькие, когда смеётся, вообще щёлочки, как у чукчи. Ах, Ленка — любовь моя последняя.

Сергей даже удивился, с чего это подумалась такая глупость. Но отвлекли обычные ритуалы застолья. Он хвалил стряпню «женского коллектива», отвечал на осторожные расспросы Зинаиды Петровны — о прошедшей судьбе, о нынешней службе, о перспективах. И на откровенное любопытство Зинки: «Сколько получает командующий военным округом? Имеет ли он шанс получить квартиру ещё лучше, если женится и пойдут детишки? А может ли генерал дослужиться до наркома обороны?»

Марков отвечал совершенно искренне, он понимал обеих Зинаид, и старшую, и молодую, и всей душой сочувствовал им. Но постепенно ему становилось скучно. Даже показалось на миг, будто его жар-птичка не из этой клетки. Больше всего хотелось выйти на подмороженную улицу, обнять за худые плечики Ленку и побрести по вечерней Москве, куда глаза глядят. Дошагать до их квартирки и... Стоп, дальше стали возникать такие яркие картины, что даже неудобно перед Ленкиной мамой.

Как-то незаметно, но вполне естественно в беседу вошёл на мягких подошвах ичиг товарищ Сталин. Зинаида Петровна стала рассказывать о своём телефонном разговоре с мудрым и человечным вождём. Чувствовалось, что восторженный спич женщина повторяет да-

леко не в первый раз. Похоже, она уже уши прожужжала товаркам на службе, приятельницам и знакомым. Тщательно подобранные слова, выверенные интонации и придыхания. Как в провинциальном театре на сотом спектакле идеологически выдержанной пьесы.

— Сергей Петрович, а как вы познакомились с Иосифом Виссарионовичем? — сияя, спросила будущая тёща.

Марков усмехнулся про себя. Рассказывать о СТОНе, своём чудесном освобождении и «взлёте» (взлёте ли?) не то чтобы не хотелось. Разговор получился бы не тот, какого явно ожидала Ленкина мама. А лепетать откровенные глупости, мол, не знал вождь, что чуть ли не всех старших командиров, кто смыслил в военном ремесле, законопатили в лагеря. Или вообще отправили командовать ангельскими батальонами. Но стоило Хозяину проведать, нахмурил он брови и приказал верному сподвижнику Берии виноватого Ежова наказать и восстановить Справедливость. Генерал не был искушён в придворно-политических интригах, но и в наивные сказки поверить не позволял природный ум и разнообразный жизненный опыт. Война вообще быстро излечивает от наивности, а гражданская особенно.

А Зинаида Петровна ожидала рассказа о романтической встрече будущего генерал-полковника с будущим вождём где-нибудь на обороне Царицына. После такой истории особо выразительно должны были прозвучать слова о том, что героя, соратника и чуть ли не личного друга Иосифа Виссарионовича старается окружить шпиками какой-то мерзкий тип из отщепенцев госбезопасности. При этом осведомителей пытается вербовать из самых близких людей.

— По службе, — коротко ответил Сергей и натолкнулся на взгляд непривычно тихой и серьёзной сегодня Ленки. Ей Марков тоже ничего не рассказывал, но кое о чём девчонка начинала догадываться.

После такого ответа будущая тёща решила погодить с разоблачениями. Нужного эффекта всё равно не получилось бы.

— А правда, товарищ Сталин совсем не такой, как о нём пишут газеты? Он гораздо более добрый, человечный и... — Зинаида Петровна запнулась и чуть смущённо закончила: — И красивый.

Сергей вспомнил желтоватые тигриные глаза Хозяина, побитое оспой лицо, о таких на Руси говорят: «Черти на роже горох молотили», и кивнул:

— Конечно.

— А правда, что, если бы не товарищ Сталин, уже началась бы война? — влезла в диалог Зинаида. — Только его усилия и авторитет заставили Гитлера подписать Пакт о ненападении и договор о дружбе и сотрудничестве?

Марков посмотрел в красивые голубые глаза. Девочку так учат. Всю страну так учат. Не отводя взгляда, подтвердил:

— Да. Правда.

На улице было холодно и сыро. Пронизывающий ветер трепал низкие серые облака, забирался под пальто, вызывая озноб. Низко, задевая крыши двухэтажных окраинных домишек, висела неправдоподобно большая жёлтая луна. Жидкие тучки то прикрывали её, как вуаль — лик красотки из рубайат Саади или Рудаки, то разлетались, унесённые ветром. Под ногами скрипели наледи. Днём таяло, а к сумеркам зима отвоёвывала потерянные территории, напоминала, что оттепель — дело сугубо временное.

Марков обнял за плечи Ленку. Девчонка должна была возвратиться к маме, вышла только проводить гостя. Поэтому командир не стал вызывать машину. Хотелось прогуляться по свежему воздуху после душноватой комнаты Зинаиды Петровны. От визита осталось смутное впечатление. Вроде бы всё нормально.

А всё равно ощущение, будто перепил кагора, закусывая вареньем из инжира. В двадцатом в Крыму, под Строгановкой, довелось чуть ли не целую неделю питаться странными треугольными плодами, сладкими до полной приторности. Сергей и до того предпочитал острое и солёное, а уж после...

На Авиамоторной они были одни, хотя час вроде не поздний. Наверное, никто не гуляет вечерами в пролетарском районе, где подскакивают по гудку и спать ложатся вместе с курами.

Весь вечер Радость молчала. И сейчас не стала интересоваться, как понравились Маркову её близкие. Неужели почувствовала нечто?

Сергей только сейчас всерьёз задумался об отношениях с Ленкой, вернее, об официальной, что ли, их стороне. В конце концов, все сомнения и размышления о том, как всё будет через двадцать лет, когда он, если господь попустит дожить, будет добивать шестой десяток, а Ленка даже до «баба ягодка опять» ещё не дозреет, можно и отбросить. Проблемы надо решать по мере их возникновения, а тут два десятилетия... Мог в двадцать первом году командир роты представить, что превратится в генерала, потом в зэка на лесоповале, потом опять приобретёт немалый чин? Ото ж, как говорят хохлы. А вот Зинаида Петровна очень скоро может превратиться в одного из самых близких людей на Земле. Ему этого хочется? Или принять её и Зинку — свояченицу как необходимую плату за ежедневное общение с Радостью?

Такие мутноватые мысли бродили в голове Маркова. Он почти инстинктивно покрепче прижимал к себе худенькое плечико девчонки, пытаясь разобраться в собственной душе.

Из-за угла ближнего дома вывернула и двинулась навстречу группка мужчин. Четверо, все в коротких сапогах, широкие штаны заправлены в голенища в гармошку. Троё в стёганых телогрейках. В такие «фу-

фаёзы» обряжали на лесоповале. Четвёртый в добротном коверкотовом пальто с барашковым воротником. Под шапками коротко вспыхивают огоньки папирос.

Четверка заняла всю ширину тротуара и не спеша двинулась навстречу. Шли расслабленно, по-блатному загребая ступнями. От группки за версту разило наглой силой и угрозой. В СТОНе Сергей Петрович на таких насмотрелся, один Куцый чего стоил.

По уголовной тактике, если пугают спереди, настоящая опасность за спиной. Генерал наклонился к девушке, незаметно оглядываясь. Точно. Сзади на носках, стараясь не хрустнуть ледяным катышком, набегали ещё двое с дубинками или короткими ломиками в руках.

— Спокойно, Радость, — шепнул Марков. — Шаг к дому, и стань спиной к стене.

— А ну, ты, стой, — заорал Барашковый Воротник, отвлекая внимание от «ударного отряда». Ленка, умница, не заорала, не повисла на руке спутника (этого Марков боялся больше всего.) Чётко, как на спортплощадке, она сделала шаг в сторону и развернулась, прижавшись к фасаду полутораэтажного строения. Двое бандитов, подбегая, уже замахивались дубинками. Времени вырвать из кобуры пистолет уже не было. Сергей прыгнул навстречу тому из нападавших, который был на полшага впереди, обхватил его за плечи, сковав движения, и встречным боковым ударом ноги вмазал в пах второму. Человек уронил оружие. Коротко стукнул о наледь металл. Обхватив низ живота, нападавший свалился наземь и страшно заорал. Офицер, наклонив голову, ударил лбом в лицо того, кого сжимал в объятиях. Хрустнул нос, лицо залила кровь. Марков отпустил противника и повернулся к четвёрке. Правая нога, словно снаряд из пушки, вылетела назад. Каблук городского ботинка врезался в живот окровавленного уголовника, отбросив того на пару метров.

Трое в фуфайках, наклонившись, как по команде, вырвали из голенищ сапог самодельные ножи, выставили их перед собой и пошли на командира полукругом. Теперь у Сергея была необходимая секунда. Правая рука скользнула под полу пальто, и в глаза шпане глянуло дуло «ТТ».

— Спокойно, гражданин, — задыхаясь, проговорил тот, что стоял справа. — Чего ты на нас попёр? Мы никого не трогали, а ты... Башли нужны, так и скажи, отдадим. А стрелять не надо.

Расчёт был хитрый. Жертва, вдруг выставленная хищником, отвлечётся, начнёт доказывать, что он не гопник, а совсем наоборот...

В тот же миг тот, что был слева, у стены дома, ринулся вперёд, целя лезвием в руку с оружием. Марков левой заблокировал и отвёл вниз кулак с финкой, ткнул стволом в лицо «энтузиаста». Тот захватил лицо ладонями и свалился между командиром и шпаной. Тут же срез ствола снова уставился на оставшихся.

— Бакланы, — хрипло сказал Марков. — Вы на кого руку подняли, сявки? Брысь отсюда, пока я в ваших тушах сквозняков не наделал.

Сергей очень старался подобрать слова так, чтобы и собеседникам было понятно, и Ленкин слух филолога не поразить теми выражениями, которые были в ходу у конармейцев и которые сейчас сами просились на волю, почуяв свою уместность и соответствие ситуации.

Очевидно, лингвистический контроль ослабил внимание. Барашковый Воротник всё время держался позади своих «шестёрок». Теперь он толкнул одного из подельников на Маркова и ринулся вперёд.

От неожиданности Марков нажал курок, треснул выстрел — практически в упор, и налётчик осел на тело своего приятеля. Последний из троих в ужасе попятился. Но главарь уже схватил за волосы Ленку, скользнул за спину девушки, согнулся, чтобы не возвышаться над нею, и приставил к горлу остриё ножа.

— Попишу твою девку, — неожиданно писклявым голосом крикнул он. — Брось шпалер.

— Дурак, — ответил Сергей. — Её убьешь, прятаться не за кого будет. А я тебя за неё руками в клочья порву. Понял?

Он нарочно произнёс слово так, как принято было у шпаны. Лицо главаря напряглось. Офицер понял, что сейчас справа бросится последний «боец криминала», значит, не сбежал, не оставил пахана. Неужели его боится больше, чем Маркова с «ТТ»? Проучим. Не сводя глаз с Барашкового Воротника, он выбросил вбок стопу. Попал.

Ленка воспользовалась тем, что бандит напряжённо следил за Сергеем и последним из членов банды. Она резко ударила головой назад, одновременно убирая горло от лезвия, и упала влево. Оглушённый Барашковый Воротник на миг оказался без прикрытия. Этого и ждал военный. Зло гавкнул «ТТ», и тупоголовая пуля в медной оболочке вошла в лоб грабителя.

Марков бросился к девчонке: «Цела?» Только он наклонился, в стену что-то ударило. Сергей Петрович прижал Ленку к тротуару, развернулся, выискивая стволом нового противника. С обеих сторон Нагатинской бежали люди в штатском, отмахивая левыми руками и поднимая на уровень глаз правые. Было их человек восемь. Пара вспышек, и пули, пущенные второпях, не прицельно, с противным визгом отрикошетировали от стены дома и улетели в темноту. «Вот и всё, — подумал командир. — Глупо. В каких боях цел остался, в лагере выжил. Сдохнуть в дурацкой уличной перестрелке с уголовщиной? Обидно. И девочку погубил, дубина!»

Марков не спеша вытянул руку, ловя мушкой ближайшего из новых врагов. В этот момент раздались автоматные очереди, и перед штатскими легли фонтанчики взбитого пулями льда. Легковые машины, вылетевшие из неведомых дворов, заскользили юзом перед нападавшими, из салонов вывалились бойцы

в аккуратных полушубках, прикладами «ППШ» сбили их наземь. К Сергею и Ленке, чуть оскальзываясь, подскочил крепкий парень в армейском тулупчике, перехваченном офицерским ремнём, бросил руку к шапке, спросил: «Целы, товарищ генерал-полковник? Извините, чуть не опоздали. Был приказ присматривать за этими, — он повёл рукой, показывая на поверженных штатских, которых умело обшаривали его люди. — Вот и прохлопали бандитов». Парень бегло осмотрел уголовников: «А вы их лихо!»

Марков помог встать на ноги Ленке, попытался пошутить:

— Что я тебя всё время поднимаю? — Не выдержал, прижал девчонку к груди, стал целовать, шепча: — Всё кончилось, малыш, всё хорошо. Ты как, цела? Ты умница, ты прелесть, я тебя люблю.

Только услышав последние слова, девушка беззвучно заплакала, спрятав лицо на груди Сергея.

— Товарищ генерал-полковник, — позвал через пару минут спаситель. — Вас очень просят пройти с нами.

— Сначала отведём девушку домой, — не терпящим возражений тоном приказал Марков.

— Конечно, — поспешно согласился командир группы захвата. — Пройдёмте в авто.

Провожая Ленку до двери квартиры, Сергей Петрович попросил:

— Маму не пугай. Смягчи как-нибудь историю, ладно?

Девчонка кивнула и вдруг потянулась к мужчине, обняла его за шею.

— Хочу к тебе. Прямо сейчас.

Марков благодарно поцеловал её в глаза.

— Я тоже. Но нельзя отвергнуть просьбу неизвестного спасителя.

Увезли генерала недалеко. Через пару кварталов машина свернула в какой-то двор и стала. Тот же командир распахнул дверцу:

— Пожалуйста, пересядьте в другое авто.

Офицер увидел огромный лимузин, сияющий лаковым покрытием даже в ночной темноте. Задняя дверца открылась, и смутно знакомый голос с насмешливыми интонациями позвал:

— Серёжа. Иди сюда, дорогой, я давно тебя дожидаюсь.

Марков уселся на скрипнувшее кожаное сиденье, силясь припомнить, кто в его далёком прошлом обращался к нему с чуть заметным одесским выговором и неистребимыми ироническими интонациями.

— Не припоминаешь? — спросил владелец автомобиля, и в салоне вспыхнула неяркая лампочка. Сергей Петрович увидел человека, одетого в обычный наряд ответработника: полувоенный френч, в каком постоянно показывался Сталин, галифе, заправленные в сияющие сапоги. Лицо римского сенатора. Такие командир видел, когда их водили на экскурсию в Эрмитаж, в коллекции скульптурных портретов. Ещё в то время Маркова поразило, что художники воспроизводили в мраморе каждую морщинку и бородавку, что мастера не льстили заказчикам, сохраняли присущее модели в жизни выражение лица. Высокомерные, алчные, жестокие, тупые лица людей, которые определяли судьбы Великого Города две тысячи лет назад, смотрели в глаза далёких потомков. И становилось понятно без долгих объяснений экскурсовода, почему Империя рухнула.

Только годы спустя Марков понял, почему высокопоставленные римляне не требовали, чтобы скульпторы приукрашивали их облик. Причиной было высокомерие. «Отцы Отечества» как бы говорили грядущим векам: «Мы такие. И такими вам придётся принимать нас и мир, который мы для вас создали».

На внешности теперешнего визави Сергея оставили следы самые разнообразные излишества. Коротко остриженные волосы стали полуседыми, что называется, соль с перцем, обвисли брыльями щёки, потянулся

к подбородку мясистый нос. Только глаза, глубоко упрятанные под бровями, не потеряли цепкости. Да, портрет этого персонажа вполне мог бы стать равным среди тех, кто своими усилиями формирует будущий мир. Или будущее мира, если вам так больше понравится.

— Отними лет двадцать, — усмехнулся спаситель, — добавь длинные патлы, как положено анархисту... Кстати, у тебя случайно соли с собой нет?

— Лёвка, — ахнул генерал. — Простите, Лев Николаевич, правильно?

— Леонид Михайлович, — уточнил собеседник. — Позволь снова представиться: Леонид Михайлович Заковский. Про Задова и, если слышал, Зиньковского забудь. Очень рад, что ты меня всё-таки вспомнил.

— Как можно... — начал Марков, но Заковский остановил нетерпеливым жестом:

— Сейчас такие времена, что родную мамочку узнают только тогда, когда это сулит продвижение по службе. Чаще от родной мамочки отказываются. А я тебе никогда не был не только мамой, даже дальним родственником из станицы Грызаевки.

Теперь Марков по-настоящему вспомнил человека, расположившегося рядом на сиденье роскошного лимузина. Живой, значит, Лёвка Задов, бывший начальник контрразведки батьки Махно, герой Алексея Толстого, бывший результативный разведчик и диверсант, о чём помнят румынская сингуранца и польская служба беспеки, бывший, можно сказать, чекист (в том смысле, что классическим, «книжным» чекистом он перестал быть ещё в незапамятные времена Дзержинского). Впрочем, бывших чекистов, говорят, не бывает. Во всяком случае, живых. А Заковский сейчас был живым весьма и весьма условно...

История знакомства ротного командира Первой Конной и видного махновца могла бы украсить любой приключенческий роман. Однако в годы Гражданской войны подобные переплетения судеб оказывались

чуть ли не нормой. В первый раз они пересеклись на Перекопе, перед Ишуньскими укреплениями Врангеля. На левый фланг пятнадцатой стрелковой дивизии, прижатой к берегу, обрушилась кавалерийская лава конного корпуса генерала Барбовича. Этот кулак должен был смести красных с северной части Литовского полуострова и утопить их в ледяной ноябрьской воде. Остановить несущиеся галопом четыре тысячи смертей, казалось, не могла никакая сила.

В тот момент навстречу врангелевской коннице вылетели двести махновских тачанок. Прозвучала страшная команда: «Хлопцы! Робы грязь!» С двух-трёх сотен метров по лаве Барбовича ударили пулемёты. Конники не отвернули. Корпус был уничтожен почти полностью.

Ротный командир Марков, волею начальства оказавшийся среди бойцов пятнадцатой, и комендант семитысячной «армии» анархистов Лев Задов лицом к лицу тогда не встретились.

Знакомство случилось через несколько дней. Махновцы двигались на Симферополь. Хозяйственные мужички не пропустили ни одного врангелевского склада, попавшегося на пути. Фрунзе приказал прекратить грабежи «по частной инициативе». Ценности должны отойти новой власти в полной сохранности. Рота Маркова получила задание очистить от мародёров спиртзавод в пригороде «столицы Крыма». На всю жизнь запомнился Сергею огромный, с глубокий бассейн величиной, чан, заполненный «огненной водой». Десятки людей, вскарабкавшись на борта, черпали жидкость котелками, привязанными к винтовочным ремням, толкали друг друга, обрывались вниз. Кого-то с весёлой матерщиной тут же вытаскивали приятели. Пара сугубых любителей, окунувшись в «море водки», принялась жадно хлебать. Выудить алкоголиков не удалось, да никто особо и не старался. Теперь их трупы покачивались в такт волнам от плюхающихся

фляг и прочих посудин и, казалось, шевелились в кристально прозрачном спирте.

Бойцы Маркова пытались вытеснить жаждущих с территории завода, но пропитанная алкогольными парами толпа схватилась за оружие. Усмирила пьяниц только пулемётная очередь, пущенная так низко, что пули едва не задели волосы на головах. Не замеченный в суете и толкучке броневик стоял в воротах. Хлопнула дверца, на утоптанную землю спрыгнул длинноволосый мужчина в бушлате на тельняшку и клёшах — типаж анархиста, известный по карикатурам. Правда, без маузера в обязательной деревянной кобуре-прикладе. Скучным взглядом он обвёл двор, вполголоса сказал кому-то внутри броневика: «Сделай на два пальца ниже». Потом, так же негромко, обратился к жаждущим с неистребимым южным выговором:

— Я — Лёва Задов. Вы меня знаете. Брысь отсюда трусцой.

Толпа молча стала рассасываться. Анархист подошёл к Маркову, спросил:

— Не помяли мои твоих?

— Не успели, — честно признался Сергей.

— Пошли в авто, познакомимся.

Внутри броневика оказался неизвестно каким чудом втиснутый круглый столик. На нём лежало нарезанное сало, грубо порубленный белый хлеб, пара очищенных луковиц и бутылка французского коньяка. Задов склонил горлышко над гранёными стаканами, сделал приглашающий жест.

— Как-то нехорошо, — смущённо заявил двадцатилетний ротный, — народ мы погнали, а сами...

— Во-первых, мы не народ, мы — руководство. Нам можно, — возразил Лёва. — Во-вторых, мы не шмурдяк хлебаем, а благородный напиток. В-третьих, — он поднял стакан и аккуратно перелил «Мартель» в рот, откусил половинку луковицы и смачно ею захрустел, — в-третьих, ты такого никогда не пробовал

и, скорее всего, никогда не попробуешь. Если, конечно, Лёва Задов не угостит. — Сергей с удивлением заметил, что новый знакомый произносит слова совершенно правильно. Куда только девался одесский акцент. — Кстати, у тебя, случайно, соли с собой нет?

Марков похлопал по карманам шинели, залез в галифе и выцарапал кисет с грязноватыми, крупного помола кристаллами. Откуда он взялся, сейчас генерал уже не мог вспомнить. Но пришёлся более чем кстати.

Анархист жадно схватил кисет.

— Ты мне нравишься, краском. Хуже, чем лук без соли, только сало без хлеба. — Он схватил по куску каждого из названных продуктов и отправил в рот.

— Вы разве не еврей? — удивился Сергей.

— Еврей. А почему спрашиваешь?

Марков глазами показал на сало.

— А-а. Во-первых, еврей не татарин. Это им Коран запрещает свининой питаться. А у нас даже поговорку придумали: «Если уж жрать сало, то так, чтобы жир тёк по локтям». Во-вторых, война. Она всё списывает. В-третьих, мы мир переделываем по-новому...

— Что-то мне страшно становится, когда вижу, во что мы мир переделываем, — вырвалось у Маркова.

Задов серьёзно поглядел на Сергея.

— А я всё думаю, чего я в тебя такой влюблённый? Ладно, пей-закусывай. И говорить будем.

В тридцать седьмом Сергей Петрович, будучи в Москве, посмотрел новую оперетту «Свадьба в Малиновке». Когда он услыхал из уст Попандопуло: «И чего я в тебя такой влюблённый», вздрогнул. Наверное, Леонид Юхвид тоже встречал где-то Лёву Задова. Такую фразу не придумаешь.

Беседовали тогда долго, часа два. Лев Николаевич объяснял краскому, что такое революция и теперешняя война. За анархистов Задов не агитировал, скорее даже наоборот. Он говорил, что большевики, чтобы достичь личных целей, выпустили на волю самого

страшного зверя — толпу. Кто бы ни победил в нынешней сваре, массу всё равно придётся снова загонять в её стойла. Поэтому крови впереди много. А в результате грабить станут не те, кто драл по три шкуры вчера, а новые. Те, кто готов драть по четыре.

Марков успел к тому времени насмотреться на боевые будни и во многом вынужден был соглашаться с задовскими циничными, точными характеристиками Ленина, Троцкого, Врангеля, Махно и самого государя-императора Николая Второго, просвистевшего такую страну.

Ротный ожидал, что на его голову обрушатся страшные кары за то, что поздно доложил о выполнении задания. Однако получил благодарность за спасение материальных ценностей для трудового народа.

Ещё одна встреча со странным руководителем контрразведки произошла под станицей Фёдоровкой, уже после окончательного разгрома Врангеля. Фрунзе попытался разоружить махновцев. Анархисты стали прорываться с боями в Гуляй-Поле.

Будённовцы разбили крупное соединение «повстанческой армии». Группку бандитов захватили бойцы роты Маркова. Одним из пятерых пленных оказался Лев Задов.

Сергей не мог передать нового знакомого чекистам. Он совершил тогда единственное преступление перед трудовым народом за всю свою жизнь: помог Задову уйти. Совесть не мучила. Личному кодексу чести это не противоречило. Марков видел, как вывозили из Таврии вина и уникальную мебель, как вытаптывали виноградники, как уплотняли буржуев и интеллигенцию. Ему ещё повезло: отозвали в Москву до прибытия в Крым Белы Куна и до начала бессмысленной резни, которую устроил «красный интернационалист». И по сей день генерал-полковник Сергей Петрович Марков пребывал в убеждении, что умница авантюрист Лев Задов гораздо нужнее России, чем верный ленинец Бела Кун или Лев (Иудушка) Троцкий.

* * *

— Курить хочешь? — спросил Заковский. — После такой передряги должен. А ещё лучше сейчас бы граммов двести коньячку вмазать, чтобы нервы отпустить. Ну, это от нас, думаю, не уйдёт.

Он достáл из кармана серебряный портсигар, протянул Сергею. Внутри оказались не папиросы, а зарубежные сигареты без мундштука. Такими угощала их с Лосем «борт-буфетчица» Люсечка три с небольшим недели назад.

Марков выловил туго набитый белый цилиндрик, сунул в рот. Леонид Михайлович протянул тяжёлую металлическую зажигалку: «Откинь колпачок». Командир крутанул большим пальцем рубчатое колёсико, с наслаждением затянулся крепким дымом.

— Чтобы сразу расставить точки над всеми буквами, — сказал Заковский, — сегодня я занимаю должность заместителя наркома внутренних дел. В звании комиссара госбезопасности 1-го ранга.

Сергей тихо присвистнул:

— Почти маршал.

— Ага, почти, — согласился старый знакомый. — Думаю, нам есть о чём поговорить. Поедешь ко мне, краском?

— В служебный кабинет? — сухо спросил Марков.

— Брось, Серёжа, — с тоской в голосе проговорил Леонид Михайлович. — Если бы тебя забирали, так не я бы это делал и не так это обставлялось бы. На текущий момент ты — чуть ли не личный друг Сталина и в этом качестве — лицо неприкасаемое. Правда, что будет через три дня, никто, включая нашего великого и мудрого вождя, не знает.

— А что может случиться за трое суток? Небо на землю упадёт?

— Может быть, и небо... Двинули?

Марков кивнул.

* * *

— Честно признаться, — рассказывал Заковский по дороге, тоже дымя сигаретой, — сначала я потерял тебя из виду. Румыния с Нестором Ивановичем, Польша после его высылки. — Заковский жёстко и неприятно усмехнулся, видно, воспоминания о Речи Посполитой были очень яркими. — Возвращение сюда, ИНО-отдел УкрЧека. Служба к связям не располагала, что к новым, что к старым. Но перебравшись в Москву, начиная с твоего назначения командиром дивизии, я тебя из поля зрения уже не выпускал.

При «злобном карлике» я сам каждый день ждал молоденького лейтенанта. У нас старых работников, особенно в чинах, брать посылали именно молодых. Чтобы зубрам было обиднее и страшнее. Юнцы выслуживались, вели себя особенно грубо и нагло, били беспощаднее. Так что, извини, сделать не мог ничего.

Четыре недели назад пришло распоряжение Хозяина отобрать из числа репрессированных, но живых военачальников тех, кто проявил стратегические таланты. Выполняли приказ мои люди. Я надеялся, что твоя кандидатура Сталина заинтересует. Как видишь, не ошибся.

Разговор продолжили на конспиративной квартире. Небольшая комнатка на первом этаже старого здания в переулке где-то за Павелецкой площадью была обставлена, как жилая.

— Жилищный кризис, — развёл руками Заковский. — Постоянного обитателя приходится гонять по командировкам. Он не сетует, ему площадь выделяли с условием, что ею в экстренных случаях будет пользоваться НКВД. Бедняга звонит, предупреждает о прибытии за день. Зато ему остаются в пользование остатки еды, напитки.

Рассказывая, Леонид Михайлович расставлял казённые припасы: бутылку с армянским коньяком, стака-

ны — нет у съёмщика бокалов, он человек простой — балык, красную икру в двухсотграммовой баночке, хлеб, варёную курицу. Последней украсила стол чистая стеклянная пепельница.

Подняли стаканы, чокнулись, выпили.

— Как в Крыму, — довольно улыбнулся Заковский. — Только там коньяк был получше.

— Зато соль похуже, — хмыкнул Марков. Зажевали обжигающую жидкость мясом и бутербродами. Закурили.

— Ну, ты успел осмотреться? — поинтересовался бывший анархист, внимательно разглядывая Сергея, словно пытаясь понять, как изменили прошедшие десятилетия командира роты будённовцев.

— Если честно, многого не понимаю, — честно признался Марков.

— Если честно, думаю, не понимаешь ничего, — усмехнулся Леонид Михайлович. — Как считаешь, зачем ты нужен Самому? С чего это он в тебя такой влюбленный?

— Это как раз очевидно. Обстановка на границе сложная, чреватая катастрофой.

— А ты — военный талант. Поэтому товарищ Сталин вытащил тебя из лагеря и назначил... командующим Московским округом. Не Западным вместо Павлова, у которого потолок — дивизия. Не в Генштаб, вместо Жукова или хотя бы вместе с ним. Почему?

Генерал пожал плечами.

— Давай я расскажу тебе всё по порядку. Так проще и быстрее, — предложил заместитель наркома. — Я за вознёй у престола наблюдаю давно. Кое-что знаю — должность позволяет. Кое о чём догадываюсь.

То, что я обязан принимать к сведению в силу занимаемой должности: ещё 17 сентября прошлого года генерал Паулюс после двухнедельной штурмовщины без сна и отдыха доложил генерал-полковнику Гальдеру свои намётки по поводу нападения на СССР. Он пришёл к выводу, что операция — на грани самоубий-

ства, но возможна. Необходимо сосредоточить на границах с СССР не менее 110—120 дивизий и добиться стратегической внезапности. Это влечёт за собой массу телодвижений по дезинформации противника. Паулюс писал: «Сама конфигурация театра военных действий диктует план нападения. Все русские армии развёрнуты для наступления. Особенно соблазнительно выглядят Белостокский и Лембергский балконы, где сосредоточено огромное количество русских сил, гигантская сеть складов и аэродромов, штабы всех уровней. А между тем оба эти балкона легко уничтожаются гораздо меньшими силами, поскольку никакой, в сущности, обороны они не имеют.

Когда сталкиваются две армии, обе нацеленные на стремительное наступление, выигрывает та, что начинает первой. Уничтожение русских армий на «балконах» даст возможность выхода на оперативный простор с быстрым достижением конечных пунктов операции: Москвы, Ленинграда и Волги, где-нибудь южнее Сталинграда. Главное — внезапность.

А 28 декабря прошлого года на столе вождя появился проект директивы ОКХ № 050/41 по стратегическому сосредоточению и развёртыванию войск. Так называемый План «Барбаросса». В двух словах это — план нападения Германии на СССР.

Обрати внимание, утверждён «План «Барбаросса» 18 декабря. Через десять дней он буквально в руках у Сталина. Директива была отпечатана в девяти экземплярах и имела гриф: «Совершенно секретно. Только для командования». У Хозяина — дубликат экземпляра № 2. Понятно чей?

— Замечательно действует наша разведка! — воскликнул Марков.

Заковский печально усмехнулся:

— Снять копию с такого документа вряд ли возможно для любого лазутчика. Если, конечно, он не работает по совместительству фюрером. Или, как минимум,

главнокомандующим сухопутными войсками. Если так, нужна ему такая сравнительно малооплачиваемая халтура, как шпионаж?

Ни через разведку Генштаба, ни через отделы НКВД, работающие за рубежом, подобные сведения не проходили. Сталин, который в каждой шифровке с той стороны подозревает «дезу» и измену, в истинность такого невероятного сообщения поверил сразу. Почему? Не знаю. Но десятого января этого года, когда к нашим западным границам пошли первые немецкие армейские эшелоны, Хозяин предложил Генштабу приступить к исполнению плана стратегического развертывания вооружённых сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками, кодовое название «Операция «Гроза», а параллельно, если необходимо, доработать его. Это был почти законченный документ, где расписаны не только стратегические задачи, но и силы, потребные для их решения — с номерами дивизий и корпусов, действующих на каждом направлении. Скажите, архистратиг, возможно ли создать подобную директиву за полмесяца, даже если в полную силу задействовать весь аппарат Генштаба?

Марков хмыкнул:

— Может, это была старая разработка, приготовленная загодя?

— Может быть. Только Шапошников, Жуков и Василевский прямо обалдели, увидев эти шестнадцать страничек. Это во-первых. А во-вторых, в плане анализировались стратегические и тактические преимущества расположения немецких соединений, только что, уже после того, как бумага была у нас, переброшенных на Западную границу. И предусматривалось использование наших дивизий, которые только формируются, — возразил Заковский. — Оперативное управление только дорабатывало готовый план. Жуков его даже не подписал. Тогда кто его автор?

В дверь вежливо, но замысловато постучали. Леонид Михайлович не спеша вынул из кармана галифе наган, подошёл:

— Пётр?

— Так точно, я, — послышался голос командира группы захвата.

Заковский махнул рукой Сергею Петровичу и вышел в коридор. Вернулся минут через пять, вместе с Петром, подошёл к столу, расплёскивая, налил в стаканы коньяку, жадно выпил и процедил сквозь зубы: «Сволочи!» Потом отщипнул кусок куриного бока, заел и объяснил:

— Мои ребята допросили этих... Людей Кобулова. Утверждают, что имели приказ тебя охранять. Негласно. А принадлежат совсем к другому управлению. Ну и чуть опоздали. А стреляли, мол, в бандитов. И не ущучишь ведь мерзавцев. И уголовники какие-то нетипичные. Ни у одного нет наколок. Зато многое другое есть. Ладно, — махнул рукой комиссар госбезопасности. Пётр вышел. — Вернёмся к нашим баранам.

Одиннадцатого марта должно было состояться утверждение уточнений, которые предложили Тимошенко и Жуков. Но Сталин швырнул их в корзину. Его не устраивали темпы переброски и развёртывания войск, слишком большие силы, ориентированные на прикрытие границ. Хозяин потребовал, чтобы к работе срочно подключили Ватутина. Вообще Иосифа никогда не видели таким. Он явно был чем-то очень сильно озабочен, нервничал, даже кричал. Накануне явно произошло что-то очень важное и неприятное, такое, что выбило из колеи даже Кобу. У нас все онемели, чисто статуя Дюка.

Сергей Петрович озадаченно молчал. Слишком много неожиданного и непонятного рассказал «почти маршал НКВД». А Заковский, неприятно усмехаясь, продолжал:

— Теперь ближе к телу. К твоему, между прочим.

Наш с тобой общий любимец Лаврентий полгода назад отправил нового резидента в Берлин. Фамилия его — Кобулов, младший брат первого заместителя народного комиссара НКВД. Начальник Управления внешней разведки Фитин и глава немецкого отдела Журавлёв, оба серьёзные профессионалы, сильно протестовали. Амаяк Захарович даже не дилетант, он просто мудак. Вопрос: зачем он нужен Берии под мышкой у Гитлера? Под собственной, хорошо известной Гейдриху и Канарису фамилией. Только сначала подумай, не лепи, что именно Амаяк и добыл «План «Барбаросса».

— Вы хотите сказать, что Лаврентий Павлович?..

— Именно. Знаешь, чем он отличается от Ягоды или Ежова? Он умнее. Эти шлимазлы, когда кукловод обозвал их самыми главными Членами Органов, решили, будто приобщились к божественному могуществу. А были они просто черпаками, которыми золоторотцы говно из сортиров в свои вонючие бочки переливают. Вот их после использования в ту же яму Хозяин и сбросил. Он вообще мастер использовать людей в качестве инструментов. Хотя, и то сказать, какие они люди? Так, окружение.

Леонид Михайлович снова разлил по стаканам коньяк, корочкой хлеба зацепил икру.

— Давай за то, что свиделись. А то первую с перепугу без доброго слова пустили. — И запрокинул голову. Крупный кадык двинулся вверх-вниз, как поршень насоса. Поставив посуду, комиссар ГБ 1-го ранга вдумчиво зажевал напиток и продолжил: — Берия понял, что он на самом краешке. Тем более что Коба к верхам его не подпускает, мало этого, все время стремится ограничить возможности своего песиголовца. Что делать бедному Лаврентию? Единственное спасение — стать вождём самому. И момент подходящий. Если сегодня убрать Сталина, окружение, видя на границе немецкие армии, растеряется и любого,

кто пообещает предотвратить войну, оближет с головы до самых волосатых мест.

— И при чём здесь я? — мрачно спросил Марков.

— Не спеши поперёд батьки в пекло, — произнёс Заковский. — К твоему номеру в этом цирке мы как раз подходим. Реши Берия сегодня, прямо сейчас, взять товарища Сталина под арест или просто свернуть шею мудрому учителю мирового пролетариата, как паршивому курёнку, кто может ему помешать? Управление охраны? Так Власика нет, в отпуске он, и пока его вытащат из родных Бабынычей, несколько дней пройдёт. А решатся ли заместители с оружием выступить против Лаврентия Павловича или нет, станут годить до выяснения обстановки — это большой вопрос. Получается, резерв вождя, как минимум, до возвращения Николая Сидоровича, — войска Московского округа. В том случае, если его командующий отдаст такой приказ, если не промедлит, не станет тоже выжидать. У Лаврентия есть опасения, что ты свои части в бой за Сталина поднимешь. Понял, почему тебя сегодня брали на «гоп-стоп»? А кстати, если всё-таки, как говаривали в Одессе, ты что сделаешь?

— Как вы любите выражаться, Леонид Михайлович, — набычившись, медленно заговорил Марков, — во-первых, я считаю, что ситуация на Западной границе может обернуться для нас полным разгромом и, соответственно, грозит существованию страны. Обеспечить боеспособность частей, переброшенных к границе, сегодня возможно, только опираясь на авторитет Сталина. Устранение Иосифа Виссарионовича — независимо от того, считаем мы его ангелом-спасителем или последней сволочью, — приведёт к нарастанию беспорядка в войсках. Добавьте неминуемый в этом случае бардак в верхних эшелонах власти и получите подарок для фюрера. От Бреста до Владивостока. Так что формулировать правильнее не: «За Сталина», а «За Родину».

Во-вторых, если ваши выкладки справедливы, Берия — изменник Родины. Я не люблю громких слов, но иметь с предателями никаких общих дел не считаю для себя возможным.

— Молодец, — иронически усмехнулся Заковский. — Объединяем лозунги, получаем: «За Родину, за Сталина!» На будущее имей в виду, что ты, скажем, волею судеб, на сегодня — единственная опора и защита Самого. В этом качестве тебя уже заметили многие, вести себя с тобой будут соответственно. И ты держи должный гонор. И знай, что Он этого не забудет.

— В каком смысле? — уточнил Сергей.

— В обоих, товарищ генерал-полковник, — ответил «почти маршал НКВД».

В тот же вечер в подвальной пивнушке в самом центре Москвы, на улице Петровке, в двух шагах от Столешникова переулка и здания МУРа, сидели два человека. При взгляде на них кое-кому пришло бы в голову название сказки: «Двое из ларца, одинаковых с лица». То есть лица были скорее просто похожими. Оба скуластые, с носами белорусской бульбой, со светло-русыми чубами. Но оба были одеты в чёрные кожанки, перетянутые портупеями с обязательными кобурами «ТТ», синие галифе и добротные офицерские сапоги. Костюмы неназойливо подсказывали, что эта пара и впрямь из одного «ларца». Если бы случайный свидетель мог ещё и глянуть на документы любителей пива, он решил бы, что они если не близнецы, то уж точно братья. Оба носили фамилию Хрусталёв. Только одного звали Иваном Васильевичем, а другого Александром Ивановичем. При этом Иван Васильевич был несколько моложе Александра Ивановича, так что родителем ему приходиться не мог, а по званию первый был майором ГБ, а второй — армейским подполковником.

Служили они в одних и тех же, как сказали бы сегодня, силовых структурах. Майор в настоящий момент был сотрудником Управления охраны. Подполковник —

личным водителем автомобиля народного комиссара внутренних дел товарища Лаврентия Павловича Берии. В родстве Хрусталёвы не состояли, проверено это неоднократно и тщательно родными органами.

Перед каждым красовалась полудопитая кружка, в середине столика — тарелка с маленькими каменной твёрдости баранками, украшенными крупными кристаллами соли. В лучах электрических ламп кристаллы сверкали, словно бриллианты в буржуйском кольце.

Сумей кто из завсегдатаев или случайных посетителей пивной подслушать неспешную беседу коллег, он утвердился бы в мысли, что сослуживцы зашли отдохнуть, глотнуть горьковатой жидкости, посудачить о повседневных вопросах.

— Главное — правильно обрисовать ему ситуацию, — негромко говорил полковник. — Сошлись на кого-то из сослуживцев, мол, противостояние в высшей точке, Богдан готов действовать решительно. Самый момент объединить усилия. Это же исполнение его мечты. Он не сможет не согласиться.

— А если всё-таки? — не ведая о том, повторил Иван Васильевич фразу, которую только что произнёс совсем в другом месте и в другом контексте комиссар ГБ Заковский.

— Тогда придётся его убеждать, — сообщил Александр Иванович. — Он ведь давно напрашивается. Да не тяни. Время поджимает.

Но даже эти вполне невинные слова не могли достигнуть чужих ушей, потому что два ближайших к Хрусталёвым столика по странной случайности оказались незанятыми, а с более дальних позиций тихий говор пары военных заглушался гулом и гомоном других любителей хмельного напитка.

— Скажите, товарищ Лихарев, вы — чёрт? — серьёзно спросил Хозяин, впившись жёлтыми глазами в лицо своего помощника.

— Никак нет, товарищ Сталин, — спокойно ответил Валентин. Механически он поправил узел тёмно-

го галстука, слишком туго стянувшего ворот снежно-белой рубахи. Но это было единственным признаком растерянности.

— Но определёнными сверхъестественными способностями или возможностями вы обладаете, — спокойно констатировал вождь. — Неоднократно вы в сжатые сроки выполняли задачи, непосильные для одного человека. А ведь собственного секретариата у вас нет. Я не говорю уже о документах, которые вы мне доставляли. Такие бумаги могли быть только явной и грубой фальшивкой. Однако проверки подтвердили их соответствие реальному положению дел.

«Он умный, — в который раз отметил Лихарев. — Я же говорил Сильвии, что с этими директивами мы вляпаемся. А она твердила: мы должны рискнуть и в этой реальности добиться того, что про... проиграли в других. Лепет, будто у меня есть могущественные и обладающие редкими талантами друзья, одни из которых ухитрились достать сверхсекретный приказ, а другие разработали план развёртывания войск, с этим человеком не проходит».

— Мне могут понадобиться эти ваши... неординарные таланты, — продолжал Сталин. — Вы готовы к сотрудничеству?

— Безусловно, товарищ Сталин. Всё, что могу. — Просьба секретаря ЦК ВКП (б) о помощи, обращённая к человеку, которого главный атеист страны считал если не дьяволом во плоти, то хотя бы одним из ближних подручных Сатаны, полностью соответствовала инструкциям, которые Валентин получил по данному вопросу от руководительницы сектора и своей непосредственной начальницы Сильвии Спенсер.

— Вы сможете защитить этот кабинет от проникновения нежелательных м-м-м... посетителей?

— Чего проще? — усмехнулся про себя Лихарев, подумав о силовом поле. И кивнул.

— А обеспечить непроницаемость помещения для оружия? Я имею в виду пули, снаряды, даже тяжёлые авиабомбы.

«Вот как далеко зашло, оказывается, дело».

Валентин снова кивнул.

— Только должен предупредить вас, товарищ Сталин, что будет одно неудобство. В момент, когда включена защита, войти в кабинет не сможет никто. Равно как и выстрелить из двери или окна или пробить экран бомбой. Но и вы не сможете выйти, пока не выключится моя... скажем, магия.

— А нельзя сделать так, чтобы я сам мог ставить и убирать эту защиту?

«Ещё чего, — подумал Лихарев. — Перенастроить управление в принципе можно. Да справится ли этот выпускник духовной семинарии с нашими технологиями? Здесь надо иметь определённым образом тренированную психику. И оно мне надо, давать этому аборигену такую мощь? Что обезьяне гранату».

А вслух с наибольшей убедительностью, на какую был способен, произнёс:

— Товарищ Сталин, к сожалению, для управления такой системой требуется особая тренировка.

К удивлению Валентина, вождь кивнул:

— Да, мне говорил об этом один мой старый друг.

«Интересно, — отметил помощник вождя. — Надо выяснить, что это за приятель, который знает о принципах управления силовым полем».

— Тогда сможете устроить так, товарищ Лихарев, чтобы в течение нескольких ближайших дней вы могли появиться здесь максимум через тридцать секунд после моего вызова?

«Постоянно держать открытым канал гиперперехода? — прикинул Валентин. — Это же сколько энергии уйдёт? С другой стороны, не станешь же круглые сутки сидеть здесь или, ещё лучше, в приёмной бок

о бок с Поскрёбышевым. Придётся просить санкцию у Сильвии».

— Товарищ Сталин, — твёрдо произнёс помощник вождя. — Завтра с утра я обеспечу ваш кабинет совершенно непробиваемой защитой. Сегодня подготовлю всё необходимое.

— Хорошо. Я полагаюсь на вас, товарищ Лихарев.

После разговора с Иосифом Виссарионовичем о «мистическом визите Фиораванти» Лихарев связался со своим куратором, резидентом Сильвией. Элегантная красавица в свою очередь послала запрос в Центр. Ответ пришёл незамедлительно. Никаких следов не только активности, но даже и присутствия противника в этом ответвлении от главной исторической последовательности замечено не было. Можно было считать, что агграм удалось найти совершенно «чистую» реальность, и, значит, появился шанс исправить промахи, допущенные в «других мирах».

Сильвия долго объясняла подчинённому теорию сопряжения линий исторического развития. Вся эта философия Лихарева никогда особенно не занимала. Ему ближе были конкретные задания, где требовалась сметка, решительность, умение соображать быстро и точно, где интеллектуальный, а подчас и реальный риск пенил кровь адреналиновыми выбросами. Из рассуждений матери-начальницы он понял две вещи: сама Сильвия в этих высших материях разбиралась не очень и сейчас просто повторяла полученный от кого-то сильно умного урок. Второе, что если аггры сумеют создать единое мировое правительство в этой реальности (или на этой исторической линии), то все предыдущие проколы как бы самоликвидируются в силу влияний одной линии исторического развития на другие. По каким-то хитрым законам главной последовательностью становилась та, которая расходует меньше энергии на поддержание собственной стабиль-

ности. В этой реальности не было борьбы между аггрaми и форзейлями, потому «чистая» последовательность была самой энергосберегающей из известных.

Из этого следовало, что нужна одна победа, любой ценой, и усилий жалеть нельзя.

В какой-то миг Сильвия заметила состояние обалдения, в которое впал Валентин, и пожалела резидента в России, перешла к конкретным заданиям. Лихарев должен был подбросить Сталину разработки нового пехотного оружия, достаточно простого, чтобы можно было быстро наладить его массовый выпуск, и в то же время весьма эффективного. Давать землянам более мощные средства сведения счётов друг с другом аггры не хотели. Им не нужна была непоправимо искалеченная планета и история, которая «вывихнула сустав». А по расчётам историков, максимальные шансы объединить под собственной властью страны, имеющие реальную возможность лепить будущее Земли, имела империя под названием СССР. По непонятным для исследователей причинам именно это государство обладало наибольшей пассионарностью.

За разъяснением стратегии и рассуждениями о загадочных сущностях Истории как-то забылся скверный анекдот с духом-призраком.

Конечно, тогда Валентин и прокололся. Историю с привидением следовало раскрутить до конца, до принятия мер руками вождя или даже собственными силами. Пусть даже ситуация не показалась сколько-нибудь серьёзной. В самом деле, не может же повлиять на логику мировой истории какая-то дурацкая инсценировка.

Ход мыслей аггрианского агента можно понять. Тысячелетия развития науки и технический прогресс вытравили из психики любые мистические представления. Для веры в потусторонние силы просто не осталось места в мозгах существ, которые в Гиперсети жили, словно в собственной квартире. Пожав плечами, и Сильвия, и Лихарев забыли об этом нале-

пом событии, как европейский исследователь, тот же Гарри Райт, не обратил бы внимания на сообщение, что его проводник по джунглям нарушил какое-то из многочисленных племенных табу. Оценить размер своего просчёта и серьёзность, даже трагизм ситуации англичанин смог только утром. Тогда выяснилось: туземец ночью умер. Просто потому, что знал — нарушивший запрет должен заплатить за это жизнью. Мог Райт предвидеть такое? Вот и аггры не сумели.

Так что, теперь придётся разбираться в этой нелепице?

— Заварили мы с вами кашу, товарищ генерал, — сказал Иван Васильевич Хрусталёв. Лось, не отвечая, ждал продолжения. Майор заложил руки за спину, картинно выставил левую ногу в сияющем сапоге и продолжил: — У меня приятель в аппарате, — чекист махнул рукой в сторону, объясняя, в каком именно аппарате служит товарищ, — Лозгачёв его фамилия, возможно, помните. Он рассказал, как после разговора с вами по телефону Эйтингон побежал, — Хрусталёв понизил голос до шёпота, — к Сталину.

Владимир насторожился. Неужели Наум, о котором он слышал, будто это чуть ли не самый хитрый лис вождя, умудрился допереть, зачем ищет карту Фиораванти новый заместитель Власика? Нет, — успокоил Лось сам себя. Будь он хоть семидесяти пядей во лбу, не догадается. А даже и сообразит, чем докажет? Нет, ерунда.

— Оказывается, — продолжал Иван Васильевич, — Берия о плане тайных лазов в Кремле не доложил, значит, собирался его как-то использовать. Лаврентию Павловичу о вашем запросе Эйтингону и его срочном докладе Самому тут же донесли. В верхах началась паника. Кобулов убеждён, что Хозяин прикажет взять под стражу и его, и Берию. Обсуждают даже, — майор перешёл на чуть слышный шёпот, — как такому варианту противодействовать.

— И тебя попросили выяснить, пойдут ли наши люди арестовывать руководство НКВД? — вслух спросил Лось.

— Нет, — так же громко заявил Хрусталёв. — Мне поручили спросить, не хотите ли вы, пользуясь ситуацией, исполнить свою давнюю мечту — свернуть шею усатой суке? Совместно с Богданом Захаровичем...

— Совместно с Богданом Захаровичем я на одном гектаре срать не сяду, — грубо оборвал Лось. — Так и передай. А за информацию спасибо. Иди, свободен!

На рабочем столе Маркова коротко звякнул телефон.

— Сергей Петрович, — с некоторым удивлением в голосе доложил секретарь, — к вам генерал из управления охраны.

«С чего это Володьке неймётся с утра пораньше, — подумал Марков, а в трубку сказал: — Проси».

Лось ворвался в кабинет, словно за ним черти гнались. В два гигантских шага подскочил к столу, опёрся ладонями и зашептал:

— Всё, Серёжа, пришёл наш день. Поднимай войска!

Вымотанный вчерашними приключениями, а ещё больше разговорами — только он приехал домой после беседы с Заковским, позвонила Ленка. Она плакала и смеялась, говорила, что хочет к нему, чтобы Сергей её обнял и всё забылось, потому что страшно, и мать рыдает, хорошо, хоть Зинка у мужа, а то и она бы душу мотала. Сергей успокаивал девчонку, объяснял, что приехать за нею в два часа ночи было бы неудобно перед Зинаидой Петровной, а сейчас тем более, и с утра он обязан быть в штабе, но вечером они запрутся только вдвоём и... Потом он понял, что Радость его просто не слышит, и стал говорить, что любит её, что целует её глаза, её распухший сопливый нос, её удивительные плечи и потрясающую грудь. Под этот бессвязный лепет Ленка затихла, даже, кажется, улыбнулась и начала кокетничать. Короче, так ночь и прошла.

Марков поднял на друга глаза.

— Какой день, какие войска?

— Пауки сцепились, — лихорадочно бормотал Владимир. — Усатый заподозрил Берию в заговоре. Хочет, — Лось энергично повернул навстречу друг другу огромные кулаки, будто выкручивал подштанники в швальне.

Сергей Петрович вспомнил вчерашние слова Заковского. Какая умница Лёва Задов! Но наверное, даже он не ждал, что все завертится так скоро.

— И что? — спросил он Лося.

— Как что? Ты сейчас бросишь пару батальонов с лёгкой артиллерией — для острастки — на Лубянку. И пару батальонов — на Кремль. Охрану я нейтрализую, ворота открою. Свернём шейку вождю, прислоним к стенке Берию со всеми его присными. И всё, свобода!

Марков потёр ладонями лицо. Башка совсем не варила. Постарел, что ли? Раньше за неделю часика три соснёшь, и всё равно как молодой огурец. А тут ночь всего не поспал, а ощущаешь себя варёной курицей в чемодане у командированного. Птица привиделась как настоящая: пухлая, бледная, в толстой, покрытой пупырышками, коже.

Господи, о чём он думает? Сколько они мечтали о таком повороте судьбы! Посмотреть в глаза всем, кто мучил, запугивал, калечил его, Володьку, Радость — всю страну, когда они будут стоять перед дулами автоматов.

А немецкие дивизии на границе? Кому-то из оставшихся вождей обязательно придёт в башку, и на взбунтовавшихся бросят верные части — найдутся такие. Как ты сам вчера говорил: «Подарочек фюреру от Бреста до Владивостока»?

— Хорошо, свобода, — бесцветным голосом произнёс Сергей, глядя снизу вверх — сидящий стоящему — в глаза Лося. — А дальше что? Кто станет

управлять страной, защищать её? Как только мы тут зашебуршим, фрицы и гансы, не дожидаясь полного разворачивания войск, рванут вперёд.

— Ну и что? У нас там войск...

— У нас там полный образцово-показательный бардак. А тебя и меня в случае бунта авиация накроет прямо в Кремле по распоряжению товарища Молотова-Маленкова. Или всесоюзного старосты сифилитика Калинина. И начнут грызть друг другу глотки за должность самого верхнего. Пока будут барахтаться, уже и господин Гудериан в ворота постучится. Дулами танков. Ты пойми, Володя, сегодня такое положение, что нельзя без Сталина. Не потому, что он хороший. Он может быть какой угодно сукой. Но вся страна замкнута на нём. Так что, извини, я тебя не поддержу. Больше того, любую попытку переворота пресеку всеми имеющимися в моём распоряжении силами.

— Ты что, Серёжа? — В голосе Лося была мука. — Мы же друзья.

— Прежде всего мы — русские офицеры. Наша работа — страну и народ от иноземцев оборонить. Ты что, хочешь, чтобы в твоей Старо-ниже-чего-то-там гитлеровский унтер царствовал?

— А бериевский уполномоченный лучше? Сказал бы честно: «Прикормил меня наш великий и мудрый, лучший друг физкультурников». Эх ты, не думал, что ты окажешься даже не сукой, а подсученком. — Бывший зэк всё больше распалялся. — Ладно, — заорал он, — беги, защищай своего любимого рябого вождя, пока его собственный холуй кровавый на крюк за вонючее ребро не повесил. Да не забудь его в жопу поцеловать!

Лось выскочил в приёмную, так хлопнув дверью, что с потолка посыпалась штукатурка.

Марков остался сидеть за столом, тупо глядя на разводы лакированной древесины. Он думал, какая паскудная штука — жизнь. Наша жизнь, во всяком случае. Как ни странно, Сергей Петрович испытывал

чувство стыда перед Сталиным. Возможно, его стоило убить. Но пользоваться благоволением этого немолодого, матёрого человека и одновременно плести заговоры за его спиной, обзывать его полуприличными кличками нельзя. Этим унижаешь не его — себя. Так Марков чувствовал, хотя связно объяснить и логически обосновать ничего не смог бы.

В то же время военный никогда не смог бы прийти к Сталину и рассказать о планах Лося. Это значило донести и обречь единственного друга на мучительную смерть и было чудовищно и совершенно невозможно.

Даже застрелиться — значило предать обоих. И свою страну, которую ему не за что особенно любить. Он сражался за её счастье, работал день и ночь, обеспечивал «спокойствие наших границ», как пелось в популярной песне. И получил «тёплое место» в бараке концлагеря. Тем не менее, не зная, за что и почему, он всё же любил родину-мачеху. И скорее сдох бы, чем допустил, чтобы было стыдно за провинность перед ней. Кто придумал эти дурацкие понятия, которые загоняют человека в угол и не позволяют ему выстроить для себя нормальную, то есть спокойную и сытую, жизнь любой ценой? Честь, совесть, порядочность. Насколько легче было бы вообще без них. А ведь именно они, точнее, следование этим дурацким «понятиям» и создаёт человека. В отличие от двуногих гиен и шакалов.

Погоди, а что Лось кричал? Холуй собирается подвесить рябого вождя на крюк? Что, НКВД готово выступить против Сталина? И что прикажете делать? Поднимать войска и бросать на защиту Кремля? Или сразу на штурм Лубянки? Марков представил, как это могло бы выглядеть. Картина понравилась, хоть маслом её пиши.

Решив действовать умнее, Сергей Петрович набрал знакомый номер.

— Александр Николаевич, это Марков. Хотел доложить, что вверенные мне войска Московского военно-

го округа готовы незамедлительно выполнить любой приказ товарища Сталина.

Вместо тенора Поскрёбышева в трубке вдруг раздался глуховатый голос. С отчётливым акцентом он произнёс:

— Спасибо, товарищ Марков. Рад, что не ошибся в вас. Как говорится, вдвойне даёт тот, кто даёт вовремя. Я этого не забуду.

В Кремле положили трубку.

«Если бы только месяц назад мне кто-то сказал, что я буду спасать Сталина, в морду получил бы немедленно», — подумал Марков.

С завтрашнего дня он будет в полной безопасности. Лихареву вождь верил. Не доверял, а именно верил, заметьте разницу. Оставалось решить, как не дать выпустить себе кишки в эту ночь.

Мысль пересидеть её в кабинете удачной не показалась. После знакомства с тенью Аристотеля Фиораванти Сталин не чувствовал себя уютно в Кремле. Здесь на каждом шагу человек, не только подчинённый Берии, но его аппаратом подобранный и проверенный. И стены, как оказалось, пронизаны тайными ходами, как вонючий камамбер следами мерзких личинок. Ближняя дача выглядела гораздо надёжнее. Особенно, если собрать туда на дружескую вечеринку всех соратников по Политбюро. Заодно и заседание проведём. Есть мысль. Лаврентий не решится пристрелить вождя на глазах всей верхушки. Тогда придётся устранять если не всех, то многих. На такой скандал даже он сам, наверное, не отважился бы. Разве что в молодости. Наивный он тогда был. Скольких возможностей не видел. Правильно говорят: если бы молодость знала, если бы старость могла. Ну, ты ещё не старик, шестьдесят два для кавказского мужчины не возраст. И чувствуешь себя порой ещё всемогущим.

Так, охрану НКВД следует заменить на людей, от Лаврентия не зависящих. Вопрос: где взять три десятка людей, которые не выстрелят в спину?

А ведь вполне возможно решить и эту проблему. Наш стойкий оловянный солдатик даже лучшего друга сдал. Уверил в полной преданности вождю. И ловушкой это быть не может. Проще было помочь Лосю. Значит...

Сергей Петрович сидел в своём кабинете, уставившись взглядом на чёрный телефон, ожидал, что в любую секунду он зазвонит. Почему-то казалось, что трель будет резкой, злобной. И придётся поднимать части, бросать вооружённых людей на промозглые пустые улицы. Против лучшего друга. Выполнять свой долг и обязанность...

Генерал старался не думать ни о Лосе, ни о Сталине. Он вспоминал Радость, её манеру улыбаться, чуть откидывая назад голову. Но перед глазами всё время появлялось растерянное и взбешённое лицо Володи.

Аппарат коротко вякнул и замолк.

— Сергей Петрович, — сообщил Поскрёбышев, — с вами хочет поговорить товарищ Сталин.

И тут же в трубке возник глуховатый голос:

— Товарищ Марков. Я решил собрать сегодня товарищей на Ближней даче. Устроим дружескую вечеринку для Политбюро. Выпьем немного хорошего грузинского вина. Повспоминаем старое время. Приглашаю и вас.

— Спасибо, Иосиф Виссарионович, — пробормотал удивлённый генерал.

— Товарищ Марков, — не спеша продолжал вождь. — У меня просьба. Не могли бы вы взять с собой человек тридцать надёжных командиров из подчинённых вам соединений? Они должны быть хорошо знакомы с караульной службой. И самое главное, они должны быть взяты из разных частей и не должны быть знакомы друг с другом. Явка в двадцать два ноль-ноль. И все вместе поедем. Чтобы было веселее.

— Прошу прощения, товарищ Сталин. То, о чём вы просите, невозможно...

— Почему? — изменившимся голосом спросил Вождь.

— Тридцать человек из разных частей и отвечающих вашим условиям я и за сутки не соберу. Не настолько я знаком с округом, чтобы взвод надёжных людей не глядя назвать...

— А что в таком случае нам делать?

— Предлагаю или взвод старшекурсников из училища Верховного Совета — этих за час соберём и проинструктируем, или поднять по тревоге командиров разведвзводов и рот ближайших дивизий. Люди наверняка лучше строевых командиров подготовлены. Но тогда часа три-четыре...

— Давайте курсантов, — после ещё одной длинной паузы сказал Сталин.

К вечеру разыгралась вьюга. Ветер срывал белую пыль с высоких сугробов, завивал её смерчами, поднимал к тяжёлым тучам, словно пытался вернуть им неуместные в конце марта снежинки. А сверху неумолимо сыпалась всё новая ледяная крупа, смешивалась с уже побывавшей на земле, заполняла пространство между чёрными небесами и белой выстуженной землёй.

Времени выполнить распоряжение Хозяина чуть хватило. Кортеж из десятка одинаковых чёрных «Эмок» — их решили использовать вместо обычных лимузинов «для маскировки», чтобы меньше бросаться в глаза, — понёсся сквозь замять от стен Кремля в сторону Арбата. На ходу машины менялись местами, и через десять минут сам Марков уже не смог бы сказать, в которой из них расположился Хозяин.

Подъезд к Ближней даче был забит автомобилями. Крыши и бока уже замело.

Перед внешними воротами стояли четверо бойцов в убелённых снегом тулупах с автоматами «ППД»

на изготовку и старший лейтенант ГБ. Командир патруля увидел, как из «Эмок» выбираются военные, сделал несколько шагов вперёд, набирая в грудь воздуха. Не то он собирался отдать команду: «По машинам и вон отсюда к беням», не то сразу начать экскурс в генеалогию приехавших. Но тут увидел, как из тёмного чрева совсем не подходящей ему машины выкарабкивается вождь, подбежал, застёгивая кобуру, вытянулся, отдал честь. Спросил чуть растерянно:

— Товарищ Сталин?

— Я, — ворчливо согласился вождь. — А это — со мной. Прикажи впустить. Старший лейтенант бросился к караулке, схватил трубку телефона. Одновременно он дал знак автоматчикам отступить в стороны. Марков оценил манёвр. Охрана заняла позиции, с которых четыре автомата скосили бы приехавших за секунды. Сталин вместе с Марковым, за ними — настороженно озирающиеся курсанты, одновременно и гордые и слегка растерянные, вошёл во внешние ворота, которые тут же стали закрываться. Из-за внутреннего забора раздался голос:

— Всем стоять!

В амбразурах сверкнула оружейная сталь.

— Товарищ Мозжухин, — не повышая голоса, позвал Хозяин.

— Это действительно вы, товарищ Сталин? — удивлённо спросили из-за внутренних ворот.

— Открывайте, товарищ Мозжухин.

В ближней к воротам бойнице забелело лицо.

— Я не имею права впускать на территорию посторонних людей.

— Это мои гости, — усмехнулся Хозяин.

— Товарищ Сталин, не имею права.

— Товарищ Мозжухин, кто вправе дать разрешение на присутствие тех или иных людей на даче?

— Комендант.

— А в его отсутствие?

— Начальник Управления охраны.

— А в его отсутствие? — Вождь говорил тихо, но в голосе начинало закипать раздражение.

— Нарком внутренних дел.

— А в его отсутствие? Ну, товарищ Мозжухин, соображайте быстрее, люди мёрзнут.

— Председатель правительства.

— Он приехал?

— Так точно.

— Доложите ему, что вы не впускаете Сталина с его гостями, и выполняйте приказание, которое получите.

Через три минуты послушались отборные ругательства, ворота распахнулись. За ними, ёжась под ударами серой метели, стояли Калинин, Булганин, Маленков и Молотов. Все четверо материли бедного заместителя коменданта Ближней дачи и испуганно косились на три отделения курсантов за спиной вождя.

— Никогда не думал, что наши охранники такие бюрократы, — процедил Иосиф Виссарионович.

— Он сегодня же будет уволен, — с преувеличенным гневом пробасил Михаил Иванович и даже замахнулся кулачком на Мозжухина.

— Потом мне пришла в голову мысль, — продолжал Генеральный секретарь, — что меня просто не хотят пускать те, кто засел внутри. — Четвёрка попыталась протестовать, но Сталин никого не слушал. — И только потом я понял: неправильно мы организовали власть. Я подумал: товарищ Сталин должен не только руководить партией. Товарищ Сталин должен возглавлять правительство страны. Как вы считаете, товарищи?

— Совершенно правильно! — выкрикнул Молотов.

— Я рад, что вы меня поддерживаете, Вячеслав Михайлович, — кивнул Хозяин. Тут же зашумели все: «Давно пора! Это архиверное решение. Только так мы наведём наконец большевистский порядок, а то распустились».

Иосиф Виссарионович двинулся ко входу в дом. Остальные вожди запрыгали вслед. Они уже пере-

обулись в лаковые туфли, и теперь снег засыпался в обувь, обжигал ноги.

Вдруг Сталин остановился:

— Что мы будем делать с товарищем Мозжухиным?

— Гнать его к чёртовой матери, — злобно выкрикнул Маленков. Он чуть было не врезался в спину Вождя, влез в сугроб и потому был непримирим.

— А я думаю, товарища Мозжухина следует наградить ценным подарком, — произнёс будущий глава правительства. — За образцовое несение службы. И подыскать ему достойное место службы, не связанное с чрезмерными умственными усилиями. А то он очень долго соображал, что секретарь ЦК ВКП (б) и хозяин дачи главнее коменданта этой же дачи.

И снова двинулся вперёд, позвал не оборачиваясь:

— Товарищ Мозжухин. Вы и ваши люди можете отдыхать, сдав оружие. За вас подежурят мои гости. Товарищ Марков, распорядитесь.

Затюканный заместитель коменданта открыл было рот, чтобы произнести ставшее привычным за этот вечер: «Не положено», но только глянул в затылок Сталина — между околышем фуражки и барашковым воротом шинели, — рявкнул «Слушаюсь!», развернулся кругом и строевым шагом отправился к чёртовой матери.

Марков разоружил с большим удовольствием штатную охрану, провёл инструктаж и лично развёл курсантов по постам — в общем, выполнил работу обычного начкара. Только он успел покончить с хлопотами, примчался Гундарев. Этого широкоплечего парня с боксёрским перебитым носом Сергей выделил для связи.

— Товарищ генерал-полковник, вас просят, — и махнул рукой в сторону дачи.

В большом зале происходил обыкновенный сталинский банкет, аналог петровских ассамблей, откуда гости своими ногами не уходили. Члены Политбюро и зампредсовнаркома — все как один в тёмных костю-

мах с галстуками. Один Ворошилов непонятно с чего явился в кожаной куртке вместо пиджака и в галифе с сапогами. Выделив его из толпы, Иосиф Виссарионович недовольно произнёс:

— Ты бы ещё шашку прицепил, Клим. Был дураком и остался...

— Я с утра на полигон собрался, новую технику смотреть...

— Много ты насмотришь с бодуна, — ухмыльнулся Вождь и отвернулся.

С появлением Сталина беспорядочное роение по залу прекратилось, все начали занимать положенные по старшинству и степени близости к Хозяину места. По инерции из рядов соратников прорывались слова:

— Наконец-то, товарищ Сталин... Мудрая идея, и главное, своевременная... Пора, пора укрепить государственную власть... Владимир Ильич тоже ведь Совнаркомом руководил...

Последнюю фразу выдал Молотов, только что низвергнутый с этого высокого поста и имеющий основания задуматься о своём будущем.

Услышав упоминание Ленина, Вождь поморщился. Нашёл, дурак, кого в пример ставить.

Хозяин единственный в зале выглядел трезвым. Он сидел со стаканом красного вина в руке и оглядывал свою рать, наперебой изрекающую тосты и опрокидывающую рюмки водки и коньяка. Маркову показалось, будто в тигриных глазах плескалось презрение.

Заметив Сергея Петровича, Сталин жестом подозвал его к столу. Строгие костюмы с элегантными галстуками тут же расступились.

— Товарищ Марков, — произнёс Иосиф Виссарионович. — Мы провели внеочередное заседание Политбюро, посовещались. Товарищи внесли коллективное предложение о некотором сокращении круга обязанностей секретаря ЦК. — Вождь сделал паузу. Мар-

ков с недоумением смотрел на усмехающегося Хозяина. Какое, на хрен, «сокращение круга обязанностей» перед самой войной? А чтобы эти... суслики сожрали Самого, совершенно невероятно. Да и выглядит Сталин таким довольным, словно это он их всех схарчил.

Очевидно, по лицу командующего Московским округом прочитать его мысли было несложно. Иосиф Виссарионович выдержал паузу и продолжил:

— Одновременно постановили возложить на товарища Сталина руководство Советом Народных Комиссаров и иными государственными органами... Точное название должности они подработают. Как вы считаете, правильно мы постановили или нет?

«Концентрация всей власти в руках одного человека — это возможность быстро ставить любые задачи и контролировать их безусловное исполнение. В условиях войны — залог успеха, — подумал Марков. — История неоднократно это подтверждала. А свободы нам и так век не видать. Побьём немцев, разберёмся».

— Для подготовки и ведения военных действий решение верное.

Вождь обвёл глазами приближённых.

— Видите, товарищи, народ, — он показал на членов Политбюро, — и армия, — жест в сторону Маркова, — едины.

Потом пьянка продолжилась. Сергей видел, как холёный Булганин вертел в пухлой руке гранёный стакан с водкой, как ткнулся он острым клинышком бородки в накрахмаленную грудь рубашки и заснул на стуле. Как по просьбе Сталина плясал гопака лысый секретарь ЦК Украины. Генералу показалось, что, выделывая коленца, он метнул в главу правительства взгляд, полный ненависти. Но скорее всего, это был просто каприз освещения.

К утру только Сталин и Молотов остались сидеть друг напротив друга. Как две гранитные глыбы среди распростёртых на столе, а то и на полу тел руководи-

телей ВКП (б) и Союза Советских Социалистических Республик. В малой комнате, где в прошлое посещение Марковым дачи разместили оркестр, громко храпел раскинувшийся, словно запорожец на въезде в Сечь у Гоголя, даже не расстегнувший портупейных ремней Климент Ефремович Ворошилов.

Под утро метель улеглась. Небо очистилось от туч и засияло, подсвеченное лучами восходящего где-то солнца, стало похожим на свежепостиранную простыню, которую усердная хозяйка чуть подкрасила синькой. На землю солнечные лучи ещё не попадали. Деревья вокруг строений и сама Ближняя дача смотрелись тёмными плоскими декорациями в сероватом сумраке.

Сталин, так и не сомкнувший глаз за прошедшую ночь, уселся на заднее сиденье «Эмки» и приказал Маркову:

— Соберите людей, проводите меня до Кремля и отправляйтесь отдыхать. Подумайте, может, стоит произвести ваших курсантов в лейтенанты, не дожидаясь экзаменов, и направить в войска? Быстрее в курс дела войдут...

«Свой «царский выпуск»[1] решил устроить, — подумал Марков. — Оно и правильно. Лучше лишние три месяца в полку, чем никчёмные теперь экзамены...»

— Будет исполнено, — кивнул генерал.

— А завтра, — продолжал вождь, — проведём совещание по вооружениям. Прошу присутствовать. О времени и месте вас известят.

Марков торопливо прошагал по коридору, ворвался в собственную приёмную. Комната была пуста, ни Шкарбута, ни Добросклоновой. Взведённый после всех событий последних дней и бессонной ночи с вождями, Сергей вырвал из кобуры пистолет и бро-

[1] В июле 1914 года особым царским манифестом юнкера и гардемарины выпускных курсов военных училищ были произведены в офицеры без экзаменов.

сился к кабинету. Дверь в него оказалась запертой. Командир подёргал ручку. Ему показалось, будто внутри кто-то приглушённо разговаривает.

— А ну, выходи, — крикнул генерал и хотел уже выстрелить в замок. Охрана на звук прибежит через полторы минуты.

— Выхожу, товарищ командующий, — раздался знакомый голос. Дубовое полотнище медленно приоткрылось, и в приёмную вышел, торопливо застёгивая китель, Филипп Максимович. На лице его можно было прочитать смешанные чувства: фальшивое раскаяние и глубокое удовлетворение.

— Что вы делали в моём кабинете, полковник? — спросил Марков. Меньше всего ему верилось, будто лукавый и ленивый помощник заперся, чтобы взломать замок или распилить стенку сейфа своего начальника. Тем более что по службе почти со всеми секретами он был знаком.

Из-за спины Шкарбута, поправляя причёску, выскользнула Татьяна. Она посмотрела на Маркова, покраснела. Тёмные глаза наполнились слезами. Девушка зарыдала в голос и выскочила в коридор.

«Ай да Шкарбут, ай да ходок, сукин сын, уестествил всё-таки Карменситу», — весело подумал Марков и приказал:

— Беги за своей цыганочкой, пока она весь штаб на ноги не подняла. Будешь потом отмазываться от обвинения в изнасиловании в рабочее время и на рабочем месте.

Помощника как ветром сдуло.

Сергей Петрович вошёл в кабинет. Здесь царил обычный порядок. Только на паркете рядом с кожаным диваном валялась красная роза.

Иосиф Виссарионович приехал в Кремль с Ближней дачи непривычно рано — в половине девятого утра. Наркомы и прочее начальство, а также все сотрудники различных ведомств, приученные к ночному ре-

жиму работы вождя, в это время видели первые сны. А самые невезучие только добирались до собственных квартир.

Он вошёл в свой кабинет, проветренный, но окна наглухо зашторены, привычным жестом включил настольную лампу. Круг света вырвал папку с полустёртым золотым тиснением «К докладу». Каждое утро Поскрёбышев собирал в неё срочные бумаги. Сегодня поверх кожаной обложки лежали какие-то листки. Это был непорядок. Вождь поднёс бумаги к глазам: какой-то аккуратно вырисованный план с подписями латинскими буквами. Рассеянно отбросив чертёж, Сталин обнаружил письмо: «Сосо! Как обещал, посылаю тебе копию плана Аристотеля Фиораванти. Я позволил себе отметить один из лазов. Он выходит в тот самый коридор, где скрылся твой «призрак». Думаю, других доказательств рукотворности твоего «чуда» не требуется. Всегда твой Георгий».

Хозяин снова взял первый лист, внимательно изучил схему. Судя по ней, тайный ход в стене соединялся с подземным туннелем, который исчезал за кремлёвской стеной. «Как бы не пришлось самому воспользоваться», — подумал Сталин, представил себя ползущим по узкой каменной кишке и невесело рассмеялся. Автоматически отложил записку Гурджиева. Под нею оказалась ещё одна страница, тоже исписанная характерным стелющимся почерком гуру: «Учителя спросили, надо ли отвечать добром на зло? — А чем тогда вы будете отвечать на добро? — спросил Учитель. — Добром следует отвечать только на добро. На зло надо отвечать не злом, а справедливостью». Сосо хмыкнул. Совет мудрый и своевременный. Но откуда у старого друга такая осведомлённость о ситуации, в которой оказался он, Иосиф? Вождь нажал кнопку вызова, в кабинет тут же вошёл Поскрёбышев.

— Кто принёс это? — показал на лежащие на столе бумаги Хозяин.

— Я, — растерялся секретарь. — Как и каждое утро. Папка «К докладу».

— Я говорю не о папке. Я говорю вот об этих документах. — Почему Сталин назвал послание от Гурджиева безликим словом «документы», он и сам не смог бы объяснить. Возможно, сам того не понимая, не захотел, чтобы кто-либо знал о его контактах с просветлённым.

— Кроме меня и уборщицы в кабинет никто не входил. Пока шло подметание и протирание мебели, как и положено по инструкции, присутствовали я и прикреплённый командир управления охраны. Он стоял в дверном проеме, но мог наблюдать всё пространство помещения. Незаметно подложить бумаги никто из троих не мог.

— Хорошо, — промолвил Иосиф Виссарионович, — можете вернуться на рабочее место.

Вождь с самого начала понял, каким образом появилось на его столе письмо. Он думал, что Гурджиев способен проникать в любые апартаменты, оставаясь незамеченным. То, что это доступно старому надёжному другу, ещё в первый раз неприятно удивило Хозяина. Особенно в нынешних обстоятельствах. «Не кабинет, а проходной двор, шени деда, — выругался он про себя. — С этим надо что-то делать».

Через семь лет, в 1948 году, автомобиль Гурджиева попадёт в аварию. Гуру погибнет. Он всегда любил гонять на предельных скоростях. Но всё же поползут слухи, что катастрофа подстроена. И что заказчиком несчастья был Сталин, а исполнителем — Берия.

Лось всю ночь метался по кабинету, матеря Маркова, вождя, Берию, всю свою идиотскую жизнь. Прикончить злобного сморчка — святое дело. Именно поэтому нельзя было объединяться с НКВД. Правый

суд этим будет низведён до разборки среди властвующих крыс. Стать такой же крысой? Лучше сдохнуть.

В половине девятого без стука вошел Хрусталёв, осмотрел начальника, вздохнул и покачал головой:

— Выгляд, как после глубокого запоя.

Владимир удивился, с чего это майор позволяет себе... А Иван Васильевич торопливо заговорил:

— Ты всегда был мне симпатичен. Ещё с времен, когда я вёл твоё дело. Потому сейчас и пришёл предупредить. Хочешь, беги; хочешь, стреляйся. Потому что за тобой уже идут. Лаврентий Павлович не прощает, если от его предложения отказываются. А на тебя у них есть столько, хватит, чтобы заживо похоронить...

В этот миг в коридоре раздались торопливые шаги, распахнулась дверь. В кабинет вошла Люсечка в сопровождении двух лейтенантов в форме наркомата внутренних дел.

— Ну что, Володечка, — весело произнесла блондинка, — собирайся. Поехали.

— Милая, я не могу, — объяснил Лось. — Служба.

— Ты не понял. Твоя служба закончилась, — засмеялась бортбуфетчица. — Жаль, в постели ты был хорош. Но ничего не поделаешь. Нельзя нарушать одиннадцатую заповедь Господню. Знаешь?

Владимир растерянно молчал.

— Не будь дураком, — наставительно произнесла девушка.

— Так ты меня брать пришла? — начал что-то понимать Лось.

— Дошло, наконец? А то «Люсечка, Люсечка». Позволь представиться: для тебя с сегодняшнего дня — Людмила Игоревна Сумова, следователь по делу об обвинении врага народа Лося Вэ Эн в подготовке покушения на вождя мирового пролетариата товарища Сталина.

Словно по команде, лейтенанты бросились с двух сторон к генералу, отработанным движением вывер-

нули ему руки за спину. Они не учли огромной силы гиганта. Лось напряг мышцы. Опера пытались удержать арестованного, но тот ударил пяткой одного, второго отшвырнул, как котёнка, и выскочил за дверь.

— Держи, — завизжала Люсечка. Лейтенанты рванулись в коридор. Послышались звуки ударов, кто-то грохнулся об пол. Девица растерянно посмотрела на Хрусталёва. Тот криво ухмыльнулся и наставительно произнёс:

— Не стучите лысиной по паркету.

На обе́д в столовую Марков не пошёл, потому что ровно в час, тихо постучав, вошла Тата. Она комкала в руке мокрый платочек, часто поднося его к носу.

— Сергей Петрович, — быстро заговорила девушка, — извините меня, сама не понимаю, как это получилось, но больше никогда...

— Это ваше личное дело, — сухо ответил генерал. — Только не нужно, чтобы такое... — он замялся, пытаясь подобрать тактичное выражение, — ну, вы понимаете, происходило на службе. Тем более, Филипп Максимович — человек женатый.

Татьяна снова заплакала:

— При чём тут его семейные дела? Я люблю вас!

«Интересный расклад, — подумал Сергей. — Любит меня, а перепихивается с полковником».

«Цыганочка» подошла вплотную, привстала на мыски. Теперь она смотрела мужчине глаза в глаза, прижалась к нему так, что сквозь тонкое платье Марков чувствовал упругую грудь и твёрдый, прокачанный живот.

— Пожалуйста, не прогоняйте меня, — горячечно зашептала Татьяна, — я сделаю всё, что вы захотите, я буду вашей девкой, служанкой, хоть собакой, только не гоните. А когда я вам надоем, тогда только скажите, и я уйду счастливая.

Генерал брезгливо отстранился. Ещё не остыла от Шкабута, и на тебе:

— Убирайтесь прочь! — приказал Марков. Тата, зажав рот ладонью, чтобы подавить рыдания, бросилась в двери. — И постарайтесь сделать так, чтобы я вас больше никогда не увидел, — произнёс Сергей в спину убегающей «Карменситы».

Лось быстро шагал по коридору. За ним почти бежал начальник караула. Дверь в приёмную Сталина была распахнута. Владимир знаком приказал разводящему остаться у входа.

— Что у вас происходит? — спросил заместитель начальника управления охраны у Поскрёбышева.

— По приказу товарища Сталина должны устанавливать какую-то аппаратуру, — объяснил секретарь.

— А сам?

Александр Николаевич кивнул. Генерал сделал шаг к двери.

— Нельзя, — сказал Поскрёбышев. Увидев, что посетитель не собирается останавливаться, секретарь с неожиданной прытью бросился наперерез. Лось не глядя хлестнул ребром ладони, и верный Цербер вождя с силой врезался в барьер, отделяющий его закуток от остального помещения, и сполз на пол.

Сталин услышал шум в приёмной даже сквозь двойную дверь. Что же, он был готов и к этому. Быстро выдвинул ящик стола, протянул руку и сжал рукоятку револьвера. С шумом распахнулась дверь. В комнату ввалился человек огромного роста в генеральской форме.

Лось стоял на пороге полутёмного кабинета и смотрел на маленького рябого старика, сидящего за столом. Сколько раз Володя представлял этот момент, мечтал о нём в СТОНе, прекрасно понимая, что никогда ЭТО не сбудется. И вот...

Не спеша (теперь уже незачем торопиться) командир сделал шаг к Хозяину. Вождь смотрел прямо в глаза, как

в грёзах мстителя. Лось видел тонкую морщинистую шею. Сейчас он сделает ещё шаг, протянет руку и...

Человечек за столом вскинул кулак. В нем что-то темнело.

«Нет, так нечестно», — подумал Володя.

Сталин выстрелил. Пуля попала в центр лба. И всё равно не смогла остановить огромное тело. Ещё полыхнуло огнём дуло, ещё.

Лось вытянул вперёд руки и, наконец, свалился на пол перед рабочим столом Иосифа Виссарионовича, смахнув на пол бумаги.

Через несколько секунд в кабинет ворвался Поскрёбышев, держась рукой за лицо, и насмерть перепуганный начальник караула. Хозяин жестом не дал им произнести ни слова. Усы вождя приподняла хищная улыбка. Спокойным голосом он приказал: «Убэрите это» — и показал на труп, из-под которого появилась уже струйка крови.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ

Когда на связь вышла Дайана, Антон был изумлён. Он уже привык думать, что никогда больше не услышит об агграх[1]. До сих пор ни одна из враждующих сторон не использовала информационную бомбу. По поводу возможных последствий такой акции учёные обоих миров высказывали самые разные прогнозы. Например, говорили о том, что в информационном слепке Вселенной, Большой Ноосфере, каждая идея соприкасается с миллионом других, причём человек (аггр, форзейль, любое мыслящее существо) не способен понять логику и объём этих связей и пересечений. Как если бы всё богатство внутренней жизни со всеми эмоциями, ассоциативными связями, сменами настроения, в конце концов, попытались измерить и ох-

[1] См. роман В. Звягинцева «Одиссей покидает Итаку».

ватить только и исключительно формальной логикой на том уровне, как её преподают в школе.

Философы опасались, что первой волной воздействия информационной бомбы будут стёрты не только те сведения, на которые бомба запрограммирована. И воздействие на Большую Ноосферу этим не ограничится. Поднимется вторая волна. Начнут рваться и развязываться ниточки и узелки, соединяющие массив знаний, образов, идей, пойдёт цепная реакция нарастания энтропии, и в конечном счёте Машина (в том смысле, какой вкладывали в это слово ещё мыслители Древней Греции) Вселенной развалится, Космос снова обратится в Хаос.

Кто во время боевых действий обращает внимание на сомнения философов? У них работа такая — всегда и во всём сомневаться. Первый ядерный заряд испытали на Земле, не обратив внимания на предостережения Эйнштейна о теоретической возможности втягивания в цепную реакцию всей материи планеты. И игнорировали опасения великого физика до тех пор, пока при одном из испытаний водородной бомбы не запылала атмосфера. «Большие шишки» беспомощно ждали конца света, сотворённого собственными руками. К счастью, по непонятным причинам, процесс затух сам собой. После этого предостережения о сверхбомбе стали тихо умалчивать, забывать.

Информационное оружие форзейлей было пущено в ход и сокрушило, как и следовало ожидать, вечного соперника. И ничего не случилось. Во всяком случае, до сих пор Антон ничего такого, катастрофического, не замечал.

Потому он смотрел на Дайану, как на восставшую из праха.

— Удивлён? — спросила аггрианка, эффектная дама, на которую приятно было посмотреть даже врагу, тем более принадлежащему к совсем другому биологическому виду. Впрочем, сейчас оба резиден-

та были стопроцентно человекообразны. Она сидела по свою сторону межпространственного экрана, закинув ногу за ногу, покачивая носком изящной туфельки и курила сигарету фирмы «Ротманс», других она не признавала уже почти сотню лет, даже в девятнадцатый век извлекая их из нужного времени.

— Есть немного, — спокойно ответил Антон, не вполне понимая, с какой именно Дайяной он имеет сейчас дело. После всего случившегося это могла быть посланница как будущего, так и прошлого любой из подлинных, а равно и химерических реальностей.

— Странно всё это, ты не находишь? То вроде бы разошлись, как в море корабли, а сейчас вот снова... Бомба не подействовала, может, на тебя святая вода и меловой круг потребны?

Аггрианка вежливо хохотнула, как раз в меру, секунды три.

— А ничего ведь, по бо̀льшому счёту, и не случилось. Подумаешь, из миллиона ячеек Гиперсети вы сумели сжечь всего одну. Те, кто в результате этого исчез, ничего не потеряли, они просто как не родились вовсе, и только. Проект наш на Главной исторической последовательности прекратился — тоже ничего страшного. Значит, так и должно было случиться, если всё предопределено на века в какую угодно сторону...

— И зачем ты в таком случае пришла? — с интересом спросил Антон, тоже закуривая. Он давно отметил, что все инопланетяне, прошедшие кондиционирование для работы на Земле, немедленно обучаются курению. И предаются ему с наслаждением, благо не ощущают никаких неприятных последствий этой, несомненно вредной, привычки.

— Я занималась изучением результатов вашей вполне бессмысленной акции. Да, вы отрезали всех нас, здесь обитающих, и самих себя, конечно, от собственного мироздания. Мы теперь Робинзоны, только выброшены не на крошечный остров, а в новую Все-

ленную. Вот это и есть пресловутая «Вторая волна», о которой мы оба с тобой кое-что слышали, но никогда не принимали эти теории всерьёз. Верно?

Форзейль молча кивнул.

— Я не знаю, что будет дальше, но вселенской катастрофы не произошло. Теория, как всегда, разошлась с практикой. И в данный момент мы все — и моя резидентура, и твой Замок — оказались всего-то отброшены на полвека назад и в абсолютно новую реальность, для которой на ГИП не имелось работоспособной развилки. Ты согласен?

— Похоже на то, — снова кивнул Антон.

— И что нам теперь делать?

— «Закон воды» знаешь? — спросил форзейль.

— Из Киплинга что-то?

— Именно. Когда приходит час водопоя, хищники не трогают у воды травоядных.

— Пока не напьются?

Теперь усмехнулся Антон.

— Хотя бы...

— Тогда мы обо всём договорились. Раз случилось то, что случилось, прекращаем воевать друг с другом и не мешаем происходящему здесь и сейчас. Хотя бы до тех пор, пока «зыбь» не стихнет. Есть у меня ощущение, что мячик скоро остановится...

— Какой мячик?

— Обычный, резиновый. Как сильно его ни брось об землю, второй подскок будет обязательно ниже, чем первый. И так далее, пока импульс не сойдёт на ноль...

— И как долго, по-твоему, ждать? — Цель разговора, кажется, стала Антону почти понятна.

— Да какая разница? Не всё ли нам равно? Земля ведь остаётся той же самой, и на ней масса мест, где ни о какой войне не слышали и не скоро услышат. Если хочешь, можем вдвоём поехать хоть в Мар-дель-Плата и на досуге более тщательно обсудить сложив-

шееся положение и перспективы. Зачем воевать Робинзону и Пятнице?

— Или наоборот, — согласился Антон. Идея провести какое-то время на шикарном курорте в обществе этой дамы, которая без одежды должна быть не хуже, чем «в», ему показалась плодотворной. Действительно, мало ли куда вынесет мир и остатки его обитателей мистическая «Вторая волна».

— Тем более, коллега, — с милой улыбкой готовой уступить притязаниям назойливого Дон-Жуана Анны сказала Дайяна, — я совсем не уверена, что в этот мир за нами не последовали твои подручные: Новиков, Шульгин, как там их...

— Ну, в Мар-дель-Плата[1] они нас вряд ли достанут, а потом мы что-нибудь придумаем. Матрица у каждого есть, и реципиенты найдутся...

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

30.3.1941 г. ... 11.00. Большое совещание у фюрера. Почти 2,5-часовая речь: обзор положения после 30.6.1940 г. Ошибка Англии, заключающаяся в отказе от возможности достижения мира. Описание дальнейших событий. Острая критика итальянского военного руководства и политики. Выигрыш Англии за счёт неудач Италии. Англия возлагает свои надежды на Америку и Россию. Максимальный уровень производства будет достигнут только через четыре года. Транспортная проблема в России. Роль и возможности. Обоснование необходимости разрешения русской проблемы. Мы будем в состоянии как материально, так и в отношении людских резервов выполнить в течение двух лет стоящие перед нами задачи в воздухе и на море только в том случае, если окончательно и полностью разрешим сухопутные проблемы. Наши задачи в России: разбить вооружённые силы, уничтожить государство...

Проблема русской территории: бескрайние просторы территории делают необходимой концентрацию сил на ре-

[1] Аристократический курорт в Аргентине, на берегу Атлантики, южнее устья Ла-Платы.

шающих участках. Массированное использование авиации и танков на основных направлениях. Авиация не сможет одновременно обработать этот гигантский район; в начале войны она сможет установить своё господство лишь на отдельных участках этого колоссального фронта. Поэтому её использование должно проводиться в теснейшей связи с операциями сухопутных войск. Русские не выдержат массированного удара танков и авиации.

Никаких иллюзий по отношению к союзникам: финны будут храбро сражаться, но численность их небольшая, и они ещё не оправились от поражения. От румын вообще ничего ожидать нельзя. Возможно, они окажутся в состоянии лишь обороняться под прикрытием сильной преграды (реки), да и то только там, где противник не будет атаковать. Антонеску увеличил свою сухопутную армию, вместо того чтобы уменьшить её и улучшить. Судьба крупных германских соединений не может быть поставлена в зависимость от стойкости румынских соединений.

Вопрос о Припятских болотах: охранение, оборона, минирование.

Вопрос об отходе русских войск. Маловероятен, так как иначе теряется связь с Прибалтикой и Украиной. Если русские намереваются отойти, то они должны это сделать заблаговременно, иначе не смогут уклониться от ударов, сохраняя порядок.

После разрешения задач на Востоке будет достаточно оставить 50—60 дивизий (танки). Часть сухопутных войск можно распустить для работы на производстве, для авиации и флота, часть потребуется для других задач, например для Испании.

Борьба двух идеологий... Огромная опасность коммунизма для будущего. Мы должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идёт о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьём врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведём войну не для того, чтобы законсервировать своего противника.

Будущая политическая карта России: Северная Россия принадлежит Финляндии, протектораты в Прибалтике, Украине, Белоруссии.

Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Новые государства должны быть социалистическими, но без собственной интеллигенции. Не следует допускать, чтобы образовалась новая интеллигенция. Здесь достаточно будет лишь примитивной социалистической интеллигенции. Следует вести борьбу против яда деморализации. Это далеко не военно-судебный вопрос. Командиры частей и подразделений обязаны знать цели войны. Они должны руководить в борьбе..., прочно держать войска в своих руках. Командир должен отдавать свои приказы, учитывая настроение войск.

Война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом на будущее. Командиры должны пойти на жертвы и преодолеть свои колебания...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ВРАНЬЁ ВРАНЬЁМ ВРАНЬЮ ХРЕБЕТ ЛОМАЯ»[1]

ГЛАВА 1

— Товарищ Сталин, — доложил Поскрёбышев. — Генерал Власик прибыл в Москву и приступил к исполнению своих обязанностей. Пригласить?

— Не надо, — буркнул Генеральный секретарь ЦК ВКП (б). — Сейчас нужно распорядиться, чтобы установили, где Берия.

— Лаврентий Павлович здесь.

— Где это — здесь?

— В приёмной. Просит, чтобы вы уделили ему пятнадцать минут.

— Нахал, — пробормотал Иосиф Виссарионович, нажал кнопку под столом, услышал короткий зуммер. Значит, Лихарев контролирует свою хитрую аппаратуру. Когда вчера её устанавливали, вождь подивился. Он ожидал увидеть фантастические приборы, вроде описанных в «Аэлите», сверкающие никелем и хромом, с десятками разных датчиков. А тут втаскивали какие-то старые телефонные коммутаторы, затрёпанные блоки, соединённые запылёнными шнурами. И для чего-то — штуковину, похожую на осциллограф. Валентин пояснил, что это — приёмник для передачи звука и изображения без проводов. Придумал его русский эмигрант в Америке. Помощник даже на-

[1] О. Мандельштам.

звал фамилию, но Сталин её не запомнил. Лихарев утверждал, что лет через двадцать телевидение станет таким же распространённым, как сегодня радио. Хозяин убедился, что система охраны работает. И только потом разрешил:

— Пусть заходит.

Лаврентий Павлович вошёл быстрым деловым шагом. Сегодня он облачился в военную форму. У входа в кабинет у наркома НКВД его же подчинённые-часовые отобрали личное оружие — никелированный браунинг. Новые правила обеспечения безопасности, которые уже успел подписать Власик, вступили в силу. Несмотря на это, Берия выглядел собранным и деловитым. Но круглое лицо было бледным, щёки обвисли, пенсне сидело кривовато, из последних сил цепляясь за мясистый нос.

— Товарищ Сталин, батоно, Коба, — торопливо заговорил он на ходу, обращаясь к продолжавшему сидеть Хозяину. — Я потрясён. Я виноват — недосмотрел, упустил. Не достоин занимать высокий пост народного комиссара. Вот мое заявление об отставке. Прошу рассмотреть моё персональное дело на ЦК. Готов к любому, самому строгому наказанию.

Сидя за столом, Вождь молчал, пристально смотрел в глаза Берии. На стул, стоявший напротив, визитёру он не показал, Лаврентий стоял как провинившийся третьеклассник перед директором школы. Сталин дождался, пока нарком под тяжёлым взглядом сбился, растерянно замолк. И только потом спросил:

— Если не ты, кто?

— Я провёл расследование. Прямых доказательств, конечно, нет. Но только один человек имел возможность. По положению он имеет доступ ко всему. К материалам, разработкам. К исполнителям, наконец.

— Богдан? — с презрением спросил Хозяин.

— Нет, батоно, что вы, Кобулов мелок, он не посмел бы, да ему и в голову не придёт... — бормотал Берия.

— Кто? — повторил Сталин.

— Заковский, только он мог, — быстро проговорил нарком внутренних дел.

— А он ещё живой? — удивился Иосиф Виссарионович. — Ай да старый лис!

Лаврентий пошевелил пухлыми белыми пальцами. Вождь понял: «Пока нет. Я скажу».

Поверил ли Сталин Лаврентию Павловичу? Задать такой вопрос мог только тот, кто совершенно не знал Иосифа Виссарионовича. Хозяин не верил никому. Но теперь, когда можно было уже не бояться за собственную жизнь, стало интересно понять, какую игру ведёт «верный пес». Пусть развивает интригу. А мы, как зрители на трибуне, оценим красоту игры. Или бездарность замысла. И опустим большой палец вниз.

— Предположим, я приму твою отставку, — под усами Вождя мелькнула улыбка. — Найти человека, способного управиться с внутренними делами, наверное, будет не так сложно. Вон Меркулов работает, и не безрезультатно. — Сталин выдерживал паузу, принялся неторопливо набивать трубку табаком из уже наломанных папирос, искоса наблюдая за Берией. Тот сделал вид, будто не заметил слегка замаскированное оскорбление. — Чем в этом случае ты планируешь заниматься?

— Я же инженэр, строитель, — приободрился Лаврентий Павлович. — Можно сказать, творческий человек, потомственный интеллигент.

— Сказать можно, — хмыкнул Хозяин. — И всё же?

— Есть проект, — выдохнул «инженер». И торопливо продолжил: — Если впереди большая война, это нам понадобится. Бомба, способная смести целый город. Или целую армию противника.

Сталин молча смотрел прямо в глаза. Но теперь Берия выдержал взгляд Вождя.

— Этим сегодня занимаются и немцы, и американцы. Но, думаю, мы опередили всех.

— Подготовь доклад по этому вопросу, — приказал секретарь ЦК. — Коротко, но ёмко. Соберём товарищей, послушаем. Хозяин помолчал. — Иди. Я подумаю над твоими предложениями.

— Слушаюсь, батоно, — сказал Берия, осторожно пристроил своё заявление на уголке стола и направился к двери.

Приехав домой, Марков залез под тёплый душ. После Соловков он не мог заставить себя подставлять плечи под ледяные струи. Хотел позвонить Ленке, но сообразил, что она сейчас в институте. Тогда Сергей заглянул в холодильник, вытащил хлеб, кусок колбасы, бутылку водки. На даче он старался держаться в стороне от пирующего начальства, и это удалось. Только один раз Сталин подозвал его и предложил выпить, но генерал отговорился необходимостью проверять посты. На самом деле Маркову было неприятно участвовать в этом сборище, натыкаться на недоумевающие взгляды народных комиссаров, мол, как здесь мог оказаться этот.

Марков налил полстакана, опрокинул, зажевал хлебом и варёной колбасой. Зубы всё ещё протестовали против копчёной. Подумал, не добавить ли, решил, что не стоит, и лег спать, приказав себе сыграть побудку часов в четырнадцать. Уж если выпали свободные полдня, глупо не провести их с Радостью.

Он проснулся без десяти два, умылся холодной водой, чтобы прогнать некоторую одурь, почистил зубы и набрал номер.

— Слушаю, — произнесла на другом конце провода женщина. Голос был похож, но интонации не Радости.

— Елена Ивановна? — с сомнением произнёс Сергей.

— Нет, это её мама.

— Здравствуйте. Это Марков. Можно пригласить Лену?

— Её нет, в институте комсомольское собрание по поводу какой-то надписи на стене, я толком не разобрала.

Раз в кои веки выдался свободный день, и на́ тебе. Обидно не увидеться с девушкой из-за какой-то дурацкой надписи на стене. Интересно, что ж там изобразили эти балбесы такое, что понадобилось всеобщее комсомольское обсуждение?

Зинаида Петровна словно почувствовала огорчение мужчины.

— Знаете, — предложила она, — приезжайте прямо сейчас к нам. Станем пить чай. Заодно и Леночку дождётесь. И поговорить нам с вами есть о чём.

Марков не мог знать, что днём раньше в кабинетике будущей тёщи раздался звонок. Милейший Василий Степанович Рясной, начальник 1-го отделения 1-го отдела 2-го Управления НКГБ и по совместительству сотрудник Информационного комитета — об этом, естественно, ни сном ни духом не ведала Корлюченко-старшая — вежливо произнёс:

— Здравствуйте, Зинаида Петровна. Василий Степанович. Недавно я имел удовольствие побеседовать с вами. Не забыли?

Женщина явно обрадовалась:

— Ну что вы, что вы, как можно такое подумать?

— Я много размышлял о деликатной проблеме, связанной с Леночкой и её будущим мужем. Можно, я стану её так называть?

— Конечно, — ответила женщина. — Тут был такой ужас. Их обоих чуть не убили!

Рясной подобрался. Об угрозе жизни фигуранта номер один он не слышал. Это не просто непорядок, это сигнал о, прямо скажем, хреновой работе обоих вверенных ему подразделений. Василий Степанович придвинул поближе лист бумаги, взял остро отточенный карандаш и встревоженно спросил:

— Кто? И как это получилось?

— Леночка вышла проводить генерала, он был у нас в гостях. Прямо на улице их попытались ограбить какие-то бандиты...

— Когда это произошло? — резко спросил начотдела. И тут же изменил тон: — Вы поймите, я всё же имею отношение к правоохранительным органам. Если командующего военным округом берут на гоп-стоп уголовники, нужно кое-кому дать приличную взбучку.

— Третьего дня, — голос Зинаиды Петровны задрожал. — Счастье, что Сергей Петрович оказался настоящим мужчиной. Ему удалось справиться со всеми четырьмя грабителями.

«Конечно, — подумал чекист. — Шпана против боевого командира не имела шансов. Если, конечно, это были уголовники». Случайность исключать нельзя, но что-то в этой истории настораживало опытного оперативника.

— После такого ужаса я даже не знаю, стоит ли возвращаться к причине моего звонка. — Василий Степанович мягко вводил разговор в намеченное русло.

— Ну что вы, непременно и обязательно расскажите. Всё бывшее минуло, слава богу, закончилось счастливо.

— Кажется, я сумею помочь незаметно и ненавязчиво выяснить, как относится наш генерал к Леночке, каковы его планы на жизнь. И вообще всё, что вы только захотите узнать о нём. Дело в том, что один мой хороший товарищ... — Рясной вспомнил рожу Гришки Майрановского, руководителя «Лаборатории Х» 12 Отдела ГУГБ НКВД, и повёл плечами. Упаси боже от таких товарищей. — Так вот, он разработал препарат, который вызывает у любого человека непреодолимое желание рассказать собеседнику всю правду, ответить на любой вопрос. При этом вещество совместимо с алкоголем, абсолютно безопасно для здоровья и не имеет ни вкуса, ни запаха. Я на свой страх и риск выпросил у приятеля одну таблетку, как он называет, эликси-

ра правды. Только он просит тщательно записать весь разговор по горячим следам, чтобы можно было отследить динамику воздействия этого средства.

Рясной замолк, ожидая реакции женщины. Зинаида Петровна неуверенно произнесла:

— Даже не знаю. С одной стороны, как-то неловко злоупотреблять доверием Сергея Петровича. С другой — вы приложили усилия, чтобы помочь мне... даже не ожидала такого внимания.

Василий Степанович понял, что наступил критический момент, на решение нужно повлиять сейчас.

— Вы произвели на меня такое впечатление, — заговорил он, как бы преодолевая смущение, — что я воспринял ваши трудности как свои. Я даже поймал себя на том, что к вашей девочке отношусь, как к собственной дочурке. Даже не знаю, почему такое происходит. Так жаль, что мой балбес не выбрал в жёны Леночку. Впрочем, может, оно и к лучшему. Я уже семь лет как вдовец...

Если бы чекист мог видеть мечтательное выражение лица собеседницы, он понял бы, что выиграл партию с блеском.

— Спасибо вам большое за душевность, — сказала Зинаида Петровна. — Конечно, ради счастья доченьки я всё сделаю. Тем более, от этого ни для кого не будет никакого вреда, ведь правда?

— Конечно, — подтвердил Рясной.

— Мне нужно заехать за этой таблеткой к вам?

— Ну что вы, я сам завезу прямо к вам на работу.

— Ой, прямо неудобно доставлять столько хлопот, — в голосе собеседницы зазвучали кокетливые нотки. — А как мне потом передать записи? Отвезти моему коллеге?

Наивность, чтобы не сказать, дурость собеседницы вызвала саркастическую ухмылку Рясного. Но доверительно-интимных интонаций его голос не утратил.

— Разве я смогу отказаться от повода ещё раз увидеться с вами? Тем более что мой друг работает в за-

крытой лаборатории. Если кто-либо узнает о том, что он открыл тайну своих исследований — даже мне, да ещё и передал засекреченный образец, и у него, и у меня будут большие неприятности. Когда всё произойдёт, позвоните мне, и я с удовольствием приеду. Может, у нас даже будет возможность где-нибудь пообедать вместе.

— Это было бы замечательно, — вздохнула Зинаида Петровна.

По дороге, в гастрономе у кинотеатра «Ударник», генерал купил торт с нежными кремовыми розами. Идти с круглой картонной коробкой, перевязанной шпагатом, было не очень удобно. Слава богу, хватило ума хотя бы одеться в гражданское. Естественно, подпоясавшись под пальто и пиджаком широким ремнём, на котором пристроилась кобура с «ТТ». После позавчерашнего вечера Сергей Петрович зарёкся выходить куда-либо без личного оружия.

На центр Москвы опустился плотный туман. Он укутал город, как оборачивают ватой ёлочную игрушку, приглушил звуки, сделал невидимками автомобили и прохожих. Марков шагал, шлёпая ботинками по слякотной мостовой. Из плотной серой мглы выныривали легковые и грузовые машины, автобусы, шуршали мимо, выплёскивая на обочины тротуара слякоть. Периодически появлялись встречные прохожие. Выглядело это как эпизод из романа английского писателя Герберта Уэллса: пелена как будто начинала сгущаться, приобретала размытые очертания тёмной человеческой фигуры. В двух шагах от Сергея человек материализовывался и через пару секунд растворялся в пустоте за спиной.

Неожиданно туман исчез, опустился на тротуары и газоны, повис клочьями на ветках деревьев. Вновь возникла из морока улица с вечно спешащими горожанами и гостями столицы, с колесящим по мокрым мостовым транспортом. Как будто из призрачной страны мёртвых Сергей Петрович попал в нормаль-

ный человеческий мир. Он даже автоматически замурлыкал себе под нос: «Над страной весенний ветер веет, с каждым днём всё радостнее жить». Но на фоне последних событий бодренькие слова звучали саркастически. Марков хмыкнул, остановил такси и покатил на встречу с будущей тёщей.

Зинаида Петровна встретила гостя радушно. На круглом столе, застеленном той же клеёнкой, сиял вёдерный самовар, похоже старинный. Его взяли в окружение стеклянные плошки с различными вареньями, мёдом. Здесь же красовалась стеклянная чаша с колотым сахаром. На краю её со скромным достоинством посверкивали серебряные щипчики. Две объёмистые фарфоровые чашки на просторных блюдцах готовы были принять душистую заварку и крутой кипяток. Высоченная пирамида золотисто-коричневых блинов завершала диспозицию.

Хозяйка пригласила Маркова к столу, разлила по чашкам чай. Себе в широкобёдрую с васильками, гостю в литровую, как сказала будущая тёща, «генеральскую». Небольшая таблетка, какую любезно привёз намедни милейший Василий Иванович, и раньше не была заметна — беленькая на белом донце. В кипятке она сразу растворилась, как и не было.

Из своей наполнила дымящейся жидкостью блюдце, устроила его на растопыренных пальцах, прихватила сколок сахара и стала похожа на купчиху с картины Кустодиева, только сильно похудевшую в условиях полностью, но не окончательно победившего социализма.

Сергей наблюдал за манипуляциями будущей тёщи с почти этнографическим интересом. Как гоняют чаи по-московски, он видел впервые. Ни происхождение, ни социальное положение, ни биография раньше не привели. Заметив это, Зинаида Петровна поделилась:

— Мой папа говаривал, что чай должен быть как поцелуй — крепкий, сладкий и горячий. — И радушно предложила: — Пробуйте блины. Напекла специально к вашему приходу.

Генерал, повинуясь взгляду женщины, щедро плеснул на блин жидковатого варенья, свернул фунтик и откусил. Липкая жижица потекла по руке, капнула на полу пиджака. Будущая тёща всплеснула руками, бросилась оттирать сладкое пятно, потом приказала:

— Испортим такую вещь. Снимайте быстрее!

Марков пытался отговориться, но противостоять энергии Зинаиды Петровны было немыслимо.

— Сейчас я быстренько замою, — и хозяйка выскочила из комнаты, не закрыв дверь в коридор. Марков встал из-за стола. Бежать за Зинаидой Петровной, уговаривать не возиться с тряпкой или ждать, пока будут ликвидированы следы его оплошности, вот в чём вопрос. По коридору промелькнула фигура в халате с невероятно яркими цветами, на секунду застыла у распахнутой двери в комнату, ахнула, увидев мужчину, и шмыгнула дальше. Сергей пожал плечами и вернулся к столу.

Минут через пять возвратилась Корлюченко-старшая. Перед собой на вытянутых руках, как именное оружие при награждении, она несла злополучный пиджак с застиранной полой.

— Сейчас высохнет и будет как новый.

Женщина аккуратно развесила одёжку на деревянных «плечиках», извлечённых из шкафа, пристроила вешалку на открытую дверцу и предложила, смущённо улыбнувшись:

— Сергей Петрович, давайте выпьем водки.

Генерал тоже усмехнулся и кивнул.

На столе появился графин из прозрачного стекла, гранёные стопки. Будущие родственники сдвинули ёмкости, выпили, вернулись к блинам и чаю. Зинаида Петровна раскраснелась.

— А знаете, — призналась вдруг она, — когда я вас в первый раз увидела, подумала: — Слишком он старый для моей Ленки. Извините, вам ведь уже за сорок?

— Недавно тридцать восемь стукнуло, — ответил Марков.

— Расскажите о себе, — попросила без пяти минут тёща. — По обхождению вы человек простой, не начальник. А звание... И сам товарищ Сталин ценит. Другого так бы раздуло, как стратостат.

Хозяйка снова наполнила стопки — ничто так не способствует задушевной беседе, по крайней мере, на Руси. Выпили.

— Да, собственно, и рассказывать-то нечего, — заговорил генерал. Но рассудил, что мать Ленки не может не волноваться из-за того, с кем связалась её шальная дочка. И стал «давать показания»: — Оклад у меня был, как у командира дивизии, две тысячи двести рублей в месяц. Сейчас чуть побольше, но сколько именно, честное слово, пока не разобрался.

Женщина замахала руками, давая понять, что деньги не главное, был бы человек хороший. Но Марков почему-то посчитал нужным уточнить:

— Так получилось, что около трёх лет я ничего не получал, был на казённом коште. Отчего, дальше станет понятно.

Он вспоминал своё детство, сиротское, нищее. Тогда и выработалось серьёзное и уважительное отношение к копейке. В Гражданскую войну подростком прибился с голодухи к взводу красных кавалеристов. Бои и походы незаметно выковали из пацана командира. Заговорил о первой супруге и сам не заметил, как перешёл к аресту, следствию и СТОНу, о дружбе с Володькой Лосем, зародившейся на лесоповале и общих нарах.

Зинаида Петровна сидела напротив, подперев ладошкой щёку, слушала, не перебивая, только расширяла глаза в самых драматических местах повествования да беззвучно охала.

Когда Марков передавал суть беседы со Сталиным, его будущая тёща стала кивать, будто подтверждая истинность слов мужчины. А Сергей уже рассказывал о том, о чем ни при каких обстоятельствах не собирался говорить никому, разве что Лосю, да и то под вторую пол-литру задушевного разговора. Теперь уже не приведётся. Мужчина поймал себя на том, что следовало бы прикусить язык, но почему-то неудержимо тянуло на откровенность. Это простая до крайности женщина так искренно сопереживала, так к месту кивала головой и вздыхала сочувственно. Опять же, можно считать, родня. Близких у Маркова с ранней юности не осталось, исповедоваться было не перед кем. Да и в голову не приходило, что это можно или нужно. А сейчас вдруг повело, и язык, вдруг переставший подчиняться мозгам, сам болтал о стычке на Авиамоторной, о встрече с Заковским и о последнем тяжёлом разговоре с другом. Здесь женщина заволновалась. Даже когда речь шла об угрозе жизни Ленки, Зинаида Петровна не выглядела такой испуганной. Командир быстро, не вдаваясь в живописные подробности, описал ночное заседание правительства и, словно Шехерезада поутру, «прекратил дозволенные речи».

Будущая тёща ещё пару минут сидела неподвижно, осмысляя услышанное. Потом спохватилась, потянулась к графинчику:

— Выдалась вам планида. Прямо роман. Давайте-ка ещё за здоровье. И за товарища Сталина!

Водка полилась в стопки. В этот момент раздался голос Ленки:

— О, да тут пьянка. Третьей — буду!

Девчонка вошла незамеченной и теперь стояла прислонившись спиной к дверному косяку. Пальто она расстегнула, под ним виднелось серое платье покроя «ампир» с талией под самой грудью. Марков почувствовал, как при взгляде на Лену участилось его дыхание.

— Ну что ты орёшь как последняя босячка? — досадливо прошептала-прошипела мать, указывая куда-то за стену. — Хочешь, чтобы соседка решила: мы алкоголики?

— Ага, и каждый вечер устраиваем дебоши, — хохотала девчонка.

— Ты бы лучше с гостем поздоровалась, — сменила тему Зинаида Петровна.

— А это твой гость, — дерзко бросила дочь, но всё же подошла к Маркову, протянула ладошку лодочкой: — Здравствуйте, Сергей Петрович.

То ли Елена Ивановна устала, то ли была на последней стадии нервного напряжения, но девчонку как подменили. Будто Радость пыталась изображать совсем другая девушка, хотя бы Зинка.

— Сядь, поешь блинов, — предложила мать, — ты же целый день голодная.

— Не хочу я ничего. И вообще, от мучного толстеют. Особенно на ночь.

— А мне Сергей Петрович рассказывал про свою жизнь, — словно оправдываясь в чём-то, проговорила Корлюченко-старшая. — Такая судьба — можно книгу написать.

— Она его за муки полюбила, — насмешливо процитировала босячка. Она постепенно оживала и становилась самой собой.

— А он её за состраданье к ним, — завершил Сергей.

— Знание классиков — похвально, — удовлетворённо сказала Ленка и показала генералу остренький розовый язык. Потом повернулась к матери, махнула рукой: — Пропадай, моя фигура! Давайте ваши блины. Только и водки налейте. Чтобы было оправдание перед собой: обожралась на сон грядущий в состоянии алкогольного опьянения.

Мать метнулась к шкафу за третьей стопкой.

Уплетая мучное, девушка рассказывала, как устроили комсомольское собрание по поводу надписи на стене.

— И что же там высказали? — усмехнулся Сергей Петрович. Он готов был услышать высказывание в духе лучших кавалерийских традиций, такое, от чего кобылы краснели и смущённо ржали.

— А мы — умы, а вы — увы, — сообщила студентка.

— Как? — удивился командир. — И что обсуждать-то целых три часа?

— Николай Калинникович, наш декан, вы его видели, помните, когда... — Ленка покосилась на мать и чуть покраснела, — сказал, что это — враждебный выпад с целью вбить клин в единство пролетариата и колхозного крестьянства. Этот лозунг так квалифицировали компетентные органы, — передразнила она кого-то из выступавших. — Ребята пытались объяснить — Коля Майоров, Кульчицкий, — так их чуть из комсомола не выгнали. Наш секретарь, Сашка Шелепин, вопил: «Вы противопоставляете город деревне, это на руку фашистам, потому что разрушает единство советского народа!» Сволочь.

— Ну, ты хоть, надеюсь, молчала? — строго спросила Зинаида Петровна.

— Ага, — саркастически сказала оторва. — Брошу я своих пацанов. Мы там большую бучу затеяли, почти уже доказали... А потом вылез этот... сволочь комсомольская... И всех.. и меня...

— Что ж ты у меня такая дурища! — горестно вздохнула мать. — Выгонят тебя из альма-матер, в официантки пойдёшь, да?

Марков с изумлением увидел, как наливаются слезами глаза хулиганки Ленки.

— И пусть в официантки, — шмыгнула она носом. — А всё равно так нельзя. Николай, Пашка — какие они враги? «Уже опять к границам сизым составы громкие идут, и коммунизм опять так близок, как в восемнадцатом году», — процитировала девчонка. — Разве такие стихи враг напишет?

— Да что стишки какие-то, — вскрикнула Зинаида Петровна. — С тобой-то что сделают?

Ленка зарыдала в голос.

— До официанток дело, я думаю, не дойдёт, — мягко сказал генерал. — И до исключения из института тоже. Но так говорить о комсомольском вожаке тоже нельзя. Не дай бог, кто чужой услышит.

Он вынул белоснежный платок, протянул девушке. Та оттолкнула руку дающую, потом взяла тряпицу, аккуратно промокнула глаза, подумала и деликатно высморкалась. Смутилась:

— Извините, я постираю, отглажу и верну.

Сергей усмехнулся — однако, традиция.

На добрую минуту в комнате повисла напряжённая тишина. Марков подумал, что пора раскланиваться. Неуместное и нелепое желание пооткровенничать — ну, чисто деревенская бабка на завалинке с товарками — прошло. Голова была тяжёлой, как после вчерашней пьянки, но не болела. Только думалось тяжело и хотелось на морозный воздух. В тот же миг Ленка заявила:

— Пожалуй, я сегодня буду ночевать у отца. Ты не против, мамуля?

И, не дожидаясь ответа Зинаиды Петровны, обратилась к гостю:

— Вы меня проводите?

— А машину вызвать нельзя? — попросила будущая тёща. Конечно, всё она поняла, не маленькая, но приличия соблюдены, Ленка деваха взрослая, её не остановишь. И поддержка командующего Московским военным округом в любой ситуации — штука полезная.

Сергей Петрович подумал, не дай бог, опять какие приключения. С башкой, набитой несвежей ватой, воевать не рекомендуется. Дома открою окно, покурю на холодке — и пройдёт. Он вышел в пустынный коридор, снял чёрную трубку и набрал номер дежурного.

* * *

Александр Николаевич Поскрёбышев уточнял список ответственных товарищей, вызванных на сегодня к Хозяину. Как обычно, секретарь пытался понять, какие вопросы сегодня признаны первоочередными, и составить для себя стратегический план действий на ближайшее время, чтобы быть готовым к любому распоряжению начальника. Сталин ценил это качество помощника даже выше, чем личную преданность.

Зазвонил второй телефон, тот, номер которого мог сообщить только сам Вождь. Потому этот аппарат оживал нечасто. Поскрёбышев снял трубку.

— Здравствуйте, — прозвучал в мембране женский голос, — мне надо поговорить с товарищем Сталиным. Это очень важно.

— Как о вас доложить?

— Корлюченко. Зинаида Петровна.

Кто такая эта Кор... как там её... ченко, Александр Николаевич вспомнить не сумел.

— Извините, а откуда вам известен этот номер?

— Мне его сообщил сам товарищ Сталин, — с гордостью произнесла Зинаида Петровна.

Обалдевший Поскрёбышев прикрыл ладонью трубку и по внутренней связи доложил:

— Товарищ Сталин, вам звонит Корлюченко.

— Кто такой этот Корлюченко? — после короткой паузы спросил генсек.

— Это женщина. Говорит, будто номер ей дали вы лично. Утверждает, что имеет сообщение чрезвычайной важности. Зинаида Петровна.

— Зинаида Петровна, — протянул Хозяин, припоминая. — А-а, ладно, соединяйте.

Иосиф Виссарионович взял трубку:

— Здравствуйте, Зинаида Петровна! — В голосе Вождя звучали искренняя приязнь и расположение.

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Извините, что беспокою, но у меня крайне важное сообщение.

— Слушаю вас.

— Вас собираются убить.

— Опять, — вздохнул Иосиф Виссарионович. — Что за сезон такой.

— Я узнала об этом от Сергея Петровича Маркова.

— Говорите. Я слушаю очень внимательно. — Теперь голос Сталина звучал сухо и требовательно.

— У него есть друг, который вас ненавидит. А вы сделали его чуть ли не начальником охраны. Товарищ Сталин, дорогой Иосиф Виссарионович, вы меня простите, нельзя же быть таким доверчивым! Не дай бог, что... — женщина осеклась. — Нет, я атеистка, просто так говорят.

— Ничего, Зинаида Петровна. Со мной Господа поминать можно. Я сам в семинарии учился. Вот если приведётся беседовать с товарищем Ждановым...

— Ой, я отвлеклась. Этого, который, ну, злоумышляет, зовут Лось. А Сергей Петрович Марков отказался соучаствовать. Хотя они друзья.

— Спасибо, Зинаида Петровна. Ни о чём не беспокойтесь. Мы уже приняли меры. Очень надёжные меры. Но всё же, расскажите всё поподробнее.

Пока Корлюченко-старшая передавала всё, что услышала сегодня от Маркова, вождь прижал трубку плечом и принялся крошить папиросы над пепельницей. Когда женщина стала рассказывать о покушении на Маркова и упомянула Заковского, Иосиф Виссарионович хмыкнул. Собеседница тут же осеклась.

— Что-то не так, товарищ Сталин? — встревожилась Зинаида Петровна.

— Всё в порядке, — успокоил Хозяин. — Тут у меня табак просыпался.

— Вы бы курили поменьше, Иосиф Виссарионович. Берегите здоровье, оно нужно народу.

Сталин поморщился, помолчал, что-то обдумывая или припоминая.

— Как дела у вашей девочки, Лены, правильно?

— Спасибо, Иосиф Виссарионович. Елена учится хорошо. Правда... — Женщина замялась.

— Что-то случилось, — констатировал вождь. — Рассказывайте.

— В институте провели сегодня комсомольское собрание. На стене написали такую фразу: «А мы — умы, а вы — увы». Кто-то из органов...

— Откуда?

— Из НКВД или из ГУГБ, точно не знаю, усмотрел в предложении идеологическую диверсию. Студенты по молодости и глупости стали спорить. Теперь их могут исключить из комсомола, соответственно, и из ИФЛИ.

— Борцы за чистоту идеи, — хмыкнул Хозяин. — Суслики. Ладно, товарищ Корлюченко, не беспокойтесь напрасно. У вас хорошая девочка, скажите ей, пусть занимается наукой и не отвлекается на всякую мелкую ерунду.

— Я вам так благодарна, товарищ Сталин...

— Это я вам признателен за сообщение и ещё больше за заботу. Если возникнут затруднения, звоните. А сейчас извините, меня ждут товарищи.

— Конечно, конечно, — заговорила Зинаида Петровна, но в ушах уже звучало короткое злое попискивание.

Опустив трубку на рычажки, Вождь целую минуту раздумывал. Потом приказал Поскрёбышеву: «Берия» и через пятнадцать секунд уже раздражённо говорил:

— Лаврентий, твоим людям совсем нечего делать? Что за охоту на ведьм они устроили в ИФЛИ? Мне голову не морочь, я знаю, кому звонить, Меркулову или тебе. Вот именно, разберись и доложи. — Потом распорядился: — Александр Николаевич, найдите ректора Института философии, литературы и истории.

— Карпова, — раздалось в трубке. — Кто говорит?

— Сталин говорит.

— Внимательно слушаю вас, Иосиф Виссарионович.

— Что в вашем институте за история с политическими перегибами и чистками по этому поводу, товарищ Карпова?

— Меня зовут Анна Самойловна. Я член партии большевиков с 1904 года. И я своей партийной совестью ручаюсь: пока я руковожу ИФЛИ, ни один студент по политическим соображениям исключён не был и не будет.

— Не горячитесь, Анна Самойловна. Мой партийный стаж, в том числе и дореволюционный, немного больше вашего. Вы руководите высшим учебным заведением. Ваши выпускники не станки будут делать. Хотя и для машиностроителя важно правильно понимать смысл происходящих событий. А ваши студенты завтра будут разъяснять политику партии. Со страниц газет, с институтских кафедр. Можно ли терпеть в такой среде скрытых или открытых, не скажу — врагов, просто людей, не до конца убеждённых в нашей правоте? Думаю, только такая постановка вопроса является истинно партийной. Это первое.

Второе. Я хочу разобраться, имеем мы сейчас дело с настоящими противниками или с излишней самодеятельностью некоторых чересчур подозрительных сотрудников. Потому что обижать и отталкивать от себя одарённую молодежь, убеждённых патриотов, коммунистов по духу, это хуже, чем преступление. Это ошибка.

— Извините, товарищ Сталин, — заговорила Карпова, — конечно, я погорячилась. Но поймите меня. В подавляющем большинстве наши студенты — дети рабочих и трудового крестьянства. Отбор ведётся самым строгим образом, ведь кроме прочих качеств ИФЛИ требует таланта. И когда некоторые люди, не понимающие этой специфики, раздувают шумиху вокруг дела, не стоящего выеденного яйца...

— Вы полагаете, что в данном случае мы столкнулись с головокружением некоторых товарищей от мнимых успехов?

— Убеждена в этом, товарищ Сталин.

— Ну что же, в нашей партийной бюрократии, да и не только в ней, этот недуг распространён. Спасибо, товарищ Карпова. Думаю, в этой ситуации мы поддержим вашу позицию. Спокойной ночи. — Вождь положил трубку.

Сталин не был бы Сталиным, если бы не спросил себя, а почему он решил беседовать с какой-то заурядной околонаучной кандидатшей, этой Зинаидой Корлюченко, вмешиваться в процесс прочистки мозгов возомнившим о себе соплякам. Подумаешь, поэты они. Сплошные Пушкины вперемежку с Лермонтовыми. И это в ситуации, когда дел невпроворот, когда Вождь взвалил на себя обязанности главы правительства, и нужно ждать ответного хода противников, а завтра война, и наркомы три дня ждут приёма по важнейшим государственным делам, и буквально только вчера сама жизнь Хозяина была подвешена на тончайшем волоске.

— Так почему же мы теряем время на эту ерунду, Иосиф? — спросил он сам себя.

— Может быть, чтобы выслушать ловко завербованного информатора, — осторожно предположил Иосиф.

— Мене текел, уфарсин. Объяснение взвешено, измерено и признано легковесным. Я всё-таки не жандармский полковник Зубатов, чтобы самому возиться со стукачами. Я — Сталин.

— Тогда ради ещё одной проверки честности фигуранта один. Он — немаловажная фигура в игре.

— Думаешь, товарищу Сталину что-то ещё не понятно?

— Тогда... Тогда остаётся только одно, — промямлил Иосиф.

— Говори!

Собеседник помялся и рубанул сплеча:

— Девочка понравилась.

— Что-о?

— Девочка понравилась, — повторило «второе я».

— А ведь ты прав, — развеселился Вождь. — Товарищ Сталин делает глупости, потому что ему девочка понравилась. Значит, товарищ Сталин ещё на такое способен! Замечательно.

Хозяин вспомнил, как два с половиной года назад, нет, уже почти три, в июле и августе 38-го, вдруг обнаружилось, что он не может быть с женщиной. Не дожив до шестидесяти, что за возраст для кавказца, он перестал быть мужчиной.

Иосиф впал в ужас и тоску. Где-то в глубине сознания зашевелилась мысль о том, чтобы... Но это нельзя, это уничтожило бы всё, что сделано за шестнадцать лет.

Лекари говорили умные слова, мол, менопауза; объясняли неудачи напряжённым графиком работы, усталостью. Хитромудрые братья Коганы даже принялись намекать на возраст. Мол, не мальчик уж, пора и честь соблюдать. Муд-даки!

Хуже всего, что эти ослицы карабахские, Вера Давыдова и Женька Ежова, не удержали за зубами свои поганые языки. Женьку он потом наказал. А Веру пожалел. Не потому, что она прекрасно пела в Большом. Если бы не он, не Хозяин, так бы и осталась она на вторых ролях в своей «Мариинке». Даже не потому, что Давыдова славилась редкостной красотой. Красивых баб в России много. Главное, от неё било, как током, сексуальностью. Не случайно все его товарищи даже страх перед товарищем Сталиным теряли. Каждый, каждый из них, от жирного идиота Зиновьева до старого педофила Калинина, не говоря уж о Ежове, Тухачевском и прочих гусарах-перехватчиках, пытался уложить Давыдову в свою постель.

В эти тяжёлые для Иосифа Виссарионовича дни и оказался в самых доверенных людях Лихарев. Да, Валентин. Этого «рафинированного», слегка надменного парня, за сто шагов видно, что из «офицериков»,

подвёл к нему Менжинский. Откуда он взялся сначала — ему было не особо интересно, и против «честных военспецов» он ничего не имел. А потом вдруг почёл за благо лишних вопросов не задавать. Нет, товарищ Сталин не испугался. Товарищ Сталин ничего не боится, он за свою жизнь такое видел, что приснись кому другому, тот описался бы и поседел. Но лишних вопросов задавать не надо. Бывают такие ситуации, когда молчание дороже, чем золото.

Помощник помощника выпросил трёхминутную аудиенцию. Попал, стервец, под настроение, когда всё из рук валилось и даже стальная воля Вождя не могла привести его в рабочее состояние. Сообщил, что бабские сплетни о недомогании Иосифа Виссарионовича дошли до Си Ай Си.

— Сволочь, — подумал тогда Хозяин о Лихареве, — и этот туда же. Уничтожу.

Очевидно, Валентин предвидел такую реакцию. И явно испугался, когда увидел, как сужаются зрачки Сталина и глаза становятся полностью жёлтыми, как у тигра, когда тот прыгает на добычу. Порученец торопливо выпалил своё предложение. И вождь задумался. Он был мастером византийских интриг, и хитроумную идею Лихарева оценил.

По личным каналам (откуда у такого стригунка «личные каналы»? И с кем они связывают, с английской разведкой? Любого другого стёрли бы в пыль, возникни только тень подозрения в контакте со спецслужбой Альбиона. Но что вождю оставалось делать, вывернуться наизнанку перед собственными чекистами?) он направил ещё пару сообщений. Первое сообщение о бессилии Сталина имело ссылку на Евгению Ежову. Лихарев добавил информацию, идущую от имени Давыдовой. Верка болтала меньше и гораздо осторожнее, потому и веры ей было больше. И ещё одну, якобы от человека, весьма приближённого к Хозяину.

Как и предсказывал Валентин, лорды Адмиралтейства обратились за консультацией по этому щекотливому вопросу к Фрейду. Отец психоанализа разразился целой статьёй, слава богу, не подлежащей опубликованию, где доказывал: великие политики проявляются в коротком промежутке между началом климакса и наступлением маразма. Значит, в ближайшие три-четыре года от Сталина можно ждать какой-нибудь дьявольской комбинации.

Черчилль и Даладье всегда посматривали на Кремль с подозрением, а с того момента стали рассматривать каждый шаг московских дипломатов сквозь три увеличительных стекла, выискивая скрытое коварство «восточного деспота».

Иосифу Виссарионовичу очень не хотелось, чтобы британцы возродили Антанту. Тогда они навсегда заперли бы Гитлера в тесной клетке — Германии. Нет, этот хищник должен был получить свободу. В планах вождя фюреру была предписана роль пугала, опасаясь которого европейские державы и, возможно, даже Северо-Американские Соединённые Штаты станут поддерживать Советский Союз техникой, продовольствием, новейшими научными разработками.

Нарком иностранных дел Литвинов принялся активно предлагать проекты коллективной европейской безопасности. Может быть, какой-то из них и был бы принят. Если бы не засевшие в памяти слова самого Фрейда о «дьявольской комбинации». Так немецкий волк получил возможность резать европейских ягнят. Без выстрела присоединилась к Рейху Австрия. Сталин предложил свою помощь Чехословакии. Во время Судетского кризиса он приказал сосредоточить на границе с Чехословакией 30 пехотных, 10 кавалерийских дивизий, один танковый корпус, три отдельные танковые бригады и 12 авиационных бригад. Более того, был демонстративно проведён призыв 330 тысяч резервистов. Поставленные между двух ог-

ней чехи открыто предпочли Гитлера. Армия, вооружённая не в пример лучше вермахта, сдалась без сопротивления. Мировые державы забеспокоились: Гитлер набирал силу и наглел. Срочно понадобился сильный враг, которого нацисты опасались бы. Как и рассчитывал Хозяин, на эту роль коварные буржуазные демократии постановили назначить Кремль. И открыли для Советов свои закрома.

А что касается менопаузы... Тот же Лихарев убедил Иосифа Виссарионовича, что дело просто в непомерной усталости, и предложил попробовать гипноз. Вождь усмехнулся. Перед ним оказался бессильным даже Мессинг. Но Валентин настаивал. Он объяснил, что придуман аппарат, усиливающий даже слабый магнетизм. Надо только надеть эту штуку на руку, как обычные часы, и не снимать, пока будет длиться сеанс — все пятнадцать минут. Сталин согласился.

В результате он драл Верку так, что она изоралась, даже охрипла. Пришлось заменить её в спектакле. Петь Давыдова на следующий вечер не могла.

И щекотливых проблем с того времени и по сей день не возникало. Молодец, Лихарев.

— Вот так, Иосиф, — довольно сказал сам себе Вождь. — Товарищ Сталин ещё орёл.

Хозяин вышел в приёмную. Поскрёбышев с удивлением услышал, что шеф мурлычет себе под нос «Сулико». Ещё больше изумило Александра Николаевича то, что Иосиф Виссарионович улыбался.

О злополучном комсомольском собрании в ИФЛИ больше никто никогда не вспоминал. Анну Самойловну Карпову отстранили от должности ректора через две недели после телефонного разговора с Вождём.

Конечно же, Марков и Ленка приехали на Якиманку. Как только Сергей запер дверь, девушка, не сняв даже пальто-шинели, закинула руки ему на шею

и принялась целовать. Стаскивая ставшую лишней одежду, торопливо добрались до кровати...

Ночью Маркову приснилось, будто он стоит на пригорке, под ярким солнцем. Лёгкий ветерок играет шевелюрой, щекочет шею. Хорошо.

Мужчина проснулся. Он лежал почти в полной темноте на левом боку. На кровати в своей квартире. Лёгкие прикосновения ерошили волосы на виске и затылке.

Он обернулся. Радость сидела за его спиной и гладила, перебирала пальчиками густые, давно не стриженные пряди. Поглядев в глаза Маркова, Ленка виновато улыбнулась:

— Я не хотела вас будить.

Сергей притянул девчонку к груди и замер. Сердце колотило в ребра так, словно пыталось взломать грудную клетку.

— Ты моя последняя в жизни любовь, — произнёс генерал.

— Что... почему ты так сказал? — прошептала девушка.

— Не знаю, — пожал плечами Марков, — само сказалось.

И только потом заметил.

— «Пустое «вы» сердечным «ты» она, обмолвясь, заменила?» — Он сделал ударение на: «Обмолвясь».

Радость вместо ответа поцеловала Сергея в губы.

Они лежали обнявшись. За окнами слышны были странные звуки. Как будто кто-то скрёб по асфальту металлом.

— Что это? — прислушался Марков.

— Дворники. Они скалывают лёд, сгребают в кучи, потом растапливают в котлах. Так каждую ночь.

— Никогда не слышал, — удивился генерал.

— Значит, спите как убитый, — сказала Ленка. И тут же поправилась: — В смысле, крепко.

Она всё равно продолжала называть Сергея на «вы».

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

4 апреля 1941 года

Войска 4-й линии для операции «Барбаросса» (26 дней) могут быть переброшены приблизительно с 20.5 по 20.6. График ускоренного движения эшелонов. Введение его в этот период, даже по мнению руководителей экономики, неопасно, поскольку весенние трудности будут уже преодолены.

Доклад о положении в России: Отдел «Иностранные армии — Восток» теперь признаёт, что численность русских сухопутных войск в Европейской части России следует считать большей, чем предполагалось до сих пор. (Это уже давно утверждали финны и японцы.) Предполагается, что войска русских насчитывают 171 стрелковую дивизию, 36 кавалерийских дивизий и 40 мотомеханизированных бригад.

Вновь сформированный танковый корпус в составе трёх дивизий дислоцируется, очевидно, в районе Ленинграда.

Вагнер (генерал-квартирмейстер):

а. Раздел «С» особых распоряжений по операции «Барбаросса».

б. Предложение о предоставлении исполнительной власти командующим танковыми группами и командирам корпусов отклонено.

в. Приказ ОКВ о подсудности в оккупированных областях. Военная администрация предусмотрена лишь на территории старой Сербии.

г. Потребность в горючем для операции в Сербии соответствует двухнедельной потребности в горючем для операции «Барбаросса».

К 20.4 Румыния сосредоточит на границе с Россией 15 пехотных дивизий и 2/3 моторизованной дивизии. Из числа немецких дивизий одна будет переброшена в пограничные районы Буковины, одна — в район излучины Прута. Танковые дивизии — перед Плоешти.

Влияние «Операции-25» на операцию «Барбаросса». Взято шесть пехотных дивизий и два управления корпусов из 2-го и 3-го эшелонов войск, предназначенных для операции «Барбаросса», и три пехотные дивизии из резерва ОКХ. Из этих дивизий шесть первых можно будет заменить

из резервов ОКХ (3-й эшелон). Два управления корпусов 3-го эшелона (49-го и 52-го) можно будет заменить управлениями 42-го и 55-го корпусов из резерва ОКХ.

Из двадцати одной дивизии резерва ОКХ двенадцать останутся в нашем распоряжении, включая те пять дивизий, которые можно снять с Запада (подвижный резерв).

Подвижные соединения: против Югославии направлено три корпусных штаба подвижных дивизий (семь танковых и две моторизованные), не считая лейбштандарта «Адольф Гитлер» и соединений, действующих против Греции.

Расчёт времени: Если будет возможно использовать железную дорогу через Прешов, то к 20.5 можно перебросить на Восток семнадцать пехотных дивизий и тринадцать управлений корпусов, а затем до 1.6 — девять дивизий 4-го эшелона (график ускоренного железнодорожного движения). И, наконец, к 23.6 возможна переброска двадцати четырёх подвижных соединений и пяти корпусных штабов.

Далее, подвижные соединения, действующие в Сербии, следует к 1.6 пополнить и привести в порядок в районах отдыха (Вена и окрестности), для чего им надо закончить операцию к 30.4. Десять дней — на марш в районы отдыха. Три недели — на отдых и пополнение.

ГЛАВА 2

Совещание проводили в большом кабинете Сталина. Хозяин ещё не вошёл, приглашённые рассаживались за длинным столом согласно неписаному, но строжайшим образом соблюдавшемуся распорядку. Все были в парадных мундирах нового образца. С золотистыми шевронами на красном подкладе выше обшлагов рукава, в петлицах сияли по три-четыре золотых звёздочки. У двоих в петлицах сияли даже по пять золотых звёздочек.

«Не командиры, а бутылки с коньяком», — подумал Марков. Он всё ещё не привык к званиям и форме, введённым Указом Президиума Верховного Совета СССР в мае прошлого года. В СТОНе все носили

одинаковые робы, и изменениям это обмундирование не подлежало. Потому к нынешним знакам различия Сергей относился прохладно. Уж больно отчётливо повanивало стремлением Вождя восстановить в СССР царские порядки. Сначала звания, потом эти мундиры, а там и до погон с эполетами, «превосходительств» и «ваших сиятельств» дойдёт[1]. Подобная перспектива Маркова отчего-то отнюдь не радовала.

Генерал не знал, что Вождь любил, когда военные являлись по вызову в парадной форме. Иосифу Виссарионовичу нравилось появляться в скромном кителе без знаков различия на фоне сияющих алым и золотым высших чинов армии. Скромность одеяния только подчёркивала особое положение и главную роль Хозяина.

«Пятизвёздные» сели по правую руку от места Сталина, оставив пустым ближний к нему стул. Генералы «меньшей выдержки» располагались за ними. Несколько человек, обладавшие скромными ромбами и даже «шпалами» в чёрных инженерных и зелёных интендантских[2] петлицах, которым шикарных мундиров не полагалось, просто шерстяные зелёные гимнастёрки, устроились в середине, по левую руку от вождя, оставляя между ним и собой с десяток свободных стульев.

Марков узнал Тимошенко, Жукова. Увидев командующего Московским военным округом, Георгий Константинович отвернулся. Зато подошёл Павлов,

---

[1] Персональные воинские звания были введены в СССР в 1935 г., генералов и адмиралов восстановлены в 1940-м, погоны и «несоветские» ордена — в 1943 г. Тогда же реабилитирована Церковь и избран Патриарх. Наркомы превратились в министров в 1946 г., ВКП(б) потеряла своё название в 1952 г. До «сиятельств» дожить не успели.

[2] До введения погон и единых воинских званий сотрудники многих административно-хозяйственных и иных нестроевых служб имели «интендантские» спецзвания, от «техник-интендант третьего ранга» (один «кубик») до «армейский интендант» (четыре ромба).

пожал руку, стал говорить, как он рад счастливой перемене судьбы генерала, потянул за собой, подальше от «вольтеровского» кресла, твёрдого, с высокой спинкой, предназначенного для Хозяина. Но по правой стороне стола.

Сталин вошёл из комнаты отдыха, бесшумно ступая мягкими ичигами по ковру. В двух шагах за ним следовала свита. Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов, в отличие от коллег, похоже, после пьянки у Вождя так и не переоделся, оставался в том же наряде «а ля Первая Конная», хотя следовало надеть если не маршальский мундир, так тёмный штатский костюм поприличнее. Ещё в кабинете присутствовал почти никому не знакомый молодой человек, тщательно подстриженный и причёсанный, одетый в элегантный, явно заграничный светло-серый костюм не совсем по сезону. В руке он держал тяжёлый, раздутый и перетянутый ремнями кожаный портфель.

Этот «товарищ» с первого же взгляда вызвал раздражение у многих «соратников». У тех, кто не догадывался о его должности, воинском звании (обычно Лихарев носил форму с ромбиком бригвоенинженера в чёрных петлицах) и реальном месте в негласной иерархии. Чересчур «кричащий» костюм выделял его, ставил вровень со Сталиным и Ворошиловым, сразу превращая всех остальных в униформированную, грязновато-чёрную толпу. Обычно непривычно броский вид человека, не принадлежащего к клану писателей или артистов, вызывал у Вождя раздражение, которое могло повести к большим неприятностям не только «виновника», но и любого, подвернувшегося под руку. Этого, видимо, подобная перспектива не пугала. Но самое главное крылось в другом: неизвестный следовал за Вождём народов, будто прогуливается сам по себе. Вот Климент Ефремович вышагивал так, что

сразу было понятно: преданный подчинённый сопровождает руководителя.

Командиры дисциплинированно встали, приветствуя Иосифа Виссарионовича. Тот остановился в торце стола, обвёл взглядом собравшихся:

— Здравствуйте, товарищи, — выслушал ответное: «Здравжлав, товарищ Сталин», — и сделал знак садиться.

— В работе нашего совещания примет участие инженер товарищ Лихарев, — представил штатского Сталин. — Остальные товарищи, думаю, друг друга неплохо знают. Давайте послушаем нашего гостя.

Вождь извлёк из кармана френча короткую трубку, сжал её в левой руке и принялся ходить вдоль торца стола.

— Уважаемые товарищи, — произнёс, вставая, «инженер». — Ни для кого не секрет, что в ближайшее время может начаться война с Германией. Точнее — она весьма вероятна, и мы должны учитывать эту возможность. Группа инженеров, которую я представляю, разработала новые образцы оружия, предназначенного для полевого усиления непосредственно стрелковых подразделений. Оружия принципиально нового, способного действовать в боевых порядках и в определённых условиях полностью заменяющего артиллерию, танки, штурмовую авиацию... Например, при внезапном боестолкновении с вырвавшимися на оперативный простор танковыми группировками противника...

При этих словах по генеральскому ряду прокатился не то возмущённый, не то недоумённый шумок.

— По принципам действия оно близко к тому, что несколько лет назад разрабатывала Газодинамическая лаборатория Клеймёнова и Лангемака, — не обращая внимания на реакцию, продолжил Лихарев.

В кабинете повисла мёртвая тишина. Услышав в присутствии Сталина и Ворошилова фамилии двух

расстрелянных врагов народа и откровенный намёк на их вдохновителя и покровителя Тухачевского, маршалы и генералы затаили дыхание. Див-, бриг- и просто инженеры на левой стороне стола опустили головы, многие, чтобы скрыть кто радость, кто острое недовольство, а то и страх. Все они были людьми, способными мыслить, и большинство сообразило, что экспромтом в кабинете Сталина такие слова не произносят. И если в итоге у кого-то полетят головы, то отнюдь не у докладчика.

Марков заметил, как косился на Ворошилова Жуков. Климент Ефремович, в свою очередь, поглядывал на Хозяина, пытаясь уловить его реакцию на слова непонятно почему обозванного «представителем группы инженеров» сталинского помощника. Кто есть Валентин Лихарев, он знал, но какие ещё инженеры, что за группа, откуда она взялась? Кого нужно, давно посадили или расстреляли, остальные трудятся на отведённых им местах под должным присмотром. Второй научно-технической базы в наркомате нет, кому и знать, как не ему? Как будто возможно вести разработку и испытания реактивной, да и какой угодно другой техники без заводской базы, без финансирования на основе соответствующих решений «директивных органов». С другой стороны, Лихарева выставил на место докладчика сам Сталин. Это говорило само за себя. В принципе, Ворошилова эти вопросы больше не касались. Он сумел в своё время свалить Тухачевского и его клевретов в Наркомате обороны, потом свалили его. Ну и пусть дальше сами разбираются. Но всё равно было интересно. Как писал один древний грек:

— Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твёрдой земли наблюдать за бедою, постигшей другого...

А беда сейчас может постичь как раз Жукова с Тимошенко. И это действительно сладко!

* * *

Сам Иосиф Виссарионович молча сидел во главе стола, возился с трубкой, никак не выказывая своего отношения к происходящему.

Единственный, кто будто бы и не замечал сгустившейся атмосферы, был Лихарев. Он анализировал достижения Реактивного НИИ, начиная с момента слияния московской Группы изучения реактивного движения и ленинградской Газодинамической лаборатории, высоко оценил разработки Бориса Петропавловского, с большим уважением отозвался о Лангемаке и Клеймёнове.

— Наши предложения в большой степени соприкасаются с разработками этих выдающихся учёных, — говорил «инженер». — Если бы они продолжали трудиться, уверен, сегодня мы имели бы модели оружия, сходного с тем, которое представляет наша группа.

Ворошилов не отрывал глаз от лица Вождя, чтобы первым уловить мимический, даже не словесный посыл Хозяина по поводу слов его помощника, хлопнуть по столу пудовым кулаком бывшего слесаря и заявить: «Вот как раз над этим мы и работали, лично я, как нарком (какой там Тухачевский, кто его сейчас осмелится вспомнить?), но недовыявленные Ежовым и товарищем Берией враги сорвали это важнейшее направление!» И напомнить собравшимся, что ещё в тридцать девятом, на Халхин-Голе авиационные реактивные снаряды приводили в мистический ужас самураев, а кто тогда руководил Наркоматом обороны и Реввоенсоветом? Большого толка от этого заявления не будет, но Лаврентия он уест, да и Иосиф где-то там сделает пометочку, мол, не утратил Клим нюха, нет, не утратил.

Но Сталин восседал на своём месте с непроницаемым лицом. И руки его неподвижно лежали на столе, будто охраняя маленькую прокуренную трубку.

Перебил Лихарева один из военспецов с ромбиком в петлице:

— Кто вы вообще такой? Как смеете ставить под сомнение работу органов НКВД! Доказано и утверждено Военной Коллегией, что Лангемак и Клеймёнов — вредители. Как и их вдохновитель! Тоже мне, инжэнэр! Вы, случайно, не в Берлине учились?

Обвинение было сильное. Германский диплом у сотрудника оборонного учреждения вполне тянул на десять лет дальних лагерей. А то и «без права переписки».

Лихарев замолчал. Чуть склонив голову набок, он разглядывал покрасневшее от негодования лицо нарушителя спокойствия. Усмехнулся довольно брезгливо.

— Хладнокровнее, товарищ Костиков, — вполголоса произнёс Сталин. В кабинете сразу стало тихо. — Дайте товарищу Лихареву перейти к сути дела.

— Я говорил о предшественниках, — спокойным, даже весёлым голосом продолжил Валентин, — чтобы подчеркнуть одну мысль: уже существует промышленный задел для быстрого запуска предлагаемых образцов в серию.

Он, будто фокусник или восточный владыка, звонко щёлкнул пальцами, хорошо, в ладоши не хлопнул. Несколько командиров с петлицами инженеров и ГУГБ внесли стенды с заранее прикнопленными таблицами и чертежами. Лихарев сделал знак, чтобы наглядные пособия расставили по правую руку от Хозяина. Золотозвёздным генералам, чтобы разглядеть изображения, пришлось выворачиваться в креслах. Зато удобно было изучать представленные материалы специалистам.

— В основу наших разработок, — начал Лихарев, достав из кармана блестящую складную указку, — действительно положены реактивные снаряды РС-82 и РС-132. Запускаемые с многорядных направляющих, а не поодиночке, как с самолёта, они способны обеспечить сплошное накрытие позиций противника. До одного гектара одним залпом...

— Извините, — поднял руку, словно школьник, бригинженер с края стола. — Идея, если угодно, родилась не у нас и не в двадцатые годы. Китайцы ещё до нашей эры пытались использовать ракеты в военных целях. С весьма малым успехом. Затем к ней вернулся англичанин Конгрев, наши Константинов и Засядко. Ракеты стояли на вооружении почти весь девятнадцатый век. Но с появлением нарезной артиллерии от них отказались. Потому что, как говорят французы, дьявол — в мелочах. Мы десятилетиями занимались именно «мелочами»: как стабилизировать снаряд в полёте, как организовать медленное, равномерное и устойчивое горение пороховых шашек, стандартизировать их производство так, чтобы один снаряд ничем не отличался от другого. Какое сделать оперение? Снаряды с маленьким оперением кувыркаются в воздухе, с большим — становятся тяжёлыми, что сокращает дальность стрельбы. Каким должен быть пусковой станок? Как сделать, чтобы снаряд в нём не заклинило? Какой длины должна быть направляющая? Короткая — снижает прицельность, и без того невысокую. Длинная — утяжеляет ракетную пушку. Итог получился неутешительным, и обычную техническую неудачу сочли вредительством...

Половина присутствующих вздрогнула, половина — втянула голову в плечи.

Лихарев внимательно выслушал отчаянного инженера.

— Вы — Шварц или Глухарёв? — спросил он неожиданно.

— Глухарёв, — удивлённо ответил инженер, косясь на людей из ГУГБ. — А откуда...

— Пусть извинят меня присутствующие товарищи, но в этой комнате в предмете обсуждения разбираетесь только вы, Шварц, я и ваши коллеги. Остальные должны принять организационное решение, поверив нам на слово. Или — получив неопровержимые фактические результаты полигонных испытаний. Так что

дальнейшее обсуждение в данном составе, — он обвёл рукой кабинет, — считаю напрасной потерей времени.

Все с ужасом поглядели в сторону Сталина, ожидая почти беззвучной, но всегда убийственной вспышки его гнева. Ещё бы, публично заявить, будто Хозяин может в чем-то быть некомпетентным...

Иосиф Виссарионович усмехнулся в усы, взял левой рукой со стола трубку, помассировал предплечье правой ладонью.

— Товарищ Лихарев совершенно прав. Или товарищ Жуков знает, сколько метров в длину должны иметь направляющие ракетного снаряда? Товарищ Жуков и не должен этого знать. Ему нужны данные, с какого расстояния и какую площадь покроют снаряды, каким образом подвезти пусковые станки. Я правильно говорю, товарищ Жуков?

— Так точно, — чётко ответил Георгий Константинович.

— Тогда я попрошу вас продолжить, — сказал Сталин, — разумеется, применяясь к уровню технического образования тех, кому предстоит принимать организационные решения.

Кто-то в дальнем конце стола, не сдержавшись, сдавленно прыснул.

Из дальнейшей оживлённой беседы «технарей» Маркову удалось понять, что Лихарев имеет ответы на все вопросы разработчиков. После некоторых объяснений инженеры, которые давно вышли из-за стола и сгрудились вокруг Лихарева, хватались за блокноты, быстро что-то вычисляли, кто-то особо эмоциональный даже хлопнул себя по лбу.

— А если всю конструкцию поставить на шасси «ЗиСа» или быстроходного танка... — услышал Сергей голос Лихарева.

Представить себе установку для реактивных снарядов «в деле» генерал не мог, потому просто следил за процессом работы профессионалов.

Когда завершили обсуждение установки залпового ракетного огня, Лихарев сказал:

— А теперь я хотел бы предложить некоторые другие разработки на той же основе реактивных снарядов. Это — развитие идей Бориса Сергеевича Петропавловского...

Как понял Марков, «группа инженеров» предлагала реактивный снаряд, который мог запускать пехотинец. По утверждению Лихарева, подобный снаряд прошибал броню любого танка с расстояния в несколько сотен метров. Если бы это оказалось правдой, батальон гранатомётчиков легко остановил бы танковую дивизию любой армии мира[1]. «Пожалуй, это всё же красивая сказочка...» — подумалось Сергею.

Следующая картинка поразила генерала ещё больше. Речь шла о всё тех же РС-82 и РС-132, установленных на направляющих сразу по двадцать четыре, тридцать два и даже сорок восемь. Для отражения вражеского наступления, а также собственной артподготовки это оружие могло оказаться ужасающе эффективным. То же, что одновременный залп по одной цели четырёх артиллерийских полков «трёхдюймовок».

И Сталин подумал примерно об этом же. В сражении под Царицыном красным удалось остановить неудержимое наступление врангелевцев, именно массировав на одном направлении всю наличную артиллерию фронта. Пушки стояли колесо к колесу и палили по «золотопогонникам» шрапнелью прямой наводкой.

Инженеры что-то строчили в своих блокнотах, генералы вполголоса переговаривались. На их лицах читалось явное недоверие. Представитель «группы инженеров» всё понял.

---

[1] Имеется в виду стрелковый батальон по полному штату 1941 г. — 800 активных штыков.

— Товарищ Сталин, — непринуждённо, почти как к равному, обратился он к Вождю, — может быть, всё же проще и нагляднее организовать полигонные испытания образцов предлагаемого вооружения?

— А они у вас есть? — подыграл своему порученцу Вождь. — И когда вы будете готовы?

— Немедленно.

Хозяин вопросительно поглядел на Ворошилова, Тимошенко, Жукова, потом перевёл глаза на Маркова:

— Распорядитесь. Полигон — это ваше хозяйство.

На полигон в Бронницах выехали через два часа, полным составом. По приказу командующего округом были подготовлены корпуса списанных лёгких танков «Т-26», «БТ», а также среднего трёхбашенного «Т-28». По броневой защите они соответствовали линейке немецких основных танков, от Pz-IIc до Pz-IV, причём «Т-28» последний даже превосходил.

Люди Заковского из лично преданного ему подразделения были прикомандированы к Лихареву и обеспечили скрытную доставку образцов к месту испытаний. Пятитонки «ЗиС-6» с образцами «изделий» и кортеж из черных «ЗиСов» и «Эмок» подъехали к расквашенному от тающего снега полю одновременно.

Лихарев достал из багажника своей машины предусмотрительно прихваченные тёмный брезентовый плащ и высокие резиновые сапоги, быстро переоделся и принялся сноровисто руководить выгрузкой непривычных для взгляда военного человека предметов: длинных труб, свежеокрашенных в зелёный цвет; сооружений из обрезков рельсов, похожих на железнодорожные, но тоньше и короче. Рельсы были поставлены параллельно друг другу. Всё вместе походило на игрушку для одуревших детей великанов.

Дул холодный влажный ветер, пробирал до костей, не спасало даже маленькое бесцветное солнце, рав-

нодушно взиравшее на непонятную суету людишек на краю большого чёрного поля, кое-где ещё сохранившего грязные сугробы. Военачальники поёживались, косились на маленькую фигуру Вождя, неподвижно застывшего в ожидании. Только Глухарёв и Шварц подошли поближе к «образцам». Было видно, что инженерам хочется потрогать железо, может быть, тут же его разобрать, чтобы увидеть, как всё устроено.

Наконец Лихарев доложил:

— Всё готово. Разрешите начинать?

Сталин молча кивнул.

— Первым покажем реактивный противотанковый снаряд, предназначенный для вооружения пехоты, — сообщил он и пошёл, с трудом вытаскивая ноги из грязи.

Когда до ближайшего «Т-26» оставалось метров семьдесят, Валентин вскинул трубу на плечо и почти тут же выстрелил, как на бекасиной охоте. Звук выстрела был столь оглушителен, что кое-кто из зрителей даже присел от неожиданности. Из устройства ударила назад струя огня, потом дымно-огненная стрела рассекла влажный весенний воздух и ударила в башню танка. И — ничего! По крайней мере, так показалось наблюдателям. Только через пару минут всматривавшийся в мишень маршал Тимошенко коротко выматерился и протянул бинокль Сталину.

Иосиф Виссарионович посмотрел, куда указали. В башне танка красовалась круглая, сантиметров десять в диаметре дырка с оплавленными краями.

— В момент попадания температура в танке должна бы превысить три тысячи градусов. Так что от экипажа — только пепел, — прокомментировал этот выстрел бригинженер Глухарёв. Сталин и свита растерянно молчали.

Глухарёв с восторгом посмотрел на Шварца. Тот развёл руками.

Лихарев с трубой гранатомёта в руках вернулся к высокой комиссии. Когда он подошёл, Жуков подчёркнуто громко произнёс:

— Противотанковое ружьё бьёт дальше.

Лихарев иронически посмотрел на начальника Генштаба и ничего не ответил.

По взмаху его руки люди Заковского развернули станок из рельсов, стали укладывать на направляющие тяжёлые снаряды. Ворошилов, оскальзываясь, подбежал к Сталину:

— Иосиф Виссарионович, вдруг эти хреновины рванут не вовремя, испытания же. Давайте отойдём подальше.

Хозяин сделал нетерпеливый жест, мол, уйди, Клим. Тогда первый красный офицер подчёркнуто встал между Вождём и странным сооружением Лихарева.

Изобретатель громко попросил:

— Товарищи, при пуске произойдёт выброс раскалённых газов. Прошу всех отойти шагов на десять в стороны. — Сталин послушно зашагал от установки. Ворошилов гордо оглядел золотозвёздную толпу и двинулся за руководителем. Генералы разбились на две кучки по сторонам от устройства. Валентин усмехнулся и что-то сделал — не то дёрнул какой-то рычаг сбоку, не то нажал незаметную кнопку.

Грязно-зелёные цилиндры, казалось, вспыхнули и с ужасным воем понеслись в сторону танковых корпусов, стоящих далеко в поле. Через несколько секунд чёрные силуэты боевых машин исчезли в пламени.

— Это залповый неприцельный огонь, — прокомментировал Лихарев. — Но вполне эффективный, в том числе и против танков. Если направляющие, рассчитанные на снаряды большего калибра, поставить на любой мощный грузовик или тягач, получим установку, способную уничтожать живую силу и технику противника на достаточно больших площадях. Кроме того, решается вопрос доставки орудия к нужному месту.

Валентин замолчал и выжидающе посмотрел в сторону вождя. Не повышая голоса, Иосиф Виссарионович спросил:

— Как скоро мы сможем организовать массовое производство этого оружия?

Все обернулись к Ворошилову, только Лихарев сделал шаг к Глухарёву.

— Если отработана технология, — начал инженер...

— Вы сохранили вашу производственную базу? — перебил Валентин.

— В основном, — вмешался Шварц, с ненавистью глянув на Климента Ефремовича.

— Значит, предсерийные образцы можно будет представить через неделю. А запуск в серию, причём на нескольких заводах одновременно, через три, — подытожил изобретатель, обращаясь непосредственно к Сталину. У Ворошилова побагровело лицо, но сказать он не успел ничего.

— Ты отвечаешь за сроки, Клим, — глухо произнёс Вождь. — Первого мая доложишь о результатах.

Заканчивали совещание в том же кабинете, где оно и началось. Верховный главнокомандующий отпустил инженеров. Окинув взглядом генералитет и партийных товарищей, Вождь объявил, что завтра необходимо провести совещание по уточнениям в план стратегического развёртывания в случае внезапного нападения Германии на СССР. Совещание назначается на четырнадцать ноль-ноль. Все могут быть свободны.

Военачальники устремились к выходу из Большого кабинета.

— А вас, товарищ Марков, я попрошу остаться, — негромко сказал Сталин.

Последние три-четыре дня у Иосифа Виссарионовича не болела рука. Не крутил локоть, не отдавало в плечо. И это несмотря на все треволнения и, как

сказал бы доктор Вовси, имея в виду давешнюю пьянку, «нездоровый образ жизни». Хозяин прекрасно себя чувствовал, он словно скинул лет десять.

Может, причина была в том, что уже почти три недели вождь не курил. Никому из окружения о своём решении отказаться от пагубной привычки он не объявлял. Больше того, Сталин продолжал возиться с трубкой, ломал «Герцеговину» и набивал жерло содержимым папирос, потом как бы невзначай выбивал табак в стеклянную — по настоянию Берии — пепельницу. Нарком внутренних дел на полном серьёзе утверждал, что все предметы на письменном столе ответработника должны быть прозрачными. Тогда в них нельзя будет спрятать вражеский микрофон. Всё-таки Лаврентий иногда бывал полным идиотом.

Во всяком случае, голова работала прекрасно, было ощущение лёгкой эйфории, как в детстве, когда хочется побежать со всех ног, почти полететь, просто от избытка сил. Кроме того, очень впечатлило испытание оружия, которое предложил Лихарев. За этим человеком стояла какая-то тайна. Даже Гурджиев был понятнее. Но Сталину хватало мудрости не задавать лишних вопросов тому, кто был нужен здесь и сейчас.

Поэтому Хозяин и решил продвинуть одну из ключевых фигур в его игре на следующую клетку именно сегодня.

Жестом пригласив генерала сесть, Иосиф Виссарионович занял место напротив.

— Товарищ Марков, не кажется ли вам, что с нашей стороны было неразумно использовать талантливого полководца в качестве начальника Московского военного округа? Этот округ играет очень важную роль. Но в случае конфликта целесообразно иметь самых подготовленных военкомов на остриё событий, не так ли?

— Товарищ Сталин, — возразил слегка задетый Сергей Петрович. — Я служу там, куда меня назначи-

ли. Готов отправиться хоть на Дальний Восток, хоть в Брест в любой должности.

— Не надо обижаться, — усмехнулся Вождь. — Должность, соответствующую вашим дарованиям, мы подберём. Руководствуясь совершенно справедливым принципом, что человек, занимающий в нужное время нужное место, по необходимости принесёт пользу. Должен сказать: после недавних событий я пришёл к выводу, что генерал-полковнику Маркову товарищ Сталин может доверять. Поставьте себя на место руководителя государства. Можно ли поручить человеку, репрессированному органами НКВД, командование крупными вооружёнными соединениями, сосредоточенными на самом опасном направлении? А вдруг наши доблестные чекисты сумели сломать этого гражданина, и теперь он будет только заглядывать начальству в рот. Или ещё хуже, он затаил обиду и злобу на государство и народ. Мы должны были понять, чем дышит человек, до того, как ставить перед ним задачи даже не государственного, а мирового масштаба.

Генерал молчал, не понимая, к чему клонит Хозяин.

— Мы приняли решение назначить вас командующим Особым Западным фронтом. Он создаётся на основе существующего военного округа. Вместо генерала армии Павлова.

Иосиф Виссарионович замолчал, ожидая реакции Маркова на сообщение. Генерал стал по стойке «смирно»:

— Служу Советскому Союзу.

— Зачем вы так официально, — поморщился Сталин, но Сергею Петровичу почему-то показалось, что Вождю это понравилось. — Садитесь, — приказал Генсек. — Вы должны в ближайшее время ответить на самый главный вопрос: возможно ли обезопасить страну от внезапного удара гитлеровских войск, если он будет нанесён? При этом желательно не изменять расположение основных сил Красной Армии.

— Простите, товарищ Сталин, не понял.

— Вы не читали роман Шпанова «Если завтра война»?

— Никак нет.

— Ну да, в последние годы вам было не до беллетристики. Книжка, говоря честно, маловысокохудожественная. Но нужная. Там описана ситуация, когда империалистическое государство вероломно нападает на СССР. Получает отпор. И дальше Красная Армия громит агрессора. Малой кровью, на его территории...

— Извините, товарищ Сталин, поставленная задача невыполнима.

— Почему вы так считаете, не дав себе труда разобраться, — глаза Вождя сузились, тигриные зрачки упёрлись в переносицу военачальника. Марков физически почувствовал тяжесть взгляда Хозяина. Ощущение было такое, будто между бровями упёрто дуло пистолета и кто-то всё усиливает давление металла на лоб.

— Вы, безусловно, помните очертания наших западных границ, — заговорил Сергей. — И не могли не обратить внимание на Белостокский и Львовский выступы. Они глубоко вдаются в расположение потенциального противника на запад и представляют великолепный плацдарм для наступления. Любой, кто имеет хотя бы минимальное представление о военном деле, готовя наступление, собрал бы здесь мощный кулак, чтобы сразу выйти в глубокие вражеские тылы.

Но и немцы видят угрозу. Потому они должны принять меры предосторожности. Для этого достаточно сконцентрировать силы для встречной атаки с севера и с юга в основания выступов. И наша ударная группировка будет отрезана от тылов, останется без боеприпасов.

Если мы готовимся к обороне, целесообразно отвести части за пределы выступов, распределить их в приграничье.

— А почему нельзя прикрыть вероятные направления контрнаступления вермахта? Подтянуть войска, построить укрепления. И удержать выступы.

Сталин снова упёрся взглядом чуть повыше глаз генерала.

— Товарищ Сталин, — произнёс Марков. — Чтобы с полной определённостью доложить вам, возможно ли подготовиться к обороне в случае неожиданного нападения германских подразделений, я должен сам изучить положение в приграничных районах.

— Это — правильный вывод, — сказал Иосиф Виссарионович. — На подготовку к отъезду даю два дня. Приказы об отзыве Павлова в распоряжение Генштаба и вашем назначении на должность командующего Особым Западным фронтом подготовят. Пока рекомендую внимательно изучить сводку № 8 от 22 декабря прошлого года. Её в обход Голикова подготовил полковник Новобранец. Обсудите общую ситуацию с Мерецковым и Василевским. Товарищи в курсе. Думаю, мы вас ещё пригласим. Возникнет такая необходимость.

Генерал откозырял по уставу и двинулся к двери.

— И ещё, товарищ Марков, — сказал ему в спину Хозяин. Сергей обернулся. — Помните, что мы очень доверяем вам. Возможно, как никому другому. Действуйте уверенно, рассчитывайте на нашу поддержку во всех без исключения вопросах.

Военачальник склонил голову.

— А девочку с собой не берите. Нечего ей делать на рубежах Родины. Девочка пусть учится своей филологии. И не удивляйтесь неожиданному совету — у товарища Сталина должность такая, что всё следует знать и обо всём думать.

Вернувшись наконец домой, Сергей Петрович принял душ, на кухне принялся готовить нехитрый холостяцкий ужин. Вдруг в дверь затарабанили.

— Серёжа, Серёжа, — звал женский голос, как показалось генералу, прерываемый рыданиями. — Ты дома? Открой!

«Ленка, — пронеслось в голове. — Неужели всё-таки выставили из института? Или что-то ещё похуже?»

Марков торопливо открыл, и на грудь ему упала заревanная Люсечка.

— Серёженька, — взвыла блондинка, — ой, какое несчастье... Володечку арестовали.

«Допрыгался, балбес», — раздражённо подумал Сергей. И тут же устыдился.

Он обнял девушку за плечи, провёл в кухню, усадил на стул.

— Успокойся. Возьми себя в руки и расскажи по порядку. Прежде всего, откуда ты узнала.

— Я... я звонила, хотела спросить, когда он вернётся и что приготовить на ужин. Телефон не ответил. Тогда я набрала его сотрудника, Хрусталёва. А этот сказал, что приходили и увели. Ой, Серёжечка, что же теперь будет?

Хороший вопрос. Что может быть со вчерашним ЗК, которого возвысили и тут же уличили в попытке организовать покушение на самого Вождя? Тут вся пятьдесят восьмая без изъятия. Да следователи ещё добавят от всей щедрой души.

Лося уже не вытащишь. И ведь предупреждал я его, дурака! Какой парень погибнет ни за что.

Худо ещё, что теперь и эту дурочку заберут. За связь с махровым врагом народа. Может, хоть её спрятать? Пусть прямо сейчас отправляется в мой округ, в Брест какой-нибудь, снимет угол. Денег я дам. Впрочем, нет, это бред. В приграничной зоне её загребут через пять минут после прибытия.

— Сережёчка, ты один? — вдруг спросила Люсечка. — Этой твоей нет? — И тут же снова зарыдала: — Теперь и меня заберут. Спаси меня, пожалуйста. Ты у самого Сталина бываешь, тебя товарищ Сталин послушает, расскажи ему, что я тут ни при чем.

Блондиночка вскочила, обхватила обеими руками шею генерала, прижалась упругой грудью и зашептала, заглядывая снизу вверх в его лицо.

— Серёжа, женись на мне! Тогда меня не тронут. А я — хорошая. В постели твоей этой соплячке не чета, я такое умею... Кормить тебя буду хорошо, я готовлю знаешь как! И защищать тебя буду, как собака. А, Серёжа?

«Господи, за что мне это? — подумал Марков. Фоном скользнула ещё одна мысль: — Недавно я уже слышал про собачью преданность. — И в это момент зазвонил телефон. — Не хватало ещё, чтобы это была Ленка, — пронеслось в голове».

Ласково отстранив Люсечку и усадив её снова на тот же стул, командир снял трубку.

— Алло, — пророкотал мужской, к счастью, голос. — Серёжа? Это Заковский.

— Здравствуйте, Леонид Михайлович.

— Ты один, можешь говорить?

Генерал оглянулся на блондинку. А, хрен с ним. Почти маршал НКВД по телефону лишнего не скажет. Знает ведь, как легко прослушиваются такие беседы. И все же бережёного Бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт.

— Слушаю, — произнёс он, не отвечая на вопрос ни да, ни нет. Задов понял:

— Я, собственно, хотел поздравить тебя с новым назначением.

— А откуда вы знаете?

— Работа такая. В связи с этим хотел бы с тобой встретиться, дать пару советов. По организации разведки и контрразведки в особом районе. Дел-то у тебя будет — не разгрести, не дай бог, упустишь из виду. А для тебя это будет очень и очень важно.

Последние фразы Заковский чуть заметно выделил интонацией. Марков понял.

— Когда и где мы можем встретиться?

— А хоть сейчас. Если готов, вышлю машину.

— Жду, — сказал Сергей и положил трубку.

— Я должен уйти, — сказал он Люсечке. — Если боишься, подожди здесь. Что-нибудь да придумаем.

В конце концов, никто не даст лучший совет, чем человек с опытом и положением Заковского. А может, он согласится помочь и делом.

На сей раз комиссар ГУГБ первого ранга прислал не лимузин, невзрачную «Эмку». За баранкой сидел человек в потёртом пальто с лысоватым барашковым воротником. «Зря я надел форму», — подумал Марков. Действительно, пассажир в генеральской шинели выглядел рядом с видавшим виды средством передвижения странно и привлёк бы нежелательное внимание, если бы на улице кто-то был. К счастью, ни прохожих, ни других машин в пределах видимости не наблюдалось. Как только генерал уселся, автомобиль рванул с места и понёсся по всё ещё обледеневшим улицам, петляя в кривых переулках, проскакивая пустынные перекрёстки, неожиданно сворачивая в полуразличимые подворотни. Очень скоро пассажир потерял ориентировку, откинулся на сиденье и закрыл глаза.

Задрипанная колымага привезла Маркова на ту же конспиративную квартиру, где Задов его принимал четыре дня назад. Пара мужичков вполне алкоголического облика проводила командира в подъезд. Первый остался у двери, второй выбил сложную дробь по двери. Полотнище со скрипом отворилось. Как бы алкаш втолкнул офицера в прихожую, в объятия давешнего помощника Заковского, кажется, Петра. Тот был в форме. Вежливо показал дорогу, проводил в комнату.

Леонид Михайлович, в том же полувоенном облачении, что и в прошлый раз, встал из-за стола, предусмотрительно нагруженного бутылками и различной снедью, пожал прибывшему руку: «Что наливать, водку, коньяк? Или самогон?» Сергей окинул взгля-

дом строй закусок, выделил сало на щербатой тарелке, белое, с розовыми прожилками. Чёрный хлеб тоже имелся. В гранёном стакане, завязанном сверху тряпицей, ждала горчица, домашняя, заварная. Скромно, хоть и в середине строя яств, пристроилась солонка. Командир сглотнул слюну:

— Давайте первач!

Сдвинули стаканы, глотнули обжигающую мутноватую жидкость, похрустели лучком с «черняшкой».

— Градусов шестьдесят, — с уважением произнёс Марков, прислушиваясь к собственному организму.

— Бери выше, все семьдесят, — возразил Заковский. Не спеша закусили.

— Серёжа, ты можешь пересказать свой разговор со Сталиным? Только подробно.

— Он спросил, не удивился ли я назначению на должность командующего Московским округом. Командира, освобождённого из лагеря из-за его талантов стратега, это не мои слова — его, логично было бы направить на остриё грядущих военных событий...

— Так, — нетерпеливо произнёс Леонид Михайлович, — дальше.

— Объяснил, что необходимо было меня проверить.

Задов саркастически усмехнулся.

— Теперь он мне доверяет почти безгранично. Тоже его слова.

— Ну да, ну да. Всё?

Генерал замялся.

— Дальше пошла речь о стратегических военных планах...

Комиссар госбезопасности первого ранга беззвучно рассмеялся.

— Наивный ты всё-таки человек, Серёжа. И честный просто до, я, конечно, извиняюсь, глупости. Ты думаешь, я не осведомлён об операции «Гроза»?

— Какой операции «Гроза»?

— Ещё в тридцать девятом, когда готовился договор с Гитлером о четвёртом разделе Польши, Сталин своей рукой нарисовал границу между нашими и немецкими войсками. А потом во время пьянки с Риббентропом вдруг предложил уступить большие части территорий Люблинского и Варшавского воеводств, если новоиспечённые друзья отдадут нам Литву. Перед этим Коба подарил этому риббен-трупу ходячему очень не хреновые охотничьи угодья в Беловежской Пуще. Министр иностранных дел был сильно пьян. Тосты уже перевалили за третий десяток, а то, что для грузина — лёгкий хмель, для немца — острое алкогольное отравление. Фриц уже представлял, как пригласит в свои новые владения пострелять зубров Геринга. Самое главное, Иоахим имел карт-бланш почти на любые уступки от фюрера. Вот Хозяин и предложил самостоятельно начертить вновь оговоренный рубеж. Шапошников и Мерецков недели две тренировали Иосифа, чтобы линия, проведённая как бы спьяну, очертила два выступа, Белостокский и Львовский. Они дают стратегические преимущества для СССР в случае, если появится необходимость врезать по лучшему другу Адику хорошим танковым клином.

— Господи, а я сказал Сталину: «Вы не могли не обратить на них внимания», — вырвалось у Маркова. Леонид Михайлович снова захохотал, не издавая ни единого шороха.

— Это даже хорошо, — сообщил бывший махновец, утирая слёзы. — Ты ещё раз подтвердил Кобе, что ты — Простодушный. Почти по Вольтеру.

— По кому?

— Ладно, не важно, это такой писатель был полтора века назад.

— Кстати, о писателях. Товарищ Сталин спросил, не читал ли я роман Шпанова «Если завтра война»?

— А ты?

Сергей пожал плечами.

— Это дерьмо — практически прямой заказ Кобы. А письменнику ума не хватило хоть чуть прилично его сделать. Иначе ходил бы Коля с лауреатским значком.

— Да, Иосиф Виссарионович выразился, что книга получилась маловысокохудожественной.

— Узнаю ценителя, — хмыкнул Заковский. — И тут же посерьёзнел: — Значит, об операции «Гроза» тебе Хозяин ничего не сказал, конспиратор.

Ну, чтоб ты знал. Шапошников посмотрел на подписанную карту Польши, указкой провёл линию от вершины Белостокского и Львовского выступов до Берлина и изрёк: «Это будет постоянно нависать над Гитлером, как чёрные тучи». А Иосиф подхватил: «И однажды из этих туч ударит гроза!»

Потом появился план операции по захвату Европы. Понял? Сегодня мы с немцами бежим наперегонки. Кто вмажет по «лепшему корешу» первым.

— Вот оно что, — протянул Марков. — Сталин поставил передо мной задачу обеспечить отражение возможного удара немцев, не меняя при этом основного расположения наших частей.

— Значит, кто-то вложил, наконец, Хозяину ума. Лишь бы не поздно. — Задов взболтал бутыль и вновь наполнил стаканы самогоном.

— Должны успеть, — сказал, поднимая стакан, генерал.

— Ну да, ну да, — снова повторил комиссар ГБ. Снова чокнулись, глотнули, заели.

— Теперь повесь свои уши на гвоздь внимания, как говорят на Востоке, — предложил Леонид Михайлович. Несмотря на ёрническую манеру выражаться, говорил он очень серьёзным тоном. — Твоего приятеля Лося пытались взять под стражу. Судя по тому, как обставили арест, это была провокация. У наших в этих делах большой опыт. Послать против боевого командира двух сопляков, пытаться повязать его в служебном кабинете. Не так это делается. Но самое

главное, следователем и руководителем группы захвата назначили провокаторшу, которую под него подложили. Некую Людмилу Игоревну Сумову, между прочим, лейтенанта НКВД. Как и следовало ожидать, чекистов Лось раскидал, прорвался в кабинет к Кобе...

«Взять эту суку усатую за шейку его хлипенькую», — вспомнился Сергею лихорадочный шёпот друга. И собственные похожие мысли во время первой аудиенции у Сталина.

— Иосиф застрелил напавшего собственноручно, — проговорил Заковский.

У Маркова потемнело в глазах. На ощупь нашёл бутыль, слепо зашарил по столу в поисках стакана. Махновец понял, забрал самогон, разлил по ёмкостям. Выпили не чокаясь. Генерал достал из кармана пачку «Казбека». Комиссар ГБ — свои сигареты. Молча задымили.

Наконец Сергею удалось вытолкнуть наружу слово, которое билось в башке, вытеснив все мысли. Грудь стянуло обручем боли. Этот обруч тоже не давал произнести то, главное слово.

— ..., — выговорил наконец Марков.

— Это ты о ком? — после паузы тонко усмехнулся Заковский. Сергей Петрович не заметил двусмысленности.

— Люсечка. Сучка.

И генерал выдал тираду, какой в годы его молодости конармейцы загнанных лошадей поднимали и в бой гнали. Леонид Михайлович слушал с интересом знатока и ценителя.

— Вижу, не забыл, — с одобрением сказал он, когда Марков замолк. — Теперь рассказывай подробнее.

Командир изложил всю историю романа между Володькой Лосем и хрупкой блондиночкой-авиабуфетчицей.

— Стандартная процедура, — прокомментировал комиссар госбезопасности. — На хорошенькую мор-

дашку и коротенькую юбчонку хоть один из вас да клюнет точно. Другому тоже что-либо подберём и подставим. Подкладывали тебе?

Марков кивнул, вспомнив Татьяну. Грубо работаете, господа чекисты, совсем мышей не ловите. Даже обучаете одинаково, мол, буду верна и преданна, как собака. За что скотину оскорбляете?

— А подвести поближе смотрящего к каждому из таких, как вы, — дело обязательное, — продолжал Заковский.

— Каких это «таких»? — вскинулся Сергей.

— Условно освобождённых, — серьёзно пояснил Задов. — Думаешь, выпустили потому, что поверили или разобрались? Просто вы для чего-то понадобились. Вот и сменили условия содержания и форму конвоя.

Генерал подумал и согласно кивнул.

— Но эта...

— Курва, — подсказал Леонид Михайлович.

— Она же сегодня прибежала ко мне. Мол, Володечку забрали. Спаси. Ох, стерва паскудная!

— Постой. Не гони лошадей. Я правильно понял: Люсечка, она же Людмила Игоревна Сумова, лейтенант НКВД, сегодня приходила к тебе, сообщила о якобы аресте Лося, сказала, будто боится, что за связь с ним задержат и её, и попросила о помощи?

— Она и сейчас у меня на кухне сидит. Вернусь, посмотрю в её глазки голубенькие, да шею и сверну.

— Не спеши, кавалерист. А про твою эту, девочку, она знает?

— Всё она знает. Она напрямик ко мне в постель попросилась. Мол, зачем тебе студентка-соплячка. А я такое умею...

— Никакой тебе тонкости, изыска, — огорчился бывший начальник контрразведки батьки Махно. — Но думаю, не соврала, умеет. Лаврентий в таких делах толк знает. Может, Люсечку эту вашу сам и обучал.

Лицо Заковского стало сосредоточенным, словно он решал в уме трудную задачу.

— Понимаешь, сама идея подослать к тебе именно эту профурсетку очень даже неплоха. Ты ей посочувствуешь, прикроешь. И этим уже подставишься. Потом, она из благодарности, ты из жалости, завалитесь в постельку. После всего, а это «всё» будет замечательно, такого ты точно и представить не умеешь, она тебя так по-бабьи, нежно, по волосам погладит. Или всплакнёт. И всё, кефалька на кукане. Небось, Всеволод изобрел, Меркулов. А то и сам Лаврентий.

Но почему она работает так грубо, без малейшего изыска, просто напролом прёт? Без приказа у таких только месячные могут начаться. Они знают, что времени нет, через два дня ты должен отбыть, а надо позарез, чтобы она отправилась с тобой вместе? Так можно было и не в качестве походно-полевой жены. Признайся, думал Люсечку с собой на границу взять и там где-нибудь сховать?

Марков кивнул.

— А знаешь, что знаменитое слово из трёх букв от этого глагола произошло? Это тот член, который ховают. А то, куда ховают, называется похва. Слышал такое?

Сергей покачал головой.

— А у нас у Одессе это каждый сопливый пацан знает.

Комиссар ГБ усмехнулся и с лингвистических высот вернулся на землю.

— На месте, уже не спеша, она тебя и обработала бы. Хотя нет. Ты ведь поехал бы со своей Ленкой? А она другую бабу к своему генералу хрен подпустит. Девка боевая, второй разряд по боксу.

— Откуда вы знаете?

— Органам известно всё.

— Выходит, не всё, — сказал Марков. — В Западный округ я отправляюсь один. Товарищ Сталин посоветовал девочку оставить тут. Пусть учится. И меня отвлекать от службы не будет.

— Даже так, лично товарищ Коба? Когда?

— Что когда?

— Когда вождь и учитель мирового пролетариата, наш дорогой товарищ Сталин порекомендовал не увозить студенточку из Москвы?

— Сегодня. Когда сообщал о новом назначении.

— До них эта информация не дошла, потому и начали ломать дрова, — задумчиво протянул Леонид Михайлович. Потом вскинул глаза и непонятно спросил: — А это не вариант Юры Хеттенеянина?

— Кого?

— Это я просто так, не бери в голову, — и растянул губы в невесёлой улыбке.

Выпили ещё по полстаканчика, похрустели всякими заедками. Каждый из собеседников думал о своём, поэтому самогон не пошёл, и атмосфера дружеской пьянки незаметно улетучилась.

— Ты знаешь, что Лаврентий подал заявление об отставке с поста наркома НКВД? — поинтересовался Заковский, тщательно пережёвывая кус сала, сопровождённый кислой капустой.

— Нет. А мне-то что?

— Шлимазл. Ты погляди: пару дней назад возник момент, когда наш кремлёвский грузин оказался практически без охраны. Но Берия устранить своего генацвале Кобу не может. Не потому, что генацвале, а потому, что любой, кто займёт освободившийся трон, — Молотов, Маленков, да хоть Тимошенко, первым делом прислонит к стенке цареубийцу. Вот если бы это сделал кто-то посторонний. Например, твой Лось при поддержке войск Московского округа. Задавить этих путчистов нарком внутренних дел сумел бы даже своими силами. Какой шикарный повод, чтобы ввести в столицу и в Кремль войска НКВД! А когда лично преданные части будут стоять в Москве, каждый из вождей второго сорта проголосует за единственного достойного преемника, близкого

друга товарища Сталина — дорогого товарища Лаврентия Павловича Берию.

И тут всё упёрлось в тебя. Генерал-полковник Марков не стал поднимать вверенные ему войска на бунт. Больше того, он заявил, что выполнит любой приказ товарища Генерального секретаря ЦК ВКП (б).

От отчаяния люди Лаврушки пытались убрать тебя. Кстати, уголовнички-то нападавшие оказались из хороших семей. Все восемь — сотрудники НКВД в чинах от сержанта до лейтенанта. Пётр выяснил, он парень хваткий. В конце концов, спровоцировали твоего Лося на покушение. Опять голый вассер, как выражались хулиганы в красавице Одессе.

Теперь тебя направляют в Западный военный округ. Там у Лаврентия очень серьёзные интересы, мы в прошлый раз об этом говорили. И снова у него на дороге оказываешься ты. Что для него хреново. Тут ещё батоно Сталин «почему-то» резко охладел к своему лепшему генацвале. Какая-то чёрная кошка пробежала, хвостиком махнула, старая дружба упала и разбилась на кусочки. Во всяком случае, наш пенснятый друг подал прошение об отставке, мол, хочет уйти на другое направление. Или Коба узнал про планы нашего наркома? Тогда почему Берия ещё не в подвале собственного здания?

— Чего-то мы не знаем, — проговорил Леонид Михайлович, механически крутя стакан. — Чего-то очень и очень важного мы с тобой не знаем. Потому никаких резких движений делать не надо. А надо очень старательно и подробно, во всех деталях, исполнять полученные распоряжения. Даже если не знаешь толком, кто их дал и для чего. Потому отправляйся в свой округ. Елену оставь здесь, как велено. Лейтенанта НКВД — сучку Сумову Людмилу Игоревну бери с собой. Сейчас вернёшься, посоветуй быстро уволиться со своего «воздушного извозчика» и, не беря лишнего багажа, то есть с одной дамской сумочкой, явиться на вокзал, к отбытию. Я думаю, все нужные документы у неё давно оформлены.

Уверен, и разрешение на проживание в приграничной зоне ей уже выписано. Работает её куратор топорно, так что с этим вопросом она к тебе не обратится. А если всё же, обещай похлопотать и уезжай один.

В Белостоке найди девушке службу. Такую, чтобы подальше от любой информации и, само собой, от тебя. И чтобы прорваться к телу товарища командира она ни при каких рамсах не могла. Понял?

Марков кивнул. Никогда в этой жизни не удаётся сделать то, чего хочешь больше всего. Се ля ви, как выражаются французы. Хрен с ним, пусть Люсечка поживёт ещё немного...

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

7.4.1941 г. ... Анализ группировки русских войск (если отказаться от убеждения, что русские хотят мира и сами не нападут) заставляет признать, что их группировка вполне позволяет быстро перейти в наступление, которое было бы для нас чрезвычайно нежелательным...

30.4.1941 г. ...15.00. Доклад у фюрера: 1) Сроки проведения подготовки операции «Барбаросса». 3-й эшелон войск — план железнодорожного движения мирного времени. 8.4—20.5 (17 дивизий и части РГК из Германии и с Запада).

Эшелон войск «4 а» — план ускоренного железнодорожного движения —23.5—2.6 (9 дивизий и части РГК с Запада).

Эшелон войск «46» — план ускоренного железнодорожного движения — 3.6—23.6 (12 танковых и 12 моторизованных дивизий из Германии, с Запада и Юго-Востока).

Ускорение переброски невозможно по техническим причинам и вследствие необходимости окончания доукомплектования.

Своевременно не смогут прибыть: две танковые дивизии (2-я и 5-я) и одна моторизованная дивизия (60-я). 2) Резервы ОКХ.

Включая пять дивизий с Запада и полицейскую дивизию, резервы ОКХ составляют 30 дивизий, из которых 11 в настоящее время ещё находятся на Балканах. 3) Сопоставление сил России и Германии. Анализ предстоящих пограничных сражений, в особенности в полосе группы армий «Юг». Воз-

можность использования венгерских войск. Возможность наступления на р. Прут в случае наличия достаточных сил:

Фюрер:

а) Переговоры с Венгрией, Финляндией и Румынией. На Западе, возможно, предстоят крупные события. Поэтому необходима защита на Востоке. Россия несколько раз недружелюбно поступала с нами, так что мы должны обеспечить себя от неожиданностей. Ориентировочно с 23.5.

б) Необходимость прикрытия Плоешти и Чернавода.

в) Введение в действие управления армии Шоберта за 6 недель до начала, т. е. не позже 15.5.

4) Части РГК. Необходимость использования всех наличных сил в операции «Барбаросса». Выделение 105-мм пушек и мортир для Ливии очень болезненно отразится на операции «Барбаросса». Пока следует отправить в Ливию лишь одну батарею 105-мм пушек, с остальными — подождать. Если Тобрук возьмём, то в них больше не будет необходимости.

Батареи железнодорожных орудий временно перебросить с Запада на Восток (из 16 батарей — семь)...

ГЛАВА 3

Когда Марков вернулся, Люсечка так и сидела на стуле в кухне, упершись неподвижным взглядом в дверцу холодильного шкафа. На лице застыли дорожки от слёз, алая губная помада размазалась, и казалось, будто рот девушки в незапёкшейся крови. На хлопок входной двери она не отреагировала, словно застыла в трансе.

Если бы не разговор с Заковским, Сергей безусловно поверил бы, что блондинка потрясена случившимся. Даже теперь шевельнулось сомнение: может, Леонид Михайлович ошибся, на девчонку — ей же года двадцать два, ну, двадцать три, не больше — возвели поклёп. И всё же Марков решил действовать, полностью соблюдая инструкции первого заместителя наркома НКВД.

— Я получил назначение: командовать Западным округом, — сообщил он. — Выезжаю в Белосток по-

слезавтра утром. Поезд в шесть одиннадцать с Белорусского вокзала. Это спецэшелон, вне расписания, потому опаздывать нельзя. Ты отправляешься со мной. Собери вещи, только не много. Подумай, где укрыться на пару дней, чтобы не нашли. Есть такое место?

— Есть, я поеду...

— Мне не говори, куда спрячешься. Отправь заявление об увольнении по собственному желанию...

— ...в связи с семейными обстоятельствами, — бесцветным голосом добавила Люсечка. — Меня отпустят. У нас так делают. Когда Машка Ивершинь за своего лётчика выскочила, а ему надо было отбыть с частью, тоже на Запад, между прочим, она вообще заявление уже из-под Бреста прислала. Правда, оно было заверено командиром части. Но ты же сможешь приказать, чтобы и на моё печать поставили, ведь правда?

С каждым словом Люсечка будто оттаивала. Лицо ожило, по нему тенями пробежали надежда, потом бурная радость. Последние слова она произнесла даже с ноткой кокетства. И вдруг словно споткнулась: «А эта твоя... студенточка. Что же, ты целый гарем с собой повезёшь? Тут же доложат кому следует».

— Елена остаётся в Москве, — сухо произнёс Марков.

— Правда? — расцвела блондинка. — Это ты так решил или её мама не пустила?

— Не важно, — отрезал командир. — Подумай о другом: для проживания в приграничной зоне нужно спецразрешение. Оформить его на тебя я уже не успею. Могут возникнуть неприятности.

— Не переживай, разрешение у меня есть, — успокоила девушка, думая о чём-то своём. Может, обдумывала, какие платья взять, а какие оставить.

Опять-таки, если бы Заковский не выделил этот вопрос особо, Сергей не обратил бы внимания на эту мелочь. Мало ли откуда, по какой счастливой случайности у Люсечки оказался в нужное время документ, который не так легко получить. Может, мама у неё

живёт в городишке на самой границе. Или ещё кто из близких родственников. Но комиссар госбезопасности, человек опытный во многих, в том числе и в таких крючкотворских делах, подчеркнул: эта бумага у блондинки будет обязательно, потому что лейтенант ГУГБ Сумова подослана к генерал-полковнику Маркову с неким заданием, и наличие пропуска — условие его успешного выполнения.

Сергей смотрел на оживлённое, почти счастливое лицо Люсечки, на сияющие синие глаза и с трудом подавлял желание вынуть из кобуры «ТТ» и пристрелить эту красавицу. После чего отправиться на Западный фронт: жить и исполнять свои обязанности.

На следующее утро бледный после бессонной ночи, но чисто выбритый генерал-полковник Марков готовил дела для передачи преемнику в должности командующего Московским военным округом генерал-лейтенанту Павлу Артемьевичу Артемьеву. О нём Сергей Петрович знал немного: человек НКВД, до назначения на округ командовал спецчастями наркомата. Надо думать, больше полицейский, чем солдат. Естественно, по принятой военной доктрине войска, расположенные вокруг столицы, не имеют никаких шансов когда-нибудь войти в боевое соприкосновение с противником. Тому положено ещё на границе быть разбитым и погнанным малой кровью по чужой территории. Слово «погнанным» Маркову не понравилось, но выразиться иначе он не умел.

Хлопнула тамбурная дверь. В кабинет ворвался растерянный секретарь.

— Товарищ командующий округом, к вам...

Небрежно отодвинув майора, вошли трое. Два плечистых парня в общевойсковой форме, со звёздами политруков на рукавах и тремя квадратами в петлицах. За ними проскользнул человек в мешковатом цивильном костюме.

— Идите, — вполголоса приказал штатский секретарю, — у нас с генерал-полковником приватный разговор.

Он не добавил к званию ни «гражданин» — это арест, ни «товарищ», как было бы положено, если это люди Артемьева. Вспомнились слова Заковского: брать посылают молоденьких лейтенантов, чтобы было унизительнее для заслуженных командиров. Ну, ладно, послушаем, что визитёры станут петь.

Парни стояли вальяжно, не по требованиям устава. Тот, который расположился слева, процедил сквозь зубы:

— Когда в последний раз вы видели Людмилу Игоревну Сумову. Где? При каких обстоятельствах? Известно ли вам её местонахождение сейчас?

Марков измерил сотрудника НКВД пристальным взглядом — от начищенных сапог до светло-русого «ёжика» над невысоким лбом.

— Во-первых, — тихо сказал командующий округом, — потрудитесь принять соответствующую позу, когда обращаетесь к старшему по званию. Во-вторых, представьтесь, как положено. Только после этого мы, возможно, будем разговаривать.

Краем глаза он заметил, как стоящий правее потянулся к кобуре. Сергей прикинул расстояние между ним и противником и перенёс вес тела на левую ногу: «Ох, и вмажу я ему сейчас», — подумал генерал-полковник. И в это время резко зазвонил телефон.

Марков сделал шаг к своему столу. Парни дёрнулись, намереваясь схватить хозяина кабинета, но человек в штатском чуть заметно качнул головой, и оперативники остановились. Командир взял трубку:

— Марков у аппарата.

— Здравствуйте, Сергей Петрович, — произнёс Поскрёбышев, — с вами будет говорить товарищ Сталин.

И тут же зазвучал глуховатый голос вождя:

— Товарищ Марков, сегодня в одиннадцать часов мы будем рассматривать план операции «Гроза». Това-

рищ Жуков очень загружен важными делами, он настоял, чтобы все собрались с утра пораньше. Вам надлежит прибыть незамедлительно.

— Боюсь, не смогу принять участие в совещании, — ответил Сергей.

— Что такое? — По интонации было понятно, что Хозяин не только поражён, но и взбешён. — У вас появились более важные дела?

— Передо мной стоят два сержанта ГУГБ и, судя по их манерам, собираются меня арестовать.

По почти невидимому жесту человека в штатском, плечистые схватили генерала за руки, попытались вырвать трубку. Марков молча сопротивлялся, удерживая чёрную «гантелю» около уха.

— Пригласите их старшего, — попросил Сталин.

Сергей расслабился. Человек в цивильном выхватил телефон.

— Кто у аппарата? — грубо спросил он. Выслушал ответ и издевательски засмеялся: — Тогда я — Даладье. Имей в виду, мы найдём тебя через коммутатор. От НКВД ещё никому не удавалось скрыться.

Очевидно, Иосиф Виссарионович прервал связь, потому что старший чуть ли не упёрся лбом в лоб Маркова и прошипел:

— С кем ты говорил?

Генерал-полковнику стало смешно. Улыбаясь, он в упор разглядывал противника. Мясистое лицо с крупными, грубыми, но правильными чертами. Въевшийся в кожу желтоватый загар. Чёрные глаза смотрят, не отворачиваясь, словно через прицел. Облик человека действия, смелого и уверенного в себе настолько, что ко всем остальным он просто не может относиться без толики презрения. «Боевик», — подумал Марков с некоторым даже уважением.

— Вам же сказали, — продолжая усмехаться, ответил Сергей Петрович. — Это был товарищ Сталин.

По дрогнувшим зрачкам «штатского» генерал понял, что тот сейчас ударит. И снова тишину взорвал теле-

фон. Теперь трубку схватил один из парней: «Говорите», — и тут же побледнел и, словно гранату с выдернутой чекой, передал её своему начальнику. Марков успел услышать визгливый голос с грузинским акцентом и пару отборных матерных слов. Цивильный быстро прижал микрофон к уху. Теперь удавалось расслышать только то, что говорил «Боевик». Впрочем, он был предельно лаконичен: «Выполняем. Нет. Да. Не мог. Есть» — и швырнул трубку на рычаги.

— Приказано принести вам извинения, товарищ генерал-полковник, — сообщил он, уставившись собеседнику в глаза. Видно было, что оперативный сотрудник с трудом сдерживает ярость. — Произошло недоразумение. — Он жестом отправил подчинённых к двери, пошёл к выходу сам. Не дойдя до тамбура какого-либо шага, обернулся: — Что-то мне подсказывает, что мы с вами ещё встретимся.

— Вас ждут, — сказал с лёгким укором Поскрёбышев и сделал приглашающий жест рукой. В кабинете Сталина уже сидели Тимошенко, Мерецков и Жуков.

— Здравия желаю, — сказал Марков всем одновременно. Георгий Константинович махнул рукой над столом, опустил и снова задрал голову, выставив вперёд подбородок. Остальные ограничились кивками. Вновь прибывший прошёл к столу, занял место слева от вождя, рядом с Тимошенко. Тот подвинул к Сергею Петровичу раскрытую папку. Генерал-полковник прочёл в верхней части листа:

29 марта 1941 года № 103202/06

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОСОБО ВАЖНО

«Народный Комиссар Обороны СССР

ТОЛЬКО ЛИЧНО

ЦК ВКП (б) тов. СТАЛИНУ тов. МОЛОТОВУ

Докладываю на ваше рассмотрение план действий Вооружённых Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1941 год...

Взгляд Маркова быстро заскользил по строчкам документа: «... На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия...» Прочитав это, Сергей Петрович от неожиданности хмыкнул, брови удивлённо поднялись. Сталин, заметив реакцию вновь назначенного командующего фронтом, чуть заметно усмехнулся в усы: «Не обращайте внимания, товарищ Марков. Это творчество товарища Жукова, а товарищ Жуков писать не мастак. На поле боя у него получается лучше».

То ли от проскользнувшего чуть заметного акцента, то ли по каким другим причинам, неожиданное в устах Верховного слово «мастак» прозвучало удивительно смачно. Георгий Константинович поиграл желваками и ещё выше задрал подбородок. Но промолчал.

«... Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развёрнуты на Львовском и Белостокском выступах, а также нацелены на район Плоешти, Румыния.

При развёртывании Вооружённых Сил СССР по этому основному варианту предлагается следующая группировка.

Непосредственно на Западе развернуть три фронта — Западный, Юго-Западный и Южный.

Западный фронт — основная задача... Взгляд выделил: на Белостокском выступе 10-я армия.

Юго-Западный фронт — основные задачи...»

Замысел операции был очевиден. Жуков использовал схему, придуманную ещё Ганнибалом в битве при Каннах: одновременный удар с двух направлений по сходящейся, с тем, чтобы в глубоких тылах изготовившихся к нападению немецких войск соединиться, перерезать коммуникации и уничтожить лишённые боеприпасов и продовольствия армии противника.

Главную роль Жуков отвёл Львовской группировке. Логично, от Львова до Берлина — прямой стратегический коридор. Войска сразу выходят в Силезию. А там поворачивай хоть на столицу, хоть на Дрезден. Пусть

генералы вермахта ломают головы, пытаясь угадать, какую цель выберет атакующий.

Но полностью красоту идеи Георгия Константиновича Марков оценил, когда прочитал следующие абзацы. Южный фронт развёрнут в сторону Румынии, нацелен на Плоешти. Если удастся захватить или хотя бы разрушить нефтеносные поля, немцы останутся без горючего вообще. Бери их голыми руками. Командует фронтом генерал армии Тюленев. Сергей Петрович усмехнулся про себя: тесен мир. Разошлись в Москве. Теперь сойдемся бок о бок на Западе.

Не вникая, командующий округом просмотрел список подразделений, собранных в районе Белостока, Львова, на территории Киевского особого военного округа. Просто, чтобы представить количество живой силы и техники, сконцентрированной на пятачках плацдармов. Мощь группировок впечатляла.

Беда только в том, что немцы тоже нависли над нашей территорией Люблинским и Сувалкским выступами. И, безусловно, они подготовили аналогичный план. Может, прямо сейчас Гудериан докладывает Гальдеру о степени готовности танковых дивизий к маршу по советским тылам.

Уже автоматически пробежал глазами подписи:

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР
Маршал Советского Союза
(С. ТИМОШЕНКО)
НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
генерал армии
(Г. К. Жуков)
13 марта 1941 г.
НАПИСАНО В ОДНОМ ЭКЗЕМПЛЯРЕ

— Ну, товарищ Марков, какие у вас соображения? — нетерпеливо спросил Сталин.

Сергей Петрович не спешил с ответом. Он пытался поставить себя на место Гальдера. Перед ним из-

готовившиеся для удара мощные группировки противника. Бросить войска на не ожидающие атаки соединения на Белостокском и Львовском выступах, постараться смять и уничтожить их во встречном сражении или оставить их на уничтожение авиацией и артиллерией. Благо они, скорее всего, чуть ли не буквально толкают друг друга локтями. Работа бомбардировщиков и артиллерии будет очень эффективной. Для сосредоточенных к нападению частей такой удар грозит полным разгромом.

— Товарищ Сталин, — твёрдо сказал Марков. — Вы поставили передо мной задачу определить, какие действия может предпринять противник для предотвращения нашего наступления. На месте руководителей Оберкомандовермахт я нанёс бы мощные бомбовые и артиллерийские удары по войскам, собранным на Львовском и Белостокском выступах. С учётом высокой степени концентрации живой силы и техники, а также близости мест их базирования к границе, эффект таких налётов будет ужасающим. Во всяком случае, к активным боевым действиям эти части смогут приступить не скоро. Танковые соединения генерала Гудериана в это время встречным движением с севера и с юга, — Сергей Петрович показал указкой, куда, по его мнению, могут быть нацелены острия клиньев, — замыкают кольцо окружения. Уничтожение крупных наших сил, попавших в котёл, — вопрос времени, причём очень непродолжительного.

— А если мы в ответ двинем войска вперёд, к Варшаве и дальше — на Берлин? — спросил Сталин.

— Без надёжной связи с тылами мы быстро утратим наступательный порыв и завязнем. Как Тухачевский... — Сергей осёкся и посмотрел на Вождя. Тот промолчал, только дрогнули седеющие кончики усов. — Разгромив Белостокскую группировку, танковые соединения немцев врываются на слабо защищённую территорию СССР. Командиры вермахта понимают,

что остановить их мы сумеем только на линии укреплений старой государственной границы, и будут лезть из кожи, чтобы прорвать ее до того, как подойдут войска второго эшелона. И выйти уже на оперативный простор в наших дальних тылах.

Вождь долго изучал карту, стараясь увидеть всё, что описал новый командующий Особым Западным фронтом. Потом он перевёл вопросительный взгляд на Жукова. Георгий Константинович встал:

— То, что наговорил сейчас Марков, — начал он хриплым голосом, — это план «Грозы», только вывернутый наизнанку.

— Вы совершенно правы, — спокойно отозвался Сергей. — Оберкомандовермахт и ОКХ получили почти такие же вводные. Разработчики — люди грамотные. У нас нет оснований считать их глупее себя.

Жуков надавил кулаком на карту, как раз на то место, где был изображён Белостокский выступ.

— Мы должны бить первыми...

— Товарищ Жуков, — спросил Марков, — в чьей зоне ответственности «Линия Сталина»?

Георгий Константинович изумлённо посмотрел на генерал-полковника.

— Ты что, драпать собрался на триста километров в тыл? Твоя задача, Сергей Петрович, подготовиться к отражению маловероятной попытки условного противника нанести удар по войскам, которые готовятся воевать малой кровью на чужой территории.

Краем глаза командующий Западным фронтом видел раздражённую гримасу на лице Сталина. Ему тоже не понравился и показался странным вопрос собственного выдвиженца.

— Товарищ Марков, — тихо проговорил Сталин. — Нам понадобился ваш талант стратега и военачальника для того, чтобы, во-первых, вы лично проконтролировали степень готовности наших частей к активным действиям. Во-вторых, как только можно ускорили про-

цесс подготовки наших частей к активным действиям. В-третьих, но это самое главное, — Вождь поднял кривоватый указательный палец, и взгляды всех присутствующих вперились в перст, — вы должны найти средства надёжно прикрыть наши части от неожиданного удара противника. Мы постараемся обеспечить войска округа новейшим оружием, какого точно нет у врагов.

Сергей Петрович встал.

— Товарищ Сталин, какие силы я могу использовать для выполнения задания?

Продолжающий стоять Жуков сделал гневный жест, означающий, должно быть, — ни одного солдата. Хозяин не обратил внимания.

— Любые части, какие сочтёте необходимыми, — разрешил он. Перевёл жёлтые глаза на багровое лицо начальника Генерального штаба, усмехнулся и добавил: — Только при непременном условии консультации с руководителями Советского Правительства. И так, чтобы не разрушить замысел товарищей Жукова, Шапошникова и Мерецкова. И ещё. Без абсолютно крайней необходимости 10-ю армию не трогайте. — Сергей заметил, как Жуков облегчённо вздохнул. — Мы вам очень доверяем, товарищ Марков. Поэтому даём разрешение на любые кадровые перестановки в пределах округа без специальных согласований с кем бы то ни было.

— Вплоть до расстрела на месте, — мрачно пояснил Жуков и сел.

Иосиф Виссарионович разломил пару папирос «Герцеговина Флор», аккуратно, над стеклянной пепельницей, набил табаком трубку, вздохнул, положил трубку и закончил:

— А на укрепрайоны «Линии Сталина» надеяться не надо. Нет такой линии.

Паровоз с огромной красной звездой во лбу, отдуваясь, выплюнул под высокий перрон струи пара, подал назад, дёрнул. Загрохотали стальным буфером о буфер соседа немногочисленные вагоны спецсостава,

и привокзальные строения медленно поплыли назад. Марков стоял у окна в коридоре. Люсечка выгнала его из купе, чтобы переодеться в дорогу. Генерал курил и глазел на убегающий назад, к вокзалу, индустриальный пейзаж. Мощные лампы вырывали из утреннего полусумрака накрытые брезентом платформы на соседних путях и забитые товарными вагонами боковые ветки станции, закопчённые одноэтажные строения — не то депо, не то мастерские — железнодорожная «кухня» оставалась для Сергея делом неизвестным и непонятным. Потом он перевёл взгляд на смерзшиеся, покрытые копотью и пылью сугробы. Они были схвачены коркой наста. Кое-где виднелись чёрные проталины. «Весна, — подумал генерал. — Скоро начнёт таять. А к концу мая всё подсохнет, откроется оперативный простор для танков. Самое время начинать войну. Сколько у меня времени, чтобы подготовить войска? Два месяца? Три? Или Гитлер решит дождаться урожая и ударит только в конце июля? В конце концов, для блицкрига августа, сентября и половины октября, если погода постоит, вполне достаточно. Даже за неполные три месяца можно успеть немало. Плохо то, что цену отсрочки нападения понимают и Гальдер с Манштейном, и особенно Гудериан. Задержать немцев могут югославы. Если они объединятся, смогут связать такое количество войск, что «Операция 25» затянется. Пока не закончат на Балканах, у вермахта не хватит сил для достаточно мощного удара по СССР. Эх, знать бы, сколько времени мне отпущено...»

Люсечка тоже обдумывала план войны, только это сражение было сугубо личным. Она стояла перед зеркалом на обратной стороне двери купе. Всё-таки хорошо, что для командного состава предоставляют не такие вагоны, как для простых смертных. Пространства больше, а спальных мест только два, слева от входа широкие полки одна над другой. Напротив крохотная,

но отдельная умывальная, с душем и прочими необходимыми удобствами. Для операции, которую разрабатывала в уме девушка, эти мелочи играли очень и очень немаловажную роль.

Блондинка придирчиво разглядывала своё отражение. В тёмно-красном французском пеньюаре она неотразима. Грудь неплоха, выглядит вполне сексуально. Вот она прячется в складках. А при рассчитанном движении сосок натягивает полупрозрачную ткань, и грудь является взору, словно обнажённая, как выразился последний любовник (на сегодня — последний — суеверно добавила девушка, тьфу-тьфу-тьфу. Он так смешно восторгался Люсечкиным телом. Слова какие подобрал, как будто Пушкина начитался). Он и подарил этот роскошный наряд. Знает, чем порадовать женщину.

Бёдра, пожалуй, худоватенькие. Но они призывно светятся сквозь подол и готовы при даже маленьком шажке блеснуть в высоком разрезе. Как ещё он сказал? «Любой мужчина, увидь он красавицу в этом соблазнительном наряде, который сообщает гораздо больше, чем утаивает, потерял бы голову и отдал полжизни за возможность проникнуть под покровы в поиске общеизвестной, но всегда волнующей тайны». Прямо поэт.

Беда в том, что этому зануде Маркову в таком пеньюаре показываться нельзя. Володечка, тот сразу сгрёб бы в объятия и потащил в койку. Он вообще был парень простой и понятный. Единственно, пресноват: всегда всё одинаково. Любая попытка разнообразить процесс перепиха — так, для острячка, — вызывала возмущение и кучу подозрений. Что поделаешь, глухая станица, там о каких-либо изысках не слыхивали. Зато в кровати был неутомим. К его здоровью, да ещё бы технику последнего. На сегодняшний день. Вот кто — умелец. Со всем своим опытом блондиночка и не подозревала, что так бывает, что такое возможно.

А Марков, конечно, сразу спросит, откуда такая роскошная тряпка в стиле шик-модерн. Да ещё и задума-

ется, мол, для скорбящей по его лучшему другу почти жены, девушка слишком уж откровенно тащит в постель.

Марков с самого начала не понравился очаровательной официанточке. Не любила она таких — сухих и закрытых. А ведь первоначально заданием Люсечки был именно он, Марков. Скольких трудов стоило объяснить куратору, что насильно мужика не это самое, а из-под мышки лучшего друга можно увидеть почти столько же, сколько из-под самого фигуранта.

Вздохнув, Люсечка стащила прозрачно-красное чудо и упаковала на самое дно чемодана. С Сергеем Петровичем следовало действовать по другой разработке. Девушка вынула скромный халатик, накинула на почти голое тело, туго затянула поясок и снова глянула в зеркало. Короткий подол открывал стройные ножки. Если удачно наклониться, так получится не хуже, чем в пеньюаре. И сверху одёжка может распахнуться в самый неподходящий, но чётко высчитанный заранее момент. Вот и получатся скромность и невинность, которые дразнят и заводят мужика больше, чем самое откровенное... сами знаете что.

Блондинка толкнула дверь купе и тихо позвала:

— Серёжа. Хватит курить. Наверное, ты совсем закоченел. Иди, пора ужинать.

На маленьком железнодорожном столике уже стояли тарелки с нарезанным пеклеванным хлебом, домашними, призывно попахивающими чесночком котлетами — и где только Люсечка их взяла поздней ночью, к шести утра ведь уже прибежала к поезду, — гранёный стакан, обмотанный поверху тряпкой, чтобы не выдыхалась домашняя, злющая, как вертухай, горчица. На крахмальных салфетках поблёскивали вилки и столовые ножи. Из общего ансамбля выпадало старенькое, но сияющее белизной полотенце, на котором вальяжно развалился солидный шмат сала. Центром композиции служили две бутылки. Пятизвёздный ко-

ньяк, правда, не армянский, а грузинский, и водка с залитой сургучом головкой.

— Извини, что скромно, — прощебетала Люсечка. — Что успела приготовить. Времени на сборы было мало.

Марков с наигранным восторгом развёл руками.

— Краше даже ж и не мог пожелать я, — сказал он и вдруг почувствовал волчий голод. От момента трапезы с Заковским прошло от силы часов шесть. Но за ночь он так и не прилёг, теперь организм требовал возместить недосып перекормом.

Пока Марков усаживался за стол поближе к окну, девушка выставила пару стограммовых стаканчиков.

— Не возражаешь, если я тоже выпью? Так нанервничалась за последние дни, не могу задремать. В сон клонит так, кажется, на ходу сморит и свалишься. А лягу — и словно отрезало. Мысли всякие в голову лезут. Воспоминания.

Рассказывая, она откупорила коньяк, ловко разлила по стаканчикам и подняла свою посудину на уровень глаз.

— Выпьем за то, чтобы мы держались друг за друга крепко-крепко.

Сергей кивнул и одним махом опрокинул стаканчик в рот. Маслянистая жидкость обожгла язык и горло, скользнула по загоревшемуся пищеводу, затлела в желудке. Почему-то он сразу стал пьянеть. «Если напьюсь, уже не смогу себя контролировать и удавлю эту сучку прямо здесь, в купе, — подумал он. — И хрен с ним со всем». Он наколол на вилку котлету, вгрызся в мягкое, сочное и душистое мясо и аж зажмурился от удовольствия.

— Вкусно? — с затаённой гордостью спросила Люсечка.

— Не то слово, как, — промычал Марков. Удивительно устроен человек. Девицу Сергей ненавидел всей душой. И в то же время испытывал к ней благо-

дарность: ночь не спала, молола мясо, жарила эти котлеты, специально предназначенные для качающихся, больных зубов.

Только сейчас он обратил внимание на то, что Люсечка сидит рядом, но как бы поодаль, стараясь сохранить дистанцию, приличную для молодой девушки, оказавшейся наедине с мужчиной в тесном пространстве. Как бы автоматическим движением она одёрнула коротенький халатик, и Сергей вдруг обратил внимание, что ткань оголяет стройные бёдра, прикрывая только то, что ножками уже не является. Командир отвернулся, почувствовав, как стучит в висках ставшая вдруг густой кровь. Он мечтал прибить эту гэбэшную шлюшку. И, с презрением к самому себе, чувствовал непреодолимое возбуждение.

«Что я как пацан, который первый раз заглянул под юбку», — подумал Марков и понял, что врёт самому себе, пытается усмирить взбесившееся, не желающее принимать никаких тормозов нутро.

Чтобы блондинка не увидела его лица и ни о чём не догадалась, Сергей насадил на вилку ещё одну котлету, щедро окунул её в горчицу, откусил сразу половину и застыл с открытым ртом и выпученными глазами. Описать самочувствие человека, который неожиданно или по забывчивости набил полную пасть домашней русской горчицей, сумел бы, возможно, Данте. Если бы смекнул, в какой из кругов описанного им заведения поместить такую пытку.

Люсечка, глянув на генерала, судорожно втягивающего воздух широко распахнутым едалом и машущего перед покрасневшим лицом вилкой с нанизанным огрызком котлеты, расхохоталась. Девушка откинулась на спину и задрыгала ногами. Задыхающийся Марков увидел задравшийся до пояса халатик и то, что было под ним, и вообще остолбенел. Блондинка, не переставая прыскать от сдерживаемого смеха, схватила стаканчик, плеснула в него первое, что попа-

лось под руку, и подала мужчине. Тот глотнул, смывая горчицу, и снова распахнул рот — впопыхах попутчица налила водку. И без того обожжённые вкусовые пупырышки отреагировали на алкоголь острым возмущением.

— Ты моей смерти хочешь, — просипел Сергей.

— И вовсе нет, — возразила Люсечка и стала одёргивать подол, смущённо потупив глаза и даже как будто покраснев.

«Если я сейчас просто протяну руку, — подумал Марков, — она раздвинет ножки, даже не снимая халат. А что сказал бы Лось?»

Что сказал бы Володька, если бы увидел, как лучший друг дерёт его любимую женщину? Или подлую и расчётливую предательницу, которая подталкивала к гибели? Может, он воспринял бы это как возмездие...

Марков неожиданно почувствовал, что он сильно опьянел. С чего бы, с пары сотен граммов, пусть даже смеси водки и коньяка? «Может, она меня отравила, — неуклюже заворочалась в башке дурная мысль. — Нет, вряд ли, я же её защита и опора. Погоди, она же лейтенант госбезопасности, значит, она в безопасности и сама представляет опасность, значит, защищать нужно от неё. А кого защищать?» Генерал понял, что безнадёжно запутался в собственных рассуждениях, привалился боком в угол у вагонного окна и провалился в мертвецкий сон, так и не выпустив из руки черенок вилки с насаженной на неё половинкой котлеты.

Люсечка с удивлением смотрела на здоровенного, ещё молодого мужика, который отрубился от смешной дозы выпивки. А ещё герой Гражданской, красный конник. Про способность кавалеристов-будённовцев поглощать спиртное ходили легенды. И на тебе. Ей было невдомёк, что дело отнюдь не в алкоголе. Нервная система Маркова, подвергшаяся в последние дни чудовищным потрясениям и перегрузкам, при первой

возможности отказалась работать. Так отключается после короткого замыкания электричество. Ёрш из коньяка и водки и мерное постукивание колёс по стыкам рельсов послужили спусковым механизмом спасительного забвения.

— Ну и ладно, — досадливо произнесла Люська. — Спи спокойно, дорогой товарищ. Мне же легче будет.

Маркову приснилась Ленка. Она танцевала перед генералом. Из одежды на девчонке были только узенькие голубые трусики, а движения она выделывала такие... Бедный мужчина почувствовал, что лопнет от разрывающего изнутри желания. И тут же они оказались в постели, и Сергей медленно и нежно овладевал Радостью. Обычно в дрёме что-то мешает наслаждению. Видение, не подтверждённое телесными ощущениями, подстраивается под реальность, и в грёзах появляются досадные помехи, которые не позволяют достичь настоящего пика любовной судороги. Но на сей раз мечтания были такими яркими, словно всё происходило на самом деле. От острого наслаждения Сергей замычал сквозь зубы и проснулся. Удивительно, но удовольствие, чисто физиологическое, с пробуждением не прервалось. Марков открыл глаза. В полутьме — купе освещал только один ночник — он увидел собственное полураздетое тело и светлый ком волос где-то в районе живота.

— Проснулся, — хриплым голосом не то спросила, не то констатировала Люсечка. — Отлично.

Она ловким движением оседлала Сергея и поскакала, словно гоголевская панночка на Хоме Бруте.

Генерал лежал почти неподвижно, позволяя блондинке делать с собой всё, чего она хотела. В самом деле, не звать же на помощь. Хохотать над ним станут сразу две армии — своя и германская. А стащить с себя проклятую девку не было сил. Вышедшее из повиновения тело противилось всему, что могло нарушить непереносимые, сводящие с ума своей сладостью ощущения.

Ничего подобного Марков не испытал ни разу за всю предыдущую жизнь. Он как будто воспарял своей несокрушимой твёрдостью во влажные и горячие облака, готовые пролиться дождём; то терял ощущение собственного тела, растворялся в происходящем, как кусок сахара в чае. Люсечка словно чувствовала то же, что и её жертва. Она сбавляла ритм, когда «рысак» был готов завершить дерби, и вновь пускала его в галоп аллюром три креста, как только чуть отступала волна предчувствия самого острого мига.

Сколько времени длилось это колдовство, он не смог бы ответить. Возможно, девка уже доскакала на командире фронта до самого переднего края разворачивания войск. Или это мгновение остановилось, потому что было прекрасно.

Потом Марков, мокрый, словно только из бани, обессиленно лежал на спине и тупо смотрел в вагонный потолок. На его груди прикорнула хрупкая блондиночка. Копна густых волос закрыла лицо, и увидеть, довольна ли девушка или безмерно устала, было невозможно.

Убаюканный мерным перестуком колёс и покачиванием вагона, Сергей Петрович незаметно для себя соскользнул в тёмную, без сновидений, дрёму.

Когда он снова открыл глаза, Люсечка сидела на краешке полки. Тонкие пальчики поглаживали самую чувствительную сейчас часть тела мужчины. И небезрезультатно. Орган, который совсем недавно свалился и скукожился, как шахтёр после смены в забое, прямо на глазах оживал, креп и снова рвался в схватку.

«А ведь она меня поимела», — понял вдруг Марков. Им овладело бешенство. Сам не понимая, что делает, он обхватил хрупкое тело и уложил на полку, наваливаясь сверху.

— Ты чего, — прошептала девица, блаженно улыбаясь. — Не торопись, ещё не утро.

Марков зажал девушке рот ладонью и вошёл в неё — грубо и сильно, каждым движением стараясь убить, уничтожить, разорвать.

Блондинка несколько секунд лежала неподвижно, потом попыталась ответить напору мужчины, но он прижимал чекистку всем своим весом и двигался без остановки, без пауз, в ритме, с каким лупят поверженного смертного врага. Девица почувствовала, как нарастает удовольствие, переходит в невыносимое, запредельное наслаждение. Оказывается, когда подруги по школе НКВД говорили, что высший кайф получаешь от изнасилования, они были правы. Это была её последняя мысль. Дальше она только рычала и извивалась под беспощадным напором Маркова, забыв обо всех заданиях, забыв себя, превратившись в воющее и хрипящее от возбуждения и пароксизма чувственности животное.

Так у неё не было никогда и ни с кем: ни с учителем физкультуры в школе, который первым открыл семикласснице Сумовой радости любви, ни с инструктором по стрельбе спецкурсов подготовки сержантского состава НКВД, ни с одним из начальников и коллег. С ними приходилось спать и делать вид, будто ты в восторге от их ухватистости и бравости. Иначе любой мог поломать надежды на продвижение по службе. Ещё меньше радости доставили «подопечные». В большинстве, да что там, в большинстве, все, кроме Лося, они были изувеченными морально и физически. Кто на допросах или в лагерях, другие постоянным ужасом в ожидании ареста. Конечно, был ещё галантный, опытный и властный последний (тьфу, тьфу, на сегодня). На него Сумова возлагала большие надежды. Во всех смыслах. Но об этом можно было только мечтать, да и то лишь в редкие минуты, когда она оставалась совсем одна и могла расслабиться, чтобы не выдать себя ни непроизвольным возгласом, ни даже скользнувшей не вовремя улыбкой.

Эти мысли пришли позже, когда чекистка проснулась. После безумной судороги и она, и Марков провалились в чёрный душный сон без видений. Блондинка вернулась в реальность первой, несколько секунд пыталась сообразить, где она, и вспомнить всё. Её спутник лежал уткнувшись лицом в стенку купе. Девушка вспомнила прошлую ночь — минута за минутой, проанализировала каждый свой жест и каждое слово. Вроде бы всё было сделано правильно. Беспокоило только одно: не вырвалось бы лишнего слова или, не дай бог, какого-то из запретных имён во время последней «схватки», когда она полностью утратила контроль над собой. И сейчас в низу живота потянуло и защекотало, стоило только представить свет ночника и безумное лицо и тело комфронтом. Сергея, Серёжечки.

Марков тоже проснулся и тоже лежал некоторое время, уставившись в узор обивки вагонной полки. Он тоже вспомнил прошедшую ночь и заскрежетал зубами от стыда и омерзения. Никогда в жизни он так не презирал самого себя.

— Ты проснулся, Серёжечка? — раздалось из-за спины. Мужчина повернулся, натягивая на голый торс простыню. Блондиночка, встрёпанная, с густыми тенями под сияющими синевой глазами, сидела потурецки в ногах полки. Она была совершенно обнажённой, и это девушку вовсе не заботило.

— Вот ты какой, Серёжечка, — задумчиво выговорила Люсечка. — Я думала... а ты вот какой.

Марков закрыл глаза и совершенно серьёзно подумал: «Не застрелиться ли?»

ГЛАВА 4

Нарком внутренних дел, заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, Генеральный Комиссар Государственной Безопасности, что, между прочим, соответствовало маршальскому званию, то-

варищ Берия бросил ручку в серебряный с чернью стакан, стоящий на письменном столе, и захлопнул общую тетрадь. Аккуратно снял пенсне, вынул из кармана кителя белоснежный платок, протёр овальные стёкла, помассировал пальцами переносицу. Все эти действия давно стали для него ритуалом. Дело в том, что ведение дневника в представлении Лаврентия Павловича было занятием для девочки-старшеклассницы, но никак не для серьёзного мужчины. Но делать это было необходимо, и нарком, преодолевая отвращение, скрёб пёрышком по бумаге. И каждый раз после этого ему приходилось настраивать себя на работу.

Лаврентий Павлович прихватил тетрадку, отдёрнул шёлковую занавеску у окна. Стал виден толстостенный сейф. Его громада уродовала изысканный интерьер кабинета, стоивший хозяину немалых трудов и многочисленных консультаций с Мамиашвили. Узорчатая ткань маскировала грубое железо. Иногда наркому виделся в этом даже некий символ, но додумать до конца его значение всегда не хватало времени.

Берия отпер его, аккуратно уложил «дружочка» на нижнюю полку. Если понадобится, его здесь найдут. И Коба прочитает грубоватые признания друга Лаврентия в уважении и преданности, датированные ещё двадцатыми, потом тридцатыми годами, а теперь уже и началом пятого десятилетия великого века. Конечно, в случае чего эта лирика не спасет. Однако в ряду других документов может сыграть и она. Выстраивать линию защиты нужно, пока ты ещё на свободе и при власти. Когда тебя, как Ежова, поведут на верхние этажи — во внутреннюю тюрьму НКВД, что-то предпринимать будет поздно.

Мамиашвили доложила по телефону, что ждёт Мамсуров.

— Пусть заходит, — буркнул Берия, запирая сейф и задёргивая занавеску.

Хаджи-Умар вошёл уверенно, как к себе, окинул взглядом ряд полукресел, стоявших «во фрунт» перед столом для приглашённых на совещания, выдернул одно, которое понравилось почему-то больше других, легко перебросил его к столу народного комиссара и присел, словно гепард, на краешек сиденья. Он умудрялся даже в мешковатом костюме выглядеть стройным и элегантным. Видно было, что свободная одежда нужна, чтобы не стеснять движения тренированного тела.

Лаврентий Павлович безгранично доверял только двоим: красавице Мамиашвили и «майору Ксанти» — диверсанту и террористу Хаджи-Умару Мамсурову. И рядом с каждым из них заместитель председателя Совнаркома чувствовал некоторый психологический дискомфорт. Любому, кто сказал бы, что Берия побаивается этих людей или ощущает в их присутствии собственную неполноценность, нарком НКВД тут же приказал бы оторвать всё, что хоть на сантиметр выдаётся из организма. В буквальном смысле. Всякие Кобуловы, Меркуловы воспринимались, да и были стадом, годным только на то, чтобы исполнять распоряжения великого и мудрого пастуха — Лаврентия. О них вообще речи нет. Даже при Кобе, которого Берия боялся панически, такого мерзкого чувства он не испытывал. Может быть, потому зампредсовнаркома старался взять в общении несколько покровительственный тон.

— Ну и как тебе Марков? — усмехаясь, поинтересовался Берия.

— Крепкий мужик, — очень серьёзно ответил Мамсуров. — И очень нас не любит.

— Нас — в каком смысле? Нас, — пухлая рука описала вертикальную окружность. — Или нас? — Указательный палец уперся в грудь диверсанта, потом нацелился на самого наркома.

— Нас с вами, — спокойно уточнил Хаджи-Умар. — И службу, и персонально.

— Думаешь, это антагонистическое противоречие? Договориться не сможем?

— Это вряд ли.

— Почему? Он не понимает, что мы можем и украсить жизнь, и сильно её усложнить? Как это у вас говорят: «за бонте хорз»?

— У нас чаще говорят: «Никаких «за бонте хорз», — чуть заметно улыбнулся Мамсуров.

— Это большая разница?

— Как между «да» и «нет». Лаврентий Павлович, а для чего вообще нужно было устраивать всю эту комедию с поисками какой-то девицы?

Берия улыбнулся во весь рот, глаза маслянисто заблестели:

— Эта, как ты выразился, девица — наши глаза и уши рядом с командующим Западным фронтом. Думаю, даже не только. Может, она станет шеей и будет поворачивать голову «крепкого мужика» в ту сторону, куда нужно нам. Для этого у лейтенанта Сумовой есть всё, что нужно, уж поверь мне.

— Это вряд ли, — повторил Мамсуров. — У Маркова не тот склад психики. Он не бонвиван, он аскет и солдат. Это вам не Павлов.

— Кстати, за что ты так не любишь Дмитрия Григорьевича? Вроде бы вместе воевали в Испании?

Хаджи-Умар кивнул:

— Воевали. Я под пулями, он в кабаках и бардаках.

— А мне докладывали, — посмотрел в глаза диверсанту Берия, — Павлов очень неплохо распоряжался танковыми соединениями.

— Ага, — кивнул диверсант. — Настолько неплохо, что регулярно спьяну лупил по своим изо всех стволов. Под Лас-Роса он и меня чуть было не отправил к праотцам. Перепутал ориентиры. А моих парней тогда накрошил...

Лаврентий Павлович сверкнул белозубой улыбкой:

— Нас, кавказцев, не так просто убить, — важно произнёс он. — Тем более таких, как «майор Ксанти». Ты знаешь, что приобрёл мировую известность?

— С моей профессией известность — это смертный приговор, — сверкнул глазами Мамсуров. — И кто меня слил?

Нарком внутренних дел заразительно рассмеялся. Он даже снял пенсне, помассировал переносицу и вытер глаза белоснежным платком.

— Помнишь, в Мадриде Кольцов познакомил с американским журналистом?

— Эрнесто? Тем болтливым алкоголиком?

Берия кивнул.

— Я ему ничего не рассказывал, — насторожился Хаджи-Умар.

— Успокойся, никто тебя ни в чем не обвиняет. Твой романтический облик настолько поразил Хемингуэя, что он сделал тебя героем своей книги. Называется «По ком звонит колокол». К счастью, Хем — патриот, потому диверсанта в романе зовут Роберт Джордан и он американец. Мои люди сообщают, что сюжетом заинтересовался Голливуд. Гордись, Хаджи-Умар, тебя, может быть, сам Гарри Купер играть будет. Жаль только, похвастаться этим ты не сможешь никогда.

— Да чихал я на этого их Гарри Купера вместе с пьяницей Эрнесто... как вы сказали, его фамилия?

— Хемингуэй. И не надо на него чихать, дорогой. Это большой писатель. Нас с тобой забудут, а его книги будут читать десятилетиями.

— Я таких благостных рассуждений за жизнь столько слышал... Хемингуэй. Тоже мне, Лев Толстой.

Лаврентий Павлович с добродушной улыбкой покачал головой. Так взрослый снисходительно реагирует на высказывание не вступившего в сознательный возраст малыша. Потом посерьёзнел:

— Ты, надеюсь, понимаешь, что Маркова придётся опекать прилежно, следить, чтобы даже волос не упал

с его головы, чтобы с ним не случилось никаких случайностей. И делать это придётся тебе. Никому другому доверить это я не могу. Не справятся.

— А как мои курсы? — обеспокоился Мамсуров.

— Хрен с ними, с курсами.

— Может, вы сообщите, что послали меня в командировку?

— Не надо, чтобы кто-нибудь знал о нашей связи, — тихо и страстно заговорил Берия. — Официально ты не имеешь никакого отношения ни к НКВД, ни к НКГБ. Мои просьбы выполняешь, как сказал поэт, не по службе, а по душе. Тебе же не обязательно постоянно жить в Белостоке. Там и без тебя с него глаз не спустят. Убедишься, что с генералом всё в порядке, и в Москву. В приграничье ты будешь появляться, как бог из машины — неожиданно и только тогда, когда должно что-то произойти. Потому что работы и здесь выше крыши. Придётся поездить туда, сюда, обратно. Но оно того стоит.

— Ладно, — махнул рукой Мамсуров, пружинисто встал и направился к выходу. Когда он взялся за ручку двери, Лаврентий Павлович произнёс:

— Постой.

Хаджи-Умар обернулся.

— В Америке после того, как про тебя написал Хемингуэй, ты стал бы миллионером.

Диверсант пожал плечами и толкнул тяжёлое полотнище из морёного бука.

Иосиф Виссарионович, когда рекомендовал Маркову оставить Ленку в Москве, имел в виду только одно: работать придётся буквально день и ночь, и будет не до альковных дел. Но он не был бы товарищем Сталиным, если бы не спросил сам себя: «Скажи честно, Иосиф, ты запретил (запретил, запретил; совет Хозяина не равносилен приказу, он выше любого распоряжения, потому что здесь подразумевается личное

доверие к тому, кому советует товарищ Сталин) комфронтом брать с собой девочку только из соображений службы, или...» Иосиф медлил с ответом, и Вождь задумался. Конечно, закрутить студенточке мозги — дело нехитрое. Пару раз пригласить на приёмы — просто чтобы она привыкла к факту, что великий гений всех времён и народов — такой же человек из плоти и крови. А там сама пойдёт, как дубинушка из песни.

— А нужно ли это, Иосиф? Во-первых, дел невпроворот. Во-вторых, что такого особенного в ней, в этой Ленке? Совсем не красавица. Знавал Вождь дам и получше. Правда, девочка искренняя, обаятельная, иногда просто прелесть. И улыбка замечательная. Тем более что товарищ Сталин вообще отвык от того, чтобы кто-то в его присутствии скалил зубы. Но... Стоит ли ссориться с Марковым, от которого сейчас многое зависит, из-за соплячки, пусть даже с замечательной улыбкой?

Второе я, Иосиф, сегодня что-то был молчаливым. Такое случалось. Как правило, когда он понимал, что на самом деле Вождь всё уже взвесил, измерил и нашёл легковесным, серьёзного внимания не стоящим. И он, Иосиф, даже знал, что на самом деле такое решение предопределило. В отличие от Маркова, выпускник духовной академии Джугашвили библейские тексты знал наизусть. В том числе и историю Урии Хеттеянина, которого царь Давид послал на смерть, чтобы заняться любовью с женой своего военачальника. «И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа».

Как всякий профессиональный священник, Сталин в Бога не верил. Во всяком случае, в того, о котором провозглашали с амвона. Но слова «И было это дело зло в очах Господа» звучали в мозгу и не отпускали. Странно, когда даже хорошо знакомых и близких соратников он отдавал то Ягоде, то Ежову, ни разу не задумался, было ли это грехом. То есть, конечно, было, но ведь для конечного блага, для укрепления доверенной ему страны. В Древней Грузии, когда стро-

или бастион, замуровывали в стену молодого воина или юную деву. Чтобы нерушимой оказалась преграда на пути врага. А тут речь шла о баловстве, о прихоти стареющего мужчины. Захотелось телом погреться о молоденькую попку, а душой о молоденькую душу.

И Хозяин решил: да не трону я эту девку, пусть мой персональный Урия Хеттеянин возрадуется. Я прав, Иосиф? И Иосиф, отводя глаза в сторону, сказал: «Да. Ты, как всегда, прав, Вождь».

Совещание по бомбе, о которой говорил Лаврентий, прошло в закрытом режиме. Присутствовали Председатель Совета Народных Комиссаров Сталин, заместитель Председателя, он же докладчик Берия, глава Правительства, он же министр иностранных дел Молотов, нарком обороны Тимошенко, начальник Генштаба Жуков. Протокол не вёлся, делать какие-либо записи было запрещено, люди Меркулова (уже не Берии) тщательно осмотрели кабинет в поисках подслушивающих устройств. Всё-таки они все дураки — откуда в кабинете Хозяина могут взяться микрофоны? Если бы нашли хоть один, это значило бы, что НКГБ работает из рук вон плохо. Вместе с Власиком. Со всеми отсюда проистекающими последствиями что для руководителя госбезопасности, что для начальника охраны.

Научным консультантом пригласили Игоря Курчатова из физико-технического института. Молодой, губастый, с копной чёрных волос, в плохо сшитом сером костюме, учёный сразу не понравился Вождю. Хуже всего было то, что сопляк явно не ощущал ни благодарности за то, что его допустили туда, где принимались решения, влияющие на судьбу мира, ни трепета от того, что оказался в святая святых. Он вертел головой, стараясь получше рассмотреть людей, которых раньше видел только на портретах. Постоянно улыбался, как ребёнок, которому посулили подарок. Но умники из Академии наук сказали, что этот

губошлёп — лучший. Иосиф Виссарионович громко хмыкнул, взял в руки трубку и принялся набивать её табаком, ломая над пепельницей папиросы из зелёной пачки. Это был сигнал к началу совещания. Все притихли, даже губошлёп перестал вертеться.

Сталин вздохнул, положил снаряжённую трубку в пепельницу и негромко произнёс:

— Зачем мы собрались, все знают. Не будем терять время. Приступайте, товарищ Берия, говорите, что вы хотели нам сообщить.

Лаврентий Павлович не спеша встал, снял и протёр пенсне, снова водрузил его на место. «Паузу держит, — насмешливо подумал вождь. — мхатовец».

— В декабре 1938 года немецкий химик Отто Хан подверг нейтронной бомбардировке тяжёлый металл уран, в состав каждого атомного ядра которого входят 92 протона, и открыл, что ядра урана распадаются, замещаясь при этом ядрами двух других химических элементов — бария и криптона. Если освобождённые нейтроны смогут привести к распаду других ядер урана, которые, в свою очередь, отдадут больше энергии и больше нейтронов, то произойдёт цепная реакция, — заговорил зампредсовнаркома занудным лекторским тоном. — Выражаясь совсем просто, нейтроны выбивают с орбиты вокруг атомного ядра другие нейтроны, те, в свою очередь, бомбардируют соседние ядра. Процесс идёт лавинообразно. В результате разрушения атома выделяется огромная энергия.

— Барий, криптон, — желчно проговорил про себя Хозяин. — Ближе к делу, товарищ инженэр... — Может быть, раздражение было вызвано тем, что ужасно хотелось курить, а Вовси табак вовсе запретил. Иосиф Виссарионович вздохнул, взял в руки трубку и принялся её разглядывать.

— Прав был Владимир Ильич, когда писал, что электрон так же неисчерпаем, как атом, — глубокомысленно вставил Молотов.

Вождь заметил, как по лицу губастого скользнула ироническая ухмылка. Правильно, какого... ты, Вячеслав, суёшься со своим Ильичем, хочешь показаться самым умным?

— 24 апреля 1939 года в высшие военные инстанции Германии поступило письмо профессора Гамбургского университета Пауля Хартека, в котором указывалось на принципиальную возможность создания нового вида высокоэффективного взрывчатого вещества, — продолжал бубнить Берия. Однако теперь речь шла о чем-то реальном, и Сталин стал слушать внимательно. — В нём говорилось: «Та страна, которая первой сумеет практически овладеть достижениями ядерной физики, приобретёт абсолютное превосходство над другими». Письмо Хартека было передано физику Курту Дибнеру из научного отдела Управления армейских вооружений. Дибнера освободили от выполнения всех побочных работ и поручили ему заниматься только вопросами ядерной физики, создав для этого специальное отделение. 26 сентября 1939 года Управление для рассмотрения вопроса о способах создания ядерного оружия собрало специалистов-физиков Пауля Гартека, Ганса Вильгельма Гейгера, Вальтера Боте, Курта Дибнера, а также Карла-Фридриха фон Вайцзеккера и Вернера Гейзенберга. На совещании было принято решение засекретить все работы, имеющие прямое или косвенное отношение к урановой проблеме. Программа получила название «Урановый проект», по-немецки Uranprojekt Kernwaffenprojekt. Общий контроль над всеми научно-исследовательскими, политическими и материальными направлениями развития германского атомного проекта осуществлял главнокомандующий сухопутных войск рейха генерал-фельдмаршал Браухич.

«Так, — медленно, чтобы не пороть горячки, рассуждал Вождь. — Особое отделение в Управлении вооружений. Контроль возложен на Браухича. Похоже, немцы к этой цепной реакции отнеслись все-

рьёз. Если, конечно, это не дезинформация. Что такое цепной пёс, знаю. Что это за цепная реакция, не понял. Пока. Надо будет, разберусь. Товарищ Сталин и не с такими вопросами разбирался».

— Послушайте, товарищ Берия, разъясните всё-таки, как из этого урана-криптона получается бомба, — остановил докладчика Сталин. — И какой она может обладать мощностью?

— По данным нашей разведки, разработанная немцами атомная бомба называется «Zerlegungsbombe» («распадающаяся бомба»). В ней используется так называемая «имплозионная» схема, в которой пористая сфера из высокообогащённого урана-235, массой около 5 килограммов, пропитанная дейтеридом лития-6, подвергается мощному обжатию при помощи взрыва специального химического заряда из пористого тротила, пропитанного жидким кислородом. Это в два с половиной раза мощнее, чем литой или гранулированный прессованный тротил. Масса химического взрывчатого вещества, использовавшегося в германских атомных бомбах, по сведениям источников, составляла около 1 тонны.

Жуков переглянулся с Шапошниковым и пожал плечами. «Тоже мне невидаль, тонная бомба, — было написано на лице министра. — Стоило ради этого огород городить».

Лаврентий Павлович заметил пантомиму, иронически усмехнулся и поправил пенсне.

Сферическая имплозия, или, иными словами, «взрыв внутрь», позволяет в несколько раз сжать объём обогащённого до 15% металлического урана и достигнуть давления в эпицентре несколько более 10 миллионов атмосфер. Таким образом, мы получаем «надкритические» параметры, позволяющие осуществить собственно ядерный взрыв. Так как общий КПД расщепления ядер урана-235 в подобном устройстве не превышает 1—2,5%, то мощность такого ядер-

ного взрывного устройства находится в диапазоне от 90 тонн в тротиловом эквиваленте до 135 тонн.

Губошлёп поискал глазами бумагу и карандаш, чтобы что-то записать, не нашёл, взъерошил волосы и принялся водить пальцем по столу, что-то бормоча себе под нос.

Все замерли, только Хозяин тихо спросил:

— А сколько весит сама бомба?

— По расчётам, около двух тонн, товарищ Сталин.

— И сколько таких бомб уже есть у Гитлера?

— Ни одной, товарищ Сталин.

Вождь удивлённо поднял глаза на заместителя председателя Совнаркома:

— Тогда что мы собрались обсуждать?

— Я всё сейчас объясню, — не спеша проговорил Берия. Видно было, что он приближается к моменту какого-то своего торжества. — Если собирается определённое количество урана — критическая масса — самопроизвольно начинается цепная реакция, взрыв. Чтобы этого не допустить, чтобы заряд сработал тогда, когда нужно нам, критическая масса должна быть разделена на части, прослоена тормозящим веществом. Оно называется «тяжёлая вода». Немцы завозят её из Норвегии, и получать её сложно и дорого. Потому создать ядерную бомбу им пока не удаётся. — Докладчик сделал паузу и, уже не скрывая торжества, добавил: — Докладываю, товарищи, что нам удалось найти способ быстрого и дешёвого получения этого тормозящего компонента. Поэтому создать сверхоружие мы можем раньше, чем Гитлер.

Сталин заинтересованно поднял глаза на Берию.

— Это вы такой способ изобрели? — ядовито спросил Молотов.

— Не я, — с достоинством парировал нарком внутренних дел. — Но я спас от ежовских палачей человека, который сумел придумать такую технологию.

— Наверное, будет целесообразным вернуться к этому вопросу позже и в расширенном составе. Пригласить учёных, военных, руководителей некоторых отраслей промышленности. Чтобы получить объёмную картину того, как может изменить ситуацию это ваше новое оружие, товарищ Берия, — завершил Сталин. — Вы согласны, товарищи?

Товарищи закивали.

Вновь назначенного комфронтом встретила на вокзале группа командиров. Все были одеты в шинели без знаков различия. «Секретность соблюдаем», — подумал Марков и порадовался, что не вышел из вагона при полном параде.

Первым сделал три шага вперёд и старательно козырнул небольшого роста чревастый — даже просторная шинель не могла скрыть объёмистое пузо.

— Генерал-лейтенант Глыбо Вениамин Захарович. Начальник штаба фронта.

Поданная рука оказалась холодной и потной. На творожно-белом лице алел бесформенный пористый нос и оловянно глядели глаза.

«Неужто алкоголик, — брезгливо подумал комфронтом. — Вот повезло — как утопленнику».

Следующим шагнул к Маркову молодой, на вид лет двадцати восьми — тридцати, ладно скроенный мужчина.

— Старший майор госбезопасности Габрильянц Валерий Хачикович. Начальник управления Особых отделов фронта. — Его рукопожатие оказалось крепким, уверенным. А ослепительная улыбка на узком, носатом — что называется, один профиль, не физиономия, а отточенное лезвие — лице вызывала доверие и желание усмехнуться в ответ.

Третьего из присутствующих, немолодого, наверное, на пределе выслуги, командира представил начштаба:

— Непомнящий Иван Андреевич, подполковник, — был у Павлова старшим адъютантом. Если прикажете — продолжит...

— Пусть пока, — бросил Марков, занятый другими мыслями.

Вдруг на ступеньках тамбура появилась Сумова. Сергей заметил, как удивлённо приподнял бровь начальника штаба и как спрятал усмешку «особист». Марков, досадливо поморщившись, назвал девушку будущим сослуживцам по имени и фамилии. Без подробностей.

На вокзальной площади ждали два автомобиля, явно «не наших». Таких генерал раньше не видел.

— «Опель-Адмирал», — объяснил контрразведчик. — Немцы подарили после парада.

— Какого парада?

— Ну, когда мы встретились на новой границе, устроили совместный парад — наши и фрицы. У них из пяти командиров трое — Фридрихи, уменьшительно-ласкательный вариант Фриц. Прошу, — перебил он сам себя, — рассаживайтесь.

Марков открыл заднюю дверцу, усадил Люсечку и знаком предложил занять места начальнику штаба и Непомнящему (неподходящая фамилия для помощника), а сам направился к второй машине, где за баранкой уже воцарился человек с режущим профилем. Генерал распахнул дверцу и вежливо спросил:

— Не возражаете, Валерий Хачикович?

— Почту за честь, — сверкнул зубами чекист.

— Тогда вперёд. — И кавалькада понеслась по узким старинным улочкам.

— Хочу сразу обратиться с личной просьбой. — Сергей Петрович обернулся к водителю.

— Слушаю, — отозвался старший майор. Он вёл легковушку легко, даже небрежно, бросая на дорогу быстрые взгляды и успевая испытующе коситься

на комфронтом. — Предполагаю, речь о вашей... — он сделал выразительную паузу, — спутнице?

— Точно так. Не могли бы вы девушку трудоустроить? И помочь подыскать приличное жильё.

— Вообще-то задание не по нашему ведомству, — снова ухмыльнулся контрразведчик. — Но сделаем. Я так полагаю, службу не слишком обременительную, а квартирку поближе к резиденции?

— Наоборот, — теперь усмехнулся Марков. — Работу... — он замялся. Как-то не задумался раньше, на что же способна чекистка. В учительницы не определишь, в медсёстры или библиотекари тоже — образование нужно.

— Вообще-то, она официантка.

— Так, может, в офицерскую столовую? — предложил Габрильянц. — Допуск оформим, не переживайте. Пусть наши кавалергарды встрепенутся. — И всмотрелся в лицо командира.

— Отлично, — с искренним облегчением согласился Сергей. — А проживание, по возможности, поближе к месту службы.

На физиономии Валерия Хачиковича читалось недоумение, и генерал решил объяснить:

— Это — вдова моего близкого друга. И всё.

— И давно? — спросил контрразведчик, подчёркнуто внимательно вглядываясь в дорогу.

— Что давно? — не понял Марков.

— Вдова давно? — На лицо снова вернулась заразительная, неуместная улыбка.

— Неделю назад...

— А-а, — понимающе протянул Габрильянц и сделал скорбное лицо.

Первые дни прошли в сплошной запарке. Начштаба Глыбо, отворачиваясь, чтобы не так било в нос начальству застарелым перегаром, познакомил с документацией всех переброшенных к границе частей вплоть

до дивизии, которые поступили в распоряжение фронта. Бумаги оказались в идеальном порядке. Сергей Петрович подумал: «Надо же так ошибиться в человеке. Ведь я решил, что пьяница и бездельник. А этот прямо по Крылову: «По мне ты лучше пей, да дело разумей».

Ещё комфронта провёл совещание высшего комсостава округа. На нём он дал новую вводную — исходить из того, что фашисты начнут войну — не провокацию, а именно полномасштабную войну — не позднее 1 июня. Соответственно, задача — привести к этому времени войска в полную готовность к отражению вторжения.

Командиры встретили речь нового начальника, мягко говоря, без энтузиазма. Глыбо, как ему казалось, очень грамотно обосновал невозможность решать одновременно две противоположные задачи — разворачивать части для наступательных действий и обеспечить эффективную оборону. К удивлению Маркова, крайне агрессивно повёл себя Габрильянц. Совсем не по чину и не по должности. Он почти впрямую обвинил Маркова в паникёрстве, подчеркнув, что его слова прямо противоречат линии партии и правительства. Сослался на мирный договор с Германией, который подписал лично товарищ Молотов. Прозрачно намекнул на то, что совсем недавно комфронтом отбывал наказание, можно считать, за неправильные, если не прямо враждебные высказывания и поступки. Закончил он так:

— Считаю своим партийным, служебным и гражданским долгом информировать вышестоящие инстанции о вашей провокационной вылазке.

Командармы хмуро молчали, так что нельзя было понять, поддерживают они контрразведчика или понимают — военные всё-таки, профессионалы — тревогу генерал-полковника.

Вечером Марков пригласил Валерия Хачиковича к себе. В резиденцию — Замок коронных гетманов Браницких, огромный многокомнатный замок,

он возвращался поздними вечерами, обедал, а заодно и ужинал на кухне, тем, что готовила прислуга. Особисты докладывали что-то о произведённой проверке поварихи и горничной, пожилых женщин из местных, но ни одну, ни другую Сергей Петрович ни разу не увидел. Да и не до них было. Кое-как генерал добирался до спальни — огромной, с кроватью под балдахином, как в кино про зажравшихся аристократов, и стеклянной дверью на обширный балкон — и проваливался в тяжёлый сон. Как-то, открыв среди ночи глаза, он долго всматривался в висящую над головой тяжёлую тряпку, в сияющую, казалось, прямо за стеклом, полную луну, и всё для себя решил. На следующее утро приказал Непомнящему найти помещение поскромнее. Иван Андреевич долго не мог понять, что не устраивает нового начальника. Коронные гетманы жили — устраивало, а вчерашний голодранец... Когда понял, расстроился ещё больше. Целый день он рыскал по замку, думал и искал. Вечером, потея и смущаясь, предложил посмотреть новое жильё.

Хозяйственные постройки отделяла от парадной части стена с решётчатой калиткой. За нею стоял так называемый одноэтажный приземистый Домик Садовника. Со стороны замка в него вела тяжёлая дубовая дверь. Порученец отпер её огромным кованым ключом и повёл Сергея Петровича по коридору, который утыкался в дверь спальни. Она генералу сразу понравилась: не слишком большая, уютная. И кровать — не центральная площадь среднего городка, по недоразумению обитая кружевами и рюшечками, а нормальное приспособление для принятия горизонтального положения, два метра на полтора с железными спинками и панцирной сеткой — Андрей Иванович не поленился, приподнял матрас и показал, даже рукой её покачал для убедительности. Через стену располагалась большая кухня — два шага по коротенькому ответвлению от основного коридора. Помещения

по обеим сторонам от него были заперты, судя по заржавевшим навесным замкам, давно. — Там кладовки со всяким барахлом, — пояснил Непомнящий. — Садовый инструмент, скамейки всякие, обшивка — статуи, которые вдоль центральной аллеи стоят, на зиму закрывать. Если прикажете, всё вынесем, оборудуем зал для приёмов...

— Кого мне тут принимать, — засмеялся Марков.

И вот теперь предстояло встречать начальника особых отделов. Ну, не бал же для него устраивать.

В ожидании гостя комфронтом приехал домой пораньше. Днём он попросил порученца, чтобы тот нашёл возможность приготовить приличный ужин на двоих и позаботился о бутылочке хорошего коньяка, лучше, если бы армянского. Маркову хотелось объясниться с улыбчивым чекистом. В конце концов, дело у них общее, государственное. Свара будет только мешать.

Габрильянц явился точно в 20.30, секунда в секунду.

— Товарищ генерал-полковник, — строго по уставу начал рапортовать контрразведчик...

— Бросьте, Валерий Хачикович, — махнул рукой Сергей. — Я просто хочу с вами поговорить в неслужебной обстановке.

Устроились на той же кухне. Марков извинился за это, сказал, что необъятные просторы замка, куда его поселили, давят на психику. Не привык он к такому барству. Старший майор только хмыкнул:

— А Дмитрию Григорьевичу, наоборот, здесь очень нравилось. Он тут даже офицерские собрания устраивал, артистов из самого Минска приглашал.

— А, кстати, где сейчас генерал Павлов? — спросил комфронтом. — Дела не передал, да просто руку пожать преемнику не заявился. Если не пожелал (Марков не скрыл злой иронии) встретиться, мог хотя бы позвонить по телефону. Приличия требуют.

— Отозван в распоряжение Генштаба, вам разве не сообщили?

Генерал промолчал, ему почти всё стало понятно. По лицу собеседника прозмеилась улыбка.

На правах хозяина и чтобы смягчить ситуацию, у него ещё оставались надежды на конструктивный разговор, Сергей разлил в специально коньячные бокалы (и об этом Непомнящий позаботился, молодец) «Арарат», жестом предложил гостю брать закуски. Габрильянц движением головы спросил разрешения, взял бутылку и внимательно изучил этикетку. Затем поднял бокал, отсалютовал им и выцедил содержимое. Марков, как положено (спасибо, Ленка научила), покачал жидкость в широком, сужающемся кверху стекле, посмотрел на свет, погрел в ладонях. И только после всех ритуальных процедур пригубил.

Валерий Хачикович с ироническим прищуром наблюдал за манипуляциями комфронтом. Одновременно отрезал изрядные куски от бифштекса, окружённого свитой из ломтиков жареной картошки, и аппетитно жевал.

— Бросьте демонстрировать изящные манеры, — посоветовал он, проглотив. — Мы ведь не аристократы какие-нибудь, а командиры Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Перерождение, оно начинается с мелочей. Как у Блюхера, — и бросил испытующий взгляд на Маркова.

— С Василием Константиновичем мне встречаться не довелось. А операции его изучал. Очень одарённый в военном деле человек, — холодно проговорил генерал.

— А я его труды не изучал. Вот дело — следственное — читать довелось. Сначала проворовался в особо крупных размерах. Потом решил оторвать Дальний Восток от Советской Родины и стать там диктатором. Логика предательства, — насмешливо парировал старший майор. — А ведь земля хоть далёкая, а нашенская, Ленин сказал.

Сергей Петрович счёл за лучшее промолчать. Но слегка захмелевший особист не унимался:

— Я по своему опыту скажу: как начал человек копировать бывших — коньячок лимончиком заедать, об офицерской чести много размышлять, рубашки каждый день менять, тут нашему брату сигнал, мол, смотри в оба, процесс пошёл. Твой клиент скоро созреет. Думаю, среди ваших друзей-знакомых тоже таких немало было, а?

Марков тяжело вздохнул. Разговор по душам явно не получался. То ли Габрильянц не мог отбросить предубеждение против недавнего заключённого, которое зашоривало глаза. Или, может, дело обстояло еще хуже, и у чекиста была цель спровоцировать конфликт с новым начальником. Мало ли какие отношения связывали его с Павловым.

Тем не менее Сергей Петрович решил сделать последнюю попытку.

— Вернёмся к нашим служебным делам, Валерий Хачикович, — как мог миролюбиво, проговорил он. — Чтобы выполнить поставленную перед нами задачу — обеспечить надёжную оборону в случае нападения фашистов, следует лишить противника достоверной информации о наших приготовлениях, по возможности внедрить немцам ложные сведения. Пусть полагают, будто мы не задумываемся о возможной их агрессии. Далее, принять меры для пресечения деятельности диверсионных групп. Их забросят сюда предостаточно. Неплохо было бы, наоборот, иметь свои группы, которые станут рвать связь, минировать дороги, наносить беспокоящие удары по отдельным частям вермахта, чтобы ослабить атакующий порыв.

Особист откинулся, почти развалился на стуле и без привычной ухмылки смотрел в лицо комфронтом.

— Давай без чинов, можно?

Марков кивнул.

— Ты, возможно, неплохой мужик, Сергей Петрович. Просто оказался в ненужное время в ненужном месте. Тебе бы научиться держать нос по ветру, но гиб-

кости в тебе, что в хрене моржовом. Потому тебя сомнут, как лист бумаги перед посещением сортира. Извини за откровенность, но мы же мужики и солдаты.

Перед глазами Маркова встало лицо Лося, искажённое гневом. Он ненавидел это словцо. Для казака мужик — лентяй и пьяница, олицетворение бессмысленного, бездельного существования.

— Я не мужик, — повторил Сергей любимую фразу друга, — я мужчина.

— Вот видишь, — снова улыбнулся Габрильянц. — Именно это я и имел в виду. Чтоб ты знал: моя «закладная записка» о твоих попытках вести антипартийную линию уже лежит на столе Лаврентия Павловича.

— А почему не у Меркулова? — без интереса спросил Сергей Петрович.

Особист покачал головой:

— Ничего ты не понимаешь, а туда же. Фигуру твоего теперешнего ранга может отдать только Сам. К нему надо иметь доступ. Так что, жди, генерал-полковник, скоро всё вернётся на свои места. Дмитрий Григорьевич сюда, — он широким жестом обвёл стены. — А ты обратно. Припухал-то в СТОНе?

Первым желанием Маркова было впечатать кулак в самодовольное лицо чекиста. Или хотя бы поставить его по стойке «смирно» и... А что «и»? Не факт, что позволят сместить старшего майора с должности или добиться его отзыва. Несмотря на широчайшие полномочия, дарованные Верховным. Но если даже, то... Взамен пришлют такого же пса, если не хуже. Сергей заставил себя улыбнуться и скрежещуще спокойным голосом произнёс:

— А ты бы сейчас заткнулся, шестёрка парашная. Думаешь, если я тебя за стол пригласил, ты уже кум королю? А вот это не видел? — Известный жест произвёл на Габрильянца некоторое впечатление. Ты сейчас встанешь и... пошёл отсюда. Завтра чтоб по уставу,

за пять шагов на строевой шаг переходил и честь отдавал, как положено. И говорил, только когда разрешу. А то ведь пока я при должности, у меня власти хватит тебя из старших гэбэшных майоров в младшие армейские пристроить[1]. И в полк, на направление не предполагаемого вами главного удара. Мои слова о задачах вашей службы предлагаю расценивать как боевой приказ. Что бывает за неисполнение, вы, надеюсь, в курсе. Завтра получите письменное распоряжение у начальника штаба. Приступить к исполнению прошу немедленно. Свободны.

Габрильянц удивлённо посмотрел на командующего фронтом, не торопясь встал, застегнул ворот, принял стойку, отдалённо похожую на предписанную уставом, выговорил положенное:

— Слушаюсь. Разрешите идти?

В это же время заместитель Председателя Совнаркома, всё ещё глава НКВД Лаврентий Павлович Берия ехал на приём к Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) Иосифу Виссарионовичу Сталину. Он забился в угол на заднем сиденье, надвинул на лоб мягкую шляпу и поднял шалевый воротник тонкого пальто из верблюжьей шерсти. Отгородившись таким образом от внешнего мира, Берия размышлял. Предстояло не просто добиться согласия батоно Кобы на арест очередного генерала. Сегодня ставки были куда как выше. Если удастся взять Маркова, заменить его Сталин не сможет — некем. И попытка защититься от превентивного, — Лаврентий Павлович с удовольствием повторил про себя выразительное слово — превентивного, — удара немцев провалится. Она и так почти не имеет шансов на воплощение. Во всяком случае, так уверял

[1] Игра слов. Старший майор ГБ носил два ромба, майор — один. Армейский майор имел две «шпалы». То есть Марков намекает на возможность Габрильянцу получить одну, что по госбезопасности обозначало бы просто лейтенанта.

Павлов, а он, как ни крути, военный, почти стратег. Но про Маркова многие говорили, что он гений. Тот же Дмитрий недавно бился в истерике перед столом Берии, мол, этот сумеет превратить тщательно организованный бардак в стальной порядок и подготовит части если не для отпора, то хотя бы для того, чтобы погасить энергию первого удара, связать атакующие части вермахта позиционными боями и дать возможность обрушиться на противника всей мощи собранных на западном рубеже дивизий. Тут ещё этот странный Лихарев с его изобретениями. Танкист Павлов утверждает, что, если ручных ракетомётов будет достаточно, обычная пехота, только прошедшая обучение, может останавливать чуть ли не любые бронеколонны. И никакой Гудериан не поможет. Достать сталинского любимчика даже лучшие люди НКВД не сумели. Исчезает, словно нечистая сила, даже где живёт, не смогли выяснить. То есть адрес-то известен, но побывавшие в апартаментах спецы только растерянно разводят руками: судя по толстому слою пыли, года полтора там не ступала нога человека. А щёголь выходит из дома, где прописан, утром и возвращается вечером. Спецы уже навещали «нехорошую квартиру» и глубокой ночью. Никого, темно и пусто. Поневоле поверишь в дьявольщину. О том, чтобы нейтрализовать юнца днём, даже думать не стоило. Хозяин как-то умудряется знать едва ли не всё. И за своих — по-настоящему своих — людей рвёт на клочки любого. Лаврентий, к сожалению, по-настоящему своим стать не сумел. Пока?

В общем, разговор предстоял тяжёлый. И донесение, да что там донесение — донос начальника контрразведки фронта, как там его... да хрена ли, неважно, серьёзным компроматом не выглядел. Хоть бы этот дурак догадался написать, будто Марков ставил под сомнение военные таланты Сталина. Тогда надежда хоть какая-то была бы. А так пара машинописных листов в картонной папке повод для разговора с вождём давала, но основанием для компрометации была никудышным.

* * *

Хозяин читал творение Габрильянца долго. Он держал бумажки перед глазами, подносил их поближе и отстранял на всю длину руки, хмыкал, посасывая пустую трубку. Периодически опускал листки на стол и вперивался в наркома жёлтым тигриным глазом. Потом, будто разглядев что-то в лице Берии, снова углублялся в текст.

Наконец он швырнул рапорт на сукно столешницы и спросил:

— Чего ты хочешь, Лаврентий?

К этому руководитель НКВД был готов:

— Командующий Особым фронтом публично высказывает мнение, противоречащее линии партии. Тем более, он — вчерашний зэк. Разве можно допускать такое? — Берия построил фразу так, чтобы никак не обратиться к вождю: ни уважительно-фамильярно — батоно, ни официально — товарищ Сталин, ни по-свойски — Коба. Не дай бог не попасть в настроение. Вождь крайне редко демонстрировал свой гнев на людях. Но наедине...

— А кто определяет линию партии на сегодня? Ты? Или этот твой, — Иосиф Виссарионович брезгливо, одним пальцем поворошил листки, — Габрильянц?

— Но ведь мы дружим с Гитлером, товарищ Молотов подписал пакт. Боремся за мир...

Сталин усмехнулся в усы:

— Наивный Берия. Сюжет, достойный кисти Рафаэля. Тебя накрутил Павлов, или Марков мешает каким-то твоим планам?

Берия застыл в ужасе. К его счастью, развивать тему Коба не стал.

— Если завтра о том, что мы будем воевать с немцами, скажу я, тебе и на меня донос напишут? — Товарищ Сталин взял ручку и что-то написал в верхнем углу верхнего листа, протянул резолюцию наркому внутренних дел:

— Прочти. И руководствуйся на будущее.

Раздражённые буквы бежали наискосок, пересекая аккуратный машинописный текст: «Товарищ Марков. Объясните автору этой ..., что надо заниматься делом, если он на это способен. Если нет, решите его судьбу по своему усмотрению. Вплоть до... И. Сталин».

— Бумагу оставь, — приказал Хозяин. — Я сам её перешлю командующему фронтом.

— Шлемофон наденьте, тщгенерал, — выпалил штурман 43-й истребительной авиадивизии майор Румянцев. Был он небольшого росточка, кругленький, затянутый в новенькую кожанку, скрипящую при каждом движении, как новое седло. Над румяным курносым лицом вился светлый чуб.

Марков принял из протянутой руки чёрную ушанку, повертел и неловко напялил на голову.

— Позвольте, тщгенерал, — майор привстал на мыски и аккуратно поправил головной убор. — Если что, сюда будете говорить, а в наушники услышите, что я скажу. Или с земли что сообщать будут.

— Вас как по имени-отчеству? — спросил комфронтом.

— Игорь Иванович, — расплылся в улыбке штурман. Похоже было, что естественное состояние его физиономии — ухмылка. Такой вот весёлый человек.

— Давайте условимся, Игорь Иванович, вы меня называете Сергей Петрович. Никаких званий и должностей. Тем более, по условиям полёта это не положено.

— Так точно, тщ... Сергей Петрович, — выпалил Румянцев и снова разулыбался.

— Вы сами поведёте машину? — поинтересовался генерал. — Вы же вроде штурман, а не пилот.

— Да чего тут вести, тем более пилотировать. Это ж «У-2», воздушный велосипед. Располагайтесь, тщ... фу, чёрт, Сергей Петрович. Поедемте.

«У-2» нёсся на высоте метров сто пятьдесят почти над самой границей. Слева хорошо просматривалось небольшое прирубежное село на немецкой стороне.

— Обратите внимание, тщгенерал, — прокричал в шлемофон Румянцев. — Деревня пустая — ни скотины не видно, ни жителей. Выселили их, чтобы разместить войска.

Словно нарочно, чтобы подтвердить слова майора, из крайней хаты вывалил во двор солдат, повернул голову на звук мотора, рассмотрел самолёт, помахал рукой, а потом сделал недвусмысленный жест: поднял руки, словно прицелился из невидимого ружья и спустил курок.

— Вот паскуда, — воскликнул Игорь Иванович. Марков только пожал плечами.

Чтобы составить представление о реальном положении дел в войсках, Марков решил облететь части 3-й армии, сконцентрированные на северном фасе Белостокского выступа. После многочасового вглядывания в карту генерал у «балкон», на котором концентрировались подчинённые ему войска, вдруг представился куском булки, в который с севера и с юга, как клыки широко распахнутой пасти, готовы были вгрызться немцы. Верхней челюстью служил Сувалковский плацдарм, а нижняя впивалась в район Бреста. Не нужно быть гением, чтобы понять, что противник «захлопнет рот и откусит» лакомый кусочек вместе со всей его начинкой из сотен тысяч военнослужащих, самолётов, танков, артиллерийских орудий, складов боеприпасов и ГСМ, полевых кухонь и прочего армейского хозяйственного скарба.

Задача Маркова сводилась к тому, чтобы подставить в район «укуса» твёрдые «косточки», способные поломать зубы «гурману». Или придумать, как вообще не позволить сомкнуть прожорливое едало.

Принять на себя удар немцев, если (когда) те начнут атаку, и исполнить функцию той самой «косточки» обязана была 56-я дивизия Третьей армии. Сергей Петрович решил лично проинспектировать её.

То, что он увидел с высоты птичьего полёта, ввергло в бешенство. Оборона, растянутая «в нитку», чтобы хоть как-то обозначить присутствие подразделений на пятидесятикилометровом фронте зоны ответственности дивизии. Прорвать её можно силами обычного батальона.

— Игорь Иванович, рулите в расположение штаба, — крикнул Марков в шлемофон.

Аэродромом служило ровное поле, уже подсушенное первым теплом. «У-2» приземлился с лёгким толчком.

— И правда, велосипед, — подумал Сергей.

К самолёту уже бежали несколько вооружённых винтовками бойцов и кто-то в командирской фуражке. Как только машина остановилась, рядовые взяли её на прицел. Едва комфронтом спрыгнул на землю, к нему вразвалочку подошёл конопатый человечек с тремя прямоугольниками в гэбэшных петлицах и сипло спросил:

— Кто такие? Документы.

Сергей Петрович достал из нагрудного кармана гимнастёрки удостоверение и протянул контрразведчику. Тот взял и, не раскрыв, опустил в карман галифе.

— Следуйте за мной.

Усилием воли Марков сдержал гнев, решив подождать развития событий. Что-то тут было совсем непонятное, особенно в свете разговора с Габрильянцем.

Пилота и генерала привели в одноэтажное строение, одиноко стоявшее на краю пустыря. Начальник Особого отдела отпер своим ключом дверь кабинета, вошёл первым, уселся за рассохшийся канцелярский стол и спросил:

— Зачем пожаловали, господа хорошие?

Четверо конвоиров застыли у входа.

— Потрудитесь ознакомиться с моим удостоверением, — сдержанно произнёс Марков.

Чекист не спеша нашарил в кармане картонку, раскрыл, прочитал.

— Откуда мне должно быть известно, что это — не фальшивка?

— Если вы не знаете, какие средства защиты используются при изготовлении удостоверений личности военнослужащих, вы не соответствуете своей должности, — холодно произнёс комфронтом. — Сомневаетесь, свяжитесь с Габрильянцем. Только сделайте это быстро. Я не могу терять времени на бессмысленные препирательства.

Особист вышел. Спустя несколько минут вернулся совсем в другом настрое. Кое-как вытянулся, став на вершок выше, откозырял:

— Прошу извинить, товарищ командующий фронтом. Бдительность, сами понимаете. По личному приказу товарища Габрильянца. Тем более, вы нас не предупредили о своём прибытии в расположение дивизии.

Марков забрал своё удостоверение.

— Я не обязан согласовывать свои решения и поступки даже с вашей службой. А сейчас я хочу увидеть командира дивизии.

— А какие у вас с ним дела? — заинтересовался чекист.

— Не ваше дело. Вызовите его и начштаба немедленно. Аллюр три креста!

— Дело в том, товарищ генерал-полковник, что комдив вчера арестован. Оказался паникёром и трусом. Говорил, что, если немцы ударят, мы не выстоим и часа.

— Как арестован? По чьему приказу? Почему я не знаю? — Марков вскочил, уже по-настоящему взбешённый. Казалось, секунда, и он просто пришибёт хилого капитана.

— По распоряжению начальника управления... Вместе с ним до выяснения задержаны начальник штаба, комиссар и заместители... Мне приказано исполнять обязанности до особого распоряжения...

— Какие обязанности? — остолбенел Марков.

— Командира дивизии... — чувствуя, что говорит явное «не то», промямлил капитан.

Внезапно Марков расхохотался, как ни неуместно это сейчас выглядело.

— Ты? Комдива? Мать твою, габрильянцевскую и всего НКВД до шестнадцатого колена...

Резко замолчал.

— Приказ! — и протянул руку.

— Ка-акой приказ?

— Об аресте, о назначении, о чём угодно... Ну!

— Нету. Всё устно, по телефону...

— Ах ты мудак недоделанный.

Марков повернулся к караульным, так и стоявшим у двери и с интересом наблюдавшим за невиданной, явно доставлявшей им удовольствие сценой.

— Арестовать. Двадцать суток на дивизионной гауптвахте, — и тут же на листке из блокнота написал «Записку об арестовании». — Если в ваших делах не будет усмотрено признаков иного преступления, пойдёте в строевую часть. По усмотрению комдива. Да, а где он сам?

— На гауптвахте, — проблеял чекист.

— Придёте — немедленно освободить, и — на его место. Увести...

Дождавшись помятого и явно деморализованного комдива с его подчинёнными, Марков первым делом учинил ему грандиозный разнос и заявил, что ему на ... не нужны командиры, которых любой сморчок может ловить сачком и складывать в сумку, и что вопрос о соответствии всех присутствующих занимаемой должности он решит в ближайшее время.

— На вас тоже власти хватит, товарищ полковой комиссар, — успокоил он комиссара, — посланец партии, так вас и растак в три перевёрта. Полковой баней вам командовать, а не дивизию на бой вдохновлять...

После чего перешёл к собственно служебным вопросам.

* * *

Генерал развернулся и вышел, знаком позвав за собой Румянцева. Всю дорогу до «У-2» он матерился, употребляя такие обороты, что Игорь Иванович не выдержал:

— Разрешите обратиться, тщгенерал. Когда вернёмся, вы мне продиктуете? Уж очень выразительно получается, прямо сказки Пушкина. И боевой дух поднимает.

Сергей с облегчением расхохотался.

— Продиктую, Игорь Иванович, пользуйтесь на благо общего дела.

После посещения 27-й дивизии Марков уже не смеялся. Те же пятьдесят километров по фронту, стрелковые ячейки, обозначающие линию обороны, и командир, который не то валял дурака и ёрничал, не то действительно был идиотом. Здоровенный белобрысый полковник, похожий не то на прибалта, не то на немца, таращил глаза, вытягивался перед высоким начальством в струнку и повторял, что готов выполнить любой приказ — хоть остановить агрессора, хоть немедленно перейти в наступление и громить врага малой кровью на чужой территории.

Сергей Петрович приказал из Августува лететь «домой», в Белосток. Настроение было препаскуднейшим. Задача, поставленная товарищем Сталиным, представилась невыполнимой. Части, составлявшие первый эшелон, были в «разобранном» состоянии. Выполнить свою задачу: сбить темп, в идеале — связать наступающего противника позиционными боями — они были не в состоянии.

Войска второго эшелона в большинстве только разворачивались с марша. Добавить к этой неразберихе ужасающее положение с авиацией — большинство аэродромов базирования находились в пределах досягаемости дальнобойной артиллерии. Ещё добавить

почти полное отсутствие связи — раций было достаточно, но пользоваться ими не умели даже командиры, потому управление шло по старинному принципу: «Делай, как я». Это грозило полной потерей управления даже дивизиями и корпусами, не говоря уже о батальонах и ротах. Наконец, самым страшным оказалось то, что командный состав, нацеленный на реализацию сценария фильма «Если завтра война» (Марков после беседы с Вождём выбрал время и посмотрел этот «шедевр»), словно оглох и ослеп. Все были убеждены, что немцы воевать не будут. А те, кто пытался приоткрыть глаза, тут же попадали под меч военных чекистов.

Минут через сорок пять полёта комфронтом приказал себе отбросить мрачные размышления и оглядел окрестности.

— Ясенувка-Попелювка, — прокричал Румянцев, указывая вниз.

Сергей Петрович опустил взгляд.

— Игорь Иванович, попробуйте сесть где-то рядом.

Командующего фронтом встретили, как положено. Без потери бдительности: документы тщательно проверили. Но и винтовки с примкнутыми штыками в нос не совали и «в съезжую» не тащили. После подтверждения личности и полномочий свалившегося с неба начальства доложили, что 201-я Сибирская дивизия несёт службу согласно Уставу и текущим распоряжениям. На вопрос генерала о комдиве сообщили, что товарищ полковник у артиллеристов — там идёт обучение новобранцев, быстро нашли транспорт, и Марков в сопровождении немолодого усталого полковника — начальника штаба запылил по просёлочной дороге по направлению к ещё голой, безлистой роще.

Сергей Петрович попросил, чтобы охранение о его приезде командиру пока не докладывало и ходу занятий не мешало. Хотелось посмотреть на будничную рутину.

Совсем юный старлей в лихо сдвинутой набекрень фуражке объяснял сидящим на скатках бойцам, явно из пополнения последних недель, очередные премудрости пушечного дела:

— Привести снаряды в боевую готовность на нашем языке звучит как «привести в окснар», то есть привести выстрелы в окончательное снаряжение. Снаряды и гильзы (выстрелы) для артиллерии большого калибра хранятся в ящике-укупорке, обычно два снаряда, плюс две гильзы с пороховым зарядом — п. з. — «Лектор» продемонстрировал наглядное пособие — вскрыл укупорку с выкрашенными в цвет хаки выстрелами. — В снарядах взрыватели при хранении не вкручиваются, их держат в отдельных ящиках, запаянных в металлические коробки, — цинки, и ввинчиваются в снаряд только перед стрельбой. Во время войны и боевых действий взрыватели вкручиваются в снаряды непосредственно на базах и арсеналах, приводятся в окончательное снаряжение в специально оборудованных помещениях, цехах. Укладываются в ящики и отправляются в части. Командир из части получает «выстрелы» на окружном складе и привозит их на позиции. Расчёту орудия остаётся достать снаряд и гильзу с п. з. из ящика, протереть от смазки и выстрелить по врагу.

При нахождении в лагерях оборудуются ПОСы — пункты окончательного снаряжения боеприпасов. Ставится палатка или навес, сооружается что-то вроде поточной линии для приведения снарядов в окончательное снаряжение. Но в боевых условиях окснаривание может производиться прямо у орудий. Для этого спецножом, что хранится в этом же ящике, смотрите внимательно, вскрывается цинк со взрывателями. Их очищают от артиллерийской смазки ветошью. Из гнезда под взрыватель у снаряда выкручивают холостую пробку и специальным ключом вкручивают в гнездо взрыватель. Делается это прямо на земле, с «колена». В ящике снаряд ставится на торец, в него

вкручивается взрыватель, и снаряд снова укладывается в ящик, если огонь пока не ведётся по врагу. При этом «окснаренный» снаряд может храниться в ящике-укупорке достаточно долго. — Старлей обвёл взглядом лица слушателей. Они смотрели на упакованную смерть в руках мальчишки-командира, и их лица были серьёзными и напряжёнными. — Не бойтесь, — усмехнулся инструктор, — снаряд, даже если вы его уроните взрывателем об землю, не бабахнет. Только во время выстрела от мощных перегрузок в канале ствола взрыватель взводится, и при ударе о цель снаряд взорвётся. Уже на позиции, перед выстрелом, на взрывателе специальным ключом делается установка либо на осколочное действие, либо на фугасное. При осколочном снаряд взорвётся при касании земли, а при фугасном успеет зарыться в землю и «вскроет» те же ДОТы, оставив глубокие воронки.

Артиллерист ещё раз обвёл взглядом слушателей, поднял глаза и заметил начштаба и Маркова.

— Встать, смирно, — испуганно заорал он, сбившись от неожиданности на фальцет.

— Отставить, — приказал комфронтом. — Продолжайте занятия.

Но откуда-то сбоку уже подбегал небольшого роста полковник-комдив в полевой форме х/б б/у третьего срока носки и в сапогах со сбитыми каблуками.

— Товарищ генерал-полковник, — начал он, щёгольски бросил ладонь под козырёк.

— Ямщиков, — не веря глазам, спросил Сергей, — Александр Иванович?

— Так точно, — подтвердил комдив, не убирая руки от головного убора, — я.

Марков шагнул вперёд и обхватил плечи полковника.

— Мы ещё в Гражданскую вместе воевали, — объяснил он поверх головы старого товарища. — Батальонами командовали.

Ямщиков осторожно высвободился из объятий старшего командира. Он был смущён таким проявлением чувств командующего фронтом.

— А я ведь к тебе случайно попал, — заговорил Марков. — Возвращался после облёта частей, смотрю сверху — идеально обустроенное расположение. Решил посмотреть, кто же так грамотно хозяйствует. Оказалось, ты. Ну, веди к себе, рассказывай, как жил. Как угораздило попасть в Сибирь?

Начштаба тактично отстал, потому Александр Иванович негромко сказал:

— В Сибирь по нашей жизни попасть — дело нехитрое. Я, когда читал приказ, подумал, Марков Сергей Петрович, неужто бывший сослуживец? Высоко взлетел. А болтали разное. Ну и решил: вдруг однофамилец. Всякое бывает.

От внимания генерала не ускользнуло, что Ямщиков ухитряется не обращаться к нему ни «на вы», ни «на ты». И крохотная пауза перед словами об однофамильце. Сергей понял, чего не произнёс вслух однополчанин: «Не был уверен, что ты захочешь меня вспомнить». А ведь именно Александр Иванович тактично, почти незаметно, вбивал в голову молодого комбата хитрую науку командования: важнее всего снабжение, думай прежде о кухне. Оружием, боеприпасами обеспечь. И бой продумывай так, чтобы людей сберечь. Ты им, во-первых, отец родной, а уж во-вторых, — воинский начальник.

— Старый ты чёрт, — Марков снова сгрёб плечи Ямщикова. — Значит, боялся, что не захочу тебя знать, такая я теперь шишка на ровном месте? Чтоб ты знал, месяц назад я был рядовым зэком в СТОНе. Слыхал про такого зверя?

— Доводилось, — кивнул комдив.

— Потом меня вызвали к Сталину. Дальше сам не всё понимаю. Но вот я здесь.

В животе вдруг забурчало.

— У начальства тоже кишка кишке кукиш кажет? — засмеялся Ямщиков. — Поехали, Серёжа, я тебя хоть накормлю.

В здании на восточной окраине Ясенувки-Попелювки, где располагался штаб 201-й Сибирской, Марков отправился помыть руки. Когда он добрался, наконец, до кабинета комдива, увидел неприятную сцену: Ямщиков, смертельно бледный, стоял у стены. В его сейфе рылся точно такой же особист, с каким часа четыре назад генерал общался в 56-й, только моложе, совсем зелёный, лет двадцати трёх от силы, с двумя шпалами. За какие заслуги или по чьей протекции такой мог получить такое высокое звание, оставалось только гадать. Ещё двое стояли по бокам у Александра Ивановича с расстёгнутыми кобурами.

— Что здесь происходит? — рявкнул с порога комфронтом. — Старший, ко мне.

Старший лейтенант явно растерялся, увидеть такое высокое начальство он никак не ожидал. Вытянувшись и отчеканив положенные шаги, особист доложил:

— Товарищ генерал-полковник, докладывает старший лейтенант госбезопасности Иванов, начальник Особого отдела 201-й Сибирской дивизии. Производим арест паникёра, который сеял панические разговоры и распространял трусливые настроения.

— Значит, ты, Александр Иванович, трус и паникёр? — хищно оскалившись, спросил Марков Ямщикова. Тот чуть заметно развёл руками. — Когда мы через Сиваш под артиллерийским огнём шли, был героем, — продолжил Сергей, — в Калмыцких степях подыхали от голода и холода, панические разговоры не сеял. А в мирное время, командуя дивизией...

Марков резко повернулся к оперативнику, резко бросил:

— Габрильянц?

— Так точно, товарищ генерал-полковник. Приказ получен два часа назад...

— Нет, какая сука! — бросил в пространство Марков. — Сдать оружие...

Видя, что чекист колеблется, Марков внезапным движением толкнул его в грудь и выдернул из кобуры «ТТ». Следующим пинком отправил в объятия Ямщикова.

— Арестовать с приставлением часового. Остальных сотрудников тоже обезоружить. Тут, я смотрю, нешуточные дела пошли...

Чекист побледнел:

— Товарищ командующий фронтом, — взмолился он, — это приказ начальника контрразведки фронта. Я не мог его не выполнить.

— Не мог, значит, не мог.

Повернулся к Ямщикову:

— Чтоб завтра этого придурка к восьми ноль-ноль доставили в мой кабинет. Выполняйте.

— Ну что, Александр Иванович, ты меня собираешься обедом кормить? — обратился Сергей к Ямщикову, всё ещё стоящему у стены и трясущимися руками пытающегося вложить свой «ТТ» обратно в кобуру. — И, знаешь, распорядись, чтобы нашли водочки. Румянцеву мы не дадим, ему ещё нас с тобой в Белосток везти. А сами дёрнем. За встречу и за то, чтобы они сдохли.

Расторопный ординарец ловко застлал рабочий стол комдива газетами, быстро просмотрев, чтобы в них не было ни портретов вождей, ни их речей или статей. Потом разложил варёную картошку, толстые ломти сала, квашеную капусту, ядрёные луковицы в янтарной шелухе и чёрный хлеб. В центр водрузил флягу с медицинским спиртом, пару жестяных кружек и графин с водой, в которой плавали кусочки мутного льда.

После первой и второй нервы немного отпустило.

— Сволочи, — всё ещё чуть заикаясь от пережитого, выговорил Ямщиков. — Я когда только начал вести нормальную подготовку, Иванов мне передал «мнение» — будто я этим провоцирую немцев. Представляешь, дать обычный курс молодого бойца нельзя! Они хотят, чтобы мы пришли к войне совершенно раздрызганными? Самолёты с той стороны границы пушками накрыть можно, танки без горючего и боеприпасов. У артиллеристов только учебный боезапас — по 5—6 выстрелов на орудие. И бойцы ничего не умеют. И ведь ещё пару раз предупреждали, чтобы прекратил. А теперь достали, мерзавцы.

— Ничего, Александр Иванович, — произнёс Марков. В голове зашумело от скупо разбавленного спирта и с голодухи. — Меня товарищ Сталин прислал, чтобы я подготовил фронт к войне. И я подготовлю. Мы с тобой вместе подготовим. Ты лучше ответь, как ты здесь оказался?

Ямщиков рассказал, что 201-ю Сибирскую дивизию первоначально должны были включить в состав 13-й армии. Отвели место дислокации. Только успели чуть обустроиться, прошёл слух, что передадут 22-й армии. Сейчас обещают переформировать в десантный корпус, объединив с другими частями. Растащат дивизию по кускам. Ну, пока хотя бы не приказали переезжать на новое место. Не то вся боевая и политическая подготовка опять полетела бы псу под хвост.

— А у тебя всё обучение идет по полной программе? — удивился Сергей.

— А как же. Живём по уставу. Это штука мудрая, сам знаешь. Я как-то, когда нечего делать было («Угу, командиру дивизии на новом месте дислокации нечем было заняться», — усмехнулся про себя Марков), думал, думал и пришёл к выводу, что меня в бою убить трудно. Сказать почему? Я понял технологию войны и научился всё делать по букве наставления. Написано: окапываться лёжа, держа сапёрную лопатку пе-

ред собой — я так и делаю. Помнишь, мы по молодости ворчали, мол, неудобно, норовили либо на колени вскочить, либо рыть сбоку от себя. Когда инструмент передо мной, он от пули защищает. А те, кому неудобно, в братских могилах лежат. И солдат своих (он сказал не бойцов, а по-старому — солдат) учу тому же. Чтобы пацаны живыми остались.

Александр Иванович задумался, махнул рукой в мозолях и въевшейся до полной неотмываемости грязи.

— Из сражения целым выйти можно. А от этих не убережёшься...

После Марков описывал своё существование в СТОНе, события, которые последовали после освобождения, — вплоть до сегодняшних. Закончил он неожиданным предложением: «Давай твою дивизию сделаем образцовой. Я на ней других командиров учить буду, как нужно службу править. Заберу подразделение в распоряжение фронта, в свой личный резерв. Лучший полк расквартируем в Белостоке. И ты поезжай со мной. Всё равно это в пределах зоны твоей ответственности. Тебя ничего такое, особенное, здесь не держит?

— Кроме службы — ничего, — ответил Ямщиков. Кажется, предложение Сергея он понял по-своему: — Ты в большую силу вошёл. Хочешь собственную гвардию завести? Может, по нынешним временам оно и правильно. Где там твоя авиация, поехали.

В половине восьмого, оставив Александра Ивановича досматривать утренние сны, командующий фронтом вошёл в свой кабинет. Непомнящий оказался, вопреки фамилии, всё помнящим и весьма педантичным служакой. И сейчас он доложил самое, по его разумению, главное: с нарочным получен пакет на имя Маркова из канцелярии Генерального секретаря ЦК ВКП (б).

Сергей Петрович вскрыл плотную обёртку. Прежде чем прочитать машинописный текст, впился взглядом

в пересекающую его наискосок резолюцию: «Товарищ Марков. Объясните начальнику контрразведки, что надо заниматься делом, если он на это способен. Если нет, решите его судьбу по своему усмотрению. И. Сталин». Потом пробежал глазами сам донос, вызвал офицера для поручений и «по совместительству» помощника и попросил немедленно разбудить отдыхающего в Доме садовника комдива 201-й и пригласить его к комфронтом.

Ямщиков явился без семи минут восемь. Генерал подал ему бумагу:

— Прочитай.

Полковник внимательно изучил оба листка. Резолюцию, похоже, проштудировал раза четыре.

— Никогда не видел написанного им собственноручно, — признался командир, возвращая докладную Габрильянца.

В этот миг Непомнящий доложил, что вызванные командующим командиры ждут в приёмной.

— Пригласите Валерия Хачиковича. Остальные пусть посидят в приёмной.

Старший майор в кабинет буквально влетел. Но вытянулся по стойке «смирно», доложил о прибытии — не забыл марковской угрозы. После этого бросился в атаку:

— Товарищ генерал-полковник, как начальник управления фронта я должен выразить категорическое несогласие с вашими возмутительными действиями в отношении сотрудников НКГБ и задержанных по моему распоряжению паникёров и вредителей. В том числе особо опасных, как командир 201-й Сибирской дивизии. Более того, мне кажется подозрительным то, что именно вы встали на защиту явного врага. Я докладывал, что отправил свои соображения в адрес Лаврентия Павловича. На вашем месте стоило бы вести себя более осмотрительно. Я ведь предупреждал...

Сергей Петрович внимательно слушал тираду чекиста. Когда Габрильянц закончил, Марков медленно встал, подошёл к чекисту, осмотрел его сверху вниз и обратно. После чего мягким голосом спросил:

— А ты кто такой? Верховный прокурор, нарком госбезопасности, доверенное лицо товарища Сталина? Какого ... ты, вошь тифозная, вообще тут отсвечиваешь? И слишком часто. В штаб Духонина захотел?

Габрильянц выпучил глаза и несколько раз сглотнул, совершенно не понимая, что происходит. Марков так же, как вчера у Иванова, выдернул из его кобуры пистолет. После чего сунул в лицо бумаги.

— Читай, мудозвон! Твой донос МНЕ возвратили. Внимательно смотри, вот сюда...

Чекист впился глазами в автограф вождя. Сказать, что он побледнел, было бы мало. Лицо стало белее мела, чёрные брови казались нарисованными сажей, как у клоуна в цирке. В течение долгой минуты Габрильянц пытался взять себя в руки, наконец спросил севшим, сиплым голосом:

— И что теперь будет?

— Для начала сними с петлиц один ромбик. Я обещал — я делаю. Если бы ты не предупредил меня, что стучать собрался, ты б рядовым в пехоту отправился прямо отсюда. Сказано же — «поступить по усмотрению». Но я ценю «откровенность», поэтому ещё послужишь. Но с этого момента и ты, и все особотделы будут заниматься только своими прямыми обязанностями. Главные направления я тебе уже излагал. Особое внимание сосредоточить на обеспечении надёжной связи, особенно в случае крупных провокаций со стороны потенциального противника или начала им военных действий. Преследования командиров частей без моего прямого распоряжения запрещаю. О всех арестах подозрительных, одетых в нашу военную форму, докладывать мне лично и незамедлительно. Там, куда такие, как ты, меня пристроили,

я хорошо научился в туфте разбираться. Исходить из вводной, которую я дал на совещании: готовиться к тому, что немцы начнут войну не позже середины июня. Всё. Выполняйте.

Габрильянц с зажатыми в кулаке ромбиками строевым двинулся к двери.

— Стой! В Москву, — он кивнул на бумагу со страшной резолюцией, — я пока докладывать не буду. Правильно работать будешь — верну ромбик. Усёк?

На этот неуставной вопрос майор не ответил, только судорожно дёрнул головой.

Не успел он выйти, резко зазвонил телефон ВЧ.

— Сергей Петрович, — произнёс в Москве Поскрёбышев, — с вами будет говорить товарищ Сталин. — И через короткую паузу добавил: — Только, по возможности, покороче. Иосиф Виссарионович ещё не ложился.

И тут же раздался глуховатый голос:

— Товарищ Марков, завтра в четырнадцать часов испытания серийных образцов ракетной техники. Послезавтра в пятнадцать часов состоится совещание по новейшему вооружению и его внедрению в войска. Ваше присутствие обязательно.

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

— Вы уже ознакомились с обстановкой?

— Так точно.

— Ваша оценка?

Генерал чуть не брякнул: «Ужасно», но вовремя спохватился.

— Сложно, товарищ Сталин.

Вождь кашлянул:

— Хорошо, после совещания доложите подробно.

Габрильянц наконец сообразил, что присутствует при разговоре, не предназначенном для его ушей. Он на цыпочках вышел из кабинета, попытавшись бесшумно прикрыть дверь, и, конечно же, она хлопнула.

— В кабинете кроме вас кто-то есть? — догадался Хозяин.

— Так точно.

— Чужой?

— Старый сослуживец, всё ещё полковник.

— Полагаете, достоин большего?

— Убеждён, товарищ Сталин.

— Хорошо. Представление привезите с собой, рассмотрим. До свидания.

На аэродроме Маркова встретил полковник Иванов. Широко улыбаясь, он распахнул дверцу «Эмки», усадил гостя и устроился на первом сиденье сам.

— Сначала домой, товарищ генерал? Умыться с дороги, побриться, вещи оставить. Пара часов у вас ещё есть.

Сергей не сразу сообразил, что квартира на Якиманке осталась за ним. Чтобы, приезжая в Москву, командир не мыкался по гостиницам. И очень обрадовался. Сразу пришла мысль о Ленке. В Белостоке о ней и вспомнить было некогда, а тут сразу понял, как соскучился по оторве и её замечательной, потрясающей улыбке. И стыд ожил и вцепился в мозг и в душу когтями из-за нелепой и ненужной ночи с Люсечкой. Сергей аж замычал вслух.

— Что, зубы? — забеспокоился порученец. — Может, отвезти вас в поликлинику штаба округа? Дантисты там вполне...

— Не надо, поехали домой, — махнул рукой Марков. Желание увидеть Ленку становилось нестерпимым. Ничего ему от девчонки не нужно, просто сидеть и смотреть на неё. И всё.

Квартира показалась какой-то пустой и мёртвой, что ли. Ещё не прошло и двух недель, как он отсюда выехал. Сергей провёл пальцем по подоконнику. Так и есть, пыль не успела скопиться. А ощущение такое, словно входишь в комнату, хозяина которой похоронили года два назад.

Он вспомнил учёного, соседа по нарам. Тот рассказывал про второе начало термодинамики. Про такую науку раньше слышать не довелось, да и не очень интересно было после дня лесоповала забивать себе голову. Но запомнилась фраза: «Любая домохозяйка знает: чтобы в доме был порядок, надо убирать, приложить силы. А чтобы всё заросло пылью, достаточно ничего не делать. Это и есть проявление второго закона — установление и поддержание порядка требует затрат энергии, а хаос, как наиболее вероятное состояние, возникает сам по себе».

Иванов пообещал заехать через час пятьдесят минут и отвезти товарища генерал-полковника сразу на полигон. Как только он вышел, Сергей бросил взгляд на телефон. Снять эбонитовую «гантелю», набрать шесть цифр, если повезёт, услышать Ленкино «Аллё». Она так произносила это бессмысленное словцо, что сразу становилось понятно всё: в каком девушка настроении, хулиганистом или, как сама однажды выразилась, «томна», озабочена или... Самое главное, скучает ли, обрадуется ли неожиданному звонку? Если её нет дома, хотя бы узнать у матери, где сейчас чадо. «Отставить, боец, — скомандовал сам себе Марков, — сначала дело». Он быстро принял душ, тщательно побрился. До возвращения порученца остался один час десять минут. «Ладно, звони», — великодушно разрешил сам себе командир.

Он долго слушал длинные противные гудки. Трубку так никто и не снял. Скорее всего, мать на работе, сестра и сама Ленка на занятиях. Все при деле. Только он на целый час выпал из жизни...

Посмотреть возможности серийных образцов новых вооружений приехали нарком обороны Тимошенко, начальник Генерального штаба Жуков, «первый красный офицер» Клим Ворошилов, командующий Западным фронтом Марков. Возглавлял комиссию замести-

тель Председателя Совнаркома товарищ Лаврентий Павлович Берия. Его сопровождал недавно назначенный начальником личной охраны Рафаэль Семёнович Саркисов, восточный человек импозантной внешности: седеющие виски, усы «мухой», какие носили Котовский, Чарли Чаплин, Адольф Гитлер. За спиной Саркисова шептали, будто он не только хранит тело шефа, но и ублажает его. Ещё передавали из уст в уста, что Микоян называет Рафаэля Семёновича азербайджанцем. Учитывая дружбу народов СССР, это ровным счётом ничего не значит. Просто для точности. Зато Азиз Мамед Керим оглы Алиев, буквально несколько дней назад возглавивший Верховный Совет Азербайджанской ССР, тоже исключительно из соображений достоверности, с пеной у рта доказывал, будто Саркисов — чистокровный армянин. Тот факт, что родился тёзка гениального художника в городе Кировабаде, помочь в «споре городов за право называться родиной Гомера» не мог.

Лаврентий Павлович был одет в любимое пальто из верблюжьей шерсти и выделялся, потому что все остальные сияли парадными шинелями. Саркисов держался на полшага позади шефа и сверлил присутствующих подозрительным взглядом, словно ожидая покушения и готовясь закрыть начальника собственным телом.

Результаты испытаний впечатлили всех. Уродливые трубы, больше похожие на принадлежность самовара, чем на оружие, с сотни метров пробивали даже в лобовой броне среднего танка дыру и взрывались внутри. Со стороны казалось, будто стальную черепаху начинает раздувать, пока она не лопается, отшвыривая башню или просто сбивая её набекрень. Здесь проявилась хитрость демонстраторов. Для особой наглядности в корпуса танков загружали боезапас, заливали горючее и даже добавляли несколько толовых шашек. Показуха так показуха.

Конструкторы предложили членам комиссии попробовать, насколько прост в обращении РРС, т. е. ручной реактивный снаряд. Согласились трое: Ворошилов, Жуков и Марков. Климентий Ефремович заторопился, дёрнул за спусковую скобу что было силы. В результате выстрел ушёл далеко в сторону от цели и взрыл верхушку земляного вала, окружавшего стрельбище. Начальник Генштаба внимательно осмотрел конструкцию, взвесил на руках. Приладился к прицельной планке. Несколько раз принимал правильную стойку для пуска, упираясь в землю крепкими, чуть кривоватыми ногами в лаковых сапогах. В результате снаряд с ужасающей точностью ударил в основание башни, и огненный цветок, мгновенно выросший из корпуса, поднял тяжеленный стальной цилиндр и отбросил его метров на тридцать. Жуков слегка погладил бок «самоварной трубы» и протянул инженеру из команды Лангемака, представлявшей разработку: «Хорошая штука».

Марков тоже долго осматривал РРС, измерял его тяжесть. По сравнению с ПТР легче. А эффективность выше. Целиться тоже было удобно. Плохо, что нельзя стрелять из положения «лёжа» — выхлопная струя опалит ноги, а то и спину. После нажатия на спуск дымная стрела протянулась к очередной цели и уничтожила её.

Перед тем как показать следующую новинку, членов комиссии пригласили осмотреть позиции «противника» — обустроенные по всем законам фортификации окопы и блиндажи, готовые к наступлению танковые сосредоточения — сюда свезли десятка три подготовленных к переплавке устаревших «черепах».

Ворошилов, Тимошенко, Жуков, Марков оценили, что огонь будет вестись не по декорациям, слепленным кое-как, а по настоящим боевым порядкам. Вернувшись на пункт наблюдения, дали команду и стали смотреть, как выезжают три «ЗиСа» с непонятными надстройками во весь корпус, закрытыми брезентом. Бойцы сноровисто стащили чехлы. Конструктор с мя-

тым, серым от усталости лицом, представленный как Владимир Андреевич Артемьев, сказал:

— Это — установка БМ 13—16.

Увидев не то рельсы, не то металлические лестницы, покрывавшие в несколько этажей грузовики, Жуков воскликнул:

— Это же ракеты. На Халхин-Голе примерно такие били с самолётов.

Расчёты этих странных для Маркова орудий укрепляли на направляющих огромные цилиндры. Артемьев смотрел на Берию, ожидая команды. Нарком достал из кармана батистовый платочек и картинно взмахнул им.

— Пуск, — крикнул конструктор. Раздирающий уши вой, волна огня, которая вырвалась из задних торцов снарядов. Огненные стрелы унеслись вдаль, к расположенным в восьми километрах «позициям условного врага».

Через полчаса, осматривая перекопанные мощными взрывами блиндажи и окопы, тлеющие обломки бронетехники, Марков пытался представить, что будет, если такой удар обрушится на танковую колонну на марше. Картина получалась убедительная. А если учесть ещё и мобильность этих установок...

— Сколько таких уже выпущено и сколько единиц изготавливается в месяц? — спросил он Артемьева.

— Готовы двенадцать изделий, — ответил Владимир Андреевич. — Запущены серии на трёх заводах. По мере отработки технологии темпы выпуска будут возрастать. Через месяц доведём до сотни.

— А скорость?

— До восьмидесяти километров по шоссе. От сорока до шестидесяти по бездорожью. — Конструктор вздохнул: — Если бы мы не потеряли столько времени...

Сергея Петровича осенило:

— СТОН?

Изобретатель косо глянул на генерала, но кивнул.

— Могли и встретиться, — объяснил комфронтом.

* * *

— У вас на сегодня всё, — сказал Поскрёбышев, — отдыхайте. Если нет других планов, вот два билета во МХАТ, там сегодня дают «Дни Турбиных». Товарищ Сталин собирается пересмотреть спектакль. Он любит эту постановку. Заодно вы могли бы поговорить, так сказать, в неофициальной обстановке.

Просьба Вождя, как было сказано выше, более обязательна для исполнения, чем прямой приказ. «Ладно, в конце концов, свожу девочку в театр, — подумал Сергей. — МХАТ, вроде, из приличных. В плохой Иосиф Виссарионович не пошел бы. Тем более, на одну и ту же пьесу много раз».

Но надеждам не суждено было сбыться. Телефон исходил противными длинными гудками. А когда трубку наконец сняли, Зинаида Петровна сообщила, что Ленка прямо из института отправилась куда-то с соученицами, когда вернётся, не сказала. Тут же «будущая тёща» принялась выспрашивать, почему давно не появляется «Серёжа», как обстоят его дела, словом, она была настроена на долгую беседу. Пришлось сослаться на важные государственные заботы и аккуратно свернуть разговор. Разглашать информацию о новом назначении Марков не имел права. Даже легкомысленная Радость вняла предупреждению, что это лучше сохранить в секрете ото всех: «Болтун — находка для шпиона».

Завтра, скорее всего, сразу после совещания придётся улететь в Белосток. Надежда увидеть, просто увидеть хулиганку таяла, как последние жалкие сугробы в конце апреля.

Для культурного мероприятия Марков решил одеться в штатское, в костюм и пальто, которые выбирала Ленка. И потому, что парадный мундир привлекал бы лишнее внимание, и вообще. По телефону он вызвал такси.

— Сейчас свободны только «ЗиС-101», — предупредила барышня.

— А какая разница? — удивился Сергей Петрович.

— Как же, на «Форде» или «Эмке» за километр рубль, а на «ЗиСе» рубль сорок, — вроде бы даже обиделась диспетчер. — Вас не предупреди, скандалить будете, что слишком дорого.

— Не стану я скандалить, — миролюбиво заверил генерал. — Только чтобы ждать не долго, ладно?

Огромный синий автомобиль прибыл через десять минут. Усаживаясь, Марков подумал: «За то, чтобы прокатиться на машине, на каких ездят члены правительства, рубль сорок за километр вполне приемлемая цена».

Перед входом в театр толпились люди. Несколько раз донеслось: «У вас не будет лишнего билетика?» «Сейчас выберу какую-либо студенточку и проведу», — решил было командир. Но одиноких девушек не наблюдалось, а разбивать пары он не хотел — свинство это. Сергей закурил, продолжая вглядываться в прибывавший народ, досмолил папиросу до самого мундштука, но так и не обнаружил претендентку на свободное место. До начала оставалось пятнадцать минут. Марков опустил окурок в урну и двинулся к дверям.

Представление Сергею не понравилось. То есть артисты играли совсем не плохо, а Лариосик вообще рассмешил и растрогал. Но хитросплетения семейных отношений недавних смертельных врагов — белогвардейцев — сочувствия не вызывали. Подумаешь, муж сбежал. А как орали бабы, чьих кормильцев вешал в Крыму Слащев, автор слышал? И рассуждения об офицерской чести сильно раздражали. Видел Марков эту самую честь и на Дону, и в том же Крыму.

В антракте генерал ждал, что к нему кто-либо, может, тот же Поскрёбышев, подойдёт и проводит в затенённую ложу, к Хозяину. Однако никто его не окликал. Сергей Петрович даже посидел несколько минут на ме-

сте, чтобы не пропустить посланца. Потом встал и отправился в буфет. Стоя в очереди, размышлял не о возвышенном и вечном, а о приземлённом и сиюминутном. Хотелось взять граммов двести коньячка, чтобы приглушить тоску, которая почему-то ныла в груди, слева, где сердце. Неужели это из-за девки-хулиганки с изумительной улыбкой? Вот же прижала его Радость. Но появиться перед главой партии и правительства, дыша перегаром, невозможно. А пятьдесят граммов брать бессмысленно: запах тот же, а толку ноль.

Марков вышел в фойе, бесцельно потоптался у стены и решил отправиться к своему ряду. У двери в зал спиной к нему стояла девчонка в таком же сером облегающем платье, какое было на Ленке в тот вечер, когда Сергей повёл её на Ближнюю дачу. Генерал сделал три шага. Это точно была оторва, шпана его ненаглядная. Она разговаривала с кем-то, скрытым за портьерой, и никого вокруг не замечала. Мужчина осторожно коснулся плеча. Девушка обернулась и вскрикнула от неожиданности.

— Не надо пугаться, я не более опасен, чем ваш собеседник, — счастливо улыбаясь, произнёс генерал. Ленка повисла у него на шее. Завзятые театралы с интересом наблюдали за мизансценой.

— Откуда вы взялись? — прошептала Радость в ухо, щекоча тёплым дыханием.

— Случайность. Я весь день тебя вызванивал. Мама сказала, не знает, когда ты придёшь. И вот...

Ленка опомнилась:

— Давайте я вас познакомлю. Это — Николай, мой сокурсник.

Марков вспомнил беднягу, которого девчонка отправила в нокдаун в день их первой встречи. Парень тоже узнал командира. Улыбка сползла с лица, он стал похож на ребёнка, у которого отняли игрушку.

— А это... — хулиганка запнулась, — это Сергей Петрович.

Юноша вежливо кивнул, опустил голову и сказал:

— Вы будете досматривать спектакль вместе? Я тогда пойду.

Сергей кивнул. Хорошо всё-таки, что он никому не отдал второй билет, и место рядом свободно.

— Пойдём?

Девушка казалась чуть смущённой:

— Неловко вышло. Колька так старался, доставал билеты на этот спектакль. Чуть ли не ночевал в очереди.

— Зато он может видеть тебя каждый день, а я соскучился.

Они уже подходили к своему ряду, когда Маркова легко тронули за рукав:

— Вас ожидают, даме придётся один акт посмотреть в одиночестве, — проговорил человек в чёрном, хорошо отглаженном костюме.

Сергей посмотрел Ленке в глаза:

— Извини, это очень важно. Ты только никуда не уходи, — и протянул билеты, чтобы она знала, куда сесть. Девушка закусила губу и кивнула.

Всё было обставлено почти так, как комфронтом себе и представлял. У входа в ложу на банкетках сидели четверо в хорошо отглаженных костюмах. Портьеры из золотистой парчи полузадёрнуты, а товарищ Сталин устроился в кресле в глубине, так что увидеть его ни с какой точки невозможно. К внешнему борту придвинут невысокий столик, уставленный блюдами с фруктами, бутылками вина и коньяка, розетками с красной и чёрной икрой. Вождь сделал приглашающий жест.

— На случай, если вы не успели пообедать, я попросил приготовить какую-нибудь закуску. Пожалуйста, товарищ Марков, угощайтесь. Наливайте коньяк сами — я не хочу, чтобы были свидетели нашей беседы.

Услышав слова Хозяина, четвёрка на цыпочках выскользнула за дверь, так что даже портьеры не шелохнулись.

Второй акт уже начался, ложу освещали только блики прожекторов и софитов, нацеленных на сцену. Сергей Петрович протянул руку к бокалу Вождя. Иосиф Виссарионович покачал головой. Комфронтом подумал и всё же налил себе жидкости, которая в полумраке казалась тёмно-коричневой, пригубил и отставил сосуд. Сталин сидел неподвижно, ждал, пока командир будет готов к докладу. Даже в темноте генерал видел жёлтые глаза Хозяина, чувствовал его неподвижный взгляд.

Марков рассказал о безупречных документах, не соответствующих реальному расположению частей, и неразберихе, царящей в войсках, о перемешавшихся подразделениях и штабах, которые потеряли управление. Об аэродромах у самой границы. В первые минуты войны их накроет артиллерия. О танках без солярки и боезапаса, об артиллерии с пятью выстрелами на ствол. И о контрразведке, которая выбирает тех, кто пытается противостоять буйству второго закона термодинамики. Как-то само вспомнилось и легло на язык заумное словцо.

Сталин слушал молча, сидел не шевелясь, словно каменный идол. Только услышав про термодинамику, чуть усмехнулся в усы.

— Скажите, товарищ Марков, способны ли наши войска завтра ударить по немцам?

— Нет, товарищ Сталин.

— Если мы дадим вам все полномочия, сколько времени понадобится для наведения порядка? — Произнося последнее слово, Вождь сжал в кулак короткие пальцы.

Командующий фронтом не спешил с ответом, взвешивая возможности — свои и огромного и громоздкого, проржавевшего механизма управления сотнями тысяч вооружённых людей.

— Не менее полутора месяцев, — сказал он наконец.

Хозяин кивнул.

— Что скажете о новом вооружении?

— Очень эффективно.

— Если мы дадим вам столько ручных снарядов, сколько запросите и три-четыре сотни установок залпового огня, поможет это остановить наступление гитлеровцев, когда они рискнут атаковать?

— Безусловно. Но только этого будет мало.

— Что ещё?

— Необходимо скрытно перенести аэродромы, оставив существующие в качестве ложных целей. Прикрыть вероятные направления вторжения укрепрайонами.

— Поручим Карбышеву, — кивнул «идол».

— На базе 11-го мехкорпуса создать мощное мобильное соединение. Пусть оно базируется в районе Белостока. Это будет бронированный кулак, которым можно бить противника на главных направлениях его атаки.

— Направлениях? Убеждены, что немцы будут наступать не по одному направлению — на Москву?

— Скорее сходящимися клиньями с Сувалковского выступа и в районе Бреста, — механически ответил Марков, всё ещё обдумывая организацию войск на территории фронта. И только тут понял свою стратегическую ошибку. Не собирается Гейнц Гудериан «откусывать» мягкую белостокскую булочку. Прав товарищ Сталин, целью сразу будет столица. А значит...

Иосиф Виссарионович не дал времени осознать все последствия озарения. Да ладно, мысль поймана, детали доработаем потом.

— По вашему мнению, какими способами мы можем задержать развёртывание немецких соединений? — спросил глава партии и правительства.

— Развернуть диверсионную работу под видом партизанских действий польских националистов.

— Этот ваш... как его? Габрильянц, справится? Или вы решили его отстранить?

— Он получил задание. Посмотрим...

— Что ещё можно предпринять?

— Испугать Гитлера перспективой активной войны на два фронта.

— Я должен приказать Черчиллю организовать высадку куда-нибудь в Нормандию? — хмыкнул Сталин. — Боюсь, он не послушается даже меня.

— А если показать немцам возможности нашей промышленности? Продемонстрировать всё: новые танки, самолёты. Пусть прикинут, сколько можем выпускать мы и на что способны их Круппы с Хейнкелями. Пусть даже и с заводами «Шкоды».

Хозяин тяжело задумался.

— Ракеты мы от них спрячем. «МиГи» тоже. Должны же быть какие-то сюрпризы для дорогих друзей. А в остальном... Мы подумаем о возможности прикрыть восстановление порядка в нашем борделе дипломатическими фиговыми листочками. Посоветуемся по этому вопросу с товарищами. Хорошо, товарищ Марков. Завтра мы поговорим ещё об одном виде вооружения. Нам интересно ваше мнение, будьте на совещании обязательно. Необходимые полномочия и всяческую поддержку вы получите. Остальное решим в рабочем порядке. Представление на сослуживца привезли? Я предполагаю, вы строите по его поводу некоторые планы?

Сталин никогда ничего не забывал.

— А сейчас допейте коньяк, он того стоит, и идите. Девушка, поди, уже заждалась.

Марков не знал, чему дивиться больше, осведомлённости вождя или просторечному русскому «поди», которое так легко вплелось в речь пожилого грузина. Поднимая бокал, Сергей не удержался и совсем по-мальчишески спросил:

— Товарищ Сталин, а откуда вы знаете? Ну, что Ленка здесь.

Хозяин усмехнулся совсем по-человечески, даже с лукавинкой:

— У вождя есть свои преимущества. Ему докладывают всё, что его интересует. Правда, я эти преимущества отдал бы за молодость. Идите, товарищ Марков, и помните, что лучше быть молодым щенком, чем пожилым львом.

В фойе Сергей вышел почти счастливым. Второй акт ещё шёл, и Марков решил не мешать «художественной цельности впечатления» других зрителей, а пересидеть до конца в буфете, взять ещё граммов сто пятьдесят коньячка, ни о чём не думая, потягивать его сквозь зубы — они, кстати, давно уже не ныли и даже шататься почти перестали. Порадовать чем-нибудь Ленку. При мысли о ней лицо Маркова расплылось в довольной улыбке. За стойкой царила толстая дама в строгом костюме, на котором диковато смотрелся кокетливый кружевной фартучек. Генерал купил у неё коробку шоколадных конфет, заказал кофе себе и девчонке, спросив, сколько времени осталось до конца действия. За дарованную четверть часа можно было, не торопясь, справиться с порцией напитка. Естественно, маслянистая жидкость была похуже, чем у Вождя, но вполне терпимой. Ровно через двенадцать минут он подошёл к выходу из зала — ловить Радость. Потом, когда выдастся свободный миг, он будет перебирать воспоминания об этом вечере, каждый свой шаг и каждый жест Ленки. Он знал об этом заранее и собирал, впитывал впечатления.

Вот повалили из двери зрители, комкая в ладонях программки и платочки, теребя веера и бинокли. Вот появилась тоненькая фигурка в сером платьице. Увидев Маркова, Радость сделала обиженную гримаску, но тут же улыбнулась так, как умела только она. Мужчина обнял девушку за плечи, шепнул в волну чёрных волос:

— Прости, девочка, вызывал Сталин.

— Он здесь? — недоверчиво переспросила Ленка. — В театре?

Сергей кивнул и увлёк студентку к забронированному столику. Глядя, как она жуёт конфету за конфетой, отхлебывая ароматный, уже не слишком горячий кофе, генерал вдруг сообразил, что его дама должна быть голодной, как стая волков весной.

— Ты что-нибудь сегодня ела?

— Угу, в полвосьмого утра, перед лекциями.

— Вот я балбес, надо было хоть бутербродов набрать. — Марков посмотрел на очередь, уходящую куда-то в дали фойе.

— Ничего, — улыбнулась Ленка, — после спектакля вы меня чем-нибудь покормите.

— Заедем в «Арагви»?

— Ни в коем случае. Вот бы в «Артистическое», тут напротив.

— Ну и пойдём.

— Там бывают мхатовцы, так что всех не пускают.

Сергей Петрович на миг задумался. Если удастся найти того в отглаженном костюме, который провожал к Хозяину...

Он появился тут же, словно Вождь был наделён даром читать мысли Маркова. Генерал извинился перед Радостью и подошёл. Выслушав просьбу, человек покивал, подумал и сказал:

— Сделаем. К концу спектакля к вам подойдут.

Действительно, уже у самого гардероба, когда Сергей получил пальто — своё и Ленки, чёрный костюм подвёл импозантного мужчину в форме, сияющей, как адмиральская парадная: китель с золотыми вензелями и галунами и брюки с широкими, золотыми же лампасами.

— Вот, устройте, пожалуйста, товарищей.

«Адмирал» сверху вниз окинул пару взором, оценивая наряды, чуть заметно поморщился, но скомандовал:

— Прошу следовать за мной, — и двинулся сквозь толпу, что твой ледокол по бушующему морю.

Кафе и на самом деле было напротив театра, через узенький переулок. Перед входом топтались человек

тридцать оптимистов, надеющихся попасть в землю обетованную, где вкушают нектар и манну небесную небожители — мастера искусства. «Адмирал» проложил между ними дорожку, и, Марков впереди, Радость за ним, продвинулись к самой двери, которая тут же распахнулась и впустила генерала с дамой и перестроившегося в кильватер золотогалунного, который на самом деле оказался швейцаром.

Хвалёное кафе, где «бывают актёры-мхатовцы», Сергея разочаровало. Небольшой зал, расположенный в полуподвале, с отделанными деревянными панелями стенами, был переполнен и душен. Селянка оказалась чересчур жирной, в ней плавали куски варёного сала, его командир не любил с восемнадцатого года. В шашлыке на рёбрах рёбра присутствовали, а мясо найти, как выяснилось, затруднительно.

— Первый раз вижу пункт общественного питания, где угощают исключительно духовной пищей, — проворчал генерал, гоняя вилкой по тарелке почти голую кость.

Девушка заказала салат, какую-то замысловатую котлету. Но поглощала яства она равнодушно, не отводя глаз от столика напротив. Там о чём-то балагурил с приятелями уже порядком набравшийся человек. Он показался знакомым, хотя Сергей Петрович мог бы поклясться, что никогда раньше его не встречал. Из-за шума в зале разобрать, о чём же он вещает, было трудно. И вдруг прозвучала какая-то особенная интонация, и Марков понял: это артист, который играл Лариосика. На сцене он казался значительно более молодым. Сергей стал вглядываться в полупьяного актёра. На вид вполне заурядный гражданин, встретишь на улице, не обернёшься. Что в нём такого, что притягивает внимание огромного зала, даёт власть смешить и вызывать волну сочувствия? Что такое талант и куда он прячется, «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон»? Пушкина командир

знал с детства, с огромного тома, вместившего чуть ли не полное собрание сочинений, который он перечитал с десяток раз. Несмотря на нищее существование, читать своего отпрыска родители научили в четыре года. А книг в доме, опять же вследствие бедности, было мало. Вот и запали на всю жизнь непонятые строки.

Марков никогда не думал о себе как о человеке, наделённом даром, только не таким, как у размахивающего руками лицедея. Хоть доводилось слышать, как кто-то называл Сергея Петровича гением стратегии, но всегда это вызывало чуть смущённое и насмешливое отторжение. Разве это талант — видеть на карте, как расположит войска противник, куда расставить свои силы, чтобы нанести поражение врагу с наименьшими потерями? Этому учат в военных институтах. Потому к чужим талантам он всегда относился с уважением и тщательно скрываемой растерянностью перед непонятным.

Компания мхатовцев и их приятелей собралась и уехала, судя по всему, продолжить в более приватной обстановке. Ленка тут же потеряла интерес к «Артистическому», в два укуса расправилась с блюдами и спросила:

— Поедем?

Марков даже слегка растерялся:

— Куда?

— Я думала, к вам, — обиделась девчонка.

«Спасибо товарищу Сталину, что сохранил за мной жильё», — с иронией подумал Сергей.

Когда вошли в квартиру — странно, теперь она показалась вполне обжитой и даже уютной, — Ленка сбросила пальто и направилась в ванную.

— Радость, маме позвони, — попросил Марков. — Она с ума сойдёт от беспокойства.

Девчонка дёрнула плечиком:

— Подумает, что я ночую у отца. Или у стариков.

— Набери маму, — мягко повторил Сергей.

Хулиганка показала ему язык, но подошла к аппарату:

— Ма, привет, это я. Нет, уже не приду. Завтра после института. Да, мы тут с ребятами. Угу. — Пару минут она слушала. — Да, мама, ты говорила. Да, знаю. Да. Да. Согласна. Да знаю я, мама. Всё, договорим дома, — и брякнула трубкой по рычагам. В ответ на вопросительный взгляд командира ещё раз дёрнула плечиком и отправилась принимать душ.

Потом Марков гладил обнажённые плечи девушки, целовал губы и глаза. Незнакомая до сих пор нежность, почему-то горьковатая и солоноватая, как морская вода, плескалась внутри. Его ласки были совершенно невинными, восхищение на какое-то время перебороло желание.

Ленка каким-то чудом поняла настроение мужчины. Она лежала на спине и тихо улыбалась — Маркову или собственным потаённым мыслям, она и сама не сумела бы определить.

Они долго не засыпали, лежали обнявшись, слушая дыхание друг друга. В те минуты Сергей понял, ощутил, что жить без Радости он, может, и сумеет, но это будет существование калеки.

Утром, словно соблюдая традицию, проспали. Девчонка металась между ванной и прихожей, во весь голос ругая себя дурой, засоней, распустёхой и иными выразительными словами. Марков вызвал такси, «ЗиС», они из-за дороговизны приходили быстрее, «с ветерком» домчал Ленку до ИФЛИ, девушка клюнула носом в его щёку и полетела, а Сергей смотрел ей вслед, пока хулиганка неслась ко входу, прижимая к груди какую-то папку. Удивительно, что вчера её, папки, либо не было, либо мужчина умудрился её не заметить.

На том же авто он вернулся домой и сел готовиться к совещанию. Судя по вчерашним словам товарища Сталина, на нём должно было произойти нечто экстраординарное.

Участниками оказались почти все те, кто вчера выезжал на полигон. Только во главе стола сидел товарищ Сталин, а по правую руку от него молодой человек, не то Лихов, не то Ляхов — в общем, что-то с лихом связанное. Марков запомнил его с прошлого заседания по вооружению. Запомнил из-за нелепого костюма, из-за шокирующе свободного обращения к людям, значительно отличающимся по возрасту и положению. Он даже к Иосифу Виссарионовичу обращался тогда чуть ли не как к ровне. И Хозяин, умеющий почти буквально убить взглядом, это терпел, и это ему, кажется, даже нравилось.

Но теперь он был в хорошо сидящей форме бригвоенинженера и вёл себя сообразно этому.

«Командиров производства» пока решили не приглашать. Прежде нужно было понять, какие потребуются мощности для ускоренного создания нового оружия, а потом уж разбрасывать задания существующим наркоматам. Если окажется, что дело того стоит, определиться, где и как строить центр по разработке и сборке Изделия. Курчатов сидел рядом с Лиховым-Ляховым и периодически принимался с ним о чём-то перешёптываться, ожесточённо приглаживая густой чуб. Как и в прошлый раз, с целью обеспечения секретности, вести любые записи было запрещено.

— Товарищ Марков, — позвал Сталин, — вы принесли представление на того полковника?

— Так точно, — комфронтом протянул вождю папку с документами Ямщикова. Тот раскрыл, мельком глянул, прочитал какой-то абзац более внимательно: «Участвовал в обороне Царицына?» На секунду Хозяин задумался.

— Нет, не встречались. Я бы запомнил.

Иосиф Виссарионович передал бумаги Тимошенко.

— Распорядитесь, чтобы приказ оформили, пока мы тут будем совещаться. Я сразу подпишу.

Нарком кивнул, взял бумаги и вышел в приёмную. Через две минуты занял своё место, кивнув Сталину:

— Выполняется.

Основным докладчиком был Берия. По знаку Хозяина он встал, одёрнул тяжёлый двубортный пиджак, сверкнул стёклышками пенсне и заговорил:

— Товарищи, прежде всего позвольте представить человека, о котором я говорил в прошлый раз. Он будет под руководством уважаемого Игоря... — зампредсовнаркома замялся.

— Васильевича, — подсказал Курчатов и облизнул пухлые губы.

— ...под руководством уважаемого Игоря Васильевича, — повторил Лаврентий Павлович, — доводить проект до создания опытного образца.

Нарком сделал знак, и в кабинет вошёл щуплый человек в костюме не по росту, явно подобранном на каком-то складе. Он поздоровался со всеми, смущённо потеребил бороду, вглядываясь сквозь очки-велосипед в сияющие золотым шитьём мундиры. На Сталине взгляд задержался на мгновение дольше, чем на других.

— Знакомьтесь, — вещал между тем Берия. — Павел Александрович Флоренский. Он изобрёл очень простой, дешёвый и эффективный способ получения тяжёлой воды при помощи водорослей и представил расчёты по Изделию.

Нарком НКВД сделал эффектную паузу и продолжил:

— 26 февраля 1933 года был арестован по доносу, работал в научно-техническом отделе БАМЛАГА, 30 ноября 1937 года расстрелян[1].

---

[1] Родственники П.А. Флоренского получили извещение, что приговор ему был приведён в исполнение 15 декабря 1943 года. (*Прим. авт.*)

Сталин помрачнел, остальные изумлённо переглянулись. Чтобы говорить такое в присутствии Вождя, надо или быть самоубийцей, или заранее знать, что Хозяин простит.

— В то время у меня ещё не существовало других возможностей спасти этого гениального учёного, — скромно поделился Лаврентий Павлович. — Но спрятать Павла Александровича от ежовских прихвостней тогда ещё в СТОНе моим людям (он выделил эти слова голосом) всё же удалось.

Флоренский тем временем увидел знакомое лицо, бросился к Маркову, протягивая руку:

— Здравствуйте. Я верил, что нам удастся ещё встретиться. Я ведь стольким вам обязан.

Такое вызывающее поведение смутило всех. Только Сталин слегка пожал плечами, мол, что возьмёшь с расстрелянного ещё четыре года назад. Да на лице Берии сначала появилось крайнее недоумение, а потом мрачная гримаса.

Только пожимая узкую сухую ладонь, Сергей Петрович узнал человека, которого они с Лосем спасали от бандитов Куцего. Генерал сел, перехватив угрожающий взгляд наркома внутренних дел, но так и не понял, был этот взгляд брошен на него или на Флоренского.

Лаврентий Павлович взял себя в руки и, словно ничего не произошло, продолжил:

— Предоставляю слово Павлу Александровичу.

Флоренский снова обвёл глазами слушателей.

— Мне удалось рассчитать критические массы, но здесь возможна только определённая аппроксимация, поэтому в заданных рамках точные значения придётся подбирать эмпирическим путём. Формула... — он растерянно осмотрелся, на чём можно написать.

— Дайте ему бумагу и карандаш, — приказал Сталин. Буквально из воздуха тут же материализовал-

ся Поскрёбышев (на заседании он не присутствовал), положил на стол пачку бумаги и несколько отточенных карандашей. Павел Александрович схватил один из них и набросал не понятные для большинства присутствующих закорючки. Курчатов и Лихов-Ляхов даже привстали, чтобы разглядеть написанное.

— Товарищ Курчатов, товарищ Лихарев (оказывается, не Лихов и не Ляхов), подойдите поближе, — добродушно позволил Сталин. Три головы склонились над листком. До участников совещания доносились только обрывки фраз, которыми обменивались учёные:

— А самопроизвольное деление? Пусковой механизм? — Курчатов отбрасывал падающие на глаза волосы и снова ерошил чуб, Лихарев выглядел озадаченным.

— Совершенно неожиданный подход, — пробормотал он.

— Если принять теорию относительности, совершенно закономерный, — возражал Флоренский.

Берия тоже подошёл поближе и с интересом заглядывал в записи. Пару раз он показывал пальцем на закорючку, и Павел Александрович, согласно кивнув, что-то зачёркивал, исправлял. Или бросал короткую фразу, и нарком внутренних дел кивал в свою очередь.

— Я ведь инженэр, — пояснил Лаврентий Павлович Сталину и снова погрузился в мир формул.

Курчатов схватил лист бумаги и карандаш и погрузился в какие-то свои расчёты, периодически ожесточённо кусая тупой конец.

— Если всё так, — наконец произнёс он, — то опытный образец можно сделать через, — он поднял глаза к потолку, что-то прикидывая, — через полгода.

— Через три месяца, товарищ Курчатов, — поправил Сталин. — Мы предоставим вам всё необходимое, но образец должен быть готов через три месяца, не позже.

Когда Флоренский стал описывать мощь бомбы, основанной на расщеплении атома, командиры заёрзали в креслах, недоверчивый гул прокатился по кабинету.

— Я сказал бы, что Павел Александрович даже несколько приуменьшает возможности этого устройства, — вмешался Игорь Васильевич. — Есть другой вопрос: не окажется ли цепная реакция неуправляемой в смысле участия в ней неурановых элементов? Эйнштейн считает, что такую возможность исключить нельзя. Во всяком случае, теоретических запретов нет.

— Не окажется, — уверенно сказал Лихарев. — В данном случае до порога ещё далеко.

Флоренский, Курчатов и Берия удивлённо уставились на юнца, а он, не смутившись, заявил:

— Я потом объясню.

Когда совещание закончилось, Павел Александрович в приёмной ещё раз подошёл к Маркову, снова благодарил, тряс его руку. Сергею показалось, что Флоренский чувствовал себя неуверенно и пытался таким образом самоутвердиться.

— Надеюсь, мы ещё встретимся, — сказал он на прощание. Генерал кивнул.

Вернувшись к себе, Лаврентий Павлович приказал Мамиашвили срочно вызвать Мамсурова, где бы он ни был, в Москве или в Белостоке. И пригласить на аудиенцию генерала Павлова. Третьим приглашённым стал Рафаэль Саркисов.

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

26 апреля 1941 года

Кинцель: Общая обстановка в России с 1.4 не изменилась. С того времени отмечено увеличение войск на западе [России] на десять дивизий. Армия мирного времени, состав которой сейчас увеличен (около 170 дивизий), может считаться армией, укомплектованной по штатам военного вре-

мени. Однако есть сомнения относительно наличия транспортных частей.

Ежедневно идут поезда с дополнительной матчастью (например, 250 эшелонов проследовали в район Вильнюса), вероятно, для доведения частей до штатов военного времени, так как пока что многие дивизии не были, например, полностью оснащены артиллерией.

Кребс докладывает, что имеется большое число соединений, в которых ещё не хватает матчасти. В отношении личного состава поступают жалобы на недостаток офицеров. Полками командуют молодые майоры, дивизиями — полковники.

Увеличение количества войск на западе России за счёт прибытия новых десяти дивизий наиболее заметно в районах Белостока и Львова. В тылу фронта, подтянувшегося к самой границе, расположены четыре танковые группы разной численности. Они находятся в Бессарабии, в районе Житомира и западнее, а также под Вильнюсом и Псковом.

Вагнер (генерал-квартирмейстер) и Финк:

а. Подготовка автотранспортных колонн для операции «Барбаросса» и их распределение. После формирования [автотранспортных] полков за счёт выделения автомашин из гражданского сектора и из национал-социалистического автомобильного корпуса потребность в автотранспортных средствах, кажется, полностью покрыта. Из старых автотранспортных полков в настоящее время два (605-й и 616-й) находятся в Вене, а один (602-й) — в Саксонии, на отдыхе и пополнении. План предусматривает выделение транспортных средств в распоряжение командования танковых групп, армий и других высоких командных инстанций.

Распределение транспортных средств:

«Барбаросса» (включая командные инстанции): группа армий «Юг» — 15 880 тонн; группа армий «Центр» — 25 020 тонн; группа армий «Север» — 12 750 тонн; резерв генерал-квартирмейстера — 13 590 тонн.

Ливия — 2190 тонн.

Юго-Восток — 480 тонн.

Запад — 2970 тонн.

Высвободить из различных мест (со строительства укреплений на Востоке, с очистки дорог от снега на Юго-Востоке) — 2040 тонн.

Итого — 74 920 тонн.

б. Положение с горючим. Заявка в ОКВ о выделении 10 тыс. куб. метров для учебных целей.

в. Недостаток запасных автомашин. В распоряжении генерал-квартирмейстера нет ничего. Всё идёт на новые формирования.

28 апреля 1941 года

Генерал Якоб:

а. Греческие укрепления. Рекогносцировка и изучение этих, а также югославских укреплений.

б. Русские мины. По имеющимся данным, у русских — мины лишь старых образцов, в деревянных ящиках. Я в это не верю. Мины в пластмассовой оболочке миноискателями не обнаруживаются.

в. Паромы типа «СС». Распределение их в настоящий момент и использование в будущем в операции «Барбаросса». Очевидно, они мало понадобятся! — Штурмовые лодки: распределение и использование их в операции «Барбаросса».

Полковник Окснер: Сообщение об учениях по применению дымовых завес (7—8.4). Успехи в противохимическом оснащении и обучении войск. Русские ОВ и меры защиты против них.

Генерал Фельгибель:

а. Связь между передовыми отрядами и ОКХ будет осуществляться через передовых офицеров — наблюдателей, снабжённых коротковолновыми передатчиками. Роты подслушивания и радиоперехвата.

б. Линии связи через Венгрию. Задачи в Восточном Средиземноморье. «Барбаросса».

29 апреля 1941 года

Служба связи [ОКХ] в операции «Барбаросса»: Офицеры связи (снабжены коротковолновыми передатчиками) при танковых группах. Команды связи со штабами групп армий. Использование рот подслушивания и перехвата ОКХ.

30 апреля 1941 года (среда)

15.00 — Доклад у фюрера [докладывает начальник генштаба сухопутных войск]:

1. Сроки проведения подготовки к операции «Барбаросса»: 3-й эшелон войск железнодорожное движение по графику мирного времени — 8.4—20.5.

17 дивизий и части резерва ОКХ из Германии и с Запада.
4-й (а) эшелон войск — ускоренный график железнодорожного движения — 20,5—2.6.

9 дивизий и части резерва ОКХ с Запада.

4-й (б) эшелон войск — ускоренный график железнодорожного движения — 3—23.6.

12 танковых и 12 моторизованных дивизий из Германии — с Запада на Юго-Восток.

Ускорение переброс невозможно по техническим причинам и вследствие необходимости закончить доукомплектование. Своевременно не смогут прибыть две танковые дивизии (2-я и 5-я) и одна моторизованная дивизия (60-я).

2. Резервы ОКХ: Включая пять дивизий с Запада и одну полицейскую дивизию, резервы ОКХ составляют тридцать дивизий, одиннадцать из которых в настоящее время ещё находятся на Балканах.

3. Соотношение сил России и Германии. Анализ предстоящих пограничных сражений, в особенности в полосе группы армий «Юг». Возможность использования венгерских войск. Возможность наступления с форсированием р. Прут при наличии достаточных сил.

[Высказывания фюрера:]

а. Переговоры с Венгрией, Финляндией и Румынией: «На Западе, возможно, предстоят крупные события. Поэтому необходима защита на Востоке. Россия несколько раз недружелюбно поступала с нами, поэтому мы должны обеспечить себя от всяких неожиданностей»; ориентировочно — с 23.5.

б. Необходимость прикрытия районов Плоешти и Чернавода.

в. Ввести в действие управление армии Шоберта за шесть недель до начала, то есть самое позднее — 15.5.

4. Доклад начальника генерального штаба сухопутных войск: Резервы ОКХ необходимо полностью использовать в операции «Барбаросса». Выделение 105-мм пушек и мортир для Ливии очень болезненно отразится на операции «Барбаросса». Пока следует отправить в Ливию лишь одну батарею 105-мм пушек; с остальными — подождать. Если Тобрук будет взят, необходимость в них отпадёт. — Батареи железнодорожных орудий временно будут переброшены с Запада на Восток (7 из 16 батарей).

[Гитлер:] Согласен!

ГЛАВА 5

Уже в самолёте, летящем в Белосток, откинувшись в узковатом кресле и закрыв глаза, командир стал вспоминать вчерашний вечер с Ленкой. И из расслабляющей нежности, от которой — он чувствовал это как физический процесс — таяло сердце, всплыло то, что задело сутки назад. Радость почему-то сказала матери, что проведёт ночь с однокурсниками. Как будто Зинаида Петровна не знала, что девчонка не раз и не два оставалась у Сергея. И ведь будущая тёща должна была сообщить, что Марков в Москве и разыскивает ненаглядную «оторву».

Усталость накатывала, и мужчина решил не обращать внимания на мелочи. Мало ли, может, хулиганка выкинула очередной фортель и поссорилась с семейством. Или — заворочалось беспокойство — опять какие-то проблемы в институте? Ладно, решим, подумал Марков уже в полудрёме, нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики.

Когда все приглашённые — Мамсуров, к счастью, оказался в Москве — собрались в кабинете Берии, без вызова вошла красавица Мамиашвили, заперла за собой дверь и встала рядом с нею, прислонившись к стене, словно охранник. Генерал армии Павлов явился в парадном мундире и сиял золотым шитьём, которое не вязалось с встревоженным лицом Дмитрия Григорьевича. Хаджи-Умар присел на край кресла перед столом наркома, как огромный кот, готовый в любой момент броситься в сторону. Рафаэль Саркисов, усевшись верхом на самый скромный из наличествующих стульев, нервно теребил щеточку усов, оглядывая по очереди присутствующих.

— Меня тревожит Марков, — без предисловий начал Лаврентий Павлович. — Он с подозрительной регулярностью появляется у нас на пути. Объяснять всё это случайными совпадениями уже невозможно.

— Я, наверное, не всё знаю, — проговорил Мамсуров.

— Давайте по порядку, — согласился нарком. — Мы предприняли известную акцию, чтобы напугать и скомпрометировать Кобу.

Диверсант кивнул, и на мясистом лице появилась довольная улыбка.

— Это было изящно. Только протискиваться по потайному ходу человеку моей комплекции было нелегко. Очевидно, предки были совсем тщедушными. Я вылез весь в пыли и паутине, чихал потом неделю.

— Подмести для тебя забыли, — пробормотал Саркисов. Хаджи-Умар не удостоил его даже взглядом.

— В результате Иосиф вытащил из лагерей двенадцать зэков, чтобы выковать из них доверенных «апостолов». Мы приняли меры, и из всех остался только Марков.

Когда появилась реальная возможность свергнуть тирана, этот выдвиженец готов был бросить подчинённые ему войска в защиту Джугашвили. С тех дней мои отношения с Вождём сильно испортились. Если бы не урановый проект, не человек, которого я сберёг, товарищ Берия сам уже оказался бы в СТОНе. Со всеми вытекающими последствиями для всех присутствующих. И вдруг выясняется, что и мой секретный специалист — добрый знакомый Маркова.

Наконец, Дмитрия Григорьевича Коба снимает с округа, преобразовывает Западный Особый в фронт и поручает тому же Маркову, шени деда, подготовить войска к отражению нападения немцев. Это полный крах наших планов. Надо решить, что мы должны делать.

— Я был в Белостоке, — с недоумением заговорил Мамсуров. — Комфронтом делает всё, что должен предпринять честный военачальник, чтобы обезопасить границы своей страны. Не могу понять, что мы можем иметь против этого?

— Ты подключился к операции позже остальных, Хаджи-Умар, — стал объяснять Берия, — потому пред-

ставляешь её не в полном объеме. Главная цель, с которой ты согласен, — устранить от власти Сталина. Подчёркиваю, мы люди гуманные, убивать его не собираемся...

Мамиашвили иронически усмехнулась.

— Да, — настойчиво повторил Лаврентий Павлович, — мы не хотим пачкать руки в крови. Даже в крови такого злодея, как Коба.

— Если бы можно было шлёпнуть Джугашвили так, чтобы ответственность пала на кого-то другого, он бы уже лежал под землёй на три метра, — цинично сказала красавица-секретарша. Павлов кивнул, Берия поморщился, но продолжил:

— Если вождь будет скомпрометирован, его можно отстранить от власти...

— ...и захватить её самим, — закончила Мамиашвили. — А теперь представь, боец, — обратилась она к Мамсурову. — Гитлер наносит удар по скученным, неуправляемым войскам. Немецкие танковые колонны за три дня выходят к Минску; к сентябрю они уже под Москвой. Сталин арестован как виновник разгрома. Его место занимает Лаврентий Павлович и договаривается с врагом о мире. Да, тяжёлом, но всё же лучшем, чем полное уничтожение страны. Ленин тоже подписывал Брестское соглашение.

Диверсант ошарашенно смотрел на каждого из присутствующих:

— Чтобы захватить власть, вы готовы отдать полстраны?

— Если это плата за то, чтобы убрать Сталина, цена не слишком высока, — отрезала женщина.

— Это — временная мера, — примирительно заговорил Берия. — Как только мы создадим бомбу и продемонстрируем её мощь, немцы станут куда как уступчивее. Тогда и подпишем новый договор. Польшу, Белоруссию и Украину, скорее всего, придется отдать, но ничего, Россия велика, земли на всех хватит.

Мамсуров тяжело задумался, он даже как-то осел в кресле, словно придавленный тяжестью выбора, который нужно было сделать.

— Вернёмся к Маркову, — призвал нарком внутренних дел. — Мой человек в Белостоке предлагает скомпрометировать его. Как в своё время Тухачевского: обвинить в сговоре с фашистами.

Хаджи-Умар ухмыльнулся:

— Не выйдет.

— Зачем такие сложности, — горячо вмешался в обсуждение Саркисов, — семь пулек, как в Сараеве, и всё. Как учит нас товарищ Сталин, есть человек — есть проблема; нет человека — нет проблемы.

— Ни в коем случае, — отмёл предложение Лаврентий Павлович. — Лучше, если Сталин убедится, что старые соратники не подводят. Борозду не портят. А новые, да ещё обиженные...

— Да, доверие Иосифа Виссарионовича дорогого стоит, — серьёзно подтвердил Павлов. — Особенно для нас сейчас.

Ленка ворвалась в квартиру и заорала во всю глотку:

— Мам, что есть перекусить? Я голодная как стая волков.

— Я тоже только пришла с работы, — ответила Зинаида Петровна. — Переодевайся, сейчас что-либо сообразим.

Через пять минут мать и дочь хлопотали у плиты на коммунальной кухне. К счастью, соседка уже отужинала. Эльза Германовна выглянула на голоса из своего логова, решила, что ничего интересного не происходит, и снова залегла в спячку.

— Признавайся, — тихо, чтобы не привлечь внимания Эльзы, проговорила Корлюченко-старшая, бросая в закипевшую воду сосиски, — ночевала у Маркова?

Ленка вскинула голову, лицо закаменело.

— Ой, девочка, — продолжала мать, — хороший он мужик, но не пара ты ему.

Девушка молчала.

Зинаида Петровна вынимала из кухонного стола тарелки, выкладывала вилки, нарезала ломтями пеклеванный хлеб и высказывала все свои страхи:

— Он сегодня на самом верху, а что завтра будет? Не зря же в него стреляли. И тебя заодно чуть не убили. Боюсь я за тебя, это ты понимаешь?

— Всё я знаю, мама, — откликнулась наконец Ленка. — Сама всё время об этом думаю.

— Ты же умница, — обрадовалась женщина. — Не по себе дерево рубить — оно тебя и придавит.

Девчонка поморщилась.

— Он меня любит, — с вызовом сказала она.

— Он годы в лагере провёл, живой женщины не видел. А тут ты появилась. И вся любовь. Появись какая другая, ей бы объяснялся. И ведь ещё появится. На генерала, знаешь, сколько охотниц найдётся.

— Он говорит, у меня улыбка замечательная, — проговорила Ленка и разревелась. Мать обняла «оторву», погладила её, как маленькую, по голове.

— Ну что ты, доченька, успокойся. Брось ты это всё, выходи замуж за хорошего парня. Вон Николай тебе уже три года предложения делает. Заживёте как все, скромно и незаметно, зато счастливо. Колька тебя на руках носить будет. Ты же сама знаешь, это не любовь. Задурил взрослый мужик моей девоньке голову. Чуть не сам Сталин за него тебя сватать будет. А мы люди маленькие, с суконным рылом в кремлёвский ряд не полезем. Конечно, приятно, когда тебе сам вождь мирового пролетариата руку целует и всякие слова говорит, да мы уж как-нибудь на своём месте. Понимаю, и генерал тебе понравился. Но это пройдёт. Всё проходит, и это пройдёт, — повторяла Зинаида Петровна, сама не зная того, слова пророка

Экклезиаста. Девушка всхлипнула в последний раз. — Господи, — закричала вдруг Корлюченко-старшая, — сосиски-то совсем развварились!

Ранним утром первого мая Марков пригласил Ямщикова.

— Держи, Александр Иванович, — передал комдиву пакет с документами и генеральскими звёздами. — Историческая справедливость восстановлена, заметь, по приказу самого товарища Сталина.

Ямщиков вытряхнул на ладонь знаки различия, внимательно прочитал документы и тихо произнёс:

— Служу России.

— Не по уставу говоришь, — усмехнулся Сергей Петрович.

— По совести, — тихо, но упрямо ответил новоиспечённый генерал.

— Ты, главное, за этими стенами никому не ляпни.

— Не дурак, — отмахнулся Ямщиков.

— Надо бы обмыть, чтобы быстрее росли. С тебя причитается. Но времени нет.

— Ты уж как-нибудь найди часок, — попросил Александр Иванович. — Всё-таки я этих цацек столько лет ждал. Да и личное участие товарища Сталина дорогого стоит. Поднимем здравицу за вождя трудящихся всего мира и лучшего друга физкультурников.

Первомай Марков провёл в частях. Он отстранил от командования комдива, которого застал в крепком подпитии — в честь праздника, как пытался объяснить полковник. Позиции артполка не оборудованы, куда подевался истребительный дивизион, штабу неизвестно, хлебопекарня не справляется, приходится возить буханки от соседей, и то на весь состав не хватает. А этот ферт устроил парад, уминать плац разбитыми сапогами, а после со старшими командирами организовал «Мир, Труд, Май» до поросячьего визга.

Устраивая разносы, грозя и убеждая, комфронтом всё время помнил о просьбе старого друга. Часам к пяти он почувствовал убийственную усталость и отупение и решил, что только за сегодня поломать инерцию руководства трёх армий всё равно не удастся.

— Поехали домой, Игорь Иванович, — сказал он Румянцеву. — А то я скоро от инфантерии воспарю до авиации. По количеству часов в воздухе скоро стану претендовать на звание аса.

Вернувшись в кабинет, набрал Ямщикова:

— Ты звал меня, гони чаи, гони, родной, варенье, — чуть перефразировал он строки «лучшего поэта пролетарской эпохи».

— Варенье лучше виноградное или пшеничное? — включился в игру комдив.

— Тащи пшеничное, — вздохнул в трубку Сергей.

Александр Иванович расстарался. На рабочий стол, отодвинув карты, он выложил копчёную свинину, сало, рижский чёрный хлеб удивительной вкусности. Выпили за новое звание, произнесли положенные здравицы, зажевали.

— Щей горячих хочется, сил нет, — сказал комдив. — Все ванторобецы аж стонут.

— Что у тебя стонет? — не понял комфронтом.

— Местные так называют всё, что у человека в животе. По польско-еврейски, что ли.

Марков при этих словах тоже почувствовал, как затосковали по жидкому желудок и кишки.

— А пошли в столовую. Неужто наши доблестные герои черпака и кастрюли не найдут какого хлебова для двух генералов.

Маркова и Ямщикова проводили в специальную комнату для высшего комсостава, расположенную рядом с кабинетом начальника пункта питания. Уютный толстяк — хозяин заверил, что через минуту любое и всякое желание товарищей командиров будет испол-

нено, выскользнул за дверь, и тут же после вежливого «тук-тук» вошла официантка.

— Здравствуйте... — сказала она, чуть помедлила, узнав. — Сергей Петрович.

Коротенькая юбочка, красивые ножки, аккуратный передничек. Голубые глаза, белокурые волосы. Люсечка.

— Здравствуйте, Людмила Игоревна.

Краем глаза комфронтом заметил, как смотрит на Сумову Александр Иванович. Так ребёнок глядит на ангела, прикреплённого к ветке новогодней елки. Так немолодой мужчина любуется юной красавицей — восторженно и безнадёжно. Девушка, конечно же, тоже оценила впечатление, которое она произвела на вахлака с новёхонькими генеральскими знаками различия.

— Что будете заказывать, товарищи командиры? — чуть присела в книксене, чтобы заволновался, шевельнулся подол.

Не представить старого друга чекистке — неприлично. А знакомить очень, ужасно не хотелось.

Пауза затянулась. Официантка дисциплинированно ждала, скромно опустив глаза долу. Но Марков видел лёгкую ироничную ухмылку на её лице.

— Людмила Игоревна, это мой друг, Александр Иванович Ямщиков. Александр Иванович, Людмила Игоревна Сумова.

Комдив, обычно похожий на затюканного судьбиной мужичка, вскочил и с неожиданной галантностью поцеловал ручку Люсечке. Что твой граф из зарубежного фильма.

Потом они продиктовали заказ, и мигом появились на столе, аппетитно исходя душистым паром, тарелки с тёмно-алым борщом. Белорусские деруны с мясом вплетали собственную струйку в симфонию вкусных запахов. Ямщиков умоляюще посмотрел на Маркова, тот понял и кивнул. Генерал-майор вскочил, пригласил блондинку-официантку присесть за стол: «Людмила

Игоревна, мы празднуем присвоение мне очередного звания, разделите мой праздник, пожалуйста» — и бросился в кабинет начпрода; через минуту вернулся с бутылкой коньяка и тремя бокалами, разлил.

— Поздравляю, — девица чокнулась с Александром Ивановичем, протянула свой бокал в сторону Сергея. Тот приподнял собственную посудину и пригубил.

Ямщиков блистал, он осыпал девушку комплиментами, удачно острил, изысканно ухаживал за дамой. Марков наблюдал за этим фейерверком и чувствовал, как его наполняет тяжёлая злость.

Когда мужчины шли по Липовой к замку Браницких, Сергей сказал:

— Александр Иванович, ты с этой куколкой поаккуратнее.

— А что, твоя? — помрачнел комдив.

— Вовсе нет. Но она... — В последний момент поймал себя за язык и закончил не так, как собирался: — Очень не простая штучка.

— Что не простая, я сам вижу, — не так понял друга Ямщиков.

Третьего числа комфронтом собрал высший командный состав трёх армий, ещё раз обрисовал ситуацию и потребовал немедленно навести порядок в подчинённых соединениях и приступить к возведению укрепрайонов на наиболее опасных направлениях. Чтобы командарм-10 Голубев, командарм-3 Кузнецов и командарм-4 Коробков открыли глаза на опасность сложившегося положения, Марков предложил провести командную игру западные против восточных. Армиями вторжения управлял сам комфронтом. «Командование» Западным фронтом принял на себя Константин Дмитриевич Голубев, понадеявшись не только на боевой опыт, но и на теоретические знания, не зря же он был преподавателем Академии имени М. В. Фрунзе.

Атаку с Сувалковского выступа в направлении Меркине, Щучина и Домброва силами четырёх пехотных и двух танковых дивизий генерал-майор предсказуемо не мог отразить: полосу обороны в 145 километров прикрывали только три стрелковые дивизии. Это при том, что местность позволяла любым родам наступающих войск действовать в любом направлении. Константин Дмитриевич попытался отрезать наступающие части «немцев» от коммуникаций, используя 11-й мехкорпус своей 10-й армии.

— Стоп, — улыбнулся Марков и достал из папки бумагу. — У вас 242 танка «Т-26», огнемётных — 18, «БТ-5»—44, «Т-34»—24, «КВ» — 3. Танки «Т-26» и «БТ-5» составляли главным образом учебно-боевой парк, полученный на укомплектование из других частей. До 10—15% танков в поход не выйдут, они в ремонте. Артполки полностью не укомплектованы ни орудиями, ни приборами управления, ни транспортом. Автомашинами корпус обеспечен в пределах 10—15%. Мотоциклетный полк — пульбат, батальон связи, понтонные батальоны — совершенно не обеспечены инженерным и специальным имуществом. Батальон связи из положенных 19 раций имеет одну 5-АК. Карт топографических районов боевых действий совершенно нет. Личным составом обеспеченность на сегодняшний день: 35—40% рядовым составом. Майский призыв, — предупредил Сергей Петрович возражения командарма-10, — доведёт численность бойцов до списочного, но эффективно воевать они, необученные, не смогут ещё несколько месяцев. Младших командиров имеется в разных частях от тринадцати процентов до половины, комначсоставом корпус укомплектован до 60%. Добавьте к этому абсолютное господство немецкой авиации в воздухе, потому что ваш аэродром в Тарново, это двенадцать километров от границы, артиллерия накроет ещё до начала вторжения. В Долубово, Себурчине, Высоке-Мазовецке и Борисов-

щизне поработают штурмовики и бомбардировщики. Чем будете воевать, товарищ генерал-майор?

Константин Дмитриевич побледнел.

— На юге положение не лучше, — беспощадно продолжал Марков. — Четыре армейских корпуса и три механизированных остановить вообще трудно, а не имея укрепрайонов, подготовленных оборонительных позиций, чётко отработанной системы связи и оповещения — невозможно. Мосты через Буг не заминированы, значит, «мои» диверсанты захватят их в целости и сохранности. В результате в первые же дни я пройду километров сто в глубь страны. Может быть, удастся остановить частями второго эшелона. И то вряд ли. 13-я армия только формируется. Не дай бог, фашисты начнут завтра. Мы покатимся аж до самого Минска. Со всеми вытекающими последствиями.

Командармы молчали. Собственно, Марков не открыл для них, грамотных военных, ничего нового. Просто существующая директива, требовавшая обеспечить быстрое развёртывание частей и нацеливание их на победный марш вперёд, на Запад, заставляла смотреть на карту только под заданным углом. И вдруг точка зрения изменилась, и они увидели разверзшуюся прямо перед ногами пропасть. Оценить масштабы и последствия разгрома, который учинил, к счастью, пока только на карте, противник, полководцы могли в полной мере. Такое начало войны почти неминуемо вело к гибели страны, и виновными в ней по-любому оказывались три генерала — Голубев, Кузнецов и Коробков. В тот же день в части ушёл приказ о срочной подготовке плана прикрытия сосредоточения и развёртывания войск округа.

Из опросов командиров подразделений, дислоцированных на Белостокском выступе.

Генерал-майор М. А. Зашибалов (бывший командир 86-й стрелковой дивизии 10-й армии). К 1 мая 1941 года оборони-

тельная полоса дивизии, к созданию которой мы приступили с августа 1940 года, была оборудована. Во второй половине мая меня с начальником штаба вызвали в управление 10-й армии. Там начальник штаба генерал-майор Л. И. Лялин довёл до нас решение командующего на постройку и оборудование новой дивизионной оборонительной полосы. До 1 июня приказывалось произвести рекогносцировку полковых участков и батальонных районов обороны, огневых позиций артиллерии, командных и наблюдательных пунктов. План оборонительных работ требовалось доложить через нашего командира 5-го стрелкового корпуса к 5 июня, все работы, согласно ему, закончить к 1 августа 1941 года. План оборонительных работ был утверждён. На основании принятого мною решения штабом дивизии были разработаны приказ и плановая таблица взаимодействия по ведению оборонительного боя в новой полосе. Для всех частей дивизии были разработаны планы поднятия их по боевой тревоге, [они] хранились в сейфах командиров в опечатанных конвертах. Вскрытие разрешалось по установленному сигналу. Командиры стрелковых и артиллерийских полков, отдельных батальонов и дивизионов знали задачи и в соответствии с этим разработки решения и боевые приказы на оборону государственной границы. (Дата составления документа отсутствует.)

Полковник А. С. Кислицын (бывший начальник штаба 22-й танковой дивизии 14-го механизированного корпуса). Примерно в марте — апреле 1941 года командир дивизии, я, начальники оперативного отделения и связи были вызваны в штаб 4-й армии (г. Кобрин). В течение 2—3 суток мы разработали план поднятия дивизии по боевой тревоге, в который вошли и такие документы, как приказ на марш в район сосредоточения, схемы радио- и телефонной связи, инструкция дежурному по дивизии на случай боевой тревоги. Усиление дивизии не планировалось. Было категорически запрещено ознакамливать с содержанием разработанных документов даже командиров полков и дивизионных частей. Кроме того, оборудование наблюдательных и командных пунктов в районе сосредоточения соединения производить не разрешалось, хотя этот вопрос поднимался связистами. (Дата составления документа отсутствует.)

Огромная, включающая в себя десятки тысяч людей и тысячи различных механизмов — самолетов, танков, орудий и тягачей, автомашин, полевых кухонь — громада, составляющая фронт, наконец поддалась усилиям командующего. Марков ощутил это чисто физически. Карбышев приступил к возведению укреплений на наиболее опасных направлениях. В помощь ему комфронтом распорядился направить по взводу сапёров из каждого батальона, чтобы ускорить темп работ. С опасно приближенных к границе аэродромов скрытно стали отводить самолёты, оставляя прикрытые маскировочными сетями макеты. Начались выстраивания систем эшелонированной обороны каждой дивизии, каждого полка. Бойцы рыли окопы полного профиля и стрелковые ячейки, оборудовали блиндажи и ходы, тренировались в быстром занятии позиций. Сергей Петрович приказал обучать пополнение, прибывающее каждый день, только тому, что необходимо в бою. Строевая подготовка свелась к минимуму — некогда плацы сапогами утаптывать.

Прибывающих новобранцев теперь встречали на станциях и сразу же препровождали в подразделения. С бардаком, когда штаб не мог отыскать свои части, потому что их высадили из эшелонов в разных местах, удалось покончить. Правда, только после того, как комфронтом определённо пообещал, что с каждым подобным случаем будет разбираться особый отдел. Со всеми проистекающими отсюда последствиями.

Призывников-трактористов передавали в распоряжение танковых соединений, чтобы ускоренным образом готовить водителей броневых машин. Катастрофически не хватало пилотов — в некоторых соединениях половина аэропланов не имела «седоков». Не было раций. Связь между частями осуществлялась при помощи гражданских телефонных сетей. Габрильянц прошерстил всех, кто устроился на работу в телефонные службы за последние два года, и выя-

вил не один десяток возможных вредителей. Кого арестовали, других сомнительных отправили в глубокий тыл, чтобы с ними разбирались менее занятые сотрудники. Параллельно фронтовой разведупр и армейские разведотделы готовили отряды диверсантов, чьей задачей была активная работа в тылу наступающего противника: нарушение коммуникаций, беспокоящие удары по небольшим отрядам.

С пятого мая стали поступать РРСы. Первые образцы Марков велел передать в 201-ю дивизию, Ямщикову. Её он планировал использовать в случае неожиданного нападения как главную ударную силу резерва. Сюда же отправились и первые образцы ракетного оружия на платформе грузовых автомобилей. О соблюдении строжайшей секретности по поводу реактивного оружия и новых самолётов, «МиГов», которые пришли в разобранном виде, в ящиках с фальшивой маркировкой, были предупреждены все под роспись.

Особое внимание пришлось уделять 11-му мехкорпусу 10-й армии. В первой полосе обороны он единственный мог быть брошен и в контрнаступление, и, если будет такая возможность, во фланг наступающей группировке противника. Однако всё приходилось держать под собственным контролем — от состояния материальной части до обеспеченности личным составом, прибывающими каждый день пополнениями, необученными и годными только на то, чтобы сложить головы пушечным мясом. Из них срочно нужно было делать если не умелых воинов, то хотя бы владеющих азбукой боя рядовых. Не удавалось решительно убыстрить формирование 13-й армии, должной стать оплотом второго стратегического эшелона. Здесь оказать реальное содействие могли Тимошенко и Жуков. Могли...

И всё же командующий фронтом стал смотреть на окружающий мир веселее. Он даже принялся немузыкально мурлыкать себе под нос на варварский

самим придуманный мотив: «Забил заряд я в пушку туго и думал: «Угощу я друга, постой-ка, херр мусью». В случае чего, угостить херра-мусью теперь было чем, и это радовало.

С каждым днём фронт накачивал мускулы, креп. Инспекционные поездки или полёты Сергей Петрович по-прежнему совершал каждый день, но теперь они свелись к нормальным проверкам состояния боевой подготовки. Проблемы оставались, но это были текущие вопросы, а не полная и неминуемая катастрофа.

Поздно ночью с пятого на шестое мая Маркову дозвонился Непомнящий.

— Извините, товарищ комфронтом, за беспокойство, — запинаясь, произнёс он, — но дело очень важное.

Сергей Петрович глянул на часы — половина третьего. Он вернулся из штаба 11-го мехкорпуса около полуночи, лёг в час. Но вряд ли помощник стал бы будить командира из-за мелочей.

— Слушаю, Иван Андреевич, — вздохнул генерал.

— Вчера вас разыскивал по ВЧ Поскрёбышев. Я доложил, что вы в войсках, предложил перезвонить в штаб корпуса. Алексей Николаевич нехорошо выразился о нашей связи и велел передать, что утром с нарочным придёт от Тимошенко пакет с важным и секретным документом. Просил вас никуда не отлучаться, пока с ним не ознакомитесь.

Сергей поблагодарил и снова улёгся.

Что могло произойти пятого мая? День печати, день рождения Карла Маркса. Больше в голову не пришло ничего. О любом важном событии передали бы по радио. Не соорудив никакой правдоподобной гипотезы, Марков заснул.

Утром помощник передал ему засургученный пакет. Вскрыв его, комфронтом прочитал: «Стенограмма выступления товарища Сталина И. В. перед выпуск-

никами военных академий в Кремле 5 мая 1941 года». Он пробежал глазами основные тезисы: «1. Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) — это нападающая армия, самая нападающая армия. 2. Война будет всегда и во всяком случае вестись на территории врага и закончится полным разгромом противника при малых потерях с собственной стороны. 3. Восстания пролетариата в тылу противника поддержат борьбу Красной Армии. 4. Подготовка к войне исчерпывается подготовкой к нападению. 5. Оборонительные меры не предусматриваются и даже запрещаются, поскольку во всяком случае мыслится, что оборонительная фаза продлится лишь несколько дней». Значит, Хозяин счёл правильным приоткрыть завесу над операцией «Гроза». Опасный ход. Скрыть такую речь не удастся, а немцев такое заявление может подтолкнуть к авантюрным действиям.

По спине пробежал холодок: мы не готовы воевать прямо сейчас, ещё хотя бы пару-тройку месяцев...

Сергей стал читать дальше: «Товарищ Сталин резко отрицательно отреагировал на тост, поднятый начальником Академии имени М.В. Фрунзе генерал-лейтенантом М. С. Хозиным за миролюбивую политику, заявив, что теперь следует покончить с оборонительными лозунгами, поскольку они устарели и с ними уже невозможно завоевать ни пяди земли. Красная Армия должна привыкнуть к мысли, что эра миролюбивой политики окончилась и началась эра силового расширения социалистического фронта. Тот, кто не признаёт необходимости наступательных действий, — или обыватель, или глупец».

В общем, новым был только факт обнародования доктрины. Пока задача готовиться к «наступательной войне» не была произнесена вслух, её как бы не существовало. Можно было «бороться за сохранение мира», клеймить буржуазных агрессоров. Теперь Рубикон перейдён.

Вернувшись к началу текста, Марков обратил внимание, что вождь нигде не назвал противника, на которого будет обрушен пролетарский меч. Хоть это хорошо. Наркому иностранных дел придётся повертеться ужом на сковородке, чтобы убедить кого бы то ни было, что Белостокский выступ нацелен на Англию. И всё равно не поверят.

В любом случае «ввиду вновь открывшихся обстоятельств» требовалось ещё ускорить процесс наведения порядка и организации именно оборонительной линии.

О том, какой козырь выступление вождя даст в руки Габрильянца и его службы, Сергей не подумал. Да чёрт с ним, Сталин не выдаст — НКВД не съест.

На следующий день по радио передали, что товарищ Сталин назначен Председателем Совета Народных Комиссаров, т. е. принял на себя управление не только (может, и не столько?) партией, но и государственным аппаратом. Вся власть в стране сосредоточилась в короткопалых, с пигментными пятнами руках одного человека.

Удивительная штука — время. О его свойстве лететь вскачь, когда минуты и часы загружены «с перевесом», и тянуться, словно улитка по склону горы, если приходится ждать, кто только ни размышлял. Конечно, это субъективное восприятие навсегда отрезаемых ножницами секундной стрелки одинаковых на самом деле кусочков вечности — секунд. Но лента человеческой жизни превращается в горку, сложенную из настриженных полосок, песчинок. И, оглядываясь назад, пытаясь разгрести пирамиду умерших мгновений, ты найдёшь только пригоршню праха и призраки давно минувшего — воспоминания.

С какого, собственно, хрена приходит в мозги такая чушь? Марков встряхнул головой, словно стараясь очистить мыслительный аппарат от насевшей пыли.

Дел было невпроворот, дни пробегали, как герои немых фильмов, суетливо дёргаясь. Со всеми предосторожностями в дивизии Ямщикова были проведены испытания РРСов. Сергей Петрович опасался, что приёмы использования непривычного оружия вызовут затруднения у бойцов. Одно дело — стрелять из трёхлинеечки, четырежды проклятой, но изученной до той степени, что она стала родненькой. И совсем иное — водрузить на плечо не то самоварную трубу, не то вообще чёрт знает что. Так смотри ещё, чтобы реактивная струя не обожгла стоящего сзади...

Но ничего, обошлось. Обтёртые частично в боях на Халхин-Голе, частично в финской ветераны, отобранные лично Александром Ивановичем, с изрядной долей скепсиса выслушали вступительные объяснения присланного Лангемаком спеца, повертели в руках «штуковины». И первые же пуски с неожиданной точностью поразили учебные цели — остовы до крайности заезженных грузовиков, которые в данном случае символизировали неприятельские танки. Результат впечатлил.

— Это не ПТРы, — резюмировал плосколицый кривоногий калмык Батыр Цайгулов, или Цейголов, — комфронтом точно не расслышал. — Нести легче, а бьёт, — он на секунду задумался, но нашёл точное сравнение, — как миномёт.

В течение недели потребность 201-й в РРСах была полностью удовлетворена. Можно было заняться формированием 13-й армии, мехкорпусами, строительством укрепрайонов — тут можно было положиться, как на каменную стену, на Карбышева.

На удивление хорошо вёл себя Габрильянц. Его люди сумели крепко почистить территорию, причём выловили действительно фашистских агентов, а не набрали «до счёта» первых попавшихся мужиков. Речь Сталина 5 мая, казалось, не произвела никакого воздействия на фронтовых особистов. Валерий Хачи-

кович, как умный человек, сумел понять, что выступление, прочерчивающее генеральную линию, — это одно, а резолюция вождя, да ещё касающаяся тебя лично, — совсем иное дело.

Выяснилось, однако, что многие вопросы — прежде всего, поставки новых вооружений, отбора специалистов из пополнения — можно решать только в Москве, а то и только лично с товарищем Сталиным. Марков разрывался между необходимостью каждодневно мотаться между 10-й, 3-й и 4-й армиями и самому прослеживать ход исполнения главных директив и такой же, если не ещё более насущной, доказывать приоритет своего фронта в кабинетах Шапошникова, Жукова, самого Верховного. Поэтому, когда на стол лёг вызов на очередное совещание 15 мая, он даже вздохнул с облегчением. Опять же, согрела сердце мысль, что, может быть, получится снова увидеться с Ленкой.

К вечеру 14 мая позвонил Габрильянц и попросил о срочной встрече, как он выразился, аудиенции. Времени не было катастрофически — на столе ждали очереди горы документов — строительство УРов, сборка новых образцов «МиГов», отчёты командиров дивизий по планам обороны. А тут ещё отлёт в Белокаменную в три ночи. Однако начальник контрразведки дал понять, что должен передать сообщение чрезвычайной важности. И Марков решил заехать к Габрильянцу, назначив визит на ноль часов ровно.

Когда он вошёл в приёмную, дежурный адъютант вскочил из-за стола: «Сейчас доложу». Сергей Петрович огляделся и увидел в углу комнаты машинистку — черноволосую смуглянку. Она тоже встала, глядя на визитёра расширившимися тёмно-синими глазами. Татьяна кивнула, здороваясь, попыталась выйти из-за стола. Марков, не ответив, отвернулся. Помощник Габрильянца распахнул дверь в кабинет руководителя котрразведки фронта:

— Прошу, товарищ генерал-полковник, вас ждут.

Валерий Хачикович явился за пять минут до назначенного времени и сразу же приступил к делу: через посредников, связанных с СБ — бывшей Службой Безпеки бывшей Польши, на него, начальника Особого отдела фронта, вышел важный чин абвера, который собирается инкогнито прибыть в расположение 9-й армии вермахта. Он уполномочен предложить конспиративную встречу. Ни с кем, кроме генерал-полковника, командующего Особым Западным фронтом, по слухам, любимчика самого Сталина, он вступать в контакт не хочет. Намекнул, что речь пойдёт о вещах, которые могут изменить судьбы мира.

Чекист говорил вполголоса и ни разу не улыбнулся. Похоже, он был крайне растерян. Ответ нужно было дать сейчас. В случае согласия Маркова, немецкий разведчик готов объявиться хоть в Лесну-Обузе на командном пункте ОЗО, хоть в Белостоке. Последнее предпочтительнее, потому что даёт возможность сохранить переговоры в тайне. Только он требует, чтобы генерал-полковник своим честным словом офицера гарантировал безопасность посланника независимо от исхода беседы.

От затеи за версту несло палёным. Маршала Тухачевского расстреляли за меньшее прегрешение. С другой стороны, вдруг немцы предложат что-то, что даст возможность выиграть время. Такая «овчинка» стоит любой «выделки».

Сергей Петрович долго смотрел в глаза Габрильянцу.

— Как полагаете, провокация или...

Чекист пожал плечами:

— Мы проверили личность немца: Ганс Пикенброк, правая рука Канариса. Очень и очень серьёзная личность. Сухопутный адмирал безусловно просчитывает возможность того, что мы его захватим. Отдать такого осведомлённого помощника только для того, чтобы скомпрометировать меня или даже вас? Исключено!

— А возможность подмены или ошибки?

— Мы, может быть, работаем плохо, — обиделся чекист, — но не настолько, уверяю вас. — Он положил на стол лист бумаги. — Это объективка. Она подготовлена в Москве, центральным аппаратом разведки, которая теперь подчинена Генеральному штабу. Ознакомьтесь.

Комфронтом прочитал: «Пикенброк Ганс — немецкий разведчик, генерал-лейтенант вермахта, с 1936 по 1943 год — начальник отдела военной разведки абвера (А-I), одновременно заместитель начальника абвера (адмирала Канариса).

Родился 3 октября 1893 года в Эссене. В 1913 году вступил фаненюнкером в 11-й гусарский (2-й Вестфальский) полк. Участник 1-й мировой войны, в октябре 1915 года произведён в лейтенанты. В 1918 году полковой адъютант. За годы войны награждён Железными крестами 1-го и 2-го класса. В 1918—1919 годах состоял членом Добровольческого корпуса, участвовал в уличных боях в составе гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии. После демобилизации армии оставлен в рейхсвере, был начальником оперативного отдела штаба 18-й пехотной дивизии. С 1921 по 1926 год занимал различные командно-штабные должности, служил в запрещённом победителями генеральном штабе в Берлине.

В 1927 году Пикенброк перешёл в ведомство полковника фон Бредова («Секция иностранных армий»), представлявшее собой замаскированную разведслужбу.

1 октября 1936 года назначен начальником 1-го отдела (разведка) управления разведки и контрразведки (абвера), позже одновременно стал заместителем начальника абвера адмирала Канариса. Организатор политической, технической и военной разведки за рубежом. Установил дружеские и деловые отношения с разведками стран-союзников, организовав получе-

ние разведывательной информации о противнике. Руководил разведывательными акциями во многих странах мира. Один из организаторов «пятых колонн».

— Загвоздка в том, — заговорил Валерий Хачикович, когда генерал отложил справку, — что товарищ Берия не является наркомом НКГБ. Он даёт нам приказы как заместитель Председателя Совнаркома. Обращаться к нему через голову товарища Меркулова мы не можем. И обращаться к нему через товарища Меркулова мы не можем тоже, — контрразведчик чуть пожал плечами и развёл руками, мол, сами понимаете. Даже далёкий ото всех подковёрных поединков Марков уразумел, что хотел выразить Габрильянц: нарком госбезопасности ревниво относится к своему предшественнику. Со всеми вытекающими из этого последствиями для дела. Прорваться сквозь все бюрократические и иерархические препоны и добраться до самого Лаврентия Павловича, чтобы получить соответствующие инструкции и разрешения, можно. Но это займёт недели. А времени нет. Решение необходимо принять здесь и сейчас.

— Хорошо, — Марков резко выдохнул, как перед прыжком головой вниз в прорубь. — Встречу назначьте на семнадцатое мая. О времени договоритесь сами, меня потом проинформируете. О месте и о безопасности для всех участников позаботьтесь лично. Думаю, напоминать о максимальном ограничении круга посвящённых и предотвращении утечки информации вам не нужно. Об остальном я позабочусь сам.

Когда за чекистом захлопнулась дверь, Сергей подумал: «Как вовремя случился этот вызов в Москву».

В семь утра 15 мая к проходной Центрального аэропорта имени М. В. Фрунзе, ещё недавно носившего имя Л. Троцкого, подкатила чёрная «Эмка». Рослый мужчина в чёрном мешковатом костюме подошёл к часовому, предъявил спецпропуск и удостоверение на имя капи-

тана Грозы, сотрудника Управления охраны, подписанное лично Сталиным, и приказал вызвать начальника караула. Прибежавшему лейтенанту с малиновыми петлицами прибывший снова показал свои документы и предписание произвести проверку аэродрома, также украшенное автографом вождя, и спросил:

— Каминский на месте?

— Так точно, ещё не уезжал, — доложил обалдевший командир. Он впервые в жизни видел буквы, собственноручно начертанные Иосифом Виссарионовичем.

— Своих людей соберите в казарме. Охрану обеспечат мои подчинённые, — сухо сообщил капитан Гроза, — до тех пор, пока я не приму решение, что с вами делать, награждать или расстрелять на месте. — И улыбнулся, по-волчьи сверкнув белыми крепкими зубами. Начкар бросил взгляд в сторону страшного здания ГУГБ, стоящего на противоположной стороне лётного поля, и попытался что-то возразить дрожащим голосом: — Личного распоряжения товарища Сталина для вас недостаточно? — и проверяющий, отбросив полу пиджака, стал расстёгивать кобуру «ТТ». Перед входом неизвестно откуда появились люди в синих лётных френчах военных авиаторов, но с петлицами НКВД. И лейтенант подчинился.

Он проводил проверяющего и троих сопровождающих до кабинета полковника Каминского. Тот руководил строительством лётного поля, когда заключённые Дмитровлага засыпали пруд, неуместно красовавшийся в центре участка. И одновременно обеспечивал деятельность аэродромных служб.

Увидев человека в штатском, сопровождаемого начальником охраны, на пороге своего кабинета, Вильгельм Фридрихович побелел. Он уже не первую неделю ожидал, когда за ним придут. Человек с таким именем и отчеством, коли он оказался осведомлённым обо всех характеристиках стратегического воздушно-

го узла в самом центре столицы, на Ходынке, не мог избежать пристального внимания сотрудников страшного дома напротив.

— Капитан Гроза, — представился крупный мужчина и протянул Каминскому предписание. — Оставайтесь на месте. — По-хозяйски снял трубку телефона, набрал какой-то номер и бросил в чёрную трубку одно слово: «Соедините». Через минуту заговорил уже совсем другим тоном:

— Товарищ Сталин, всё, как вы и предполагали. Так точно, все необходимые меры буду приняты. Крайнее разгильдяйство, — он выразительно покосился на Вильгельма Фридриховича и добавил: — Если не хуже. Ничего, разберёмся.

— Всех сотрудников собрать здесь, — приказал он полковнику. — Диспетчерскую службу пока будут нести мои люди. — Отодвинул левый рукав, глянул на циферблат и жестом пригласил принять охрану кабинета и всех, кого сюда вызовут, сопровождающей троице.

Ровно в 7.30 на поле приземлился немецкий транспортник «Ю-52». Он по-хозяйски подрулил поближе к административным строениям. Чёрный «Мерседес» уже нёсся к самолету. Рослый мужчина в свободном костюме поздоровался за руку с выпрыгнувшим из фюзеляжа худощавым арийцем, облачённым в светлый пыльник. Тот вежливо приподнял элегантную серую шляпу. Прилетевший обменялся парой реплик с встречающим, торопливо уселся в салон, и автомобиль сорвался с места.

Пилотов «Юнкерса» люди в лётной форме, но с малиновыми петлицами рассадили ещё по трём машинам. Кортеж вылетел на улицу и свернул в сторону центра столицы, растворился в бесконечных улицах и переулках Златоглавой.

Смена караула явилась вместе с командиром к полудню. Обнаружив отсутствие часовых на проходной,

лейтенант Чибисов поднял тревогу. И полковника Каминского, дисциплинированно сидевшего со всем подчинённым персоналом по служебным помещениям, и роту охраны вместе с командиром, запертую в казарме, тут же принялись допрашивать люди из управления ГУГБ. Они прибежали прямо через лётное поле. Легко установили, что никакого капитана Грозы в списках службы Власика никогда не было. Поскрёбышев объяснил перепуганному до полусмерти Меркулову, что товарищ Сталин никогда не подписывает лично удостоверения или, тем паче, предписания для капитанов. Тем более абсурдно даже предположить, будто какой-то капитан может докладывать по телефону о чём бы то ни было самому товарищу Сталину.

Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров товарищ Берия Лаврентий Павлович через личную секретаршу Мамиашвили передал, чтобы начальник Наркомата госбезопасности «сам резал своих баранов» и не пытался повесить глупость и разгильдяйство своих подчинённых на людей, которые заняты важными делами.

На самом деле заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров товарищ Берия Лаврентий Павлович не мог ничего передать руководителю НКГБ СССР, так как на рабочем месте он отсутствовал. Личная секретарша товарищ Мамиашвили была об этом хорошо осведомлена и имела на случай обращения Меркулова вполне определённые и тщательно продуманные заранее инструкции, которые она точно выполнила.

«Мерседес» с Хаджи-Умаром Мамсуровым за рулём и прилетевшим арийцем на заднем сиденье домчался до небольшого особняка в Комиссарском переулке. Кованые ворота сразу открыли крепкие молодые люди в цивильных костюмах. Документы не потребовали, взглянули на водителя и молча расступились. Автомобиль скользнул во двор и исчез за высокими куста-

ми каких-то вечнозелёных растений, которые образовывали лабиринт, скрывающий подъезд к строению. «Майор Ксанти» затормозил у высокого крыльца, открыл дверцу и пригласил гостя внутрь. Провёл через анфиладу комнат, свернул в неприметный коридорчик, нырнул в замаскированную драпировками дверцу, условно стукнул и, не дожидаясь ответа, толкнул полотнище. Лаврентий Павлович, сияя стёклышками пенсне, встретил гостя у входа, пожал руку, провёл к столу в центре большой комнаты без окон, очевидно упрятанной где-то в сердцевине здания. На льняной скатерти уже красовались бутылки с водкой и коньяком, квашеная капуста, варёная картошка, тонко нарезанное сало.

— Ес ист ди цайт фюр гуте фриштик, — на чудовищном немецком проговорил Берия. — По-русски, по-простому.

Ариец усмехнулся и спросил, где можно помыть руки.

— Проводи герра в сортир, — перевёл Мамсурову нарком. Прилетевший сбросил плащ и остался в элегантной эсэсовской форме со знаками различия оберштурмбанфюрера.

За стол уселись вдвоём. Разливал напитки и раскладывал закуски сам Лаврентий Павлович. Хаджи-Умар остался стоять у входа.

После обязательных трёх рюмок посланец отодвинул тарелку.

— Wir haben keine Zeit, genosse Beriya, — проговорил он.

— Да, давайте перейдём к делу, — согласился хозяин, — ви гетс майн фройнд Рейнгадт Ойген?

— Он просил передать вам вот это, — прибывший достал из внутреннего кармана узкий конверт.

— Это личное письмо фюрера Сталину.

— А сам Гитлер знает о том, что он написал это? — ухмыльнулся Лаврентий Павлович.

— Это действительно собственноручно написанное рейхсканцлером письмо, — с нажимом произнёс посланник.

— Не обижайтесь, ваши умельцы умудрились подготовить несколько «подлинных» писем Тухачевского. Его почерком и на хорошем русском.

— Мы никогда не дерзнули бы подделывать руку фюрера, — очень серьёзно уверил немец. — Это — государственное преступление.

— Хорошо, сегодня же товарищ Сталин прочитает документ, — кивнул нарком. — А что старина Рейнгард передал на словах?

Ариец покосился на Мамсурова.

— Не беспокойтесь, — пухлая ладонь Лаврентия Павловича совершила округлое движение. — Он ни слова не понимает ни на одном иностранном языке. Дикий народ, дети гор. Отважны, но крайне необразованны. Идеальные исполнители.

— Nun gut, — пробурчал под нос посланец шефа СД. — Господин генерал после ряда консультаций с представителями высшего генералитета вермахта...

— С кем конкретно? — быстро спросил Берия.

Немец тонко улыбнулся:

— Эти приватные беседы при определённом освещении могут быть представлены как заговор. Или, как минимум, проявление нелояльности к фюреру. Извините, герр нарком, я не могу называть никаких имён.

— Обергруппенфюрер, — продолжил посланец после короткой паузы, — просил передать: вы обязаны затормозить развёртывание и подготовку Красной Армии к боевым действиям. Наши доблестные войска мощным ударом разгромят части, сконцентрированные на Белостокском выступе, потом дойдут до Минска и Киева. Мы с пониманием отнесёмся к отстранению от власти Сталина и согласимся вести мирные переговоры с вами в качестве верховного правителя СССР. — Германец увлёкся, в его тоне зазвучали ко-

мандные нотки. Всё-таки немецкий — идеальный язык для «больших батальонов».

— Нужно, чтобы вермахт остановил наступление на этом рубеже, — прервал арийца Берия. — Тогда народ будет считать меня спасителем от неминуемого разгрома, и я смогу заключить новый Брестский мир, по которому вы получите Белоруссию и половину Украины.

— Отдать такой приказ может только фюрер, — немец растянул тонкие губы в улыбке. — Погасить наступательный порыв победителей очень сложно. Нас могут не понять граждане Великого Рейха.

— То есть, — Лаврентий Павлович снял пенсне и принялся тщательно его протирать белоснежным носовым платком, — старина Рейнгардт не может или отказывается дать реальные гарантии...

— Не отказывается. Я же объяснил, что вопросы глобальной политики, — а это именно такой вопрос, — прерогатива верховного правителя, фюрера. А Гитлер — человек непредсказуемый. На волне военных успехов он может утратить реальный взгляд на вещи.

— Так устраните Адольфа и сделайте фюрером нормального человека. Я думаю, дружище Гейдрих смотрелся бы в должности рейхсканцлера и вождя НСДАП не хуже, чем Шикльгрубер.

Посланец при этих словах покрутил головой, словно галстук вдруг чересчур сильно сдавил ему шею.

— Это исключено, — почти прошептал он. — Преемником может стать Гиммлер. Обергруппенфюрер претендует максимум на пост рейхсфюрера СС.

— Значит, пусть остановит наступление в Минске «Чёрный Генрих», — досадливо отмахнулся Берия.

— Я обязан довести до вашего сведения, что никаких твёрдых обязательств в этом вопросе не сможет предоставить никто.

— В таком случае я вынужден сам позаботиться о том, чтобы германская сторона досконально соблюла все оговоренные пункты соглашения, — торже-

ственным тоном прокаркал Лаврентий Павлович. — Наш великий учёный и естествоиспытатель Мичурин говорил: «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у неё — наша задача». Несколько перефразируя, скажу: «Я не могу ждать милостей от партнёров по договору». Передайте старине Гейдриху: если вермахт не остановится на обозначенной границе, я буду вынужден применить Оружие Возмездия — новую бомбу, основанную на эффекте деления атомного ядра. — Нарком выложил на стол объёмистый пакет. — Здесь некоторые данные по нашим разработкам. Ваша сторона отстала лет на пять. Этот проект курировал Мюллер, со стороны СД им занимался Шелленберг. Они легко подготовят все нужные материалы для обергруппенфюрера.

У нас уже есть действующие образцы бомбы. Пока они слишком громоздки — доставить их невозможно ни самолётом, ни наземным транспортом. Как видите, я абсолютно честно признаю недоработки. Но замаскировать их и взорвать, когда крупные соединения войдут, скажем, в Минск, возможно. Такая мина способна смести с лица земли город с полумиллионным населением. Или целую танковую армию. Вообразите себе ещё и моральный эффект, воздействие на ваших доблестных солдат. Так что давайте договариваться так, чтобы каждая из сторон отвечала за доскональное исполнение принятых обещаний.

Ариец утратил весь свой лоск и выглядел растерянным.

— Если у вас есть такое оружие... какие у нас гарантии, что вы не примените его?

— Такие же, как у каждого участника нашего дружеского сердечного соглашения, — ухмыльнулся Берия. — Честное слово. Ведь мы же все порядочные люди.

Проходя в кабинет мимо Мамиашвили, Берия многозначительно кивнул красавице и приказал:

— Богдана ко мне. Срочно.

Через пять минут Кобулов уже был у шефа. Он развалился в кресле и вопросительно глядел на наркома. Лаврентий Павлович показал ему узкий конверт.

— Это личное письмо Гитлера Кобе. Через час мы вместе отправимся к Иосифу Виссарионовичу. Ты подтвердишь, что через братца сообщили о специальном курьере и попросили обеспечить беспрепятственный полёт и удачное приземление транспортника. Поскольку аэроплан уже подлетал к границе, времени хватило только на то, чтобы доложить мне. Вопросы?

— А Хозяин не прикажет нас прямо в кабинете? — Богдан Захарович сделал жест, словно крутил кого-то в бараний рог.

— За что? Мы в меру сил помогаем вести дипломатическую игру. Это — одна из главных задач политической разведки. Даже Сталин не отдаст её Генштабу, Тимошенко и его сапоги такого наломают, — ста Молотовым не расхлебать.

Толстяк потянулся к Берии:

— А?

Нарком кивнул:

— Полный орднунг.

В кабинете Заковского резко, требовательно заверещал звонок. Комиссар ГУГБ первого ранга озадаченно посмотрел на аппарат. Прямой его номер знали немногие, а набирать его в последнее время не удосуживался вообще никто. Новые люди, которых приводили с собой Ягода, потом Ежов и Берия, а теперь Меркулов, первого заместителя наркома, как-то оказавшегося не у дел, просто не знали. А старых после всех «корректировок курса» почти не осталось. Не то беда, что в эпоху перемен нелегко жить, в такие времена трудно выжить.

Хозяин кабинета снял трубку, но ничего не сказал.

— Леонид Михайлович, — пробасил незнакомый голос. — Нам необходимо встретиться. Прямо сейчас.

Заковский хмыкнул.

— Лично мы не знакомы, — продолжал настойчивый собеседник. — Но вы, может быть, встречали моё имя в донесениях: майор Ксанти.

Ещё бы. Информация о рейдах диверсанта и террориста по тылам войск генерала Франко читалась как приключенческий роман. Однако жизнь давно уже научила Льва Задова, что авантюрные истории хороши на бумаге, заключённые в крепкий переплёт. В реальности гораздо приятнее скучноватое бытописательство, когда ничего не происходит, кроме обеда по расписанию и зарплаты два раза в месяц по строго установленным датам.

— А по какому, собственно, вопросу вы звоните? — сварливым тоном потревоженного бюрократа осведомился комиссар ГУГБ.

— Если я скажу, что речь идёт о судьбе страны...

— ...я тут же повешу трубку.

— Чёрт. Ладно. Фамилия Марков вам что-нибудь говорит?

Леонид Михайлович задумался.

— Был у меня такой знакомый ещё по Перекопу, — осторожно согласился он.

— Тогда я предлагаю обсудить его перспективы получить следующее звание. Хотя бы принципиально.

— Где устроим дискуссию?

— На Чистых прудах есть замечательная пивная. Там закрывают глаза на то, что клиенты доливают в бокалы содержимое принесённых с собой «мерзавчиков», чтобы получилась «полуторка с прицепом».

— Через сорок минут, — сказал Заковский и повесил трубку.

Выделить из толпы забулдыг прилично одетого человека было просто. Мужчины заказали по паре пива, Хаджи-Умар выставил на стол четыре стограммовых флакончика «беленькой». Размяв папироски, выш-

ли на свежий воздух, хотя в том шалмане все дымили, как фабричные трубы, не сговариваясь, прыгнули в притормозивший на зигзаге пути трамвай и внимательно смотрели в заднее стекло. Никто за ними не бросился, ни один автомобиль не сорвался с места. Вышли на первой же остановке, побрели переулками в сторону Садового кольца.

— Ну, так что же вы хотели мне сообщить? — меланхолично осведомился Заковский.

— Давайте я расскажу всё по порядку, — предложил Мамсуров. — А вы уже сами решите, стоило ли тратить на меня время.

Диверсант начал своё повествование с момента, когда тогдашний нарком внутренних дел нашёл план тайных ходов в стенах Кремля и предложил явиться к Сталину в образе духа Аристотеля Фиораванти. Технические детали: перевести Хозяина под предлогом ремонта кабинета поближе к одному из секретных лазов, заменить в нагане вождя пару патронов на холостые — всё это затруднений для начальника секретной службы не вызвало. Первоначально роль привидения должен был исполнить Саркисов. Но тот испугался — о том, что Иосиф Виссарионович в молодости был абреком, Рафаэль знал хорошо. Вдруг он тряхнёт стариной так удачно, что всадит пулю между глаз. Сам не заметишь, как превратишься уже в настоящего призрака. Опять же, часовые. Им патроны не заменишь. Тогда и предложил свою кандидатуру Мамсуров. Он не боялся рисковать и умел точно просчитывать допустимую степень опасности.

Леонид Михайлович фыркнул, удерживая смех:

— Кто бы стал меня уверять, что «Сын несчастья» такой идиот, никогда не поверил бы.

— Почему «Сын несчастья»? — удивился террорист.

— По-еврейски «Берия» звучит как «Сын несчастья».

— Так Лаврентий Павлович?..

— Да хрен его душу знает. Ты можешь мне ответить, для чего понадобился этот театр юного зрителя?

— Берия рассчитывал, что Хозяина либо инфаркт трахнет от ужаса...

— Ну, это вряд ли, — пробормотал Заковский. — Нервы у Кобы крепкие.

— Либо поползут слухи, что Сталину в Кремль являются привидения...

Бывший махновец хмыкнул и рефлекторно выдвинул вперед нижнюю челюсть, взвешивая информацию.

— Значит, главная цель — убрать либо скомпрометировать Самого? А на его место сядет Змей... Нашего друга в детстве частенько поколачивали сверстники — за подлость и воровство. Так он однажды после выволочки сбежал в лес и вернулся с ядовитым гадом в руке. И бросился на обидчиков, используя змею как оружие. Отсюда и кличка — с детства и на всю жизнь. — Помолчав, Леонид Михайлович пробормотал, словно сам себе: — А ведь я ничего не слышал о явлении покойника вождю. Значит, Коба переиграл всех. Хорошо соображает!

Слушая дальнейшее повествование, Заковский всё больше мрачнел.

— Получается спектакль в ТЮЗе — «Павлик Морозов». А Марков снова стал «инженэру» поперёк дороги. Теперь уже в самом главном. Сергея будут убирать. Сперва руками Кобы, не выйдет — напрямую. Уничтожат талант, сволочи. И, что ещё хуже, сдадут страну немцу. Странно, что Змей этого не понимает. Фюрер ведь не остановится, аж до Забайкалья попрёт. Проглотить не сможет, а всё равно откусит.

Известие о сегодняшнем приземлении в Москве «Юнкерса» комиссара ГБ добило.

— Голову даю на отсечение, что летел этот гад через Белосток. Ещё один камень на шею Маркову. Ох, и хитро... мудр Лаврентий!

Когда Мамсуров замолк, Леонид Михайлович невесело спросил:

— И чего же ты, Хаджи-Мурат, хочешь от меня?

— Хаджи-Умар, — гневно поправил осетин. И неожиданно спросил: — Как вы относитесь к Сталину?

— Спросил бы ты чего полегче.

— Боитесь? А я не боюсь. Меня Берия чем взял? Он предложил участвовать в отстранении Сталина от власти. Я был уверен, это — спасение России. А сейчас... Я вижу, каждый норовит урвать кусок пожирнее для себя, любой ценой. Выходит, кроме этой усатой сволочи страну сберечь некому.

Заковский растроганно пробормотал:

— России верные... осетины, чукчи и другие великороссы.

Мамсуров сверкнул глазами, но промолчал.

И вдруг комиссар выпрямился, и на его лице появилась дерзкая улыбка Лёвы Задова:

— Значит, будем играть ва-банк. Поехали.

Усадив гостя на жёсткий стул в своем кабинете — других здесь не водилось, — Леонид Михайлович набрал короткий номер.

— Александр, здорово. Узнал?

Мощная мембрана донесла до Мамсурова голос собеседника:

— Век бы мне тебя не знать, Лёва.

— Мне нужно срочно, прямо сейчас, встретиться с твоим начальником.

— Ты сошёл с ума?

— Саша, ты сам знаешь, что в нормальном состоянии я не просился бы к Нему на приём.

Из трубки донесся тяжёлый вздох:

— Ты хоть представляешь, как это сложно? А для тебя — опасно. Попадёшь не под то настроение, головы не сносишь.

— Вспомни, сколько раз за последние пятнадцать лет я обращался к тебе с просьбами.

— Никогда.

— А теперь, поверь, таки надо. И, может быть, Ему нужнее, чем мне.

— Ладно, куда перезвонить?

— Пока я в своём кабинете. И скажи, что со мной интересный человек. Герой Испании. Зовут Хаджи-Умар Мамсуров. Пусть заготовят пропуск. А лучше ты сам нас встреть.

— Узнаю Лёву Задова. Ты всегда был нахалом.

— Как говаривал мой дедушка из Бердичева, в моём возрасте меняться уже вредно для здоровья.

— Лева, из тебя еврей такой же, как из меня. И все твои предки родом из Устюга. Так что умерь свою манию величия.

Товарищ Сталин с интересом разглядывал вошедших. Между вытянутыми руками Вождя лежал револьвер с потёртой ручкой.

— Здравствуйте, товарищ Заковский, — улыбнулся Вождь. — Я думал, вас расстреляли ещё году в тридцать пятом...

— К счастью, этого не произошло, товарищ Сталин, — ответил Леонид Михайлович, вытянувшись по стойке «смирно».

— К счастью для кого? — уточнил Хозяин.

— Прежде всего, для меня.

Иосиф Виссарионович нежно погладил рукоять нагана.

— Вы рвались на приём. Это само по себе безобразие. Что получится, если каждый станет сам решать, идти ли ему к главе партии и правительства, и когда идти. Товарищ Сталин сам знает, кого и когда ему приглашать. Вы ещё уговорили товарища Поскрёбышева доложить, что у вас дело чрезвычайной важности. Излагайте.

— Товарищ Сталин, я прошу вас выслушать товарища Мамсурова.

Только теперь Вождь перевёл жёлтые глаза на второго визитера и сделал приглашающий жест.

— Сегодня в семь тридцать утра на Центральном аэродроме Москвы приземлился немецкий транспортный самолёт «Юнкерс-52», — размеренно заговорил диверсант. — Я обеспечивал приём офицера СД, который прилетел якобы для передачи вам личного письма Гитлера.

Страшные глаза Сталина сузились, но лицо осталось неподвижным и бесстрастным. Только правая рука незаметно стала поглаживать локоть левой.

— Само письмо, если вам ещё не передали, то в ближайшее время вручат. На самом деле целью этого визита были переговоры об обеспечении возможности внезапного удара вермахта по Белостокскому выступу и молниеносного глубокого вторжения на территорию СССР.

Хозяин жестом остановил Хаджи-Умара:

— Подробнэе, — хриплым голосом приказал он.

Прорезавшийся акцент выдал крайнюю степень взволнованности. Обычно Сталин говорил абсолютно правильно, только жёсткие интонации и привычка изъясняться короткими предложениями выдавали, что родной язык для вождя всё-таки грузинский. И лишь в моменты предельного напряжения, когда Иосиф Виссарионович забывал себя контролировать, выявлялся говор уроженца горной деревни. Так было чуть больше месяца назад, девятого апреля, когда на заседании, посвящённом слишком высокой аварийности в ВВС — ежедневно по 2—3 самолета, — заместитель наркома обороны по авиации Павел Рычагов неожиданно заявил: «Это вы засовываете нас в летающие гробы». Он бросил это в лицо главе страны. А ведь тот считал себя создателем Военно-Воздушных Сил Советского Союза. Сталин был настолько уяз-

влён, что потерял лицо, он вскочил с места и почти закричал: «Вы не должны были так сказать!» Но подобные случаи за всё время правления Кобы можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Естественно, теперь все ждали, когда Рычагова арестуют. Тем более что многие были убеждены — причина огромного количества катастроф в том, что лихие летуны берут пример со своего командира. Талант пилота у «генерала Паши» был соединён с ненавистью к строго ранжированному существованию. Поговорка «Где начинается авиация, там кончается порядок» родилась как вывод из традиций, которые взрастил гениальный истребитель, но никудышный организатор генерал-лейтенант Павел Рычагов.

Наглый перелёт немецкого транспортника мог стать поводом накинуть петлю на шею Маркова. Для Рычагова он был безусловным смертным приговором. Независимо ни от каких привходящих обстоятельств.

Историю о маскараде с призраком Сталин выслушал, ухмыляясь в усы, и перебил Мамсурова единственным вопросом:

— А почему для этого вы выбрали годовщину смерти Булгакова?

Хаджи-Умар смешался:

— Лаврентий Павлович не упоминал ни о каком Булгакове. Кто это?

Хозяин махнул рукой, мол, продолжайте.

Чем дальше развивалось повествование, тем больше мрачнел Сталин. Слушая пересказ беседы Берии с посланцем Гейдриха, он достал из стола трубку и пепельницу, начал крошить папиросы, забивая жерло табаком. Потом отставил всё в сторону и спросил:

— На каком языке они говорили?

— По-немецки, — доложил диверсант.

— Вы умеете «шпрехать»?

— Товарищ Сталин, — обиделся Мамсуров, — я работал в тылу противника. Без испанского, включая ка-

талонское наречие, без немецкого, французского там не продержаться и часа. Германцам я представлялся, как офицер Франко, посланный для связи. И то лишь потому, что внешность у меня не совсем арийская.

— Можно подумать, Гитлер — голубоглазый блондин двухметрового роста, — буркнул Иосиф Виссарионович. — Лаврентий, надо думать, о ваших талантах полиглота не подозревал?

— Никак нет. Он всех кавказцев кроме себя считает полуобезьянами.

— Маркова они решили скомпрометировать? — резко сменил тему вождь.

— Точно так.

— Последний вопрос. — Сталин встал. — Почему я должен вам верить? Где гарантия, что вы не пытаетесь очернить кристально честного человека и патриота, второго человека в Правительстве, товарища Лаврентия Павловича Берию?

Заковский попытался вмешаться, но Хозяин резким жестом остановил его. Мамсуров пожал плечами:

— Я ничем не могу доказать свою честность. За правдивость сказанного отвечаю головой. — Сталин кивнул и удовлетворённо улыбнулся. — Но, если бы это была «деза», улик было бы предостаточно, — закончил террорист.

— Спасибо, товарищи, — завершил встречу Иосиф Виссарионович. — Вы свободны.

Когда они уже шли по коридору, Хаджи-Умар вдруг спросил:

— А почему Иосиф Виссарионович вас так встретил? С оружием?

— Приятные воспоминания о Гражданской, — ответил Задов и попросил: — Давайте минут пять постоим. Что-то ноги не несут. — Он оглянулся — вроде никто не видит, привалился к стене и закрыл глаза, тяжело дыша. Лицо вдруг покрылось крупными ка-

плями пота. — Лучше бы я ещё раз Перекоп взял, — сказал он в пространство, ни к кому конкретно не обращаясь.

На сей раз Маркова не ждал у трапа самолёта полковник Иванов, а встречали «трое из ларца, одинаковых с лица» в одинаковых же штатских костюмах.

— Товарищ генерал-полковник, — обратился один, — прошу в автомобиль. Быстро.

Память недавнего зэка болезненно уколола, мол, всё, приплыли? В смысле — прилетели. Оглядевшись, Сергей Петрович поразился: по всему периметру взлётного поля через каждый метр стояли автоматчики почему-то с петлицами погранвойск. Кроме его аэроплана на голом поле торчал ещё только один — немецкий «Ю-52». Как он мог оказаться на Центральном аэродроме имени М.В. Фрунзе, ума не приложить.

В воротах постовые долго проверяли удостоверения — сначала сопровождающих, потом командующего фронтом, куда-то звонили. Прошло минут пятнадцать, пока не дали отмашку:

— Проезжай.

В Генеральном штабе долго обсуждали давно обещанную переброску трёх сибирских стрелковых дивизий для 13-й армии, поставку трёх десятков реактивных миномётов на платформе разных грузовых автомобилей. И всё время Марков чувствовал какую-то нервозность. Словно из каждого кабинета, куда заходил комфронтом, вот-вот должны были увести в наручниках одного из сотрудников, и никто не знал, кого именно возьмут. Все старательно показывали свою занятость, с преувеличенным рвением вникали в мелочи, стараясь ускользнуть от решения сколько-нибудь серьёзных вопросов.

Совещание вёл маршал Тимошенко. Не присутствовали ни Сталин, ни Берия. Возможно, из-за этого всё шло обыденно. Слушали вопрос об ускорении и нара-

щивании поставок новых образцов вооружений следующих номенклатур в таких-то количествах и в такие-то сроки. Постановили сократить сроки, расширить номенклатуру и увеличить количество поставляемых в распоряжение Особого Западного фронта единиц. В принципе, генерал-полковник мог быть доволен: без особой волокиты он добился всего, за чем ехал. Очевидно, была заранее спущена установка: удовлетворять все просьбы ОЗФ, какие только возможно. Но чувство глубокого удовлетворения почему-то не пришло.

После совещания Сергей Петрович собирался перекусить. Завтракал он ещё дома, в три утра, запив пару бутербродов крепким чаем. А сейчас стрелки показывали четыре пополудни. Однако подозвал Жуков и сообщил, что прямо сейчас необходимо ехать к товарищу Сталину. Машина ждёт.

В то время, пока в Генштабе решали, как обеспечить Белосток всем необходимым для обороны, нападения и полного разгрома врага, товарищ Сталин беседовал с Богданом Захаровичем Кобуловым. Замнаркома настоятельно просился на приём. Когда Поскрёбышев доложил об этом Верховному, тот злобно усмехнулся, позволив разглядеть под всё ещё чёрными усами мелкие, но крепкие и здоровые зубы: «Не день, а концерт по заявкам. Ладно, пусть подъезжает к четырнадцати часам».

Старший из братьев Кобуловых, свежевыбритый, подтянутый и даже как бы похудевший, появился в приёмной в тринадцать часов сорок пять минут. Но Александр Николаевич, свято выполняя полученные инструкции, распахнул перед ним дверь лишь тогда, когда напольные часы в приёмной пророкотали два раза.

Чеканным, почти парадным шагом Богдан Захарович промаршировал в кабинет и вытянулся перед Верховным:

— Товарищ Сталин, — отрапортовал он, — я к вам с повинной головой. Готов принять любое наказание. Надеюсь только, что вы примете во внимание срочность и важность дела, которое... — Здесь толстяк сбился и замолчал.

Вождь, продолжая сидеть, внимательно рассматривал снизу вверх круглое лицо и свисающие на белоснежный крахмальный воротник щёки. Он, казалось, наслаждался замешательством визитёра. Лишь после долгой паузы Иосиф Виссарионович произнёс:

— Так в чём же вы провинились перед нами, товарищ Кобулов?

— К моему младшему брату, он...

— Я знаю, какие функции выполняет ваш брат, где он работает и как он работает, — кивнул Хозяин.

— К нему обратились из ведомства Риббентропа.

Сталин кивнул:

— Я знаю, кто такой Риббентроп.

— Адольф Гитлер обратился с личным конфиденциальным посланием к вам, товарищ Сталин. Чтобы обеспечить его доставку, по личному приказу фюрера был послан специальный самолёт. Германская сторона просила обеспечить его беспрепятственный перелёт до Москвы.

Сталин тяжело молчал. Лицо Кобулова сначала покраснело, потом побледнело. Зам наркома боялся пошевелить пальцем, только глаза двигались в орбитах, стараясь не упустить даже малейшего нюанса мимики Хозяина.

— Давайте письмо, — приказал наконец Верховный, небрежно разорвал конверт и усмехнулся: — Перевод сразу приложили к оригиналу. Молодцы.

«Уважаемый господин Сталин, — прочитал он вслух. — Я пишу вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришёл к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения

Англии и уничтожения её как государства». Адресат хмыкнул и дальше стал читать про себя, иногда отводя бумагу на всю длину рук, словно дальнозоркий, то приближая к самым глазам под светом настольной лампы, как будто пытаясь рассмотреть скрытые в листе водяные знаки.

«Вам уже, наверное, известно, что один из моих заместителей, господин Гесс, я полагаю в припадке умопомрачения из-за переутомления, улетел в Лондон, чтобы, насколько мне известно, ещё раз побудить англичан к здравому смыслу, хотя бы самим своим невероятным поступком. Судя по имеющейся в моём распоряжении информации, подобные настроения охватили и некоторых генералов моей армии, особенно тех, у кого в Англии имеются знатные родственники, происходящие из одного древнего дворянского корня.

В этой связи особую тревогу у меня вызывает следующее обстоятельство. При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так. Со своей стороны, я также с пониманием отношусь к тому, что вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооружённого конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным. Я опасаюсь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдёт на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от её судьбы и сорвать мои планы. Речь идёт всего об одном месяце. Примерно 15—20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом мы сможем достичь наших общих целей, которые, как мне кажется, мы с Вами четко согласовали.

Я благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном вам вопросе, и прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам.

Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле. Искренне ваш, Адольф Гитлер. 14 мая 1941 года»[1].

— Значит, нападёт ровно через месяц, — устало сказал Сталин, откладывая письмо в сторону. — Ничего нового. Какой смысл был передавать эту бумажку с такой срочностью? Показать, что наша противовоздушная оборона — говно? Вызвать у меня страх, — мол, что будет, когда полетят уже не «пятьдесят вторые» «Юнкерсы», а «восемьдесят седьмые», да ещё сотнями? Так у товарища Сталина нервы хорошие, крепкие, и на испуг его взять нелегко. Или была ещё какая-то причина? О которой я не знаю? — Вождь по-

[1] Цитируется по газете «Красная Звезда» от 27.04.2005 г.

смотрел прямо в глаза продолжающему стоять Богдану Захаровичу. Тот почувствовал, что ещё пять минут такой беседы, и он просто обмочится.

— Немцы летели через Белосток? — спросил Иосиф Виссарионович.

— Н-наверное, — выдавил из себя Кобулов.

Сталин довольно улыбнулся, сверкнув крепкими зубами.

— Значит, придётся расстрелять Маркова, Рычагова, Смушкевича, Штерна. Кого ещё? — Хозяин озабоченно потёр лоб. — Скорее всего, придётся добавить в список и вас с Лаврентием. Тех за преступное головотяпство. А вас за измену в форме содействия потенциальному противнику. Вот так, товарищ Кобулов. Можете быть свободны.

Заместитель наркома двинулся к двери, перенося тушу с одной ватной ноги на другую. Только сейчас он обратил внимание на то, что Верховный сказал: «Юнкерс» и даже знал, что это «пятьдесят второй», транспортник. А ведь Богдан Захарович о марке самолёта не обмолвился и словом. Значит, Сталину известно гораздо больше, чем думает Берия, может быть даже, он знает всё?

Собственного прокола, когда у него, человека, который вроде бы обеспечивал безопасность перелёта, Хозяин спросил, проходил маршрут через Белосток или нет, и он не сумел ответить точно, Кобулов не заметил.

«Похоже, в этот приезд с Ленкой увидеться не выйдет», — огорчённо думал Сергей, пока его везли на встречу с Верховным. Он прокручивал в голове самые фантастические планы, как выкроить время и всё же встретиться с девчонкой. Ничего реального нафантазировать не удавалось, а у входа в приёмную его чуть не сбил с ног Богдан Кобулов. Толстяк шёл словно в трансе, не замечая никого и ничего вокруг. «Интересно, что сказал ему товарищ Сталин», —

хмыкнул про себя генерал-полковник, входя в царство Поскрёбышева.

Александр Николаевич кивнул бритой головой:

— Проходите, Сергей Петрович, товарищ Сталин вас ждёт.

Это было удивительно. Ни разу ещё не случалось так, чтобы у двери кабинета Вождя не пришлось постоять хотя бы две-три минуты.

— Вы знаете, товарищ Марков, что сегодня утром в Москве приземлился немецкий самолёт, который пересёк полстраны беспрепятственно? — ошарашил командующего фронтом Хозяин. — И летел он над вашим округом. Как могли его пропустить ПВО фронта, истребительная авиация? Чем они занимаются?

Командующий растерянно молчал. Он вспомнил «Юнкерс» на взлётно-посадочном поле Центрального аэродрома, запоздалую суету энкаведешников, странную атмосферу в кабинетах и коридорах Генштаба. Теперь всё это стало понятным. Так же, как и то, что его непременно сделают ответственным за это позорище. Да и правильно, начальник отвечает за всё. Интересно, арестуют, как только он выйдет от Поскрёбышева, или во дворе? Промелькнула нелепая мысль: «Вот и повидался с Ленкой».

Поразительным было то, что, роняя свинцовые, убийственные, как пули в упор, слова, Сталин, кажется, улыбался в усы и вообще выглядел почти довольным.

— Что же вы стоите, товарищ генерал, — продолжил Вождь, — присядьте. Разговор у нас будет долгим. Смотрите, как за вас принялись. — Он хлопнул короткопалой ладонью по стопке бумаг. — Знаете, что это? Заявления и жалобы на командующего Западным фронтом. Не тем он занимается, готовится обороняться, а не наступать, силы рассеивает, моральный дух подрывает. А тут ещё транспортник этот гитлеровский. Что должен показать его перелёт? Что вверенные товарищу Маркову войска небоеспособны. Как

на всё это вместе обязан отреагировать товарищ Сталин? Если он поверит доносителям, он прикажет генерала Маркова расстрелять. Правильно я говорю?

Сергей молчал. А что тут скажешь? Что выполнял распоряжение Верховного?

— Нам известно, что командующий Западным фронтом за короткое время успел немало сделать для организации эффективной обороны. А коли так, как понимать все эти документы? Как веское доказательство хорошей работы генерала Маркова. Настолько успешной, что определённые люди сочли необходимым его скомпрометировать и убрать — руками товарища Сталина. Они решили, будто товарищ Сталин глупее их, и они сумеют им управлять. Они ошибаются.

Что это за «определённые люди», которых упомянул Хозяин, Сергей Петрович не понял. Но завидовать им не приходилось. Торжествующая улыбка не скрывала крайней ненависти, с какой говорил об этих анонимных врагах Вождь.

Докладывать о предстоящей встрече с Пикенброком, правой рукой начальника абвера, сейчас было самоубийством. Никто не мог предсказать, как отреагирует Иосиф Виссарионович даже на самую невинную реплику. А тут... Но и промолчать сейчас нельзя. Если Вождь решит, будто Марков скрывает контакт с агентом противника, это не просто гибель, это хуже. Навсегда останешься Иудой. Когда арестовали в первый раз, Сергей был в бешенстве и тоске от несправедливости ложного обвинения. Но что бы ни происходило, чести и достоинства он не потерял. В камере между допросами повторял фразу из случайно увиденного в Ялте спектакля «Антоний и Клеопатра» по мотивам трагедии Шекспира: «Здесь с нами могут низко поступить — унизить нас не смогут». Никогда не любил выспренной и возвышенной манеры выражаться, простой, даже грубый язык казался более естественным и близким к реальности. Но вот запала реплика в па-

мять и сидела там, как точка опоры в самых тяжёлых ситуациях.

И Марков решился. Так в молодости он бросался в сабельную рубку.

— Товарищ Сталин, я обязан вам сообщить... — и рассказал всё о предложении начальника контрразведки и своём предварительном согласии на встречу с немцем.

Долгие минуты ему пришлось выдерживать тяжёлый, остановившийся взгляд Хозяина. Наконец Сталин тяжело вздохнул:

— Вы что, сговорились все, — непонятно произнёс он. — Зачем вам этот Пикенброк?

— Если он просит о встрече, либо намеревается протолкнуть какую-то обманку, либо хочет предложить что-то действительно интересное. В обоих случаях выслушать его любопытно. Дезинформация, которую передают на таком высоком уровне, будет иметь стратегическое значение.

— Вы думаете, существуют только эти два варианта? — усмехнулся Верховный.

Марков недоумевающе глянул на собеседника:

— Так точно.

Вождь встал из-за стола и устало потянулся, принялся массировать правой рукой локоть левой.

— Вы правильно сделали, что поставили меня в известность о поступившем предложении встретиться с фашистским шпионом. Даю разрешение. Но о результатах переговоров доложите мне лично. На какое число вы их назначили?

— На ночь семнадцатого мая.

Сталин что-то прикинул в уме:

— Перенесите на самый конец месяца. Посмотрим, как они на это будут реагировать. Повторяю, анализ беседы сообщите мне. Вылетите сразу после окончания встречи. А сейчас в Белосток придётся возвращаться поездом. Центральный аэродром закрыт. Наде-

юсь, вы понимаете почему. Это даже неплохо — есть несокрушимая мотивировка переноса даты.

Дождавшись, пока генерал вышел, Иосиф Виссарионович снял трубку и приказал Поскрёбышеву:

— Найдите товарища Эйтингона. Срочно.

— Иосиф стал другим человеком. На него плохо влияет новое окружение, все эти всезнайки Лихаревы, доморощенные стратеги Марковы, — сказал Берия Кобулову. — Надо поправить ситуацию. Завтра я подброшу ему новую информацию для размышления. Для очень серьёзного размышления. Думаю, она сильно укрепит наши позиции. Так что ты прав и одновременно не прав. Это диалектика. Коба старается знать всё. На самом деле он имеет только сведения, большинство из которых даю ему я. И уж мои спецы постоянно заботятся о том, чтобы донесения противоречили одно другому. Чтобы человек не мог принять решения вообще, нужно только не давать ему понять общую картину. Вчера я послал ему донесение о прибытии новых подразделений и концентрации немецких войск на нашей границе. Сегодня — о том, что источник информации — английский шпион, имеющий задание столкнуть нас лбами с Гитлером. И пусть Председатель Совнаркома думает. Тем более что сообщения он, к сожалению, получает не только от меня. То же самое и тогда, когда речь идёт о наших с вами действиях. Главное, чтобы их можно было истолковывать и так, и наоборот. Враги прилетели с нашей помощью? Так они же привезли сверхважное послание их вождя нашему. И кто мы после этого, предатели или герои? Пока я Сталину нужен, а сегодня я товарищу Сталину очень нужен, он станет верить тому, во что ему выгодно верить. Иначе мы сидели бы уже не здесь.

Богдан Захарович, слушая, кивал. Он постепенно отходил от пережитого ужаса и снова становился тем

вальяжным и до наглости уверенным в себе толстяком, которого привыкли видеть все.

— Теперь о менее важном. Ласт бат нот лист, — с чудовищным грузинским акцентом произнёс Лаврентий Павлович. И пояснил: — Так говорят наши злейшие друзья англичане. Дружбы с этим Марковым у нас не получилось. Остаётся скомпрометировать. Потом — шантажировать. И только если не поможет, устранить.

Полковник Рафаэль Саркисов, молчаливо присутствовавший на импровизированном совещании, театрально поморщился, что не ускользнуло от взгляда Лаврентия Павловича.

— Есть у меня одна простая мысль, — объяснил нарком. — Если получится, товарищ Марков будет старательно исполнять всё, что мы ему прикажем. И ещё, — обратился он к Саркисову, — пошлите надёжного исполнителя сопроводить генерал-полковника до Белостока. Пусть он присмотрит, чтобы с ним не случилось по дороге никаких случайностей.

— Товарищ Эйтингон, — спросил Сталин, — те люди, с которыми вы работали против Иудушки, остались в составе единой группы или их разбросали кого куда?

— Костяк сохранён, — не задумываясь ответил Наум Исаакович.

— Я хочу, чтобы они выполнили ещё одно задание. Не менее сложное, не менее опасное и ответственное.

— Сделаем всё возможное, товарищ Сталин.

— Вы не поняли. Не надо делать всё возможное. Надо просто выполнить порученное. Вы должны, начиная с этого момента, взять под наблюдение командующего фронтом Маркова. Не только каждый шаг, но и каждый вдох и выдох.

— Товарищ Сталин, если это возможно, я хотел бы получить более точные инструкции, — попросил Эй-

тингон. — Моим людям следует готовить арест этого человека, его устранение или, наоборот, охранять его?

— Вашим людям следует сопровождать этого человека ежесекундно. Вам лично особая, более сложная миссия. Анализируйте все поступающие сообщения «топтунов» и дайте мне недвусмысленный ответ: надёжный ли исполнитель перед нами в лице генерала Маркова или тщательно замаскировавшийся враг. Меня ставить в известность дважды в сутки. Напрямую, не через Поскрёбышева. Это если не возникнет ничего непредвиденного. Если возникнет, тут же звонить мне лично.

— Должны ли мы вмешаться, если возникнет что-то непредвиденное? Например, фигуранту будет грозить уничтожение?

— Вы должны только наблюдать и звонить, — Хозяин назидательно поднял палец. — Это из Мексики нелегко связаться с товарищем Сталиным. С территории СССР проще. И ещё одно: любые контакты с военными или сотрудниками НКВД на месте, в Белостоке, категорически запрещаются. В остальном — полная свобода действий. И ещё одно. Возьмите под неусыпное наблюдение студентку ИФЛИ Корлюченко Елену Ивановну. Задание то же: наблюдать. Но если вы или ваши люди решат, что ей что-то или кто-то угрожает, разрешаю любые действия.

— Уничтожение источника опасности...

— ...коли не будет другого выхода, приветствуется, — кивнул Хозяин. — Не зря же наш главный гуманист, великий пролетарский писатель Максим Горький сказал: «Если враг не сдаётся, его уничтожают».

Полковник Иванов забронировал для Маркова два купе в международном вагоне поезда «Москва — Варшава», который отправлялся в ноль двенадцать.

— Зачем мне два купе, лучше бы вы десяток бутербродов спроворили, — попенял Сергей. Он был голо-

ден, зол из-за того, что с Ленкой не удалось поговорить даже по телефону. Не от Поскрёбышева же было звонить и не из Генштаба.

— Во втором купе поедет охрана, — пояснил полковник. — Это не моя инициатива. А насчёт бутербродов, — с обидой продолжил он, — вот, — и протянул корзинку из ивовых прутьев, накрытую полотенцем. — Всё ещё тёплое.

Генерал с чувством пожал руку человеку с лицом убийцы и предусмотрительным и заботливым складом характера. Или умением точно рассчитать свои поступки, чтобы они способствовали карьерному росту. Даже если так, желудку Маркова всё равно, наполнили его из добрых побуждений или ради исполнения небескорыстных планов. Главное, наполнили.

Едва он вошёл в купе, в дверь негромко стукнули. На пороге показались двое парней в штатских костюмах, огромный и ростом, и комплекцией блондин и огненно-красноволосый, который рядом с товарищем казался даже щуплым.

— Товарищ комфронтом, — без уставной формалистики обратился блондин, — разрешите представиться. Мы ваша охрана. Старший лейтенант Загайнов. Это — лейтенант Хуршудянц, — указал он на рыжего. Марков невольно улыбнулся. — Вот, все так реагируют, — сообщил лейтенант и тоже улыбнулся.

— Вы от какой службы? — поинтересовался Сергей Петрович.

— Разведка Генштаба. К Наркомату внутренних дел отношения мы не имеем. Равно как и к Наркомату госбезопасности, — ответил Загайнов. — Мы слева от вас. Если что, стукните в стенку. Но мы постараемся, чтобы «если что» не произошло.

Под белоснежным полотенцем таился не десяток бутербродов. Там был изрядный кусок буженины, свежайшие белые булочки, зелёный лук, лимон и бутыл-

ка грузинского коньяка. Ещё обнаружились пара вилок и стаканов, столовый, но острый нож. Словом, всё необходимое для того, чтобы утолить голод и не без приятности провести несколько часов в поезде. Как минимум, скоротать время до того момента, когда откроется вагон-ресторан.

Марков ещё раз помянул добрым словом полковника Иванова, плеснул в стакан остро пахнущей жидкости и взялся за еду. Под стук колёс он и не заметил, как уничтожил все припасы. Бутылка опустела едва на треть. С чувством приятной сытости Сергей откинулся на мягкую полку и заснул.

Утром почему-то остро захотелось есть. Чувство было таким сильным, что Сергей решил отправиться в вагон-ресторан. В конце концов, состав международный, так что кормить должны были прилично. А желудок требовал жидкого и горячего.

Генерал набросил на плечи пиджак, который на всякий случай всегда лежал на дне чемодана. Щеголять мундиром в общепите было неловко. И отправился по подрагивающим в ритме рельсовых стыков коридорам в соседний вагон, гастрономическую Мекку.

Из пары десятков столиков заняты были не больше половины. Приличные штатские костюмы, полевые формы командиров Красной Армии. Человек пять женщин разного возраста.

Официант принёс меню. Сергей Петрович сделал заказ. Ждать пришлось минут пять-семь, и перед Марковым появилась исходящая паром и мясным запахом тарелка щей. Однако не успел он окунуть в варево ложку, раздался громкий голос: «Граждане, прошу немедленно покинуть помещение». В ресторан вошли пятеро бойцов под предводительством остролицего лейтенанта с петлицами Наркомата внутренних дел. Рядовые поднимали посетителей из-за столов, даже подталкивали замешкавшихся в спины. Маркова поразило, что никто не попытался протестовать, ни штатские, ни армейцы. Не реагировали даже

на грубые тычки. Начальник группы смотрел на происходящее спокойно, как пастух глядит на собак, сгоняющих в кучу стадо овец.

Один из солдат подошёл к Маркову:

— Освободите вагон. Дозавтракаете позже.

— А в чём дело? — спросил генерал.

— Вас это не касается. Спецобслуживание, — бросил сверху вниз служивый.

Сергей Петрович откинулся на спинку стула.

— Пока я не закончу есть, никуда не уйду.

Боец оглянулся на остролицего, и тот бросился к возмутителю спокойствия.

— Очистите зал, — приказал он металлическим голосом.

Марков встал.

— Представьтесь, товарищ младший командир, и потрудитесь объяснить, что происходит.

— Вы кому приказываете? — прошипел чекист. — Вы НКВД приказываете? Вон отсюда, пока я не приказал арестовать.

— Поезд находится на территории Особого Западного фронта, я его командующий генерал-полковник Марков, — тихо отчеканил Сергей. — Немедленно отзовите своих людей и убирайтесь.

— Документы, — потребовал лейтенант.

— Удостоверение в моём купе. Пройдёмте туда.

— Ну нет, мы сейчас пойдём в наше помещение и там разберёмся, кто ты на самом деле и почему выдаёшь себя за командующего фронтом, — осклабился командир группы. В спину упёрся ствол, двое рядовых стали по бокам. Остролицый оглядел опустевший ресторан и сделал издевательски-приглашающий жест: — Прошу.

В это время в проходе появился худощавый блондин в чёрной форме с серебряными рунами в петлице. Его сопровождал человек в штатском костюме. Он отодвинул стул, усаживая арийца, и только теперь заметил

Сергея Петровича, застывшего в окружении рядовых сотрудников органов. Жестом он подозвал лейтенанта, что-то прошептал ему. Лицо младшего командира побагровело. Оправдаться штатский не позволил, сделал энергичный жест, и начальник отряда опрометью бросился выталкивать Маркова из зала. Комфронтом протащили по коридору, втолкнули в сдвоенное купе, где располагались охранники. Двое вошли вместе с генералом и остролицым, трое остались караулить снаружи.

Лейтенант уселся на диван, вынул из кобуры пистолет, щёлкнул предохранителем.

— Рассказывай, сволочь, зачем устроил провокацию и привлёк излишнее внимание к секретной операции органов НКВД? С какой целью выдаёшь себя за командующего фронтом и кто ты такой на самом деле?

Остролицый говорил тихо, но физиономия краснела с каждым произнесённым словом. Видно было, как он заводит сам себя, доводит до полубезумного состояния.

— Будешь молчать, прострелю тебе ногу. Потом вторую. Считаю до трёх.

— Прекратите истерику, — брезгливо произнёс Сергей. — И пригласите кого-нибудь из ваших руководителей.

— Только и забот у человека, который выполняет личное распоряжение товарища Берии, разговаривать с какими-то отбросами, — сказал, словно плюнул, лейтенант и поднял «ТТ».

В это время за стенкой купе в коридоре раздалась приглушённая возня, дверь купе отъехала в сторону. Оба конвоира, стоявшие у входа, тихо сползли на пол. И тихий напряжённый голос произнёс:

— Ты, хорёк, брось оружие на пол и подтолкни ко мне. Стреляю на поражение.

Остролицый судорожно сглотнул, пистолет в его руке дрогнул. Похоже, боевого опыта у чекиста не имелось. Он наклонился, аккуратно положил «ТТ»

на пол и, не разгибаясь, рукой толкнул его от себя. Марков медленно поднял тяжёлую железку. Энкаведешник так и сидел на корточках. Гимнастёрка на подмышках намокла, образовались тёмные круги.

— Кто этот фашист, куда его везёте, кто сопровождает? — резко спросил комфронтом.

— Товарищ генерал-полковник, — «хорёк» поднял вверх перепуганное лицо. — Честное слово, не знаю. Мое дело маленькое — выполнять приказы. Не убивайте, умоляю.

Тонкие губы дрожали, по лицу заструились слёзы. Из острого носа покатилась мутная капля.

— Кто командует вашей группой? Человек в штатском? Ну?

— Это личный посланник товарища Кобулова Богдана Захаровича. Имя, должность, звание нам не сообщали. Моему руководству отдали приказ по телефону. Майор приказал мне. Все документы на сопровождение гостя у него.

Сергей обернулся к телохранителям. Огромный Загайнов спросил рыжего Хуршудянца:

— А, Валера?

Тот кивнул:

— Ага, Валера.

Захватить купе, которое охраняли всего двое бойцов и внутри находились двое никак не ожидавших нападения офицеров, для двух Валер оказалось плёвым делом. Часовых быстренько перетащили, спеленав, в «караулку» остролицего и присоединили к уже связанным воинам. У «штатского» из внутреннего кармана пиджака извлекли удостоверение на имя майора НКВД Серго Фазильевича Гогулии. У фашиста тоже изъяли затянутый в выделанную кожу документ, клеймённый хищным золотым орлом. Но прочесть толком не сумели. Он был написан готическим шрифтом, которого ни Марков, ни, тем более, боеви-

ки из разведуправления толком не знали. Никаких сопроводительных документов на фашиста у Гогулии не обнаружилось. На вопросы Гогулия отвечать не стал. Он только злобно скалился и матерился с диким горским акцентом, обещая скорую и жестокую кару своим обидчикам. История получалась тёмная. Марков так и объяснил тёзке, Сергею Фазильевичу, что следует выяснить, не имеет ли место провокация или шпионская акция под прикрытием имени высокопоставленного и заслуженного государственного деятеля Богдана Захаровича Кобулова. Так что придётся всю группу задержать до выяснения всех обстоятельств. Гогулия только заскрежетал зубами.

Два Валеры согласились помочь довезти арестованных до Белостока, но задержаться отказались.

— Приказано вернуться не мешкая, — пояснил большой — Загайнов.

Сергей решил пока посадить всю компанию под замок в Белостокской ратуше, а не в «Избе Скарбовой» на улице Мицкевича, где расположил свою службу Габрильянц. Пусть их пока охраняют люди Ямщикова, надёжнее будет.

В суматохе никто не обратил внимания на человека в форме железнодорожника, который аккуратно выглянул из тамбура, соединённого с переходом в соседний вагон, как раз тот, где было расположено купе Маркова.

На столике Мамиашвили в приёмной Берии зазвонил телефон.

— Здравствуйте, мечта моей жизни, — раздался в трубке слащавый голос. — Это Габрильянц. Соедините меня с Лаврентием Павловичем, пожалуйста.

— Товарищ нарком сейчас отсутствует, — холодно проговорила секретарша. Она не любила, когда руководители местных управлений пытались заигрывать.

— Плохо, — сокрушённо произнёс начальник контрразведки Особого Западного фронта. — Тут что-

то приключилось плохое и срочное, только я не имею права знать, что именно.

— Что за чушь вы несёте? — возмущённо воскликнула красавица. — Объясните внятно.

— Рядом со мной человек из центрального аппарата. Удостоверение выписано на имя лейтенанта Ивана Ивановича Иванова, а ведёт себя как настоящий полковник. Он настоял на этом звонке. Но утверждает, что мне ничего объяснять он не имеет права.

— Валерий Хачикович, вы достаточно давно работаете в органах, чтобы знать, что фраза: «Меньше знаешь — дольше живёшь» в нашей системе имеет буквальное значение. Так что нечего обижаться. Передайте ему трубку и обеспечьте, чтобы никто не мог случайно подслушать ни одного слова.

— Гогулия арестован Марковым, — раздалось в трубке.

— Шени деда, — не сдержалась Мамиашвили. — А гость?

— Гость тоже. Может, приказать местному начальнику контрразведки... Силовая акция...

— Ничего не предпринимайте. Немедленно возвращайтесь в Москву. — И секретарша швырнула трубку на рычаги.

Узнав новости из Белостока, Лаврентий Павлович минут пятнадцать подряд без перерыва матерился на двух языках, размахивая сорванным с носа пенсне, не стесняясь застывшей у входа Мамиашвили. Красавица молча ждала, когда начальник отведёт душу. Только когда Берия иссяк, она произнесла два слова:

— Опять Марков.

— Да, — подхватил нарком, — он постоянно переходит мне дорогу. Я становлюсь суеверным. Может, он — рука Судьбы?

Секретарша презрительно усмехнулась уголками губ:

— Судьбы создаются здесь, в этих стенах. Думаю, роль Рока в жизни этого человека пора сыграть вам.

Берия поднёс руку к лицу, водрузил льдисто блеснувшие стёкла на место и сухим, деловым тоном распорядился:

— Немедленно найдите Саркисова, Павлова, Мамсурова. А пока дайте мне Габрильянца.

Уже через минуту в трубке раздался голос особиста с неистребимыми хитроватыми интонациями:

— Весь внимание, Лаврентий Павлович.

— Рандеву, которое ты готовил, сегодня?

— Точно так. В один тридцать.

— Нужна запись.

— Товарищ нарком, — посерьёзнел тон собеседника. — Командированный на это не пойдёт никогда. Вспомните его реплики в сценарии. За такие разговорчики в строю ему главный директор их театра варьете яйца оторвёт.

— До директора их театра реплики не дойдут...

— Я правильно понял? Раньше говорили, хватит программки с указанием действующих лиц и исполнителей.

— То было раньше.

— Технически сложно. Они будут вдвоём. Коллеги гостя уже на месте, они проверили всё сценическое оборудование. Вы же знаете, их фирма в смысле одежды сцены даст сто очков вперёд нашей. Мы не сумеем поставить ни световое, ни звуковое...

— Слушай меня, Валерий Хачикович. У тебя в Белостоке работает красавица-блондинка, Сумова Людмила Игоревна...

— Знаю, она официантка в офицерской столовой. Сам устраивал по просьбе Маркова.

— Замечательно, — развеселился Берия. — Ещё, чтобы ты знал, она — лейтенант нашей службы и мой, понял, лично мой человек. Подключи к премьере её. Она сыграет любую роль. Ты уяснил? Всё, что потребуется. Твой командированный забудет обо всём. Пусть он поставит её в любую позу, какая ему боль-

ше нравится. А она из любого положения сумеет подключить всё оборудование, какое нам нужно. От меня передай: сумеет — будет старшим лейтенантом. И мой личный привет. После того как получишь плёнку, к тебе приедут мои доверенные. Будешь выполнять все их распоряжения. Пока всё.

Лаврентий Павлович посмотрел на Мамиашвили.

— Павлов подъедет через сорок минут, Саркисов в приёмной. Мамсурова найти не удалось, — доложила красавица.

— Давай Рафаэля, слава богу, не святого, — махнул пухлой белой ладонью нарком.

Берия сел рядом с начальником собственной охраны. Это служило знаком особой доверительности и одновременно давало возможность говорить тихо, едва ли не шёпотом. В то, что его кабинет прослушивается, Лаврентий Павлович не верил, но бережёного, как всем известно...

— Ты изучил материалы на Маркова? Фамилию и адрес его девки знаешь? — Саркисов кивнул. — Если её взять, можно будет заставить этого железного командира выполнять любой приказ.

— Прямо сейчас поедем.

— Нет, в Москве её трогать нельзя. Студенточкой интересуется Коба. — Берия скабрезно хихикнул. — Он даже матери телефон провёл, чтобы удобнее было интересоваться. Нужно сделать по-другому: дать ей понять, что Маркову капец. Она бросится предупредить женишка. Там, в Белостоке, мы её и прихватим. Тем более что именно там она нам и нужна.

— А она точно поедет за сто вёрст киселя хлебать?

— Ты, я смотрю, русские поговорки изучаешь. По книжкам или, может, преподавательницу завёл? А дэвушка поедет. Ты бы на её месте упустил шанс попасть сразу не под полковника, а под генерал-полковника? То-то же.

В Белостоке поезд стоял полчаса. От дежурного по вокзалу Сергей позвонил Ямщикову. Через пятнадцать минут на перрон выкатилась «полуторка» с брезентовым верхом. Бравые бойцы разведроты 201-й дивизии перегрузили всю команду Гогулии вместе с немцем под тент, уселись на лавки вдоль бортов и двинулись в сторону центральной площади города, носившей забавное, на взгляд Маркова, название: «Рынок имени Тадеуша Костюшко».

Сам Александр Иванович приехал встретить друга на легковушке, за рулём. Как только комфронтом уселся рядом, Ямщиков спросил:

— Что за птицы?

— Долго рассказывать, — махнул рукой Сергей Петрович. — У тебя надёжные ребята есть?

— Целая дивизия. А в чём боевая задача?

— Хочу, чтобы эта гоп-компания посидела не у Габрильянца, а в ратуше. Понимаешь, НКВД сопровождает и охраняет какого-то эсэсовца. Обеспечивают режим сверхсекретности. Утверждают, будто по личному приказу Богдана Кобулова. Хочу разобраться, откуда ганс. Завтра извинюсь перед союзничком и отпущу.

— Ох, и заварил ты авантюру. Представляешь, если это действительно какие-то игры второго человека в НКВД? Головы не сносишь.

Поскрёбышев почти одновременно принял два звонка. Эйтингон сообщил, что командующий Особым Западным фронтом своей властью задержал группу сотрудников НКВД, сопровождавших какого-то эсэсовского чина по личному распоряжению, как они утверждали, Богдана Кобулова. Почти дословно совпадало с первым и донесение Маркова. Александра Николаевича поразила реакция на эти рапорты товарища Сталина. Обычно сдержанный, Вождь довольно улыбнулся и приказал передать командующему фронтом, чтобы тот под личную ответственность обеспечил

передачу немца людям Эйтингона. Они доставят черномундирного в Москву.

— После этого мелкую шушеру можно пока отпустить, — махнул рукой Иосиф Виссарионович.

Люди майора госбезопасности Эйтингона появились, как только сгустились сумерки. Предупрежденный Поскрёбышевым командующий фронтом приказал бойцам разведроты 201-й дивизии передать задержанного немца крепким парням в штатском, которые не только предъявили предписание, но и назвали продиктованный Алексеем Николаевичем пароль.

— Может, дать в сопровождение взвод автоматчиков? — предложил Марков.

— Не стоит, — серьёзно ответил старший, смуглый крепыш в комбинезоне почему-то танкиста. — Не по вражеским тылам поедем, даст бог, до аэродрома проскочим.

. Через четыре часа эсэсовца уже ввели в кабинет Сталина. Увидев знакомое по портретам всему миру лицо, офицер вытянулся в струнку и выбросил вперёд-вверх правую руку. Вождь, откинувшись на стуле, с отстранённым интересом, словно невиданного зверя, рассматривал немца. Потом негромко произнёс:

— Узнайте его имя, звание, род войск. В общем, всё, что в таких случаях положено.

Переводчик, средних лет мужчина, словно присыпанный пылью, — серой невыразительной внешности в хорошо сшитом, но таком же сером неброском костюме, на безукоризненном «хох-дойч» приступил к допросу. Пока он говорил, арестованный оглядел помещение. Не очень большой кабинет, предназначенный для совещаний в узком кругу и обставленный стандартной канцелярской мебелью. Никакого сравнения с огромным, забитым столами и креслами из морёного дуба, рабочим местом фюрера. Гитлер

любил поражать размахом и роскошью. Каждый входящий должен был сразу проникнуться ощущением величия Рейха и его руководителя.

У стены по правую руку от главы СССР обнаружился ещё один человек — грузный мужчина с коротко стриженными чёрными волосами, в гимнастёрке с петлицами старшего майора госбезопасности. Он вальяжно расселся, уложив на столешницу маленькие, как будто детские, кисти рук. По расовым законам это было непререкаемым признаком еврейского происхождения. Всмотревшись в лицо, эсэсовец опознал известного по фотографиям всем разведчикам Рейха Наума Эйтингона.

На стандартные вопросы офицер отвечал быстро и чётко: оберштурмбанфюрер СС Зигфрид Кирст. Место службы — политическая разведка СД.

— Спросите, осознаёт ли герр Кирст, что он нелегально проник на территорию СССР и задержан как шпион, — произнёс Сталин.

— Я не шпион, — оскорблённо возразил немец. — Я не снимал свою форму и не выдавал себя за кого-то другого. Всё остальное оправдывается важностью миссии, которую я выполнял. Это особое поручение высшего руководства Рейха.

— Очень интересно. — Вождь встал из-за своего стола и зашагал вдоль стены кабинета. — И что же это за важная миссия?

— Я привёз личное секретное послание фюрера немецкого народа Адольфа Гитлера Председателю Совнаркома СССР Сталину.

— И где это письмо? — спросил Иосиф Виссарионович. — Давайте его сюда.

— Вам должны были уже вручить его, — растерянно проговорил эсэсовец. Он не понимал, что происходит, куда мог подеваться конверт. Чтобы Берия не передал по назначению документ, который маскирует истинную цель перелёта? Маловероятно. Или эти хитрые грузины ведут какую-то совместную игру? Мо-

жет, все переговоры Берии с Гейдрихом вообще грандиозная провокация? Что из этого следовало, страшно было даже представить.

Додумать оберштурмбанфюрер не успел.

— Кто принял от вас пакет? — жёстко потребовал ответа Хозяин.

— Один из встречавших на аэродроме, имени и звания я не спросил, — поспешно соврал Кирст.

— Странно, — стал размышлять вслух Верховный. — Вы утверждаете, будто доставили личное обращение фюрера, настолько важное и срочное, что без согласования со мной германская сторона послала аэроплан. Очень большой риск, «Юнкерс» могли ведь сбить наши части ПВО. И здесь доверенное лицо — военный человек, разведчик отдаёт документ, содержащий дипломатическую тайну, первому встречному... Ну, ладно, — перебил он сам себя, — мы разберёмся, к кому попало это письмо и куда вообще оно исчезло. Что касается вас, оберштурб..., оберштум..., тьфу, чёрт. Что касается вас, герр Кирст, у нас есть возможность заставить любого нарушителя отвечать по всей строгости советских законов. Но учитывая, что между СССР и Германией заключён договор о дружбе; принимая во внимание тёплые чувства, которые связывают нас с фюрером Третьего Рейха, мы просто отправим вас назад.

Оберштурмбанфюрер почувствовал облегчение. Ему уже мерещились ужасные промороженные русские лагеря, выжить в которых европеец просто не способен.

— Товарищ Эйтингон, — повернулся Вождь к генералу, — обеспечьте отправку нашего гостя на самолёте до Бреста. А там пусть его передадут с рук на руки немецким камерадам. Мы «МиГ» на Темпельхоф посылать не станем.

Эйтингон торопливо поднялся и вышел. Через минуту вернулся с двумя командирами. Они подчёркнуто вежливо пригласили Кирста следовать за собой.

Когда немца увели, Сталин довольно потёр руки и тихо засмеялся:

— Пусть герр оберштурмбанфюрер задаст своим камерадам загадку: куда же исчезло письмо фюрера. Чем больше непоняток будет между Гейдрихом и нашими мерзавцами, тем меньше они будут доверять друг другу. И с тем большей оглядкой станут разворачивать новые войска. Мы выиграем время. Только проследите, товарищ Эйтингон, чтобы до границы этот «хайльгитлер» ни с кем не общался.

Иосиф Виссарионович вдруг почувствовал, как ломит локоть левой руки, и потянулся правой, чтобы потереть больное место. Сильно зашумело в ушах, глаза стали застилать коричневые квадраты. Словно со стороны он услышал собственный глухой неприятный голос:

— Самое дорогое для нас — время, а его остается катастрофически мало.

Эйтингон увидел, как Вождь вдруг опёрся спиной на стену. Потом ноги безвольно подогнулись, и Сталин стал валиться на пол лицом вперёд. Генерал успел подхватить обмякшее тело. И тут же Хозяин открыл глаза:

— Что происходит? Почему вы меня облапили, как солдат девку?

Он высвободился, встал на ноги, всё ещё чуть пошатываясь, жестом остановил попытку приближённого объяснить ситуацию.

— ...м... мать, — старательно выговорил Вождь. — Вовси это называет трепетание предсердия. Обещает, что однажды либо мозги взорвутся, либо сердце.

Террорист и боевик, способный расстрелять семерых противников за три секунды хоть из «ТТ», хоть из «Вальтера», умеющий убить любого врага голыми руками, обученный придумывать хитроумные планы уничтожения «живой силы и техники», стоял перед своим Верховным Главнокомандующим в растерянности, не зная, что делать.

— Не вздумайте кому бы то ни было рассказать об этом, — предупредил Сталин. — Сейчас не время. — И повторил про себя: «Самое дорогое — время, а его остаётся так мало».

Подготовка секретной встречи высокопоставленного немецкого разведчика и командующего фронтом — дело тонкое. Необходимо определить место, обеспечивающее не только тайну, но и безопасность договаривающихся сторон, и определённый комфорт, соответствующий рангу. Следует отобрать обслугу. Все эти хлопоты, естественно, легли на плечи Валерия Хачиковича Габрильянца. Он показал себя прекрасным организатором. Переговоры решил провести днём, в шестнадцать часов, в доме Лейзера Мордховича Заменхофа. С одной стороны, забавно было посмотреть, как высокопоставленный нацист будет себя вести в доме чистокровного еврея, да ещё знаменитого на весь мир. Он уже представлял, как будет объяснять визитёру: «Как, герр Пикенброк, вы не знаете, кто такой Лейзер Заменхоф? Он же создатель международного языка эсперанто. В этот музей поклонники едут не только из Европы, но и из Азии, Америки и даже Австралии. Кстати, он очень удачно расположен с точки зрения конспирации — подходы легко контролировать. Опять же, там, где ежедневно бывают десятки людей, легко затеряются следы ещё двоих. Да и высокие договаривающиеся стороны смогут объяснить, в случае необходимости, что заглянули в мемориал из чистого любопытства».

Особо доверенные оперативники ещё с вечера обложат строение кольцом. Конечно, каждая группа получит свою, никак не связанную с эсперантской святыней, цель. В самом здании кроме абверовца и Маркова будет присутствовать только смазливая официанточка. Начальник контрразведки привезёт арийского гостя и будет ждать окончания переговоров в машине у входа.

Вроде бы всё готово. Можно начинать.

* * *

Марков сам заехал к начальнику контрразведки фронта в «Избу скарбову».

— Предупредите этого вашего Пикенброка или как его там — встреча переносится ровно на две недели. На первое июня.

— Извините, товарищ генерал-полковник, — взвился Габрильянц. — В разведке так не делается. Я не могу вертеть подолом, как кокетливая девица, мол, свидание сегодня, ах, нет, сегодня у меня голова болит и вообще я ещё девочка, давайте через полмесяца... Мы показываем себя не как серьёзные партнеры.

— А я для нацистов вообще не партнёр, — отрезал комфронтом. — О переговорах просит он, значит, для чего-то это потребовалось германцам. Гитлеру, абверу, вермахту — для меня разницы нет. Есть что предложить, так и быть, послушаем. Тогда, когда это удобно нам. Дата не обсуждается. Откажутся, значит, не сильно им и хочется. О результате согласования даты доложите сразу же.

— О, звезда очей моих, — шептал Валерий Хачикович в трубку. — Мне очень неприятно это сообщать, но возникла проблема. Жених не хочет идти на свидание вовремя.

— Вы назначаете рандеву мужчинам, — улыбнулась Мамиашвили. — Вот так и узнаёшь что-то новенькое о страстных поклонниках.

Линия, по которой велась беседа, была защищена от прослушивания посторонними. Но оба чекиста знали, что полной гарантии не может дать никто, потому старательно маскировали информацию разнообразным словесным мусором.

— Ради вашей небесной улыбки я готов организовать встречу не только с мужчиной, но даже с самим Сатаной. Но я не вытерплю целых две, таких долгих, недели. Вино уже налито, музыка обеспечена. А лю-

бовь откладывается. Я убеждён, что решение принял не сам фраер. Если вам, царица цариц, это неведомо, так немцы и евреи называют новобрачного. Он закапризничал после возвращения от строгого папы.

— Я обязательно приму к сведению всё, что вы мне сказали, — проворковала секретарша. — Боюсь, у нас с вами небогатый выбор. Страсть нельзя пытаться задушить, свидание должно состояться. Лучше позже, чем никогда.

Выслушав секретаршу, Берия задумался.

— Я не могу понять Кобу, — пожаловался он. — Этот хитрый лис знает очень много. Надеюсь, не всё, но лучше бы ему было известно меньше. И он тянет время, ведёт игру. С письмом фюрера — это был сильный ход. Камерад Ойген так до конца и не поверил, что бумаги были переданы Сталину из рук в руки, и наши отношения на текущий момент сильно омрачены. В результате уходит время, а его у нас мало.

Если Габрильянц прав, Марков сделал единственный ход, на который я не рассчитывал: он тупо доложил о предстоящей встрече с Пикенброком Хозяину. Любой умный человек понял бы, что это самоубийство. А этот идиот поступил по уставу. И что теперь делать?

— Во-первых, свидание всё равно следует провести, — чуть растягивая слова, проговорила Мамиашвили. — Если я правильно осведомлена, одна из ваших сексуально проверенных лейтенантих будет писать всю беседу? Она должна всё проделать скрытно, это трудно. В результате может получиться некачественный звук, обрывы фраз, и о содержании придётся только догадываться. Приличные техники сумеют отобрать такие фрагменты...

— Всегда говорил, — ухмыльнулся Лаврентий Павлович, — что вы — совершенство. Два в одной — изысканная красота и непревзойдённый ум...

Грузинка холодно улыбнулась:

— Когда я слышу такие комплименты из ваших уст, я понимаю, что умру молодой.

Нарком НКВД всплеснул руками:

— Как вы можете говорить такое! Я охотнее лишился бы любой части тела, чем расстался с вами.

По гримаске красавицы было видно, что она с трудом проглотила готовую сорваться с языка колкость.

— Кстати, о частях тела и о птичках, — добавила секретарша. — Вы планировали акцию с девицей генерала.

— Да, — осторожно согласился Берия и замолк, ожидая продолжения.

— Было бы хорошо, если бы она оказалась в Белостоке в тот день, когда Марков встретится с Пикенброком. Тогда можно было бы заставить полководца отчитываться о переговорах так, как удобно нам.

Нарком протёр стекла пенсне и попросил:

— Вызовите Саркисова. Или просто передайте ему, чтобы сдвинул срок акции на две недели.

Через десять дней Елена возвращалась домой из института. По Авиамоторной решила пройтись пешком. Сиреневые сумерки последнего майского дня, полное безветрие. Новенькая лакированная листва на деревьях вдоль проезжей части улицы не шевельнётся. Изредка прошелестит шинами автобус или легковушка. Хотелось думать о добром — о любви, о близком и неминуемом счастье. Только не о неотвратимо приближающейся сессии.

Неожиданно она почувствовала, что кто-то идёт рядом. К девчонке пристроился жгучий брюнет в черкеске с газырями, шароварах и мягких сапогах — ичигах. Потому-то Ленка и не услышала, как он подкрался.

— Вах, какой жэнщин, — с преувеличенным акцентом вскричал, именно вскричал, а не просто восклик-

нул, кавказец. — Паслюшай, друг лубезный, пайдём в ресторан, да? Нэ бойся, нэ абижу.

Хулиганка выпятила подбородок и ускорила шаг.

— Не спеши, — произнёс вдруг приставала тихо, с идеальным московским выговором. — И не строй из себя царевну. Думаешь, если заарканила генерала, так уже кума королю и министру сватья? Погоди, Маркова твоего не сегодня завтра шлёпнут. Ордер на арест уже подписан. Он и пискнуть не успеет. Потом и до тебя черёд дойдёт. Хлебнёшь горячего до слёз.

Смуглянка остановилась и посмотрела на странного попутчика в упор. Он резко отвернул лицо, набычился, сделал скользящий шаг в сторону и заорал:

— Нэ хочишь? Сматры, пажалэешь, толко поздно будэт, — и свернул в проход между домами, растворился в плотнеющих сумерках.

— Ничего в ней нет особенного, в марковской пассии, — заявил Саркисов.

— Ты что, сам пошёл её пугать? — Берия был удивлён. — Зачем?

— Интересно было глянуть, что же за штучка, к которой генерал неровно дышит, и сам Хозяин интересуется, — осклабился Рафаэль.

— А если она тебя опознает?

— Вряд ли. Я придумал гениальную маскировку: такой плакатный кавказец, прямо как в кино «Свинарка и пастух» показывают. И вдруг главное говорю чисто-чисто по-русски. Она решит что? Славянин неумело прикинулся горцем. Теперь ей армянина сколько ни показывай, ни за что не опознает.

— Это ты армянин? — зашёлся смехом Лаврентий Павлович. — Ты вообще казах. Или где там тебя угораздило на свет появиться. Ладно, о главном скажи, ты её впечатлил?

— Ещё как! Завтра, крайний случай, послезавтра ловите её в Белой Речке.

— Где?

— Жидовский город Белосток в переводе с польского — Белая Река.

— Ишь ты, антисемит доморощенный. Не знаешь, как ваши мудрецы говорят: «Берегите евреев. Их побьют, за нас примутся».

Маскарад, изобретённый Саркисовым, оказался настолько идиотским, что обманул даже людей Эйтингона, ни на миг не выпускавших Елену Корлюченко из поля зрения уже несколько часов. Любой профессионал умел оставаться незаметным, красться неощутимой тенью. Никому и в голову не могло прийти, что привлечь к себе внимание — это иногда самый лучший способ скрыться. На всякий случай, об инциденте с «приставалой» упомянули только сдав «смену», в устном отчёте генералу.

— Точно это был искатель «свежатинки-девчатинки»? — уточнил Наум Исаакович.

Один из «наружников» задумался. Сейчас ему показался чересчур показным акцент уличного ловеласа. Командир группы помрачнел, обругал подчинённых филёрами и «гороховыми пальто». Выговаривая подчинённым, Эйтингон размышлял. Если девушку взяли в разработку, а на это очень похоже, обязательно должны посадить своих людей у неё дома. Посылать сотрудников на место, где их ждёт засада? Это значит спровоцировать стычку, возможно, с применением оружия. Вариант крайне нежелательный. Наум Исаакович тяжело поднялся из-за стола.

— Придётся старому еврею самому прогуляться по весенней столице. Говорите, Авиамоторная? — произнёс он и вызвал служебную машину.

Сначала перепуганная Ленка хотела позвонить Маркову по междугородке. Потом представила, как она заказывает телефонной барышне штаб Особого Западного фронта. Скорее тебя повяжет контрразвед-

ка, чем свяжут с генералом. Оставалось одно: ехать в Белосток самой.

Интересно, что злобному шёпоту совсем не случайно встреченного приставалы девчонка поверила сразу и безоговорочно. И ещё интересно, что она ни секунды не колебалась: если Маркову грозит опасность, нужно сообщить ему об этом. Предупреждён — значит, вооружён.

Марков ждал абверовца на кухне: Габрильянц счёл, что это — самое подходящее со всех точек зрения место. И к беседе располагает, и позволяет накрыть стол с лёгкими закусками — икра, свежий хлеб, масло. Коньяк. Когда чекист провёл командующего фронтом на место переговоров, тот увидел, что расставляет снедь Люсечка.

Девушка скромно опустила глаза и сделала книксен. Коротенькая юбчонка взлетела волной и тут же опустилась. Командир хмыкнул и прошёл к окну. Людмила Сумова не занимала сейчас мысли Сергея. Он настраивался на непростую беседу с посланцем хитрого лиса Канариса.

Ганс Пикенброк оказался крупным мужчиной с грубым мясистым лицом. Объёмистые телеса стягивал дорогой костюм с двубортным пиджаком. На ногах — лакированные, но мягкие штиблеты. Он шёл к чёрному входу в дом-музей, всем своим видом демонстрируя, как противно и неприятно чистокровному арийцу соприкасаться с вещами, которыми пользовался шмутциге юде, и даже дышать с ним тем же воздухом.

Двое сопровождающих неожиданно выглядели вполне интеллигентно. Не битюги с пудовыми кулаками, а худощавые, легко ступающие молодые люди в спортивных светлых пиджаках. Единственное, что портило впечатление, — бегающие по сторонам глаза. Но это — требование профессии.

Один из охранников остался у двери, второй прошёл внутрь вместе с Габрильянцем и шефом.

Пикенброк пропустил Валерия Хачиковича и «спортивный пиджак», сам остался стоять в дверном проёме. Юнец сноровисто осмотрел кухню, открыл и закрыл пару ящиков шкафа. Вышел в коридор и выкрутил электрические пробки. Что-то быстро шепнул начальнику и присоединился к напарнику, дежурящему во дворе.

Габрильянц представил друг другу переговорщиков и тоже покинул помещение. Люсечка бросила вопросительный взгляд — мол, я пока не нужна? — и исчезла в коридоре.

Пожимать друг другу руки мужчины не стали. Марков сделал приглашающий жест. Немец уселся за стол. Комфронтом устроился напротив.

— Благодарю вас за то, что приняли мое предложение, — начал Пикенброк. — Поверьте, когда я говорил, что наша встреча может повлиять на судьбы мира, я не преувеличивал.

Он изъяснялся на совершенно правильном русском, только без интонаций, как будто слова произносил какой-то фантастический механизм.

— Думаю, для вас не секрет, что далеко не все генералы вермахта одинаково относятся к фюреру. Большинство уважают его и восхищаются талантом политика, государственного деятеля и военного стратега. Он поднял Германию с колен, вывел из экономического кризиса, дал каждому немцу хлеб и масло для каждодневного завтрака. Гений Адольфа Гитлера вернул то уважение, которым страна по праву пользовалась в сфере международных отношений.

Марков слушал этот панегирик с непроницаемым видом. Абверовец сделал паузу, ожидая ответной реплики. Но собеседник хранил молчание.

— Бисмарк не советовал немцам воевать с Россией, — сообщил разведчик. — Все опасаются войны

на два фронта. Тем не менее события развиваются именно в этом направлении. Патриоты Германии оказались перед необходимостью трагического выбора. Нужно решить, довериться ли гению фюрера или следовать мудрости великих стратегов. Все осознают, что от правильности решения зависит судьба Фатерланда и, как минимум, Европы.

Сергей Петрович ни словом, ни жестом не выдал своего отношения к сказанному. Пикенброк опять сделал паузу, снова не дождался никакой реакции Маркова, тяжело вздохнул и перешёл к сути:

— Я представляю группу высокопоставленных офицеров, которые считают, что война с СССР приведёт к национальной катастрофе, и готовых на крайние меры, чтобы этого не допустить.

— Кто входит в эту группу? — спросил комфронтом.

— Вы же понимаете, что я не уполномочен называть имена.

— Вы также должны понимать, что, не зная фамилий и должностей участников заговора против Гитлера, мы не можем оценить, насколько серьёзными возможностями изменить ситуацию вы располагаете.

— Смею заверить, наших сил хватит, чтобы коренным образом переломить ход событий.

— Хорошо, предположим. Что конкретно вы задумали?

— В ближайшие недели фюрер отдаст приказ о вторжении на вашу территорию. Две группы армий встречными ударами сровняют Белостокский выступ. Вся ваша группировка окажется в грандиозном котле и лишится связи с тылом. Этим планируется снять угрозу продвижения Красной Армии в западном направлении. Без налаженных коммуникаций наступление невозможно. Ваш Тухачевский уже пытался взять Варшаву «на голом энтузиазме». Так у вас принято выражаться?

— Ближе к предмету разговора, если можно, — холодно попросил генерал.

— Мы предлагаем следующее: как только вермахт получает приказ о нападении на СССР, мы объединяем наши войска и начинаем совместный марш на Берлин. В самой столице наши единомышленники устраивают хаос, нарушая систему гражданского и военного управления. Мы смещаем фюрера и подписываем новый договор — о совместном установлении нового, социалистического порядка в Европе.

— Кто возглавит Рейх после отстранения Гитлера?

— Вопрос ещё не решён окончательно. Среди кандидатур Риббентроп, Роммель, Паулюс. Ни одна из одиозных фигур, замаравших себя грязью и кровью, в руководство обновлённой Германии не войдёт.

Как выдающийся военный организатор, вы, герр Марков, понимаете, что совместные действия потребуют тщательной координации на уровне начальников штабов не только армий, но и корпусов и дивизий. С нашей стороны разработан подробный план маскировки последних приготовлений. Все наши контакты будут объясняться выполнением мероприятий по дезинформации противника.

— Сколько у нас времени? Когда Гитлер может двинуть войска против нас?

— Фюрер непредсказуем. Он действует под влиянием своих мистических озарений. Но, с учётом времени, необходимого для завершения переброски и развёртывания частей и обеспечения хотя бы тактического запаса горючего и боеприпасов, озарение вряд ли посетит рейхсканцлера раньше середины июля.

— Хорошо, — согласился Марков. — Ваши задумки мне лично кажутся интересными. Они могут стать основой плодотворного сотрудничества. Однако политические решения принимает высшее руководство страны. Я сегодня же доложу о ваших препозициях. Пока мы можем устно подтвердить взаимную заинтересованность в сотрудничестве.

Пикенброк кивнул.

— Хорошо. Только что значит: «задумка»?

— Так по-русски называют мысль, план, идею.

— Зеер интересант, — пробормотал абверовец.

— Теперь, чтобы отметить успешное окончание переговоров, — Сергей Петрович сделал приглашающий жест и уловил плотоядный блеск в глазах гостя. — Кстати, — улыбнулся комфронтом, — чтобы подтвердить серьёзность ваших намерений, может, сделаете жест доброй воли?

— Что именно?

— На территории округа, безусловно, работают десятки ваших агентов, имеющих как разведывательные, так и диверсионные задачи. Может быть, предоставите список?

Нацист задумался только на долю секунды.

— Послезавтра мой человек свяжется с вашей контрразведкой и доставит микроплёнку.

— Ну что вы, — улыбнулся Марков, — зачем же работать так грубо. Пусть он проникнет в офицерскую столовую и вручит документ нашей официантке.

Сумова при этих словах возникла в дверном проёме, словно подслушивала беседу. Глянув на блондиночку повнимательнее, Пикенброк расплылся в ухмылке:

— Чтобы встретиться с такой фрейлейн, я сам готов принести любой документ.

Лейтенант ГБ очаровательно порозовела и снова сделала книксен.

Ленка сидела в купе и смотрела в окно. Девушку трясла нервная дрожь. Она взяла деньги на билет в один конец, оставила матери записку и ринулась на вокзал. Желающих ехать на Запад, к счастью, было немного. Попутчицей оказалась только толстая бабка с необъятным мешком, да и она вышла, не доехав до Белоруссии. При постороннем человеке хулиганка

кое-как сдерживалась. А только закрылась дверь, она разрыдалась, некрасиво хлюпая носом и утирая слёзы сразу промокшим платком. Потом чуть успокоилась и бездумно уставилась на проплывающие пейзажи. Несмотря на расцвет весны, небо было серым, низким и тяжёлым. Подкрадывались сумерки, и зелень на полях и огородах отдавала тёмно-зелёным, почти серым. И покосившиеся деревянные домишки, исчезающие бесследно за обрезом рамы, тоже были не то тёмно-коричневого, не то чёрного безысходного цвета.

И вдруг поворот неуклюжего состава открыл небольшую часовенку на пригорке. По контрасту она казалась ослепительно-белой. Несбитый крест на куполе, казалось, царапал обвисшее небо, пытаясь обратить на себя внимание бога.

Не верующая ни в бога, ни в чёрта Ленка не отводила глаз от постройки — для неё никакой разницы между часовенкой, церковью, храмом не существовало — пока та не исчезла из вида.

Перепуганную Зинаиду Петровну грубо запихнули на диван и велели пасть не открывать. Перед этим долго выспрашивали, где Ленка. Мать смогла объяснить только то, что девчонка прибежала домой, схватила деньги, сказала, что должна на пару дней уехать, и молнией улетела невесть куда.

— Мы покараулим у вас, — ухмыляясь, объяснил командир — молодой старлей НКВД. — Вдруг доченька вернётся. Или в гости кто нагрянет.

Он как в воду смотрел. Через два часа тринадцать минут после начала засады в дверь квартиры позвонили. Два сотрудника впустили рослого толстяка в дорогом плаще. Один навёл пистолет на лицо гостя, другой ткнул стволом револьвера в спину и прошептал:

— Тихо. Шагай вперед.

Визитёр, казалось, совсем не испугался. Он улыбнулся во всю пасть и произнёс:

— Мне, собственно, нужна Корлюченко Елена Ивановна. Она здесь проживает?

Нахала, который не струсил перед сотрудниками органов, провели в комнату Зинаиды Петровны. Он окинул взглядом старшего лейтенанта и других бойцов, сидящую в углу хозяйку жилья и обратился к начальнику опергруппы:

— Я — майор госбезопасности Эйтингон. Представьтесь.

— Предъявите документы, — голос старшего лейтенанта от неожиданности и негодования сорвался на фальцет. Визитёр медленно расстегнул плащ, полез во внутренний карман пиджака. Чекисты держали его под дулами пистолетов, пока в маленькой кисти не появилась затянутая в кожу книжица. Командир внимательно изучил текст, сличил фотографию с оригиналом, кивнул в знак того, что удостоверение можно спрятать. После чего доложил: — Специальная группа ГУГБ, командир старший лейтенант Кравцов. Выполняем задание руководства.

— Ну-ну, — покачал головой Эйтингон, — выполняйте. Елена не объяснила, с чего это она так внезапно решила ехать в Белосток? — неожиданно спросил он у Зинаиды Петровны. Корлюченко-старшая затравленно смотрела на него.

— Кто вы? Я вас не знаю, — проговорила женщина.

— Я — друг ваших друзей, — туманно объяснил Наум Исаакович.

— Нет, она только сказала, что её жених в опасности. — Хозяйка квартиры осеклась и с опаской покосилась на старшего лейтенанта. Он был растерян: с одной стороны, позволять кому-то беседовать с Корлюченко он не имел права. С другой, этот «кто-то» — майор службы, да не просто заместитель начальника разведки, а легендарный Эйтингон. О нём ещё в училище курсанты пересказывали друг другу легенды...

К счастью командира группы, толстяк удовлетворённо хмыкнул и повернулся к выходу.

— Всем удачи, — пожелал он и, обращаясь уже к старлейту, буркнул: — Вы не переусердствуйте. Знаете принцип обращения с бритвой «Жиллетт»? — Тот отрицательно мотнул головой. — Завернуть до упора, а потом сделать пол-оборота назад. Руководствуйтесь.

Закончив изложение переговоров с Пикенброком — конспект доклада Сталину, — Марков решил сформулировать свои выводы. Цель встречи, безусловно, дезинформация командующего фронтом и через него — высшего политического руководства страны. Об этом говорят как минимум три прокола. Первый: при внезапном нападении стратегически нецелесообразно встречными ударами уничтожать Белостокский выступ. Это потеря темпа. Пока гитлеровцы будут возиться с окружёнными армиями, мы успеем подвезти части второго эшелона обороны. С идеей скоропалительной победы придётся расстаться навсегда. Для противника разумнее нанести сходящиеся удары в район Минска, чтобы сразу опрокинуть наши резервы и открыть дорогу на Москву. Абверовец пытался как бы мимоходом показать подложный план немецкого Генштаба.

Второе: среди названных кандидатур, якобы готовящихся принять бремя власти, нет ни одной имеющей реальные механизмы управления страной. Ни дипломат, ни военачальники не обладают реальными рычагами воздействия на промышленность, финансы. Они не имеют поддержки в органах, обеспечивающих внутренний порядок. Значит, весь «план» — чистой воды фикция.

Третье: вызывает сомнения дата предполагаемого начала войны. По внутреннему ощущению Маркова агрессии следует ждать много раньше. Однако это — вопрос достаточно спорный. Зато бесспорно другое:

офицер разведки никогда не согласился бы так легко сдать всю сеть своих агентов. Если на него стали бы сильно давить, он мог пообещать отозвать большую часть подпольной «армии теней» непосредственно перед началом военных действий. Или гарантировал бы их бездействие. Отдать контрразведке противника список своих шпионов и диверсантов можно лишь в одном случае, если ставится цель перед началом войны загрузить спецслужбу заведомо бессмысленной работой. Да и то в такой ситуации подбрасывают фальшивку.

Своё творение Сергей закончил глубокой ночью. Он вставил ручку в чернильницу настольного прибора. Деревянная основа уставилась в потолок как ствол зенитного орудия. Указательный палец горел — с непривычки к «литературному труду» на нём образовалась настоящая мозоль.

— Мы писали, мы писали, наши пальчики устали, — приговаривал комфронтом, сгибая и разгибая фаланги.

Можно было вызывать дежурную машину и отправляться на аэродром, где с вечера дожидается самолёт. Если не задержит Верховный, к вечеру восемнадцатого Сергей Петрович вернётся в Белосток.

Куранты собора Святого Николая пробили три часа ночи.

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

5 мая

а. Положение с автотранспортом пока ещё напряжённое, но всё же лучше, чем год назад (перед наступлением на Запад).

б. Части подвоза и снабжения полностью оснащены для проведения операции «Барбаросса».

в. Действующая армия:

Артиллерия готова, за исключением десяти ограниченно подвижных дивизионов; ещё не готовы: четыре дивизиона 100-мм орудий и два дивизиона тяжёлых полевых гау-

биц. Приказ об их комплектовании ещё не отдан, так как нет никаких средств тяги. Ограниченно подвижные части зенитной артиллерии и мортир готовы.

Сапёрные части укомплектованы согласно требованиям Генштаба. Из 34 затребованных малых автоколонн для сапёрных частей и железнодорожных войск готовы 20. Повозок для сапёрных частей ещё нет.

Части связи необходимо доукомплектовать автотранспортом, особенно специальными автомашинами.

г. Формирование частей, предусмотренных для участия в операции «Барбаросса», будет закончено командующим армией резерва к началу июня. Формирование новых частей подвоза и резервных частей откладывается на более поздний срок...

Полковник Кребс возвратился из Москвы, где замещал Кестринга. По отношению к нему там была проявлена большая предупредительность. Россия сделает всё, чтобы избежать войны. Можно ожидать любой уступки, кроме отказа от территориальных претензий.

Русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня [впечатление Кребса]. Осуществляется перевооружение. Новый истребитель. Новый дальний бомбардировщик. Однако лётная подготовка и возможности недостаточные. Дальние бомбардировщики, кажется, сосредоточены вблизи западной границы.

Эшелоны с материалами для строительства укреплений направляются к границе. Вообще же крупных сосредоточений войск [во время поездки по железной дороге] незаметно.

7 мая

Россия. Сталин стал и Председателем Совета Народных Комиссаров. Это означает усиление его личной власти.

3. Положение с железными и шоссейными дорогами для операции «Барбаросса» удовлетворительное.

4. Сосредоточение по плану «Барбаросса»: 17 тыс. поездов. После завершения переброски войск начнётся перевозка резервов. Тогда, начиная с 24.6, ежедневно будут отправляться ещё 106 поездов со снабжением.

5. Прикрытие с воздуха железнодорожных перевозок по плану «Барбаросса»: 15 зенитных батарей с 20-мм орудиями на железнодорожных платформах (по 16 орудий в батарее). Группа армий «Юг» (8-й воздушный округ) — три батареи; группа армий «Центр» (2-й воздушный округ) — семь батарей; группа армий «Север» (1-й воздушный округ) — пять батарей.

12 мая

а. Операция «Меркур» и её влияние на операцию «Барбаросса». Мы должны передать для обеспечения операции «Меркур» три зенитных дивизиона: два смешанных и один лёгкий. Командование ВВС может использовать их только до 25.5 и не иначе как для прикрытия аэродромов, где будет высаживаться десант.

б. До настоящего времени мы намечали перебросить 8-й авиакорпус (Рихтгофен) по железной дороге до Одерберга. Теперь же главное командование ВВС настаивает на переброске этого корпуса непосредственно в Восточную Пруссию, чтобы успеть к началу операции «Барбаросса». Это означает увеличение времени на развёртывание сил для операции «Барбаросса» на целых семь дней.

в. ВВС предъявили новое требование на 100 эшелонов для переброски своих частей на Восток. Это ещё два дня задержки. Надо себе уяснить — намерены мы проводить операцию «Меркур» или нет. Потеря времени, связанная с этой операцией, крайне неблагоприятно отразится на операции «Барбаросса».

Железнодорожные перевозки войск по ускоренному графику движения продлятся до 23.5 и займут шесть недель. За это время русские сумеют отреагировать на нашу подготовку и коренным образом изменить группировку своих войск.

Доклад Гелена об окончательном варианте группировки войск к началу операции «Барбаросса» и об использовании резервов ОКХ. В группах армий «Север» и «Центр» в основном выполнено всё, что нами намечалось. В группе армий «Юг» Рейхенау выбрал такой вариант, который не позволяет использовать всю наступательную мощь танков. Порядок подчинённости, при котором танковые соединения

перейдут в подчинение Клейста лишь после осуществления прорыва, таит в себе опасность. Определённую выгоду даст усиление 17-й армии. Вопросы использования дальнобойной артиллерии в полосе 17-й армии.

17 мая

Восток: Войска 3-го эшелона по плану «Барбаросса» отправляются 21.5. (До настоящего времени ежедневно отправлялось в среднем 300 поездов).

19 мая

Россия: Запрещение въезда иностранцам и советским гражданам в пограничные районы.

ГЛАВА 6

— Товарищ Лихарев, — Сталин вертел в руках прокуренную до черноты трубку, укладывал её в стеклянную пепельницу, устраивал руки на столешнице и снова тянулся к чубуку. Ни знаменитой пачки папирос «Герцеговина Флор», ни спичек на столе не было. — Как вы отнеслись бы к предложению занять должность заместителя Председателя Совнаркома?

— Товарищ Сталин, — изумлённо спросил Валентин, — это шутка? — Он автоматически погладил узел щёгольского галстука, поправил платок, выглядывающий из нагрудного кармана элегантного пиджака.

— Отнюдь, — возразил вождь.

— Вы прочите меня на место Берии?

— А что вас так удивляет? Лаврентий курирует очень важный проект, который требует высокого уровня научной и технической подготовки. Он же у нас инженэр. Правда, не дипломированный. Ещё нужно соблюдать высший уровень секретности. Это он умеет. Проблема в том, что я перестал доверять ему.

В ваших способностях я имел не один случай убедиться. Что касается Наркомата внутренних дел, если вы сделаете его несколько более либеральным, даже вполне допустимо в создавшихся условиях.

— Извините, товарищ Сталин. Наверное, я должен поблагодарить за высокую оценку моих скромных талантов, но... категорически — нет.

Хозяин откинулся в кресле и долго смотрел в глаза собеседнику, потом проронил лишь одно слово: «Почему?» Помолчал, ожидая ответа, и продолжил:

— Вам предлагают стать вторым человеком в государстве. Практически неограниченную власть. Любые жизненные блага — это само собой разумеется. Возможность воплотить проект исторической важности. И вы отвечаете — нет. Почему?

— Товарищ Сталин, я ничего не хочу для себя лично. Возможно, вы не поверите, но у меня всё есть. Даже вы не сможете дать больше. Восточные мудрецы говорили: «Богат не тот, у кого всего много, а тот, кому ничего не нужно».

— Знаю я тех восточных умников. Жаднее и подлее не сыщешь, — сварливо буркнул вождь.

— Наверное, вам попадались умники, а не мудрецы, — усмехнулся молодой человек и вызвал гневный взгляд собеседника. Некоторое время Сталин молчал. Он неплохо изучил Лихарева, но полагал, что в глубине души Валентин не слишком отличается от всех, с кем Вождь имел дело. Да, Хозяин ожидал совсем другого ответа: бурной благодарности, заверений, что не подведёт и оправдает выбор, уверений в вечной преданности. Похоже, чего-то не учёл даже хитрый «ловец человеков», каким не без оснований считал себя Джугашвили.

— А если я скажу, что это — ваш долг перед Родиной? — вкрадчиво спросил Предсовнаркома.

— Иосиф Виссарионович, — Валентин знал: Генсек называет всех только по фамилии с прибавлением

обессмыслившегося слова «товарищ». И к себе требует обращаться только так. Но молодому человеку хотелось показать, что он не намерен соблюдать писаные или неписаные правила. — Отчизна не может повелеть, чтобы я согласился ею править.

Вождь хмыкнул:

— Зато она может предоставить вам другую, менее ответственную работу. Где главной заботой будет — выполнить установленную норму.

— Я не приму ваше предложение именно поэтому.

Сталин швырнул трубку в жалобно звякнувшую пепельницу:

— Объясните.

— Я считаю, что родина не может приказывать таланту. Он соприкасается с Истиной, а она не всегда.

— Что есть истина? — усмехнулся в усы Иосиф Виссарионович.

— Я где-то читал, что такой вопрос уже задавали одному человеку.

Вождь бросил на дерзкого франта свирепый взгляд. Но заставил себя улыбнуться:

— У нас другая ситуация. Нашей власти не нужно спрашивать об истине у бродячих философов. С нею, как вы выразились, соприкасаюсь я. И разъясняю остальным.

— Поэтому Марк Крысобой разбирается в Добре и Справедливости лучше, чем Га Ноцри? Или Лаврентий Берия — чем Павел Флоренский?

— Вы не можете этого знать, — хриплым шёпотом произнёс Хозяин. И непонятно было, имеет он в виду текст запретного романа или знание об отвлечённых, но определяющих все грани реальности понятиях.

— Почему же? — спросил Валентин. — Рукописи не горят. Горит бумага. А слова возвращаются к Богу.

— Даже он написал: «Этот человек хорошо делает своё дело». Обо мне.

— Но вложил эти слова в уста дьявола. И даже Князь Тьмы и тот, кого вопрошали о смысле Истины, не сочли себя вправе приказывать Мастеру. Даже они только предлагали и просили.

— Всех просить, — невнятно пробормотал Сталин, и дальше Лихарев не разобрал. Не то: «... просилки не хватит», не то «... России не хватит».

Ленку арестовали прямо на перроне. Пока она разглядывала старое здание вокзала, подошёл патруль: здоровенный командир, — в знаках различия девчонка не разбиралась, так что звание не поняла. За бугаем следовали двое бойцов, хилых, зато в руках винтовки с примкнутыми штыками. Начальник критически осмотрел скромное серое платьице, потёртый чемоданчик-«балетку» и потребовал документы. Изучая паспорт, спросил:

— Цель приезда?

— Я должна встретиться с Марковым, — честно призналась девушка.

— Это с каким таким Марковым? — решил уточнить амбал.

— Сергеем Петровичем. Он тут, кажется, главный.

— С командующим фронтом? — развеселился богатырь. — Прямо вот так сразу. С корабля и в штаб, — щегольнул он образованностью, оглянувшись на подчинённых. Те дисциплинированно заулыбались тоже.

— Пройдёмте, — командир спрятал Ленкин паспорт во внутренний карман. Рядовые встали по бокам.

— Только, если можно, доставьте меня побыстрее, — попросила девушка. — У меня мало времени.

— Теперь тебе можно не торопиться, — хохотнул бугай.

Из комендатуры долго дозванивались до дежурного контрразведки. Выслушав доклад, тот предложил:

— Пусть девка посидит до завтра у вас. С ноля часов входит в силу запрет на въезд в приграничные районы. Тогда и оформим по полной...

Радость заперли в пустой камере гауптвахты, где кроме узкой кровати, покрытой армейским одеялом, имелся только привинченный к полу столик да параша в углу. Она попыталась бунтовать, звенящим от слёз голосом грозила, что Сергей Петрович их накажет. Дежурные командиры почему-то не пугались.

С аэродрома Марков попытался позвонить Поскрёбышеву, однако Алексея Николаевича не было — два часа назад он, с позволения товарища Сталина, отправился домой — поспать. Вернётся к тринадцати ноль-ноль, сообщил дежурный. Когда прибудет Сталин, естественно, никто бы не сказал. Сергей и задавать дурацких вопросов не стал.

Водитель присланной за комфронтом «Эмки», пожилой, лет пятидесяти пяти, очевидно, из вольнонаёмных — почти все шофёры срочной службы были отправлены в армию, — предложил:

— За вами же квартира в Москве сохранилась? Давайте отвезу. Придавите подушку минут на триста. Как раз останется время побриться — и к руководству.

Пока ехали, генерал клевал носом. Казалось, дай только добраться до кровати. Но в пустой гулкой комнате сон забился в какой-то из пыльных углов и упорно к Сергею не шёл. Когда-то ему посоветовали в таких случаях представлять баранов, прыгающих по одному через забор. Сейчас рогатая скотинка, покрытая длинной серой, с запутавшимся мусором, шерстью, скакать не хотела. Вместо мериносов в голове всплывали бесконечные цифры: недостающие танки. Отсутствующие механики-водители. Самолёты, орудия, полевые кухни... Промаявшись минут

сорок, Марков глянул на часы: восемь. Ленка должна собираться в институт. Мужчина вскочил, набрал давно выученный номер, выслушал пару длинных гудков.

— Алло, — прозвучал в трубке голос Зинаиды Петровны, какой-то не такой, как обычно.

— Здравствуйте, это Марков. Лена ещё не ушла?

— Сергей... Петрович, вы в своём Белостоке?

— Нет, в Москве. Командировка.

— Елена уехала к вам. Сказала, что должна о чём-то предупредить. А дозвониться не смогла.

Ну да, попробуй с обычного квартирного телефона связаться со штабом фронта.

— Когда она уехала?

— Вчера. Наверное, уже должна быть на месте.

«Вот же дурища, — подумал генерал. — Хоть бы телеграмму дала».

— Не волнуйтесь, Зинаида Петровна, — успокоил он будущую тёщу. — Я сейчас свяжусь со своими, попрошу, чтобы Лену встретили, устроили. Всё будет хорошо.

Корлюченко-старшая осторожно уложила трубку на рычажки.

— Кто? — спросил старлей Кравцов.

— Жених моей Леночки.

— Это я понял. Кто он в этом его Белостоке? Граница, между прочим.

Оперсотрудник сделал стойку, как охотничья собака перед выслеженным зверем.

— Я не знаю точно, — растерянно сказала женщина. — Но вообще он — генерал-полковник.

Кравцов схватил трубку — докладывать руководству, но задумался. После рапорта о визите Эйтингона непосредственный начальник покрыл руководителя засады отборным матом и пообещал серьёзные неприятности в ближайшем будущем.

Что он скажет сейчас? Вынесет благодарность или..? Хуже нет, чем оказаться впутанным в разборки с большезвёздными персонажами. Они, может, и выпутаются, а тебя, мелкую сошку, не та, так другая сторона достанет.

Габрильянц был на месте.

— Я в столице, с докладом товарищу Сталину, — сказал Марков. — Не в службу, а в дружбу, Валерий Хачикович. Сегодня утром ко мне приехала невеста. — Впервые он назвал так Ленку вслух. Ничего, прозвучало нормально. Вполне естественно прозвучало. — Её фамилия Корлюченко, зовут Елена. Попросите кого-нибудь её найти и отвезти ко мне. К вечеру я буду.

Казалось, особист обрадовался сообщению.

— Конечно, Сергей Петрович. Непременно разыщем, не беспокойтесь.

Однако тревога не отпустила. Немного поразмыслив, комфронтом решил позвонить ещё Ямщикову, учитывая раннее время, домой. Александр Иванович долго не подходил к аппарату. Сергей уже хотел дать отбой, когда услышал недовольный голос:

— Слушаю.

— Извини, что бужу спозаранку, но нужна помощь.

— Излагай, — предложил комдив и подавил зевок.

Марков быстро обрисовал ситуацию с Ленкой, сообщил, что попросил найти девчонку Габрильянца.

— Душа всё равно не на месте. Может, ты подключишь своих орлов, чтобы подстраховали. Так, без фанатизма, мягко.

— Какой разговор. Есть у меня пара-другая чингачгуков, сделают в лучшем виде.

После обещания, данного старым другом, от сердца чуть отлегло.

Как только голова Маркова коснулась подушки, он провалился в глубокий чёрный сон без сновидений.

* * *

— Милый, иди сюда, поцелуй меня. — Люсечка, обнажённая, привстала на кровати, театральным жестом протягивая руки к «своему Сашеньке». Обняв крепкую шею, блондинка спрятала лицо на груди мужчины и тихо спросила: — Тебе опять было хорошо?

Мозолистая пятерня гладила шелковистые волосы девушки. Александр вдохнул запах этой роскошной гривки и пробормотал:

— Господи, за что мне такое счастье. Я уж думал, жизнь кончена.

Красотка тихо засмеялась и пропела:

— Ах, Сашуня, нам ли жить в печали. — Она развернулась в руках любовника, так, что груди сами оказались в его ладонях, выставила круглую попку и потёрлась ею о то самое место. Место отреагировало быстро и правильно.

— Деточка, — почти простонал Ямщиков, — что же ты со мной делаешь. Мне же через полчаса на службу.

— Так у нас ещё куча времени, — хихикнула блондиночка.

Когда генерал уже собирался переступить порог, женщина крикнула:

— Можно я сегодня весь день буду у тебя? У меня сегодня отгул, приготовлю что-либо вкусненькое, устроим пир на весь мир.

— Конечно, — разулыбался комдив, — буду счастлив.

— Кстати, кто звонил в такую рань?

— Марков. К нему невеста приехала и пропала в Белостоке.

— Невеста? А как зовут — не сказал?

— Конечно, сказал. Он же просил её найти. — Ямщиков посмотрел на лист бумаги, прочёл собственные каракули: Корлюченко Елена Ивановна.

— А-а-а, — протянула блондинка.

— Знакомая?

— Так, встречались, — мурлыкнула Люсечка.

* * *

Габрильянц позвонил дежурному по городу:

— Нужно найти молодую особу, которая прибыла утренним поездом. Записывай — Елена Ивановна Корлюченко. Приехала к командующему Маркову Сергею Петровичу. Она его невеста.

Чекист засопел в трубку:

— Чего её искать, товарищ старший майор. Она в комендатуре в КПЗ сидит. Военный патруль прямо на перроне прихватил. Лейтенант Бугаев поржал, когда услышал, что она прямо к генерал-полковнику намылилась, и в кутузку. — Тут до служивого дошла, наконец, вся информация: — А она и вправду к самому комфронтом? Вот это мы обо... это самое. Сейчас позвоню, пусть выпускают и извиняются, извиняются...

— Отставить, — скомандовал Габрильянц. — И не смей никого предупреждать. Девушку я сам заберу.

Всё складывалось более чем удачно. Маркова нет, можно вызволить сидельцев и отправить немца от греха подальше за рубеж, а Гогулию с его идиотами в столицу. Девка сама приплыла, бери меня и кушай с маслом или с маргарином. Начальник контрразведки даже руки потёр от удовольствия и произнёс нараспев:

— Как замечательно устроена жизнь, как правильно движутся по организму соки.

Сначала послышался топот бегущих по коридору людей. Потом заскрежетал ключ в массивной двери, и в камеру впорхнул невысокий толстячок с багрово-красным лицом.

— Елена Ивановна, простите великодушно. Произошло страшное недоразумение. Обещаю, все виновные будут примерно наказаны. — Колобок семенил вокруг девчонки, показывая ручкой, куда ей направ-

ляться, чтобы поскорее добраться до выхода. Одновременно он грозил неожиданно увесистым кулаком полудюжине подчинённых.

В дежурке уже стояли, вытянувшись, словно телеграфные столбы, здоровяк-командир задержавшего Ленку патруля и оба ледащеньких бойца. Ещё тут присутствовал ладный худощавый армянин в военной форме, среднего роста, носатый, с сияющей ухмылкой на лице. Он чуть присел на стол дежурного и, похоже, наслаждался переполохом.

— Я тебя, Бугаев, под трибунал... — заголосил толстячок, подбежал к амбалу и замахал кулаком теперь у него перед носом. (Надо же, подумала Радость, как фамилия подходит.) — Тебе говорили, что девушка — невеста самого командующего фронтом?

Богатырь молчал, только тянулся и выпучивал глаза. Пухлый захлебнулся от негодования. Тут вмешался армянин:

— Ладно, вы тут разбирайтесь между собой, а мы с Еленой Ивановной поедем. Дел невпроворот, а даме надо отдохнуть с дороги. И от вашего гостеприимства тоже. — Он повернулся к девчонке и галантно поклонился: — Разрешите представиться, майор Габрильянц.

Тут же звонко щёлкнул пальцами:

— Паспорт.

Багроволицый тут же вложил в руку документ.

— Вещи!

Колобок протянул «балетку» и виновато произнёс:

— Больше ничего не было. — Кавказец глянул на Ленку, та кивнула.

— Замечательно, бойцы, — насмешливо произнёс Валерий Хачикович, — продолжайте повышать бдительность.

Он пропустил девушку вперёд и что-то шепнул на ухо толстяку. Тот схватился за сердце и обессиленно привалился к стене.

— Знаете, что я ему сказал, — обаятельно улыбаясь, спросил контрразведчик, — что вас лично знает сам товарищ Сталин. Немножко соврал, но ничего, пусть помучаются.

Ленка улыбнулась:

— Ничуть не солгали. И ещё Иосиф Виссарионович иногда звонит по телефону моей маме.

Улыбка сползла с лица чекиста. Об этом «малозначимом факте» его как-то забыли предупредить. Однако инструкции руководства в любом случае надо выполнять.

Усаживая даму в роскошный иностранный автомобиль, Габрильянц спросил:

— Я сейчас отвезу вас на квартиру, где вы сможете отдохнуть до возвращения Сергея. Его срочно вызвало руководство. Только, можно, мы заедем по пути в городскую ратушу освободим ещё нескольких сидельцев?

Могла ли девушка отказаться? Она не обратила внимания на то, что вслед легковой машине двигался автобус с десятком вооружённых бойцов контрразведки фронта.

Вызволение Гогулии и его балбесов заняло около получаса. Разведчики Ямщикова потребовали распоряжения своего командира и передали охраняемых только после того, как начальник контрразведки связался с комдивом-201, убедил его, что отпустить задержанных — приказ Маркова, и Александр Иванович подтвердил полномочия особистов. К ужасу Валерия Хачиковича, эсэсовца он не обнаружил. Бойцы сообщили, что ещё позавчера вечером фашиста забрали какие-то люди и этапировали в Москву. Это точно не была операция НКВД. Тогда чья? Ответ напрашивался сам собой, но верить очевидному не хотелось.

Встревоженный Габрильянц отвёз Ленку на конспиративную квартиру, которую тайно держали под на-

блюдением его люди, и вместе с Гогулией отправился в свой кабинет — докладывать по ВЧ-связи об исчезновении ганса товарищу Берии.

Лаврентий Павлович на сей раз долго материться не стал. Он приказал Гогулии оставаться в Белостоке, начальнику контрразведки — подготовить подчинённые ему части к активным действиям.

— К вам выехал полковник Саркисов. Завершающим этапом операции будет руководить он, — сообщил нарком внутренних дел. И спросил: — Как рандеву?

— Состоялось. Отчёт пришлю сегодня же.

— А моя протеже?

— Выше всех похвал. Во всех смыслах.

— То-то же, — наставительно произнёс нарком.

Сталин принял Маркова, как только приехал. Ради этой встречи он отложил доклад наркома путей сообщéния и встречу с мастерами искусств — писателем Фадеевым, живописцем Дейнекой, артистом Черкасовым, которого Вождь очень любил. Иосиф Виссарионович внимательно прочитал перепечатанную лично Поскрёбышевым аналитическую записку командующего фронтом и спросил:

— Как вы полагаете, кроме задачи скомпрометировать неудобного военачальника, подбросить нам дезинформацию ещё какие-то цели эта встреча имела?

— Не понял, товарищ Сталин, — честно признался Сергей.

— Не создалось ли у вас впечатления, что этот Пикенброк задуривал голову якобы имеющим место заговором кадровых военных против Гитлера для того, чтобы мы не поверили, когда на нас выйдут настоящие противники бесноватого ефрейтора из старого генералитета?

— Не думаю, товарищ Сталин. Я немного представляю немецкое офицерство. Сегодня Гитлер исполнил

их самые смелые мечты. Возродил мощный вермахт. Отомстил Франции за Первую мировую. Присоединил пол-Европы к Рейху. Ради этого они будут терпеть вульгарность самого фюрера и всех его «Г» — герингов, гиммлеров, геббельсов и прочих гессов. Вот когда германские войска начнут гнать в три шеи, тогда появятся недовольные и начнут объединяться против «возомнивших о себе выскочек».

Вождь внимательно слушал, сопоставляя слова Маркова с собственными мыслями.

— Пожалуй, вы правы, — подытожил он. — Рукописный оригинал вашей объяснительной записки пусть останется у Поскрёбышева.

«Чингачгуки» доложили Александру Ивановичу Ямщикову, что девушка действительно приехала ранним утром в Белосток и была арестована. Из КПЗ её забрал начальник контрразведки фронта старший майор НКВД Валерий Хачикович Габрильянц. Комдиву очень не понравилось, что, когда чекист звонил ему по поводу Гогулии и всей его гоп-компании и убеждал, что комфронтом разрешил всех отпустить, он ни словом не обмолвился, как вызволил из заточения невесту Сергея. Это наводило на мысли, и мысли для всех, кому ведомы нравы «органов», не очень хорошие.

— Ладно, — решил Александр Иванович, — к вечеру вернётся Марков, и всё станет на места.

На обед он решил отправиться домой, хотя никогда так не делал. Проще было поесть в столовой, чем колдовать у керогаза в пустой и неухоженной квартире. Но сегодня-то совсем другое дело. В четырёх стенах его ждала Люсечка.

Лаврентий Павлович готовился к докладу Председателю Совета Народных Комиссаров. Он ещё раз просматривал последние шифровки от разведчиков-нелегалов. Настоящих имён многих из них не знал даже

он. При необходимости нарком мог, конечно, затребовать установочные данные и даже полное досье на любого из них. Но принцип: «Меньше знаешь — дольше живёшь» действовал на всех уровнях.

Берия подержал в руке главное сокровище сегодняшней коллекции, ещё раз перечитал краткий текст: «Юстас—Алексу. По непроверенным данным (источник, близкий к руководству абвера) заместитель адмирала Канариса начальник отдела разведки и контрразведки Ганс Пикенброк имел тайную встречу с командующим Особым Западным фронтом Красной Армии. Содержание переговоров осталось непрояснённым, известно лишь, что Пикенброк выдавал себя за представителя группы заговорщиков из числа высшего военного руководства Рейха». Главная ценность этого донесения в том, что оно было «чистым». Неизвестный Юстас самостоятельно нарыл компромат на Маркова. Если Сталин поверит, может быть, в этом вопросе удастся обойтись без силовых решений. Вопреки мнению многих, глава НКВД не любил крови и предпочитал, когда возможно, обходиться цивилизованными методами. Завтра в подкрепление этой информации придёт запись беседы, сделанная сгейтентом Сумовой и обработанная техниками Габрильянца. Из неё можно будет сделать вывод, что две военные подпольные организации — немецкая и наша — готовы объединиться, сместить и уничтожить вождей обеих стран. Хозяин просто обязан впасть в ярость. И судьба генерал-полковника, застрявшего в горле у Берии, словно рыбная кость, будет решена. Раз и навсегда. И руки зампредседателя Совнаркома останутся чистыми — он только довёл до руководства информацию.

Александр Иванович отпер дверь казённой квартиры, тихо вошёл в прихожую. Он ожидал, что сейчас выбежит навстречу Люсечка, повиснет на шее, затормошит, потащит в кухню, чтобы разогреть на керога-

зе какой-либо сварганенный для будущего мужа борщ. Не важно, что именно она приготовила, главное, своими руками — для него.

Ямщиков уже давно поставил крест на своей личной жизни. Когда жена Катерина, Катёночек, устав от жизни по гарнизонам, уехала к маме в Екатеринбург. Слава богу, хоть детей не нажили, а то было бы больнее. Встречу с официанточкой генерал воспринял как неожиданный подарок судьбы. В потаённых, никому не открываемых мыслях, сам того смущаясь, он видел себя Отелло, а блондиночку, соответственно, Дездемоной. «Она меня за муки полюбила, а я её — за состраданье к ним». Смешно, право дело. Но он же об этом никому не говорил.

Из комнаты донеслись мужские голоса. Вот те на, красавица без хозяина жилища принимает гостей? Ох, не вовремя вспомнился этот проклятый Шекспир!

Александр Иванович прислушался. Интонации — слова пока неразборчивы — одного из собеседников были очень знакомыми. Конечно, Марков. Это всё объясняло. К кому же и броситься Сергею сразу по приезде, как не к комдиву-201. А Ямщиков уж готов был понапридумывать семь бочек арестантов, старый хрен, Отелло доморощенный.

Зато речь второго, правильная, но какая-то заторможенная, мёртвая, была совершенно не знакома. Сергей что, приволок с собой того немца из поезда? Так тот вроде по-русски ни бум-бум.

Генерал распахнул дверь. Люсечка лежала на кровати. Одна. В большой и пустой, почти без мебели, комнате не было больше никого. Разговор исходил из небольшой коробочки.

Услыхав, как скрипнули несмазанные петли, девушка обернулась и инстинктивно попыталась прикрыть... приёмник? Или что это было... одеялом. В этот момент раздались слова:

— Кто возглавит Рейх после отстранения Гитлера?

Это — Марков.

— Вопрос ещё не решён окончательно. Среди кандидатур Риббентроп, Роммель, Паулюс. Ни одна из одиозных фигур, замаравших себя грязью и кровью, в руководство обновлённой Германии не войдёт.

Говорил явно немец, очень хорошо знающий русский язык, но, безусловно, ганс. С какого, простите, хрена Сергей обсуждал вопросы большой политики с каким-то явно не рядовым фашистом? Ямщикову стало страшно.

— Это что? — спросил он у блондинки.

Люсечка сумела наконец выключить машинку.

— Милый, как хорошо, что ты пришёл. Пойдём, я тебя покормлю. — Девушка вспорхнула, нежно взяла командира под руку и попыталась увлечь поближе к керогазу и подальше от кровати, которую заняла маленькая коробочка с голосами.

— Погоди ты с едой. Что это такое и откуда это у тебя?

Комдив в глубине души надеялся, что девушка сейчас скажет что-либо такое, что сразу расставит всё по местам. Хотя, каким должно оно было быть, такое, он представить не мог.

Красавица обмякла, бессильно опустилась на кровать:

— Не хотела я тебе ничего говорить, да вот явился ты не вовремя, — медленно произнесла она, обдумывая, что и как выдать любовнику. — Твой Марков встречался с первым помощником начальника немецкой военной разведки. Это звукозапись их переговоров.

— А откуда она у тебя? И аппарат этот где ты взяла?

Блондинка выпрямилась, словно аршин проглотила.

— Забыл ты правило: «Меньше знаешь, лучше спишь». Во всех смыслах спишь лучше. Ну, слушай. Рано или поздно ты всё равно всё узнал бы. Те-

перь придётся определиться. Как Горький говорил: «С кем вы, мастера культуры?» Ты думал, я так, официанточка. На самом деле я служу в НКВД. Моим заданием было записать разговор Маркова и Пикенброка на магнитофон. У немцев, между прочим, таких ещё нет — он работает на аккумуляторах, а не от сети.

— Да какая мне разница, на чём работает эта хреновина! НКВД хочет доказать, будто Сергей — немецкий шпион?

— Достаточно будет показать Сталину, что его любимчик якшается с разведчиками потенциального противника. И всё, конец твоему дружку. А может быть, и тебе. Сам же рассказывал, что генерала тебе он выхлопотал. Но ты не бойся, тебя я сумею защитить. Я самого Лаврентия Павловича попрошу, он меня послушает. Ты только ничего такого не подумай, это совсем другое. У нас общие профессиональные интересы.

Всё-таки лишена была девица артистизма мышления, иначе сообразила бы, что нельзя грубо поломать через колено такого человека, как Ямщиков. Он, может, и выглядел «сапогом всмятку», но был совсем не так прост. Да те, кто «так прост», до генерала не дослуживаются.

Александр Иванович понял и то, что его любовница сказала, и то, о чём она пыталась умолчать. Мелькнуло сожаление: Дездемона оказалась Матой Хари из столовой. И ещё, так и придётся век доживать бобылём. Мужчина протянул руку:

— Ну-ка дай мне этот ... мудафон.

Блондинка на секунду задумалась, но всё же протянула коробочку. Ямщиков взвесил её на ладони — не тяжёлая, полегче пистолета будет. А убить может так же наверняка, как пуля из «ТТ». Он сунул аппарат в карман и проговорил:

— Эта штука останется у меня.

— С ума сошёл, — взвилась красотка. — Тебя же в порошок сотрут. В лагерную пыль.

— Авось бог не выдаст, — вздохнул комдив.

Сумова откинулась на подушки, подняла на кровать согнутые в коленях ноги. Подол халатика скользнул по бёдрам. Девушка потянулась, как беленькая кошечка, протянула руки к любовнику и промурлыкала:

— Иди сюда. Ведь я же лучше, чем твой Марков, правда?

Командир с грустью оглядел прелестную, притягивающую фигуру, почесал затылок:

— Будешь уходить, дверь не запирай. Всё равно отсюда утащить нечего. И мой тебе совет — не спеши докладывать товарищам с общими профессиональными интересами, что запись ты не уберегла. А то ведь не ровён час...

Ленка в очередной раз оглядела жильё, куда её запихнул — сами понимаете, исключительно в целях вашей личной безопасности — улыбчивый Габрильянц. Подслеповатое окошко в кружевных занавесочках, стол, покрытый цветной скатертью с кистями, два обшарпанных стула, продавленный диван. Через узенький коридор — крохотная кухонька и «места общего пользования». За запертой снаружи дверью — пара молчаливых лбов в потрёпанных костюмах. Девчонка повыглядывала в скучный пустой двор. Подремала. Попыталась спросить у охранников, долго ли ей тут киснуть, в ответ: «Вам сообщат». Положение было дурацким. Вроде о тебе заботятся, спасают, можно сказать. И в то же время ощущение, будто посадили в тюрьму.

Когда в скважине заскрежетал ключ, она обрадовалась. Заканчивается Белостокское осадное сидение,

воля. В прихожую вошёл хорошо одетый человек: седеющие виски, мясистый нос, под ним, как постамент под памятником, усы-муха. Как у Гитлера.

Носато-усатый внимательно оглядел девушку, вежливо поздоровался и по-хозяйски развалился на диване:

— Меня зовут полковник Саркисов.

«Интересное имя — Полковник», — подумала девушка. Но сдержалась и вслух не сказала ничего.

— Я хочу серьёзно поговорить с вами, Елена Ивановна.

Ленка решила изобразить пай-девочку, кивнула, улыбнулась, чуть книксен не изобразила. Пришедший, он же пришелец и, может быть, засланец, кивнул, показывая, что да, оценил.

— Сегодня ночью вам дадут возможность встретиться с генерал-полковником Марковым.

— Интересно, а почему ночью? — с невинным видом произнесла хулиганка. — Я — честная девушка.

— Вы должны убедить любовника, — невозмутимо продолжил Саркисов, — чтобы он беспрекословно выполнял наши, скажем, просьбы.

Беседа приобретала серьёзный характер.

— Чьи — ваши, какого рода просьбы имеются в виду и при чём здесь я? — Глаза девушки сузились.

— Отвечаю по порядку, — вальяжно выговорил-таки засланец. — Наши это наши. Те, которые будут переданы через меня. Характер поручений — сугубо военно-организационный. Филологу, особенно специалисту по... — он достал из внутреннего кармана пиджака бумажку, развернул и прочёл: — По метапоэтике Велимира Хлебникова, так, правильно? — содержание этих заданий непонятно и неинтересно. При чём здесь вы? При том, сучка, что если ты этого не сделаешь, массу неприятных вещей сделают с тобой. Я внятно выражаюсь?

Ленка опустила глаза, растерянно кивнула и еле слышно попросила:

— Встаньте, пожалуйста.

Носато-усатый довольно ухмыльнулся и медленно отлепился от дивана и поднялся. Оторва без замаха влепила техничный хук слева ему в подбородок. Не ожидавший ничего подобного Саркисов шлёпнулся на пол. Впрочем, он тут же вскочил, потёр ушибленное место и прошипел:

— Если бы ты не была пока нужна, что бы я с тобой сделал.

Благоразумно обходя девчонку за два метра, он бочком добрался до входной двери и уже здесь завопил:

— Нэ хочишь? Пажалеишь! — И выскочил в коридор, под охрану «лбов».

С аэродрома Марков сразу отправился в штаб. Узнать, что произошло за часы его отсутствия. Созвониться с Габрильянцем, поинтересоваться, не передавал ли какие-либо из обещанных материалов Пикенброк. Если да, значит, игра может завязаться. Второе, убедиться, что доблестные чекисты нашли Ленку и сейчас студентка в безопасности.

Непомнящий доложил, что Ямщиков очень просил сообщить, как только комфронтом объявится. Сергей кивнул, только войдя в кабинет, набрал Александра Ивановича. Того на месте не оказалось. Только генерал-полковник опустил трубку на рычаги, телефон взорвался неприятно резким звоном.

— Александр Иванович, — спросил Марков.

— Нет. — Голос был знакомым, но кому он принадлежал, вспомнить не удалось.

— Слушай внимательно, Марков, — прозвучало в трубке. — Твоя девка у нас. Захочешь получить её буквально целой и невредимой, приходи ровно в полночь на площадь Рынок Тадеуша Костюшко. За храмом Святого Миколая, на углу Липовой — четы-

рёхэтажный дом. Во второй справа квартире тебя встретят. Приходи один. Можешь взять пистолет, всё равно он тебе не поможет. И не надо никому об этом рассказывать.

Сергей напряжённо вспоминал, у кого он слышал хамоватые интонации ничтожества, торжествующего от ощущения власти над человеком, который во всех смыслах выше него. Этакое, а я на тебя наступлю, и ничего мне за это не будет. Так обращались к ЗК охранники в СТОНе, так разговаривали бандиты Кучего. Теперешнего «собеседника» точно приходилось слышать раньше. Но тогда он не позволял себе такого тона.

— Кто вы? Представьтесь, — потребовал комфронтом. В ответ — издевательское хихиканье: «Придёшь, заодно и познакомимся». И злые короткие гудки.

Как только трубка коснулась рычагов, аппарат зазвонил снова:

— Сергей, это Ямщиков. Срочно надо увидеться.

— Приезжай, — сказал Марков и глянул на часы. Девятнадцать тринадцать. И эту ночь придётся бодрствовать. Ничего, отоспимся в могиле.

Только ступив в приёмную Вождя, Лаврентий Павлович всё понял. Он окинул взглядом стоящего, положив руку на кобуру, Поскрёбышева, иронично улыбающегося Лихарева, насупленного Мамсурова. Пару крепких лейтенантов, напряжённо караулящих каждый жест народного комиссара внутренних дел. Впрочем, теперь уже, пожалуй, простого ЗК номер такой-то. И Самого — Сталина. Хозяин стоял в центре, поддерживая правой рукой левую, и глаза его сияли даже не жёлтым, а страшным оранжевым блеском.

— Ты ничего не хочешь мне сказать, Лаврентий? — спросил по-грузински Иосиф Виссарионович — Видишь, я вышел тебя встречать к порогу.

— Зря ты со мной так, Коба, — по-грузински же ответил Берия. — Я всегда был тебе предан, как отцу. Несправедливо это.

— Что ты можешь знать о справедливости, Лаврентий? — ответил Сталин.

Лейтенанты сделали шаг вперёд.

— Понял, — сказал Ямщиков. — То есть на самом деле ничего не понял. Но думать обязано начальство, наше дело выполнять.

— Не валяй ваньку. Они могут убить Елену в любой момент.

— А в твоём присутствии они её пальцем не тронут. Постесняются.

— Может, ничего и не будет. Главное, не спровоцировать.

— Это я не первый раз слышу, про «не провоцировать». И по опыту знаю, как только начинаешь вести себя скромно, контрагент тут наглеет. Сразу надо бить по морде, тогда вся эта сволочь сразу начинает вилять хвостиком и умильно заглядывать в глаза. Снизу вверх.

Марков пожал плечами:

— В любом случае я отправлюсь один.

— Дело твоё. А я чего-нибудь пошустрю. Тихонечко, чтобы не провоцировать. Ты мне скажи, что делать с записью твоих симпосионов с абверовцем?

— Хранить, аки зеницу ока своего. Будет оказия, передадим Иосифу Виссарионовичу. Доклад я ему уже представил, это будет иллюстрация.

— Представил? Молодец. Тогда там ты поосторожнее. Не горячись.

— Видишь, спокоен как? Как пульс покойника, — невесело пошутил Сергей.

Ямщиков только покачал головой.

Вождь смотрел на человека, которому уже не раз прощал трусость. Прощал, потому что верил в его верность — общему делу и себе. Ему ужасно не хотелось верить в то, что за преданностью укрывалось предательство.

В ушах нарастал шум. Перед глазами стали возникать коричневые рифлёные плитки. Они закрывали поле зрения, пока не превратились в клубящуюся тьму. Бухало сердце, разрывая грудную клетку, и шум...

Сталин, словно ватная кукла, осел на пол. Мамсуров и Лихарев бросились к нему. Поскрёбышев растерянно переводил взгляд с тела Хозяина на неподвижно стоящего Берию, не зная, что делать. Валентин схватил руку Иосифа Виссарионовича, прижал к запястью какую-то штуку, вроде браслета с небольшим экраном, сосредоточенно всмотрелся и пробормотал: «Плохо. Очень плохо».

Лаврентий Павлович бочком добрался до двери, распахнул её и, стоя на пороге, ткнул пальцем в тело Сталина:

— Тиран умер. Россия свободна, — провозгласил он. Захлопнул дверь с такой силой, что зашатались косяки, и побежал по коридору.

Лихарев скомандовал Мамсурову:

— Поднимай его.

Осетин легко подхватил ставшего вдруг маленьким Вождя на руки и вслед за Валентином выбежал из приёмной.

— Где ход, которым ты тогда пробирался? — спросил молодой человек.

— Здесь, сразу за поворотом. Нажми над стыком облицовочных панелей.

Сработал старинный механизм, кусок стены вместе с обивкой из карельской березы отошёл в сторону, открывая узкий, плавно закругляющийся влево туннель в кирпичной кладке.

— Ползёшь, как червяк в яблоке, — ворчал Хаджи-Умар, задевая плечами стены.

— Давай быстрее, — оборвал Лихарев. — Неизвестно, что сумеет выкинуть наш пенснятый живчик. Как он рванул, аж каблуки отрывались.

— Сейчас отвезём Сталина ко мне, — сообщил он через десять минут. — Там его ни одна сволочь не найдёт.

— А что с ним?

— Обширный инсульт. Если бы не моя техника, он уже был бы покойником. Но всё равно с месяц ему придётся лежать. Нужно восстановить добрую половину мозга.

— Но он будет нормальным?

— Каким был, таким и останется. Не хуже, но и не лучше, к сожалению. В этом проблемы нет.

— А в чём есть?

— Ты уверен, что к тому времени, когда Иосиф Виссарионович выздоровеет, страной не будет править Берия со всей его бандой?

— Нет, это нельзя, — заволновался диверсант. — Лучше я его убью.

— Не доберёшься ты до Лаврентия.

— Это кого на что обучали. Я в своём деле очень одарённый человек. Почти талантливый. Обо мне даже Хемингуэй роман написал.

Лихарев даже остановился:

— Не врёшь? Какой роман?

— Ну, это. Где про Испанию.

— «И никогда не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе»[1].

— А вот это хрена с два. Пусть он звонит по всякой сволочи. А мы ещё повоюем.

За годы работы бок о бок с Иосифом Виссарионовичем Поскрёбышев научился прежде всего просчитывать политические последствия любого события.

[1] Слова английского поэта Джона Дона. Часть эпиграфа к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол».

Точнее, анализировать, кто в результате возвысится, укрепит свои позиции. А для кого приходит край карьеры и жизни — на этом уровне положение теряют вместе с «животом».

Неожиданный удар, случившийся со Сталиным, мог открыть путь к верховной власти Лаврентию. Однако Алексей Михайлович знал наверняка, что практически все приближённые к Хозяину «тонкошеие вожди» (беспощадно точен был Мандельштам, за то и расстреляли) Берии боятся панически. Они сделают всё возможное, чтобы придержать главу НКВД. По крайней мере до тех пор, пока Сам ещё живой.

Помощник видел, что Верховного унесли Лихарев и Мамсуров. Он знал, что на возможности Валентина Сталин полагался безоговорочно. Здесь был важный оттенок: не доверял, нет, а был убеждён во всесилии этого человека. Значит, можно было надеяться, что ему удастся вылечить «лучшего друга физкультурников» или хотя бы продлить его земное существование. Пока же следовало выстроить систему сдержек Берии, и сделать это быстро. Потому что Лаврентий сидеть сложа руки не станет, а насколько жёстко он умеет действовать, знали все.

И Поскрёбышев отправился к Жукову.

По указанному адресу Марков поехал один. Дело, можно сказать, личное. А с неувязочками и несуразностями: как Ленка, порученная заботам Габрильянца, оказалась в лапах каких-то проходимцев; почему его решили шантажировать именно сейчас? — разберёмся попозже.

С улицы казалось, будто в большом четырёхэтажном доме обжита только одна квартира. У входа стояли двое бугаёв в штатском, но с автоматами «ППД». На одинокого мужчину они словно и не обратили внимания — прошёл мимо в подъезд, и скатертью лест-

ница под ноги. На последнем этаже генерала встретил и проводил до нужной двери могучий мужчина в гимнастёрке рядового бойца. В кабинете за казённым обшарпанным столом сидел восточного вида щупловатый человек.

— Марков. Садись.

— Гогулия, — узнал наконец-то телефонного собеседника командующий фронтом. — Встать, когда вы разговариваете со старшим по званию, — рявкнул Сергей так, что у самого уши заложило.

— Ты на НКВД кричишь, — нагло усмехнулся майор. — Не надо. Себе дороже выйдет.

По взгляду Серго Фазильевича куда-то за спину собеседника Марков понял, что сзади подкрадываются. Слегка повёл глазами в одну, потом в другую сторону, уловил движение. Здоровенные быки бросились одновременно. Сергей ждал нападения. Уход с линии атаки, удар кулаком в пах, подсечка второму. Два тяжёлых тела хряпнулись об пол.

«Восточный человек» неожиданно легко перелетел через стол и неизвестным хитрым приёмом завалил Маркова. Один из быков помог завести руки к лопаткам и напялить наручники.

— Слушай меня, генерал, — ухмыльнулся Гогулия. — Сейчас ты собственноручно напишешь чистосердечное признание в том, что ты возглавил заговор, целью которого было спровоцировать войну с союзной Германией, чтобы свергнуть руководство СССР и лично товарища Сталина. В заговоре принимали участие высокие чины вермахта и абвера. Пикенброка назовёшь сам, остальных мы потом продиктуем. Понял? А если ты забыл, напомню, что чистосердечное признание добывается через почки. Мои мальчики сейчас на тебя сильно злые, так что они уж постараются от всей души. Кровью пописаешь пару месяцев, и к Господу на приём.

— Дурак ты, Серго Фазильевич, — процедил Сергей. — Как же я писать буду, если у меня руки сзади скованы.

— Не такой идиот, как ты думаешь, — неожиданно искренне обиделся восточный человек. — Браслеты я с тебя сниму. Но если ты попытаешься сделать резкое движение, увидишь, что станет с твоей дэвушкой. — И резко ударил ребром ладони по лицу. Марков облизал разбитые губы и ухмыльнулся:

— Не умеешь ты, майор, лупить. Как тебя только в НКВД взяли. Ведь полная профнепригодность — ни головой, ни руками.

Гогулия побледнел от бешенства и сделал знак своим амбалам. Они вышли и через пару минут втащили в комнату Ленку.

Руки девчонки тоже были скручены. Один из битюгов, обхватив поперёк туловища, практически нёс хулиганку. Второй зажимал рот, потому что слова, которые прорывались сквозь огромную ладонь... Горький написал, что от них лошади вздрагивают. А незаконченное, но всё же высшее филологическое образование помогало выстраивать из них такие комбинации, какие средних способностей чекист даже представить себе не смог бы.

Увидев скованного Маркова, девушка вцепилась зубами в пятерню. Бык взвыл и замахнулся.

— Отставить, — рявкнул комфронтом. И обернулся к Гогулии: — Если вы тронете её хоть пальцем, вам придётся меня убить. Потому что я вас всех на три метра в землю зарою. Я нужен живым, правда? А вот вы мне не нужны.

Восточный человек дал знак. Укушенный, обиженно сопя, отошёл от девушки подальше. Серго Фазильевич осторожно подкрался к генералу сбоку и проговорил ему на ухо:

— Сейчас я расстегну наручники. Попытаетесь... — он поискал нужное слово... — вести себя некоррек-

тно, девку я пристрелю. Бумагу и ручку сейчас принесут. За плечами будут стоять два самых тяжёлых моих мальчика, так что резко вскочить даже не пытайтесь. Я внятно объяснил?

Сергей смотрел на Ленку. Всклокоченные волосы, на левой щеке след оплеухи, в глазах слёзы. Девушка попыталась улыбнуться командиру, но получилось плохо. Марков вздохнул и потянулся за деревянной ручкой, какими писали школьники, обмакнул перо в чернильницу-непроливашку.

У здания, куда вошёл Марков, остановился автомобиль. Громко хлопнув дверцей, из него вышел офицер в потёртой полевой форме со знаками различия полковника, не спеша огляделся, направился к двери подъезда. Навстречу вышли двое крупных хлопцев в обвислых штатских костюмах. «Дегтярёвы» в их руках выглядели чуть ли не пистолетами.

— Нельзя сюда, товарищ полковник.

— Почему? — весело осведомился Ямщиков.

— Нельзя, — повторил особист.

— Совсем?

Гэбэшник поиграл автоматом, как бы прилаживаясь двинуть тупого солдафона прикладом по голове.

— Ну, нельзя так нельзя, — вдруг согласился Ямщиков, сделал пару шагов назад.

Из выходящих на площадь улиц попёрли, громыхая гусеницами, танки. Было их не меньше десятка. Заняв позиции, машины покрутили башнями, ловя в прицелы пушек единственное освещённое окно. Не меньше батальона ловких бойцов заполнили промежутки между единицами бронетехники, спеленали «хлопцев».

— Эй, жильцы, — крикнул Ямщиков в жестяной рупор. — Выходите по одному и не торопясь. А то я сам поднимусь.

Услышав рёв моторов и грохотание гусениц по гранитной брусчатке площади, Гогулия выглянул в окно. Ему показалось, что прямо в лицо уставилось дуло танковой пушки. И человек более отважный сто раз подумал бы, стоит ли оказывать сопротивление. Предположим, пленников ты убьёшь. Но после этого надо будет выходить на Рынок Тадеуша Костюшко к вон тому коренастому мужичку и его умельцам, не иначе как дивизионным разведчикам. Такая перспектива вызывала холодную волну вдоль хребта и желание свернуться клубочком, закрыть лицо и убеждать, что ты никогда больше так не будешь.

Боевики, которые приехали с Саркисовым для обеспечения операции, сориентировались быстрее. Они уже выскакивали из подъезда, бросали автоматы и задирали руки, словно хотели поддержать падающее небо. Выматерившись, Серго Фазильевич отомкнул запоры наручников. Сергей вскочил, бросился к Ленке, подхватил её на руки. Девчонка, похоже, была почти без сознания.

Из подъезда первым вышел Марков, осторожно ступая, чтобы не тряхнуть лишний раз Лену.

— Иваныч, — крикнул он, — это я, не подстрели сдуру.

Ямщиков бросился ему навстречу.

— Целый? Говорил я тебе, не ходи один. Приехали бы спокойненько на танке и забрали бы девочку без напряжения нервов и голосовых связок.

Краем глаза комдив засёк Гогулию, повернулся к нему и приказал:

— А ну, брысь отсюда, гнида. Ещё раз встречу, пристрелю, не пожалею патрона.

Серго Фазильевич юркнул в первый тёмный переулок.

— Поехали в штаб, — озабоченно сказал Марков. — Надо срочно доложить Сталину. Неспроста всё это.

— Поставьте меня на землю, — потребовала вдруг Ленка. — Что вы меня держите на весу, как ночной горшок севрского фарфора. Полный.

Судя по всему, хулиганка вполне оклемалась.

Сергей бережно опустил девушку на брусчатку, но рук не убрал. Они так и стояли лицом к лицу, генерал бережно обнимал плечи Лены.

— А девочку куда? — спросил Александр Иванович.

— Девочку с собой, — улыбнулся разбитыми губами Марков. — Девочку я теперь никуда не отпущу.

— Отпустите, — заупрямилась вдруг Ленка. — У меня, между прочим, через три дня свадьба.

— Кого в брак сдаёшь? — поинтересовался Сергей.

— Сама замуж выхожу, — брякнула хулиганка.

Марков вдруг почувствовал, как закололо в кончиках пальцев, которые всё ещё лежали на худеньких плечиках, будто он долго-долго держал их на льду.

— За кого? — не своим голосом спросил мужчина.

— За Колю Отраду. Была тебе Радость, стану ему Отрадой.

В первый раз, отметил Марков, девушка обратилась к нему на «ты».

— Это тот, который каждый месяц делал предложение тринадцатого числа?

Девчонка кивнула.

— Да. А тут он сделал двенадцатого.

Ленка пыталась улыбнуться, но получалось это плохо.

— Пустите меня, — тихо вскрикнула она. — Мне нужно на поезд. В Москву.

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

4 июня 1941 года (среда)

I. Общие вопросы операции «Барбаросса» (см. Приложение II).

II. Тактические вопросы (начальники штабов армий): Главком.

а. Применение дымовых завес при форсировании рек. Это не организационный, а снабженческий вопрос. Пред-

видеть заранее, где это необходимо! Дымовые завесы нельзя использовать на местности, прикрывающей войска!

б. Применение химических ОВ. Я ожидаю местного разбрызгивания ОВ и заражения отдельных районов [русскими]. Мы не должны дать противнику времени для использования химических ОВ в широких масштабах. Подготовить к этому войска в моральном отношении!

Применение ОВ в больших масштабах возможно лишь через семь дней после начала операции, когда будут специальные средства доставки{1291}.

в. Ввод в бой пехотных дивизий с началом наступления танковых групп. Не следует опасаться штатов военного времени и связанных с ними кадровых проблем. Необходимо беречь танкистов!

г. Артиллерию, инженерные войска и войска связи из состава пехотных дивизий, расположенных в тылу, использовать в самом начале наступления!

д. Ударные клинья на широком фронте. Сосредоточение огня. Обеспечение флангов эшелонированием в глубину!

Не стремиться к «локтевой связи» с соседом! Безопасность достигается глубиной боевых порядков. Вопрос управления войсками. Командиры должны быть впереди.

е. Тактика русских танковых войск. Использование небольших подразделений (для контрударов и контратак) и массированное использование. (Новость!) Выдвинуть вперёд противотанковую артиллерию (возможно, даже из дивизий, расположенных в тылу).

ж. ПВО. Ночные марши. Прикрытие войск с воздуха!

з. Наступление и преследование в ночных условиях. Опыт боёв в Греции! Внезапность!

к. У войск слишком много автомашин на поле боя. Строго контролировать! Ненужные на передовой транспортные средства свести в группы. Эшелонировать. Регулировать выдвижение транспортных средств вперёд (преимущественное право проезда), тогда будет легче их использовать. Никаких «знакомств» в этом деле.

к. Чрезмерная загрузка войсковых автомашин. Использовать крестьянские повозки! Централизовать сбор средств, оставленных в тылу, как во [время кампании] Франции.

л. Регулирование движения. Движение в обратном направлении запретить! Планировать заранее. Самолёты! Не ориентировать на «взаимопонимание». м. Потребность в транспорте. Инженерные войска (мины, имущество для временных переправ). Помощь за счёт транспортных колонн обер-квартирмейстера. Эта помощь не должна постоянно связывать руки обер-квартирмейстеру.

н. Полевые госпитали — части резерва ОКХ, но вначале они останутся в своих дивизиях.

Просьба к начальникам штабов корпусов и начальникам оперативных отделов штабов дивизий обратить особое внимание на эти вопросы. Обязаны добиться их выполнения!

Начальники тыла в некоторых дивизиях очень молоды. Вырабатывать в них самостоятельность!

Во второй половине дня — дальнейшие вопросы (опыт боёв на Юго-Востоке).

Военные игры в войсках. (Штабы корпусов — штабы дивизий!)

III. Частные вопросы по отдельным группам армий во время операции «Барбаросса» (см. приложение II). Распределение паромов системы «Зибель» и самоходных барж.

ГЛАВА 7

Георгий Константинович выслушал Поскрёбышева молча, только темнел лицом. Дождавшись конца повествования, спросил:

— Где сейчас Сталин?

— Думаю, Лихарев спрятал его так, что никто не сумеет отыскать.

— Лаврентия пускать к власти нельзя, — отрезал Жуков. — Нужно срочно переговорить с Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем, Маленковым. Если понадобится, армия разоружит и НКВД, и госбезопасность. Но доводить до этого не хотелось бы. Нельзя немцам показывать наши свары. Война на носу.

* * *

Берия ворвался в собственную приёмную и приказал Мамиашвили:

— Срочно соберите всех наших. Коба откинулся.

Лаврентий Павлович знал, что Жуков относится к Маркову настороженно, опасаясь сильного конкурента.

— Я прямо сейчас отправлюсь в Генштаб. Надо добиться, чтобы он вернул на Особый Западный военный округ (или, хрен с ним, фронт) генерала армии Павлова, отправив нынешнего командующего в запас. Пока «ближний круг» Иосифа будет решать, чей черёд стать самым гениальным, мы должны взять реальную власть и поставить их перед фактом: самые выдающиеся — мы. Ты, Богдан, подтягивай наши дивизии к Москве. Придумай железобетонную мотивировку переброски. Ещё: Мамсуров — перебежчик, знает он много. Его надо убрать. И подумай над реализацией крайнего варианта — полной зачистки. Даст бог, не понадобится, но готовыми быть нужно.

Шумное и бестолковое совещание было в разгаре, когда зазвонил телефон правительственной связи.

— Молотов, — одни губами прошептала секретарша, но почему-то её услышали все.

— Лаврентий, — прокашлял в трубку Вячеслав Михайлович, — добавил всё-таки, — Павлович. Приезжай немедленно. Тут наши подтянулись, разговор есть.

В кабинете наркома инодел полукругом расположилась группа товарищей. В центре, похожий на громадного моржа, выложив на обтянутую зелёным сукном столешницу пухлые кулаки, сидел Вячеслав Михайлович Молотов, он же «каменная задница», он же «мистер нет». Ошую, то есть по левую руку, устроился

похожий на засушенную заживо лису Лазарь Моисеевич Каганович. Одесную, там, где богатыри укладывали меч, напряжённо выпрямился, словно на плацу, закаменел грубо вытесанным багровым лицом начальник Генерального штаба Георгий Константинович Жуков. Фланги прикрывали, как и положено по воинской науке, самые мощные фигуры — министр обороны Тимошенко и начальник личной охраны Сталина Власик.

Берия оглядел диспозицию и нахмурился. Он понимал, что «разговор» предстоит тяжёлый. Но надеялся, что стая не успеет спеться за столь короткий срок и можно будет разбить хор на отдельные дуэты.

— Здравствуйте, уважаемые, — произнёс заместитель Председателя Совнаркома медовым голосом. — Целиком и полностью поддерживаю идею экстренного совещания. Нам следует обсудить, как действовать в новых обстоятельствах, какие обязанности на кого будут возложены.

— А что это за новые обстоятельства? — спросил Молотов тем тоном, каким обычно общался с дипломатами враждебных государств.

— Сталин умер, — вежливо пояснил глава НКВД.

— Да? Где труп? — Лазарь Моисеевич умел быть кратким и грубым, как ветеран уголовного розыска.

— Коллеги, — выговорил непривычное слово Вячеслав Михайлович, — товарищ Берия по недомыслию или по иным причинам, с этим ещё придётся разобраться, распускает непроверенные панические слухи. В существующем сложнейшем международном положении такое поведение может нанести огромный вред государству рабочих и крестьян. Предлагаю прежде всего и для начала вывести Берию из состава Совета Народных Комиссаров и отстранить от руководства НКВД. Временно исполняющим обязанности наркома внутренних дел предлагаю назначить гене-

рала Власика. И поручить ему провести тщательное и объективное расследование последних действий нашего бывшего товарища.

Берия снял пенсне и стал протирать стёкла белоснежным платком, лихорадочно размышляя, успеют ли дивизии, подчинённые органам, подтянуться к столице. Однако товарищи мыслили так же.

— Я уже отдал приказ заблокировать твои части, — на лице Жукова появилась ухмылка каменного гостя. — Все дороги на Москву уже перекрывают танковые подразделения и батальоны ИПТАП. Так что не делай глупостей, Лаврушa.

— Повестка дня, — огласил Молотов. — Какие меры мы должны принять в связи с недомоганием товарища Сталина?

— Думаю, сообщать об этом народу нельзя, — повёл каменными плечами Тимошенко. — Может возникнуть паника, волнения. В любом случае упадёт дисциплина, могут даже возникнуть помехи для мобилизации.

— Промолчать тоже не лучший выход, — зашевелились в кресле обтянутые желтой кожей мощи Кагановича. — Слухи всё равно просочатся, получится только хуже. Надо дать во всех газетах и на радио краткую информацию. Мол, товарищ Сталин подхватил лёгкую простуду, и врачи рекомендовали несколько дней соблюдать постельный режим. И чтобы текст ни в коем случае не читал Левитан.

— А что вы будете делать через несколько дней, когда труп так и не найдётся? — ядовито спросил Берия. Его не услышали, словно и не присутствовал в кабинете ещё полчаса назад всесильный нарком.

— В крайнем случае, сообщим, что здоровье вождя ухудшилось, и постепенно начнём готовить население к трагической вести, — продолжил свою речь невоскресший Лазарь.

* * *

Заговорщики не расходились, ожидая возвращения главаря. Берия вошёл мрачный и сосредоточенный.

— Немедленно свяжитесь с Саркисовым, — приказал он Мамиашвили. — Пусть завершает операцию по варианту «Полная зачистка». Сейчас же! Повторяю по буквам: полная зачистка. Это значит, убирать всех.

— Ты, — обернулся Лаврентий Павлович к генералу армии Павлову, — немедленно отправляйся в Белосток. Говори с преданными тебе лично командирами. Пусть будут готовы к твоему возвращению. А ты, Богдыхан, — Берия наклонился к полулежащему, как всегда, в кресле Кобулову, — похудей, сдохни, но найди Лихарева и Мамсурова. Срок — сутки. После я тебя расстреливать не стану, тебя другие шлепнут.

Поскрёбышев почему-то не взял трубку. Впрочем, бывало, что товарищ Сталин заканчивал рабочий день пораньше, часа в три ночи. Марков и Ямщиков прямо в кабинете комфронтом приняли по стакану водки, чтобы снять нервное напряжение, загрызли тем, что отыскали по сусекам, и завалились спать.

С утра генерал-полковник позвонил Габрильянцу.

— Начальник в частях, — доложил дежурный.

Когда и в час дня в Кремле никто не ответил на звонок, Сергей встревожился.

— Что-то не так, — проговорил он. — Давай-ка, Александр Иванович, поднимай на всякий случай дивизию в ружьё. Только сильно не шуми.

— Ага, — кивнул Ямщиков. — Чтобы не провоцировать.

Связаться с Заковским не удалось тоже. Хорошо, хоть Жуков оказался на месте.

— Товарищ Сталин подхватил лёгкую простуду, — сообщил он. — Не паникуй, ничего страшного. Неси службу. — Помолчав, Георгий Константинович добавил: — Но к неожиданностям будь готов.

— Всегда готов, — серьёзно ответил Марков.

* * *

Наум Исаакович Эйтингон, прибывший в Белосток вслед за Ленкой, сейчас оказался в идиотском положении. Приказ Верховного лично ему докладывать обо всех событиях в Белостоке выполнить не удавалось, потому что ни сам Сталин, ни даже Поскрёбышев не брали трубку. Обращаться к кому бы то ни было другому вождь запретил категорически. А сообщить о выводе на ночные улицы дюжины танков (молва увеличила их количество чуть ли не до дивизии полного состава), об аресте неизвестными (они быстро стали известными — Гогулия и несколько боевиков из центрального аппарата НКВД) командующего фронтом Маркова и быстром освобождении его и задержании группы, выполнявшей непонятный, авантюристический приказ, Хозяину следовало срочно. И самому Эйтингону, и его команде надоело скрытно наблюдать за необъяснимой вознёй в приграничном районе. А вмешиваться категорически запрещено. Да и что делать, генерал не знал. Чуть ли не впервые в жизни. И главный террорист Сталина принял решение отправиться в столицу самому. Чуяла его душа: что-то случилось серьёзное, может, даже страшное. А парни понаблюдают. И пока будут докладывать обо всех событиях ему.

Сталин пришёл в себя только на третий день. Он с трудом повёл глазами — тело отказывалось слушаться. Первым вопросом Вождя было:

— Что случилось?

— У вас произошёл удар, — объяснил Лихарев.

Мамсуров отправился «разведывать обстановку» и уже двое суток не давал о себе знать. Валентина это беспокоило, но не слишком. Во-первых, попасть в его жильё, сдвинутое на полминуты во времени, в этой реальности 1941 года не смог бы никто. Так что безо-

пасность и хозяина квартиры, и беспомощного Вождя была гарантирована. Во-вторых, сам Хаджи-Умар был человеком опытным. Выследить и захватить его сумели бы три-пять человек во всей Москве. И ни один из умельцев не работал на Берию. Так уж сложилось исторически. А значит, тревожиться о судьбе диверсанта не стоило. Когда нагуляется, придёт, нажмёт на единственную кнопку приборчика, отдалённо напоминающего миниатюрный пейджер. Резидент услышит сигнал, проверит своими методами, нет ли угрозы, и впустит «кота, который нагулялся сам по себе».

— Тяжёлый? — спросил через минуту Иосиф Виссарионович. То ли он так долго обдумывал ситуацию, то ли мозг ещё работал на малую часть своих возможностей.

— Очень. Если бы не мой браслет, вас никто не спас бы.

Хозяин вновь надолго замолчал.

— Я останусь идиотом? — спросил он наконец дрогнувшим голосом.

— Нет, мышление, да и вся психика восстановится полностью. Но со временем травма будет давать о себе знать. Вам придётся очень строго контролировать себя.

— Кто руководит? — В глазах Председателя Совнаркома мелькнула искра.

— В газетах и по радио объявили, что товарищ Сталин подхватил лёгкую простуду. Каждый день публикуются данные о температуре, давлении, частоте пульса и симптомах болезни.

— Суслики, — хмыкнул больной. — А если бы я отдал богу душу?

— Пока не задавил бы всех конкурентов преемник, было бы то же самое.

— Значит, Лаврентия успели придержать, — прохрипел вождь. — Остальные будут править скопом.

Они по натуре вторые, исполнители. Сколько мне лежать?

— Долго. Необходимо, чтобы полностью восстановились клетки головного мозга. Этот процесс подстёгивать нельзя.

— Сдохну?

— Хуже.

— Газеты вы мне принесёте?

— Нет. Дня через три сделаю так, что многое вы сможете видеть своими глазами. Но пока — полный покой.

— Когда я смогу отсюда звонить?

— Кому?

— Надёжным людям. Или вы хотите, чтобы я вышел отсюда никем и ничем?

Габрильянца найти не удавалось. Маркову отвечали, что тот в войсках, что выполняет ответственное задание. Сергей только матерился про себя, ощущая усиливающееся сопротивление каждому отданному приказу. Ямщиков сообщил, что изо всех частей полностью забрали сапёров. Во исполнение приказа комфронтом о срочном строительстве укрепрайонов. В результате пехота сидела в собственноручно отрытых щелях, прикрыть наиболее опасные направления минными полями было некому. Генерал-полковник выехал в расположение 6-го мехкорпуса, который прикрывал Сувалковское направление от 3-й танковой группы Германа Гота. Когда Марков увидел незаконченные ДЗОТы, вынесенные так далеко вперёд, что их быстрее достигли бы немцы, чем наши бойцы, первым побуждением было отдать под трибунал всех, кто проектировал эти опорные пункты обороны.

Вернувшись, комфронтом потребовал от Глыбо все распоряжения последних двух недель, отправленные в войска штабом, и погрузился в бумаги. Через два дня вырисовалась пугающая картина.

Сергей долго вчитывался в приказ отправить всю тяжёлую артиллерию дивизий на полигон Крупки для проведения масштабных учений. На корпусной артполигон в Червоном Бору начальник артиллерии 10-й армии генерал-майор М. М. Барсуков собрал три артполка РГК — 124-й и 375-й гаубичные и 311-й пушечный, все четыре корпусных артполка 10-й армии — 130-й и 262-й корпусные артполки 1-го стрелкового корпуса и 156-й тяжёлый и 315-й корпусной артполки 5-го стрелкового корпуса, оба артполка 86-й стрелковой дивизии — 248-й лёгкий и 383-й гаубичный, 117-й гаубичный артполк 8-й стрелковой дивизии и 7-й гаубичный артполк 7-й танковой дивизии.

За снарядами для тяжёлых орудий посылали не грузовики — их не хватало катастрофически, — а тракторы-тягачи. Пока они проходили 40—60 километров в одну, потом в другую сторону, пушки стояли без боезапаса и без возможности сменить позицию. Какой-то генерал привёз приказ сдать для проверки в мастерской в Риге артиллерийские прицелы.

Эвакуация приграничных аэродромов была отменена. Зато на них развернули монтаж новых самолётов — «МиГов». Из соображений секретности их привозили в разобранном состоянии. И подставляли под удар даже не авиации, а артиллерии германцев, давали возможность особо прытким фашистам захватить летательные аппараты прямо на взлётных полосах, потому что двадцать километров даже пехота на велосипедах может одолеть за два часа. И будет достаточно полуроты автоматчиков, чтобы все военные тайны достались противнику.

Все распоряжения были подписаны начальником штаба фронта Глыбо. И командующим фронтом Марковым.

Марков вызвал Вениамина Захаровича к себе и долго вглядывался в одутловатое лицо и маленькие, отсвечивающие оловом глазки. Генерал тяжело сопел

от жары, помаргивал короткими белёсыми ресницами, но смотрел на Сергея Петровича спокойно.

— Вы можете объяснить смысл отданных приказов?

— Принимаем меры по подготовке к возможному нападению вероятного противника, — невозмутимо произнёс начштаба, поворошив бумаги. — Следует проверить матчасть, провести учения по массированной работе тяжёлой артиллерии. Всё в русле задач, которые вы поставили.

— Вернуть аэродромы поближе к границе, подставить авиацию под пушки немцев — это тоже «в русле задач»?

— Фашисты уверены, что мы перевели самолёты в глубь расположения. Это — маскирующий манёвр. Зато время подлёта наших машин сокращается на десяток минут. А минуты в современном бою могут сыграть решающую роль.

Последнюю фразу Глыбо произнёс, подняв пухлый указательный палец, как преподаватель военной академии, внушающий прописные истины туповатому курсанту.

— А если враг нападёт именно в тот момент, когда вы проводите учения, отправили тягачи за выстрелами? Если его разведка не клюнула на гениальный маскирующий манёвр?

Вениамин Захарович пожал покатыми плечами:

— Почему нужно ориентироваться на самый худший расклад?

— Кто вам позволил под этими документами ставить мою подпись?

— Так ведь приказы составлены во исполнение ваших распоряжений, Сергей Петрович. Что называется, по духу и букве.

— Я не могу понять, дурак вы или провокатор? В любом случае требую немедленной отмены этих... команд. Когда всё будет исполнено — не позже, чем к двадцати четырём ноль-ноль сегодня, вы отстраня-

етесь от должности и отправляетесь в распоряжение Генштаба. Генералу армии Жукову о своём решении я сообщу по телефону. Выполняйте.

Глыбо вздохнул, не торопясь встал на ноги, одёрнул китель:

— Кому прикажете сдать дела?

— Пока вашему заместителю. И имейте в виду: я потребую расследования вашей деятельности.

Марков мог бы поклясться, что на одутловатом лице начальника штаба фронта мелькнула презрительная усмешка.

Проснулся Сергей от того, что кто-то барабанил в дверь. Похоже, кулаками, и даже пинал дубовое полотнище ногами. Комфронтом глянул на часы — без восьми минут час. Поспать удалось минут сорок, и на тебе. Часовые в последние дни несли службу у главного входа в бывший особняк Браницких, а со стороны сада только ежечасно проходил патруль. Кто и почему поменял схему охраны, Марков всё собирался спросить, но заедали более срочные и, как считал Сергей Петрович, важные дела. На всякий случай он снял с предохранителя «ТТ», не зажигая свет, прижался к стене, так чтобы его нельзя было увидеть за открывающейся филёнкой, и отодвинул засов.

В коридор скользнула худенькая женщина. Марков щёлкнул выключателем. Незваная гостья от неожиданности зажмурилась. «Кармен» — узнал генерал. Он подавил вскипающее бешенство, холодно спросил:

— Зачем пожаловали в столь поздний час, Татьяна...

— Сергеевна, — подсказала брюнетка.

— Я же просил вас держаться от меня подальше.

Добросклонова всхлипнула и быстро заговорила:

— Выслушайте меня, пожалуйста. Произошло что-то страшное. Что-то со Сталиным.

Марков вздрогнул. Вчера он опять не смог связаться с Поскрёбышевым. Версия Георгия Константиновича,

будто Вождь слегка занемог, казалась всё менее убедительной.

А Тата продолжала, преодолевая слёзы:

— В Особый отдел фронта пришли секретные распоряжения, подписанные Берией. Я сама слышала, как Габрильянц разговаривал по телефону с Саркисовым. Тот приказал провести полную зачистку и подготовить всё к возвращению генерала армии Павлова. Я так испугалась за вас. Ведь я всё равно вас люблю, — девушка заревела уже в голос, — хотя вы мне почему-то не верите.

«Почему-то не верю? Она думает, будто я могу поверить ей?» — подумал Марков. Он напряжённо размышлял. То, что это — провокация, причём грубая, несомненно. И организовали ее, скорее всего, именно сотрудники НКВД. Но цель и смысл Сергей вот так сразу понять не мог.

— Отправляйтесь домой, — холодно произнёс генерал. — У вас просто разыгралось воображение. Дамские нервы. Пейте бром.

Молодая женщина стиснула кулачки под подбородком, развернулась и, спотыкаясь, побрела в сторону парадной аллеи замка. «У неё удостоверение сотрудницы Особого отдела, — сообразил Марков. — Вот часовые и пропустили. А коли отправилась ко мне по заданию, ей Габрильянц и ещё какую бумажку подписал. Если бы не резолюция Верховного на его доносе, драгоценный Валерий Хачикович меня уже в порошок стёр бы. А так боится, игры выдумывает, компрометирующие факты копит. Надо будет завтра любой ценой дозвониться до Жукова, узнать, что же на самом деле происходит».

Татьяна брела по самому центру проезжей части Липовой улицы. Как бы ни была девушка расстроена, правила, вбитые в спецшколе, она выполняла автоматически. Если идёшь ночью по безлюдной улице, дер-

жись подальше от тротуаров и обочин. Тогда заранее увидишь людей, которые решат напасть.

Те, кто подстерегал машинистку Особого отдела в кабине трёхтонного грузовика производства немецкой фирмы «Бюссинг-НАГ», получили те же навыки. Они ждали свою жертву, укрыв автомобиль в узком проулке, выключив фары, но не глуша двигатель, не поддавались искушению прогнать сонливость куревом.

Одинокая фигура, освещённая луной, появилась в нескольких метрах перед радиатором. Взревел мотор. Чудище весом почти десять тонн рвануло вперёд. Тата попыталась отскочить, но металлический радиатор смял живую плоть, швырнул наземь и для надёжности прокатил по уже мёртвому телу двойными задними колёсами.

— Чуть не сорвала нам операцию, — возбуждённо проговорил, оглядываясь на удаляющийся перекрёсток, где темнело что-то похожее с расстояния на ком смятого тряпья, Габрильянц. — Хорошо, я с самого начала стал к ней присматриваться. Насторожило, что она так рвалась в Белосток. Даже знакомства папочки использовала, а он профессор, медик, никто не откажет. А то назавтра прижмёт, и не к кому бежать...

Болтовнёй Валерий Хачикович снимал нервное напряжение. Даже особисту не каждый день приходится убивать молодых и красивых женщин. Не успеваешь к этому привыкнуть.

На вокзале Белостока Ленку отыскали разведчики Ямщикова и передали от него деньги на билет до Москвы и кормёжку в дороге. Девчонка торопилась убежать от Маркова и забыла, что её сумочка, где было всё: паспорт, наличные финансы, зеркальце и всякие мелочи, — потерялась не то в военной комендатуре, не то позже, когда её передавали от Габрильянца к Саркисову и Гогулии. Немного нескладный на взгляд

девушки Александр Иванович озаботился и дал приказ разыскать вещи пострадавшей и вернуть. Что и исполнили его «чингачгуки», как они сами себя назвали. Удивительная штука: документы и остальное содержимое сохранилось, а вот купюры улетучились, как не было. Ленка склонна была грешить всё-таки на бугая Бугаева. Остальным негодяям было не того, чтобы копаться в скарбе обычной студентки.

Сейчас девушка шла по родной Авиамоторной в сторону дома. Было уже около полуночи. По-настоящему не стемнело, сумерки залили Москву словно голубыми чернилами. Редкие фонари сияли золотом, но света давали немного. Девчонка шла быстро — очень хотелось домой, помыться за несколько дней, поменять одежду, которая чего только не увидала за последнюю неделю.

Если бы кто-то спросил Ленку, что её заставило броситься через половину страны предупреждать об опасности человека, которого она решила оставить, можно сказать, чужого, она, пожалуй, не смогла бы ответить ничего путного. Это было бы слишком похоже на предательство, а предавать, особенно Маркова, было нельзя. В то же время Ленка чувствовала облегчение. Мать была права, ничего хорошего из романа с человеком другого уровня, намного более старшим, не получилось бы. Она даже на ты его назвала только один раз, что называется, с перепугу. Ладно, что ни делается, к лучшему.

Она не замечала щуплой фигуры, которая тенью прокрадывалась по следам. Косому Лыцарю куратор показал эту смуглявую на перроне Белорусского вокзала. Зачем и почему следовало порешить заурядную биксу в невзрачном сереньком платьице, никто не объяснял, да бандиту это было без интереса. После гибели Куцего его верный «оруженосец» так и не прибился ни к какой из блатных компаний. Одинокого волка рано или поздно должны были по-

вязать. И тогда уголовник вспомнил о здоровенном мужике, «интеллигенте», который помогал Куцубину, и нагрянул «в гости» к Игорю Саввичу. Сказать, что атлет был не в восторге от визита, значит не сказать ничего. В комнаты незваного гостя он не пригласил, усадил на табурет, который долго искал в кладовке, а не на многочисленные наличествовавшие стулья, в кухне. Игорь морщился от запаха, который издавала давно не снимаемая одежонка. Водные процедуры Лыцарь и в лучшие времена не слишком жаловал, а последние дни и даже недели к самым приятным никак нельзя отнести. Так что и то, что было скрыто лохмотьями, тоже не благоухало. Тем не менее бородатый выслушал трагическую историю гибели правильных пацанов от рук злобных лягавых. По выражению физиономии хозяина квартиры Лыцарь понял, что сочувствия его печальная повесть не вызвала. И тут он вспомнил, что по приказу Лося писал обязательство сотрудничать с органами. О судьбе старого врага уголовник ничего не знал, да и знать не мог. Впрочем, как и Игорь. Но услышав о данной подписке, «амбал» задумался, вышел в комнаты. Косой слышал, как он кому-то звонил, вполголоса, так, что не разобрать, что-то объяснял. Вернувшись, сказал, что скоро за Лыцарем приедут. И приехали. Здоровенный тип назвался Миколаем. Он забрал бандита в какой-то немаленький дом на окраине. Везли с завязанными глазами, определить, где именно располагалось строение, не то пленник, не то вновь завербованный не сумел. Куда, зачем — непонятно, но терять всё равно нечего, днём раньше, днём позже — всё равно конец. Миколай заставил хорошенько помыться, хоть Лыцарь и объяснял, что уже у здоровяка искупался, напоил, накормил, объяснил, что «вышка» Косому как убийце обеспечена. Единственный выход — слушаться его, куратора. (Слово бандиту очень понравилось.) И тогда он получит чистые до-

кументы на другое имя, легавые его не тронут, будет идти регулярное жалованье из рук куратора в ладошки исполнителя — так называется его новое занятие.

Работой особенно не загружали. Деваха была третьей за почти три месяца. После двух первых — один был здоровенным мужиком, Лыцарь даже струхнул — не попадёшь сразу в нужное место, в порошок разотрёт, но ничего, обошлось удачно, богатырь после тычка заточкой присел в парадной под батарею и затих, как заснул — дали премии. За эту обещали тоже, а её завалить нечего делать, как курицу зарезать.

Косой поправил заточку в рукаве. Просто, чтобы почувствовать, что железка здесь, никуда не делась. Жертва свернула с тротуара на тропку, протоптанную к подъезду. Пора, перед тёмным парадным девчонка обязательно оглядится. Все они боятся, чтобы не изнасиловали прямо на лестнице. Хотя на эту Лыцаря и силой не затащили бы, он предпочитает баб попухлявее. И блондинок, а не таких чёрных.

Последние метры бандит пролетел, чуть касаясь «цырлами» земли. Ленка только в последний миг заметила какое-то движение сзади-справа. Толчок пониже левого плеча. Секундная боль. Дальше — тишина.

Косой нёсся по пустынному тротуару, дыша широко раскрытым ртом. Всё прошло как по маслу. Значит, будет премия!

Вениамин Захарович Глыбо позвонил по телефону и подробно пересказал всю беседу с командующим фронтом.

— Ничего не предпринимай, — посоветовал собеседник. — Всё решится скоро.

— Хорошо, Рафаэль Семенович, — подобострастно проговорил начальник штаба Особого Западного фронта. — Я на вас надеюсь.

* * *

Под утро Маркову приснился почему-то Заковский.

— Не спи, — кричал он, страшно разевая рот, как в той атаке белой конницы на Перекопе. — Погибнешь. Вставай.

Сергей открыл глаза. В стёкла глядел белёсый рассвет. Через полчаса выглянет солнце, день заиграет красками. А пока только-только можно различить контуры кустов и деревьев в саду имения Браницких.

Среди кустов метнулись тени, перебежками от ствола липы в объятия нестриженых одичавших ветвей жасмина. Генерал-полковник оценил ловкость мужчин, старавшихся как можно незаметнее подобраться к окну его спальни. И потянулся за оружием. Видно, дрёма была настолько глубокой, что он не сразу понял: так подкрадываться могут только враги.

И всё же он медлил открывать огонь на поражение. Теплилась мысль, а вдруг это какое-то недоразумение. Стрелять в своих без предупреждения, не выяснив, кто и зачем явился, Марков считал невозможным. Впрочем, позволить себя прикончить или вновь запрятать за колючую проволоку тоже полагал неприемлемым.

Сначала пришло в голову изобразить только проснувшегося, почёсываясь, подойти к окну, распахнуть его — внимательно наблюдая, не появится ли из-за веток ствол. В принципе, можно было даже успеть метнуться в сторону или упасть, пока возьмут на прицел ничего не подозревающую жертву.

Но тут же эта мысль была отброшена. Нападающих слишком много. И послать совсем уж непрофессионалов на такое дело — убивать комфронтом — не могли. Так что придумывай что-либо другое, а то слишком велик риск пропустить пущенную навскидку пулю.

Сергей торопливо натянул галифе, туго подпоясался широким ремнём, потом оглядел свой арсенал: штатный «ТТ» и любимый ещё с боев под Екатеринодаром наган-самовзвод. Он прекрасно себя показал в рубке,

когда правая занята шашкой. Две обоймы к пистолету. Скользнув по глубине комнаты, генерал-полковник выдвинул нижний ящик старинного письменного стола. Ох, и интеллектуальные же были садовники у графов Браницких, в который раз удивился Марков. Когда-то он позволил Ямщикову привезти полпуда автоматных патронов. Думали, так, на всякий пожарный случай, а видишь, пригодились.

Марков сыпанул пару горстей тяжёлых, маслянистых цилиндриков, снабжённых закруглённой, не остроносой, как у винтовочных собратьев, пулей, в карман галифе. Хорошо, они подходят и для «ТТшки», и для автомата. Теперь тихонько выбраться в коридор.

Как ни странно, Марков испытывал подъём духа, как двадцать лет назад перед неминуемой схваткой. И правда, есть упоение в бою и мрачной бездны на краю... Как будто вернулся в молодость.

Из домика было два выхода. Чёрный вёл в сад. Им обычно и пользовался постоялец. Парадный выводил на аллею перед крыльцом замка — широкую, обсаженную с обеих сторон подстриженными конусом кустами и скульптурами, изображающими сильно неодетых не то нимф, не то вообще богинь. Примерно посредине дистанции от ворот до изукрашенных дверей владельцы устроили два фонтана, которые сейчас, естественно, были выключены. С военной точки зрения место крайне неудобное — просматривается и простреливается насквозь с любой точки.

Наверняка одного или двоих на всякий случай поставили у решётчатой калитки в стене, разделяющей апартаменты и хозяйственные постройки. Но спрятаться им негде. Скорее всего, торчат у входа с наружной стороны. С внутренней они словно мишени на фоне белёного камня. И совершенно убеждены, что их дело чисто декоративное, главные события развернутся с противоположной стороны строения. Выгля-

дывают для очистки совести сквозь прутья по очереди. И ведь правы!

Марков осторожно приоткрыл массивную дубовую дверь и выглянул в щёлку. Так и есть, никого не видно. Проверим бдительность, подумал Сергей, спрятался за косяк и толкнул полотнище. Петли не скрипнули — приучили шляхетны паны прислугу содержать все помещения в полном порядке. И тут же на пол упала тень. Крепкий малый в военной форме без знаков различия с автоматом «ППД» на изготовку ступил в коридор, опасливо косясь на дверь. Правильно, она вполне может защитить от пули. Только противника не видно, а так сиди, как мышь под веником, жди кота. Но если этот сунулся проверять, а не затаился у входа, значит, кто-то его страхует. Генерал дал боевику сделать ещё пару шагов вглубь. Тот медленно протянул пятерню к ручке. В этот миг Марков обхватил его горло локтевым сгибом левой и тем же слитным вальсовым движением развернул лицом ко входу, спрятавшись за широкой спиной. Дуло «ТТ» туго упёрлось в бок.

— Закрой дверь, — приказал Сергей. Битюг послушно выполнил.

— Запри на засов. — Снова возражений не последовало, но комфронтом почувствовал, как напряглось тело противника, и нажал стволом в район правой почки: — Не делай глупостей и останешься в живых. Кто вы и сколько вас?

— Двенадцать человек. Вам со всеми не справиться, лучше сдавайтесь.

— Угу. Так кто вы?

— НКВД. Центральный аппарат.

— Кто командует?

— Майор Гогулия. Он встретил нас здесь.

— Понятно. Старый знакомый. Вам сказали, кто я?

— А нам без разницы. Приказано взять, мы и берём.

— Приказано взять или устранить?

Здоровяк замялся:

— Как получится.

— Понятно, — хмыкнул Марков, толкнул собеседника вперёд и коротко ударил по темечку рукояткой пистолета.

Вернуться в комнату он успел вовремя, как раз такой же крепенький паренёк лез в окно. Больше Марков не колебался. Выпущенная навскидку пуля вышвырнула нападавшего в сад. Сергей прыжком пересёк комнату, успел выстрелить ещё дважды — в тех, кто готовился ворваться в комнату. Минус четыре. Значит. осталось девять, если считать бойцом Гогулию.

Сергей прыгнул назад и, выскочив в коридор, растянулся на полу. Вовремя. За стеной громыхнула граната. Спасибо ляхам, строили добротно, не в полкирпича перегородка. Даже дверь в комнату не вылетела, её только распахнуло взрывной волной. Выждав с полминуты: кто их знает, вдруг решат для надёжности еще одну «лимонку» израсходовать, генерал выглянул в проём и мимоходом всадил пулю ещё в одного «энтузиаста». Потом опрометью бросился к парадному входу, отодвинул засов, поднял всё ещё лежащего без сознания крепыша, прислонил к косяку и распахнул дверь. Толкнул безвольное тело. Стрелять чекистов учили хорошо. В полёте малый принял две пули от собственного напарника. Решив, что цель поражена, тот ринулся ко входу и нарвался на встречный выстрел.

В коридоре затопали. Значит, атакующие проникли через окно. Марков быстро обшарил оба трупа. У второго нашлась в кармане пара гранат. Плюс два «ППД». Воевать можно, только к арсеналу бы да ещё бойцов хотя бы пару.

Для острастки выпустил вдоль коридора не меньше половины диска. Очередь пришлась почти в упор, полегли четверо.

«Если так пойдёт и дальше, скоро останемся один на один с Гогулией», — подумал Сергей и запустил в сторону противников гранату. Если кто остался в коридоре, осколки достанут — стены каменные, пространство узкое, множественный рикошет. Мельком прошла мысль: «Против опыта Гражданской любая выучка не тянет». Да теперешних супостатов и не учили воевать, их натаскивали захватывать — толпой одного, деморализованного, чаще всего безоружного. Вот и получите.

После взрыва воцарилась такая тишина, что Сергею показалось, будто он оглох. Но нет, вот послышался долгий мучительный стон. Потом прерывающийся голос:

— Марков... Не стреляйте. Вы убили всех, остался только я. — Долгая пауза. — Гогулия. Как бы вы меня не ненавидели бы, помогите. Я истекаю кровью. Вызовите врача.

«Хорошо излагает, литературно», — подумал Марков. Он взял на изготовку второй «Дегтярь», засунул «ТТ» за пояс сзади, а наган сунул в карман. Другой отяготил неистраченной гранатой. Осторожно сделал шаг по коридору, стараясь красться без малейшего шума. Гогулия молчал. Подходя к повороту, ведущему к кухне, генерал лёг и выглянул на уровне пола. В метре он увидел два тела. Они валялись словно кучки тряпья, то ли мёртвые, то ли тяжело раненные, без сознания. Зато ещё двое настороженно застыли, ожидая, когда появится наивный противник — оказывать неотложную помощь.

В проёме, ведущем в спальню Маркова, появился третий, видный на фоне уже вполне дневного света чёрным контуром-тенью. Сергей выстрелил в него, перекатился к противоположной стене и швырнул гранату в стоящих. Громыхнуло, словно ударило доской по голове. Прямо перед носом Сергея в пол врезал-

ся осколок. Несколько других в результате двойного рикошета выщербили стену, под которой растянулся комфронтом.

Выжить в колене коридора не мог никто. А того, кто караулил в спальне, пуля вбила назад в комнату. Генерал прыжком ворвался в помещение, которое ещё полчаса назад было вполне обжитым и уютным. Теперь оно выглядело развалинами. Дыры и борозды на потолке и стенах, белёсая пыль сбитой штукатурки, разбитая в металлолом кровать. И щепки от другой мебели. В центре лежал на спине Гогулия. Гимнастёрка на груди намокала чёрной кровью.

— Видишь, хотел обмануть, а сказал правду, — простонал он. — Нельзя дразнить судьбу.

— Помолчи. Я вызову медиков, — распорядился Сергей Петрович. Гогулия осклабился: «Поздно». И вдруг вскинул руку с пистолетом в сторону Маркова. Генерал рефлекторно дал очередь. По груди «тёзки» прошла стёжка отверстий.

Марков хотел выйти в сад, но дверь чёрного хода, которым он пользовался каждый день, не в пример парадному, так и осталась запертой. Искать ключ не было сил. Ноги сами подогнулись, и комфронтом присел, опираясь спиной на стену и положив автомат на колени. «Что-то совсем слабаком я стал, — подумал он. — Что ли, старею?»

В саду послышался топот многих ног.

— Не стрелять. Свои, — прокричал Габрильянц. В окно, опасливо озираясь, влез парень в форме НКВД, спросил: — Есть кто живой? — не получил ответа и крикнул: — Товарищи командиры, двери позаперты, влазьте так...

В проёме появился Габрильянц, легко спрыгнул на пол и повернулся, помогая вскарабкаться Рафаэлю Саркисову. Поддержав столичного гостя под локоток, установил его на изгаженном полу, обвёл глазами

комнату и только теперь обнаружил Маркова, бросился к нему:

— Сергей Петрович, живы? Слава богу, успели. Сколько было нападающих?

Валерий Хачикович всмотрелся в труп Гогулии:

— Предатель. Сволочь. Ишак немытый.

Мамсуров заметил слежку, ещё когда проходил по улице Горького мимо Столешникова переулка. Двое в штатском, радостно ухмыляясь, вели его, выбирая безлюдное место, чтобы скрутить наверняка и без лишних свидетелей. Хаджи-Умар прибавил шагу. Преследователи разошлись — один двигался, чуть не прижимаясь к стенам строений, второй по кромке тротуара. День был будничный, но в самом центре Москвы народу много всегда. Не толпа, не растворишься. Однако людно.

Террорист миновал Центральный телеграф, свернул на узкую улицу Огарёва. Тут прохожих не оказалось, и «топтуны» решили действовать. Они подскочили одновременно, выдирая оружие из-под пиджаков. И тут же скорчились и осели. Недооценили они выучки и опыта «майора Ксанти».

А тот, небрежно оглядевшись, никто ли не обратил внимания на двух прилично одетых мужиков, которые вдруг растянулись на асфальте чуть ли не перед подъездом Генеральной прокуратуры, легко зашагал вперёд. Ноги вынесли его на улицу Герцена. Здесь стояла легковая машина с открытыми дверцами. На переднем кресле сидел человек в штатском и глядел в лицо боевику. У живота он держал маузер, дуло которого смотрело прямо в живот Мамсурову. Толстый мужчина в хорошем костюме, вальяжно раскинувшийся на заднем диванчике в глубине, приветливо произнёс:

— Здравствуй, Хаджи-Умар. Садись. И глупостей не делай, ладно? Ты ведь меня знаешь.

* * *

Марков отставил автомат, встал. Пожалуй, настало время задавать накопившиеся вопросы улыбчивому Валерию Хачиковичу. Но не успел. Начальник контрразведки сделал к нему шаг, отводя в сторону левую руку, словно хотел обнять и поцеловать чудом спасшегося командующего фронтом. В правой тускло блеснул пистолет. Три пули в упор сбили Сергея с ног. Боли он не почувствовал. Просто наваливалась тьма. Потом сверкнул ослепительный свет, как будто мужчина выбрался из туннеля. И тонкая фигурка в сереньком платьице.

— И ты? — спросила Ленка.

И Марков умер.

«Орлы» сообщили Эйтингону, что на командующего Особым Западным фронтом генерал-полковника Сергея Петровича Маркова совершено покушение. Диверсанты были одеты в советскую военную форму без знаков различия. В результате кровопролитной схватки Марков уничтожил всю группу, но и сам погиб. Командование принял на себя генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов, практически случайно оказавшийся в данный момент в Белостоке.

Аналогичную информацию, но на день позже и от наркома внутренних дел Лаврентия Павловича Берии получил начальник Генерального штаба генерал армии Георгий Константинович Жуков. Товарищ Берия подчеркнул, что Павлов руководил округом до Маркова и ему не нужно время, чтобы войти в курс дел. В нынешних условиях это важно. Жуков поворачал желваками и сказал: «Хрен с ним, пусть командует».

— Где Сталин? — в лоб спросил Наум Исаакович. — И не крути, Умар. Мы не первый год знакомы. Что мне Хозяин доверяет, ты знаешь. Сразу скажи, как он?

Мамсуров пожал плечами.

— Он в сознании? — Этингон запнулся. — Нормальный? Людей узнаёт, говорит?

— Голова у товарища Сталина в полном порядке. Но волноваться нельзя. Слабый он ещё. Нужно время, чтобы восстановиться.

— Ты можешь доложить, что я хотел бы увидеть Иосифа Виссарионовича?

— Ладно, поехали. Только если Сам разрешит. Интересно, кто меня слил?

— Балбес ты всё-таки, Хаджи-Умар. Поскрёбышев рассказал всё, что случилось с Вождём. Как вы с Лихаревым утащили тело по тайным ходам. Остальное, сам знаешь, дело техники. Кстати, те любители, которых ты аккуратно уложил отдыхать, «подмётки» Богдана Кобулова. Дальше объяснять надо?

— Извините, товарищ майор, вы и в самом деле думаете, что сейчас сообщили мне что-либо новое?

— Тяжёлый ты человек, Мамсуров. Наглядный пример того, как портит характер профессия диверсанта.

— Что поделаешь, — террорист развёл руками, насколько позволили стенки салона автомашины. — Noblesse oblige.

Людей, которые пришли арестовывать Ямщикова, он приказал разоружить и посадить в кутузку. После этого передал управление дивизией заместителю и скрылся в неизвестном направлении.

— Был бы жив Марков, — сказал он, — мы бы всю эту энкаведешную сволочь разоружили бы и вывели в расход. А так... Постарайся сохранить дивизию. Когда придут, вали всё на меня, как на покойника.

— Типун на язык, Александр Иванович. А вы куда?

— Как говорят в Одессе, тудой. Тебе это незачем. Меньше знаешь, лучше спишь.

* * *

Товарищ Сталин с интересом следил на чёрно-белом экране за событиями, которые происходили в кабинете Молотова, Жукова. Поставить телекамеру в резиденции Берии не удалось из-за бдительности Мамиашвили. Он был невидимым участником почти всех совещаний.

— Суслики, — ругался вождь, слушая бесконечные дебаты по самым простым вопросам. — Никаких решений принимать не могут. Всё обсуждают, демократы. — Последнее слово звучало в его устах как ругательство. Возможно, потому, что после обширного инсульта в речи Хозяина очень усилился грузинский акцент.

— Когда мне можно будет вернуться в Кремль? — каждый день спрашивал он Лихарева.

— Поверьте, я лишнего дня вас здесь не продержу, — отвечал Валентин, изучая маленький экранчик браслета, который постоянно красовался на левой руке Верховного.

— Поймите, каждый день, что я провожу здесь, сильно увеличивает шансы, что меня просто не захотят признать все эти... заместители.

Звонок Мамсурова и сообщение, что просит о свидании Наум Эйтингон, вызвало прилив бодрости у Иосифа Виссарионовича.

— Давайте его сюда, — приказал он, позволив заметить своё нетерпение.

Беседа прошла наедине. Когда разведчик ушёл, Сталин спросил Лихарева:

— Можно мне встречаться с некоторыми людьми здесь?

— Это важно?

— Это самое важное на свете, — твёрдо сказал пациент.

— Так и быть. Только не больше одного посетителя в день.

— Не бойтесь, эти на нас никого не наведут.

Молодой человек усмехнулся:

— Этого не надо опасаться. Без моего позволения никто сюда не проникнет, как в ваш кабинет, помните? Беда в том, что это способно плохо повлиять на ваше здоровье и отсрочить возвращение к делам.

— Если этого не делать, возвращение к делам может вообще не состояться, — отрезал Вождь.

Первым, кого Сталин потребовал пригласить, был Жуков. После часовой беседы с ним Иосиф Виссарионович спросил:

— Нельзя ли провести сюда телефон? Чтобы я мог звонить некоторым товарищам?

На следующий день на прикроватном столике появился обычный аппарат чёрного эбонита. Хозяин твердой рукой набрал номер, одновременно глядя на экран, где был виден кабинет Молотова. По знаку Верховного Лихарев «наехал» камерой на лицо Вячеслава Михайловича. Услышав звонок прямого телефона, известного только считаным людям, нарком иностранных дел сорвал трубку:

— Слушаю.

— Здравствуй, глава правительства, — пряча в усах улыбку, произнёс Сталин.

Чёрно-белый экран не мог передать, как побагровела круглая физиономия Молотова. Зато было ясно видно, что на высоком лбу выступили крупные капли пота.

— Коба, ты? Откуда?

Лихарев мог бы поклясться, что после первого мига изумления весь облик ближайшего соратника Вождя выражал радость и облегчение.

— С того света.

— Тогда, думаю, из рая. Вряд ли сатана настолько любезен, что провёл телефонную линию.

Иосиф Виссарионович был удивлён не меньше, чем полуминутой назад его собеседник. Впервые за деся-

тилетия он услыхал шутку из уст того, кого и зарубежные дипломаты, и товарищи по работе не называли за глаза иначе чем «каменной задницей». При этом они имели в виду не столько работоспособность, сколько общую характеристику человека.

— Слушай меня внимательно, Вячеслав. — Обращением по имени, а не «товарищ такой-то», как обычно, Сталин подчеркнул важность произнесённого. — Я планирую вернуться примерно через неделю. Подробности узнаешь непосредственно перед «вторым пришествием». Безопасность обеспечивает Власик, в масштабах Москвы — Жуков. Твоя задача — на политическом уровне всячески придерживать Лаврентия, а то он чересчур резвый и горячий парень. То, что вы смикитили и не дали ему узурпировать пост Председателя Совнаркома и Генерального секретаря ЦК ВКП (б), молодцы. Хотя, уверен, в тот момент каждый думал о том, что с его жопой сделает Берия, став диктатором. Ничего, инстинкт часто лучше мозгов.

Хозяин бросил трубку и удовлетворённо усмехнулся:

— Товарища порадовал, теперь можно и отдохнуть.

Узнав о том, что Ямщиков арестовал посланную за ним команду, Габрильянц тут же позвонил Павлову. Генерал армии никогда не скрывал своего плохого отношения к контрразведке и прочим «органам». Но, услышав, что речь идёт о 201-й Сибирской и её командире, любимчике Маркова, пообещал разобраться.

Через несколько дней дивизия была расформирована. Документы с объяснением причин такого решения до сих пор не найдены. 3 августа, уже во время войны, в городе Горьком создали новую 201-ю. Личный состав составляли в большинстве евреи и латыши, потому дивизию назвали Латвийской. Впрочем, встречается и название Латышская.

* * *

В то время, когда генерал армии Павлов подписывал приказ о расформировании 201-й Сибирской и придании её на формирование 7-й воздушно-десантной бригады 4-го воздушно-десантного корпуса, её командир сидел в кабинете другого генерала армии — начальника Генерального штаба Георгия Константиновича Жукова. Они были знакомы ещё по Халхин-Голу.

Узнав об убийстве Маркова, Александр Иванович понял, что и его не минует чаша сия. Он заранее выписал командировочные и проездные документы до Москвы на имя старшины дивизионного ветеринарного лазарета Сидора Пафнутьевича Кряквина. Генеральское удостоверение он засунул поглубже в потрёпанный солдатский «сидор». И спокойно добрался до столицы. Труднее было пробиться к большому начальству, но генерал-майору Ямщикову, в которого снова преобразился беглец, это удалось.

Георгий Константинович внимательно выслушал рассказ бывшего подчинённого, которого с времён боёв в Монголии высоко ценил. Недавний комдив-201 в свою очередь пытался разделить то, что знал наверняка и собственные домыслы. К чести Александра Ивановича нужно отметить, что его реконструкция убийства Маркова за исключением нескольких деталей была близка к действительности.

Осмыслив услышанное, начальник Генерального штаба принял решение:

— Ты теперь, можно сказать, вне закона. Беглец в розыске. С формальной точки зрения даже дезертир. — Жуков улыбнулся, чтобы показать, что сам он ни в коей мере не считает Ямщикова нарушителем присяги. — Давай-ка я сведу тебя с одним человеком. Расскажешь ему всё, как мне сейчас. Он что-либо умное сообразит.

Так генерал без дивизии познакомился с Наумом Эйтингоном. А тот по собственному почину привёл Александра Ивановича в квартиру Лихарева.

Товарищ Сталин уже почти полностью оправился от перенесённого удара. Удивительный аппарат снова помог. И хотя Валентин требовал, чтобы Вождь больше отдыхал, ни в коем случае не волновался и не занимался делами, как минимум, ещё неделю, числа до двадцать четвёртого июня, удержать Иосифа Виссарионовича не удавалось. Он звонил троим-четверым соратникам, посвящённым в планы возвращения Хозяина. И с удовольствием встречался с людьми, которых после тщательного отбора приводил кто-то из нынешнего окружения.

Эйтингон, знавший особое отношение Верховного к Маркову, рассудил, что рассказ друга погибшего может вызвать интерес Генсека. Однако даже он не мог предугадать, что поведанная Ямщиковым история убийства командующего фронтом в сознании Сталина ляжет, как ложится кусочек смальты в нужное место мозаики, в общую картину событий, уже выстроенную для себя Иосифом Виссарионовичем. И ещё он не мог предсказать, что мужиковатый на вид, но излучающий надёжность генерал понравится вождю. Именно так тот всегда представлял себе истинно русского человека, на каких всегда стояла Россия.

— Оставайтесь пока при мне, товарищ Ямщиков, — довольно улыбаясь, предложил (или приказал?) Верховный. — Максимум через неделю мы найдём способ восстановить ваше честное имя. И работу тоже подыщем. Не знаю, будет ли она отвечать вашим вкусам и наклонностям. Но доверить эту службу я могу только людям, на которых полагаюсь целиком и полностью.

Александр Иванович вытянулся по стойке «Смирно». Какие проблемы — подождать пять или там семь деньков. И припомнил, что сегодня — 17 июня 1941 года.

Из «Военного дневника» генерала Гальдера:

22 июня 1941 года (воскресенье). 1-й день войны

Утренние сводки сообщают, что все армии, кроме 11-й [на правом фланге группы армий «Юг» в Румынии], перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всём фронте полной тактической внезапностью.

Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолёты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать. Можно ожидать ещё большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате быстрого продвижения наших подвижных частей, для чего в настоящее время всюду есть полная возможность. Военно-морское командование также сообщает о том, что противник, видимо, застигнут врасплох. За последние дни он совершенно пассивно наблюдал за всеми проводившимися нами мероприятиями и теперь сосредоточивает свои военно-морские силы в портах, очевидно опасаясь мин.

11.00 — Паулюс сообщил о заявлении статс-секретаря Вейцзеккера. Англия, узнав о нашем нападении на Россию, сначала почувствует облегчение и будет радоваться «распылению наших сил». Однако при быстром продвижении германской армии её настроение вскоре омрачится, так как в случае разгрома России наши позиции в Европе крайне усилятся.

Вопрос о готовности Англии к соглашению с нами он оценивает следующим образом: имущие классы Англии будут стремиться к соглашению, которое предоставило бы нам свободу действий на Востоке, при условии, конечно, что с нашей стороны последуют уступки в вопро-

се о Бельгии и Голландии. Если это направление возьмёт верх, то Черчиллю придётся уйти в отставку, так как он опирается на лейбористскую партию, которая в противоположность имущим классам не заинтересована в мире. Такой мир снова дал бы власть в руки имущих классов, в то время как лейбористская партия сама стремится к власти. Следовательно, она будет продолжать борьбу до тех пор, пока имущие классы не будут окончательно отстранены от власти. На каких условиях лейбористская партия пойдёт на соглашение с Германией, сказать сейчас невозможно. Совершенно очевидно её резко отрицательное отношение к национал-социализму, так как лейбористская партия находится под сильным влиянием евреев и связана с коммунистами. Во всяком случае, пока что лейбористская партия не склонна к какому-либо соглашению.

На Дальнем Востоке маловероятно, чтобы Япония выступила против Англии. Скорее, как Япония, так и Америка будут избегать втягивания в войну. Германия заинтересована в том, чтобы удержать их обеих от вступления в войну, так как в противном случае война станет необозрима по продолжительности и средствам её ведения и заключение мира в будущем станет крайне сложной и трудной проблемой.

Кинцель, Мацки:

а. Русская моторизованная псковская группа (оперативный резерв) обнаружена в 300 км южнее предполагавшегося ранее района её сосредоточения. Она находится южнее Западной Двины! Это только выгодно для нас.

б. О подтверждении дислокации различных русских соединений.

Перехвачена русская радиограмма: «Штаб 3-й армии разбит. Пришлите истребители».

в. Положение в Сирии стало критическим. Дамаск взят англичанами. Английские моторизованные соединения продвигаются с востока на Пальмиру.

12.00 — Поступили сведения о том, что русские восстановили свою международную радиосвязь, прерванную сегодня утром. Они обратились к Японии с просьбой представлять интересы России по вопросам политических

и экономических отношений между Россией и Германией и ведут оживлённые переговоры по радио с германским министерством иностранных дел.

Капитан 1-го ранга Дойке доложил о боевых действиях на море. Русские проявляют пассивность.

13. 30 — Из оперативного отдела доложили:

а. Командование ВВС сообщило, что наши военно-воздушные силы уничтожили 800 самолётов противника (1-й воздушный флот — 100 самолётов, 2-й воздушный флот — 300 самолётов, 4-й воздушный флот — 400 самолётов). Нашей авиации удалось без потерь заминировать подходы к Ленинграду с моря. Немецкие потери составляют до сих пор 10 самолётов.

б. Командование группы армий «Юг» доложило, что наши патрули, не встретив сопротивления, переправились через Прут между Галацем и Хуши и между Хуши и Яссами. Мосты в наших руках.

Во второй половине дня поступили донесения об успешном продвижении наших войск, в особенности севернее Бреста (группа Гота) и на фронте 4-й танковой группы (Гёппнер).

Италия объявила войну России.

Общая картина первого дня наступления представляется следующей:

Наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была в общем слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным, в результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа).

После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешёл к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место

случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке [штаб 10-й армии], полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов.

Но даже независимо от этого, учитывая влияние «столбняка», едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня боёв смогло составить себе настолько ясную картину обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять радикальное решение.

Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления.

Наши наступающие дивизии всюду, где противник пытался оказать сопротивление, отбросили его и продвинулись с боем в среднем на 10—12 км! Таким образом, путь подвижным соединениям открыт.

На фронте группы армий «Юг» уже в середине дня группа Клейста смогла начать наступление своими северным и [28] центральным корпусами. Если она уже сегодня, что представляется вполне вероятным, успеет выйти к реке Стырь, то завтра и послезавтра её задача будет состоять в том, чтобы расчленить и разгромить по частям моторизованную группу противника, находящуюся восточнее реки Стырь. Это обеспечит ей [группе Клейста] в дальнейшем выход на оперативный простор.

На фронте группы армий «Центр» правый фланг танковой группы Гудериана (3-я и 4-я танковые дивизии) задержался при продвижении через труднопроходимый лесной массив (сомнительно, чтобы этого нельзя было избежать) и в лучшем случае вечером выйдет на автостраду Брест — Минск. Северный фланг танковой группы [Лемельзен (47-й моториз. корпус)] прорвал оборону против-

ника и вышел на оперативный простор. Два ближайших дня покажут, удастся ли Гудериану покончить с моторизованной группой противника, находящейся в районе Минска. Если эта моторизованная группа будет разбита, то оперативный успех танковой группы Гудериана будет обеспечен.

Севернее Белостока танковая группа Гота добилась наиболее крупных успехов. Стремительным броском она преодолела лесисто-озёрный район, вышла к реке Неман и захватила неповреждёнными важнейшие переправы через Неман у Алитуса и Меркене. Танковая группа рассеяла части восьми дивизий противника, брошенных ей навстречу. Теперь перед фронтом танковой группы Гота действуют только разрозненные части противника. Организованное сопротивление отсутствует. На этом участке наши войска, видимо, обеспечили себе свободу действий.

На фронте группы армий «Север» танковая группа Гёпнера, ведя успешные бои, продвинулась до реки Дубисса и овладела двумя неразрушенными переправами. На этом участке в ближайшие дни следует ожидать появления свежих сил противника из глубины, которые будут пытаться приостановить наше наступление.

Задачи групп армий остаются прежними. Нет никаких оснований для внесения каких-либо изменений в план операции. Главному командованию сухопутных войск не приходится даже отдавать каких-либо дополнительных распоряжений. Решение о боевом использовании 11-й армии ещё не созрело.

Хотя наши штурмовые группы уже пересекли в нескольких местах реку Прут и захватили мосты, однако признаков того, что русские намереваются очистить всю территорию между Прутом и Днестром, пока не имеется.

Словакия предлагает немедленно предоставить в наше распоряжение одну подвижную группу в составе усиленного полка, которая к вечеру 23.6 сосредоточится в Прешове. Германское командование выразило своё согласие на участие этой группы в наступлении. Группа будет передана в 17-ю армию.

Далее к 25.6 будут готовы две спешно отмобилизованные дивизии, которые также будут переданы в 17-ю армию.

Венгрия выставила на своей границе прикрытие: две пехотные и три подвижные бригады (последние — во втором эшелоне), объединённые под командованием 8-го [венгерского] армейского корпуса. Никаких политических требований к Венгрии предъявлено не будет. Если военное руководство этих стран хочет участвовать в войне на нашей стороне, то оно должно заставить своих политических деятелей пойти вместе с ним по этому пути.

Командование ВВС сообщило, что за сегодняшний день уничтожено 850 самолётов противника, в том числе целые эскадрильи бомбардировщиков, которые, поднявшись в воздух без прикрытия истребителей, были атакованы нашими истребителями и уничтожены.

ГЛАВА 8

Совещание Совета Народных Комиссаров, связанное с вероломным нападением германских войск на СССР, Молотов собрал в большом кабинете Сталина. Большинство наркомов увидели в этом желание Вячеслава Михайловича в критический момент опереться на авторитет исчезнувшего неделю назад Вождя. Руководители расселись по обе стороны длинного дубового стола, заняв места строго по неписаному, но ненарушаемому ранжиру. Все обратили внимание, что сам нарком иностранных дел, ещё недавно бывший первым заместителем председателя — не только по названию должности, но и фактически, — устроился не в торце, под гербом и знамёнами — там полагалось находиться Хозяину. Верный соратник занял первое кресло в правом ряду. Напротив него, усмехаясь и поблёскивая стёклышками пенсне, развалился Берия.

Первым выступал Жуков. Начальник Генштаба предупредил, что информация далеко не полная и далеко не полностью проверенная. Дальше он бесстрастным тоном докладывал о чудовищных потерях наших

войск, о прорывах немецких танков, о действиях диверсантов в тылу Красной Армии, об отсутствии связи, не дающей возможности управлять войсками. А ведь война шла всего шесть часов. «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей — вершка не отдадим», — не вовремя брякнул кто-то из маловажных начальников, кажется министр кинематографии Иван Большаков.

Никто не улыбнулся. Для подавляющего большинства факты, сообщённые Георгием Константиновичем, были неизвестны. Теперь они начали понимать, что ситуация катастрофическая, грозящая не только каким-то незнакомым трудящимся, имевшим неосторожность поселиться где-то в Минске или ещё дальше на запад, но каждому из них лично. Потому все подавленно молчали.

Чуть слышно скрипнула дверь в комнату отдыха Сталина. В обычной обстановке никто не обратил бы внимания на звук. Но сейчас он прозвучал, подобно раскату грома. Знакомое шуршание мягких сапог по ковру. Хозяин, как он делал это всегда, прошёлся за спинами наркомов, вернулся к своему месту во главе стола, обвёл взглядом присутствующих и негромко спросил:

— Ну что, просрали страну, суслики?

Потом не спеша уселся, распотрошил несколько папирос, набил трубку, чиркнул спичкой и с явным удовольствием выпустил клуб синеватого дыма.

Описать эффект появления Вождя невозможно. Немая сцена — и всё тут. Бессильны слова.

Только потом многие заметили, что Иосиф Виссарионович выглядит так, словно он пару месяцев отдыхал где-нибудь в Кисловодске или на побережье в Грузии. Даже седины в смоляных волосах вроде бы меньше стало.

Никто не обратил внимания, что из-за той же двери возникли ещё двое — Мамсуров в свободном ко-

стюме и Ямщиков в новенькой форме с генеральскими знаками различия в петлицах. Они заняли позицию по обе стороны проёма, как часовые. Или конвоиры.

— Выслушивать ваши мнения и предложения считаю ненужным, — глуховатым голосом сообщил Сталин. — Требуется создать единый руководящий орган, назовём его Совет обороны или как-нибудь иначе. Его распоряжения обязательны для всех. Персональный состав будет сообщён сегодня к вечеру. Сейчас всем предлагаю заняться неотложными делами.

Наркомы молча потянулись к выходу. Каждый испытывал чувство облегчения. И страх.

— А тебя, Лаврентий, я попрошу остаться, — произнёс Хозяин с двусмысленной усмешкой под усами.

— Я знаю всё, Лаврентий, — сказал Сталин, глядя в лицо главы НКВД. — И то, что ты творил до... нашей последней встречи. И что успел нагадить, пока я болел.

Берия стоял перед столом, бледный, с мокрым от пота лицом. Даже стёкла пенсне запотели и перестали сверкать.

— Твоё счастье, что мне нужна бомба. Срочно. От остального я тебя освобождаю. Твоими связями с Гейдрихом займутся другие люди. Твоя функция — подписывать, что принесут. Внутренними делами и госбезопасностью станет заведовать Заковский. А ты на повышение пойдёшь.

И самое главное: ты доказал, что ты хитрее и подлее шакала и гиены. Потому с этой секунды рядом с тобой всегда будут эти двое. — Хозяин указал на Мамсурова и Ямщикова. — Они будут с обоих боков в сортире, в душе. Ты будешь с бабой, они обязаны присутствовать. Уговоришь держать свечку, дело твоё. Но запомни: один из них ежесуточно будет докладывать о твоих успехах лично мне и, по его направлениям, — Заковскому. Глупостей не делай. Вешаться не надо.

Пытаться сбежать — тем более. Помнишь такую формулу — «При попытке к бегству»? Так вот, тебя при подобной попытке не убьют, не надейся. Справишься в срок — наградим. Нам не важно, что человек думает. Нам важно — что и как он делает. Понял?

Лаврентий Павлович кивнул. Он всё понял.

К сожалению, все описанные здесь события не оказали никакого влияния на ход истории. Курчатов с соратниками так и не сумели в течение следующих шести лет создать работоспособный образец бомбы. Начавшееся внедрение ракетной техники в войска оказало хотя и серьёзное, но далеко не решающее воздействие на ход войны, закончившейся лишь летом сорок четвёртого года.

Хаджи-Умар Мамсуров только раз покинул пост, когда по личному приказу Сталина отправился арестовывать командующего Особым Западным военным округом генерала армии Д. Г. Павлова. Как и предыдущие задания, это он выполнил образцово.

Увидев «майора Ксанти», Дмитрий Григорьевич попытался бежать, как незадачливый любовник от ревнивого мужа, выпрыгнул со второго этажа в окно, подвернул ногу и был схвачен «при попытке к бегству», что никак не облегчило его положения. Впрочем, и не ухудшило — хуже уже было некуда.

Странная служба Ямщикова и Мамсурова закончилась 26 июня 1953 года, когда Лаврентий Берия без суда и следствия был расстрелян в бункере штаба ПВО МВО.

Богдана Кобулова вместе с группой сторонников бывшего наркома внутренних дел также казнили в 1953 году.

Судьбы Н. Эйтингона и Х.-У. Мамсурова сложились куда более счастливо.

Но это совсем другая история.

Постановление 3-го Управления НКО СССР
на арест Павлова Д. Г.
6 июля 1941 г.

«Утверждаю» Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза (Тимошенко)
6 июля 1941 г.
Арест санкционирую. Прокурор Союза ССР (Бочков)
6 июля 1941 г.
Постановление
(на арест)

Павлов Д. Г.

Гор. Москва, 1941 г., июля «...» дня. Я, заместитель начальника следственной части 3-го Управления НКО СССР старший батальонный комиссар Павловский, рассмотрев поступившие материалы о преступной деятельности Павлова Дмитрия Григорьевича, бывшего командующего фронтом, 1897 года рождения, из крестьян Костромской губернии, военнослужащего, члена ВКП (б) с 1919 г., нашёл: Павлов в 1914—1915 гг. примыкал к анархистам. Привлекался к партийной ответственности за примиренчество к правому уклону. С 1916 по 1919 г. был в плену в Германии. Готовил в СССР агентов для проведения пораженческой агитации, распространения антисоветских листовок и разного рода провокационных слухов.

Имеющимися материалами за период с 1928 по 1938 г. характеризуется как проводивший в практике своей работы очковтирательство, особенно в период работы командиром 4-й мехбригады БОВО, когда, пользуясь информацией вышестоящих начальников о предстоящих учениях и смотрах, соответствующим образом «подготавливал» и «решал» поставленные задачи.

В боевой обстановке командовал неумело, в связи с чем были ненужные жертвы.

Так, будучи командиром 6-го мехполка, не сумел обеспечить выполнение полком боевой задачи и в момент преследования противника на сопке «Мать» допустил ряд тактических ошибок.

В бою и на учениях недооценивал разведку.

Привлекался к партийной ответственности за разглашение военной тайны.

Павлов неоднократно восхищался обучением германской армии и её офицерством как в бытность пребывания в Испании, так и раньше.

Будучи командиром 4-й мехбригады, Павлов пользовался неизменным покровительством Уборевича и всю свою работу в бригаде строил в угоду ему.

Павлов был тесно связан с врагами народа — Уборевичем, Рулёвым (бывшим нач. АБТ войск БВО), Бобровым (быв. нач. штаба БВО), Карпушиным (быв. пом. нач. штаба БВО), Мальцевым (быв. нач. отдела БВО). Арестованные участники антисоветского военного заговора, быв. Начальники Разведуправления РККА Урицкий, Берзин, быв. командующий БВО Белов, быв. нарком Военно-Морского Флота Смирнов и быв. нач. штаба 21-й мехбригады Рожин, изобличают Павлова как участника этого заговора.

Арестованный Урицкий показал:

Особую энергию в направлении в Испанию своих людей — заговорщиков проявил Уборевич, преследуя при этом помимо целей проведения там подрывной работы выведение из-под удара особо активных заговорщиков угрожавшего им здесь провала.

Из активных заговорщиков по рекомендации Уборевича при моём активном участии был направлен Павлов, которому я дал указание создать в Испании танковые части с участием испанцев, возглавив их участниками заговора, имея целью использовать эти части для свержения республиканского правительства.

В составе группы Павлова было несколько взятых из БВО заговорщиков, и он должен был проводить свою работу, опираясь на них.

Находясь в Испании, Павлов имел регулярную переписку с Уборевичем, посылая некоторые письма ему через меня, а некоторые — через нарочных.

В марте 1937 г. я получил информацию о заговорщической работе от Павлова, которой он довольно подробно описывал свою предательскую работу: он создал из иностранных троцкистов и части анархистов одну танковую роту, имея, кроме того, своих людей в остальных подразде-

лениях испанского батальона; создал заговорщические связи в ряде бригад Центрального Фронта, в частности среди коммунистов — командиров.

Павлов настаивал на присылке новой материальной части для создания новых частей, находящихся под влиянием заговорщиков, для этого же он просил дополнительной присылки заговорщиков из Советского Союза, куда он был командирован по предложению Уборевича, имел с последним непосредственную связь, отчитываясь в своих действиях перед ним. В Испании Павлов близко сошёлся с Берзиным и вместе с ним проводил предательскую линию, направленную на поражение войск Республиканской Испании. Здесь Павлов поощрял трусов, троцкистов, которых незаслуженно представлял к наградам, и издевательски относился к бойцам-испанцам, разжигая среди них национальную вражду (Арман освобождён, и дело его производством прекращено).

В Испании Павлов был исключительно тесно связан с ныне арестованными Смушкевичем и Мерецковым.

По заявлению Болтина (быв. комиссар отряда Павлова), в Испании в апреле 1937 г. имел место следующий факт: штаб бригады Павлова передвигался на Мадридском фронте и занял виллу какого-то маркиза. На вилле была обнаружена большая библиотека, среди книг которой была найдена и немедленно уничтожена книга Троцкого «Моя жизнь», изданная в 1936 г. в Берлине на немецком языке. Узнав об этом, Павлов мне сказал: «Здесь обнаружена книга Троцкого, и ты сжёг её. Неправильно, пусть люди читали бы». Работая в должности начальника АБТУ Красной Армии, проявлял недовольство:

В беседе 23 августа 1938 г., говоря о трудностях работы, Павлов начал жаловаться, что он по некоторым вопросам ничего не может сделать и что он вообще маленький человек. На замечание, что не следует прибедняться, он ответил: «Бросьте эти чины пересчитывать, на самом деле я маленький человек, на меня могут прикрикнуть, мне могут приказать, и я должен выполнять».

С особой обидой Павлов далее продолжал: «На меня может написать каждая сволочь, а я должен отвечать и давать объяснения».

На основании вышеизложенного и имея в виду, что вышеуказанными материалами Павлов Дмитрий Григорьевич изобличается в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58—1«б» и 11 УК РСФСР, руководствуясь ст. 145 и 158 УПК РСФСР,

постановил:

Павлова Дмитрия Григорьевича арестовать по месту нахождения и подвергнуть обыску.

Зам. начальника следчасти 3-го Управления НКО СССР
Старший батальонный комиссар (Павловский)

«Согласен» — зам. начальника 3-го Управления НКО СССР
дивизионный комиссар (Тутушкин)
5 июля 1941 г.
ЦА ФСБ России

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог 5

Часть первая. ЛОВЕЦ ЧЕЛОВЕКОВ 10

Часть вторая. «ВРАНЬЁ ВРАНЬЁМ
ВРАНЬЮ ХРЕБЕТ ЛОМАЯ» 437

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Звягинцев Василий Дмитриевич
Хазанов Геннадий Николаевич

PARA BELLUM

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Л. Михеева*
Корректор *А. Мартынова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86,8 (495) 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251-59-89,90,91,92, факс: 8 (727) 251-58-12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: http://eksmo.ru/certification/

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.01.2015.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64.
Тираж 8000 экз. Заказ № О-197.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ISBN 978-5-699-78953-5

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, *обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.*
E-mail: **ivanova.ey@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород, ул.
Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.
В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге,
ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 500-88-23.
В Донецке: ул. Складская, 5В, оф. 107. Тел. +38 (032) 381-81-05/06.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-01-71.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. **rdc-almaty@mail.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: **imarket@eksmo-sale.ru**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Para Bellum

Действия Андреевского Братства нарушили «гармонию сфер», которую даже в своем непримиримом противостоянии пытались сохранить аггры и форзейли, превратили отдельные реальности в «обитаемые острова», разделенные океаном времени и законов Вселенной, изменив в них течение событий и поведение ключевых персонажей. Но любой шторм когда-то кончается, и волны стихают. Что остается на берегу? Какой импульс может предотвратить, например, великую войну, а какой окажется недостаточным, и история вернется в прежнее русло? 1941 год. Советский Союз. Попытка устранить Сталина. Ошибка или спасение? И какова цена этого опыта, проведенного над временем, страной, тысячами людей?

ISBN 978-5-699-78953-5